

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Берлизов Александр Николаевич

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ НАСЕЛЕНИЯ АЗИАТСКОГО БОСПОРА
VI – IV ВВ. ДО Н.Э.**

Исторические науки: 5.6.3. Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Том 1

Научный руководитель
д.и.н. А.А. Завойкин

Москва
2024

Содержание

ТОМ 1

Содержание	2
Введение	4
Глава 1. Историография исследований погребальных обрядов Азиатского Боспора.....	17
1.1. Основные направления в изучении погребальных обрядов Азиатского Боспора в отечественной историографии.....	17
1.2. Изучение античных погребальных традиций в зарубежной историографии.....	31
1.3. Состояние тафологии Азиатского Боспора на современном этапе	43
Глава 2. Общая характеристика некрополей Азиатского Боспора и его окружения в VI–IV вв. до н.э.....	51
2.1. Некрополи первой группы.....	52
2.2. Некрополи второй группы.....	92
2.3. Некрополи третьей группы.....	106
Глава 3. Анализ погребальных обрядов некрополей Азиатского Боспора VI – IV вв. до н.э.	112
3.1. Методика исследования погребальных обрядов.....	112
3.2. Эволюция погребальных обрядов некрополей Азиатского Боспора VI–IV вв. до н.э.	125
3.3. Особенности обрядов, связанные с возрастом погребенных	161
3.4. Отличительные черты обрядов, связанные с полом погребенных	205
3.5. Сравнительный анализ погребальных обрядов	213

Глава 4. Погребальные обряды Азиатского Боспора VI–IV вв. до н.э. в историческом контексте.....	223
4.1. Основные принципы интерпретации погребальных обрядов как исторического источника	223
4.2. Погребальные обряды и этническая история региона.....	227
4.3. Погребальные обряды и социальная история региона.....	300
4.4. Погребальные обряды и демография региона.....	345
4.5. Погребальные обряды и событийная история Азиатского Боспора	370
Заключение.....	402
Список источников и литературы.....	409
Сокращения.....	459
ТОМ 2	
Содержание.....	2
1. Код описания погребального обряда	3
2. Графы (дендрограммы) и графики (1-45).....	24
3. Классификация погребальных традиций Азиатского Боспора VI–IV вв. до н.э.	134
ТОМ 3	
Содержание.....	2
4. Карты (1-9).....	3
5. Таблицы (1-8)	18
6. Иллюстрации (1-17)	183

Введение

Актуальность темы исследования. Погребальный обряд относится к числу важных и весьма информативных исторических источников, являясь одним из наиболее консервативных элементов духовной и материальной культуры. В нем могут находить отражение этнический состав общества, его социальная стратификация, палеодемографические особенности, религиозные представления населения, оставившего погребальные памятники. Эволюция погребальных традиций на протяжении длительных периодов времени может быть рассмотрена также в контексте политической истории Боспорского государства.

Исследование погребальных традиций населения Азиатского Боспора VI–IV вв. представляется весьма актуальной задачей, поскольку оно позволяет получить новую информацию о греческой колонизации Таманского п-ова и Синдики, о процессах, обусловленных возникновением и становлением Боспорского государства, и иных значимых исторических событиях и процессах, которые слабо отражены либо вовсе не освещены письменными источниками или поселенческими памятниками археологии.

Изучение боспорских погребальных памятников дает возможность судить об этническом составе населения региона и его социальной стратификации. В погребальной обрядности населения Азиатского Боспора в той или иной степени отражаются и религиозные воззрения боспоритов. Исследование погребальных обрядов позволяет более полно и конкретно понять некоторые значимые события военно-политической истории Боспорского государства.

Об актуальности заявленной темы свидетельствует неослабевающий интерес исследователей. К погребальным памятникам Боспора обращались М.И. Ростовцев (1925), В.Ф. Гайдукевич (1949. С. 233–297; 1959. С. 154–238),

Е.Г. Кастанаян (1959. С. 257–295), Н.П. Сорокина (1957. С. 1–64; 1961. С. 46–52; 1962. С. 99–105), А.К. Коровина (1962. С. 301–313; 1964; 1969. С. 113–115), Г.А. Цветаева (1968); Ю.М. Десятчиков (1974), И.Т. Кругликова (1977. С. 65–80; 1982. С. 117–149), А.А. Масленников (1981), Е.М. Алексеева (1991. С. 7–9, 28–36, 51–65), Я.М. Паромов (2002. С. 192–206; 2003 С. 239–265), Ю.А. Виноградов (2005), Н.И. Сударев (2005; 2016. С. 333–340; 2017. С. 182–190), С.В. Кашаев (2009. С. 217–218; 2009а. С. 188–267; 2013. С. 190–215). Однако полученные этими исследователями сведения и выводы сегодня могут быть существенно дополнены и уточнены, поскольку в течение последних 20 лет в результате исследований на Таманском п-ове и в Синдике источниковая база по интересующей нас проблеме существенно расширена. Раскопаны и частично опубликованы новые захоронения ряда некрополей: Фанагории, Тузлы, Гермонассы открыты и исследованы ранее неизвестные грунтовые некрополи – Артющенко 2, Виноградный 7, Волны 1 (всего 1069 погребений¹).

Кроме того, актуальность выполненной работы обусловлена тем, что в ней широко использованы методы статистико-комбинаторного анализа, ранее не применявшиеся при изучении погребальных памятников данного региона VI–IV вв. до н.э.

Степень разработанности темы исследования. Исследование погребальных обрядов населения Боспора начинается с публикаций археологических материалов. Среди них выделяются написанные в дореволюционный период работы А.Б. Ашика (1848), К.К. Герца (1898) и В.В. Шкорпила (1914; 1916), в которых содержатся обобщенные сведения о проведенных раскопках памятников. Первый опыт анализа боспорских некрополей, исследованных в дореволюционный период, представлен в монографии М.И. Ростовцева «Скифия и Боспор» (1925).

¹ Указано количество захоронений, включенных в базу данных исследования.

На протяжении 1920–1950-х годов продолжались раскопки некрополей, особенно интенсивно они велись в послевоенное время. Наиболее информативными для данного исследования являются работы В.Д. Блаватского (1940; 1941) и М.М. Кобылиной (1951), посвященные некрополю Фанагории. Представляет интерес статья И.Д. Марченко (1956) о восточном некрополе Фанагории, отражающая результаты раскопок в 1950–1951 гг. К этому же этапу относится и монография Н.П. Сорокиной, посвященная некрополю у м. Тузла (1957). В 1960–1990-х годах публикуются новые работы, посвященные исследуемой проблематике. В особенности следует отметить диссертационное исследование А.К. Коровиной «Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э.» (1964), в котором представлены результаты изучения не только курганных, но и всех известных на период написания данной работы (с дореволюционного периода до 60-х гг. XX в.) грунтовых некрополей Азиатского Боспора.

Обобщение результатов раскопок некрополей Боспора VI–II вв. до н.э. представлено в монографии А.А. Масленникова «Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э.» (1981) и в соответствующем разделе тома «Античные города Северного Причерноморья» в серии «Археология СССР» (1984).

На сегодняшний день наиболее полным и подробным исследованием погребального обряда греков Боспора является диссертация Н.И. Сударева (2005). В ней изучаются грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник. Инновацией в данной работе стало использование формализованного описания некрополей рассматриваемого региона в ИПС «Боспор». Это позволило оперативно обработать значительный объем материала (около 6000 захоронений). Формализация процедуры изучения погребальных памятников успешно применялась при анализе погребальных традиций племен Прикубанья сарматского времени (Берлизов и др., 2003. С. 126–133). Статистико-комбинаторные методы все чаще используются для

изучения погребальных памятников эпохи РЖВ и Средневековья. Среди наиболее известных работ в данной области выделяются труды А.Г. Атавина (1995); Г.Е. Афанасьева (1993), М.Г. Мошковой (1994; 1997; 2002; 2009), И.И. Марченко (1996. С. 169–187), Д.С. Коробова (2011; 2023 С. 107–121).

Вместе с тем, в научный оборот был введен огромный материал из раскопок последних лет, требующий изучения с применением новых подходов и методов, чем обусловлена необходимость проведения данного исследования.

Объектом исследования являются погребальные обряды населения Азиатского Боспора VI–IV вв. до н.э.

Предметом – хронологические и территориальные изменения погребальных традиций населения Азиатского Боспора в VI–IV вв. до н.э.

Цель исследования – всесторонняя характеристика погребальных обрядов населения городов и сельских поселений Азиатского Боспора VI–IV вв. до н.э. в историческом контексте.

Поставленная цель предполагает последовательное решение следующих **задач**:

1. Критический анализ историографии, посвященной изучению погребальных обрядов Азиатского Боспора в контексте античной тафологии.
2. Общая характеристика некрополей Азиатского Боспора и его окружения в VI–IV вв. до н.э. и создание базы данных для изучения материалов захоронений рассматриваемого региона;
3. Разработка эффективной методики комплексного исследования, позволяющей выявить особенности эволюции погребальных обрядов, а также специфику практик захоронения, связанную с полом и возрастом погребенных;
4. Классификация погребальных обрядов, зафиксированных в некрополях Азиатского Боспора в VI–IV вв. до н.э., которая дает возможность определить характер погребальных традиций в каждом из некрополей региона и сравнить погребальные памятники между собой.

5. Изучение погребальных традиций населения Азиатского Боспора в контексте этнической, социальной, демографической и событийной истории региона VI–IV вв. до н.э.

Территориальные рамки исследования определяются историческими границами «азиатской» части Боспорского государства. Прежде всего, это территория Таманского п-ова, а также земли современных Анапского, части Крымского и Новороссийского районов (древняя Синдика), где также расположены исследуемые в работе памятники.

Для сравнительного анализа погребальных обрядов с традициями населения сопредельных территорий были привлечены опубликованные данные о памятниках Европейского Боспора (Восточный Крым), памятниках с территории распространения меотской культуры Восточного Приазовья и Закубанья, и кроме того – материалы отдельных некрополей материковой Греции и западного побережья Малой Азии (Иония), где располагались метрополии колоний, появившихся в интересующем нас регионе в ходе Великой греческой колонизации.

Хронологические рамки работы определяются VI–IV вв. до н.э. Нижняя дата обусловлена началом ионийской колонизации территории Азиатского Боспора, а верхняя – завершением процесса формирования Боспорского государства, включившего земли полисов и некоторых варварских племен (синдов) на периферии, и окончанием первого периода исторического развития державы ранних Спартокидов (ее расцвет). Эти значимые процессы с большой степенью вероятности должны были отразиться на погребальных традициях населения, прежде всего, на их территориальном распространении. Часть варварских племен, земли которых на тех или иных условиях вошли в состав государства Спартокидов (или оказались в сфере влияния Боспора), приобретала больше возможностей для тесных контактов с боспорским

эллинизмом, а само население греческих городов (полисов), объединенных рамками единого государства, получило большую мобильность в его границах.

Методологическую основу исследования составляют принципы научной объективности, историзма и диалектики. Используются методы: сравнительно-исторический (для сопоставления разных некрополей), описательный (применен при характеристике погребальных памятников), ретроспективный метод (использован для выявления истоков погребальных традиций рассматриваемого периода).

Для обработки и верификации полученных данных в исследовании, наряду с традиционными методами археологии, использованы статистико-комбинаторные методы, в частности, фактор- и кластер-анализ, что позволило более обоснованно выявить типы и варианты погребальных обрядов населения изучаемого региона. Большой объем выборки изученных погребений (всего 2942 погребения, в том числе 1536 – непосредственно в некрополях Азиатского Боспора) дает возможность нивелировать погрешности, возникающие при применении такой методики, и повышает объективность проводимого исследования.

Источники исследования. Используемый для исследования материал можно разбить на три группы: письменные, эпиграфические и археологические источники.

В первую группу вошли свидетельства, содержащие информацию об основании эллинами колоний в исследуемом регионе, об общественно-политическом устройстве греческих полисов, о некоторых событиях этнической, социальной, демографической и событийной истории Азиатского Боспора.

К письменным источникам относятся сочинения греческих и римских авторов (главным образом, исторические и географические). Были рассмотрены свидетельства ранних писателей – Гекатея Милетского (Hecat. fr. 164, 165, 166,

197, 198), Геродота (Hdt. I. 168; IV. 123; VI. 78.3); сочинения эпохи классики – Ксенофонта (Xen. Lac. I-IV); Аристотеля (Arist. Ath. pol. 42. 3-5), Псевдо-Скилака (Ps.-Skil. 72); позднего эллинизма – Псевдо-Скимна (Ps.-Scymn. Per. 768, 798, 813–814, 886–887, 899; X. V.5.3f.) и Диодора Сицилийского (Diod. XII. 31, 1; XX. 20–24). Важную информацию содержат труды раннеимператорского времени: Страбона (Strab. VII. 4. 4; VII. 6. 1; VII. 6. 2.; XII. 3. 2; XI. 2. 14), Гая Плиния Секунда (Plin. NH. IV. 87), Плутарха (Plut. Lic. I. 17; Quaest. conv. 21), Флавия Арриана (Arr. PPE. 14, 30; Ps.-Arr. 74; 77), Полиэна (Polyaen. VIII. 55), а также комментарии раннесредневековых историков к сочинениям античных авторов: схолии Евстафия к Аполлонию Родосскому (Schol. ad Apoll. Rhod. IV. 321; Schol. A.R. VI. 322) и Дионисию Перизэгету (Eust. Comm. ad Dion. Per. 549). Сведения письменной традиции о событийной истории Азиатского Боспора дополняются данными эпиграфики. Эпиграфические памятники составляют вторую группу источников, в которую входят: надгробия боспоритов и иностранцев (КБН 180, 991, 1223, 1233; Яйленко, 1986. С. 222–226, рис. 9, 13; Белова, 1977. № 1), декреты правителей Боспора (МИС 1, 3, 4, 32; КБН 1–5, 37 и др.), посвятительные надписи с упоминанием титулатуры Спартокидов (КБН 6, 6а, 8, 9, 10, 11, 971, 972, 1014, 1015, 1037, 1038, 1039, 1040), списки имен (КБН 1056, 1137; Болтунова, 1986. С. 59, сл., № 18), и др.

Наиболее обширную и конкретную информацию о погребальных традициях региона содержит третья группа источников, которую составили опубликованные и архивные сведения о раскопках 24 грунтовых и курганных некрополей Азиатского Боспора и 42 могильниках его «варварского» окружения. Собрана информация о 1536 непо потревоженных погребениях региона. В качестве материала для сравнения использована информация об обрядах 1406 погребений из некрополей Европейского Боспора, других регионов Северного Причерноморья и их реальных или вероятных метрополий

в Ионии и Восточной Фракии², а также могильников, расположенных на «варварской» периферии Боспора, относящихся к скифской, протомеотской, меотской и синдской культурам.

Научная новизна работы обусловлена привлечением значительного объема новых данных, поскольку в течение последних лет база источников по погребальному обряду Азиатского Боспора существенно расширилась. В нее вошли некрополи: Виноградный 7 (более 800 погребений), Волны 1 (более 2000 погребений), у м. Тузла (до 100 погребений), Артющенко 2 (около 200 погребений) и др. Значительная часть новых материалов была использована в работе³.

На основе расширенной базы источников (в том числе и за счет привлечения материалов курганных некрополей) в работе предложена оригинальная интерпретация материала, что стало возможным, благодаря применению модифицированной методики статистического анализа, позволившей существенно скорректировать результаты, полученные в предшествующих исследованиях.

Впервые предпринята попытка комплексного анализа погребальных памятников изучаемого региона VI–IV вв. до н.э., разработана классификация погребальных обрядов в некрополях, а также выявлено их зональное распределение. Все это позволило предложить вариант интерпретации полученных сведений в аспекте этнической, демографической, социальной и событийной истории рассматриваемого региона.

² Имеются в виду некрополи Абдеры VI – первой половины вв. до н.э.

³ Автор выражает глубокую признательность коллегам, предоставившим для работы неопубликованные материалы своих раскопок: С.С. Горланову (могильник Родники 2), Д.А. Карпову (некрополь Виноградный Северо-Восточный), С.В. Кашаеву (некрополь Артющенко 2), А.В. Кондрашеву (некрополь у м. Тузла), В.Д. Кузнецову, (юго-восточный некрополь Фанагории), Р.А. Мимоходу, П.С. Успенскому, И.В. Цокур (некрополь Волны 1), Н.И. Судареву (некрополи Гермонассы, Береговой 4, Виноградный 7, Виноградный Северо-восточный), а также за возможность ознакомиться с полевыми дневниками Н.И. Сокольского и Н.П. Сорокиной, Е.М. Алексеевой – за предоставленную для ознакомления неопубликованную рукопись монографии «Некрополь Горгипсии».

Теоретическая значимость работы. Результаты проведенного исследования имеют важное теоретическое значение для определения зонального распределения погребальных обрядов Азиатского Боспора. Уточнена хронология изменений в погребальных традициях, что расширяет существующие представления об этнической, демографической, социальной и событийной истории населения Таманского п-ова. На основании глубокого анализа археологического материала дополнены сведения о характере греко-варварских отношений в регионе в период колонизации и интеграции Синдикы в состав державы Спартокидов, а также о миграционных процессах в Боспорском государстве.

Практическая значимость исследования. Полученные результаты могут быть использованы при написании научных исследований и разработке учебно-лекционных курсов, посвященных греческой колонизации Северного Причерноморья, истории боспорских полисов и процессу формирования государства Спартокидов, а также связанных с изучением этнополитической ситуации в регионе в VI–IV вв. до н.э.

Личное участие автора в подготовке диссертации. Автором осуществлён сбор и систематизация опубликованных и архивных материалов 24 некрополей Азиатского и 4 некрополей Европейского Боспора, 5 некрополей материковой Греции и Малой Азии и 42 могильников варварской периферии Боспора.

Были уточнены абсолютная и относительная хронология вновь открытых погребальных комплексов некрополя Волны 1. Создана и обработана методами многомерного анализа электронная база данных, включившая в себя сведения о 2942 захоронениях, описанных 111 признаками.

Разработана методика комплексного анализа и обработки полученного материала с использованием новых технологий, включающих методы многомерного математического анализа и ГИС.

Автор принимал личное участие в исследованиях некрополей Виноградный 7, Волны 1, некрополя у м. Тузла; участвовал в подготовке научных отчетов о раскопках поселения и некрополя Волны 1 за 2017 и 2018 гг.

Степень достоверности результатов. Достоверность полученных результатов и обоснованность выводов обеспечивается значительным объемом использованного фактического материала, в том числе из раскопок последних лет, масштабы и качество фиксации которых на порядок превышают весь объем имевшейся ранее информации о погребальных памятниках Азиатского Боспора исследуемого периода. Необходимо отметить и значительный объем привлеченных сравнительных материалов. Уровень достоверности получаемых результатов повышается благодаря применению оригинальной методики обработки материала с привлечением статистических методов, а также учету всех достижений исследователей предыдущих поколений в рассматриваемой области. Существенную роль играет и использование в большем, чем раньше, объеме результатов профессиональных антропологических исследований.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сформировавшиеся на территории Азиатского Боспора в VI–IV вв. до н.э. погребальные традиции всегда отражали представления социума о нормах погребения умерших с учетом их пола, возраста, социального положения и проч. Выработанные правила могли меняться в течение времени, распространяться или исчезать с изучаемой территории, что неизменно было обусловлено значимыми историческими событиями. Интерпретация этих изменений помогает соотнести их с событийной историей рассматриваемого региона.

2. В работах, рассматривающих погребальные обряды античного мира, выделяются этнический, социальный, ритуально-религиозный и демографический подходы. Кроме того, в изучении обряда похорон обнаруживается направление, в котором рассматривается его связь с событиями военной и политической истории. В

трудах отечественных исследователей ведущим направлением остается этнический подход, а в работах зарубежных ученых преобладают религиозно-мифологический, хронологический и социальный подходы. Наиболее перспективным для анализа погребальных обрядов Азиатского Боспора является комплексное исследование, интегрирующее все направления, с использованием антропологических определений, методов статистического анализа и ГИС-технологий.

3. Предложенная в диссертации методика, интегрирующая традиционные археологические подходы и статистические методы с применением ГИС-технологий, позволяет выявить уникальный набор признаков, связанный с «широкой» (с точностью до века) и «узкой» (с точностью до 25 лет) датировкой захоронений, и выделить три «базовых»⁴ периода в истории существования некрополей Азиатского Боспора: 1) вторая половина VI – первая половина V в. до н.э.; 2) вторая половина V – первая половина IV в. до н.э.; 3) вторая половина IV – рубеж IV–III вв. до н.э.

4. В исследованном массиве некрополей Азиатского Боспора выделяются три группы, различающиеся по степени информативности представленного в них материала. В каждом из исследованных некрополей сосуществовали разные погребальные традиции. В рассматриваемом регионе погребальные обряды формировались и изменялись под влиянием разных факторов (этнического, социального, демографического, военно-политического).

5. Выявлена связь особенностей погребального обряда с возрастом погребённых. В некрополях Фанагории, Гермонассы, у м. Тузла, Виноградного 7, Вышестеблиевской 21 и Виноградного Северо-Восточного обнаруживаются

⁴ Поскольку смена наборов погребальных практик в некрополях происходила неравномерно, датировать этот процесс в пределах более узкого хронологического интервала не представляется возможным. Поэтому в исследовании предложена периодизация, учитывающая изменения погребальных традиций на всей территории Азиатского Боспора.

характерные черты обряда в пяти возрастных группах, а в некрополях Волны 1 и Артющенко 2 – в четырех.

В 7 некрополях Азиатского Боспора (Волны 1, Артющенко 2, Фанагории, у м. Тузла и пос. Виноградный (Виноградный 7; Вышестеблиевская 21, Виноградный Северо-Восточный) прослежены отличительные особенности погребальных обрядов, связанные не только с возрастом, но и полом погребенных.

Некоторые особенности погребальных традиций были обусловлены имущественным расслоением населения и прижизненным социальным статусом погребенных.

6. Изучение погребальных традиций населения позволяет дополнить и расширить существующие сведения по истории Азиатского Боспора времени полисной автономии (VI–V вв. до н.э.) и в составе сложившегося в конце V – IV в. до н.э. единого Боспорского государства.

Апробация результатов исследования проводилась в ходе 12-ти международных, всероссийских и межвузовских научных и научно-практических конференций.

Основные положения исследования отражены в текстах 19-ти научных статей, в том числе в 4-х, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений, и 6 Приложений.

Глава 1. Историография исследований погребальных обрядов Азиатского Боспора в контексте античной тафологии

Хотя в отечественной археологии изучению некрополей, в том числе и памятников Азиатского Боспора, уделяется большое внимание, погребальные традиции продолжают оставаться малоисследованным феноменом, поскольку их анализ сложен и многоаспектен. Очевидно, рассмотрение погребальных обрядов региона без соответствующей систематизации и оценки трудов, посвященных этому вопросу, может быть серьезно затруднено. История исследования памятников Азиатского Боспора представляет собой непрерывный двухсотлетний процесс, в течение которого воззрения на погребальный обряд заметно менялись, что обусловило формирование различных направлений в его изучении.

Изучение погребальных обрядов региона неразрывно связано с исследованием погребальных традиций античного мира и тафологии в целом. Поэтому представляется важным проследить эволюцию взглядов на погребальный обряд в трудах отечественных и зарубежных ученых. Безусловно, помимо теоретических исследований, существует много работ, посвященных исключительно публикации результатов раскопок некрополей Азиатского Боспора. Как представляется, их целесообразно рассмотреть в данной главе. Обзор же эволюции взглядов исследователей на методику изучения погребальных памятников и обрядов представлен в Главе 3.

В настоящей работе за основу приняты подходы к историографии проблемы, предложенные В.И. Гуляевым (2010. С. 5–19) и Н.И. Сударевым (2005).

1.1 Основные направления в изучении погребальных обрядов и проблемы тафологии Азиатского Боспора в отечественной историографии

С накоплением материалов, полученных при раскопках некрополей Азиатского Боспора, исследователями стали осуществляться попытки интерпретации их результатов, начали формироваться разные подходы и направления в их исследованиях.

Вслед за Н.И. Сударевым (2005. С. 7–15) можно выделить этническое, социальное, ритуально-религиозное, демографическое направления, а также направление, в котором погребальные обряды рассматриваются в контексте социально-политической истории. Их разграничение носит условный характер, поскольку выбор авторами какого-либо приоритетного подхода при интерпретации источника обычно диктуется конкретными задачами его исследования, особенностями изучаемого археологического материала и историко-политическим контекстом. В некоторых работах материал интерпретируется с позиций не одного, а нескольких из этих направлений.

Этническое направление.

В основе этого направления лежит обоснованное суждение, что боспорские эллины, обитающие на северо-восточной окраине ойкумены, с самого начала освоения этой территории и на протяжении всех последующих столетий вступали в контакты с «варварскими» племенами, автохтонными или пришлыми. Эти контакты (культурные, торгово-экономические, военные и др.) непосредственным образом влияли на облик греческой материальной и духовной культуры, ее традиции, в том числе и погребальные. Сформировавшееся в науке представление о синтезе греческой и варварской культур, восходящее к идеям М.И. Ростовцева, даже породило представление о «греков-варварском» характере Боспорского государства. Предполагается, что близкое соседство Азиатского Боспора, синдов и меотских племен Нижнего Прикубанья привело к проникновению носителей варварской культуры в состав

населения греческих полисов и их сельских округ (хоры). Таким образом, в некрополях боспорских городов могли оказаться погребальные комплексы негреческого происхождения.

Для этого направления характерно стремление выявить в греческих некрополях обряды «туземного» и греческого населения. Его сторонники рассматривают погребальный обряд как источник по этнической истории населения региона (Сударев, 2005. С. 3).

Зарождение такого подхода в отечественной историографии можно связать с именами А.П. Лаппо-Данилевского, В.К. Мальмберга и М.И. Ростовцева.

В 1894 г. А.П. Лаппо-Данилевским и В.К. Мальмбергом были опубликованы и проанализированы результаты исследований кургана Карагодеуашх (Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894). Они первыми попытались рассмотреть погребальный памятник в контексте греко-варварских взаимоотношений. В их работе помимо описания хода исследований представлен полный анализ материалов раскопок. Данные о находках были сведены в таблицы, где четко определялась их датировка. Предлагалась подробная классификация находок: в отдельные категории выделялись одежда, украшения, предметы роскоши, утварь, предметы упряжи и оружие. Так впервые был применен количественный метод исследования погребальных памятников Азиатского Боспора (Там же. С. 25–79). Рассмотрев каждый из выделенных восьмидесяти трех типов предметов в отдельности, авторы провели сопоставительный анализ всех обнаруженных находок с материалами курганов на территории Тамани, Крыма и подкурганных захоронений степной Скифии. В частности, были привлечены материалы подкурганных захоронений Куль-Обы, Чертомлыка, Александропольского и Семибратних курганов. Анализ позволил отметить близость ряда находок предметам кобанской культуры, выявить

аналогии артефактам из Карагодеуашха в Предкавказье и греческой Малой Азии.

А.П. Лаппо-Данилевский и В.К. Мальмберг стремились объяснить и реконструировать погребальный обряд в захоронениях кургана (Там же. С. 79–93). По набору инвентаря этническое происхождение захороненных не определялось, но особенности конструкции погребального сооружения, по мнению исследователей, указывали на варварское происхождение умерших: учитывался варварский обычай сооружать для уважаемых в обществе людей крупные гробницы, напоминающие просторное жилье, а не могилу (Там же. С. 87). Авторы решили, что курган Карагодеуашх является таким же памятником туземного быта на восточной стороне Боспора, как курган Куль-Оба на западной стороне. Спецификой работы стало использование количественных методов и большого числа письменных источников.

Исследование А.П. Лаппо-Данилевского и В.К. Мальмберга дало толчок к дальнейшему изучению вопроса греко-варварских отношений, осуществленному М.И. Ростовцевым, который обобщил результаты дореволюционных раскопок некрополей, в том числе Азиатского Боспора. Его работа «Эллинизм и иранство на юге России» стала первым обобщающим исследованием, рассматривающим отражение греко-варварских отношений в погребальном обряде (Ростовцев, 1918). Большинство его положений были включены в фундаментальный труд «Скифия и Боспор», появление которого ознаменовало окончательное оформление и преобладание этнического направления в исследованиях погребального обряда (Ростовцев, 1925). В нем были собраны, обработаны и проанализированы материалы раскопок погребальных памятников Азиатского Боспора за весь дореволюционный период. М.И. Ростовцев, изучив материалы и курганных, и грунтовых некрополей региона, первым предпринял попытку выделения греческих и варварских традиций в погребальной обрядности и указал на близость

погребального инвентаря в подкурганых захоронениях рассматриваемого региона находкам, обнаруженным в Малой Азии. Он высказал предположение о существовании на юге России особой «греко-иранской» цивилизации, в которой органично слились греческие и автохтонные элементы, создавшие особый культурный облик Боспора (Ростовцев, 1918. С. 1–8). В русле этой концепции был сделан вывод о наличии культурных заимствований в погребальных обрядах греков и варваров на Боспоре (Там же. С. 53–54). В частности, исследователь указывал на отражение традиционных верований скифского народа в изображениях на ритуальных сосудах. В качестве примера приводился сюжет, представленный на ритоне из захоронения в кургане Карагодеуашх (Там же. С. 74). М.И. Ростовцев выделил характерные для варварских захоронений обрядовые признаки: наличие в погребениях полного набора вооружения, трупоположение покойного в деревянном гробу, использование в погребении подстилок из морской травы (Там же. С. 64–69). Он отметил греческое влияние в подкурганых захоронениях, которые считал погребениями скифской знати. По его мнению, скифы, пришедшие на Боспор, под влиянием греков изменили как форму погребального сооружения, так и сам погребальный обряд. Отмечалось и наличие варварского влияния на обряд похорон боспорских греков (Там же. С. 86). М.И. Ростовцев утверждал, что в ряде курганов Азиатского Боспора (Большая и Малая Близницы, Васюрина гора и др.) греческий обряд погребения слился со скифским. Причину этого он видел в наличии общих взглядов греков и скифов на «геройские погребения» (Там же. С. 123–124). Именно на Азиатском Боспоре, ввиду особого исторического и географического положения региона, процесс культурных заимствований протекал наиболее интенсивно. Работа М.И. Ростовцева стала прологом к последующему более глубокому исследованию этого процесса.

Этнический подход получил развитие в работах С.И. Капошиной, посвященных некрополям Ольвии и Херсонеса, в которых также выделялись

варварские и греческие черты погребальной обрядности, иногда с учетом социального статуса погребенного (Капошина, 1941).

В.Д. Блаватским также была осуществлена попытка выделения характерных черт погребального обряда на материалах памятников Азиатского Боспора. Для определения захоронений негреческого происхождения в некрополе Фанагории он выделял следующие признаки: наличие «местной» посуды в захоронениях, скорченное положение покойного в могиле, находки костей собаки и лошади с погребенным, деформация черепов умерших (Блаватский, 1940. С. 299–303).

Работы С.И. Капошиной и В.Д. Блаватского в значительной степени повлияли на дальнейшие исследования некрополей Азиатского Боспора, содержащие интерпретационные моменты. Большинство из них связано с этническим направлением, которое оставалось ведущим на всем протяжении советского периода. В этническом русле выполнены исследования М.М. Кобылиной (1938. С. 336–349); А.К. Коровиной (1957; 1962. С. 301–315; 1964; 1968); Н.П. Сорокиной (1957. С. 1–64; 1961; 1962. С. 99–105); Е.Г. Кастанаян (1959); Н.И. Сокольского (1959. С. 53–64; 1969; 1973); Г.А. Цветаевой (1968); Ю.М. Десятчикова (1974); И.Т. Кругликовой (1977; 1982); А.А. Масленникова (1976а С. 112–127; 1977. С. 127–131; 1978. С. 25, 1981, С. 24–37, 67–88); Е.М. Алексеевой (1991. С. 7–9, 28–36, 51–65; 1997 С. 21–31, 125–126, 214–216); Я.М. Паромова (2004) и Ю.А. Виноградова (2005).

Дискуссии в публикациях главным образом были связаны с вопросами этнической принадлежности памятников и особенностей колонизации территории Азиатского Боспора. Сегодня они привели к пониманию возможности сосуществования различных обрядов на одной территории, что обусловлено как наличием разных центров, из которых осуществлялась колонизация, так и влиянием племен автохтонного населения. Так, в статье Г.П. Гарбузова, А.А. Завойкина, Н.И. Сударева и В.Л. Строкина, посвященной

некрополям Азиатского Боспора VI–V вв. до н.э. (Гарбузов и др. 2011. С. 111–125), пространственный анализ погребальных практик разных групп населения позволил распределить погребальные памятники Таманского п-ова по областям и локальным зонам. В результате была установлена принадлежность некрополей Тузлы и Панагии к «милетской» группе, а остальных – к «не-милетской».

Таким образом, этническое направление в изучении погребальных обрядов Азиатского Боспора в отечественной археологии разработано в наибольшей степени. Его особенностью является выделение разных этнических компонентов в обряде населения региона, обусловленное стремлением обнаружить особенности его этнического состава.

Социальное направление.

Сторонники этого подхода справедливо полагают, что в погребальном обряде может отражаться социальный статус погребенных. При этом основное внимание уделяется их половозрастным характеристикам, имущественному положению, роду занятий. Предполагается, что в погребальном обряде могла в той или иной степени отразиться структура древних обществ: положение, занимаемое захороненным в социуме, могло определять характер сопроводительного инвентаря, вид погребального сооружения, место расположения захоронения. В работах, написанных в русле данного подхода, обращается внимание на феномен смены социальных ролей как самого погребяемого, так и участников похорон в ходе ритуальных действий, связанных со смертью и процессом погребения. Учитывается также, что различия в пышности погребальных обрядов на уровне некрополей могут отражать различия в статусе оставивших их общин. В последнее время выдвигаются гипотезы о возможности выделения мемориалов представителей надполисной элиты на материале погребальных памятников.

В отечественном антиковедении наиболее четко этот подход представлен в работе В.Ф. Гайдукевича «Боспорское царство», в которой погребальным памятникам Боспора посвящена отдельная глава (Гайдукевич, 1949. С. 233–297). Особенностью этого исследования стало обращение к социальным аспектам, отразившимся в погребальном обряде древних греков. По характеру погребального инвентаря и степени сложности конструкции погребального сооружения В.Ф. Гайдукевич попытался выявить различия в захоронениях зажиточных и бедных представителей Боспора. Так, погребения знати он определял по наличию в них предметов роскоши, произведений греческого искусства и сложной погребальной конструкции (Там же. С. 239–240). Однако монография В.Ф. Гайдукевича носила лишь обзорный характер. По справедливому мнению Н.И. Сударева, в ней «проявился в полной мере иллюстративный, плоскостной подход к погребальным памятникам» (Сударев, 2005. С. 4). Целью исследования В.Ф. Гайдукевича не являлось непосредственное изучение погребальных обрядов, тем не менее, оно стало одной из первых работ, относящихся к социальному направлению в изучении погребальной обрядности. Этот подход нашел отражение в работах Н.П. Сорокиной, которая объясняла появление в V в. до н.э. курганного некрополя Тузлы социальным расслоением оставившего его населения (Сорокина, 1957. С. 53). Социальный подход обнаруживается и в работах Т.М. Арсеньевой, объяснявшей наличие различных предметов в захоронениях материальным положением умершего и социальной стратификацией боспорского общества (Арсеньева, 1984. С. 223), и в исследованиях В.С. Ольховского, который считал социальное положение одним из факторов, влияющих на эволюцию обряда похорон (Ольховский, 1986. С. 73–74).

Среди современных исследований в рамках социального направления можно выделить статью С.В. Кашаева, посвященную погребениям с амфорами, обнаруженными в некрополе Артющенко 2 (Кашаев, 2013). Изучение материала

из 9-ти комплексов позволило ему установить, что обряд помещения амфор в могилу был наиболее распространен в V в. до н.э., и чаще всего сосуды в некрополе встречались в погребениях зажиточного населения, то есть сопроводительный инвентарь в работе рассматривался как маркер социальных различий.

Проблема культурной атрибуции сопроводительного инвентаря была затронута в публикации Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко (2014. С. 103–113). Сочетание некоторых предметов (более двадцати лекифов и стригиля) в погребении 13 кургана № 2 некрополя Виноградный 7 позволило им интерпретировать этот комплекс как захоронение палестрита.

Таким образом, не вызывает сомнений, что социальное направление в отечественной тафологии активно разрабатывалось, хотя и не столь интенсивно как этническое. Оно сохраняет свою актуальность на современном этапе. Его достоинством является возможность интерпретации особенностей обряда, связанных с полом и возрастом индивида, положением, занимаемым им в обществе, его занятиями и т.д. Однако социальный подход, – как и этнический, – может иной раз приводить к некорректной интерпретации материала, поскольку предполагает субъективный отбор характеристик обряда, связанных с социальным статусом погребенного.

Ритуально-религиозное направление.

Поскольку погребальная обрядность связана не только с решением прагматических, утилитарных задач, но и в не меньшей степени определяется комплексом религиозных представлений в обществе о загробной судьбе умерших, закономерно, что погребальные памятники стали ценнейшим источником для исследования религиозных представлений и культовых действий, связанных с погребальной тематикой. Значительную роль в работах данного направления играют нарративные источники (литературные и эпиграфические) и разнообразный изобразительный материал. Эти источники

помогают более или менее аргументированно интерпретировать археологические данные.

Одной из первых к данной теме обратилась А.А. Передольская (1955. С. 54–73). Ее статья посвящена терракотовым статуэткам из кургана Большая Близница. Их сопоставление с аналогами из некрополя Нимфея и нескольких некрополей материковой Греции привело автора к выводу о наличии на Азиатском Боспоре культа богов плодородия. В частности, терракоты, изображающие мальчика и старика, а также двух стариков, закутанных в плащ, свидетельствуют, по ее мнению, о распространении в полисах Таманского полуострова культа Кабиров (Там же. С. 66; ср. Braund, 2011. P. 161–165). Изучив изображения на украшениях из женских захоронений Большой Близницы, А.А. Передольская указала на присутствие в погребальном обряде боспоритов культов Геракла и Коры-Персефоны (Передольская, 1955. С. 66–67). Анализируя росписи в склепе № 2 из Большой Близницы, она предположила, что погребенные в нем женщины могли быть жрицами Деметры. Это подчеркивало роль богини плодородия в заупокойных культах древних греков (Там же. С. 67). Исследовательница рассматривала и иную версию, связанную с проявлениями в погребениях Близницы культа Афродиты Урании (Там же. С. 68). Исследование, проведенное А.А. Передольской, несмотря на его локальный характер, стало отправной точкой для формирования нового направления в изучении погребальной обрядности Таманского п-ова.

В монографии И.Т. Кругликовой были представлены результаты многолетних археологических исследований погребальных памятников района Анапы (Кругликова, 1977. С. 65–79). В ней рассматривались наиболее интересные комплексы из грунтовых и курганных некрополей территории, связываемой автором с древней Синдикой. В работе затронута проблема отражения религиозных воззрений умерших в погребальном обряде. В частности, была обнаружена полная аналогия терракотовых статуэток одного из

курганов Джемете с подобными находками в Большой Близнице. Возникло предположение о захоронении в Джемете жрецов богини плодородия (Кругликова, 1977. С. 68). В горгипсийских курганах был найден фрагмент скульптуры Аполлона, свидетельствующий о его культе, и обнаружен горгонейон, который, предположительно, должен был защищать погребенную (Кругликова, 1977. С. 69–70). Анализируя сопроводительный инвентарь, И.Т. Кругликова пришла к выводу о заимствовании местным населением района Анапы греческих представлений о загробном мире.

В монографии М.И. Максимовой «Артюховский курган»⁵ особое внимание было уделено культовым предметам (Максимова, 1979. С. 123–124). Отмечалась постепенная эллинизация варварских представлений о загробной жизни на основании отказа автохтонного населения от веры в продолжение жизни захороненных в местах их погребений (Там же. С. 24). Отсюда возникла гипотеза о постепенном слиянии в обряде II в. до н.э. греческих и местных черт похоронного ритуала. Кроме того, М.И. Максимова обнаружила в обряде, наряду с греческими и местными чертами, сарматские элементы.

В русле религиозного направления Я.М. Паромовым были рассмотрены захоронения из фанагорийских курганов с полихромными сосудами (Паромов, 2004. С. 309–316). Исследователь связал эти погребения со служителями культов Деметры, Коры, Афродиты и Диониса (Там же. С. 313–315).

Большое влияние на работы ритуально-религиозного направления в изучении погребального обряда оказали работы И.Ю. Шауба, в особенности его монография (Шауб, 2007). Хотя эта книга посвящена религиозным воззрениям населения Боспора и непосредственно обряд похорон в ней не рассматривается, автором были заданы определенные ориентиры для интерпретации некоторых обрядовых черт в соответствии с верованиями боспоритов.

⁵ Памятник был отнесен ко II в. до н.э., что выходит за хронологические рамки данного исследования. Однако представленный в работе М.И. Максимовой подход важен для развития ритуально-религиозного направления в отечественной античной тафологии.

В 2005–2006 гг. И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис исследовались 5 курганов некрополя «Виноградный 7» (Лимберис, Марченко, 2007. С. 233). Изучение их материалов позволило сделать вывод о греческом характере данного некрополя. Открытие в одном из захоронений перстня «птолемеевского типа» заставило авторов обратить внимание на проблему влияния египетских культов на погребальную практику боспоритов.

Относительная немногочисленность исследований показывает, что ритуально-религиозное направление в отечественной тафологии развито слабо. Его достоинства заключаются в рассмотрении погребального обряда в контексте религиозно-культовых воззрений людей (представлений о загробной жизни, богах, героях), в попытках определить ритуальное назначение тех или иных предметов, причины смерти индивидов, в поиске адекватной интерпретации различных деталей погребального ритуала. Его слабой стороной (собственно, как и всех рассмотренных выше направлений) остается определенный субъективизм, обусловленный прежде всего тем, что в работах, ориентированных на интерпретацию обряда исключительно в ритуальном контексте, не учитываются в полной мере иное функциональное назначение предметов в погребении и действия, совершаемые при захоронении умершего.

Исследования погребальных обрядов в историческом контексте.

Можно выделить ряд исследований, в которых предприняты попытки использовать погребальные памятники или отдельные элементы погребальных традиций в качестве исторического источника. Очевидно, что консервативные по своей природе погребальные традиции не могут непосредственно отражать какие-либо единичные события политического характера или изменения экономической конъюнктуры и т.д. Однако погребальная практика, – если её рассматривать на больших массивах памятников и на длительных временных отрезках, – безусловно, сопряжена со значимыми историческими процессами и, хотя бы косвенно, отражает их. Например, образование при ранних

Спартокидах централизованного Боспорского государства имело следствием формирование нового социального слоя, боспорской элиты, погребальные сооружения и сопроводительный инвентарь которых резко выделяется в сравнении с предшествующей эпохой. Возрастает «социальная мобильность» населения, поэтому позволительно предполагать его массовые миграции в пределах территории государства, что неизбежно отражается на составе (разнообразии) погребальных традиций в некрополях городов и поселений.

Зарождение этого направления в отечественной историографии обоснованно связать с именем М.И. Ростовцева, который одним из первых обратил внимание на связь строительства монументальных сооружений в курганных некрополях с периодом расцвета Боспорского царства (Ростовцев, 1914. С. 10–136). Анализируя материалы курганного некрополя Пантикапея, он указал на синхронность расцвета столицы Боспора с другими ионийскими полисами в Малой Азии и Южной Италии (Там же. С. 29). Причем, время расцвета Фанагории, согласно его представлениям, началось несколько раньше, чем Пантикапея (Ростовцев, 1925. С. 265). Кроме того, Ростовцев полагал, что наличие оружия в погребениях архаического и классического времени в некрополях у мыса Тузла и у хутора Коротенко могло быть связано с существованием военной угрозы для населения региона (Там же. С. 284).

На взаимосвязь погребальных обрядов и некоторых событий политической истории Азиатского Боспора обращал внимание В.Ф. Гайдукевич (Гайдукевич, 1949). Вслед за М.И. Ростовцевым он рассматривал появление богатых захоронений на территории этого региона как свидетельство экономического расцвета Боспорского царства и отмечал, что временем наибольшего богатства для азиатской части государства был IV в. до н.э. (Там же. С. 281).

К немногочисленным работам этого направления можно также отнести диссертационное исследование А.А. Масленникова (Масленников, 1976). Оно

обращено к проблеме изучения населения Боспорского царства и содержит анализ результатов раскопок боспорских некрополей с привлечением большого объема материала (только на Таманском п-ове учтено 423 захоронения). А.А. Масленников полагал, что Спартокиды использовали синдских воинов в качестве наемников. Изучение надгробных боспорских надписей позволило сделать вывод о замене «дружинного воинства синд» иными наемниками: погребения с оружием могли принадлежать как грекам-наемникам, так и варварам. Опираясь на эпиграфические источники, А.А. Масленников предположил присутствие фракийских элементов в составе населения Боспора и, соответственно, отметил фракийское влияние на погребальный обряд на Таманском п-ове.

Определенные черты погребального обряда как источник по истории Боспора VI–V вв. до н.э. использован в работах А.А. Завойкина и Н.И. Сударева (Завойкин, Сударев, 2006; Завойкин, Сударев, 2006а; Завойкин, 2013. С. 244–272). На основе анализа динамики численности воинских погребений в некрополях Таманского п-ова и сопоставления ее с хронологией археологических памятников иного рода ими была предложена реконструкция ряда событий политической истории Боспорского государства. В частности, удалось установить, что период VI–V вв. до н.э. был временем перманентной военной напряженности в регионе. Были выделены три основных периода военно-политической истории Боспора. В первый период (VI – первая половина V в. до н.э.) наблюдается увеличение «вооруженных сил» пропорционально росту населения Боспора. Второй период (середина – третья четверть V в. до н.э.) отмечен сокращением числа погребений с оружием. По замечанию авторов, «индекс вооруженности» погребенных интенсивно снижается в третьей четверти V в.»(Завойкин, Сударев, 2006. С. 128–129). В третьем периоде (последняя четверть V в. до н.э.) на Азиатском Боспоре наблюдался вторичный рост числа воинских погребений. При этом обнаруживается резкое сокращение

числа поселений, что объясняется миграцией части населения в полисы Европейского Боспора.

Предложенный подход к материалу существенно расширил возможности интерпретации погребального обряда как источника по военной и политической истории Боспора на раннем этапе. Таким образом, в работах, анализирующих связь похоронной традиции с демографическими изменениями в Восточном Приазовье, комплексный подход позволил рассмотреть погребальные традиции в контексте военно-политической истории.

Большой интерес представляет исследование Н.И. Сударева (2014. С. 95–102). Изучая материалы некрополей архаической Синдики, он пришел к выводу о начале ее греческой колонизации с конца VII в. до н.э. Одновременное существование греческих и варварских захоронений на территории Синдики при их обособленности друг от друга послужило аргументом, подтверждающим гипотезу о мирном характере греческой колонизации рассматриваемого региона. Эта работа позволила по-новому взглянуть на греко-варварские взаимоотношения и реконструировать некоторые события ранней политической истории Боспора, не нашедшие отражения в письменных источниках.

Качественным отличием этого направления, пока не получившего должного развития, является возможность интерпретации результатов исследования в историческом контексте. С другими направлениями его объединяет общий недостаток: неизбежный субъективизм исследователей в отборе значимых для политической истории особенностей погребального обряда. Помимо того, полученные выводы нередко страдают от стремления исследователей к прямому (прямолинейному) соотнесению фрагментарных данных, получаемых в ходе изучения вещественных источников, с немногочисленными известными по письменным источникам историческими событиями в регионе.

Таким образом, изучение отечественных работ по рассматриваемой проблеме демонстрирует существование и развитие разных направлений, достижения которых могут и должны использоваться при интерпретации результатов, полученных при исследовании погребальных памятников Азиатского Боспора. Как представляется, только комплексный подход при анализе данных с позиций этнической, социальной, демографической и военно-политической истории региона позволит в той или иной степени преодолеть неизбежный субъективизм узконаправленных исследований. При этом важно использовать методы многомерного анализа и цифровых технологий, позволяющие обрабатывать большие массивы данных.

1.2. Основные направления в изучении погребальных обрядов в зарубежной историографии

Изучение погребальных обрядов Азиатского Боспора, безусловно, требует знакомства с трудами зарубежных специалистов в области античной тафологии, хотя рассматриваемый регион и не входил в орбиту их научных интересов. Прежде всего, в них используются весьма результативные, но слабо разработанные в отечественной археологии подходы и методы. Если, благодаря усилиям М.И. Ростовцева, в отечественных исследованиях наиболее развитым оказалось этническое направление, то в зарубежном антиковедении при изучении погребальных обрядов акцентировались социальные, демографические и религиозные проблемы. Как представляется, при разработке методики данного исследования важно учесть зарубежный опыт. Так, социальный подход, приоритетный для ряда зарубежных авторов, способствовал выработке объективных критериев оценки структуры древнего общества, которая нашла отражение в погребальных практиках. Однако в отечественной античной тафологии этот подход до сих пор не нашел достаточно широкого применения. Кроме того, в работах, обращенных к

изучению погребальных обрядов античного мира, анализируется значительное количество нарративных источников, весьма важных для понимания сути и специфики погребальных традиций. Анализ материала античных некрополей, предложенный зарубежными коллегами, может оказать неоценимую помощь при изучении влияния миграционных процессов и особенностей колонизации Азиатского Боспора на погребальные традиции в исследуемом нами регионе.

В обобщающей работе В.И. Гуляев (2010. С. 5–18), в зарубежной тафологии выделяет религиозно-мифологическое, этнокультурное, хронологическое и социальное направления. Кроме того, с конца 1990-х – начала 2000-х гг. получило развитие направление, связанное с использованием естественнонаучных методов, а также подход, рассматривающий погребальные памятники как часть палеоландшафта. Как и отечественные исследования, зарубежные работы не всегда могут быть жестко отнесены к тому или иному одному направлению.

Религиозно-мифологическое направление.

У истоков зарубежных тафологических исследований стояли этнографы Эд. Тэйлор и Дж. Фрэзер. Не удивительно, что в их работах «Первобытная культура» (Taylor, 1920; Тэйлор, 1939) и «Золотая ветвь» (Frazer, 1886; Фрэзер, 1980) прослеживается трактовка особенностей погребальных обрядов на основе мифологических и религиозных представлений древних людей.

Среди первых археологических трудов в русле данного направления упоминается исследование П. Орси⁶. Им были рассмотрены и проанализированы материалы раскопок некрополя Мегары Гиблейской, проведенные в 1888 г. (Cavallari, Orsi, 1890). П. Орси особое внимание обратил на повторное использование захоронений, вариативность числа могил на различных участках некрополя, преднамеренные манипуляции с останками. Проведя анализ большого числа письменных и эпиграфических источников,

⁶ См. Nizzo, 2015. P. 41–42

автор впервые обратился к исследованию проблемы «аномальных захоронений» (Nizzo, 2015. P. 41).

Большое влияние на развитие религиозно-мифологического направления в 20–30-е годы XX в. оказали работы британских исследователей. Важные замечания о погребальном обряде как о неотъемлемой части духовной жизни древних греков были сделаны в монографии Р.Л. Фарнелла (Farnell, 1921). Изучив материалы захоронений Минойского периода в некрополях Феста и Агия Триады, он пришел к выводу, что погребальные ритуалы тщательно продумывались. По мнению Фарнелла, принесение в жертву рабов, погребения которых были обнаружены в микенских земляных гробницах, было обусловлено верой в существование души умершего (Ibid. P. 3). Он отмечал, что древние люди не рассматривали мертвых как угрозу или источник страха, а, напротив, ухаживали за ними. Почитание усопших многими поколениями в Аттике впоследствии привело в этом регионе к формированию культа предков. Усопшие нередко «надеялись сверхъестественными силами» (Ibid. P. 4–5). Для доказательства своих предположений исследователь использовал письменные и изобразительные источники, в том числе фрагменты «Илиады» и «Одиссеи», рельефное изображение на саркофаге, найденном в некрополе Агия Триады.

Дальнейший этап в развитии религиозно-мифологического направления связан с появлением работы американского историка Г. Чайлда. Он предложил рассматривать погребальный обряд исключительно как религиозный ритуал (Childe, 1951). Анализируя уклад жизни различных древних сообществ, Г. Чайлд пришел к выводу, что их члены проводили обряд не из прагматических соображений, а из-за веры в магию (Ibid. P. 178–179). Однако такой подход не получил развития в трудах современников Г. Чайлда. В 50–60-е гг. XX в. ведущим направлением в зарубежной тафологии становится «процессуализм», т. е. рассмотрение погребального обряда в «ряду других обрядов перехода, означающих перемены в статусе индивида»: рождение, инициация,

бракосочетание и смерть (Гуляев, 2010.С. 6). При этом постулируются консерватизм и устойчивость обряда.

Большое влияние на развитие религиозно-мифологического направления в 1970–1980-е гг. оказали работы Д. Курц, Дж. Бордмана и Р. Гарланда. Заслуга Д. Курц и Дж. Бордмана состоит в выявлении локальных различий в религиозных верованиях погребенных (Kurtz, Boardman, 1971). Особое внимание ими уделено отношению древних греков к смерти. Изучив аттические эпитафии, исследователи установили отсутствие упоминаний об умерших как о духах, призраках или тенях. Напротив, к усопшим обращались так, будто те еще живы (Ibid. P. 332). Идеи реинкарнации были прослежены ими исключительно в орфических и пифагорейских учениях. Изучение большого количества археологических материалов позволило Д. Курц и Дж. Бордману утверждать, что погребальные практики отражали не столько мифологические представления, сколько стремление членов общества решить свои психологические проблемы или выразить горе в связи с уходом близких (Ibid. P. 333).

Р. Гарланду удалось проследить постепенную трансформацию представлений древних греков о загробной жизни на протяжении нескольких веков (Garland, 1985. P. 1–12). Интерпретируя текст «Илиады», он отметил, что, согласно представлениям людей Гомеровского времени, с гибелью индивида его значение для живых утрачивается: душа умерших находится в Аиде, а сами они лишены разума (Ibid. P. 2). Резкие изменения в представлениях о загробной жизни были отмечены Р. Гарландом в VI–V вв. до н.э. Исследовав письменные и эпиграфические свидетельства (например, речи Лисия и надгробие из Эгины), он делает вывод, что в классический период особенности похорон были связаны с социальным статусом усопшего (Ibid. P. 12).

В исследованиях 1990-х гг. большое внимание уделялось изучению взаимосвязи религиозных представлений древнего населения с иными

факторами, влиявшими на погребальный обряд. Среди таких работ выделяется статья Э. Георгулаки (Georgoulaki, 1996). Данные письменных и эпиграфических свидетельств о погребальных обрядах материковой Греции, приводят ее к выводу, что представления о происходящем с человеком в момент смерти и после нее менялись с течением времени, однако сами ритуалы существенных изменений не претерпели. Э. Георгиулаки объясняет это отсутствием конфликта между мифологическими взглядами ранних греческих поэтов и более поздними идеями философов (Ibid. P. 97–98). Особое внимание обращено на появление в VI в. до н.э. государственных захоронений: если в VII в. до н.э. в Греции почитались герои мифов, то после демократических преобразований в обществе VI–V вв. до н.э. был сформирован новый пантеон. Погибшие на войне защитники демократии Клисфена и герои Марафонского сражения стали его наиболее характерными представителями (Ibid. P. 114–115).

В исследованиях 2000-х гг. религиозные аспекты погребального обряда изучались в тесной связи с социальными. В частности, в работе Д. Коллинза некоторые погребальные практики рассматриваются не только как ритуал почитания мертвых, но и как средство решения проблем древнего населения (Collins, 2008. P. 27–63). Так, изучая таблички с проклятиями в различных некрополях материковой Греции, исследователь установил, что магические ритуальные действия могли совершаться живыми для осуществления каких-то своих прагматических целей: они обращались к мертвым, богам, демонам. (Collins, 2008. P. 63). В работе особенности ритуала явно рассматривались с целью реконструировать социальные взаимоотношения, а не с позиций изучения религиозных верований древнего населения. Тем более что некоторые таблички, написанные от имени умерших, содержат информацию биографического характера (Ibid. P. 73). Коллинз подчеркивал, что магическое в значительной степени определяется через «сеть социальных отношений» между живыми и мертвыми (Ibid. P. 63).

Итак, анализ зарубежных исследований, написанных в русле религиозно-мифологического направления в изучении погребального обряда античного мира показывает, что оно было разработано значительно основательнее, чем в исследованиях отечественных, причем нередко религиозные аспекты затрагивались в русле других направлений, в частности, социального.

Социальное направление.

Зарождение этого направления в зарубежной науке связано с работами Р. Гертца (Hertz, 1960) и А. Ван Геннепа (Van Gennep, 1960). В их исследованиях предлагается объяснять особенности восприятия смерти древним населением и обряд погребения усопшего в аспекте социальной и биологической трансформации. Следует также отметить, что и А. Ван Геннеп, и Р. Гертц строили свои выводы исключительно на этнографическом материале, и трактовали похороны как обряд «перехода» из мира живых в мир мертвых. Исследователи утверждали, что похоронные обряды обусловлены представлениями социума о процессах отделения тела от души. Сходство и различие погребальных традиций разных культур объяснялось миграционными процессами.

В 1960-х гг. в русле социального подхода начало формироваться направление, названное «новой археологией». Его сторонники рассматривали археологические исследования в этнографической плоскости, а не в области исторических наук (Binford L., 1962; Binford L., Binford S. (eds.), 1968). «Новые археологи-процессуалисты» в стремлении приблизить археологию к точным наукам пытались внедрить в исследования прогрессивные математические методы с использованием компьютеров. В 1970-е гг. социальное направление получило дальнейшее развитие в работах Л. Бинфорда, А. Саксе и Д. Тэйнтера (Binford, 1971, Saxe, 1970, Tainter, 1978).

Л. Бинфорд в работе «Погребальные практики: их изучение и потенциал» (Binford, 1971) рассматривал социальную составляющую погребального обряда

формалистки в стремлении просто сопоставить определенные характеристики как символы и выстраивать формальные связи между ними. Он предполагал таким образом определять социальный статус личности умершего (возраст, пол, социальное положение, социальные связи, условия и место смерти), состав и величину социальной группы. Ярыми сторонниками и последователями этого подхода были А. Саксе (Saxe, 1970), сравнивавший этнографические описания трех традиционных обществ (в Западной Африке, Новой Гвинее и на Филиппинах) и Дж. Тэйнттер, сопоставлявший на основе данных этнографии погребальные обряды традиционных обществ (Tainter, 1978). Последний утверждал, что объем затрат труда коллектива в похоронном ритуале во многом зависит от социального статуса умершего.

Важным шагом в развитии социального направления античной тафологии стала публикация исследования британских археологов Д. Курц и Дж. Бордмана (Kurtz, Boardman, 1971). Особый интерес для нас представляют разделы, в которых рассматриваются некрополи архаического и классического периодов (Ibid. P. 62–141). Большой частью публикации касались раскопок некрополей, расположенных недалеко от побережья (Вари, Анависсоса, Торика, Вурвы, Петрецы, Марафона). Систематически публиковались результаты регулярных раскопок, ведущихся в районе Керамика в Афинах. Анализ различных способов обращения с телом в архаических некрополях Аттики привёл Д. Курц и Дж. Бордмана к выводу, что различия в погребальных обрядах были обусловлены не статусом и материальными возможностями населения, а локальными погребальными традициями (Ibid. P. 96). Но социальные различия, по их мнению, все же проявлялись в местоположении захоронения, характере погребального сооружения и наборе сопроводительного инвентаря. Обратив внимание на набор сопроводительного инвентаря, авторы связывали его особенности с проявлением возрастных различий в погребальном обряде некрополей Аттики (Ibid. P. 100–105). Анализ изображений на керамических

сосудах (для женских могил характерно отсутствие изображений героических сцен на лекифах) привел авторов к гипотезе о существовании в аттическом погребальном обряде гендерных особенностей. Различия между находками в детских и взрослых захоронениях заставили Д. Курц и Дж. Бордмана предположить существование связи между изображением на сосудах, полом и возрастом умерших.

Идеи «новой археологии» в конце 1970-х – первой половине 1980-х гг. развивали Дж. Браун, Дж. Буикстра, Дж. О’Ши, Л. Голдстейн, Й. Киннес и др. В 1981 г. была опубликована их коллективная монография «Археология смерти» (Brown et al., 1981). Являясь представителями социального направления, исследователи строили свои интерпретации на археологических материалах эпохи неолита и бронзы Западной Европы и материалах индейских обществ Америки. Для нашей работы интересны их методические подходы, обращенные к поиску корреляций между определенными обрядовыми характеристиками с привлечением кластер-анализа и методов антропологии. Однако представители школы «новой археологии» («процессуализма») имели целью исключительно выделение определенных социальных групп⁷.

Новый этап в развитии социального направления в античной тафологии в середине 1980-х – первой половине 1990-х гг. связан с появлением работ Я. Морриса (Morris, 1987; 1996), в которых много внимания уделено проблеме проявления социальной стратификации в обществе. Он отмечал, что увеличение или уменьшение количества погребенных на родовых участках в XI–VIII вв. до н.э. было связано с изменением демографической ситуации в Аттике (Morris, 1987. P. 91–92). Проанализировав материалы захоронений в некрополях Керамика и Торики VIII–VII вв. до н.э., исследователь заметил, что при неизменности структуры родственных групп принадлежность к ним не всегда

⁷ В отличие от нашего исследования, где ранжирование признаков используется для обработки археологических данных (см. ниже).

отражалась в расположении могил в некрополях (Ibid. P. 93). Главными факторами, влиявшими на социальную дифференциацию в древнегреческом обществе, Я. Моррис считал возраст и пол индивидов. В каждой возрастной группе отклонения от «нормы» в обряде захоронения могли быть связаны с положением, занимаемым погребенным в обществе (Ibid. P. 94), а погребальные обряды являлись лишь одной из составляющих сложных социальных систем, сформировавшихся в древнем обществе, поэтому они могут рассматриваться только в историческом контексте (Ibid. P. 211).

В исследованиях 2000-х гг. социальные аспекты погребального обряда изучались совместно с иными факторами: общественно-политическим, экономическим, идеологическим. Большой интерес вызывают работы Н. Димакиса (Dimakis, 2011. P. 114–123; 2016). Рассматривая материалы погребальных памятников Северного Пелопоннеса⁸, он обратился к проблеме социальной идентичности и социального статуса древнего населения этого региона в классический период. Изучив трансформации в погребальных традициях Северного Пелопоннеса в V–II вв. до н.э., Н. Димакис обратил внимание на различную частоту встречаемости погребальных сооружений определенного типа и удаленное от поселений расположение некрополей. В этом, по мнению Н. Димакиса, могли проявляться различные представления о статусе умерших. Он выделил следующие взаимосвязанные критерии, отражающие статус погребенного: локализация некрополей по отношению друг к другу; пространственное расположение захоронений; изменения в погребальном обряде; сопроводительный инвентарь (Dimakis, 2011. P. 116). Н. Димакис подчеркивает, что при определении социального статуса следует обращать внимание на расположение погребальных сооружений относительно жилой застройки. Согласно его представлению, неравенство при похоронах в

⁸ Речь идет о некрополях Ахайи, Аркадии, Арголиды, Кинурия, Коринфа, Сициония, Элиды и Трифилия.

богатом полисе могло быть «скрыто», поскольку существовали единые требования к погребению для умерших с низким и высоким социальным статусом. Однако разнообразие погребальных обрядов в исследованных им некрополях, помимо особого «локального» отношения к смерти, свидетельствует о наличии в регионе населения с разной идентичностью и статусом (Ibid. P. 119).

Очень интересен в методическом плане подход, предложенный в работе Р.-М. Берар (Berard, 2017). Исследуя социальную иерархию в составе древнего населения, оставившего некрополи Мегары Гиблейской, она большое внимание уделила особенностям обряда, связанным с полом и возрастом индивидов, а также определению родовых участков в некрополе и родственных связей между погребенными (Ibid. P. 13–14). При анализе характера погребальных конструкций она обнаружила, что учет размера погребального сооружения может поспособствовать определению возраста погребенного. По мысли Р.-М. Берар, с учетом плохой сохранности костных останков в значительной части могил существенную помощь в определении возраста захороненных может оказать знание размеров погребального сооружения, в частности, могильная яма захоронения, принадлежавшего взрослому человеку, не могла быть менее 1,32 м (Ibid. P. 26). Р.-М. Берар утверждала, что при определении статуса захороненного, надо учитывать сочетание нескольких характеристик. Так, в захоронениях знати ею выявлены несколько разных способов демонстрации высокого статуса умерших. Например, одновременно с кремацией фиксируется богатый сопроводительный инвентарь (Ibid. P. 35).

Тафолого-антропологический анализ материалов некрополей Мегары Гиблейской позволил утверждать, что различия в сопроводительном инвентаре мужчин и женщин были минимальны и проявились лишь в наборе украшений. По характеру погребальной конструкции, способам обращения с телом, набору сопроводительного инвентаря женские захоронения в некрополях не отличались

от мужских (Ibid. P. 297). Изучив коллективные погребения, Р.-М. Берар предполагает, что их распространение не ограничивалось каким-либо определенным периодом функционирования некрополя, поскольку такая практика была задумана как способ восстановления после смерти семейной ячейки, объединенной при жизни. Эта погребальная практика существовала параллельно организации городского пространства и была призвана объединять всех потомков первых колонистов, стремящихся подтвердить преемственность своей родословной. С увеличением населения колонии социальная структура усложнялась, разветвлялась (Ibid. P. 300–301).

Таким образом, социальное направление в изучении античных погребальных памятников в зарубежных исследованиях представлено полнее и разнообразнее, чем в отечественной науке. Его существенной особенностью является широкое использование достижений смежных дисциплин – палеоантропологии, этнографии и палеогенетики.

Хронологическое направление.

Выделение этого направления совершенно очевидно в силу того, что в большинстве исследований зарубежных тафологов рассматривались некрополи, функционировавшие в течение длительного времени. Необходимость выделения периодов в существовании погребальных памятников обусловлена стремлением ученых распределить полученный при раскопках материал по периодам, выявить отличительные черты погребального обряда на разных этапах функционирования некрополей и впоследствии определить динамику хронологических изменений. Поскольку такой подход представлен в большинстве обобщающих работ, посвященных античным погребальным обрядам и крупным некропоям⁹, крайне сложно выделить исследования, выполненные исключительно в русле данного направления. Как правило, анализ

⁹ Например, см.: Kurtz, Boardman, 1971. P. 31–162; Krause, 1975. P. 23–27; Garland, 1985. P. 5–12; Morris, 1987. P. 62–96; Knigge, 1988. S. 4–19; Kallinzi, 2006. P. 143 – 153; Dimakis, 2016. P. 18–19, 39–41; Forbeck, 2016. S. 151–189.

эволюции погребального обряда проводится в сочетании с другими рассматриваемыми в данном разделе подходами.

Этнокультурное направление.

В зарубежной тафологии, как и в отечественной науке, заметное место занимает этнокультурное направление (см.: Сударев, 2005. С. 8–10; Гуляев, 2010. С. 6). Для нашего исследования особый интерес представляют работы Д. Картера, М. Дамианова и Р.-М. Берар (Damyanov, 2005. P. 77–97; Carter, 2006; Berard, 2017), где наиболее четко выражен именно этот подход.

Болгарский археолог М. Дамианов – одним из немногих зарубежных авторов, обратившихся в своих работах к проблеме изучения погребальных обрядов Северного Причерноморья. В статье, посвященной погребальным памятникам региона в период колонизации, он проводит сопоставительный анализ некрополей Истрии и Оргама с некрополями Аполлонии Понтийской, Березани/Ольвии и Одессоса. По мысли М. Дамианова, невозможно говорить о существовании единственного характерного обряда древнегреческих колонистов, который можно противопоставить обряду местного автохтонного населения. Он подчеркивает, что хотя греческие поселенцы в Причерноморье, по данным письменных источников, были выходцами из Милета или из других полисов Ионии, в изученных им некрополях не прослеживается окончательного формирования единого погребального обряда (Damyanov, 2005. P. 77).

В исследовании греческих колоний Южной Италии Д. Картера при выявлении характера взаимодействия колонистов и автохтонного населения погребальный обряд рассматривается как важнейший источник. Анализ захоронений VIII–VII вв. до н.э. в области Инкороната (расположена около деревни Маркони в провинции Матера, в Южной Италии) приводит автора к выводу о греческом влиянии на обряд автохтонного населения, которое проявилось в наборе сопроводительного инвентаря и способах обращения с телом погребенного. Д. Картер отметил также территориальную близость

участков, где производились захоронения греческих поселенцев и автохтонного населения (Carter, 2006. P. 63). Результаты антропологического изучения материалов некрополей Пантанелло и Круциниа в области Инкороната демонстрируют наличие родственных связей между колонистами и местными жителями региона (Ibid. P. 82). Исследователь приходит к выводу, что выявленный «этрусский» признак у переселенцев указывает на бóльшую близость греческих колонистов к автохтонному населению Южной Италии, чем к жителям полисов материковой Греции (Ibid. P. 83).

В работе Р.-М. Берар, осуществленной в русле этнокультурного направления, ценным для нашего исследования представляется учет автором социальной иерархии древнего населения, что демонстрирует комплексный подход, к трактовке представленного материала (Berard, 2017. P. 98–99).

Зарубежные исследования, проведенные в русле этнического направления, стремились изучить особенности погребальных обрядов исключительно в колониях (Ионии, Южной Италии, Западном Причерноморье), поскольку именно в областях колонизации возникала возможность рассмотреть связи между греческими переселенцами и автохтонным населением.

В большинстве трудов зарубежных ученых проявление этнических черт в погребальном обряде рассматривается в совокупности с другими аспектами – социальным, религиозным, политическим.

1.3. Состояние тафологии Азиатского Боспора на современном этапе

Изучение погребальных обрядов Азиатского Боспора в отечественной тафологии развивалось в соответствии с решаемыми интерпретационными задачами, которые и были положены в основу систематизации представленных подходов: этнического, социального, ритуально-религиозного,

демографического, а также направления, рассматривающего погребальные памятники в контексте общеисторическом.

До сих пор ведущим в отечественной античной тафологии остается этнический подход. Анализ наиболее значимых работ этого направления показывает, что исследователи, как правило, отбирали этнодифференцирующие признаки субъективно, поскольку избранные характеристики обряда трактовались главным образом как этнические маркеры. Например, по мнению Е.Г. Кастанаян, А.К. Коровиной и А.А. Масленникова, наличие скорченного положения индивидов в могиле, присутствие предметов вооружения и мясной пищи в захоронениях свидетельствуют о негреческом происхождении погребенных (Коровина, 1964. С. 48–49; Кастанаян, 1959. С. 290; Масленников, 1981. С. 112–126). При этом не принимались в расчет особенности, связанные со статусом индивида, его возрастом, религиозными представлениями, конкретной демографической ситуацией.

Более убедительными представляются результаты работ «неоэтнического» подхода, носящие комплексный характер. Так, Н.И. Сударев, уделяя в диссертации значительное внимание социальным, демографическим и религиозным аспектам обряда, попытался связать особенности погребальных практик населения Таманского п-ова с традициями греческих колонистов из разных метрополий (Сударев, 2005).

Однако, как представляется, и при таком подходе этнические исследования не лишены слабых сторон. Попытки интерпретировать через прямое соотнесение элементов погребальных традиций колонии и ее предполагаемой метрополии, а также поиск аналогий в погребальных обрядах греческих колоний, расположенных в других регионах, без учета этнической ситуации в районах колонизации могут привести к некорректным результатам.

В принципе, субъективизм в отборе материала свойствен и другим направлениям. Не случайно во многих современных работах предпринимаются

попытки его преодоления с помощью привлечения дополнительных источников.

Среди новых подходов к изучению погребальных обрядов в отечественной античной тафологии выделяется демографическое направление. Его суть заключается в исследовании изменений демографической ситуации древних обществ, а также попыток сопоставить результаты археологического изучения погребальных памятников с данными антропологии и биоархеологии. В русле этого направления стали появляться междисциплинарные исследования, проводимые археологами совместно с антропологами и биологами. Так, в работе М.В. Добровольской и Н.Г. Свиркиной, выполненной на материалах эллинистических и римских захоронений, рассматривается палеодемографическая ситуация в некрополе Фанагории (Добровольская, Свиркина, 2018). Выборку исследования составили материалы 458 захоронений. В ходе антропологического анализа этого массива удалось выявить в объединенных по сходству погребального обряда группах захоронений специфические половозрастные характеристики (Там же. С. 28–31), что позволило предполагать наличие в некрополе Фанагории III в. до н.э. – II в. н.э. семейных и частных погребальных объединений. Сопоставление полученных результатов и эпиграфических данных позволило предположить существование у населения древнего города частных сообществ – фиссов и синодов (Там же. С. 32). К сожалению, в работе не рассматриваются материалы некрополя Фанагории, относящиеся к интересующему нас периоду (VI–IV вв. н.э.), однако исследование М.В. Добровольской и Н.Г. Свиркиной представляет большой интерес в методическом отношении и является одним из первых удачных примеров антрополого-тафологического изучения погребальных памятников.

Не менее интересные результаты были представлены в статье А.Н. Абрамовой и Д.В. Пежемского (Абрамова, Пежемский, 2018. С. 102–117), где проанализированы краниологические материалы, полученные в ходе раскопок

захоронений VI–III вв. до н.э. некрополя Волна 1. При изучении 21 женского и 58 мужских черепов авторам удалось выделить несколько групп в составе древнего населения, оставившего некрополь. Они выявили, что различия, зафиксированные в строении черепов погребенных, связаны не только с социальным расслоением, но имеют более глубокие причины. В частности, обнаруживается близость серии черепов из могильника Волна 1, краниологических серий Фанагории и некоторых меотских могильников. По мнению исследователей, это может свидетельствовать о наличии в некрополе Волна 1 меотского компонента (Абрамова, Пежемский. 2018. С. 113–114).

Однако на данный момент методика совместных антрополого-тафологических исследований только разрабатывается, база антропологических материалов пребывает в стадии накопления. Это затрудняет проверку и корректировку данных, полученных археологами.

В отличие от отечественных исследований, в работах зарубежных авторов, изучающих погребальные обряды, остаются приоритетными социальные и религиозно-мифологические проблемы как наиболее глубоко изученные. Уже с 1960-х гг. социальные аспекты погребального обряда там начали рассматриваться совместно с религиозными, экономическими, политическими, что качественно отличает современные зарубежные исследования (1990–2000-х гг.) от отечественных. В этом плане среди недавних исследований особенно выделяются работы Р.-М. Берар (Berard, 2017) и Н. Димакиса (Dimakis, 2011). Так, Р.-М. Берар, изучая социальную иерархию древнего населения, оставившего некрополи Мегары Гиблейской, объединяла в ходе анализа результаты археологических раскопок, данные антропологии и палеогенетики (Berard, 2017). Опровергая тезис Я. Морриса, о том, что индивиды младше определенного возраста не допускались в городские некрополи, поскольку не считались полноправными членами гражданского сообщества, она опиралась на антропологические изыскания (Ibid. P. 299).

Н. Димакис, изучая проблему социальной идентичности и социального статуса древнего населения Северного Пелопоннеса, учитывал не только особенности найденного с погребенными инвентаря, но и специфику культовой деятельности изучаемого социума и оформление надписей на надгробиях.

Анализ работ по античной тафологии показал, что общим достоинством всех выделяемых направлений является тщательное исследование различных возможностей интерпретации столь специфических источников, какими являются погребальные памятники. При рассмотрении различных направлений в отечественных и зарубежных исследованиях обнаруживаются схожие запросы, требующие разрешения одних и тех же проблем, которые обусловлены неполнотой информации о погребальных обрядах, связанной с фрагментарностью письменных и изобразительных источников, а также степенью сохранности археологического материала и костных останков умерших. До сих пор терминологический аппарат и методики исследования остаются слабо разработанными отчасти из-за неразрешенных технических задач.

Дополнительные трудности возникают в ходе интерпретации результатов исследований погребальных памятников в связи с затрудненностью обмена данными со специалистами смежных дисциплин. Безусловно, негативную роль играет несколько изолированное развитие античной тафологии в России и в других странах. Это подтверждается относительной редкостью примеров совместных исследований и публикаций.

Но наиболее серьезным недостатком исследований представляется неизбежный субъективизм, возникающий при анализе археологического материала: обычно и в отечественных, и в зарубежных работах изучаются отдельные аспекты погребального обряда, поэтому в ходе интерпретации представленный археологический материал рассматривается в отрыве от многих важных факторов, учет которых позволяет избегать ложных трактовок.

Весьма поучителен пример, приведенный в работе Р.-М. Берар (Berard, 2017. Р. 98–99), описывающий ситуацию, возникшую при интерпретации материала некрополей Мегары Гиблеи. Рассмотрев группу безынвентарных захоронений с индивидами, которые располагались в могиле в скорченном положении, она сочла их женскими и на основании позы погребенных предположила, что их можно связать с автохтонным населением Сицилии. Наличие таких захоронений могло бы свидетельствовать о существовании смешанных браков между греческими поселенцами и местными жителями в первые годы существования колонии. Но последовавшее исследование костных останков из этих погребений показало, что они принадлежали мужчинам. Кроме того, анализ археологического материала, верифицированный методами естественно-научных исследований показал, что погребения были совершены в более поздний период. Тогда, не отрицая возможности захоронений автохтонного населения в некрополях Мегары Гиблейской, Р.-М. Берар пришла к выводу, что положение тела в могиле не может свидетельствовать об этническом происхождении индивидов. Этот пример, по ее мнению, демонстрирует важность проведения комплексного анализа с привлечением данных смежных дисциплин для получения более достоверной информации о погребальном обряде.

Осознание этого приводит к разработке новых подходов. Так, в отечественных исследованиях по погребальному обряду античного времени активно развивается палеогеографическое направление. Большое значение для отечественных и зарубежных исследований приобретает ландшафтная археология¹⁰.

Как представляется, сегодня наиболее перспективным в изучении погребальных обрядов становится комплексный подход. Его суть заключается в

¹⁰ Например, см.: Сударев, Порогов, Гарбузов, 2018. С. 485–494; Damianov, 2005. Р. 91–94; Carter, 2006. Р.107–110.

последовательном рассмотрении всех особенностей погребальных традиций и их комплексной интерпретации с привлечением археологических памятников другого рода, сведений нарративных (литературных и эпиграфических), а также изобразительных источников и данных смежных дисциплин.

Как представляется, анализ погребальных обрядов на рассматриваемой в диссертации территории целесообразно проводить с учетом целого ряда факторов.

Для данного исследования важен подход, предложенный Н.И. Сударевым, который, проведя комплексное изучение грунтовых некрополей Боспора, сумел убедительно доказать существование разных обрядов в регионе, которые изменялись с течением времени (Сударев, 2005). Мы также опирались на результаты совместного исследования А.А. Завойкина, Г.П. Гарбузова, Н.И. Сударева, В.Л. Строкина, которое помогло распределить памятники Таманского п-ова VI – начала IV вв. до н.э. по областям и локальным зонам с учетом данных о существовавших в регионе погребальных обрядах (Гарбузов и др., 2011. С. 90–173).

На разработку алгоритма анализа, используемого в данной работе, в значительной степени повлияли выводы Н. Димакиса, сделанные в ходе изучения погребальных памятников Пелопоннеса. Согласно его мнению, погребальные обряды и ритуалы на обширной территории могут быть проанализированы в целом, исходя из того, что погребальные традиции – это не статичные явления, а скорее «развивающиеся сущности», которые меняются во времени и пространстве. Поэтому первым шагом должна стать полная обработка свидетельств о смерти на основе более изученных некрополей. Хотя достигнутый результат, конечно, будет несколько искусственным, он создаст «общую картину» погребальных практик и проиллюстрирует их эволюционный путь, насколько это возможно (Dimakis, 2011. P. 116). Принципиальным для данной работы стало положение Н. Димакиса о важной роли статистического

анализа, который рассматривается как инструмент, предоставленный археологам для интерпретации погребальных обрядов: он дает возможность свести бесконечную базу данных к точному и понятному набору характеристик, оценить различия и сходства в погребальных практиках и показать изменчивость и разнообразие погребальных обрядов в пространстве или времени (Ibid. P. 9).

Подход, предложенный исследователем, представляется актуальным и для изучения погребальных обрядов населения Азиатского Боспора VI–IV вв. до н.э. Применение методов многомерного анализа может существенно облегчить обработку материалов, накопленных в ходе многолетних археологических исследований региона.

Глава 2. Общая характеристика некрополей Азиатского Боспора и его окружения в VI–IV вв. до н.э.

Исследование некрополей Азиатского Боспора продолжается уже более 200 лет. Процесс этот шел крайне неравномерно, что было обусловлено накоплением археологического материала, разными методиками ведения раскопок, изменениями представлений ученых о погребальных традициях и т.д. Сегодня накоплен значительный массив археологического материала, объем которого особенно резко увеличился в связи с работами последних двух десятилетий. Исходя из этого, представляется необходимым оценить информативность его выборки и определить возможность использования накопленных фактов для последующего сравнительного анализа погребальных памятников.

В работе задействованы материалы 24-ти грунтовых и курганных некрополей Азиатского Боспора. Для сравнения рассматривались материалы некрополей Европейского Боспора (Пантикапея, Нимфея), других регионов Причерноморья (Ольвии, Борисфена и Истрии), греческих городов Ионии (Теоса, Милета, Клазомен, Фокеи, Эфеса, Смирны, Эрифр), Восточной Фракии (Абдеры) и 42-х могильников варварского окружения¹¹. Боспорские погребальные памятники датированы в пределах VI–IV вв. до н.э. Большинство варварских могильников синхронны им, некоторые памятники – на 100 лет старше¹².

¹¹ Материалы варварских могильников: Владимировский; Су-Псех, Цемдолинский, ОПХ «Анапа», Шесхарис, Лобанова Щель, Абинский, Келермесский, Псекупский, Старокорсунского городища 2, 3 у хуторов Красный, Воскресенского, Вестник, Рассвет, Ленина, 2,3, у аула Уляп, а также Семибратних курганов и др. (см Прил.5. табл. № 6). Эти данные необходимы для выявления «негреческих» особенностей в погребальных традициях Азиатского Боспора.

¹² Это Абинский и Келермесский могильники, часть захоронений Владимирского и Псекупского могильников Лобановой Щели, Шесхариса, Старокорсунского городища 2, 3 у хуторов Ленина, Красный, могильник у хутора Воскресенский. Их материалы используются для сравнения преднамеренно в качестве «эталонных» варварских памятников, еще не подвергшихся влиянию эллинской культуры. Такой подход продиктован необходимостью изучения исконных черт

Весь массив разделен на три группы, которые объединяют некрополи по степени их репрезентативности и информативности. В первой группе рассмотрены памятники, материал которых помогает решить широкий круг задач, включающий анализ изменений обрядов во времени, определение особенностей обрядов, связанных с полом и возрастом погребенных. Вторая группа включает некрополи, материал которых позволяет проследить эволюцию погребальных обрядов во времени в рамках только отдельно взятого памятника. В последней – характеризуются малоисследованные некрополи, особенности погребальных обрядов которых могут выявляться лишь в сопоставлении с материалами других некрополей.

2.1. Некрополи первой группы.

Некрополь Фанагории.

Грунтовый некрополь Фанагории – крупнейший погребальный памятник на Азиатском Боспоре¹³. С востока, юга и запада он примыкает к границам древнего города. Западный некрополь располагается вдоль берега Таманского залива на протяжении примерно 2 км; восточный – от городских стен растянут на восток вдоль побережья на 2–3 км (Ворошилова, 2010. С. 37), часть восточного некрополя в настоящее время утрачена из-за обрушения берега.

Курганный (Южный) некрополь Фанагории расположен у подножия горы Майская и за ней. Он представляет собой двойную цепь курганов, вытянутых к югу и юго-востоку вдоль древней дороги и к западу от горы (Там же).

В истории изучения курганного и грунтовых некрополей Фанагории О.М. Ворошилова выделяет два периода: 1) с конца XVIII до 1936 г. и 2) с 1936 г. до

варварских погребальных обрядов, элементы которых могли, в свою очередь, быть заимствованы греками и стать элементами новых погребальных традиций, формирующихся на Боспоре.

¹³ Сведения о полевых исследованиях некрополя Фанагории преимущественно взяты из работы О.М. Ворошиловой, но ее данные были дополнены и уточнены.

современных исследований (первое десятилетие XXI в.) (Ворошилова, 2010. С. 38).

Ранний этап изучения некрополей Фанагории достаточно полно рассмотрен в монографии Е.Г. Застрожной, которая подразделяет его на три основных периода: 1. Археологическое изучение Фанагории в конце XVIII — первой половине XIX столетии; 2. Изучение ее как «столицы Азиатского Боспора» в эпоху Императорской археологической комиссии (1859–1918 гг.); 3. Исследования советской археологии в 1921–1940 гг. (Застрожная, 2019).

Первые раскопки начались в последние годы XVIII столетия под руководством генерала Г. Ван дер Вейде¹⁴. Они привели к открытию двухкамерного склепа (датированного М.И. Ростовцевым IV–III вв. до н.э.), но носили грабительский характер (Ворошилова, 2010. С. 39).

С 1836 г. по 1846 г. раскопки курганов на территории Таманского полуострова и некрополя Фанагории проводились под руководством директора Керченского музея древностей А.Б. Ашика (Ворошилова, 2010. С. 39), а в период с 1839 г. по 1847 г. – Д.В. Карейши. Ему удалось исследовать 34 насыпи у станции Сенной. С 1852 по 1855 гг. К.Р. Бегичевым велись раскопки под руководством графа Л.А. Перовского. В 1859 г. исследование курганов близ станции Сенной у сопки Блевака, а также далеко к западу от городища Фанагории между хутором Чижевского и Шимарданской бухтой вел К.К. Герц. К сожалению, отчеты о результатах этих раскопок отсутствуют. Известно о раскопках 1878–1880 гг., проводимых С.И. Веребрюсовым и Н.П. Кондаковым к югу и юго-западу от сопки Блевака, но их результаты выходят за хронологические рамки нашего.

В первый период исследований Фанагорийского некрополя было раскопано ограниченное число датированных погребальных памятников,

¹⁴ С 1798 по 1800 гг. Установить точную дату начала раскопок Г. Ван дер Вейде не представляется возможным (см. Тункина, Застрожная, Шаров, 2018. С. 145–146).

относящихся к интересующему нас периоду. Наиболее ранние погребения открыты в 1852 г. К.Р. Бегичевым и А.Е. Люценко в кургане № 6. Обнаружены скелеты трех человек и 6 костяков лошадей, которые А.К. Коровиной впоследствии были датированы второй половиной V в. до н.э.¹⁵ (Виноградов, 2005. С. 120 – 121). К интересующему нас времени относится и сырцовая гробница в кургане № 1, исследованная К.Р. Бегичевым и А.Е. Люценко в том же году. По обряду захоронения и набору сопроводительного инвентаря Ю.А. Виноградов предположил, что это погребение относится к IV в. до н.э. (Там же. С. 181).

Ко второй половине IV в. до н.э. относятся две гробницы, открытые К.Р. Бегичевым в Остром кургане в 1866–1868 гг. к юго-западу от ст. Сенной на расстоянии около километра к югу от хутора П.Д. Семеняки (Виноградов 2005. С. 177–180; Ворошилова 2010. С. 39). К изучаемому периоду предположительно могут относиться и захоронения в семи курганах, раскопанных в 1875 г. А.Е. Люценко, однако точная датировка этих материалов не представляется возможной. Вероятно, эллинистическими могли быть погребения и комплексы, открытые К.Е. Думбергом в 1892 г. и 1900 гг. К сожалению, сведений об этих раскопках также недостаточно (ОАК 1893. С. 9; ОАК 1896 С. 124; Ворошилова, 2010. С. 42; Застрожнова, 2019 С. 107–110).

Исследователи полагают, что изучение грунтового некрополя начинается в 1869 г. со случайного открытия И.Е. Забелиным нескольких захоронений. Известно только, что им было изучено 16 могил, 7 из которых оказались ограбленными. Предполагается, что к эпохе античности можно отнести лишь одно захоронение из шестнадцати (Тункина, 2002. С. 635).

С 1936 г. наступает новый период в истории исследований некрополя Фанагории, который от предшествующего отличался «прежде всего, планомерностью и большей систематичностью производившихся работ»

¹⁵ Ю.А. Виноградов впоследствии подтвердил правильность ее датировки (Виноградов, 2005. С. 181).

(Ворошилова, 2010. С. 43). С 1936 г. по 1964 г. В.Д. Блаватским и М.М. Кобылиной велись работы на трех основных участках грунтового некрополя («А», «Б» и «С»). В ходе раскопок 1936–1940 гг. исследовано около 150 погребений, из них к интересующему нас времени можно отнести лишь 7. Это четыре могилы в некрополе «Б», отнесенные к IV в. до н.э. (Блаватский, 1941. С. 25), захоронения № 106 и № 109, датированные В.Д. Блаватским последней третью VI в. до н.э. и захоронение без номера, которое было открыто на южном участке некрополя в межкурбанном пространстве (см.: Кобылина, 1951. С. 242). В недавнем исследовании датировки захоронений № 106 и № 109 были уточнены в соответствии с современной хронологией: погребение 109/1939 отнесено ко второй четверти V в. до н.э., погребение 106/1939 датируется в интервале между 525 г. и 475 г. до н.э. (Завойкин и др., 2017. С 185).

Исследования грунтового некрополя, прерванные с началом Великой Отечественной войны, были продолжены в 1948 г. раскопками М.М. Кобылиной. Были открыты 34 погребения, наиболее ранние из которых датированы началом III в. до н.э. (Ворошилова, 2010. С. 43). В 1950–1955 гг. И.Д. Марченко исследовал еще 7 погребений, относящихся ко II–I вв. до н.э. Для нашей работы интерес представляют результаты раскопок 1955 г., давшие материал из каменного склепа недалеко от хутора «Трактор». Основная масса находок относится к IV в. до н.э. (Ворошилова, 2010. С. 44).

С начала 60-х годов XX в. исследования фанагорийского некрополя были продолжены под руководством А.К. Коровиной. Эти работы, по оценке О.М. Ворошиловой, имели в основном охранно-спасательный характер (Там же). В ходе полевых исследований, проводившиеся в связи со строительством шоссе Тамань – Сенной, к 1964 г. было раскопано 198 могил, 32 из которых отнесены к III–I вв. до н.э. (Коровина, 1964. С. 130–136). В 1965 г. на двух участках было открыто 331 погребение в основном эллинистического и римского времени.

Таким образом, послевоенные исследования 1948–1965 гг. почти не дают информации для интересующего нас периода.

Исследования некрополя продолжились в 70-е – 80-е годы XX в. под руководством В.С. Долгорукова и Т.Г. Шавыриной и были связаны со строительством напорного коллектора очистных сооружений вдоль шоссе Тамань – Сенной (Ворошилова, 2010. С. 44). В 1974 г. на раскопе «Некрополь М» было открыто 5 захоронений III–II вв. до н.э. В 1978–1979 гг. на территории западного некрополя Фанагории были заложены «Юго-Западный» и «Западный» раскопы. Под руководством Т.Г. Шавыриной и О.Н. Усачевой на этих участках были открыты 72 захоронения, из них к интересующему нас времени относятся 18. В 1980 г. на двух участках восточного некрополя Фанагории общей площадью 1000 м² севернее шоссе Тамань – Сенной были открыты еще 89 погребений. Большинство из датированных комплексов относилось к эллинистическому времени. К интересующему нас периоду можно отнести лишь две могилы второй половины IV в. до н.э., но значительная часть погребений не содержала инвентаря (Шавырина, 1980. С. 110, 137).

Открытия архаических захоронений на раскопе «Южный город» связаны с раскопками под руководством В.С. Долгорукова в 1986–1988 гг. Здесь было открыто 14 погребений последней трети VI – первых десятилетий V в до н.э.¹⁶

Работы на грунтовом некрополе Фанагории продолжались в начале 2000-х гг.: в 2001–2002 гг.; 2004 г. и 2008 г. они проводились под руководством Т.Г. Шавыриной, а в 2003 г. – Н.И. Сударева. В результате было исследовано 41 погребальное сооружение (Сударев, Шавырина, 2003), наиболее ранние из них относятся к IV–II вв. до н.э. В результате раскопок курганного некрополя под руководством В.Д. Кузнецова в 2003 г. был открыт уникальный склеп IV в. до н.э. с уступчатым перекрытием (Кузнецов, 2004. С. 94–123).

¹⁶ Публикацию материалов см. (Завойкин и др., 2017. С. 112–184).

С 2003 г. по 2007 г. изучением памятников некрополя руководил А.П. Медведев¹⁷. Было открыто 230 погребений (Ворошилова, 2010. С. 46), но только 2 из них, относящиеся к IV в. до н.э., интересны для данного исследования (Медведев, 2010. С. 149). В 2012 г. под руководством Н.И. Сударева в ходе охранно-спасательных работ на кургане и участке грунтового некрополя Фанагории на улице Гвардейской было открыто еще 8 могил, которые датировались V–IV в. до н.э.¹⁸

С 2008 г. по настоящее время исследования некрополя осуществляются под руководством А.Н. Ворошилова. На сегодняшний день изучено несколько десятков могил эллинистического периода, в том числе и захоронений, датированных IV в. до н.э.¹⁹

Согласно подсчетам О.М. Ворошиловой, только с 1936 г. по 2013 г. на некрополе Фанагории было обнаружено более 1300 захоронений²⁰. На Западном и Восточном грунтовых некрополях открыто 840 погребений, имеющих относительно точную датировку (Ворошилова, 2010. С. 47)²¹. Кроме того, 14 погребений архаического и классического времени исследованы в пределах городской черты (Завойкин и др., 2017. С. 112–184).

Всего с учетом результатов раскопок Н.И. Сударева в 2012 г. к интересующему нас периоду относится 60 захоронений VI–V вв. до н.э. и около 100 – к IV в. до н.э., что составляет примерно 15% общего числа всех

¹⁷ Общее руководство исследованиями некрополя и древнего города осуществлялось В.Д. Кузнецовым.

¹⁸ Выражаю глубокую благодарность Н.И. Судареву и В.Д. Кузнецову за предоставленную информацию.

¹⁹ Эти материалы находятся в стадии обработки и пока недоступны для исследования.

²⁰ Общее число погребений, исследованных в грунтовой и курганной некрополях.

²¹ Отнесение всех погребений Восточного и Западного некрополя к грунтовым весьма условно. Последними открытиями установлено, что некоторые захоронения раннего некрополя, прежде считавшиеся «грунтовыми», находились под курганными насыпями (Ворошилов, Ворошилова, 2019. С.101–104).

раскопанных могил.²² Таким образом, число погребений VI–IV вв. до н.э. крайне невелико в сравнении с общей выборкой.

В курганном некрополе Фанагории, по мнению Я.М. Паромова, насчитывается 268 курганов (Паромов, 2004. С. 288). Подавляющее большинство курганов датируется в пределах V в. до н.э. – IV в. н.э.²³ Большая часть подкурганных захоронений была изучена в XIX в., но конкретных сведений о результатах этих работах почти не сохранилось. Я.М. Паромову удалось использовать материалы 175 захоронений, из которых к VI–IV вв. до н.э. относятся 73, что составляет примерно 41% от общего числа всех известных на данный момент погребений в курганах (Паромов, 2004. С. 288–292). В них преобладают захоронения в простых прямоугольных и грунтовых ямах, а также детские захоронения в амфорах. Часть погребений в грунтовых ямах имеет деревянные перекрытия. В качестве перекрытия либо подстилки в могилах используется камка. Встречается подсыпка пола могилы песком. В нескольких захоронениях предположительно прослежены остатки клине. Все погребения VI–IV вв. до н.э., вошедшие в выборку данной работы, одиночные. Преобладает положение умерших вытянуто на спине, периодически фиксируется «поза всадника» и скорченное положение на боку. Большинство погребенных ориентировано в восточном секторе. В керамических наборах представлены: миски, кувшины, сосуды для питья, амфоры, мелкие глиняные сосуды (преимущественно лекифы и солонки). В нескольких захоронениях найдены предметы наступательного вооружения (мечи, копья, наконечники стрел), а в одном случае – защитного (панцирь). Из украшений встречаются перстни и

²² Подсчет точного количества захоронений IV в. до н.э. представляется крайне затруднительным: согласно сведениям Н.И. Сударева на 1998 г., число захоронений IV–II вв. до н.э. составляет 283 комплекса (Сударев, 2005. С.27). В работе О.М. Ворошиловой указано лишь, что захоронения IV–I в. до н.э. составляют 27,1% от общего числа изученных погребений. Точный подсчет комплексов, открытых А. Н. Ворошиловым в последние годы, также представляется не возможным. В базу данных исследования вошли сведения о 35 комплексах раскопок разных лет, датированных IV в. до н.э.

²³ 17 курганов отнесено к эпохе бронзы (Паромов, 2004. С. 289). Таким образом, к античной эпохе может относиться 251 курган.

серьги, в том числе серебряные и золотые. В качестве вотивов иногда обнаруживаются монеты и раковины (Блаватский, 1951. С. 191–217; Кобылина, 1951. С. 241–249; Коровина, 1964. С. 78–82, 139–143; Шавырина, 1980. С. 19, 27; Кузнецов, 2006. С. 42–43; Сударев, 2005. С. 69–85; Завойкин и др., 2017. С. 112–188).

Малое количество исследованных захоронений VI–IV вв. до н.э. усложняет задачу определения отличительных особенностей некрополя Фанагории. Но все же специфичными можно считать выявленные в 1951 г. М.М. Кобылиной тризны в обряде «массового» некрополя раннего периода, а также некоторые черты «варварской обрядности», фиксируемые уже в V в. до н.э., которые отразились в находках каменных изваяний, «не свойственных греческому искусству» (Кобылина, 1951. С. 99).

Давая оценку ранних материалов грунтового некрополя Фанагории, накопленных к середине 1960-х гг., А.К. Коровина (1964. С. 78–82) отмечала близость погребального обряда этих захоронений и других боспорских некрополей²⁴. Аналогичный вывод сделан ею и по материалам 6-ти погребений IV в. до н.э. Интересно, что при всей немногочисленности выборки все же была предпринята попытка различить обряд захоронений VI–V вв. до н.э. и IV вв. до н.э. В качестве особенностей обряда IV в. до н.э. отмечались: сохранение ориентировки погребенных в восточном секторе²⁵, наличие скорченного положения тела в захоронениях, появление обряда кремации (Коровина, 1964. С. 143).

А.А. Масленников, анализируя выборку захоронений грунтового некрополя Фанагории IV в. до н.э., предполагал присутствие в составе ее

²⁴ А.К. Коровина принимала датировки, предложенные для ранних захоронений Восточного некрополя Фанагории В.Д. Блаватским и относила их к VI–V вв. до н.э. В современных исследованиях эти погребения датируются не ранее второй четверти V в. до н.э. (см. Завойкин и др., 2016. С. 185)

²⁵ Эта традиция была прослежена А.К. Коровиной на некрополе Фанагории, начиная со второй четверти V в. до н.э.

населения негреческих компонентов уже в этот период²⁶. К чертам «негреческого» погребального обряда исследователь отнес появление скорченного положения погребенных и ориентировки в западном секторе, что он связывал с влиянием погребальных традиций дандариев. Грунтовую могилу IV в. до н.э. по наличию полного набора вооружения А.А. Масленников определил, как погребение синдского дружинника (Масленников, 1981. С. 53). Он полагал, что с III в. до н.э. на погребальные обряды Фанагории могли оказывать влияние сарматы, что выразилось в появлении ориентировки погребенных в южном секторе, а также остатков мясной пищи (Там же. С. 76).

В разделе коллективной монографии «Античные государства Северного Причерноморья» новых сведений о специфике погребального обряда Фанагории интересующего нас периода практически не содержится. Автор раздела (В.Д. Долгоруков) лишь обобщает сведения, полученные предшественниками, добавив, что в инвентаре большей части погребений доминирует посуда местного фанагорийского производства (Долгоруков, 1984. С. 81).

Наибольшая выборка погребений грунтового некрополя Фанагории интересующего нас времени представлена в кандидатской диссертации Н.И. Сударева. Он обратил особое внимание на обряд детских захоронений, отметив, что с самого раннего периода на некрополе сосуществовали, как минимум, две практики захоронения детей – в амфорах и в грунтовых ямах, причем «по выходу детей из младенческого возраста – с инвентарем» (Сударев, 2005. С. 57). В работе много внимания уделено погребальным конструкциям. Выявлено, что ямы с заплечиками по узким сторонам (Тип. 1.5 по его классификации), открытые в грунтовой некрополе Фанагории, не встречаются в варварских степных могильниках, но находят аналогии в некрополях материковой Греции (Там же. С. 77). Отмечается довольно высокий процент погребений «с элементами скорченности» и подчеркивается греческое происхождение этой

²⁶ А.А. Масленников располагал сведениями лишь о 7 погребениях этого времени.

традиции (Там же. С. 134–136). Еще одной особенностью Н.И. Сударев считает резкое возросшее с IV в. до н.э. количество захоронений по обряду кремации (Там же. С. 130).

В исследовании, посвященном позднеархаическим погребениям, обнаруженным в разные годы на раскопе «Южный город», выделен ряд отличительных черт погребального обряда древнейшего некрополя Фанагории (Завойкин и др., 2016. С. 197). Установлено, что наличие детских захоронений в амфорах выделяет этот некрополь «из числа иных и объединяет его с некрополями тех центров, для которых именно такой способ обращения с телами умерших младенцев характерен». Еще одна особенность погребального обряда проявляется в отсутствии в архаическом некрополе конструкций из камня. Изучая планиграфию архаического некрополя, исследователи заметили, что застройка территории некрополя домами была для полиса событием неординарным и, предположительно, могла быть связана с резким расширением территории города в результате притока новых колонистов после разгрома Ионийского восстания в 494 г. до н.э. (Там же. 2016. С. 200).

Таким образом, материалы некрополей Фанагории представляются вполне репрезентативными. Было учтено не менее 300 погребений исследуемого периода (VI–V вв. до н.э.), что составляет примерно 15% общего числа всех раскопанных могил. Несмотря на относительную немногочисленность ранних погребений по сравнению с материалами позднеэллинистического и римского времени, эта выборка оказалась достаточно информативной. Заслуживает внимания разнообразие типов погребальных конструкций в захоронениях и набора сопроводительного инвентаря.

В настоящей работе использованы данные только о 127 захоронениях²⁷. Этот объем вполне сопоставим с выборками других синхронных некрополей Азиатского Боспора.

Некрополь Кеп.

Городской некрополь у северной окраины поселка Сенной («Пескокарьер»), расположен в 0,3 км к северо-востоку от жилых построек. Его традиционно связывают с Кепами (хотя существуют и альтернативные точки зрения). Некрополь является вторым по величине погребальным памятником такого типа на территории Азиатского Боспора. Курганы некрополя окружают городище Кепы с востока, севера и юга. Они расположены вдоль древних дорог и образуют три линии (см. Паромов, 2003. С. 240). Первая линия, протяженностью свыше 3 км, огибает Таманский залив и тянется вдоль побережья от западного конца Киммерийского вала до северной границы некрополя Фанагории. Вторая линия представляет собой короткое ответвление от первой и расположена вдоль дороги, ведущей к городищу. Третья – также растянута вдоль древней дороги, идущей от городища на восток по северному склону горы Цымбалы в сторону раннеантичных поселений у станицы Ахтанизовской.

В истории изучения памятника, насчитывающей уже 150 лет, вслед за Я.М. Паромовым, можно выделить два основных этапа: 1) раскопки Императорской археологической комиссии 1870–1880 гг.; 2) полевые исследования Института археологии АН СССР и ГМИИ им. Пушкина 1961–1978 гг. (Паромов, 2003.С. 239).

Исследование курганного некрополя Кеп началось во второй половине XIX в. (ОАК 1870-1871. С. XV). В 1870 г. В.Г. Тизенгаузенем были

²⁷ Сведения о 300 погребениях приводятся с учетом ограбленных могил и тех, о которых сохранились лишь отрывочные сведения. В базу данных исследования, к сожалению, не вошли материалы, открытые в ходе раскопок последних лет, поскольку они находятся в стадии обработки.

исследованы три кургана между хуторами Пивнева и Артюхова²⁸, а в 1872 г. – еще один курган «близ почтовой дороги у станции Сенной»²⁹. В нем открыто два погребения в каменных гробницах.

В 1879 г. Н.П. Кондаков раскопал еще 9 курганов: Сенной 6, 7, 9, 12, 17, 39 – 42. Все они относились к линии, ведущей от хут. Артюхова к горе Цымбалы. В восьми насыпях обнаружены погребения античного времени. Раскопки девятого кургана, по словам исследователей, «были признаны безуспешными» (Паромов, 2003. С. 240; Иванов, Сударев, 2017. С. 161). В 1879–1880 гг. В.Г. Тизенгаузен и С.И. Веребрюсовым изучался знаменитый Артюховский курган II в. до н.э. В 1880 г. С.И. Веребрюсовым были описаны еще 8 курганов (Сенной 21, 23–25, 55, 57, 63, 64). После этих раскопок изучение курганного некрополя Кеп прервалось почти на 100 лет.

Новые работы были проведены в 1961 г. под руководством Н.И. Сокольского (Паромов, 2003. С. 241). Они имели охранный характер и были связаны с обустройством пескокарьера на северо-западной окраине пос. Сенной. В ходе полевых сезонов 1961–1963 гг. были изучены 11 курганов³⁰, из которых не более 8-ми могут быть отнесены к интересующему нас периоду (курганы Сенной 4, 5, 7 содержали захоронения эпохи бронзы). Еще три кургана (Сенной 13, 14, 15) Н.И. Сокольский и Н.П. Сорокина раскопали в 1967 и 1968 гг. В них открыты 17 погребений, из которых 16 отнесены к античному времени. Курган Сенной 16, раскопки которого были начаты В.Г. Тизенгаузен в 1872 г., в 1971 г. изучался Н.И. Сокольским. Результатом этих работ стало открытие двух каменных гробниц, в одной из которых было обнаружено парное погребение. Курган Сенной 17 рубежа третьей – последней четвертей II в. до н.э. был исследован в 1978–1979 гг. В.С. Долгоруковым и Н.П. Сорокиной.

²⁸ Впоследствии эти курганы получили наименования: Сенной 19, 20, 22 (Паромов, 2003. С. 239)

²⁹ Курган Сенной 16.

³⁰ Курганы Сенной 1–11.

В 2015 г А.В. Ивановым и Н.И. Сударевым изучался курган Сенной 45. Он располагался в 1,15 км к северо-востоку от ж/д переезда в поселке Сенной на гряде Цымбалы, предположительно, на третьей линии некрополя Кеп (Иванов, Сударев, 2017. С. 162). В кургане открыты 7 погребений. К интересующему нас периоду относятся 4 захоронения IV в. до н.э. (Там же. С. 165–171).

По сведениям Я.М. Паромова, к 2003 г. из 70 известных курганов некрополя Кеп сохранились лишь 43 (Паромов, 2003. С. 239). За все время исследований в курганном некрополе Кеп раскопаны 77 могил, из них к интересующему нас периоду относится 22, что составляет почти 30% общего числа (Паромов 2003; Иванов, Сударев, 2017) ³¹.

Раскопки грунтового некрополя Кеп были начаты экспедицией ИИМК АН СССР под руководством Н.И. Сокольского в 1959 г. С 1959 г. по 1968 г. он планомерно исследовался Таманским отрядом ИА АН СССР, возглавляемым Н.П. Сорокиной. В результате на площади более 6000 м² открыто 416 могил. После 1968 г. изучение грунтового некрополя не проводилось. В выборку нашего исследования включены 68 захоронений, которые относятся к VI – IV вв. до н.э.

В 1962 г. была опубликована первая статья Н.П. Сорокиной, посвященная погребальному обряду грунтового некрополя Кеп (Сорокина, 1962. С. 96–106). Характерными особенностям погребений V – I вв. до н.э. она посчитала: восточную ориентировку погребенных, преобладание захоронений в простых земляных ямах, наличие большого количества детских погребений в амфорах, расположение рук умерших вдоль туловища. В отдельную группу были выделены захоронения в черепичных гробницах, появление которых в некрополе фиксировалось с середины IV в. до н.э. (Сорокина, 1962. С. 97).

Особенности погребений VI–V вв. до н.э. рассматривались и в диссертации А.К. Коровиной, в которой отмечено количественное преобладание

³¹ Все материалы этих погребений в полном объеме вошли в выборку нашего исследования.

аттической и «местной» лепной посуды над посудой ионийского производства, зафиксировано расположение посуды вдоль стенок могил (Коровина, 1964. С. 83). А.К. Коровина подчеркивала сходство обряда в некрополе Кеп VI–V вв. до н.э. с синхронными погребениями в некрополях Тузлы, Пятиколодезного и ст-цы Таманской, что нашло отражение в положении и ориентировке скелетов, наборе инвентаря, устройстве гробниц (Там же. С. 84). Поскольку на момент написания диссертации А.К. Коровиной погребения IV в. до н.э. в грунтовом некрополе Кеп еще не были изучены, она ограничилась лишь материалом курганного некрополя. Была отмечена близость погребального обряда в некрополе Кеп этого периода и в некрополе Фанагории. Основываясь на анализе инвентаря и погребальных конструкций, А.К. Коровина указал на смешанный характер погребального обряда, объясняя его наличием как греческих, так и «туземных» традиций (Там же. С. 160–161).

А.А. Масленников обратил внимание на близость погребальных обрядов в «одном захоронении» курганного некрополя Кеп, открытого в 1880 г., и погребения в четвертом Семибратнем кургане. Это, по мнению исследователя, свидетельствует о близости «верхов» в Кечах и в глубинных районах Синдики (Масленников, 1981. С. 36–37). В некрополе IV в. до н.э. он особо выделил погребение в скорченном положении, считая «скорченность» исключительным признаком «меотской обрядности» (Масленников, 1981. С. 52–53).

Специфическим чертам погребального обряда грунтового некрополя Кеп VI–IV вв. посвящена серия работ Н.И. Сударева и Н.П. Сорокиной, а также раздел кандидатской диссертации Н.И. Сударева. В наборе сопроводительного инвентаря исследователи обратили внимание на расположение амфор в головах погребенных, подчеркнув их использование именно в качестве погребального инвентаря, а также на взаимовстречаемость амфор и сосудов, предназначенных для питья. Это, по мнению авторов, является особенностью, характерной для

некрополей Азиатского Боспора (Сорокина, Сударев, 2003. С. 297–307)³². В статье, посвященной детским погребениям в Северном Причерноморье VI–III вв. до н.э., Н.И. Сударев и Н.П. Сорокина отметили, что все младенческие захоронения в некрополе Кеп были совершены в амфорах³³. Возможно, такой способ обращения с умершими детьми может свидетельствовать о широком распространении в погребальных практиках некрополя культа Афродиты Урании. Использование данной ритуальной практики исследователи связывали с влиянием Фанагории (Сорокина, Сударев, 2000. С. 199–200). При рассмотрении вопроса о способах обращения с телом погребенных в некрополе Кеп VI–IV вв. до н.э. были отмечены высокий процент захоронений в скорченном положении и бытующий уже с эпохи эллинизма обычай положения рук умерших на таз или под него. Кроме того, в качестве особенностей некрополя было выделено наличие захоронений, совершенных по обряду выставления (Сорокина, Сударев, 2002. С. 279–284). Небольшое количество погребений с оружием, зафиксированное в грунтовом некрополе Кеп VI–IV вв. до н.э., не рассматривалось исследователями как отличительная черта погребального обряда этого памятника, причем, указывалось, что «исчезновение» оружия из погребений в III в. до н.э. свидетельствует об общих тенденциях в развитии обряда в Кечах и других некрополях Азиатского Боспора (Сорокина, Сударев, 2002 а. С. 234–241). В совместной работе тех же авторов, посвященной особенностям погребальных сооружений, простые грунтовые ямы определены как основной тип погребальной конструкции. Обращено внимание на относительно малое количество сооружений других типов: выявлены только погребение, сооруженное из сырцовых кирпичей, и черепичная гробница (Сорокина, Сударев, 2004. С. 354–356).

³² На Европейском Боспоре, по предположению исследователей, амфоры частью сопроводительного инвентаря не являлись (Сорокина, Сударев, 2003. С. 306 – 307.)

³³ При этом зафиксирован высокий процент детских захоронений – примерно 33% от всей выборки погребений VI–III вв. до н.э.

В диссертации Н.И. Сударева дополнительно выделяется еще одна характерная черта: использование бракованных сосудов в захоронениях некрополя Кеп эпохи эллинизма (Сударев, 2005. С. 44–60, 80–87). Наличие в погребениях ножек и стенок амфор он рассматривает как свидетельство распространения в Кечах культов хтонических и кактонических божеств (Сударев, 2005. С. 44–45). Одной из наиболее ярких особенностей погребальных обрядов Кеп исследователь считает большое количество каменных «эсхар» и столиков-трапедз (Сударев, 2005.С.196–197)³⁴.

В статье А.В. Иванова и Н.И. Сударева, посвященной кургану 44/45 некрополя Кеп, рассматриваются отличительные особенности обряда элитных погребений (Иванов, Сударев, 2017 С. 160–189). Исследователи обнаруживают схожесть обрядов этих захоронений с обрядами других курганных некрополей Боспора и Синдики³⁵. В частности, отмечено сходство погребальных сооружений и набора вооружения в воинских захоронениях кургана 44/45 с другими памятниками. Авторы доказывают греческую принадлежность этих погребений, подчеркивая, что «культура знати», погребенной в курганном некрополе Кеп, имела особый «надэтнический характер и была распространена на широких пространствах – от Кавказа до Апеннинского полуострова» (Иванов, Сударев, 2017. С. 176–183). В связи с этим они предлагают отказаться от предположений в пользу варварской принадлежности этих погребений и рассматривать погребальные обряды культуры элит в некрополе Кеп отдельно от традиций рядового населения.

Таким образом, сравнительно небольшая выборка захоронений VI–IV вв. до н.э. некрополя Кеп представляется в достаточной степени информативной для данного исследования³⁶. В нем зафиксировано значительное число детских захоронений (26), что дает возможность для сопоставления их инвентаря с

³⁴ Известно 17 экземпляров (см. Сударев, 2005. С. 197)

³⁵ Имеются в виду Семибратние курганы (Иванов, Сударев, 2017 С. 176–177).

³⁶ 68 грунтовых и 22 подкурганных погребений

материалами других погребальных памятников Азиатского Боспора. Не менее репрезентативны и другие захоронения, учитывая особый характер их надмогильных конструкций, вариативный набор предметов сопроводительного инвентаря, высокий для сравнительно небольшой выборки процент погребений с оружием.

Некрополь Гермонассы.

Одним из важнейших погребальных памятников Азиатского Боспора является городская некрополь Гермонассы. Грунтовый некрополь примыкает к территории древнего города с запада³⁷, юго-запада и юго-востока. Курганный некрополь располагается в тех же направлениях в радиусе 5–6 км. Основная группа курганов локализована вдоль современной дороги по направлению к Лысой горе и мысу Тузла (Коровина, 2002. С. 81–82).

Раскопки курганного некрополя Гермонассы начались, предположительно, в 1817 г., когда под руководством полковника Парокия около Тамани был исследован курган (Тамань 79), в котором были открыты 4 захоронения, датированные М.И. Ростовцевым IV в. до н.э. (Паромов, 2002 а. С. 112–113)³⁸. Грабительский характер работ не позволил сохранить материалы исследования (Коровина, 2002. С. 20). В 1842 г. недалеко от станицы Тамань Д.В. Карейшей были изучены еще 9 курганных насыпей. Большинство захоронений в них оказались разграблены и разрушены еще в древности. Лишь в одной насыпи, находившейся к югу от станицы Тамань, было открыто погребение V в. до н.э. с элементами конской упряжи (Там же. С. 20–21). В 1868 г. В.Г. Тизенгаузенем провел раскопки трех курганов (Тамань 19, 20, 78) к западу от городища Гермонассы (Паромов, 2002а. С. 14, 95–96, 117). В кургане Тамань 19 было открыто женское погребение в деревянном саркофаге. В 1869 –

³⁷ Западный грунтовый могильник НГЗ. Его протяженность составляет около 2 км, он растянут от небольшой балки, ограничивающей центральную часть городища с запада (Коровий брод) до кургана Тамань 21. Выражаю глубокую благодарность Н.И. Судареву за предоставленную информацию.

³⁸ Два захоронения этого кургана датированы рубежом IV–III вв. до н.э. (Паромов, 2002. С. 113)

1870 г. П. И. Хицуновым и А.Е. Люценко исследовались курганные насыпи к западу (курган Тамань 21, Острый; Тамань 24; Тамань 23; 25) и к югу от городища (Паромов, 2002 а. С. 86–87).

В 1885 г. директором Керченского музея Ф.И. Гроссом были раскопаны три кургана (Тамань 38, 39, 40). В кургане Тамань 40 обнаружено коллективное захоронение в склепе IV–III вв. до н.э. (Паромов, 2002а. С. 14–15). В 1916 г. В.В. Шкорпил открыл в кургане Тамань 24 знаменитый мраморный саркофаг.

После этих исследований изучение курганного некрополя Гермонассы было прервано почти на сто лет.

К 2002 г. в некрополе Гермонассы были изучены 37 курганов, в которых лишь 12 захоронений датированы в пределах IV в. – рубежа IV–III вв. до н.э. (Паромов, 2002 а. С. 96–120).

Первые исследования грунтового некрополя Гермонассы проводились П.И. Хицуновым в 1869 г. Были открыты 3 погребения в каменных гробницах, однако сведений об их датировке и культурной принадлежности не сохранилось (Паромов, 2002 а. С. 136). В 1870 г. А.Е. Люценко раскопал еще 9 каменных раннехристианских (по мнению исследователя) гробниц в районе Лысой горы. В 1913 г. В.В. Шкорпил исследовал грунтовый могильник в трех верстах от станции Таманской к северу от дороги к мысу Тузла ³⁹. В период второй половины 1920-х – первой половины 1930-х гг. некрополь Гермонассы изучался различными экспедициями под руководством А.С. Башкирова, Н.И. Репникова, А.А. Миллера (Паромов, 2002а. С. 138–140)⁴⁰. В 1938 г. работами на некрополе руководил А.Г. Остроумов. Тогда было открыто 88 погребений, 14 из которых датированы VI–V вв. до н.э. В 1940 г. на территории западного некрополя Гермонассы обнаружилось 9 погребений, в их числе два относятся ко второй

³⁹ По мнению Я.М. Паромова, этот могильник не имеет отношения к некрополю Гермонассы, а мог принадлежать «раннеантичному» поселению Тамань 4.

⁴⁰ А.А. Миллером открыты 13 погребений, лишь 4 из которых относились к античному времени. Впоследствии эти захоронения были датированы концом VI – первой половиной V в. до н.э.

половине VI в. до н.э.⁴¹ и к IV в. до н.э. Раскопки, проведенные до Великой Отечественной войны, привели к открытию около 100 захоронений, из которых 16 относятся к VI–IV вв. до н.э. (Гайдукевич, 1959. С. 158 – 187; Сударев, 2005. С. 30; 2009. С. 422)⁴². После Великой Отечественной войны раскопки были продолжены Т.В. Блаватской, А.К. Коровиной и Н.П. Сорокиной. В 1951 г. Т.В. Блаватская исследовала 2 погребения V в. до н.э. В 1953 г. в западном некрополе А.К. Коровиной было открыто захоронение VI в. до н.э. В 1955 г. Н.П. Сорокиной в южном некрополе Гермонассы были обнаружены еще 4 захоронения интересующего нас времени: три были датированы V в. до н.э., одно – IV в. до н.э. Работы 1956–1957 гг. выявили еще 11 погребений VI–IV вв. до н.э. (Паромов, 2002а. С. 145–148).

В 2007 г. на территории пустыря, находящегося к северу от улицы Лебедева в станице Тамань, Восточно-Боспорской экспедицией раскопано 7 захоронений античного, средневекового и турецкого времени. С 2008 по 2013 гг. на различных участках грунтового некрополя Гермонассы экспедицией под руководством Н.И. Сударева было исследовано еще 95 захоронений, из которых 30 относятся к интересующему нас периоду⁴³. Таким образом, за весь период исследований на различных участках грунтового некрополя Гермонассы было открыто 240 захоронений, из них к VI–IV вв. до н.э. можно отнести 63 могилы.

Одним из первых особенности погребального обряда в некрополе Гермонассы попытался охарактеризовать В.Ф. Гайдукевич. Исследователь считал скорченное положение в захоронениях VI–V вв. до н.э. и наличие в погребениях оружия признаками обряда негреческого населения Таманского п-ова (Гайдукевич, 1959. С. 186). Он отмечал усиление связей Боспора и Аттики

⁴¹ Остальные погребения были разграблены либо отнесены к эпохе средневековья (Паромов, 2002. С. 145).

⁴² Большая часть этих материалов была опубликована В.Ф. Гайдукевичем (Гайдукевич, 1959. С. 154–187).

⁴³ Раскопки на западном некрополе Гермонассы; погребения на ул. Таманской армии; раскопки на северо-западной окраине станицы. Выражаю глубокую признательность Н.И. Судареву за предоставленную информацию.

при резком сокращении в погребениях V в. до н.э. количества предметов ионийского производства в ранних захоронениях. Схожая тенденция была зафиксирована им в обряде других синхронных некрополей Азиатского Боспора (Гайдукевич, 1959. С 186–187).

Наблюдения Н.П. Сорокиной и А.К. Коровиной лишь дополнили выводы В.Ф. Гайдукевича. Н.П. Сорокина связывала погребения в грунтовом некрополе Гермонассы в скорченном положении с традициями туземного населения Таманского полуострова⁴⁴. Аналогичная «негреческая», по ее представлению, особенность обряда была зафиксирована в некоторых одновременных захоронениях грунтового некрополя Фанагории (Сорокина, 1961. С. 51). А.К. Коровина обратила внимание на преобладание ориентировки в восточном секторе в подавляющем большинстве погребений некрополя Гермонассы VI–вв. до н.э. Она отмечает (не поясняя) «особый порядок положения предметов вооружения в могилы» (Коровина, 1964. С. 77–78). К негреческим чертам погребального обряда она относила наличие в погребениях костей животных, подстилок из камки, «туземных» форм оружия. Было выявлено «некоторое сходство» между особенностями погребальных традиций грунтовых некрополей Гермонассы, Тузлы и Пятиколодезного. В захоронениях конца V – начала III вв. до н.э. А.К. Коровина указала на две отличительные особенности обряда: сохранение черт, сближающих погребальные традиции Гермонассы с другими некрополями Азиатского Боспора, а также появление нового типа погребальной конструкции – земляных склепов (Коровина, 1964. С. 77–126). Исследовательница выделила общие для погребального обряда курганного и грунтового некрополей Гермонассы черты. Это наличие сооружений из сырца, простых грунтовых могил с деревянным перекрытием, каменных гробниц; появление с конца V в. до н.э. новых сооружений – земляных склепов;

⁴⁴ Исследование Н.П. Сорокиной касалось захоронений грунтового некрополя Гермонассы IV–III вв. до н.э. В нем распространение обряда погребения в скорченном положении объяснялось проникновением аборигенов Таманского п-ова в греческие города.

преобладание восточного сектора в ориентировке погребенных (Коровина, 1964. С. 136). Однако, по ее мнению, обряд элитарных захоронений Гермоны IV в. до н.э. все же отличался от погребальных традиций рядового населения⁴⁵. А.К. Коровина обратила также внимание на сочетание в курганах различных способов обращения с телом погребенного (кремаций и ингумаций с преобладанием последних); на появление с конца IV – начала III вв. до н.э. нового типа погребальной конструкции – каменных склепов; на смешение некоторых греческих и варварских черт в погребальной практике (Коровина, 1964. С. 136–138)⁴⁶.

В работе А.А. Масленникова фиксировалось присутствие в некоторых погребениях грунтового некрополя Гермоны VI–V вв. до н.э. мела и реальгара. Эту особенность, а также наличие в могилах мясной пищи исследователь относил к негреческим чертам погребального обряда (Масленников, 1981. С. 32).

Я.М. Паромов считает отличительными особенностями погребального обряда элитарных захоронений Гермоны IV–II вв. до н.э. вытянутое положение погребенных, их восточную ориентировку, сосуществование в некрополе погребений по обряду ингумации и кремации, богатый погребальный инвентарь, преобладание в некрополе каменных склепов над иными типами погребальных сооружений. Он подчеркивает «синкретический» характер погребальных обрядов памятника, приводя в пример открытые в подкурганых захоронениях деревянные саркофаги с изображением змееной богини. По его мысли, наиболее знатное население Гермоны было погребено согласно традициям и обычаям, сформировавшимся непосредственно на Боспоре (Паромов, 2002. С. 202–203).

⁴⁵ Погребений более раннего времени в курганном некрополе Гермоны зафиксировано не было.

⁴⁶ А.К. Коровина приводит в пример воинские подкурганые захоронения с лошадьми с предметами греческого импорта в сопроводительном инвентаре (см. Коровина, 1964. С. 137)

Н.И. Сударев отмечает близость погребальных обрядов некрополей Гермонассы, Кеп, Горгииппии и Нимфея в VI–IV вв. до н.э. Основным типом погребального сооружения в этих некрополях он считает простые грунтовые ямы (Сударев, 2005. С. 115). По наблюдениям исследователя, наряду с данным типом конструкции в грунтовом некрополе Гермонассы присутствует значительное число детских захоронений в амфорах, встречаются сооружения из сырца и лишь в одном случае – погребение с черепичным перекрытием. С IV в. до н.э. им фиксируется распространение захоронений в грунтовых склепах и подбойных могилах (Сударев, 2005. С. 97). Анализ сопроводительного инвентаря выявил вариативность использования амфор с сосудами для питья и сосудами для масел (Сударев, 2005. С. 165). Отличительной чертой обряда, по мнению Н.И. Сударева, являлись место и способ размещения некоторых мелких орудий труда. Так, он обратил внимание на то, что в грунтовых могилах некрополя Гермонассы ножи выполняли ритуальную охранительную функцию, поскольку они не сочетались с наличием в погребениях мясной пищи. В ранних захоронениях им зафиксированы характерные проявления культа Аполлона Врача, что позволяет предполагать милетское происхождение населения, оставившего некрополь (Сударев, 2005. С. 232). Важной характеристикой погребального обряда в элитарных захоронениях он считает отсутствие в курганах погребенных в скорченном положении, сосуществование различных способов обращения с телом умершего⁴⁷, значительное количество тризн (Сударев, 2005. С. 130–136).

К сожалению, некрополь Гермонассы изучен недостаточно хорошо, что неоднократно отмечалось в современных исследованиях, посвященных погребальным памятникам Азиатского Боспора (Сударев, 2005; 2009; Паромов, 2002). Однако даже ограниченная выборка представленных в нем захоронений

⁴⁷ Захоронения по обряду кремации в курганном некрополе Гермонассы фиксируются только с IV в. до н.э. В грунтовом некрополе все погребения совершены по обряду ингумации (Сударев, 2005. С. 130).

является достаточно репрезентативной⁴⁸. В некрополе фиксируются различные типы погребальных конструкций, наличие нескольких способов обращения с телом погребенного. Достаточно высок процент погребений с оружием. Отличительные черты погребального обряда древнего населения Гермонассы четко прослеживаются в наборе и расположении предметов сопроводительного инвентаря.

Некрополь у мыса Тузла.

Достаточно хорошо изучены материалы раскопок грунтового некрополя у мыса Тузла, который локализуется восточнее и южнее мыса от береговых обрывов до современной пограничной заставы, примерно в 8 км к западу от станции Тамань. Протяженность юго-западного участка некрополя составляет 280 м, его северо-восточный край примыкает к цепочке курганов (Кондрашов, 1995. С. 2–3). Курганный некрополь протяженностью около 6 км располагается с востока на запад у мыса Тузла вдоль дороги, идущей от Тамани к южному таможенному кордону (Кашаев, 2013а. С. 363). Первые раскопки тузлинских курганов провел в 1851–1852 гг. К.Р. Бегичев, открыв не менее трех курганов с 25-ю захоронениями. Восемь могил оказались ограбленными, остальные впоследствии были датированы С.В. Кашаевым по инвентарю IV–III вв. до н.э. (Кашаев, 2013а. С. 374–376). В 1885 г. Ф.И. Гроссом исследован курган, расположенный «в 6 верстах к западу от Тамани по дороге на Тузлу», где были обнаружены 11 погребений, из которых лишь 3 могут быть датированы в пределах IV в. до н.э. Раскопки 12 курганов в 1886 г. позволили изучить еще 17 захоронений, 5 из которых относились к IV в. до н.э. (Кашаев, 2013а. С. 376–400). Сохранились сведения лишь о 53-х захоронениях в курганном некрополе Тузлы, из которых к интересующему нас периоду, со значительными

⁴⁸ 63 грунтовых и 12 подкурганных погребений VI–IV вв. до н.э.

оговорками можно отнести 24, датированных IV в. до н.э.⁴⁹. Отметим, что на данный момент курганный некрополь Тузлы практически полностью перестал существовать. Его изучение возможно лишь по материалам, хранящимся в музейных фондах.

Систематическое изучение грунтового некрополя Тузлы было начато в 1911 г. под руководством В.В. Шкорпила. В ходе работ 1911–1916 гг. им было исследовано 138 захоронений VI–II вв. до н.э., из них к интересующему нас периоду относятся 132. В.П. Глазовым в 1913 г. и 1916 г. изучены еще 24 погребения, датированные рубежом IV – III вв. до н.э. (Коровина, 1964. С. 58). В 1914 г. В.В. Соколов провел раскопки 2-х погребений первых веков н.э. (Кондрашов, 1995 С. 3–4). В 1940 г. А.Г. Остроумовым было исследовано погребение I в. н.э. В 1951 г. И.Б. Зеест раскопала 3 земляных склепа I–II вв. н.э. С 1995 г. по 2009 г. систематическое изучение некрополя осуществлялось под руководством А.В. Кондрашова⁵⁰. В ходе этих многолетних раскопок были исследованы 80 погребений и 39 «объектов» VI–II вв. до н.э. (Кондрашов, 2009. С. 2–11)⁵¹. К интересующему нас времени относятся 49 захоронений. Таким образом, всего изучено 260 погребений, из которых подавляющее большинство (217) относится к VI–IV вв. до н.э. Все эти материалы учтены в настоящей диссертационной работе.

Одним из первых обобщающих исследований, посвященных некрополю Тузлы, стала работа Н.П. Сорокиной (Сорокина, 1957.). В ней рассмотрены материалы 177 погребений, объединенных автором в 7 хронологических групп (Сорокина, 1957. С. 7). Наиболее ранние комплексы были датированы первой

⁴⁹ Некоторые захоронения датированы С.В. Кашаевым рубежом IV–III вв. до н.э. Кроме того, следует учитывать фрагментарность сведений, дошедших до современных исследователей.

⁵⁰ Искренне благодарю А.В. Кондрашова за возможность ознакомиться с еще не опубликованными материалами.

⁵¹ Ряд комплексов, содержащих амфоры, обозначенные А.В. Кондрашовым как «объект», допустимо рассматривать как детские захоронения. К сожалению, безнадежно плохая сохранность скелетных останков (в большинстве случаев сохранился только тлен от костей) не позволила исследователю учесть данные погребения. К VI–IV вв. до н.э. можно с уверенностью отнести 12 таких комплексов.

половиной VI в. до н.э., самые поздние – I–III вв. Изучение типов погребальной конструкции позволило ей отметить характерные признаки всех захоронений Тузлинского некрополя: устойчивость восточного сектора ориентировки и господство вытянутого положения умерших в могиле. Существенные хронологические различия между группами погребальных памятников Тузлы, по мнению автора, проявились в количестве захороненных в погребении, в характере керамических изделий, сопровождавших умершего, и наборе украшений. В работе подчеркивался особый, греко-варварский, характер погребальной обрядности некрополя, который связывался с Корокондамой, само негреческое название которой свидетельствовало о ее смешанном населении. Появление в V в. до н.э. курганного некрополя Тузлы Н.П. Сорокина считала признаком социального расслоения оставившего его населения (Сорокина, 1957. С. 51–53).

А.В. Кондрашов в публикации о результатах исследований у мыса Тузла в 1995–2009 гг., также предполагал, что Тузлинский некрополь был оставлен населением Корокондамы. Об этом, как считает исследователь, свидетельствуют расположение погребального памятника и материалы подводных археологических работ (Кондрашов, 2010. С. 121–122).

Е.Г. Кастанаян в статье, посвященной грунтовым некрополям боспорских городов, отметила близость погребальных обрядов захоронений некрополя Тузлы VI–IV вв. до н.э. синхронным погребальным памятникам Пантикапея и Мирмекия. Это сходство проявилось, по ее мнению, в характере погребальной конструкции и расположении сопроводительного инвентаря в могилах. Отличительными особенностями некрополя Тузлы исследовательница считала преобладание в раннем некрополе гробниц с дощатым перекрытием, относительно высокий процент захоронений с оружием, наличие в погребениях мясной пищи, отсутствие погребений в амфорах (Кастанаян, 1959. С. 289–290).

Основные положения монографии Н.П. Сорокиной и статьи Е.Г. Кастанаян существенно дополняются выводами диссертации А.К. Коровиной. В частности, в качестве особенностей некрополя Тузлы VI –V вв. до н.э. она выделяет преобладание ориентировки в восточном секторе, высокий процент захоронений с оружием, расположение сопроводительного инвентаря слева от погребенных. Основным типом погребальной конструкции в некрополе ею названа гробница в виде грунтовых ям, подчеркнуто значительное сходство захоронений некрополя Тузлы с синхронными погребальными памятниками некрополя «Пятиколодезный» (Коровина, 1964. С. 68–70). К особенностям погребального обряда некрополя Тузлы V–III вв. отнесены: сохранение архаических форм погребальных сооружений и традиционного расположения сопроводительного инвентаря, а также устойчивость ориентировки погребенных в восточном секторе. Новым, по ее мнению, в обряде стало появление каменных гробниц и кремаций и распространение обычая положения монет в могилу – обола Харона (Коровина, 1964. С. 122).

В монографии А.А. Масленникова особое внимание уделяется присутствию оружия в двух женских захоронениях некрополя Тузлы VI–V вв. до н.э. Он рассматривает наличие предметов вооружения в захоронениях женщин как варварскую погребальную традицию (Масленников, 1981. С. 34). Резкое сокращение предметов вооружения в некрополе IV в. до н.э. связывается им с процессом эллинизации варварского населения Таманского п-ова. В работе отмечена близость погребального обряда в захоронении лошадей в Тузлинском кургане № 11 и в Семибратних курганах (Масленников, 1981. С. 53–57).

Н.И. Сударев в диссертации, вслед за предшественниками, указывает на отсутствие в некрополе Тузлы детских захоронений в амфорах ⁵², что, по мнению автора, сближает его с аналогичными памятниками милетских колоний.

⁵² На момент написания диссертации исследователю, по-видимому, еще не были доступны материалы раскопок А.В. Кондрашова 1995–2009 гг.

Он отметил, что обряд в детских захоронениях грунтового некрополя Тузлы ничем не отличался от традиций погребения взрослых людей (Сударев, 2005. С. 61). Основными типами погребальных сооружений VI–V вв. до н.э. Н.И. Сударев считал простые грунтовые ямы, большая часть которых имела деревянное перекрытие, а также сырцовые гробницы. В IV в. до н.э. им фиксируется появление захоронений в подбоях (Сударев, 2005. С. 104–110). Некрополь Тузлы отнесен в диссертации к типу памятников, в которых погребенных помещали в могилу с отгороженным внутренним объемом. Для IV в. до н.э. отмечено возросшее количество захоронений, совершенных по обряду кремации. Н.И. Сударев считал некрополь Тузлы одним из наиболее насыщенных оружием погребальных памятников Азиатского Боспора. Однако, в отличие от других авторов, он связывал эту особенность со стратегическим положением некрополя, а не с его этническим происхождением (Сударев, 2005. С. 241).

Некрополь у мыса Тузла является хорошо изученным погребальным памятником. Подавляющее большинство захоронений относится к интересующему нас периоду ⁵³. Выборка некрополя обладает высокой информативностью. По количеству изученных захоронений VI–IV вв. до н.э. он превосходит большинство погребальных памятников Азиатского Боспора. Погребальный обряд некрополя отличает вариативность погребальных конструкций, наличие нескольких способов обращения с телом умершего и его расположения в могиле. Особого внимания заслуживает набор сопроводительного инвентаря и предметов ритуального значения. Таким образом, накопленный объем информации о некрополе Тузлы VI–IV вв. до н.э. позволяет не только сопоставлять его с другими погребальными памятниками региона, но и рассматривать вопросы, связанные с эволюцией погребальных традиций в различные периоды существования некрополя. Кроме того, в

⁵³ 217 грунтовых и 24 курганных погребения.

выборке некрополя присутствует достаточное количество погребений, для костных останков из которых имеются антропологические определения⁵⁴. Это дает возможность верифицировать наличие половых и возрастных различий в его погребальном обряде.

Некрополь Волна 1.

Благодаря активным исследованиям последних лет, некрополь Волна 1 является одним из наиболее полно изученных погребальных памятников Азиатского Боспора. Он находится в 4,5 км к СЗ от школы поселка Волна, в 4,1 км от пересечения дорог к пос. Волна и мысу Тузла. Некрополь площадью 23 га расположен на возвышенности, занимающей центральную часть юго-западной территории Таманского п-ова между пос. Волна и станицей Тамань. С юга эта возвышенность ограничивается скальной грядой, идущей вдоль балки Матросская.

Первые погребения некрополя Волна 1 были открыты в 1954 г. Синдской экспедицией ИИМК АН СССР и МГУ, руководимой В.Д. Блаватским. На территории Северо-Зеленского поселения экспедицией, наряду с остатками жилищ и хозяйственными ямами, было открыто 5 захоронений⁵⁵, датированных V–IV вв. до н.э. (Блаватский, 1954. С. 11–18). Свое современное название памятник получил в ходе работ, проведенных отрядом Таманской экспедиции ИА АН СССР под руководством Я.М. Паромова (Паромов, 1989. С. 72–78).

В 2014 г. под руководством П.С. Успенского были исследованы курганы № 306 А, 1 и 2 курганной группы «Волна 306Б», 1 и 2 курганной группы «Волна 307», курганы № 1–5 курганной группы «Волна 27В». Удалось выявить 19 захоронений эпохи бронзы в кургане «306 А»; 3 погребения и 3 «археологических комплекса» в кургане 306Б, относящихся к интересующему

⁵⁴ 53 погребения (Антропологические определения сделаны для погребений, открытых на памятнике в период с 1995 по 2009 гг. автором раскопок А.В. Кондрашевым).

⁵⁵ По мнению В.Д. Блаватского данные захоронения относились к некрополю Западного-поселения (Волны 4)

нас периоду; 47 могил в кургане 2 курганной группы 307, отнесенных П.С. Успенским к эпохе бронзы и периоду античности (Успенский, 2014. С. 2). Всего было исследовано 36 захоронений античного времени, которые П.С. Успенский датировал V–IV вв. до н.э. (Там же. С. 106–110). В 2014–2015 гг. В.Г. Житниковым и И.В. Цокур были открыты 10 погребений при раскопках трех курганов курганных групп «Волна 27Б» и курганной группы № 201 (Цокур, 2014. С. 18)⁵⁶. К интересующему нас периоду относятся 2 захоронения и 9 «объектов» (непогребальных комплексов) в кургане 2. Они датированы И.В. Цокур IV–III вв. до н.э.⁵⁷

В этом же году разведки, проведенные И.В. Цокур, помогли уточнить границы некрополя поселения Волна 1 и поставить его на государственную охрану (Цокур, 2017. С. 11). С 2015 г. ведутся его охранно-спасательные исследования. В 2015–2016 гг. археологической экспедицией ООО «Ирида» под руководством И.В. Цокур изучен участок могильника площадью 9100 м². Были обнаружены 192 погребения и 85 «комплексов» (скоплений находок без человеческих останков), датированных V–IV вв. до н.э. В 2017 г. были открыты еще 204 захоронения и 116 «комплексов», середины V – III вв. до н.э. (Цокур, 2017. С. 21). Из них к интересующему нас периоду можно отнести 198 погребений. С 2016 по 2018 гг., наряду с экспедицией ООО «Ирида», изучение некрополя (уточнение северо-западной, северной и северо-восточной границ памятника) проводилось Сочинской археологической экспедицией ИА РАН под руководством П.С. Успенского и Р.А. Мимохода. В результате этих раскопок в северной части некрополя были открыты еще 565 погребений и 297 «комплексов» (Успенский, 2016. С. 142; Мимоход, 2018. С. 3)⁵⁸. Все они

⁵⁶ Альтернативное название – «Курганная группа Таманская 2».

⁵⁷ Раскопки В.Г. Житникова позволили обнаружить еще 5 захоронений и 3 кенотафа, относящихся к эпохе бронзы (Житников, 2014. С. 3, 15–45).

⁵⁸ Указаны данные, полученные отрядом Сочинской экспедиции ИА РАН за два года. Выражаю искреннюю признательность П.С. Успенскому и Р.А. Мимоходу за возможность ознакомления с ранее не опубликованными материалами.

датированы в пределах VI–V вв. до н.э. Еще 192 погребения IV–II вв. до н.э. были обнаружены в ходе раскопок 2016–2017 гг. участка некрополя, примыкающего к западной окраине поселения Волна 1, отрядом экспедиции «ООО» Ирида под руководством В.Г. Житникова В настоящее время исследования на некрополе продолжаются под руководством И.В. Цокур⁵⁹.

Таким образом, на данный момент удалось учесть 1153 захоронения некрополя «Волна 1», из которых не менее 959 относятся к VI–IV вв. до н.э.

Первые публикации результатов полевых исследований некрополя начались в 2016 г. (Цокур и др., 2016. С. 118–130). В работе И.В. Цокур, О.В. Селивантьева и Н. А. Шереметьевой опубликованы не содержащие анализа обряда предварительные результаты изучения некрополя в 2015–2016 гг. В 2017–2018 гг. предварительные результаты раскопок памятника были отражены в серии совместных статей Р.А. Мимохода, Н.И. Сударева и П.С. Успенского (Мимоход и др., 2017. С. 5–32; 2017а. С. 295–310; 2018. С. 220–231). В них обращалось внимание на особый характер погребальных конструкций в некрополе, в частности, на наличие сырцовых ящиков и склепов, а также захоронений с наброской из мелких камней. Последний тип конструкции авторы связывают с влиянием погребальных традиций автохтонного населения региона (Мимоход и др., 2017. С. 24; 2018 С. 221–222). Захоронения, совершенные по обряду выставления, рассмотрены как негреческая составляющая в погребальных обрядах некрополя (Мимоход и др., 2017. С. 25; 2018 С. 229). Был выявлен более высокий, по сравнению с иными некрополями Азиатского Боспора, процент скорченных захоронений. В связи с этим отмечена близость некрополя Волна 1 к характеристикам некрополей Фанагории, Кеп, Виноградного 7, Гермонассы (Мимоход и др., 2017. С. 26–27). Интересно, что в некрополе Волна 1 обнаружено большее, по сравнению с другими памятниками

⁵⁹ На данный момент материал находится в стадии обработки и учесть точное количество погребений VI–IV вв. до н.э. не представляется возможным. Выражаю искреннюю благодарность И.В. Цокур и В.Г. Житникову за возможность ознакомиться с еще не опубликованными результатами раскопок.

региона, количество погребений с оружием в которых встречаются предметы как наступательного, так и защитного вооружения (Мимоход и др., 2017. С. 28–29; 2017а С. 302–303; 2018 С. 222–223)⁶⁰. По мнению исследователей, вариативность набора сопроводительного инвентаря, в котором кувшины и сосуды для питья сочетались с сосудами для масел и благовоний, также является отличительной особенностью некрополя (Мимоход и др., 2017а. С. 303–304). Эти характеристики позволили зафиксировать, что некрополь был оставлен зажиточным населением, причем, там сочетались греческие и варварские погребальные традиции. Выявив различия между некрополями близлежащих городов и некрополем Волна 1, авторы выдвинули предположение о возникновении поселения (и принадлежащего ему некрополя) как самостоятельного пункта греческой колонизации (Мимоход и др., 2017. С. 32).

Данные, полученные в ходе изучения некрополя, поспособствовали анализу эволюции погребальных традиций в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 в VI–IV вв. до н.э. Его результаты нашли отражение в нашей статье, созданной в соавторстве с Р.А. Мимоходом и С.В. Кашаевым (Берлизов и др., 2019. С. 229–246). В написанной совместно с А.Н. Абрамовой статье автором были представлены предварительные итоги антрополого-тафологического изучения материалов некрополя Волна 1 (Абрамова, Берлизов, 2019. С. 339–356). В 2022 г. часть⁶¹ материалов из раскопок некрополя Волна 1 была, наконец, введена в научный оборот в совместном монографическом исследовании И.В. Цокур, Н.И. Сударева, и О.В. Шарова (Цокур и др., 2022; 2022а).

Таким образом, выборка некрополя Волна 1 для нашего исследования представляется наиболее информативной. В нем представлено большинство

⁶⁰ Более 35%. Следует отметить, что находки предметов защитного вооружения крайне редки

⁶¹ Речь идет о 192 захоронениях, исследованных под руководством И.В. Цокур в 2015–16 гг.

типов погребальных конструкций, встречающихся в других грунтовых памятниках Азиатского Боспора (а также ряд уникальных погребальных сооружений), зафиксирована значительная вариативность в положении погребенных и в их ориентировке, обнаруживаются различные наборы сопроводительного инвентаря. По количеству и разнообразию изделий из стекла, металла и керамики исследуемого периода выборка значительно превосходит все изученные некрополи Азиатского Боспора. Все это дает возможность сопоставить материалы некрополя Волна 1 с выборками других погребальных памятников региона, а также рассмотреть процесс эволюции погребальных традиций на данном памятнике. В некрополе представлено значительное количество погребений, для костных останков которых были сделаны антропологические определения, что дает возможность выявить гендерные и возрастные различия в погребальных обрядах этого памятника⁶².

Некрополь Артющенко 2.

Крупным погребальным памятником, планомерное изучение которого продолжается уже в течение 16-ти лет, является некрополь поселения Артющенко 2. Он находится на берегу Черного моря между мысом Железный Рог и соленым озером Бугаз, в 4 км к юго-востоку от пос. Артющенко (17 км к юго-востоку от станции Тамань). Общая площадь погребального памятника оценивается в 2 га (Кашаев, 2017. С. 26).

С момента выявления в 2003 г. исследования грунтового некрополя Артющенко 2 ведутся Таманским отрядом Боспорской экспедиции ИИМК РАН под руководством С.В. Кашаева. С 2003 по 2017 гг. раскопаны 173 погребения, из которых 128 относятся к VI–IV вв. до н.э. Исследованная площадь некрополя составила 4947,5 м². (Кашаев, 2017 а. С. 25)⁶³.

⁶² Речь идет о 150 мужских и 72 женских скелетах.

⁶³ Выражаю сердечную благодарность С.В. Кашаеву за разрешение ознакомиться с ранее не опубликованными материалами.

Некрополю Артющенко 2 посвящено значительное число работ. Результаты исследований погребального памятника регулярно публикуются в статьях С.В. Кашаева (см.: Кашаев, 2005–2019). Так, по результатам работ 2003–2005 гг., ему удалось выявить семь основных элементов погребального обряда: погребальные сооружения, ориентировку погребенных, надмогильные сооружения, кенотафы, повторные захоронения, тризны, набор сопроводительного инвентаря (Кашаев, 2009. С. 213). Изучив эти составляющие, С.В. Кашаев пришел к выводу, что обряд некрополя имеет ряд отличительных особенностей. Они проявляются в использовании склепов, сложенных из сырца в качестве семейных усыпальниц; в наличии северной ориентировки в нескольких захоронениях; в присутствии в погребениях «редких» типов сосудов, а также большого количества оружия (Кашаев, 2008. С. 133–135; 2009. С. 214–216). Однако, по мнению исследователя, погребальный памятник все же «не выходит из круга боспорских некрополей», поскольку, в целом, его обряд обладает чертами, характерными для других погребальных памятников Азиатского Боспора» (Кашаев, 2009. С. 223). В статье, посвященной особенностям обряда женских захоронений в некрополе Артющенко 2, отмечены: преобладание ориентировки в восточном секторе, вытянутого положения индивидов, расположение сопроводительного инвентаря слева от скелета, у южной стенки могилы или в ногах. С.В. Кашаев считает, что для женского обряда характерно наличие набора украшений, в котором присутствуют кольца, бронзовые и серебряные подвески, различные бусы и пронизки. Он обнаружил в женских захоронениях бронзовые зеркала и иглы (Кашаев, 2009а. С. 168–173).

В статьях С.В. Кашаева специально рассмотрены отдельные категории сопроводительного инвентаря в Артющенко 2 (Кашаев, 2013. С. 190–215; 2014. С.53–56; 2014а. С. 114–121). В работе, посвященной амфорами в погребениях, он обратил внимание на их встречаемость в захоронениях с наиболее богатым

набором сопроводительного инвентаря, а также на их расположение преимущественно в ногах погребенных (Кашаев, 2013. С. 213–215). В совместной с А.Н. Ворошиловым статье им было изучено клинковое оружие (Ворошилов, Кашаев, 2010. С. 66–87). Авторы отметили сочетание клинкового оружия в могилах с элементами уздечного набора. Это позволило предположить, что часть воинов, погребенных в некрополе, являлись всадниками. Исследователи выявили резкий, «не эволюционный» характер смены типов клинкового оружия в некрополе, что они связали с изменением военно-политической ситуации в регионе в конце V – первой половине IV вв. до н.э.

В работах С.В. Кашаева 2017–2019 гг. значительное внимание уделено сопоставлению некрополя Артющенко 2 с другими некрополями. Им была зафиксирована близость отдельных элементов инвентаря в захоронениях Артющенко 2 и материалов некрополя Нимфея (Кашаев, 2017а. С. 227–245). Сопоставление материалов некрополей Артющенко 2 и Панское I также показало сходство в их погребальных обрядах, которое наиболее ярко проявилось в керамическом наборе (Кашаев, 2018. С. 269–270). Региональные различия в погребальном обряде сравниваемых памятников проявились, по мысли С.В. Кашаева, в характере погребальной конструкции и в большем, чем в некрополе Панское I, количестве оружия.

В совместной статье Н.И. Сударева и С.В. Кашаева, посвященной сырцовым ящикам в некрополях Виноградного 7 и Артющенко 2, подчеркивалась близость погребальных памятников по этому элементу. Анализ материалов обеих некрополей привел авторов к созданию общей для обеих некрополей типологии этого вида погребальных сооружений.

В совместных статьях Н.И. Сударева, Р.А. Мимохода и П.С. Успенского не раз подчеркивалась близость погребальных традиций некрополей Артющенко 2 и Волна 1 по ряду элементов. Их данные были учтены в нашей

совместной с С.В. Кашаевым и Р.А. Мимоходом статье, посвященной проблеме эволюции погребальных обрядов этих погребальных памятников (Берлизов, Кашаев, Мимоход, 2019 С. 229–245).

Таким образом, некрополь Артющенко 2 является хорошо изученным погребальным памятником Азиатского Боспора. Большинство его захоронений относится к интересующему нас периоду⁶⁴. В некрополе зафиксировано: несколько типов погребальных конструкций и надмогильных сооружений; три способа обращения с телом погребенного: ингумация, кремация, кенотафы; вариативность сектора ориентировки умерших. Отличительные черты погребального обряда древнего населения Артющенко 2 четко прослеживаются в расположении и наборе предметов сопроводительного инвентаря. Обнаружено большое количество захоронений с оружием. Характерной особенностью памятника является присутствие в некоторых захоронениях мясной пищи. Оригинальным является набор предметов ритуального назначения в захоронениях. Следовательно, выборка некрополя Артющенко 2 является достаточно репрезентативной и может быть сопоставлена с материалами других погребальных памятников изучаемого региона. Представляется возможным проследить эволюцию погребальных традиций в некрополе и выявить половые и возрастные различия в составе населения оставившего его, поскольку для большинства индивидов, обнаруженных в захоронениях, были даны антропологические определения⁶⁵.

Некрополи у поселка Виноградный.

Активные исследования 2015–2017 гг., связанные со строительством Крымского моста, дали возможность планомерно рассмотреть ранее малоизученные погребальные памятники. Наиболее крупными из них являются грунтовый некрополь поселения Виноградный 7, а также курганные группы

⁶⁴ Речь идет о 128 захоронениях VI–IV вв. до н.э.

⁶⁵. Антропологические определения для 120 погребений в некрополе были выполнены А.Н. Абрамовой, Т.Ю. Шведчиковой, Н.Г. Сvirкиной.

Вышестеблиевская 21 и «Десять насыпей» у поселения Виноградный-Северо-Восточный.

Грунтовый некрополь Виноградный 7 локализуется в 3,5 км к северо-востоку от окраины пос. Виноградный, в 4,8 км к северо-западу от станицы Вышестеблиевской. Площадь памятника составила около 38 га. К восточной границе грунтового некрополя примыкает курганная группа Вышестеблиевская 21, состоящая из 10 курганов⁶⁶. Курганная группа «Десять насыпей» находится в 2 км к югу от поселения и некрополя Виноградный 7⁶⁷.

Впервые некрополь Виноградный 7 был отмечен как «следы античной культуры» на карте древностей Таманского полуострова, составленной в 1920-х гг. С.Ф. Войцеховским. Позднее А.А. Миллер уточнил эту приблизительную датировку памятника и отнес его «классическому эллинистическому и римскому периоду», поместив его под № 32 на своей карте археологических памятников Тамани, составленной в 1930–1931 гг. (Сударев, Кашаев 2016. С. 471–472; 2017. С. 282). В результате разведок, проведенных в первой половине 1980-х гг., были уточнены границы поселения и некрополя Виноградный 7, а также выявлена и поставлена на учет как «одионый курган» курганная группа Вышестеблиевская 21. Первые раскопки на территории этих объектов были проведены экспедицией КубГУ под руководством И.И. Марченко в 1993 г. В 8-ми курганных насыпях были исследованы 22 захоронения, 12 из которых были совершены в склепах. Материалы захоронений датированы исследователями широко: вторая половина IV в. до н.э. – I в. н.э. (Марченко, Лимберис. 1997. С. 46). В 2005 г. у Виноградного 7 под руководством В.Ю. Кононова были раскопаны 6 возвышений, считавшихся курганами. Обнаружилось, что часть из них – естественные возвышения, а в остальных был выявлен грунтовый

⁶⁶ Она расположена в 4,2 км к северо-западу от станицы Вышестеблиевская, на землях бывшего совхоза «Победа», в 4,1 км ж/д переезда автодороги Вышестеблиевская – Сенной.

⁶⁷ Около 1,5 км к северо-востоку от северной окраины поселка Виноградный в долине, протянувшейся в направлении с севера на юг к берегу лимана Цокур, между горой Чиркова и Боюр-горой.

могильник. Было исследовано 89 погребений и 25 «объектов», из которых два погребения относятся к катакомбной культуре, 8 погребений и 19 «объектов» связаны с античностью, а остальные датированы ранним средневековьем. В 2006 г. изучение грунтового могильника продолжил В.В. Бочковой. Им было вскрыто 5 всхолмлений, в которых обнаружено 14 погребений, 5 из которых были отнесены к эпохе эллинизма (II–I вв. до н.э.), а 9 погребений и один «объект» – к эпохе раннего средневековья (VIII–IX вв.). Всего в ходе работ на некрополе в 1993–2005 гг. было исследовано 20 курганов, 197 погребений, из которых 2 относятся к эпохе бронзы, 80 – к средневековью, 104 – к античности. К VI–IV вв. до н.э. с уверенностью можно отнести лишь 2 захоронения (Сударев, 2016. С. 334–335).

В 2009 г. С.Л. Астаховым и В.А. Крутоголовенко в ходе разведок была выявлена курганная группа «Десять насыпей». В 2011 г. Н.И. Сударевым на некрополе Вышестеблиевская 21 открыты еще 9 курганных насыпей.

В 2015, 2016 гг. грунтовый некрополь Виноградный 7, курганные группы Вышестеблиевская 21 и «Десять насыпей» («Виноградный Северо-Восточный 2») исследовались отрядом Восточно-Боспорской археологической экспедиции под руководством Н.И. Сударева, С.В. Кашаева, Д.А. Карпова, А.В. Иванова. На территории античного участка грунтового некрополя поселения Виноградный 7 были исследованы 184 погребения VI в. до н.э. – первых веков н.э., из которых 65 представляют интерес для данной работы. В курганной группе Вышестеблиевская 21 в пяти курганах было вскрыто 205 могил V в. до н.э. – I в. н.э., из них к VI–IV вв. до н.э. с уверенностью можно отнести лишь 40⁶⁸. В курганной группе «Десять насыпей» были изучены 3 кургана, но к античному периоду относится лишь курган 2, в котором было выявлено 24 погребения IV–рубежа IV–III вв. до н.э. (т.е. все они относятся к интересующему нас времени).

⁶⁸ Имеются в виду курганы №№4–8 из курганной группы Вышестеблиевская 21.

Таким образом, в ходе исследований грунтового и курганных некрополей у поселения Виноградный было изучено 419 античных захоронений, в том числе 108 грунтовых и 24 подкурганных погребения VI–IV вв. до н.э.⁶⁹.

Несмотря на то, что раскопки некрополей у поселка Виноградный были завершены лишь в начале 2017 г., их результатам посвящено несколько значимых работ. Впервые особенности погребального обряда некрополя Вышестеблиевская 21 охарактеризованы в публикации Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко (Лимберис, Марченко. 1997. С. 46–58). Они отметили, что эти они в целом близки традициям других полисов Азиатского Боспора – Фанагории, Кеп, Тирамбы. В то же время, по мнению авторов, в обряде изученного ими памятника прослеживаются варварские элементы: западная ориентировка, положение кистей рук на тазе, широкое использование угля и органических подстилок, применение обломков черепиц. Последнюю особенность исследователи связывали с трансформацией обряда использования каменных плит, прослеженного ими на меотских некрополях. Остальные «варварские» элементы в погребальной традиции могильника, по мнению авторов, являлись результатом сарматского влияния на обряд. Предполагалось, что изученный ими участок курганного могильника был частью фанагорийского некрополя (Там же. С. 56–58).

В 2016 г. С.В. Кашаев и Н.И. Сударев опубликовали статью, в которой рассматривались первые результаты раскопок некрополя Виноградный 7 (Сударев, Кашаев, 2016. С. 471–480). В ней отмечено сходство погребальных

⁶⁹ В исследовании не учитывалось точное количество захоронений, относящихся к периоду бронзового века и средневековья, на территории некрополей у поселка Виноградный, поскольку сведения о результатах раскопок на территории средневекового некрополя Виноградного 7 еще не опубликованы и находятся в стадии обработки. Стоит отметить лишь, что общее число захоронений в некрополе составляет 764. Исследованные курганы группы Вышестеблиевская 21 считаются возвышенностями, на которых продолжались захоронения грунтового некрополя. Таким образом, мы считаем захоронения, открытые в данных курганах, грунтовыми.

⁶⁹ В статье И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис памятник называется «большой курганный могильник в 4–4,5 км от Фанагории» (Марченко, Лимберис, 1997. С.46)

сооружений, открытых на территории памятника, с сооружениями других некрополей Азиатского и Европейского Боспора. В частности, авторы обратили внимание на конструкции из сырцового кирпича, которые фиксируются как на территории некрополя Виноградный 7, так и в некрополях Фанагории, Кеп, Артющенко 2. Конструктивные особенности обнаруженных грунтовых склепов, по мнению авторов, сближают их со склепами, открытыми в некрополе Пантикапея. Н.И. Сударев, изучая некрополи Виноградный 7 и Вышестеблиевская 21 выявил связь конструктивных особенностей и местоположения погребальных сооружений со статусом индивидов в боспорских некрополях. Он предложил учитывать сведения о местоположении захоронения и трудозатратах на его создание при выделении «статусных» погребений на территории некрополей Азиатского Боспора. В некрополях Виноградный 7 и Вышестеблиевская 21 им были выявлены 3 типа сырцовых погребальных сооружений, в которых, предположительно, совершались захоронения боспорской элиты: склепы с выложенным полом; ящики, расположенные у древней дороги, и сооружения на вершинах курганов (Сударев, 2016. С. 333–343).

Погребальные сооружения из сырца в некрополе Виноградного 7 рассмотрены отдельно в статье С.В. Кашаева и Н.И. Сударева (Сударев, Кашаев 2018. С. 476–484). В работе отмечена близость сырцовых погребальных сооружений некрополей Виноградный 7 и Артющенко 2. Установлено, что наиболее ранними сооружениями из сырца являются ящики с одноуровневым полом и часто с дополнительными элементами – канавками или ямками для установки ножек клинэ. Такие сооружения не были выявлены в некрополе Виноградный 7. Отмечается, что наибольшую близость по конструктивным особенностям в некрополях демонстрируют сооружения последней трети IV в. до н.э. Это сырцовые семейные склепы с многократными захоронениями, для

которых характерны помы разного уровня, обеспечивающие наличие 2–3 лежанок.

Предварительные результаты двух лет исследований некрополя Виноградный 7 (2015, 2016 гг.), отраженные в статье Н.И. Сударева (Сударев, 2017. С. 182–188), позволяют ему выявить несколько способов обращения с телом погребенного – ингумации и кремации, а также большое количество детских захоронений. Набор сопроводительного инвентаря в некрополе – «стандартный». По мысли Н.И. Сударева, многочисленные аналогии позволяют связать некрополь с населением Фанагории – древнего города либо его хоры (Сударев, 2017. С.188).

Полевые исследования некрополей у поселения Виноградный завершились относительно недавно, часть материалов еще находится в стадии обработки. Однако эти погребальные памятники являются в достаточной степени изученными. Около 30% захоронений античного времени, обнаруженных в них, относится к интересующему нас периоду⁷⁰. В некрополях Виноградный 7, Вышестеблиевская 21 и кургане Виноградный Северо-Восточный 2 зафиксирован вариативный набор погребальных конструкций (от простых грунтовых ям до грунтовых склепов), выявлено наличие двух способов обращения с телом погребенного, относительно небогатый, но оригинальный набор сопроводительного инвентаря. Важным представляется присутствие в некоторых захоронениях уникального набора предметов ритуального назначения (терракотовые статуэтки, астрагалы). Сведения о некрополях у поселения Виноградный позволяют изучить процесс эволюции погребальных традиций во времени. Для скелетных останков в этих погребальных памятниках М.В. Добровольской Н.В. Свиркиной, Т.Ю. Шведчиковой и А.Н. Абрамовой были сделаны антропологические определения, что создает возможность верификации проявлений половых и возрастных различий в обряде. Выборка из

⁷⁰ 108 грунтовых и 24 подкурганых погребений.

рассмотренных некрополей является достаточно репрезентативной для ее сопоставления с материалами захоронений других погребальных памятников региона.

2.2. Некрополи второй группы.

Некрополь Синдской Гавани/Горгиппии.

Некрополь Горгиппии – один из наиболее крупных и хорошо изученных погребальных памятников Азиатского Боспора. Он расположен в центральной части современного города Анапы. Захоронения VI–V вв. до н.э., связываемые с Синдской Гаванью, локализованы в прибрежной части города в районе кинотеатра «Океан» и вдоль ул. Кубанской – от Греческого переулка до ворот Анапской крепости. Грунтовый некрополь Горгиппии IV в. до н.э. – середины III в. н.э. располагался на территории между ул. Крепостной/Горького – Шевченко (С–Ю) и Ивана Голубца – Краснодарской (З–В). В древности он примыкал к территории города с юга, юго-запада и востока, занимая площадь от 80 до 100 га (Алексеева, (в печати))⁷¹. Курганный некрополь протянут на 7,5 км к югу от современного города (Коровина, 1964. С. 268). Курганы «веером» расходятся на расстояние не менее 10 км к северу, северо-востоку, югу и юго-западу в сторону ст-ц Раевской, Варваровской, Витязевской (Кругликова, 1977. С. 67).

Раскопки курганного некрополя Горгиппии начались в середине XIX в. В 1852 г. А.А. Сибирский исследовал каменный склеп в кургане у дороги на Витязевку. В 1882 г. В. Г. Тизенгаузен был раскопан еще один курган, расположенный возле той же дороги в 10 км севернее Анапы. В нем было найдено захоронение знатной женщины в деревянном гробу. По обнаруженной

⁷¹ Я глубоко признателен Е.М. Алексеевой за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами некрополя Горгиппии из раскопок, проведенных исследователем в 1980–1999 гг.

золотой монете царя Лисимаха комплекс датировали III в. до н.э. (Кругликова, 1977. С. 68)

Под руководством Н.И. Веселовского в 1903 г. изучался курган на территории Джемете (ОАК, 1903. С. 77–79), а в 1908 г. – курган в 8,5 км от Анапы, где в полуциркульном расписном склепе было открыто погребение III в. до н.э. По подсчетам А.К. Коровиной, сохранились сведения лишь о 20-ти погребениях из 15 курганов, исследованных в период с XIX до первой четверти XX вв., из которых только одно может быть отнесено к рубежу IV–III вв. до н.э. (Коровина, 1964. С. 285–286)⁷². Позднее исследования курганного некрополя Горгиппии не проводилось. Известно только, что в 1881 г. В.Г. Тизенгаузен на территории двора землевладельца Дмитриенко были случайно обнаружены 2 грунтовых склепа, сведений о датировке которых не сохранилось (Коровина, 1964. С. 274; Кругликова, 1977. С. 69). В 1894 г. Н.И. Веселовский при раскопках грунтового «сплошного кладбища», расположенного недалеко от Анапы за территорией кирпичного завода, обнаружил обломки нескольких амфор и четырехугольного клейма с надписью (Коровина, 1964. С. 275).

Первые систематические охранно-спасательные раскопки грунтового некрополя Горгиппии начались в 1954 г. под руководством И.В. Позднеевой и В.Д. Блаватского. На улице Астраханской были открыты 33 могилы. Еще 97 захоронений обнаружены при строительстве кинотеатра «Родина». Из 120 изученных захоронений в работе могут быть использованы материалы лишь 9-ти, относящихся к IV в. до н.э. (Кругликова, 1982. С. 117–122; Алексеева (в печати)).

В 1963–1964 гг. изучение некрополя продолжила экспедиция И.Т. Кругликовой. На ул. Астраханской и ул. Протапова были открыты 27 могил IV в. до н.э. – III в. н.э. Из них к интересующему нас периоду относится лишь одно

⁷² Речь идет о Тарасовских курганах, кургане Султан-гора, курганной группе «Три сестры» (Коровина, 1964 С. 283–288).

захоронение, датированное И.Т. Кругликовой рубежом IV–III вв. до н.э. (Кругликова, 1982. С. 139–147). В 1965 г. на пересечении ул. Протапова и ул. Ленина были обнаружены еще 5 могил I–II вв. н.э. В 1969 г. А.И. Салов и Т.М. Смирнова на ул. Кубанской зафиксировали 10 грунтовых могил, 3 из которых датировались V в. до н.э. (Салов, Смирнова, 1972. С. 53–57; Алексеева, 1991. С.51–56).

Исследования некрополя на ул. Протапова в 1970 г. продолжила Т.М. Смирнова, нашедшая 38 погребений IV в. до н. э. – III в. н.э. К сожалению, в ее отчете отсутствуют сведения о находках и не представлены чертежи захоронений, поэтому использовать материалы этих захоронений не представляется возможным.

В период с 1972 по 2000 гг. Е.М. Алексеевой при изучении участков некрополя на ул. Терская и ул. Протапова было исследовано 41 погребение II в. до н.э. – I в. н.э. В 1978 г. на территории парка Горького ею открыты 3 каменных гробницы I–II вв. н.э.; в 1979 г. на ул. Астраханской – 76 погребений II в. до н.э. – III в. н.э.; в 1980 г. – 50 захоронений на ул. Терской. В 1981 г. при раскопках в парке Горького были обнаружены еще 27 погребений, из которых лишь три могилы, датированные IV в. до н.э., относятся к интересующему нас периоду.

В 1987 г. на северной окраине Анапы у кинотеатра «Победа» экспедицией Анапского музея под руководством Н.Д. Нестеренко были изучены 35 погребений римского времени, а также 3 захоронения VI–V вв. до н.э. (Нестеренко, 1987. С. 25–108).

С 1991 по 1993 гг., а также в 1997 г. Е.М. Алексеева проводила раскопки некрополя на ул. Терской, открыв 67 захоронений, датированных в пределах III в. до н.э. – IV в. н.э. В 1999 г. в ходе охранно-спасательных раскопок при реконструкции кинотеатра «Родина» Е.М. Алексеева вскрыла 15 захоронений,

четыре из которых датированы IV в. до н.э., остальные относятся к эпохе эллинизма, либо римского времени (Алексеева, 1999. С. 3–45).

В 2003 г. на новых участках некрополя на ул. Терской (84) Астраханской экспедицией Г.Н. Шевченко были обнаружены 20 погребений, лишь одно из которых датировано IV в. до н.э., остальные относятся ко II–I вв. до н.э. (Шевченко, 2003. С. 2–19).

Таким образом, за весь период исследований на различных участках грунтового некрополя Горгиипии были открыты 464 захоронения, из которых к VI–IV вв. до н.э. можно отнести лишь 37.

С началом систематического изучения грунтового некрополя Горгиипии появились первые публикации, в которых рассматривались его отличительные черты. Одной из первых работ стала диссертация А.К. Коровиной (Коровина, 1964), но в ней, к сожалению, не были представлены материалы VI–IV вв. до н.э.⁷³ Анализируя погребальный обряд захоронений первой половины III в. до н.э., А.К. Коровина обратила внимание на восточную ориентировку погребенных, отсутствие в захоронениях оружия. Она считала, что наличие в наборе сопроводительного инвентаря греческой керамики, украшений, предметов палестрического быта, терракотовых статуэток свидетельствует в пользу греческого происхождения населения, оставившего некрополь (Коровина, 1964. С. 278–282).

В статье Г.А. Цветаевой, посвященной раскопкам некрополя Горгиипии в 1964 г. отмечается лишь, что впервые в восточной части некрополя было обнаружено погребение IV в. до н.э. Именно в это время, по ее мнению, некрополь начал функционировать (Цветаева, 1967. С. 139).

В разделе монографии И.Т. Кругликовой, посвящённом некрополю Горгиипии (с учетом материалов трех захоронений V в. до н.э., открытых в 1969

⁷³ Захоронения этого времени почти не были известны. Напомню, что из 120 погребений, исследованных к 1964 г., к интересующему нас периоду относятся лишь 9 захоронений.

г.), с несколько большей осторожностью повторяются выводы диссертации А.К. Коровиной. В частности, указывается, что наличие в могилах некрополя Горгиппии V–III вв. до н.э. восточного сектора ориентировки погребенных, предметов палестрического быта, а также монет свидетельствует о принятии местным населением греческой культуры и греческих представлений о загробном мире (Кругликова, 1977. С. 73).

Более полная характеристика особенностей некрополя Горгиппии в интересующий нас период представлена в работах Е.М. Алексеевой. В статье, посвященной изучению юго-восточной части некрополя, она рассматривает типы могил, существовавших в нем в различные периоды. Отмечено, что рядовое население некрополя использовало как простые грунтовые, так и скальные могилы. Наличие в некрополе большого количества погребений в грунтовых ямах, помещение в могилу останков лишь одного индивида, импортный характер набора сопроводительного инвентаря отличает его от соседних погребальных памятников, расположенных на территории хоры Горгиппии. Деревянное перекрытие было обнаружено лишь в одном погребении рубежа IV–III вв. до н.э. Эта особенность погребального обряда, по замечанию Е.М. Алексеевой, характерна для более ранних захоронений VI–V вв. до н.э. в некрополе на мысе Тузла, поскольку деревянные перекрытия не встречаются в более поздних захоронениях (Алексеева, 1982. С. 109–113).

В монографии, посвященной изучению греческой колонизации Северо-Западного Кавказа, рассматриваются отличительные особенности погребального обряда некрополя Синдской Гавани, который предшествовал некрополю собственно Горгиппии. Е.М. Алексеева обратила внимание на наличие сооружений из сырца и разнообразных каменных конструкций в некрополях VI–V вв. до н.э. (Алексеева, 1991. С. 34–36)⁷⁴. Различия между

⁷⁴ Речь идет о некрополях у хут. Красный курган, Красная скала и Воскресенского. Материалы этих некрополей рассмотрены ниже, в отдельных разделах данной главы.

городским некрополем и могильниками района Анапы, по ее мнению, проявились в характере погребальной конструкции, количестве индивидов в могиле, секторе ориентировки умерших. Отмечено крайне малое количество оружия в захоронениях городского некрополя по сравнению с погребальными памятниками сельской округи полиса. Сходство между городским некрополем и могильниками хоры обнаружено в характере керамического набора. Большое внимание в работе уделено проблеме использования амфорной тары. Выявлено, что этот тип сосудов мог применяться как для захоронения детей, так и в качестве сопроводительного инвентаря в могилах взрослых людей (Алексеева, 1991. С. 47–49).

Монография Е.М. Алексеевой «Античный город Горгиппия», в целом, повторяет положения работы 1991 г. о некрополе Синдской Гавани. В ней указывается на связь раннего некрополя на месте Горгиппии с погребальными памятниками в районе поселка Уташ, а также с Семибратними курганами. По мнению автора, использование сооружений из сырца в некрополях VI–V вв. до н.э. следует считать устойчивой традицией (Алексеева, 1997.С. 28–31).

Особенности погребального обряда в некрополе Горгиппии рассмотрены в диссертации Н.И. Сударева (Сударев, 2005). Он считает, что, несмотря на наличие в районе Анапы погребальных памятников местного населения, варварские традиции не оказали серьезного влияния на обряд захоронений в некрополе Горгиппии (Сударев, 2005. С. 34). В некрополях Синдской Гавани (предшествующей Горгиппии) и Горгиппии VI–IV вв. до н.э. Н.И. Сударевым выделены следующие типы погребальных сооружений: грунтовые ямы, каменные, а также сырцовые ящики (Там же. С. 56–57; 67–69; 76–77). Присутствие детских захоронений в амфорах в некрополе фиксируется лишь с IV в. до н.э. (Там же. С. 62). Он выделил как существенную особенность некрополя Горгиппии одновременное использование в перекрытии черепицы, камки и песка в некоторых захоронениях (Там же. С. 95). По характеру

погребальной конструкции Н.И. Сударев отнес некрополь Горгиппии к памятникам, в которых погребенных помещали в могилу с отгороженным внутренним объемом. Им выявлен достаточно высокий процент скорченных погребений, в наборе сопроводительного инвентаря в погребениях VI–V вв. до н.э. прослежено устойчивое сочетание амфор, кувшинов и пелик с сосудами для питья (Там же. С. 134), что, по мнению автора, сближает некрополь Синдской Гавани с захоронениями в Пантикапее (Там же. С. 168). Отмечено, кроме того, что в погребениях некрополя Горгиппии, в отличие от других погребальных памятников Азиатского Боспора, крайне редко встречаются монеты.

Впоследствии А.А. Завойкин отметил как особенность некрополя Синдской Гавани VI–V вв. до н.э. низкий процент воинских захоронений (Завойкин, 2013. С. 265), указав на резкое падение общей численности захоронений и полное отсутствие погребений с оружием в некрополе Синдской Гавани в третьей четверти V в. до н.э. Это, по мнению исследователя, свидетельствует об упадке Синдской Гавани и прекращении ее вооруженного сопротивления (Завойкин, 2013. С. 268–269).

Таким образом, несмотря на малое количество исследованных погребений VI–IV вв. до н.э., материалы захоронений некрополя Горгиппии достаточно информативны⁷⁵. По ряду признаков погребальный обряд некрополя Горгиппии отличается от иных некрополей Азиатского Боспора. Его оригинальность проявилась в сосуществовании различных типов погребальных сооружений, способах обращения с телом умерших, положении скелетных останков в могиле, своеобразном наборе сопроводительного инвентаря, отсутствии оружия в ранних погребениях некрополя с середины V в. до н.э. Выборка захоронений некрополя Горгиппии значительно меньше, чем у других погребальных памятников региона, поэтому доступный массив актуален лишь для исследования эволюции погребальных традиций во времени.

⁷⁵ Речь идет о 37 могилах в грунтовом некрополе и 1– в курганном.

Некрополь у пос. Пересыпь («Тирамба»).

Неплохо изучен грунтовый некрополь у пос. Пересыпь, иногда обозначаемого как «Тирамба»⁷⁶. Некрополь протяженностью в 1,5–2 км (вдоль побережья Азовского моря) располагается к западу от древнего городища. На юге территория памятника доходит до шоссейной дороги из Темрюка в Тамань.

Некрополь был выявлен 1940 г. Н.В. Анфимовым, обнаружившим, что у Пересыпи наполовину уничтожено несколько могил размывающим берег морем, причем остающиеся части могут быть также разрушены (Блаватский, 1940. С. 287–300; Сударев, 2005. С. 29). В результате разведок, проведенных В.Д. Блаватским в том же году, были обнаружены 6 могил, четыре из которых датированы V–III вв. до н.э. Еще 3 погребения, одно из которых датировано V в. до н.э., были найдены у пос. Пересыпь в 1947 и 1951 гг. во время разведочных раскопках Н.В. Анфимова. Кроме того, были найдены склеп I в. н.э. и погребение эллинистического времени. Планомерное изучение некрополя началось под руководством А.К. Коровиной в 1959 г. В раскопах «А» и «Б» были обнаружены 8 погребений, из которых 4 относятся к интересующему нас периоду, одно погребение – II–III вв. н.э., 3 погребения датировать не удалось (Коровина, 1959. С. 2–20). В 1961–1963 гг. было открыто еще 31 захоронение, 5 из которых относятся к VI–IV вв. до н.э. Остальные могилы были датированы А.К. Коровиной в пределах III в. до н.э. – II в. н.э. (Коровина, 1961. С. 13–20; 1962. С. 6–12; 1963. С. 9–18). В 1965 г. А.К. Коровиной были заложены три новых раскопа («В», «Г» и «Д»). Полевые работы 1965–1970 гг. привели к находке 95 погребений, из которых 30 относились к VI–IV вв. до н.э. (Коровина, 1965. С. 28–31; 1968. С. 2–14; 1969. С. 4–16; 1970. С. 2–7). В 1989 г. охранные раскопки некрополя и поселения у пос. Пересыпь были проведены Я.М. Паромовым (Паромов, 1989; Паромов, Сударев, 2000. С. 201–211). Было открыто 2 захоронения, датированных V в. до н.э. После 1989 г. раскопки на

⁷⁶ О проблеме локализации Тирамбы Страбона см. статью Н.И. Сударева (1998. С. 237–253).

территории грунтового некрополя не производилось. За весь период исследований было открыто 165 погребений, из них 44 относятся к интересующему нас периоду.

Некрополь у поселка Пересыпь достаточно полно описан в трудах отечественных исследователей. Впервые особенности погребального обряда некрополя были рассмотрены в кандидатской диссертации и статьях А.К. Коровиной (Коровина, 1964. С. 84–87; 1968. С. 113–115; 1987. С.3–71)

В диссертации, изучая набор украшений, обнаруженный в ранних захоронениях, исследовательница указала на близость памятника к некрополю Нимфея (Коровина, 1964. С. 87). В качестве особенности обряда второй половины IV – начала III вв. до н.э. А.К. Коровина отметила сильное греческое влияние, которое проявилось в наличии монет и лекифов в наборе сопроводительного инвентаря. Однако наличие оружия, а также присутствие каменных плит в захоронениях свидетельствуют, по ее мнению, о смешанном характере населения, оставившего некрополь (Коровина, 1964. С. 174). Более подробно особенности погребального обряда некрополя у пос. Пересыпь рассмотрены в статье А.К. Коровиной, опубликованной в 1987 г. Материалы некрополя были подразделены на пять хронологических групп. Для нашего исследования особый интерес представляет характеристика погребений 1-й и 2-й групп, относящихся к VI–IV вв. до н.э. А.К. Коровина отметила, что погребальный обряд VI–IV вв. до н.э. изучаемого некрополя существенно отличался от погребальных традиций крупных городов Боспора (Пантикапея, Гермонассы и Фанагории). Оригинальными чертами обряда она считала наличие в погребениях широтной ориентировки, предметов вооружения, жертвенной мясной пищи, лепной посуды. Эти черты А.К. Коровина связывала с варварским, в первую очередь с синдским окружением Тирамбы (Коровина, 1987. С. 5–7, 13–14). В погребальном обряде IV–III вв. до н.э. А.К. Коровина отметила усиление влияния греческих традиций, что проявилось в увеличении

числа случаев восточной ориентировки умерших, появлении погребений с монетами, распространении лекифов и обряда детских захоронений в амфорах. Влияние меото-сарматских обычаев исследовательница видела в частой встречаемости могил с северной и северо-западной ориентировкой захоронений, а также в положении рук на таз погребенных (Коровина, 1987. С. 25–27).

Негреческие черты погребального обряда некрополя у пос. Пересыпь отмечал и А.А. Масленников, указывая на западную ориентировку погребенных и наличие мясной пищи в захоронениях (Масленников, 1981. С. 30). Раздел, посвященный поселению и некрополю Тирамбы, в его монографии не противоречит положениям статей и диссертации А.К. Коровиной (Коровина, 1964. С. 87).

Иная интерпретация особенностей погребального обряда некрополя у пос. Пересыпь предложена в статье Я.М. Паромова и Н.И. Сударева (Паромов, Сударев, 2000. С. 201–211). Проанализировав ранее изученные материалы, авторы поставили под сомнение положения работ предшественников о связи западной ориентировки, наличия в погребениях оружия и мясной пищи с негреческим населением Таманского п-ова. Они предположили, что особенности погребального обряда позволяют соотнести население, оставившее некрополь, с выходцами из Кеп либо Фанагории. Об этом, по их мнению, свидетельствует широкое распространение в некрополе VI–V вв. до н.э. погребений в грунтовых ямах, детских захоронений в амфорах, наличие погребенных в скорченном положении, ориентировки в западном секторе в значительном количестве могил и зольной подсыпки в некоторых захоронениях (Там же. С. 210).

Много внимания особенностям погребального обряда некрополя у пос. Пересыпь уделено в диссертации Н.И. Сударева. В ней указывается на большое количество захоронений в грунтовых ямах без перекрытия, распространение с

середины V в. до н.э. обряда погребения детей в амфорах⁷⁷, распространение скорченного положения погребенных в могиле, широтную ориентировку погребенных (Сударев, 2005. С. 29, 53–56, 60–61, 134–136, 148–149). К отличительным чертам погребального обряда IV в. до н.э. Н.И. Сударев относит появление в некрополе грунтовых склепов (Там же. С. 114). Одним из важнейших отличительных признаков погребального обряда некрополя является взаимовстречаемость сосудов в наборе инвентаря. В захоронениях обнаруживаются амфоры в сочетании с сосудами для масел, с сосудами для питья, с сосудами для питья и для масла и без них (Там же. С. 165). В целом, учитывая особенности погребальной конструкции, положения и ориентировки погребенных в могиле, расположения и характера набора сопроводительного инвентаря, исследователь неоднократно отмечает близость некрополя у пос. Пересыпь с погребальными памятниками Боспора «немилетского происхождения»: Фанагорией, Кепами, Гермонассой, Пантикапеем, Нимфеем (Там же. С. 136–144, 148–150, 163–164).

Итак, некрополь у поселка Пересыпь является в достаточной степени полно исследованным погребальным памятником Азиатского Боспора. К интересующему нас периоду относится примерно 20% от общего числа исследованных захоронений⁷⁸. Несмотря на то, что, выборка погребений относительно невелика, материалы некрополя являются информативным источником. Здесь зафиксированы разные типы погребальных конструкций (простые грунтовые ямы, захоронения в амфорах, грунтовые склепы), обнаружено несколько способов обращения с телом погребенного, выявлено разнообразие секторов ориентировки и положения умершего в могиле. В захоронениях присутствует вариативный набор сопроводительного инвентаря, встречается значительное количество погребений с оружием. Это дает

⁷⁷ Данную особенность погребального обряда Н.И. Сударев связывает с распространением в полисах Азиатского Боспора культа Афродиты Урании (см. Сударев, 2005. С. 60)

⁷⁸ Речь идет о 44 погребениях VI–IV вв. до н.э.

возможность сравнить материалы некрополя с выборками иных погребальных памятников Азиатского Боспора. Возможности исследования эволюции погребальных традиций на данном памятнике существенно ограничены, однако их вариативность позволяет, хотя и со значительными оговорками, предполагать репрезентативный результат. Для костных останков в погребениях держателем открытого листа⁷⁹ были сделаны антропологические определения, что дает основание для выявления половых и возрастных различий в погребальных традициях данного памятника.

Некрополь у мыса Панагия.

Некрополь у мыса Панагия известен исследователям уже более 100 лет, однако остается недостаточно изученным памятником. Исторически он менял название (назывался «Пятиколодезный» или «некрополь у хутора Коротенко») в связи с изменением наименований близлежащих населенных пунктов.

Некрополь локализуется в 6,5 км к ЗЮЗ от станицы Тамань на берегу Керченского пролива на расстоянии около 400 м от поселения Двенадцатый километр⁸⁰. Исследованная площадь некрополя составила 525,5 м² (Блаватский, 1957. С. 121). Первые раскопки захоронений у мыса Панагии (у хут. Коротенко) были проведены под руководством В.В. Шкорпила в 1911 г. Им открыты 42 могилы (Шкорпил, 1914. С. 58–71.). К интересующему нас периоду относятся 37 погребений: 26 могил VI–V вв. до н.э. и 11 погребений, датированных концом V–IV вв. до н.э. (Коровина, 1962. С. 308). Два захоронения изучены В.В. Соколовым в ходе разведок 1919 г. на Таманском полуострове (Соколов, 1919. С. 48–49; Сударев, 2005. С. 53). 13 захоронений, из которых 8 интересны для данного исследования, обнаружены в результате работ В.Д. Блаватского в 1953

⁷⁹ А.К. Коровиной

⁸⁰ Ныне несуществующий хутор Кротенко.

г. Таким образом, в некрополе у мыса Панагия открыто 58 захоронений, из которых к интересующему нас периоду относятся 48.

Особенностям погребального обряда некрополя у мыса Панагии посвящено несколько работ. В 1957 г. В.Д. Блаватским опубликованы материалы захоронений, открытых у пос. Пятиколодезный. По его мнению, «обильный» погребальный инвентарь могил может свидетельствовать о зажиточности оставившего памятник населения (Блаватский, 1957. С. 129). Подробная характеристика отличительных черт обряда некрополя у мыса Панагия приводится в статье и диссертации А.К. Коровиной (Коровина, 1962. С. 301–315; 1964. С. 44–57, 206–208). Она отмечает греческие черты (наличие лекифов и предметов палестрического быта) в погребальном обряде даже раннего периода существования некрополя (VI–V вв. до н.э.). Влияние традиций местного населения на погребальный обряд проявилось, согласно ее мнению, в характере погребальных сооружений, ориентировке погребенных, наличии и расположении оружия в могилах, присутствию в захоронениях мясной пищи. Эти же особенности наблюдаются и в погребениях IV в. до н.э. (Коровина, 1962. С. 312). В диссертации перечень характерных особенностей погребального обряда некрополя дополнен. Так, в период VI–V вв. до н.э. отмечены: частое расположение посуды в могилах с левой стороны от покойного, наличие в наборе сопроводительного инвентаря тарных амфор, преобладание местных керамических изделий над привозными, скромный набор украшений (Коровина, 1964. С. 56–57). Отличительным признаком обряда в IV в. до н.э. А.К. Коровина считала сохранение погребальных традиций предшествующей эпохи: преобладание могил с деревянными и сырцовыми перекрытиями, ориентировку погребенных в восточном секторе, расположение посуды с левой стороны от захороненных, превалирование в наборе керамики сосудов для питья и лекифов (Там же. С. 104–107).

В диссертации Н.И. Сударева уделено большое внимание обряду рассматриваемого некрополя. Среди отличительных черт погребальных традиций VI–IV вв. до н.э. он особо выделяет наличие в некрополе детских амфорных погребений, что может свидетельствовать о «не милетском» происхождении некрополя (Сударев, 2005. С. 61). Однако по совокупности особенностей погребального обряда, включающих характер погребальной конструкции и преобладание вытянутого положения погребенных, Н.И. Сударев предполагал все же «милетско-пантикапейское» происхождение памятника (Там же. С. 144). По конструктивным особенностям погребальных сооружений он отнес некрополь к типу памятников, в которых умерших помещали в могилу с отгороженным внутренним объемом (Там же. С. 104). Единичные находки наконечников стрел в захоронениях Н.И. Сударев объяснял распространением культа Аполлона Врача (Там же. С. 244).

Итак, некрополь Панагии остается малоизученным погребальным памятником⁸¹. Тем не менее, его материалы довольно информативны, что и позволяет исследовать особенности погребальных традиций. Отличительные черты погребального обряда в некрополе прослеживаются в характере погребальных сооружений, керамическом наборе, высоком для сравнительно небольшой выборки процентом захоронений с оружием. Выборка материалов данного некрополя является вполне репрезентативной, что дает возможность сопоставлять ее с массивами данных о других погребальных памятниках региона. Исследование материала некрополя дает возможность с некоторыми допущениями проследить эволюцию погребальных традиций. Однако отсутствие достаточного количества антропологических определений для скелетных останков не позволяет рассмотреть половые и возрастные различия в обряде населения, оставившего некрополь.

⁸¹ Открыто лишь 58 могил, из которых 42 датированы в пределах VI–IV вв. до н.э.

2.3. Некрополи третьей группы.

Большое количество погребальных памятников VI–IV вв. до н.э., открытых на территории Азиатского Боспора, остаются малоизученными или совершенно не исследованными. Материалы этих некрополей не обладают достаточной информативностью для выявления погребальных традиций в рамках отдельного памятника, но становятся ценным источником для исследования обрядов региона в целом, поэтому представляется необходимым в общих чертах дать их характеристику.

Некрополь у поселка Гаркуша (Патрей).

Находится на северном берегу Таманского залива около пос. Гаркуши, между Патрейским городищем и «батарейкой», приблизительно на в 100 м к северо-западу от нее (Сударев, 1994. С. 108).

Памятник обнаружен А.С. Башкировым в 1926 г. на территории хут. «Коммуна Звезда». Им были зафиксированы значительные разрушения памятника в результате активной грабительской деятельности копателей-«счастливчиков». В 1962 г. А.С. Башкировым был открыт участок некрополя у пос. Гаркуша к востоку от городища Патрей. Поисками некрополя в 1989 г. занимался Б.Г. Петерс (Сударев, 1994. С. 109). В 1989–1990 гг. Б.Г. Петерсом, Н.И. Сударевым и А.П. Абрамовым было раскопано несколько грунтовых погребений. Обнаружено всего 6 захоронений античного времени, из которых к интересующему нас периоду относятся 3, причем два датированы второй половиной V в. до н.э., одно – IV в. до н.э. Специфика погребального обряда в этих захоронениях была рассмотрена в статье и диссертации Н.И. Сударева (Сударев, 1994. С. 108–126; 2005. С. 165, 170, 205). В них обращено внимание на характер погребальных конструкций, сектор ориентировки, а также набор

керамического инвентаря. Проведя сопоставление с материалами других некрополей региона, исследователь пришел к выводу об их близости, а также о греческом происхождении обряда, фиксируемого в захоронениях (Сударев, 1994. С. 115–117).

Грунтовый некрополь Береговой 4.

Расположен на западной окраине Фонталовского полуострова на берегу Таманского залива, севернее поселения Береговой 4. Исследованная площадь некрополя – 75 м². Этот погребальный памятник открыт в результате охранно-спасательных работ, проводимых в 2004 г. Н.И. Сударевым. В результате раскопок были доследованы остатки пяти захоронений VI–V вв. до н.э., разрушенных грабителями (Завойкин, Сударев. 2006. С. 289; Сударев, 2007. С. 13–14, 90–92). От одного захоронения сохранилось лишь раздавленное и поврежденное распашкой тулово сероглиняной лесбосской амфоры – вероятно, остатков детского погребения; от второго – поврежденная распашкой «протофасосская» амфора второй четверти V в. до н.э.; от третьего – лекиф мастерской «Veldam» тоже второй четверти V в. до н.э. (Гарбузов и др., 2011. С. 114). При раскопках на участке некрополя в 2005 г. обнаружено 15 грабительских шурфов и 4 разрушенных захоронения (Сударев, 2006а, С. 61–63)⁸². По конструкции погребальных сооружений, представленных ямами с заплечиками, перекрытых досками и камкой, Н.И. Сударев датировал захоронения V–IV вв. до н.э. Таким образом, за весь период исследований некрополя было открыто 9 захоронений, относящихся к интересующему нас периоду.

⁸² Выражаю глубокую признательность Н.И. Судареву за возможность ознакомиться с ранее не опубликованными материалами раскопок.

Некрополь у станции Ахтанизовской.

Расположен на песчаном хребте, идущем от сопки Блеваки к гряде Цимбалы. Некрополь раскапывался лишь в 1902 г. экспедицией К.Е. Думберга (ИАК, 1902. С. 58–60). Здесь открыты 10 захоронений, одно из которых было совершено под курганной насыпью. Восемь из могил, предположительно, могут быть отнесены к интересующему нас периоду и датируются рубежом V–IV вв. до н.э. и IV–III вв. до н.э. (Сударев, 2005. С. 76, 84, 103).

Курганный некрополь у пос. Кучугуры.

Расположен в 2,1 км от Азовского побережья, в 1,2 км к ЮВ от пос. Кучугуры. Курганный могильник насчитывает 15 насыпей, 5 из которых – курганы 1, 4–7, исследованные в ходе раскопок, проведенных в 1984–1985 гг. под руководством Ю.М. Десятчикова и Т.Н. Мирошиной (Десятчиков, 1984; Мирошина, 1985; Горланов и др., 2019. С. 155–156). В 1984 г. Ю.М. Десятчиковым были исследованы 2 кургана у пос. Кучугуры (Десятчиков, 1984). В курганах № 2 и 3 (по нумерации Десятчикова) открыты два погребения, содержавшие человеческие останки и захоронения трех лошадей. По обнаруженному в курганах инвентарю исследователь датировал их второй половиной IV в. до н.э. и посчитал обнаруженные захоронения погребениями эллинизированной скифской знати. Еще 4 захоронения были открыты Т.Н. Мирошиной в кургане № 4. Все они были датированы в пределах III–II вв. до н.э. (Горланов и др., 2019. С. 169).

Грунтовый некрополь у поселка Суворовское.

Находится в 0,7 км к северу от станции Тамань у берега Таманского залива, к югу от ранее существовавшего поселка Суворовское (ныне восточная

окраина станицы Тамань). Грунтовый некрополь открыт в 1951 г. в результате проведенных Т.В. Блаватской раскопок, выявивших 6 погребений (Блаватский, 1953. С. 4; Коровина, 1964. С. 76), а в 1955 г. В.Д. Блаватским были раскопаны еще 4 могилы. Таким образом, в некрополе у поселка Суворовское всего открыто 10 захоронений, из которых к интересующему нас периоду относятся лишь 2 (Коровина, 1964. С. 76; Сударев, 2005. С. 70).

А.К. Коровина, проанализировав материалы этих захоронений, отметила близость некрополя к погребальным памятникам у мыса Панагия и Тузла (Коровина, 1964. С.76–77).

Грунтовый некрополь поселения Волна 4.

Расположен в 4,1 км к северо-западу от пос. Волна у северо-западной подошвы горы Зеленской, примыкает к территории поселения Волна 4. В результате исследований, руководимых Н.И. Сударевым, в некрополе были обнаружены два погребения V в. до н.э. Анализ расположения могил позволил считать их впускными в насыпь эпохи бронзы (Гарбузов и др., 2011. С. 115).

Некрополь Западно-Зеленского поселения.

Расположен в 500 м к югу – юго-востоку от поселения Волна 4 (Гарбузов и др., 2011. С. 116). Некрополь был открыт в 1953 г. В.Д. Блаватским. Им было изучено 8 могил, 2 из которых, предположительно, могут быть отнесены к интересующему нас времени (Блаватский, 1954. С. 18–19; Гарбузов и др., 2011. С. 116).

Некрополь у хутора Кравченко.

Раскапывался лишь грабителями, предположительно, находится на берегу Таманского залива к западу от станицы Тамань. Некоторые сосуды из грабительских раскопок были переданы местными жителями в Таманский музей. Эти материалы датированы VI–V вв. до н.э. Некрополь отличался преобладанием «простой» посуды. На карте В.В. Соколова памятник отмечен под № 6 (Гарбузов и др., 2011. С. 116).

Выводы.

Рассмотренные материалы, характеризующие историю раскопок и последующих аналитических исследований некрополей Азиатского Боспора VI–IV вв. до н.э. позволяют сделать несколько общих выводов, имеющих значение для дальнейшего изучения особенностей погребальных обрядов, характерных для данного региона в указанный период.

1. Оценка информативности материалов 24-ти грунтовых и курганных некрополей Азиатского Боспора позволяет учесть материалы 4903 захоронений, из которых 2116 относятся к исследуемому периоду (VI–IV вв. до н.э.), что составляет 43% от общего числа открытых раскопками погребений. Проведенный обзор работ, посвященных каждому памятнику, позволяет оценить степень информативности представленного там материала и возможность его использования для дальнейшего анализа. Наиболее «информативные» некрополи *первой группы* дают возможность всестороннего исследования погребальных традиций, связанных: (а) с эволюцией обряда на протяжении трех столетий, (б) с полом, возрастом, социальным статусом погребенных. Менее изученные некрополи *второй группы* помогают проследить лишь хронологические изменения в погребальных обрядах. Крайне мало исследованные некрополи *третьей группы* демонстрируют специфику погребальных обрядов только в сопоставлении с материалами других памятников и позволяют судить о разнообразии и распространении погребальных традиций региона в целом.

2. Установлено, что информативность материалов некрополей находится не в прямой зависимости от количества исследованных погребений. Так, изучение сравнительно небольших выборок некрополей Фанагории и Горгии представляется не менее перспективным, чем исследование более крупной выборки некрополя у мыса Тузла, что подтверждается выводами

целого ряда научных работ. Главными критериями оценки материала выступают вариативность погребальных традиций, фиксируемых на памятнике, комплексность методов, применявшихся исследователями для изучения каждого некрополя, наличие антропологических определений костных останков, обнаруженных в могилах.

3. Изучение эволюции погребальных традиций с использованием статистических методов возможно лишь для 15 из 24 рассмотренных некрополей⁸³. Полноценное исследование влияния на погребальный обряд факторов пола, возраста и статуса погребенных может быть проведено только на материалах 10 некрополей⁸⁴. Выборки остальных памятников, обладающих меньшей информативностью, могут быть рассмотрены только при сравнении общего массива памятников интересующего нас периода.

4. Общий объем материалов некрополей VI–IV вв. до н.э. Азиатского Боспора представляется достаточным для проведения комплексного исследования с применением методов математической статистики. Анализ работ предшественников показывает в изучаемом регионе своеобразие и значительную вариативность погребальных обрядов, которые формировались и трансформировались под влиянием множества факторов. Разные обряды могли складываться и сосуществовать на территории даже одного достаточно крупного погребального памятника. Все это позволяет провести анализ, дающий достаточно обоснованные результаты.

⁸³ Речь идет о грунтовом и курганном некрополях Фанагории, Гермонассы, Тузлы, Кеп, курганном некрополе Виноградный-Северо-Восточный 2, грунтовых некрополях Горгиппии, Волны 1, Артющенко 2, Виноградного 7, Вышестеблиевская 21, у м. Панагия.

⁸⁴ Это курганный и грунтовый некрополи Фанагории, Гермонассы, Кеп, курган Виноградный Северо-Восточный 2, грунтовые некрополи Волна 1, Артющенко 2, Вышестеблиевская 21.

Глава 3. Анализ погребальных обрядов некрополей Азиатского Боспора VI – IV вв. до н.э.

3.1. Методика исследования погребальных обрядов.

Анализ истории изучения некрополей Азиатского Боспора с оценкой репрезентативности материалов погребальных памятников позволил выявить основные проблемы, связанные с их исследованием.

Огромный объём информации, накопленный более чем за 200 лет раскопок боспорских некрополей, нуждается в систематизации, что требует усовершенствования методик изучения погребальных традиций. Исследование региона осуществлялось неравномерно, и влияние на этот процесс оказывали разные факторы: объём накопленного материала, методики ведения раскопок, воззрения ученых на погребальный обряд.

В связи с тем, что труды, посвященные погребальным традициям Боспора, демонстрируют узкую направленность интерпретационных подходов, применяемых при анализе источников, наиболее перспективным представляется комплексное исследование, включающее использование методов естественных наук. Его применение позволяет установить вариативность погребальных обрядов даже в рамках одного некрополя. При этом учитывается одновременно множество факторов, влиявших на формирование обрядовых традиций: хронологический, социальный, демографический, этнический и др., в результате взаимодействия которых погребальные традиции накладывались одна на другую, что и создает значительные проблемы при их интерпретации. Л.С. Клейн справедливо отмечал, что первоначальная информация о том или ином событии в значительной степени искажается, проходя через огромное количество «шлюзов» (Клейн, 1999. С. 338–339). Само изменение материальной

культуры с течением времени может влиять на интерпретацию погребальных обрядов.

Именно поэтому в данной работе апробирован комплексный подход, основанный на совместном применении традиционных методов, методов математической статистики и комбинаторики, а также ГИС-технологий. Традиционные методы (сравнительный, описательный, метод аналогий) использованы для классификации материала, поиска аналогий погребальных традиций и их описания.

Методы математической статистики и комбинаторики были внедрены в отечественную археологию еще в середине 1960-х гг. Широкое распространение в этот период получил метод процентных соотношений. Его основными достоинствами являлись простота, доступность, возможность ведения расчетов вручную. Например, в исследовании К.Ф. Смирнова, метод успешно использовался для изучения памятников савроматской культуры (Смирнов, 1964. Табл. 2–6). Однако он имел существенные недостатки. Серьезной проблемой являлась невозможность его применения к малым выборкам: при их исследовании резко увеличивалась вероятная погрешность в вычислениях (Писларий, Пожидаев, 1982).

Развитие технологий в начале 1970-х гг. способствовало внедрению в археологическую науку методов многомерного анализа, в том числе кластер- и фактор-анализа.

Фактор-анализ позволяет из множества признаков, которыми описан объект, выделять группы характеристик, тесно связанных между собой вследствие воздействия на них некоего общего фактора. В основе фактор-анализа лежит объяснение корреляции специально выделенных признаков. Предполагается, что любую реалию можно описать небольшим количеством характеристик-факторов, которые могут быть скрыты от наблюдения. Они обнаруживаются в доступных наблюдению признаках, которые можно

сгруппировать по факторам. Использование метода связано с обработкой квадратной матрицы с факторными нагрузками, рассматриваемыми как коэффициент корреляции между i -м признаком и J -м фактором. Коэффициент оценивает общность признаков, иными словами, меру воздействия всех факторов на i -й признак. Когда показатель высок, то предполагается, что выделенные факторы дефинируют этот признак (Федоров-Давыдов, 1987. С. 174–179).

Предназначение кластер-анализа состоит в разделении множества объектов на заданное или неизвестное количество классов с учетом определенного критерия качества классификации. Метод помогает выявить степень близости выделенных объектов (Там же. С.180–185).

В начале использования методов многомерного анализа наблюдался субъективный отбор признаков, продиктованный личными представлениями исследователей об их значимости для решения поставленных задач, что существенно снижало шансы на получение объективного результата. В частности, в работе, посвященной погребальному обряду сарматов Закубанья авторы для доказательства сарматской принадлежности подкурганых погребений региона ограничились такими характеристиками обряда, как конструкция могилы, ориентировка погребённого, размещение сосудов, костей овцы и бус относительно костяка без обоснования отбора этого перечня признаков (Ждановский, Лимберис, Марченко, 1988. С. 103–126).

Одним из первых к использованию фактор-анализа в археологических исследованиях обратился А.М. Ждановский при рассмотрении катакомб сарматского времени из Среднего Прикубанья (Ждановский, 1985). До сих пор сохраняет актуальность работа А.А. Масленникова «Население Боспорского государства в первых веках н.э.», в которой метод фактор-анализа весьма оригинально применялся при изучении погребальных сооружений Боспора I вв. н.э. По мысли исследователя, «благодаря методу факторного анализа выявились

связи и явления, которые иными путями определить не удавалось» (Масленников, 1990. С. 215). Использование данного метода позволило А.А. Масленникову определить степень влияния различных факторов (этнoса, демографии, рельефа местности, природно-климатического) на погребальные сооружения (С.171–216).

Кластер-анализ применялся в работе И.И. Марченко для изучения массива впускных подкурганых погребений IV в. до н.э. – I в. н.э. из Восточного Приазовья (Марченко, 1996). Новая методика оказалась весьма действенной, но в ней по-прежнему не была устранена интуитивная интерпретация результатов. Это привело к формированию скептического отношения и постепенному отказу многих ученых от применения методов многомерного анализа.

Развитие метода произошло относительно недавно – в начале 2000-х гг. в работах Н.Е. Берлизова и А.П. Винидиктова. Новым в методике, предложенной исследователями, стало включение в код для описания погребальных памятников блока внеобрядовых признаков-интерпретаторов. Под термином признак-интерпретатор⁸⁵ понимается конкретная внеобрядовая характеристика погребения, связанная с его широкой (с точностью до века) и узкой (с точностью до четверти века) датировкой, половой и возрастной принадлежностью погребенных, антропологическим типом скелетных останков в захоронении, принадлежностью к определенному памятнику, региону, археологической культуре.

Методика применялась при изучении меотских и сарматских погребений Прикубанья (Берлизов и др., 2003). Применение статистических методов в данном исследовании, как представляется, позволяет существенно облегчить обработку накопленного археологического материала и классифицировать погребальные традиции некрополей Азиатского Боспора.

⁸⁵ См. Берлизов, Винидиктов, Зеленский, Пьянков, 2003. С. 5–6.

В работе предлагается типологическая классификация⁸⁶ погребальных обрядов Азиатского Боспора, которая, согласно М.П. Грязнову, ставит задачу открыть и охарактеризовать существовавшие в реальной исторической действительности группы (Грязнов, 1969. С. 19). Центральным понятием типологической классификации является тип. Для того чтобы определить, что можно считать типом погребального обряда, важно выявить, чем определяются особенности погребального обряда в целом.

Погребальный обряд может быть рассмотрен как комплекс действий, практических и ритуальных, совершаемых сообществом людей (его подразделениями: род, семья, и т.п.) для решения вопросов, связанных со смертью одного или нескольких его членов. Очевидно, что в основе погребальных традиций лежат представления той или иной группы людей о том, каким образом «правильно» произвести погребение умерших определенного возраста и пола, социального положения и т.п. Именно следование этим правилам (которые сами могли со временем изменяться) обеспечивало то, что при неподдающемся учету многообразии единичных отклонений от «нормы» создавало те или иные черты (критерии) погребального обряда, характерные для наибольшего числа погребений. Применительно к Азиатскому Боспору выявление отдельных погребальных традиций представляется крайне сложным ввиду их множественности и вариативности. Пестрый состав греческих колонистов, их политеизм, различия в их социальном положении, безусловно, сказались на формировании погребальных обрядов в регионе. Кроме того, логично предположить, что погребальные обычаи этнических греков из разных метрополий на этой территории испытывали влияние погребальных традиций «варваров», с которыми контактировали колонисты, и отдельные представители которых так или иначе в том или ином

⁸⁶ Для данного исследования наиболее предпочтителен такой вид классификации. Подробнее о других видах классификаций в археологии см.: Клейн, 1987. С. 33–35; Колпаков, 2013.

количестве проникали в состав населения боспорских городов и сельских поселений.

Проведенный анализ позволяет установить, что на территории Азиатского Боспора в каждом некрополе сосуществовали разные традиции. Большинство из них менялось, другие оставались неизменными⁸⁷. Очевидно, что при изучении только «определенных» результатов человеческой деятельности невозможно полностью определить характер конкретной погребальной традиции. Причины и динамику изменений погребальных обрядов региона нельзя проследить на материалах одного некрополя. Такое исследование дает информацию локального характера. Для выявления причин трансформаций погребальных обрядов на Азиатском Боспоре важно изучить всю совокупность археологических данных о погребальных традициях региона. Поскольку появление первых греческих переселенцев фиксируется с первой половины VI в. до н.э. совокупность погребальных обрядов, сформировавшихся в этих некрополях на начальном этапе их функционирования (первая половина VI – первая половина V в. до н.э.), и их территориальное распределение можно считать «эталонным» по отношению к следующим периодам. Совокупность обрядов на территории исследуемого региона в конкретный период в этом исследовании определяется как класс в типологической классификации погребальных традиций.

Ареал распространения набора погребальных обрядов на Азиатском Боспоре в определенные хронологические периоды устанавливается по их представленности на конкретных некрополях. Наличие на нескольких памятниках схожего набора погребальных традиций позволяет объединить их в отдельные группы, рассматривая выявленные в рамках одного периода группы как типы погребальных обрядов.

⁸⁷ Подробно см. разделы 3.2, 3.3, 3.4.

Анализ некрополей изучаемого региона позволяет выявить различия в характере погребальных обрядов пяти возрастных групп: младенцы (до двух лет); дети (от 3 до 14 лет); молодые люди (15–24 лет); зрелые (25–45 лет); пожилые (старше 45 лет). В связи с этим на рассматриваемых памятниках выделяются наборы погребальных обрядов, характерные для каждой из возрастных групп. Для трех возрастных групп (молодых, зрелых и пожилых людей) можно установить наборы особенностей обряда, связанные с полом погребенного. Совокупность определенных для конкретного некрополя наборов вариантов погребальных обрядов, связанных с полом и возрастом индивидов, предлагается считать подтипом в первичной классификации погребальных традиций.

Сочетания характерных черт погребальных обрядов, существовавших в регионе в определенные периоды для разных возрастных групп, в данном исследовании определяются как вариант погребальной традиции.

Подчеркнём, что судить об отличительных особенностях погребальных обрядов региона удастся только по «опредмеченным» остаткам человеческой деятельности: конструкции погребального сооружения, различным элементам набора сопроводительного инвентаря, костным останкам индивидов. Все отдельные опредмеченные в материальных остатках элементы погребальных обрядов одновременно рассматриваются в работе как таксоны в существующих классификациях археологического материала⁸⁸.

В работе предлагается изучение погребальных памятников по универсальному алгоритму, включающему несколько этапов. Предварительным этапом являлось создание базы данных, составленной на основе универсального

⁸⁸ Так, погребальные конструкции, рассматриваемые в данной работе как один из элементов погребального обряда, одновременно являются таксонами в типологии сооружений в некрополях Азиатского Боспора VI–II вв. до н.э., предложенной Н.И. Сударевым (2005. С. 63–117), амфоры в захоронениях – элементами классификаций С.Ю. Монахова (2003) и А.П. Абрамова (2019), монеты – элементами типологических схем, представленных в каталогах-определителях М.Г. Абрамзона (2011) и В.А. Анохина (2011).

кода, используемого в работе Н.Е. Берлизова, А.В. Винедиктова, Ю.В. Зеленского и А.В. Пьянкова (2003), но преобразованного с учетом специфики погребальных памятников изучаемого региона (Прил. 1). При кодировании информации о захоронении учитывалась информация о погребальном сооружении, скелетных останках, наборе сосудов, предметах вооружения, упряжи и всаднического снаряжения; деталях погребального костюма; орудиях труда; предметах ритуального назначения; жертвенной пище. Обязательным стало включение в код для описания погребений блока внеобрядовых признаков-интерпретаторов, включающий сведения о датировке каждого захоронения, возрасте и поле погребенных.

Большую помощь в датировании захоронений оказали работы, в которых содержится информация об актуальных датировках погребений большинства некрополей Азиатского Боспора (см.: Паромов, 2002. С. 192–206; 2003. С. 239–265⁸⁹; Сударев, 2005⁹⁰; Кашаев, 2009а. С. 188–267; 2013; 2014⁹¹; Завойкин, Колесников, Сударев 2016⁹² С. 108–207; Иванов, Сударев, 2017 С. 160–189⁹³; Алексеева(в печати)⁹⁴). Их результаты были использованы при создании базы данных исследования. Однако датировка значительного числа захоронений VI–IV вв. до н.э. на недавно исследованных погребальных памятниках и уточнение датировки некоторых погребений, известных по результатам дореволюционных исследований, проводились автором самостоятельно⁹⁵. Она осуществлялась с помощью сравнительно-типологического метода на основании ранее

⁸⁹ Датировки погребений курганных некрополей Гермонассы и Кеп.

⁹⁰ Датировки захоронений Фанагории (частично), Гермонассы, Кеп, Патрея, Пересыпи, у м. Тузла, у м. Панагия, Ахтанизовской, Берегового 4.

⁹¹ Датировки погребений некрополя Артющенко.

⁹² Датировки погребений некрополя Фанагории.

⁹³ Датировки кургана 44/45 некрополя Кеп.

⁹⁴ Датировки погребений Синдской гавани/ Горгиппии.

⁹⁵ Выражаю искреннюю благодарность С.В. Кашаеву, Р.А. Мимоходу, Д.А. Карпову, Н.И. Судареву, П.С. Успенскому за консультации по датировке захоронений в некрополях Волна 1, Виноградный 7, Вышестеблиевская 21, Виноградный Северо-восточный. А также А.В. Кондрашеву за любезные консультации по хронологии погребений у м. Тузла.

разработанных типологий для различных категорий материала. Для датировки амфор применялись каталоги-определители С.Ю. Монахова и А.П. Абрамова (Монахов, 2003; Абрамов, 2019). Чернолаковые и краснофигурные сосуды датированы с использованием сводов *The Athenian Agora* (Sparkes, Talcott, 1970; Moore, 1997; Rotroff, 1997), каталогов Т.В. Егоровой (2009; 2017) и *CVA* (1927; 1963). Датировка туалетных сосудов – лекифов, аррибалов и унгентариев – определялась с помощью других каталогов *CVA* (Beazley J.D. et al. 1928; 1931). Для датирования предметов вооружения были использованы своды К.Ф. Смирнова (1961) и А.И. Мелюковой (1964), а также монографии М.В. Горелика (2003), Д. Вэрри (2004) и П. Коннолли (2001). Украшения датированы с использованием сводов Е.М. Алексеевой (1975; 1978; 1982), сводки М.В. Скрыжинской и каталога Н.З. Куниной (1997). Датировка зеркал осуществлялась с помощью сводки З.А. Билимович (1976. С. 32–66), а также монографии Т.М. Кузнецовой (2002). Для датировки нумизматических материалов применялись каталог-определитель А.В. Анохина (Анохин, 2011), публикация нумизматической коллекции М.Г. Абрамзона и О.В. Иваниной (2010), корпус кладов боспорских монет М.Г. Абрамзона (2011).

Анализ погребальных памятников велся поэтапно с учетом информативности материала каждого некрополя. На начальных стадиях исследования производилось сопоставление материала в рамках каждого памятника. После получения информации об эволюции погребальных традиций памятников и определения (где это возможно) половых, возрастных, статусных особенностей обряда, осуществлялось сравнение некрополей Азиатского Боспора между собой.

Учитывалось, что массив безынварных погребений региона должен сравниваться в отдельной выборке. Это обусловлено возникновением «информационного шума» при совместном исследовании инвентарных и безынварных захоронений. Это фактор, в особенности на ранних этапах

исследования, мог существенно исказить полученные результаты. Вместе с тем, материалы захоронений, не содержащих инвентаря, безусловно, также являются источником для изучения погребального обряда. Поэтому сравнительный анализ таких погребений проводился на всех этапах работы.

Трансформации в погребальном обряде отражают изменение отношения к традициям прошлого, семье и обществу. Исходя из этого, наиболее важным представлялось проследить хронологическую последовательность таких изменений. Это делает результаты исследования более корректными, а также может способствовать объективному переводу археологической информации в историческую. Именно поэтому анализ был начат с выявления в каждом из некрополей тех элементов обряда, которые изменялись с течением времени, что и приводило к формированию новых погребальных традиций.

Для этого методом главных компонент был проведен фактор-анализ материала отдельных некрополей с интерпретатором «широкая датировка комплекса» (с точностью до одного столетия). Такой анализ был проведен лишь для некрополей групп 1 и 2, поскольку малая информативность выборок памятников группы 3 не позволяла осуществлять какую-либо статистическую обработку материала.

Метод главных компонент является одним из основных способов уменьшения размерности данных, при котором теряется наименьшее количество информации. Его математический аппарат специально разобран в ряде работ отечественных и зарубежных математиков (например, см: Айвазян, Бухштабер, Енюков, Мешалкин, 1989. С. 334; Harrington, 2012; Raubenheimer, 2004. P. 61–63). Весь процесс расчётов осуществлялся с применением пакета прикладных программ SPSS. Верификация результатов, полученных в ходе фактор-анализа, осуществлялась с помощью иерархического кластер-анализа пространства признаков. Под термином «иерархическая кластеризация» понимается совокупность алгоритмов упорядочивания данных, визуализация

которых обеспечивается с помощью графов. Кластер-анализ в большинстве случаев позволяет скорректировать список выявленных в ходе фактор-анализа признаков обряда, связанных с интерпретатором⁹⁶.

Наиболее важным шагом при проведении этого анализа является определение меры близости признаков или объектов. Корреляция между признаками или объектами выявлялась путём расчёта расстояния Евклида. Последнее является геометрическим расстоянием в многомерном пространстве. Евклидово расстояние между точками x и y в n -мерном пространстве вычисляется по следующей формуле:

$$d(x, y) = \sqrt{\sum_{i=1}^n (x_i - y_i)^2}$$

Формула 1 – Вычисление Евклидова расстояния

По этой формуле рассчитывалось расстояние, позволяющее определить силу связи между внеобрядовым интерпретатором (в данном случае «широкая дата») с обрядовыми характеристиками. Все необходимые расчеты в используемой программе SPSS Statistics производились автоматически, а результат выводился в виде матрицы корреляций между признаками. Матрица давала возможность осуществить отбор обрядовых признаков, наиболее тесно связанных с интерпретатором. Общий принцип отбора заключался в определении признаков, расположенных на минимальном расстоянии от интерпретатора. В результате уточнялся набор обрядовых характеристик, объективно связанных с интерпретатором.

⁹⁶ В данной работе под термином «признак-интерпретатор» понимается конкретная внеобрядовая характеристика погребения, связанная с его широкой (с точностью до века) и узкой (с точностью до четверти века) датировкой, половой и возрастной принадлежностью погребенных, антропологическим типом скелетных останков в захоронении, принадлежностью к определенному памятнику, региону, археологической культуре.

Следующим шагом было сравнение захоронений методами кластерного анализа для определения хронологических различий между ними по установленному набору обрядовых черт. Точность результатов анализа зависит от выбора метода иерархической кластеризации. В нашей работе анализ проводился разными методами: «ближайшего соседа»; «дальнего соседа»; межгрупповых связей; методом Варда (Ward, 1963. P. 236–244). Все они получили подробное освещение в работах по математической статистике (например, см. Айвазян и др., 1989). Программное обеспечение позволило выбирать любой из этих методов и автоматически производить расчет. Результаты представлялись в виде дендрограмм. Они нуждались в дополнительной верификации и последующей интерпретации, поэтому следующим этапом в работе стала «дешифровка» полученных графических данных.

Дешифровка графа – процесс перевода полученной графической и числовой информации в текстовую с последующей попыткой первичной интерпретации и оценки результатов (процесс осуществлялся вручную). На этом этапе определялось наличие полного или значительного совпадения в наборе отличительных признаков либо его отсутствие на всех или большинстве образованных кластеров (см. Прил. 2). Это позволило судить об уровне объективности результата проведенного анализа. На этапе дешифровки на графе проводился учет «девиаций», т.е. объектов, не образовавших общие кластеры с другими погребениями в границах определенного памятника. Большое число девиаций (более 1/3 выборки) свидетельствует о некорректном результате и может указывать на то, что на формирование погребальных традиций мог оказать влияние некий иной фактор, нежели хронологический.

Установленное наличие трансформаций в погребальном обряде в рамках широкой датировки комплексов дает возможность более точно определить период изменений погребальных традиций на каждом памятнике.

На следующем этапе проводилось изучение каждого некрополя с использованием внеобрядового интерпретатора «узкая дата». После установления хронологических особенностей в обряде каждого памятника с учетом полученных результатов аналогичным способом изучалось влияние факторов пола и возраста на погребальный обряд рассматриваемых некрополей. Далее осуществлялось сопоставление материалов всех некрополей Азиатского Боспора, включая памятники, обладающие низкой информативностью.

Результатом проведенного анализа стала локализация ареала распространения погребальных обрядов и выявление общего и особенного в эволюции похоронных практик. Принцип группировки вновь сопоставляемого массива данных был обусловлен результатами многоэтапного анализа, описанного выше.

На заключительном этапе исследования в ходе интерпретации полученных результатов стало возможным сопоставить данные о погребальных обрядах Азиатского Боспора с материалами могильников варварского окружения региона, с захоронениями Европейского Боспора, а также некоторых эталонных центров материковой, островной Греции и Малой Азии, население которых могло участвовать в колонизации Северного Причерноморья. В результате предполагалось получить новую информацию о происхождении населения, погребенного в некрополях рассматриваемого региона .

С учетом того, что результаты, полученные с использованием традиционных и статистических методов, нуждаются в визуализации и проверке, в работе применялись ГИС-технологии. Кроме того, их применение позволило получить важную дополнительную информацию и о погребальных обрядах Азиатского Боспора. Так, в программе Quantum GIS удалось локализовать все рассмотренные некрополи на различных исторических картах региона XVIII–XX вв. В ГИС была осуществлена привязка всех доступных для нашего исследования некрополей Азиатского Боспора. Использование ГИС

позволило визуализировать и верифицировать результаты предшествующих этапов: удалось отобразить распространение зафиксированных погребальных традиций, уточнить географические рамки распространения погребальных обрядов, выявленных с использованием статистических методов.

Таким образом, комбинированное использование традиционных и статистических методов, а также применение ГИС-технологий позволили существенно повысить информативность проведенного исследования и дали высокие шансы на получение объективного результата. Их поэтапное применение на разных стадиях анализа способствовало решению большинства обозначенных в работе задач.

3.2. Особенности эволюции погребальных обрядов некрополей Азиатского Боспора VI–IV вв. до н.э.

Некрополь Фанагории.

По предложенному алгоритму было проведено изучение хронологических изменений в обряде некрополя Фанагории. В выборку исследования вошли 127 погребений конца VI – рубежа IV–III вв. до н.э. Фактор-анализом установлен набор характеристик погребального обряда, связанный с «широкой» и «узкой» датировками комплексов: характер надмогильного сооружения; способ обращения с телом индивида; количество погребенных в могиле; общее положение умершего; положение его рук и ног; особые случаи в его положении; ориентировка; количество сосудов в наборе инвентаря; кувшины в погребении; сосуды для питья; наличие мелких глиняных и стеклянных туалетных сосудов; мелких орудий труда; предметов ритуального назначения. Далее методом кластер-анализа было проведено исследование хронологических изменений в обряде некрополя.

Анализ позволил распределить материалы захоронений по трем хронологическим периодам: 1) конец VI – третья четверть V вв. до н.э.; 2) последняя четверть V – третья четверть IV вв. до н.э.; 3) последняя четверть IV – первая половина III вв. до н.э. Было установлено, что в каждый период в некрополе сосуществовало несколько погребальных традиций.

Выборку VI – третьей четверти V вв. до н.э. составили 29 захоронений. Для этого периода характерны безкурганные погребения. Исключением стали семь детских захоронений в амфорах (24,1% погребений), впущенных в насыпи эпохи бронзы⁹⁷. Все погребения совершены по обряду ингумации, положение тел вариативно: вытянуто на спине (62,1% индивидов), скорченно на правом (10,4%) и левом боку (6,8%). В 20,6% захоронений положение не определялось. Большинство захоронений одиночные (93,2%), парных погребений мало (6,8%), ориентировка неустойчива. Погребенные в скорченном положении обычно ориентированы в северном и западном секторах (10,4%). Большинство погребенных в вытянутом положении ориентированы в восточном секторе (82,8%). Южная ориентировка встречается редко (6,8%). Обнаружено большое количество сосудов: в 41,3% могил – не менее двух. Присутствуют сосуды для питья (37,9% погребений) и для масла (20,7%), мелкие мисочки и миниатюрные вазочки – кувшинчики (17,2%), только в ранних погребениях – до второй четверти V в. до н.э. – обнаружены стеклянные сосуды (6,9%), кувшины отсутствуют, мелкие орудия труда представлены иглами (10,4%) и шилом (3,4%), предметы ритуального назначения отсутствуют.

Второй период в некрополе Фанагории представлен материалами 36 захоронений. К особенностям обряда последней четверти V – третьей четверти IV вв. до н.э. относится появление подкурганных захоронений и распространение обряда кремации. Он прослежен в 6 погребениях (16,7%) этого

⁹⁷ Здесь и далее указывается процент от общего числа погребений в выборке рассматриваемого периода.

периода. Кремации на стороне – наиболее ранняя его разновидность (11,1%). Кремация на месте появляется в не ранее первой четверти IV в. до н.э. (5,6%). Преобладает положение погребенных вытянуто на спине (83,3%). В 16,7% могил положение индивидов определено не было. Несмотря на то, что в этот период, в целом, преобладают одиночные захоронения (75%), увеличивается количество могил, в которых находилось до трех и более умерших (11,1%), остальные погребения (13,9%) – парные. Об увеличении доли коллективных погребений свидетельствует и распространение могил с костями при повторных захоронениях (8,3%). В большинстве случаев умершие ориентированы в восточном секторе (94,4%), крайне редко – в северном (5,6%). Существенно меняется характер керамического набора. В 33,3% погребений встречено более трех сосудов, почти в стольких же – 1 сосуд (30,6%), реже – 2 (11,1%) либо 3 (11,1%) сосуда. В 13,9% могил они отсутствуют. Активно начинают использоваться кувшины (41,6% погребений) и глиняные сосуды для масла (38,9%), реже – солонки и туалетные мисочки (13,9%). Доля сосудов для питья снижается (27,7%). Крайне редко обнаруживается мелкий инструмент, представленный иглами (8,3%). Появляются предметы ритуального назначения: с третьей четверти IV в. до н.э. фиксируются монеты (5,6%), в одном погребении (2,8%) обнаружен горгонейон.

Выборку третьего периода составили материалы 62 погребений. Особенностью обряда последней четверти IV – первой половины III в. до н.э. является большое количество подкурганых погребений (до 60,9% выборки). Сохраняется биритуализм (наличие в некрополе одновременно двух способов обращения с телом погребенных – ингумации и кремации) при этом возрастает количество кремаций на месте (11,9%). Увеличивается число коллективных захоронений (30,6%). Встречается несколько вариантов положения индивидов в могиле. Большинство умерших располагались в могиле вытянуто на спине (62,9% погребений), также фиксируются положения скорченно на спине (9,7%)

и на левом боку (4,8%). В остальных случаях расположение индивидов определено не было (22,6%). При этом по-прежнему преобладает ориентировка погребенных в восточном секторе (95,1%). Трое захороненных (4,9%) ориентированы в северном и западном секторах. Количество сосудов сокращается: обычно их не более трех (82,2%), а если больше, то они распределяются между несколькими индивидами (17,8%). Обнаруживаются мелкие глиняные сосуды для масел / слез (37% погребений), реже – кувшины (24,2%), очень редко туалетные мисочки / солонки (6,45%). Редки сосуды для питья (9,6%) и мелкий инструмент, который представлен иглами (3,2%) и шильями (3,2%). Особенностью четвертой четверти IV в. до н.э. является широкое распространение «обола Харона» (40,3% погребений). В 11 погребениях (17,7%) монеты находились под нижней челюстью индивида. Этот обычай сохраняется и на рубеже IV–III вв. до н.э., но наблюдается значительно реже.

Захоронения младенцев в амфорах и оружие в погребениях фиксируются на протяжении всего функционирования некрополя, что является общей характерной особенностью его погребального обряда.

Некрополь Гермонассы.

При изучении некрополя Гермонассы были исследованы материалы 119 погребений конца VI – рубежа IV–III вв. до н.э. Фактор-анализом выявлены признаки, связанные с «широкой» и «узкой» датировкой захоронений: характер погребальной конструкции, наличие гробов и подстилок, способ обращения с телом погребенного, количество индивидов в могиле, общее положение умершего, положение его рук и ног, ориентировка, количество сосудов в погребении, наличие и расположение кувшинов, присутствие в захоронении

украшений, мелких орудий труда и предметов утвари, предметов ритуального назначения.

Анализ хронологических изменений в обряде некрополя Гермонассы позволил отнести его материалы к трем периодам: 1) второй половине VI – второй четверти V в. до н.э.; 2) третьей четверти V – первой четверти IV в. до н.э.; 3) второй четверти IV – первой половине III в. до н.э. Было установлено, что, как и в некрополе Фанагории, в пределах каждого периода в некрополе сосуществовало несколько погребальных традиций.

К первому периоду относится 25 захоронений второй половины VI – второй четверти V в. до н.э. Отличительная особенность погребального обряда в этот период – отсутствие захоронений в сооружениях из камня. Только 8 % погребений осуществлены в сырцовых ящиках, лишь одно (4%) – в деревянном гробу. Все погребения этого периода одиночные и совершены по обряду ингумации. Большинство погребенных (96%) лежит вытянуто на спине (кроме одного в скорченном положении), их руки в (92% могил) вытянуты вдоль туловища. У одного погребенного (4%) руки отведены от туловища, еще в одной могиле (4%) кисти рук – у лица. Кости ног умершего в 96% погребений вытянуты параллельно. Только в одном захоронении (4%) они согнуты в коленях. Вариативность в обряде прослеживается в ориентировке индивидов: в 76% случаев она в восточном секторе, в 16% – в западном, 8% погребенных были ориентированы на север. Почти во всех погребениях обнаружены сосуды (96%). В большинстве захоронений (32%) представлено более трех сосудов, реже встречаются наборы из двух (24%), либо трех сосудов (24%), в 16 % могил присутствовал 1 сосуд. Кувшины встречаются достаточно часто (32% погребений) и могут располагаться в головах, слева, а также слева от костей ног погребенных. Только в 8% могил находилась солонка. Бедным является и набор украшений: в 12% погребений зафиксированы ручные браслеты, в 8% – перстни, в 4% – перстень и ручной браслет. Мелкие орудия труда также

встречаются редко: пряслица (8% погребений), нож (4%). Предметы ритуального назначения отсутствовали.

В выборку второго периода вошли материалы 44 захоронений. Специфика погребального обряда третьей четверти V – первой четверти IV в. до н.э. определяется распространением коллективных захоронений (в 50% парных). Все погребения совершены по обряду ингумации. Особенностью обряда является унификация позы погребенных и их ориентировки: все они ориентированы в восточном секторе и лежат вытянуто на спине с вытянутыми конечностями. Количество сосудов вариативно, однако преобладают захоронения, содержащие 1 сосуд (34,1% погребений), реже в могилах встречаются 3 (15,9%) и более трех сосудов (11,3%). В 38,7% погребений сосуды отсутствовали. Кувшины обнаружены в 29,8% захоронений в ногах (13,9%) либо слева от ног погребенных (15,9%). В 50% захоронений обнаружены солонки. Украшения встречаются редко: найдены ручные браслеты и перстень (2,2% погребений), и серьги (2,2%). Мелкие орудия труда представлены в 50% захоронений ножами и пряслицами. Предметы ритуального назначения, как и в предшествующий период, отсутствовали.

Выборку третьего периода составили материалы 50 захоронений. Во второй четверти IV – первой половины III вв. до н.э. погребальные традиции в некрополе Гермонассы наиболее вариативны. Появляется сразу несколько новых типов погребальных конструкций: грунтовые склепы (6% погребений), наземные каменные гробницы (10%), широко распространяются сооружения из сырца (18%). Значительно чаще фиксируются захоронения в деревянных гробах (18%), появляются погребения в деревянных саркофагах (6%)⁹⁸. 10% от выборки составляют детские захоронения в амфорах. Большинство погребений (94%) совершено по обряду ингумации, а 6% – по обряду кремации. 50% захоронений

⁹⁸ Такое разнообразие погребальных конструкций можно связать с распространением в некрополе обряда подкурганых захоронений.

являлись одиночными, 25% – содержали более трех индивидов, 15% – двух, 10% – трех. Разнообразие прослеживается в позе и ориентировке погребенных. В 86% случаев они лежали вытянуто на спине. Исключение составили костяки в положении скорченно на боку (по 4% – на правом и левом). Кисти их рук были помещены на таз, ноги – согнуты в коленях. Редко руки лежали кистями на груди (2% погребений), были отведены от туловища (2%), в одной могиле (2%) прослежена «атакующая поза» (одна нога согнута в колене, вторая – вытянута), в другой (2%) – «поза всадника» (ноги расположены ромбом). Еще в 6% захоронений положение не определялось. Сохраняется господство восточной ориентировки (70% захоронений) с отклонениями в северном и южном секторе. В 15% захоронений зафиксирована западная ориентировка, в 10% – северная, в 6% – южная. Число сосудов вариативно: чаще всего фиксируется набор из более трех сосудов (40% погребений), реже один (12%), два (14%), три (14%). В 20% погребений сосуды отсутствовали. У 35% погребённых обнаружены кувшины, стоявшие слева, слева от ног, в ногах, справа от ног⁹⁹. В 20% захоронений обнаружены солонки. Украшения (серьги и перстни) представлены в 10% захоронений, мелкие орудия (ножи, пряслица, оселки) – в 15%, предметы ритуального назначения (монеты – в половине случаев под нижней челюстью погребенного) – в 20%, нож и оселок – в одном погребении.

Некрополь Кеп.

В некрополе Кеп были изучены материалы 81 захоронения конца VI – рубежа IV–III вв. до н.э. Фактор-анализом был установлен набор признаков, связанный с их «широкой» и «узкой» датировкой: характер надмогильного сооружения, способ обращения с умершим, количество костяков в погребении,

⁹⁹ Такое расположение кувшинов встречено лишь в двух захоронениях этого периода. Следует отметить, что оно обнаружено и в более ранних захоронениях, что, со значительными оговорками, позволяет предполагать преемственность данного элемента погребальной традиции.

общее положение умершего, положение его конечностей, ориентировка, количество сосудов в захоронении, наличие и расположение кувшинов, сосудов для питья, крупных тарных сосудов, а также туалетных сосудов, наличие украшений, предметов наступательного вооружения, мелких орудий труда и предметов ритуального назначения.

Методом кластер-анализа выделены характерные черты обряда некрополя, отличающие его от других памятников региона. Выявлено сосуществование в нем погребальных традиций, бытовавших ограниченный период, и тех, которые прослеживаются с начала функционирования некрополя до рубежа IV – III вв. до н.э. К последним можно отнести обряд погребения детей в амфорах без сопроводительного инвентаря – в 21 захоронении (25,9%). Стабильность традиции прослеживается и в других погребениях грунтового некрополя. Так, в отдельную группу выделились 10 захоронений (12,4%) второй четверти V в. до н.э. – третьей четверти IV в. до н.э. (в равной степени одиночных и коллективных), совершенных в простых грунтовых ямах по обряду трупоположения. Важно, что погребенные являлись представителями разных возрастных групп: дети, молодые и зрелые люди. Все они лежали вытянуто на спине с вытянутыми конечностями и ориентированы в восточном секторе. Хронологические различия в данной группе прослеживаются лишь в количестве сосудов: в более ранних захоронениях (V в. до н.э.) встречалось по два сосуда, в погребениях первой – третьей четверти IV в. до н.э. – более трех. Керамический набор в захоронениях, за исключением одной могилы с мелким глиняным сосудом, состоял преимущественно из кувшинов и сосудов для питья,

найденных в заполнении могил¹⁰⁰. Оружие, мелкие орудия труда, украшения, а также предметы ритуального назначения отсутствовали¹⁰¹.

Наряду со стабильными погребальными традициями, зафиксированы и те, которые активно менялись с течением времени. Это позволило распределить остальные захоронения исследуемого массива по трем хронологическим периодам: 1) конец VI – вторая четверть V в. до н.э.; 2) третья четверть V – третья четверть IV в. до н.э.; 3) четвертая четверть IV – первая половина III в. до н.э.

К первому периоду относится 32 погребения. Все захоронения первого периода – бескурганые, большинство из них (81,3%) – одиночные, 15,6% погребений – парные, лишь в одной могиле (3,1%) обнаружены останки трех человек. В 75% могил умершие лежали на спине с вытянутыми конечностями. В 9,4% захоронений положение погребенных не определялось. В 15,5% – обнаружены индивиды в скорченном положении с согнутыми коленями, расположенные по-разному: сильно скорченно на спине, руки согнуты в локтях кистями к туловищу (9,3% погребений); скорченно на правом боку, положение рук определено не было (3,1%); скорченно на спине, кисти рук у лица (3,1%). Особенностью обряда этого периода является неустойчивая ориентировка умерших: в 50% захоронений – в восточном секторе с отклонениями на север и юг, в 34,5% – она не поддавалась определению, в 12,5% погребениях умершие были ориентированы в западном секторе с отклонением на юг (6,25%) и на север (6,25%). В одном (3,1%) – на юг. Количество сосудов вариативно: в 37,5% захоронений они отсутствуют, в 21,9% – обнаружено 2 сосуда, в 18,8% – более трех, в 12,5% – 1, в 9,3% – 3. В 43,6% погребений представлены сосуды для питья, причем в трех погребениях (9,3%) их по два. Сосуды располагались на

¹⁰⁰ Типы сосудов и их расположение позволяют предполагать, что они не являлись заупокойными дарами, предназначенными умершему. Со значительной долей вероятности можно связать наличие фрагментов кувшинов и сосудов для питья в насыпи погребений с проведением посмертного возлияния в честь усопшего.

¹⁰¹ Без учета назначения сосудов, фрагменты которых зафиксированы в насыпях погребений.

перекрытии могилы (3,1% погребений) и около умерших: слева от них (37,5%), на ногах (3,1%). В 34,3% погребений около погребенных найдены кувшины: слева от их ног, справа и слева от головы, в головах. Сочетание кувшинов и сосудов для питья зафиксировано лишь в двух захоронениях (6,25%). В 21,9 % погребений вместе с сосудами для питья обнаружены туалетные сосуды: керамические (15,8% погребений), стеклянный (3,1%), керамические и стеклянные (3,1%). В 6,25 % захоронений представлены мелкие глиняные сосуды, сосуды для питья и кувшин. В 7 погребениях (21,9 %) обнаружены тарные сосуды: в ногах погребенного (12,5% погребений), за головой (3,1%) и в заполнении могилы (6%). Предметы наступательного вооружения представлены в 25% погребений: наконечники копий (9,3 % погребений), меч и более трех наконечников стрел (6,25%), наконечник стрелы и короткий меч (3,1%). В двух погребениях (6,25%) были зафиксированы одиночные наконечники стрел. Украшения представлены ручными браслетами в одном захоронении (3,1%). В четырех погребениях (12,5%) обнаружены мелкие орудия труда: ножи (6,25 % погребений), пряслице (3,1%), иголка (3,1%). В одном погребении (3,1%) обнаружен предмет ритуального назначения – раковина каури.

В выборку второго периода вошли материалы 29 захоронений. Характерной чертой обряда третьей четверти V – третьей четверти IV в. до н.э. можно считать появление подкурганных погребений (17,2%). По-прежнему все погребения совершенны по обряду ингумации. 86,2% погребений были индивидуальными, 6,9% – парными, 6,9% – с останками трех человек.

В 48,2 % погребений умершие лежали в вытянутом положении, в одном (3,4%) – скорчено на спине, положение индивидов в остальных 48,4% захоронений не выявлено. Положение рук умерших в 65,6% случаев не определялось, в 31% – они были вытянуты вдоль туловища, в одном погребении (3,4%) левая рука была согнута в локте кистью к туловищу, правая рука кистью помещена на тазе. Положение ног в 58,7% случаев не определялось, в 31%

погребений они были вытянуты параллельно друг другу, в одной могиле (3,4%) – согнуты «ромбом», в двух (6,9%) – согнуты в коленях. Особенностью погребального обряда является устойчивая ориентировка в восточном секторе с небольшими отклонениями на север и на юг, характерная для 68,9% могил. В 17,4% погребений ориентировка не определялась. В 10,3% случаев¹⁰² погребенные лежали головами на север, в одном (3,4%). По три погребения (по 10,3%) содержали соответственно по 1, 2 и 3 сосуда, в 27,6% захоронений находилось более трех сосудов, в остальных могилах (41,5%) сосуды отсутствовали. Кувшины встречаются чаще: они зафиксированы в 27 могилах: 6% погребений и располагались слева (в 20,7% погребений), в ногах (3,4%) и в насыпи (3,4%). Сосуды для питья присутствуют в 31% могил. Они могли располагаться слева (17,2% случаев), справа (3,4%), в заполнении могилы (12%), слева от ног (3%), в головах (3%) и справа от черепа погребенного (3%). В сочетании с кувшинами они встречаются в четырех погребениях (12%). В одном захоронении найдено несколько сосудов для питья. В 27,4% захоронений обнаружены крупные тарные сосуды, находившиеся в заполнении могилы¹⁰³ (13,7% погребений), за головой (6,9%), в ногах (3,4%), слева от умершего (3,4%). Совместно с сосудами для питья они обнаружены в 9% погребений, с кувшинами и сосудами для питья – в одном (3,4%). Лишь в одной могиле присутствует мелкий стеклянный сосуд (3,4%). Туалетные сосуды зафиксированы в 44,2 % захоронений. Вместе с ними в семи погребениях (24,1%) обнаружены кувшины, в пяти – сосуды для питья (17,2%), в двух – кувшины и сосуды для питья (6,9%). Предметы наступательного вооружения зафиксированы в 20,6% погребений: одиночные наконечники стрел (10,3% погребений), меч (6,9%), меч и несколько наконечников стрел (3,4%). В 10,3% могил найдены перстни, в одной (3,4%) – перстень и серьги. В 6,9% погребений

¹⁰² В детских захоронениях в амфорах.

¹⁰³ Предположительно, такое расположение сосудов можно связать с наличием фрагментов кувшинов и с проведением посмертной тризны в честь усопшего.

украшения были золотыми. Набор мелких орудий труда вариативен: 13,7% погребений содержали ножи, 10,3% – иглы (в одном игла совместно с шилом). Обнаружены нож и пряслице (3,4% погребений), оселок (3,4%), нож и гвозди (3,4%). Предметы ритуального назначения представлены монетами (10,3% случаев), раковиной каури (3,4%) и амулетом из клыка кабана (3,4%).

В третьем периоде в конце IV – на рубеже IV – III вв. до н. э. в погребальном обряде некрополя Кеп (в выборке представлено 17 захоронений) произошли серьезные изменения. Они выразились в дальнейшем распространении курганного обряда захоронения (64,7% от общего числа, 35,3% захоронений – грунтовые) и обряда кремации – 35% погребений: 4 кремации (23,3%) на месте, 2 – на стороне (11,7%). 76,4% захоронений были индивидуальными, 17,8% – парными, одно (5,8%) – тройным. Положение костяков в 47% захоронений не определялось, в 41,4% они лежали вытянуто на спине с вытянутыми конечностями. Встретились 2 исключения: положение ничком, кости рук согнуты в локтях кистями к туловищу, ноги подогнуты (1 погребение (5,8%)); скорченное положение на левом боку, кости рук вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты ромбом – 1 погребение (5,8%). Погребенные ориентированы в 58,9% случаев в восточном секторе с отклонениями на север и юг; только на север – 1 погребение (5,8%), в 35,3% – ориентировка не определена. Особенностью погребального обряда является отсутствие сосудов у 64,7% погребённых. У 17,4% найдено более трех сосудов, у 11,7% – 1 сосуд, в одном случае (5,8%) – 2 сосуда. Сокращается число кувшинов (23,3%) и сосудов для питья (23,3%). Кувшины могли находиться в заполнении могилы (5,8% погребений), в зольном пятне (5,8%) и рядом с погребенными: справа от ног (5,8%), в головах (5,8%). Сосуды для питья встречаются в заполнении могилы (5,8% погребений), в зольном пятне (5,8%) и слева от погребенного (5,8%). Совместное использование этих сосудов зафиксировано лишь в одном захоронении (5,8%) по обряду кремации. Только в 11,7% погребений в

заполнении могил обнаружены крупные тарные сосуды. Керамические туалетные сосуды зафиксированы в 23,3% погребений, лишь в 5,8% – в сочетании с кувшином. Мечи найдены только в 11,7% погребений. Украшения представлены перстнем (5,8% погребений), ворворкой (5,8%) и фрагментами наплечной сетки из золотых пронизей (5,8%). Мелкие орудия труда: ножи (11,7% погребений), гвозди (11,7%), игла (5,8%) – обнаружены в пяти захоронениях. В трех фиксируются предметы ритуального назначения: монеты – (11,7% случаев), и астрагалы (5,8%).

Некрополь Синдской Гавани / Горгиппии.

Особенности эволюции погребальных традиций в некрополе Горгиппии существенно отличают его от других погребальных памятников Азиатского Боспора. В выборку из этого некрополя вошли материалы 32 захоронений. Анализ этого небольшого массива выявил два хронологических периода в эволюции погребальных традиций: 1) конец VI – четвертая четверть V в. до н.э. 2) рубеж V–IV вв. – рубеж IV–III вв. до н.э. Фактор-анализом был определен набор характеристик, связанных с изменением погребальных обрядов во времени: характер надмогильного сооружения; количество погребенных в могиле; общее положение тела индивида, положение его рук и ног; ориентировка; количество сосудов; кувшины; миски; наличие глиняных и стеклянных туалетных сосудов; оружия; украшений.

В выборку первого периода вошли материалы 16 погребений. В захоронениях первого периода выделяется характер погребальной конструкции: 25% погребений были совершены в каменных ящиках, 6,25% – в амфорах, 6,25% в столовых сосудах, использованных в качестве урны, 43,75% – в простых грунтовых ямах без перекрытия, в 18,75% в грунтовых ямах, перекрытых каменными плитами. Большая часть погребений одиночные (75%

погребений), 25% – парные. Положение погребенных в могиле вариативно: вытянуто на спине (68,75% индивидов), скорчено на левом боку (12,5%), на правом боку (12,5%). В одном случае (6,25%) положение погребенного не определялось. Варьирует положение рук: вытянуто вдоль туловища (43,75% случаев), кисти рук у лица (18,75%), на тазе (6,25%), не определено (31,25%). Положение костей ног: вытянуто параллельно друг другу (68,75% погребений), сближены в голених (6,25%), согнуты под прямым углом (6,25%), в 18,75% погребений положение ног умерших определить не удалось. Почти все костяки ориентированы в восточном секторе: головами на восток (56,25% могил) и на северо-восток (31,25%). Только один погребенный (6,25%) лежал головой на север. В одном случае (6,25%) положение индивида не определялось. В большинстве захоронений присутствовали сосуды: обычно два или три (по 68,75% погребений), один (6,25%), более трех (6,25%), в трех могилах (18,75%) – сосуды отсутствовали. Кувшины и миски содержали по 6 погребений (по 37,5%). Кувшины могли располагаться в ногах (18,75% погребений), слева от ног (6,25%), справа от костяка (6,25%) и в заполнении могилы (6,25%). Миски стояли слева от костяка (18,75% погребений), в ногах (6,25%), справа (6,25%) и в заполнении могилы (6,25%). С кувшинами миски в могилах не сочетались. Глиняные и стеклянные туалетные сосуды найдены в пяти погребениях: с кувшинами (31,25% погребений), с сосудами для питья (6,25%). В 18,75% захоронений зафиксированы мечи. Украшения представлены кольцами (18,75% случаев) и бляшкой на шее умершего (6,25%).

Погребальный обряд рубежа V–IV – рубежа IV–III вв. до н.э. менее вариативен. Только в трех случаях из шестнадцати прослежены погребальные сооружения: это ямы неправильной формы с заплечиками (12,5%) и прямоугольная яма (6,25%). Все погребения одиночные. Умершие лежали на спине с вытянутыми конечностями. Большинство из них ориентировано в восточном секторе: на северо-восток (50% могил) и на восток (43,75%). Только

в одном погребении северо-западная ориентировка. Количество сосудов в погребениях вариативно: один сосуд (25% могил), два и более трех сосудов (по 18,25%), три – (6,25%), в пяти захоронениях сосуды отсутствовали. В наборе инвентаря более заметную роль стали играть мелкие глиняные сосуды: в 31,25% погребений обнаружены глиняные бальзамарии, в 18,25% – туалетные мисочки. Количество кувшинов в сравнении с предшествующим периодом снизилось: они обнаружены в трех погребениях и стояли в ногах (6,25%), справа (6,25%), либо справа от ног погребенных (6,25%). Только в двух захоронениях найдены миски, стоявшие в ногах (6,25%) и слева (6,25%) от погребенного. Лишь в одном погребении зафиксирован меч. В четырех погребениях (25%) найдены кольца, в одном (6,25%) – серьги, в одном (6,25%) – ручные браслеты.

Некрополь у мыса Тузла.

Отличительные особенности, характеризующие изменение погребальных обрядов во времени в некрополе у мыса Тузла, были прослежены на материале 182 захоронений середины VI – рубежа IV–III вв. до н.э. Фактор-анализом был определен следующий набор признаков, связанный с «узкой» и «широкой» датировкой погребений: характер погребальной конструкции; наличие погребальных сооружений из сырца и камня; способ обращения с телом погребенного; количество индивидов в могиле; общее положение умерших; положение их конечностей; ориентировка; количество сосудов в наборе инвентаря; наличие и размещение кувшинов и сосудов для питья; наличие мелких орудий труда; предметов утвари; предметов ритуального назначения (особые случаи).

Кластер-анализ позволил распределить материалы некрополя по трем хронологическим периодам: 1) вторая половина VI– вторая четверть V в. до н.э.;

2) вторая половина V – вторая четверть IV в. до н.э.; 3) третья четверть IV – рубеж IV – III вв. до н.э.

Все 90 захоронений второй половины VI – второй четверти V в. до н.э. совершены в грунтовом некрополе по обряду ингумации. В 58,8% захоронений прослежены погребальные конструкции: 44,5% – прямоугольные ямы с деревянным перекрытием, 10% захоронений произведены в амфорах, 2,25% – в ямах с углублением у торцовых стенок, в одном (1,22%) погребении прослежена галечная выкладка над могильной ямой. В 96,5% – это одиночные захоронения, в двух могилах (2,25%) – более трех погребенных, одно захоронение (1,22%) было парным. Большинство костяков лежали вытянуто на спине, в двух захоронениях – скорчено на правом боку (2,25%), в одном (1,22%) – сильно скорчено на спине. Кости рук умерших в 94,25% погребений были вытянуты вдоль туловища, в двух случаях (2,25%) они были согнуты в локтях кистями к туловищу, в двух (2,25%) – были у лица, в одном (1,22%) – отведены от туловища.

Ориентировка большинства погребенных – восточная: в 60% захоронений – головами на восток, в 15% – на северо-восток, в 13,75% – на юго-восток. Шесть захоронений ориентированы в западном секторе: на запад (2,25%), северо-запад (2,25%) и юго-запад (2,25%). В одном (1,22%) случае костяк лежал головой на север, в одном (1,22%) – на юг, в одном (1,22%) – ориентировка не была определена. Количество сосудов вариативно: в 26,7% погребений они отсутствовали, в 24,4% – обнаружено более трех сосудов, в 22,2% – 3, в 15,6% – 2, в 11,1% – 1. В 57,7% могил обнаружены сосуды для питья, расположенные слева от погребенных: (26,7% погребений), в ногах (10%), слева либо справа от костей ног (11,1% и 5,5% погребений соответственно), справа (10%), за головой (1,22%). В трех погребениях (3,75%) находилось по два сосуда для питья, один из которых стоял слева, а другой в ногах костяка. Кувшины встречаются только в 36,7% погребений. Они располагались справа от костяка (7,8% погребений),

слева (10%), в ногах (6,7%), слева от ног (6,7%). В двух погребениях (2,25%) кувшины стояли справа от ног¹⁰⁴. Фрагменты кувшинов были обнаружены в заполнении трех могил. В 20% могил им сопутствовали сосуды для питья. Мелкие орудия труда встречаются редко. Это ножи (3,75% погребений), пряслица (3,75%), нож и оселок (1,22%), игла (1,22%). Предметы ритуального назначения обнаружены в пяти захоронениях: антропоморфные статуэтки (2,25%), раковины каури (2,25%), клык кабана (1,22%).

Характерной чертой погребального обряда второй половины V – второй четверти IV вв. до н.э. является его относительная унификация. Все 28 погребений этого периода были грунтовыми и совершены по обряду ингумации: 24 (85,7%) из них – в грунтовых ямах, где в 60,7 % есть деревянное перекрытие; два (7,14%) – в сырцовых ящиках и одно – в склепе (3,6%). 89,3% захоронений были индивидуальными, три (10,7%) – парными. Погребенные лежали вытянуто на спине (82,1% погребений), ничком (3,6%), в четырех погребениях (14,3%) положение не прослеживалось. Везде конечности были вытянуты. Преобладала ориентировка в восточном секторе: на восток (50% погребенных), на юго-восток (28,5%), на северо-восток (17,9%). Только в одном (3,6%) погребении костяк лежал головой на юг. Количество сосудов в погребениях вариативно: в трёх погребениях они отсутствовали (10,7%), 17,9% захоронений содержали по одному сосуду, 32,1% – по два, 17,9% – по три, 21,1% – более трех. В наборе керамики, как и в предшествующий период, преобладали сосуды для питья (75% погребений), расположенные слева от ног погребенного (25% погребений), слева (14,3%), справа (14,3%), в ногах (10,7%), справа от ног (10,7%). В 39,2% могил с погребенным находились кувшины: в ногах (10,7% погребений), слева от ног (10,7%), слева от костяка (10,7%), справа (3,6%). В одном (3,6%) погребении кувшин был в заполнении могилы. В 17,9%

¹⁰⁴ Этот отличительный признак погребального обряда прослеживается и в более поздних погребениях. По всей видимости, эта традиция является устойчивой. Она существовала в некрополе с начала его функционирования до, как минимум, рубежа IV–III вв. до н.э.

захоронений с кувшинами обнаружены сосуды для питья. Ещё в 17,9% погребений зафиксированы солонки: везде вместе с сосудами для питья. Мелкие орудия труда представлены в четырех погребениях (14,3%): в двух (7,1%) – пряслица, в одном (3,6%) – нож, еще в одном (3,6%) – игла. В двух погребениях (7,1%) были обнаружены монеты: в одном монета находилась под нижней челюстью, в другом – в заполнении.

Погребальные традиции третьей четверти IV – рубежа IV – III вв. до н.э. прослежены на материале 66 погребений и существенно отличаются от обрядов предшествующих периодов. Распространяется обряд захоронения под курганом – всего 10,6% захоронений. Зафиксировано появление сразу нескольких новых типов погребальных конструкций: каменных склепов (4,6% погребений), каменных ящиков (6%), подбоев (3,1%). Существенно возрастает число захоронений в сырцовых склепах (18,2% случаев). Четыре погребения (6%) были совершены в амфорах. Вместе с тем, 34,8% захоронений совершены в грунтовых ямах, большая часть которых имела деревянное перекрытие (18,2% погребений), еще 10,6% погребений перекрывались деревом и камкой или сырцовыми блоками (6%). Новацией в обряде становится появление обряда кремации (7,5% случаев). В трех могилах (4,6%) она была совершена на месте, в двух (3,1%) – на стороне. В остальных 9,2% захоронений характер погребальной конструкции прослежен не был. Распространяются коллективные захоронения: 21,2% погребений этого периода – тройные, 10,6% – парные, в одной могиле (3,1%) – останки более трех человек. Большинство умерших (78,8%) лежали вытянуто на спине, в 21,2% случаях положение погребенных не определялось. Ноги везде были вытянуты параллельно друг другу, руки были вытянуты вдоль туловища, лишь в двух случаях руки были согнуты в локтях кистями к туловищу. В большинстве могил прослежена ориентировка погребенных в восточном секторе: 31,8% – на восток с отклонением к северу, 27,3% – строго на восток, 18,2% – на восток с отклонением к югу. Иная ориентировка

погребенных обнаружена только в 10,6% захоронений: в 4,6% – головами на север, в 3% – на юг, в 3% – на юго-запад. В 12,1 % погребениях ориентировка не определялась. Количество сосудов вариативно: в 31,8% захоронений они отсутствовали, столько же могил, где представлено более трех сосудов, в 13,7% погребений было 2 сосуда, в 12,1% погребений – 1 сосуд, в 10,6% – 3 сосуда. В 34,8% захоронений обнаружены сосуды для питья, которые чаще всего находилось слева от костяка (12,1%). Однако они могли располагаться в ногах (7,5% погребений), слева от ног (4,6%), справа от ног (4,6%), справа (3,1%), за головой (3,1%). Кувшины, обнаруженные в 24,3 % захоронений, могли находиться в ногах (7,5% погребений), слева от ног (6%), слева (4,6%), справа (1,55%), справа от ног (1,55%). Кувшины обнаружены в двух погребениях (3,1%), совершенных по обряду кремации: в одной могиле кувшин использовался в качестве урны, в другой – обнаружен в зольном пятне. Мелкие орудия труда присутствуют в 21,2% захоронений. Это ножи (9% погребений), пряслица (7,5%), гвозди (1,55%), игла (1,55%), проколка (1,55%). 36,4% захоронений содержат предметы ритуального назначения: в 28,7% из них были обнаружены монеты, в 3,1% – раковины каури, в одном (1,55%) – астрагалы, еще в одном (1,55%) – подвеска-лунница. В одном погребении (1,55%) были зафиксированы несколько монет, одна из которых располагалась под нижней челюстью, остальные – в могильной яме.

Некрополь Волна 1.

Выборка из некрополя Волна 1 является самой крупной: в нее вошли материалы 640 захоронений второй половины VI – рубежа IV–III вв. до н.э. Фактор-анализом был определен следующий набор характеристик погребального обряда, связанный с «широкой» и «узкой» датировкой захоронений: характер погребальной конструкции; количество погребенных в

захоронении; их общее положение и ориентировка; количество сосудов в погребении; наличие и расположение кувшинов; мисок; сосудов для питья в захоронении; наличие металлических сосудов; предметов наступательного вооружения и жертвенной пищи.

Кластер-анализ выявил три периода в эволюции погребальных обрядов данного некрополя: 1) вторая половина VI – вторая четверть V в. до н.э.; 2) третья четверть V – вторая четверть IV в. до н.э.; 3) третья четверть IV – рубеж IV – III вв. до н.э. Развитие погребальных традиций некрополя не было линейным. Обнаружено сосуществование обрядов, бытовавших непрерывно как с начала функционирования некрополя до рубежа IV – III вв. до н.э., так и кратковременно: только в течение определенных периодов. Наиболее консервативным является обряд младенческих захоронений в амфорах с отсутствием сопроводительного инвентаря, зафиксированный в 43 погребениях. Другой постоянной традицией являются одиночные захоронения в простых грунтовых прямоугольных и овальных ямах без сопроводительного инвентаря. Она прослежена в 130 могилах, в 80% которых индивиды располагались на спине с вытянутыми конечностями. В 7,5% могил обнаружено положение умерших скорчено на левом боку, в 5% – на правом, столько же – скорчено на спине. В остальных погребениях поза погребённых не определялась. Особенностью обряда является неустойчивая ориентировка погребённых: в 70% захоронений – в восточном секторе, в 15% – в западном, в 10% – северном, в 5% – южном, еще в 5% ориентировка не определялась.

Наряду с консервативными погребальными традициями фиксируются обряды, которые активно изменялись с течением времени. Выборка первого периода включает материалы 156 захоронений. Большинство из них (43% погребений) были совершены в простых ямах, 16% захоронений – в сырцовых ящиках, 5% – в ямах с углублениями у торцовых стенок, в остальных характер погребальной конструкции проследить не удалось. 69,9% захоронений –

одиноким; 22,4 % – парные; в 7,4 % находилось по три индивида. В большинстве захоронений (82,7%) раннего периода фиксируется положение костяков на спине с вытянутыми конечностями. Только в 3,8% могил прослежено скорченное положение погребенных: на правом боку, на левом боку (по 1,9% погребений соответственно), вытянуто на левом боку (1,9%); на спине (2,6%), вытянуто на правом боку (0,6%). В 8,4% захоронений расположение индивидов не определялось. Положение костей рук разное: отведены от туловища (4,5% погребений), согнуты в локтях кистями к туловищу (2,6%), кисти рук на тазе (2,6%), у лица (1,3%). В этих захоронениях варьирует положение ног погребенных. В скорченном положении они согнуты в коленях (5,1% погребений), лежат ромбом (2,6%), одна нога согнута коленом к другой (2,6%), разведены в стороны (1,9%). В 4,5% захоронений с вытянутым положением костяков кости ног сближены в щиколотках. Большинство умерших ориентировано в восточном секторе: в 53,2% погребений – на восток, в 23,6% – на северо-восток; в 10,8% – на юго-восток. В десяти погребениях прослежена ориентировка погребенных в западном секторе: северо-западная (3,8%), юго-западная (1,3%), западная (1,3%). В 2,6% погребений – на север, в 1,9% – на юг, еще в 1,9% – не определена. Количество сосудов вариативно: в 44,2% обнаружено более трех сосудов, 11,5% – два сосуда, в 12,3% – один сосуд, в 12,8% – три сосуда, в 19,2% – сосуды отсутствовали. Широко представлены кувшины, обнаруженные в 63,5% захоронений. Чаще всего они располагались слева от ног погребенных (32,7%). Зафиксированы варианты другого расположения: слева от костяка (8,3%), справа от ног (3,2%), справа (3,2%), в ногах (3,2%), за головой (9,1%). В 3,8 % погребений кувшины были в заполнении погребального сооружения. Сосуды для питья представлены в 54,6 % погребений. Чаще они находились слева (18,6%) либо слева от ног погребенных (14,1%), но могли располагаться за головой (7,8%), справа (2,6%), справа от ног (2,6%), в ногах (1,3%). В 6,6% захоронений было обнаружено по

два сосуда для питья: один слева, а другой в ногах погребенного. В 3,6% захоронениях фрагменты сосудов для питья были в заполнении могилы. В 40,2% захоронений они сочетались с кувшинами. В 50% погребений найдены миски. Обычно они находились слева от погребенного (21,2%), либо слева от костей ног (18,6%). Фиксируется и другое размещение: справа от костяка (3,2%), за головой (2,4%), в ногах (2,4%), на костяке (0,6%), фрагменты мисок обнаружены в заполнении могил (1,6%). С кувшинами миска сочетается в 44,8% захоронений, с сосудами для питья – в 35,2%. Металлические сосуды представлены только в трех захоронениях: в двух – черпаки, в одном – цедилка. Предметы наступательного вооружения (чаще клинкового) обнаружены в 41% погребений: в 10,8% это короткий меч, в 9,6% – длинный, в 0,6% – два меча. Реже фиксируется древковое оружие: одно копьё (5,8%), несколько копий (2,6%); копьё и дротик (0,6%). Предметы стрелкового вооружения обнаружены в могилах: от одного до трех наконечника стрел (8,4%), более трех наконечников стрел (2,6%). В 3,8% захоронений обнаружены остатки жертвенной пищи: в 2,6% – кости неизвестных животных, в 0,6% – кости ног овцы.

В обрядах некрополя третьей четверти V – второй четверти IV в. до н.э. прослеживаются существенные изменения. Выборку составили материалы 150 захоронений. Появляется сразу несколько новых типов погребальных конструкций: грунтовые склепы (3,3%), ямы с заплечиками (2,6%), «двухъярусные» захоронения¹⁰⁵ (3,3%). Выросло количество погребений в сырцовых ящиках (24,7 %). Еще 40% захоронений были совершены в простых ямах, характер погребального сооружения других (50,8%) определить

¹⁰⁵ Данный тип погребальной конструкции представляет собой единый комплекс, в котором одно захоронение целенаправленно совершалось над другим. Как правило, на нижнем «ярусе» располагалось коллективное погребение в грунтовой яме. В заполнении этого сооружения с небольшим временным интервалом совершалось последующее захоронение. Расположение и сохранность сосудов в этих могилах, а также датировка сопроводительного инвентаря исключают возможность случайного нарушения слоя одного погребения другим. Такие сооружения были прослежены в некрополе Артющенко 2.

невозможно. Значительно, по сравнению с предшествующим периодом, выросло число погребенных, особенно в коллективных захоронениях, преимущественно парных (28%). В 4,7% могил были обнаружены останки трех человек, в 2,6% – более трех. Остальные погребения – одиночные. В 76,7% захоронений костяки лежали вытянуто на спине с вытянутыми конечностями, в 16,7% – положение умерших не определялось. В 5,2% могил погребенные покоились в скорченном положении: в 2,6% – на левом боку, в 1,3% – на правом боку, в 1,3% – на спине. Кости рук погребенных в скорченном положении могли быть отведены от туловища (2%); согнуты в локтях (1,3%), или подведены к лицу (2,6%). Ноги во всех этих захоронениях были согнуты в коленях. В 1,3% погребений зафиксировано положение костяка ничком с вытянутыми конечностями. В подавляющем большинстве погребений прослежена ориентировка в восточном секторе: в 45,5% – на восток, в 22,6% – на северо-восток, в 17,3% – на юго-восток. В 4,7% захоронений наблюдалась ориентировка в западном секторе, в 4% – в южном, в 2,6% – строго на север, в 3,3% ориентировка не установлена. Количество сосудов разнообразно: в 48 % захоронений – более трех сосудов, в 15,3% – 1 сосуд, в 13,4% – 3 сосуда, в 9,3% – 2 сосуда, в 14% – сосуды отсутствовали. Кувшины были обнаружены в 67,4% погребений, обычно они располагались слева от ног (36,7% и), либо слева (12%) от костяка. Иные варианты расположения прослежены только в 18,7% могил: в 3,3% – справа от умершего, в 2,6% – в ногах, в 6% – за головой, в 6,8% – в заполнении погребального сооружения. В 51,3 % захоронений находились миски. Чаще всего они располагались слева от ног (24%) либо слева от умершего (16%), но могли встретиться за головой (4,7%), справа (2,6%), на ногах (1,3%) и в ногах (0,7%). В 2% захоронений одновременно находились две миски. В 40% – вместе с мисками обнаружены кувшины. Доля сосудов для питья существенно сократилась. Они были обнаружены в 35,3% захоронений: слева от костяка (19,3%) либо слева от ног (8,7%), в ногах (3,3%), за головой

(2%). В 2% захоронениях находилось по 2 сосуда для питья. В 20% могил они сочетались с кувшинами, в 15,3% – с мисками. Металлические сосуды обнаружены в 3,3% погребений: черпаки (1,3%), цеделки (1,3%), цеделка и черпак (0,7%). Сокращается количество захоронений с предметами наступательного вооружения. Клинковое оружие представлено в 8% погребений: короткими мечами и длинными мечами (соответственно по 4%). В 7,4% могилах находилось древковое вооружение: наконечник копья (6,7%), несколько копий (0,7%). Стрелковое оружие представлено в 6,7% погребений: одиночные наконечники стрел (6%), более трех стрел (0,7%). Возрастает количество могил с остатками жертвенной пищи: костей овцы (в 3,3%) и коровы (0,7%). В 4,7% погребений кости животных определить не удалось.

Еще более серьезные изменения зафиксированы в погребальных обрядах некрополя в третьей четверти IV – на рубеже IV и III вв. до н.э. В выборку вошли материалы 161 погребения. В это время появляются захоронения в подбоях с закладом из сырца (3,7%), увеличивается количество захоронений в грунтовых склепах (11,2%) и в сырцовых ящиках, где обнаружено 53 индивида (24,5 % погребений). Наиболее распространенной погребальной конструкцией являлись простые ямы (35,4%). В остальных случаях (64,6%) погребальные сооружения не прослеживаются. Наблюдается широкое распространение коллективных захоронений, содержащих останки более трех человек (24,4 % погребений). Немного меньше парных захоронений (18,6%). В 6,8% погребений были обнаружены останки трех индивидов. При этом преобладали индивидуальные погребения (44%), а 6,2 % захоронений были кенотафами. В 83,3% могил костяки лежали на спине с вытянутыми конечностями. В 6,2 % погребений костяки были вытянуты на боку, в 3,7% – скорчены на правом и левом боку (по 1,85% соответственно). Руки у погребенных в скорченном положении были согнуты в локтях (2,5% погребений), либо располагались на тазе (1,2%), а ноги были согнуты в коленях. Один погребенный (0,6%) лежал

ничком с вытянутыми конечностями. В большинстве могил (65,2%) наблюдалась ориентировка умерших в восточном секторе: в 27,9% – на юго-восток, в 19,9% – на восток, в 17,4% – на северо-восток. Была выделена группа одиночных захоронений, где погребенные были ориентированы в западном (8% погребений), северном (6,8%) и южном секторах (4,3%). В 15,7% захоронений ориентировку умерших определить не удалось. В одиночных захоронениях (15,7 %) в простых ямах с неустойчивой ориентировкой количество сосудов варьирует от полного их отсутствия до двух. В могилах, содержащих останки нескольких индивидов (50,3% погребений) – как в простых ямах, так и в грунтовых склепах – сохраняются количество, расположение и набор керамики, характерные для предшествующих периодов: в 35,4% – зафиксировано более трех сосудов, в 14,9 % – три сосуда. В остальных погребениях сосуды отсутствовали. Почти в половине захоронений (45,3%) обнаружены кувшины, которые чаще всего располагались слева от ног (16,8%) либо слева от умершего (12,4%). Они могли находиться за головой костяка (6,2%), справа от ног (5,6%) и в заполнении могилы (4,3%). В 30,45 % погребений находились миски, чаще всего слева (9,3%), либо в ногах (8,8%), реже – за головой погребенного (4,3%). Лишь в 1,85% погребений миски были обнаружены справа от индивида. Фрагменты мисок были обнаружены в заполнении 6,2% могил. В 17% захоронений миски сочетались с кувшинами. Сосуды для питья фиксируются значительно реже: только в 16,05% погребений: в 6,2% – слева от костей ног погребенного, в 4,3% – слева от него, в 2,5% – за головой, в 1,2% – справа. В 1,85% погребений было обнаружено по два сосуда для питья: один – слева от погребенного, другой – в ногах. Эти сосуды всегда сочетаются с кувшинами. Сочетание кувшин – миска – сосуд для питья прослежено в 9,9% могил. Металлические сосуды – черпаки и cedилки – найдены только в 1,2% погребений. Предметы наступательного вооружения встречались очень редко: копьё – в 3,7 % погребений, мечи и кинжалы – в 2,4%. В 6,8 % захоронений

второй половины IV в. до н.э. найдены одиночные наконечники стрел, назначение которых в качестве предметов наступательного вооружения вызывает большие сомнения. Остатки напутственной мясной пищи присутствовали в 3,3% захоронений: 0,725% – лопатки овцы, в 0,725% – кости ног лошади, в 1,85% случаев характер остеологических останков определен не был.

Некрополь Артющенко 2.

Характерные черты, связанные с изменением обряда во времени, были прослежены и в некрополе Артющенко 2. Исследованы материалы 148 погребений второй половины VI – второй половины IV вв. до н.э. Фактор-анализом установлен следующий набор маркеров изменений погребального обряда во времени: характер погребальной конструкции, способ обращения с телом умершего, количество костяков в могиле; общая поза, положение конечностей, ориентировка погребенного, количество сосудов, наличие и расположение кувшинов, наличие наступательного вооружения.

С учетом специфики рассматриваемого массива¹⁰⁶ материал был распределен по двум хронологическим периодам: 1) вторая половина VI – вторая четверть V в. до н.э.; 2) третья четверть V – первая половина IV в. до н.э.

Выявлена нелинейность процесса эволюции погребальных традиций некрополя: некоторые из них изменялись с течением времени, другие оставались неизменными на протяжении всего функционирования памятника. Как в некрополях Кеп (Пескокарьера) и Волна 1, в Артющенко 2 стабильно

¹⁰⁶ В выборке некрополя Артющенко 2 представлено лишь три захоронения, датируемых в пределах второй половины IV в. до н.э. Установлено, что по ряду признаков обряд, зафиксированный в этих захоронениях, отличается от погребальных традиций предшествующего периода. Однако получить ясное представление об особенностях обряда этого времени в силу малой информативности данного источника, не представляется возможным.

сохранялось совершение захоронений по обряду ингумации в простых ямах без сопроводительного инвентаря. Это обнаружено в 16 погребениях (10,8% от общего числа захоронений в некрополе)¹⁰⁷. Большинство погребенных лежали вытянуто на спине с вытянутыми конечностями. Исключение составляют два захоронения: в одном костяк лежал скорчено на спине, руки были вытянуты вдоль туловища, ноги лежали ромбом; в другом – скорчено на левом боку, руки были согнуты в локтях, ноги – в коленях. Особенностью этой группы является неустойчивость ориентировки погребенных: в девяти случаях они были ориентированы в восточном секторе, в трех – в западном, в двух – в северном, еще в двух – в южном секторе. Еще одну группу, обряд которой оставался неизменным на протяжении всего существования некрополя, составляют 10 кенотафов (6,75% от общего числа захоронений в некрополе).

Одновременно с устойчивыми погребальными традициями в некрополе существовали погребальные обряды, в которых происходили значительные изменения. В выборку первого периода вошли материалы 79 захоронений. Большинство погребений второй половины VI – второй четверти V в. до н.э. являются одиночными (56,9%). Они были совершены по обряду ингумации в прямоугольных и овальных ямах. Присутствуют и парные захоронения в сырцовых ящиках (12,6% погребений). Зафиксировано лишь 1 погребение (1,25%), по обряду кремации на месте. Почти все погребенные (95%) лежали на спине с вытянутыми конечностями. Только в 1,25% могил костяк сильно скорчен на спине, руки согнуты в локтях, кости ног сближены в щиколотках. Столько же погребенных лежали ничком с вытянутыми конечностями. В 2,5% могил положение индивида не определялось. Почти во всех погребениях прослежена ориентировка в восточном секторе: в 44,5% могил – на восток, в –

¹⁰⁷ Поскольку рассматриваемые погребальные традиции обнаружены в двух периодах, в данном случае указывается процент от общего количества погребений в некрополе, во всех остальных – указывается процент от общего числа погребений в выборке рассматриваемого периода.

26,5% на юго-восток, в 19% – на северо-восток. В 2,5% погребений соответственно прослежена ориентировка на север (1,25%) и запад (1,25%), в 7,5% она не определена. Количество сосудов с погребенными вариативно: в 31,6% случаев их было более трех, в 10,1% – три, в 25,3% – два, в 15,1% – один. В остальных погребениях (17,7%) сосуды отсутствовали. Кувшины были обнаружены в 65,65% погребений, находясь слева от ног (34,1%), слева (10,1%), в ногах (10,1%), справа (1,25%), в 10,1% могил фрагменты кувшинов обнаружены в заполнении. В 35,5% погребений кувшины найдены вместе с мисками, в 31,6% – с мелкими глиняными и стеклянными сосудами. Сочетание миска – кувшин – мелкий сосуд – сосуд для питья зафиксировано в 10,1% могил. Предметы наступательного вооружения были обнаружены в 20,1% погребений, в 15,1% из них были мечи (в шести – короткие, в шести – длинные). Древковое оружие найдено во всех захоронениях с оружием: в 15,1% – копье, в 3,75% – копье и дротик, в 1,25% – только дротик. Стрелковое вооружение зафиксировано в 13,9% могил: в 8,9% – более трех наконечников стрел, в 3,75% – одиночные наконечники стрел, в 1,25% – наконечники стрел и остатки колчана.

Резкие изменения происходят в погребальном обряде некрополя Артющенко 2 в третьей четверти V – первой половине IV в. до н.э. В выборку вошли материалы 43 погребений, совершенных по обряду ингумации. Широкое распространение получает обряд захоронения в сырцовых ящиках (28,9%). Появились сырцовые склепы (4,6%) и двухъярусные захоронения¹⁰⁸ (4,6%). Самой распространенной формой могилы оставались ямы: прямоугольные (44,2%) и овальные (13,9%). 6,9% захоронений были совершены в ямах квадратной формы, 11,4% принадлежали детям, погребенным в амфорах. Существенно увеличивается количество коллективных захоронений: 27, 9% погребений – парные, в 6,9% – с останками трех человек, 65,2% – одиночные. В большинстве

¹⁰⁸ См. сноску 105.

захоронений (81,3%) погребенные лежали на спине с вытянутыми конечностями. В одной могиле (2,3%) погребенный был скорчен на левом боку, его руки были согнуты в локтях, ноги – в коленях; еще в одной – располагался ничком (2,3%), его руки были согнуты в локтях кистями к туловищу, ноги вытянуты параллельно друг другу. В остальных могилах (14,1%) – положение индивидов определено не было. Доминирует ориентировка погребенных в восточном секторе: в 39,5% – северо-восточная, в 35,1% – восточная, в 18,5% – юго-восточная, в 6,9% – не определена. В 48,9% захоронений представлено более трех сосудов, в 16,2% – два, в 11,6% – один, в 11,6% – два сосуда, еще в 11,6% погребений они отсутствовали. Кувшины обнаружены в 76,4% погребений. Они чаще располагались слева от ног (44,2%), но могли находиться слева от костяка (6,9%), справа от ног (6,9%), справа (4,6%), за головой (4,6%), в нише/тайнике (2,3%). В 6,9% случаев фрагменты кувшинов обнаружены в заполнении могилы. Кувшины чаще всего сочетаются с мисками (39,5% погребений). Сочетание – кувшин, миска, сосуд для питья – фиксируется в 23,2% захоронений. Отличительной чертой обряда является уменьшение числа захоронений с оружием: предметы наступательного вооружения зафиксированы в 25,5% погребений. Все они содержали копья, с ними в 18,5% случаев найдены мечи: длинные (13,9% погребений) и короткие (4,6%). В 16,2% захоронений найдены наконечники стрел: 9,3% – более трех, в 6,9% – одиночные наконечники.

**Некрополи у поселка Виноградный (Виноградный 7,
Вышестеблиевская 21 и Виноградный – северо-восточный).**

Некрополи у поселения Виноградный 7 появились во второй половине V в. до н.э. Фактор-анализ позволил выявить следующий набор признаков, связанных с эволюцией погребального обряда во времени: характер

погребальной конструкции, количество погребенных в могиле; общая поза, положение конечностей индивида, его ориентировка, количество сосудов в погребении, наличие и локализация кувшинов; наличие керамических туалетных сосудов; украшений; мелких орудий труда; предметов ритуального назначения. Кластер-анализ помог распределить материалы памятников в рамках двух хронологических периодов: 1) конец V – первая половина IV вв. до н.э.; 2) вторая половина IV – рубеж IV – III вв. до н.э.

В выборку конца V – первой половины IV вв. до н.э. вошли материалы 62 погребений, 87,1% из которых бескурганые, а 12,9% были впущены в курганные насыпи эпохи бронзы. Характер конструкции погребальных сооружений вариативен: 30,6% погребений были совершены в прямоугольных либо овальных ямах без перекрытия, 9,7% – в сырцовых ящиках, 9,7% – в сырцовых склепах. Еще 9,7% захоронений – детские, 8,1% из которых были совершены в амфорах, 1,6% – в горшке. Другие 3,2% погребений были совершены в подбойных могилах. В 35,2% случаев надмогильные сооружения не прослежены. Большинство захоронений индивидуальные (71%), остальные – парные (29 %). Костяки (63,1%) обычно располагались на спине с вытянутыми конечностями. В 14,5% погребений зафиксировано скорченное положение костяков: в 6,5% – на правом боку, в 4,8% – на спине, в 3,2% – на левом боку. Положение их рук вариативно: согнуты в локтях (4,8% погребений), кисти подведены к лицу (3,2%), подведены под таз (3,2%), отведены от туловища (1,6%), на бедренных костях (1,6%). Фиксируются варианты расположения костей ног: согнуты в коленях (4,8% погребений), скорчены (1,6%), сближены в щиколотках (1,6%), слегка подогнуты (1,6%). В одной могиле (1,6%) погребенный лежал ничком с вытянутыми конечностями. В 11,2% погребений положение костяков было нарушено при последующих захоронениях. Еще в 11,2% погребений сохранность костных останков не позволила определить положение индивидов. Преобладает ориентировка костяков в восточном

секторе: в 37% случаев – восточная, в 14,5% – юго-восточная, в 8,1% – северо-восточная. В 11,2% погребениях фиксируется ориентировка в западном секторе: в 4,8% – западная, в 3,2% – северо-западная, в 3,2% юго-западная. В 4,8% случаев индивиды лежали головами на юг, в 27,5% – ориентировка не определена. Количество сосудов в погребениях вариативно: в 48,4% могил они отсутствовали, в 24,2% – более трех сосудов, в 9,7% – два, в 11,2% – один. Лишь 6,5% погребений было три сосуда. Кувшины найдены в 41,8% погребений. Они располагались за головой умершего (11,2% погребений), в ногах (4,8%), слева (4,8%), справа (8,1%), справа от ног (3,2%). В 9,7% могил фрагменты сосудов находились в заполнении погребального сооружения. Керамические туалетные сосуды были обнаружены в 35,2% могил. Сочетание кувшин – глиняный туалетный сосуд встречается в 22,4% захоронений. Украшения представлены в 19,2% погребений: это серьги (3,2%), кольца/перстни (11,2%), золотые пряжки поясные (3,2%) и портупейные (1,6%). В 28,9% могилах обнаружены орудия труда: ножи (14,5%), иглы (6,4%), пряслица (3,2%), шилья (1,6%) и гвозди (1,6%). В одном захоронении (1,6%) находились нож и оселок, в 9,7% – монеты: в 6,5% случаев они располагались под нижней челюстью погребенного, в 3,2% – в заполнении могилы. Иные предметы ритуального значения в могилах отсутствовали.

Обряд, фиксируемый в некрополях у поселения Виноградный во второй половине IV – на рубеже IV – III вв. до н.э. более вариативен. В этой выборке представлены материалы 70 захоронений. В рассматриваемый период увеличивается число подкурганых погребений – 34,2% всей выборки. Появляются захоронения в черепичных гробницах (7,1%). Чаще, чем в предшествующий период, наблюдаются погребения в сырцовых склепах (27,1% погребений) и подбоях (5,7%). Представлено 11,4% захоронений в сырцовых ящиках. Часть сооружений из сырца (5,7%) имели деревянное перекрытие. Детские погребения продолжают совершаться в амфорах (8,6% погребений) и

горшках (2,8%). Основным типом погребальных сооружений являются овальные (20%) и прямоугольные ямы: в 5,7% из них обнаружены органические подстилки, в одной (1,4%) – перекрытие из сырцовых блоков. Одно погребение (1,4%) было совершено в яме с заплечиками. Важной особенностью обряда этого периода является увеличение количества погребенных в захоронениях. В 22,8% могил присутствовали останки более трех погребенных, в 1,4% – трех, в 9,9% – двух, в 65,9 % – останки одного погребенного. В большинстве захоронений (81,6%) умершие лежали на спине с вытянутыми конечностями. В 9,9% могил костяки лежали скорченно: в 5,7% – на левом боку, в 1,4% – на правом, в двух – 2,8%. Кости их рук были согнуты в локтях (5,7% погребений); заведены под таз (2,8%); отведены от туловища (1,4%). Кости ног были скорчены (5,7% погребений), либо согнуты в коленях (4,2%). В одной могиле (1,4%) костяк лежал ничком с вытянутыми конечностями. В 7,1% захоронений положение погребенных не определялось. Ориентировка погребённых очень вариативна: в 44,7% погребений – головами на восток, в 14,2% – на северо-восток, в 4,2% – на юго-восток. В 17,1% могил зафиксирована западная ориентировка, в 2,8% – северо-западная, в 1,4% – северная, еще в 1,4% – южная, в 14,2 % погребений – ориентировка не определялась. Сосуды присутствовали почти во всех захоронениях (88,6%). В 41,5% могил обнаружено более трех сосудов, в 15,7% – три сосуда, 20% – два сосуда, в 11,4% – один сосуд. Только в 11,4% погребений сосуды отсутствовали. В 76,8 % могил обнаружены кувшины около захороненного: за головой (41,4 % погребений), справа (12,8%), слева от ног (7,1%), в ногах (8,5%) слева (2,8%). В 4,2% захоронений фрагменты кувшинов были в заполнении погребального сооружения. В 45,7% могил присутствовали керамические туалетные сосуды. Сочетание кувшин – туалетный сосуд прослежено в 28,5% погребений. Украшения были обнаружены в 26,9% могил: в 17,1% – перстни, в 4,2% – серьги, в 2,8% – ручные браслеты, еще в 2,8% – серьги и кольца. Орудия труда представлены в 72,6%

могил иглами (32,8% погребений), ножами (28,5%), пряслицами (7,1%). В 2,8% могил обнаружены ножи и оселки, в 1,4% – нож, оселок и гвозди. Предметы ритуального назначения найдены в 22,7% погребений: в 19,9% случаев – монеты (в 17,1% – в заполнении погребального сооружения, в 2,8% – под нижней челюстью костяка), в 2,8% – антропоморфные подвески.

Некрополь у пос. Пересыпь.

На некрополе Пересыпи были изучены материалы 45 погребений VI–IV вв. до н.э. Фактор-анализом были определены характеристики погребального обряда, которые изменялись со временем: количество погребенных в захоронении; общая поза погребенного; положение конечностей умершего; особые случаи в положении погребенных; их ориентировка; число сосудов с погребенным; наличие и локализация сосуда для питья; наличие украшений. Кластер-анализ материалов захоронений позволил выявить три основных хронологических периода в истории некрополя: 1) рубеж VI–V вв. до н.э. – середина V вв. до н.э., 2) третья четверть V – первая половина IV в. до н.э., 3) третья четверть IV – рубеж IV–III вв. до н.э.

Выборку первого периода составили материалы 14 захоронений. Для его обряда характерны исключительно одиночные захоронения, совершенные в положении на спине с вытянутыми конечностями. В 71,1% захоронений костяки ориентированы в восточном секторе с отклонениями на север и на юг, 14,2% погребения имели западную ориентировку, ещё 14,2% – юго-западную. В 64,2% погребений представлено более трех сосудов, в 28,6% погребений – один, в

7,2% – два ¹⁰⁹. В захоронениях этого периода отсутствовали сосуды для питья. Украшения найдены в 28,6% погребений и представлены серьгами и перстнями.

Выборку второго периода составили материалы 11 захоронений. Для третьей четверти V – первой половины IV в. до н.э. характерно появление коллективных захоронений (36,3% погребений), хотя преобладают индивидуальные (63,7%). В 72,7% могил костяки лежали на спине с вытянутыми конечностями; в 27,3% – скорченно на левом и на правом боку с кистями рук, помещенными на тазе, и скорченными ногами. Появление этой позы следует связывать, в том числе, и с распространением детских захоронений в некрополе¹¹⁰. Большинство погребенных (72,3%) ориентированы в западном секторе (запад, юго-запад, северо-запад), только 18,15% – на восток, 9,05% – на северо-восток. В 63,7% могилах присутствует по одному сосуду, в 18,15% – два, еще в 18,15% – три. В 9,05% погребений появляется сосуд для питья, стоявший в ногах погребенного. Лишь в одном захоронении (9,05%) присутствовали украшения – серьги.

Серьезные изменения прослежены в обряде третьей четверти IV – рубежа IV–III вв. до н.э. Выборку этого периода составили 20 захоронений. В некрополе возрастает число погребенных в коллективных захоронениях: в 25% могил найдены останки более трех человек, в 10% – трех, в 65% – одного. В большинстве могил (90%) костяки располагались вытянуто на спине, в 75% случаев конечности вытянуты. В 15% погребений кисти рук располагались на тазе. В 10% – кости ног были сближены в голнях, кости ног одного индивида были согнуты одна коленом к другой. Только в 10% захоронений зафиксировано скорченное положение погребенных на правом боку, кости рук

¹⁰⁹ В могилах, где найден лишь один сосуд, погребенные были ориентированы в западном секторе. В том же секторе ориентирован костяк в захоронении, где было обнаружено два сосуда. В погребениях с восточной ориентировкой, как правило, присутствовало большее количество керамических сосудов.

¹¹⁰ Даже в весьма небольшой выборке этого периода присутствует захоронение взрослого человека в положении скорченно на левом боку. В двух детских захоронениях зафиксировано положение вытянуто на спине. Таким образом, нельзя связывать распространение погребений в эмбриональном положении исключительно с появлением детских захоронений.

согнуты в локтях, ноги скорчены. Важной особенностью данного периода является неустойчивая ориентировка умерших. Так, в 35% захоронений она – восточная, в 15% – северо-восточная, в 10% – юго-восточная, в 30% – западная, в 10% – северная. Количество сосудов в погребениях вариативно: в 35% – более трех сосудов, в 25% – два, в 20% – один, еще в 20% – сосуды отсутствовали. Сосуды для питья обнаружены в 15% захоронениях: в 10% – слева от ног погребенного, в 5% – в его ногах. Украшения были в 25% погребений: в 10% – серьги и перстни (кольца), в 10% – перстни, в 5% – серьги.

Некрополь у м. Панагия.

Выборку некрополя у мыса Панагия составили материалы 42 погребений конца VI – рубежа IV–III вв. до н.э. Фактор-анализом установлены характеристики, связанные с изменением обряда во времени: количество погребенных в могиле; общее положение умершего; положение его рук и ног и ориентировка; количество сосудов в захоронении; наличие и расположение кувшинов; сосудов для питья; мелких глиняных сосудов в могилах; наличие украшений. По этому набору признаков удалось выявить два хронологических периода в существовании некрополя: 1) конец VI – первая половина V вв. до н.э. 2) вторая половина V – рубеж IV–III вв. до н.э.

В выборке конца VI – первой половины V вв. до н.э. представлены 30 захоронений. 90% из них были одиночными, только 10% – парные. В 90% могил погребенные располагались на спине с вытянутыми конечностями. Только в одном захоронении (3,3%) костяк лежал скорчено на левом боку, кисть его левой руки была подведена к лицу, правая рука вытянута вдоль туловища, ноги согнуты в коленях. В 6,7% погребений положение костяка не определялось. В большинстве захоронений прослежена ориентировка погребенных в восточном секторе: в 40% – восточная, в 23,4% – юго-восточная, в 16,7% – северо-

восточная. В небольшой группе захоронений обнаружена западная ориентировка умерших: в 10% юго-западная, в 3,3% – западная, в 3,3% – северо-западная. Только в 3,3% могил зафиксирована южная ориентировка. В 53,2% погребений присутствовало более трех сосудов, 16,6% – 3 сосуда, в 16,6% – 2, в 13,2% – 1. Кувшины обнаружены в 53,2% погребений. Они располагались в ногах (16,6% погребений), слева (16,6%), справа (3,3%), слева от ног (10%), справа от ног (6,7%). В 86,7% погребений обнаружены сосуды для питья, чаще всего слева (33,4%), либо слева от костей ног (23,4%), реже – справа от костяка (20%). Фиксируются единичные случаи размещения сосудов для питья в головах погребенного (3,3%) и на костяке (3,3%). В одном погребении (3,3%) найдены два сосуда для питья, один из которых располагался слева, а другой – в ногах. Сочетание кувшин – сосуд для питья встречено в 50% захоронений. В 50% могила представлены мелкие глиняные (33,4% погребений) и стеклянные туалетные сосуды (16,6%). В 23,4% погребений обнаружены солонки. Кувшины и сосуды для питья вместе с мелкими сосудами обнаружены в 43,3% захоронений. Украшения представлены перстнями (16,6% погребений), серьгами (6,7%), шейной гривной и поясными пряжками (3,3%).

В выборке второй половины V – рубежа IV – III вв. до н.э. представлено только 12 погребений. Однако обряд, зафиксированный в них, существенно отличается от предшествующего периода. 33,3% погребений – парные, 67,4% – одиночные. Все погребенные лежат на спине с вытянутыми конечностями. В 83,3% погребений зафиксирована ориентировка умерших в восточном секторе, в 16,7% – в южном.

В большинстве могил присутствует три (41,6% погребений) либо более трех сосудов, в 16,7% – обнаружен один сосуд. Кувшины зафиксированы только в 33,3% погребений. Они могли располагаться слева (16,7% погребений), слева от костей ног (8,3%) или в ногах (8,3%). В 91,1% захоронениях обнаружены сосуды для питья. Чаще всего они находились в ногах (41,6% погребений),

реже – слева (25%) или справа (16,7%) от него. В 8,3% погребении присутствовали два сосуда для питья: один слева, а другой – в ногах погребенного. Реже встречаются туалетные сосуды: в 50% могил – глиняные сосуды, стеклянные – отсутствовали. Сочетание кувшин – мелкий глиняный сосуд – сосуд для питья зафиксировано только в 16,7% захоронений. Украшения представлены перстнями (16,7% погребений), ворворками (16,7%) и кольцом (8,3%).

Таким образом, при изучении материалов рассмотренных некрополей установлено, что в обрядах каждого из них происходили изменения. Выявленный для каждого погребального памятника уникальный набор признаков, связанный с «широкой» и «узкой» датировкой захоронений, позволил проанализировать изменения погребальных обрядов во времени. Было выявлено сосуществование на всех некрополях нескольких погребальных традиций. В некрополях Фанагории, Кеп, Волна 1, Артющенко 2, Тузлы сосуществовали погребальные традиции, бытовавшие в течение ограниченных периодов и обряды, практиковавшиеся на протяжении VI–IV вв. до н.э. Исследование изменений обрядов во времени на всех некрополях Азиатского Боспора позволило выделить три базовых¹¹¹ периода в истории их существования:

- 1) вторая половина VI – первая половина V в. до н.э.;
- 2) вторая половина V – первая половина IV в. до н.э.;
- 3) вторая половина IV – рубеж IV–III вв. до н.э.

3.3. Особенности погребальных обрядов, связанные с возрастом погребенных.

¹¹¹ Здесь и далее речь идет о периодизации, учитывающей изменения погребальных традиций на всей рассматриваемой территории.

С учетом результатов, полученных в ходе исследования хронологических изменений погребального обряда рассматриваемых некрополей, было изучено влияние на него фактора возраста погребенных.

Некрополь Фанагории.

Данные анализа хронологических изменений в погребальном обряде позволили выделить в выборке материала некрополя три хронологические группы.

В первую группу вошли материалы 29-ти погребений конца VI – третьей четверти V в. до н.э. В ней представлены погребенные четырех возрастных групп: младенцы (37,9%), дети (6,8 % погребенных), молодые люди (6,8 % могил), люди зрелого возраста (42,3%). Несмотря на весьма ограниченную выборку, удалось определить отличительные особенности обряда каждой из групп. Фактор-анализом были выявлены характеристики, связанные с интерпретатором «возраст погребенного»: характер надмогильного сооружения; план ямы; наличие перекрытий (закладов) в могилах; количество индивидов в могиле; общее положение умершего; положение его конечностей и ориентировка; количество сосудов в погребении; размещение в погребении горшков; мисок; сосудов для питья; наличие туалетных сосудов; стрелкового, древкового и клинкового вооружения; бус; бляшек; ординарных и особых украшений; мелких орудий труда; утвари; предметов ритуального назначения; напутственной пищи.

Были изучены материалы 11 погребений младенцев второй половины VI – третьей четверти V в. до н.э. Большинство младенческих захоронений (54,5%) были совершены в крупных тарных сосудах. Положение вариативно: в 44,6% оно не определяется, в 27,2% – фиксируется эмбриональное положение скорчено на правом боку, в 18,2 % – вытянуто на спине, лишь 9,9% – скорченно

на спине ¹¹². Почти во всех погребениях (72,7%) сосуды отсутствовали, в нескольких могилах (27,8%) с погребенным находился один маленький глиняный сосуд.

Очень малое количество детских погребений (2 индивида) не дает возможности судить о характере погребального обряда. Однако установлено, что все они совершены в ямах: прямоугольной (50% погребений) и с заплечиками (50%). Положение умерших вариативно: 50% – на спине с вытянутыми конечностями; 50% – сильно скорченно на спине, их руки согнуты в локтях кистью к туловищу, ноги согнуты в коленях. В одной могиле (50%) ребенок лежал головой на восток, в другой (50%) – на северо-восток. В керамическом наборе одного захоронения сосуды отсутствовали, в другом находилось два сосуда¹¹³. Зафиксирован сосуд для питья (справа от погребенных) и мелкий глиняные сосуды. Иные категории сопроводительного инвентаря не представлены.

Малое число погребений молодых людей также не позволяет в полной мере судить об особенностях обряда их захоронения. Все они одиночные. Для этой группы характерна ориентировка в западном секторе, хотя у погребенных других возрастов доминирует ориентировка в восточном. В керамическом наборе присутствует три и более предметов – солонки и туалетные сосуды. В целом, обряд этой группы близок к традициям захоронения зрелых людей.

Погребения людей в возрасте от 20 до 45 лет представлены наиболее широко (14 захоронений), что дает достаточно репрезентативные результаты. Все они подкурганые. Характер погребальных сооружений вариативен: это ямы прямоугольной (50%) или овальной (28,5%) формы. Обнаружены яма с одним заплечиком (7,1%) или с двумя (7,1%), 7,1% – неправильной формы.

¹¹² Здесь и далее указывается процент от количества захоронений в конкретной возрастной группе.

Большинство погребений (90,9%) – одиночные, 9,1% – парные. Все погребенные лежали на спине с вытянутыми конечностями. Ориентировка восточная (42,8% погребений), юго-восточная (28,6%) и северо-восточная (28,6%). Керамический набор в большинстве могил включал не менее двух сосудов¹¹⁴. Кроме туалетных сосудов встречались миски (слева, либо слева от ног погребенных) и сосуды для питья (слева, в ногах, возле левой ноги погребенного). В 42,8% захоронений находились предметы вооружения: наконечники стрел (35,7%, причем, в 14,2% – более трех наконечников), меч (одно погребение – 7,1%), наконечник копья (21,4%), несколько наконечников копий (7,1%). В 42,8% погребений встречены украшения: в 21,4% – перстни, в 14,2% – серьги, в 7,1% – ворворка, еще в 7,1% вместе с серьгами – золотые бляшки. Предметы ритуального назначения в погребениях отсутствовали. Напутственная пища – череп МРС в ногах погребенного – зафиксирована лишь в одном погребении (7,1%).

Во вторую группу вошли материалы 42 захоронений последней четверти V – третьей четверти IV в. до н.э., где антропологами был установлен возраст погребенных. 50 % погребений содержали останки зрелых (в возрасте от 25 до 45 лет) людей. Достаточно высок процент младенческих захоронений (30,9%). В небольшом количестве (16,8%) обнаружены останки молодых (от 13 до 25 лет) людей, столько же было детских захоронений (от 4 до 12 лет), лишь в одном погребении (2,3%) находился пожилой (старше 45 лет) погребенный.

В каждой возрастной группе выделяются свои особенности погребального обряда.

Фактор-анализом был установлен набор признаков, связанный с возрастом погребенных: характер надмогильного сооружения; наличие перекрытий (закладов) в ямах; количество погребенных в могиле; общее

¹¹⁴ Фиксируется по 42,8% случаев расположения в могиле двух и трех керамических сосудов, в 21,4% случаев с погребенным находился один сосуд. Лишь в одном погребении (7,1%) сосуды отсутствовали.

положение умершего; его ориентировка; количество сосудов в погребении; наличие и размещение кувшинов; сосудов для питья; крупных тарных сосудов; стрелкового и клинкового вооружения; туалетных сосудов; мелких орудий труда; наличие и локализация костных останков жертвенных овец; местоположение захоронения в кургане. Далее методом кластер-анализа определялись особенности погребального обряда в каждой из возрастных групп.

В выборке представлено 13 младенческих погребений последней четверти V – третьей четверти IV в. до н.э. Эти захоронения (все одиночные) примерно в равном количестве являются как подкурганными, так и грунтовыми. Их положение вариативно: в 53,8% оно не определяется, в 23,2% – фиксируется эмбриональное положение скорчено на правом боку, в 15,3 % – вытянуто на спине, лишь 7,7% – скорченно на спине ¹¹⁵. Ориентировка погребенных также вариативна: в восточном, южном и северном секторах, в 46,1 % случаев она не определяется. Инвентарь и жертвенная пища отсутствуют.

В выборке представлено 7 детских захоронений. Все они являются одиночными, бескурганными, совершены в простых ямах с деревянными перекрытиями: в одном (14,2%) – деревянное перекрытие сочетается с камкой. Положение костяков вариативно: в 28,5 % погребений – вытянуто на спине, в 14,2% – сильно скорченно на спине, в остальных положение погребенных не определялось. Везде восточный сектор ориентировки. В 57,3% захоронений сосуды отсутствовали, в остальных – с погребенными найдено от одного до трех сосудов. В 28,5% могил найдены глиняные туалетные сосуды, в 14,2% – глиняные и стеклянные. Предметов вооружения, мелких орудий труда, жертвенной пищи нет.

Погребений молодых людей в данной выборке очень мало – 7, однако и там удалось проследить отличительные черты. Они все одиночные, могут быть и подкурганными, и грунтовыми. Одно захоронение (14,2%) с деревянным

¹¹⁵ Здесь и далее указывается процент от количества захоронений в конкретной возрастной группе.

перекрытием. Погребенные лежали в вытянутом положении с ориентировкой в восточном секторе. Их сопровождало три (в 57,1% погребений), либо более трех сосудов (в 42,9% погребений). Во всех могилах обнаружены мелкие глиняные сосуды, в 14,2% – справа от умершего – сосуд для питья. Мелкие орудия труда, обнаруженные в 28,5% погребений, представлены пряслицами. Предметы вооружения и жертвенная пища отсутствовали.

Обряд погребения взрослых людей наиболее вариативен. В выборке этой возрастной группы представлено 21 погребение. Они фиксируются как в грунтовом, так и в курганном некрополе (в курганном – 71,4 %).

Лишь в 9,5 % обнаружены остатки деревянного перекрытия, одно захоронение (4,7%) перекрыто сырцовыми блоками, остальные – без перекрытия. Большинство погребений (85,8%) одиночные, 9,5% – парные, в 4,7% – три скелета. Все погребенные лежали вытянуто на спине, в большинстве (95,3%) с ориентировкой в восточном секторе с отклонениями на север и на юг, лишь в одном захоронении (4,7%) ориентировка северная. Наибольшая вариативность прослежена в наборе погребального инвентаря. Количество сосудов – от одного до трех и более, а в 19 % могил они отсутствуют. Кувшины были обнаружены лишь в 9,5 % могил справа от погребенного. В 19 % захоронений были сосуды для питья (чаще слева, либо слева в ногах погребенного), но в 14,25% погребений они находились соответственно справа и в ногах костяка. В двух могилах найдены амфоры в ногах погребенных. В 42,8 % захоронений обнаружены мелкие глиняные сосуды. Отличительная особенность обряда – наличие оружия. В 28,5% погребений – стрелкового: в 14,25% – наконечников стрел и остатков колчанов, еще в 14,25% – более трех наконечников стрел. В 23,8% погребений обнаружены короткие мечи, в 4,7% – длинный меч. В 14,25% захоронений наряду с наступательным вооружением обнаружены панцири. Мелкие орудия труда – ножи и пряслица – присутствовали в 14,25 % могил. Предметы ритуального назначения

представлены в 59% захоронений. Чаще это монеты под нижней челюстью погребенного, в 9,1% могил они находились в заполнении могил, в 4,55% случаев обнаружена галька. Останки напутственной пищи отсутствовали.

Единственное в выборке одиночное захоронение пожилого человека совершено под курганом, могильная яма была перекрыта сырцовыми блоками. Погребенный лежал в вытянутом положении и был ориентирован в восточном секторе. С ним найдено более трех сосудов. Интересной особенностью обряда стало наличие в наборе инвентаря нескольких сосудов для питья и глиняных туалетных сосудов. Был найден короткий меч, мелкие орудия труда отсутствовали. Важной деталью стало наличие у ног захороненного костей овцы.

В третьей группе были рассмотрены материалы 24 захоронений последней четверти IV – начала III в. до н.э. В 62,5 % погребений обнаружены останки людей зрелого возраста, в 16,6% – детей, в 12,5% – младенцев, в 8,4 – молодых людей. Малый объем выборки не помешал выявить особенности обряда каждой из возрастных групп. Фактор-анализом выявлен следующий набор признаков, связанных с возрастом погребенных: характер надмогильного сооружения; план погребения в яме; деревянные и сырцовые конструкции в яме; количество погребенных в могиле; их ориентировка; количество сосудов в погребении; размещение в захоронении кувшинов и мисок; наличие туалетных сосудов; мелких орудий труда; предметов ритуального назначения.

Погребения младенцев (все одиночные) совершались под курганами и в грунтовом некрополе. Обнаружены 2 погребения (66,6%) в амфорах, в одном (33,4%) погребальная конструкция не прослеживалась. В двух погребениях (66,6%) ориентировка костяков не определена, в одном (33,4%) – ориентировка на север. Сопроводительный инвентарь в захоронениях отсутствовал.

Детские захоронения также фиксируются и в курганном, и в грунтовом некрополях. Выборку исследования составили 4 погребения детей. Для

большинства (75%) не удалось установить характер погребального сооружения, 1 погребение (25%) осуществлено в прямоугольной яме. Представлены парные и одиночные захоронения. В 75% случаев погребенные ориентированы на восток, ориентировка одного (25%) не была прослежена. Керамический набор включал 1–2 сосуда (75% погребений), один из которых, как правило, являлся туалетным. В заполнении одного погребения (25%) была обнаружена монета.

Два одиночных погребения молодых людей были совершены под курганом в простых ямах. Один погребенный был ориентирован на восток, другой – на запад. Каждого из них сопровождало не менее трех сосудов, один из которых был туалетным. В одном погребении в ногах стоял кувшин. Особенностью обряда является наличие в наборе инвентаря предметов ритуального назначения: в одном погребении – монеты в районе нижней челюсти погребенного, в другом – горгонейона.

Погребальный обряд, зафиксированный в захоронениях взрослых людей, – как и в более ранние периоды, – достаточно вариативен. Захоронения совершались как в грунтовом (26,6% погребений), так и в курганном (73,4%) некрополе. Большинство погребений (86,8%), совершены в прямоугольных ямах, 6,6% – в яме неправильной формы, 6,6% – в прямоугольной яме с одним большим заплечиком. В 13,2% могил зафиксирована вертикально стоящая черепица. Погребения – одиночные. Почти все погребенные (93,4%) ориентированы в восточном секторе, лишь один (6,6%) лежал головой на север. Количество сосудов в погребениях вариативно: в большинстве (40 % захоронений) их два, в 33,4% – по одному, в 20% – более трех, в 6,6% – они отсутствовали. В 20% погребений слева от костяков стояли миски. Кувшины стояли слева (13,2% погребений), либо в ногах погребенных (13,2%). В 53,3% захоронений зафиксированы туалетные сосуды. В одном погребении обнаружена игла. В 86,6% захоронений присутствовали предметы ритуального

назначения, представленные монетами во рту погребенных (60% захоронений), либо в заполнении могил (26,6%).

Некрополь Гермонассы.

В выборке из некрополя Гермонассы представлено 41 погребение, получившее антропологические определения. 63,4% содержали останки зрелых (25 – 45 лет) людей. Младенческих захоронений (от 4 до 12 лет) всего 12,3%, еще меньше (9,75%) погребений младенцев и юных (18 – 25 лет) людей (9,75%). Зафиксировано только два захоронения (4,8%) пожилых (старше 45 лет) людей.

В небольшом массиве удалось выявить отличительные черты обряда, для каждой возрастной группы. Для репрезентативности результата исследование проводилось без деления выборки на хронологические группы. Хронологические особенности обрядов некрополя Гермонассы учитывались на этапе дешифровки.

Фактор-анализ позволил определить набор признаков, связанных с возрастом умерших: характер надмогильной конструкции; план могильной ямы; способ обращения с телом погребенного; количество индивидов в могиле; их общее положение, положение конечностей и ориентировка; наличие и расположение кувшинов; мисок; сосудов для питья; крупных тарных сосудов; наличие туалетных сосудов; металлических сосудов; предметов наступательного вооружения; бляшек; иных украшений; зеркал; мелких орудий труда; предметов ритуального назначения; жертвенной пищи. Затем методом кластер-анализа были установлены особенности погребального обряда, характерные для каждой из возрастных групп.

Захоронения младенцев фиксируются и в курганном, и в грунтовых некрополях. Два из пяти погребений (40%) были совершены в амфорах, одно – в яме (20%), в двух (40%) – погребальная конструкция не прослежена. Все

захоронения были совершены по обряду ингумации. Обнаруживаются одиночные и коллективные захоронения. В трех случаях (60%) умершие лежат вытянуто на спине¹¹⁶. Ориентировка в двух случаях (40%) – головой на восток, в одном – на север. В погребениях в амфорах их положение определить не удалось. Количество сосудов в погребениях вариативно: в двух – они отсутствовали, в одном – был один сосуд, в двух – по 3¹¹⁷. В наборе керамики фиксируются исключительно туалетные сосуды. Только у одного погребенного (20%) найдено кольцо. Иные категории инвентаря и напутственная пища отсутствуют.

В некрополе представлено детских 4 захоронения. Детские погребения фиксируются только в грунтовом некрополе. Все совершены по обряду ингумации и являются одиночными, погребальная конструкция не прослеживается. Костяки лежат на спине с вытянутыми конечностями. В 75 % погребений наблюдается ориентировка на восток, в одном – западная. С погребенными найдено от одного до трех сосудов, в одной могиле (25%) они отсутствовали. В наборе, как правило, присутствовал туалетный сосуд, с одним погребенным (25%) обнаружен сосуд для питья. В 50% захоронений зафиксированы ножи. Оружия, украшений, предметов ритуального назначения, напутственной пищи нет.

В выборке материалов исследованного памятника представлено 4 погребения молодых людей. Они были и грунтовыми, и подкурганскими. Одно (25%) совершено в яме неправильной формы, в 75% случаев характер погребального сооружения не определен. Все погребения совершены по обряду ингумации; одиночные и парные представлены в равном количестве. В 75% случаев костяки лежали на спине с вытянутыми конечностями; один

¹¹⁶ Судить о положении рук умерших не позволяет сохранность костных останков.

¹¹⁷ Такое количество сосудов было зафиксировано в коллективных погребениях, где набор сопроводительного инвентаря распределялся между всеми погребенными. Возможно, сосуды относились к погребенным из иной возрастной группы.

погребенный лежал скорченно на спине с кистью левой руки на левом колене, кисть правой руки – у лица, ноги скорчены. Большинство погребенных ориентировано в восточном секторе: 50% – на восток, 25% – на юго-восток, 25% – на северо-запад. Количество сосудов в погребениях вариативно: 1, 2, более трех. В одном (25%) – сосуды отсутствовали. Не менее вариативен и состав керамического набора: в одном погребении (25%) он представлен миской, в 50% могил – туалетными сосудами, в одном (25%) они найдены в сочетании с кувшином. Из украшений обнаружено кольцо в одном захоронении (25%). В 75% могил найдены монеты: в 50% – в заполнении могилы, в 25% – под нижней челюстью умершего. Оружие, мелкие орудия труда, напутственная пища не обнаружены.

Захоронения людей зрелого возраста – всего 26 могил – встречаются как в грунтовом, так и в курганном некрополе. Характер погребальных сооружений: 50% – конструкция сооружений не прослежена, 15,4% костяков лежало в прямоугольных ямах, половина из которых была перекрыта досками и камкой, 11,5% – в каменных склепах, 11,5% – в сырцовых ящиках, 7,75% – в подбоях, 3,85% – в деревянном гробу. Большинство захоронений (96,1%) совершены по обряду ингумации, лишь одно (3,85%) – кремации. 76,8% погребений – одиночные, 15,4% – парные, 7,7% – с останками более трех людей. Большинство погребенных лежат на спине с вытянутыми конечностями. В 7,7% захоронениях обнаружены костяки в скорченном положении: в одном (3,85%) – на боку, кости рук вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты в коленях; в другом (3,85%) – на спине, кости рук вытянуты вдоль туловища, ноги скорчены. Количество сосудов в наборе погребального инвентаря различно: более трех сосудов (50%), 1 сосуд (15,4%), 2 сосуда (11,5%), в 7,7 % погребений обнаружены 3 сосуда. В 15,4 % захоронений сосуды отсутствовали. Керамический набор весьма вариативен: в 50% захоронений найдены туалетные сосуды. В 38,45% погребений они глиняные, в 7,7% – стеклянные, в 3,85% –

сочетались глиняные и стеклянные сосуды. В 42,2% захоронений фиксируются кувшины, причем в 19,2% они сочетались с туалетными сосудами, а также с мисками (11,5% погребений). Сосуды для питья встречены у 11,5% погребенных. Только в одном погребении (3,85%) зафиксирован крупный тарный сосуд. В 11,5% погребений были обнаружены пиксиды: в 7,7% могил – глиняные, в 3,85% – с костяными накладками. Предметы наступательного вооружения представлены дважды (7,7%): в одном (3,85%) захоронении длинным мечом в сочетании с наконечниками стрел, в другом (3,85%) – наконечником копья. Набор украшений включает: перстни и серьги (23% захоронений), причем в 11,5% – из серебра и золота; ручные браслеты (7,7% погребения), бляшку (3,85%). Орудия труда представлены в 30,75% погребений: в 19,2% – это пряслица, причем в 11,5% – в сочетании с ножом, в 7,7% – гвозди, в одном (3,85%) – нож и оселок. В 26,9% захоронений были обнаружены монеты, найденные в заполнении могилы (15,4% погребений) и во рту погребенного (11,5%). В 7,7% погребений были обнаружены остатки напутственной пищи: в одном (3,85%) – в миске, в другом (3,85%) – возле ног усопшего.

Некоторые отличительные особенности обряда прослежены в двух захоронениях пожилых людей, совершенных в грунтовом некрополе. Характер погребальных сооружений определить не удалось. Оба погребения одиночные, были совершены по обряду ингумации. Умершие лежали на спине с вытянутыми конечностями. Один (50%) был ориентирован – головой на восток, другой (50%) – на северо-восток. В одном (50%) из этих погребений сосуды отсутствовали, во втором (50%) – был только один сосуд. В заполнении этого погребения были найдены фрагменты кувшина.¹¹⁸ В одном (50%) из погребений было обнаружено оружие – короткий меч, во втором (50%) – набор украшений,

¹¹⁸ Предположительно, обнаруженный сосуд мог не входить в состав сопроводительного инвентаря, а быть свидетельством посмертных действий, связанных с поминовением усопшего, то есть относиться к остатками тризны.

состоявший из ручных браслетов и серебряного перстня. В состав инвентаря этого погребения входило зеркало. Мелкие орудия труда – ножи, в одном (50%) захоронении в сочетании с оселком – зафиксированы в обеих могилах. В обоих погребениях обнаружены предметы ритуального назначения – монеты: в одном (50%) – во рту умершего, в другом (50%) – в заполнении могилы. Напутственной пищи в погребениях не зафиксировано.

Некрополь Кеп.

В некрополе Кеп антропологические определения были сделаны для 55 захоронений. Особенностью этого памятника является присутствие большого количества захоронений младенцев – 38,1% могил. Почти столько же – 40% погребений зрелых людей (20 – 45 лет). Значительно меньше детских погребений – 10,95%, столько же – молодых людей (14 – 20 лет). Останки пожилых людей не представлены, поэтому изучались лишь 4 возрастные группы. Исследование было проведено без распределения материалов на хронологические группы. Особенности, связанные с изменением погребальных обрядов во времени, учитывались в процессе дешифровки полученных данных.

Фактор-анализом удалось установить набор элементов погребального обряда, связанных с возрастом погребённых: характер надмогильной конструкции; наличие в захоронении гробов и подстилок; способ обращения с телом погребенного; количество индивидов в могиле; общее положение погребенного; положение его конечностей и ориентировка; наличие и расположение кувшинов; мисок; сосудов для питья; наличие туалетных сосудов; предметов наступательного вооружения и мелких орудий труда.

Только в грунтовом некрополе представлено 21 погребение младенцев. Все захоронения совершены по обряду ингумации и являются одиночными, почти везде (95,2%) положение останков не прослежено. Лишь в одном

погребении (4,8%) был расчлененный скелет младенца¹¹⁹. Одной из особенностей погребального обряда является неустойчивая ориентировка: в 66,5% погребений она не определялась, в остальных костяки лежали головами на север (9,6% случаев), на север с небольшим отклонением на запад (4,8%), на запад (4,8%), на юго-запад (14,3%). Восточная ориентировка зафиксирована в лишь в захоронении с расчлененным скелетом. Сосуды в 80,8% погребений отсутствовали, в одном (4,8%) было обнаружено 3 сосуда, в другом (4,8%) – один. В одном (4,8%) погребении был обнаружен туалетный сосуд. В погребении с расчлененным скелетом (4,8%) находились сосуд для питья и обломки кувшинов. Иные предметы в наборе инвентаря в этих захоронениях не зафиксированы.

Хотя детских захоронений в некрополе обнаружено мало – всего 6, удалось выявить некоторые отличительные особенности погребального обряда этой возрастной группы. Все погребения одиночные, бескурганые и совершены по обряду ингумации. В 83,3% могил погребенные лежали на спине с вытянутыми конечностями, в одном (16,7%) – скорчено на спине с руками, вытянутыми вдоль туловища, ноги согнуты «ромбом». Все были ориентированы в восточном секторе: в 50% могил – головами на восток, в 33,3% – на юго-восток, в 16,7% – на северо-восток. Во всех детских захоронениях находились сосуды: два (33,33% погребений), три (33,33%) и более трех (33,33%). Везде обнаружены сосуды для питья, стоявшие в головах (33,3% погребений), слева от костяка (33,3%), справа от него (16,7%). В одном захоронении у ног погребенного были обнаружены 2 сосуда для питья. В 33,3% захоронений в ногах погребенного, либо справа от них находились кувшины. В 50% погребений были мелкие глиняные сосуды, в одном (16,7%) – мелкий стеклянный сосуд. Только в одном (16,7%) захоронении был обнаружен

¹¹⁹ Речь идет о погребении 144 (82). Обряд, зафиксированный в этом захоронении, является уникальным для всего региона (см. Арх. ИА №2291. С. 155).

наконечник стрелы¹²⁰. Мелкие орудия труда представлены в 33,3% погребений: в одном (16,7%) иглой, в другом (16,7%) – гвоздями.

В некрополе представлено 6 захоронений молодых людей, 83,3% из которых одиночные: только одно (16,7%) – в составе парного. Все они совершены по обряду ингумации. Одна могила (16,7%) подкурганная, остальные – грунтовые. В 50% погребений костяки лежали вытянуто на спине, в 33,3% – положение не определялось, в 16,7% – скорчено на спине. Руки погребенных были вытянуты вдоль туловища, ноги в 50% погребений лежали параллельно друг другу, в 16,7% – были согнуты ромбом. В 33,3% положение определено не было. Все умершие были ориентированы в восточном секторе: в 33,3% могил – на восток, в 50 % – на восток с отклонением к югу, в одной – с отклонением к северу. В 33,3% погребений обнаружены по 2 сосуда, в 33,3% – более трех сосудов, в 16,7% – 1 сосуд, в одном (16,7%) – они отсутствовали. Во всех захоронениях найдены сосуды для питья: слева от костяка (50% погребений), за головой справа (16,7%), в заполнении (16,7%) или на костяке (16,7%). В 66,5% могил находились кувшины, расположенные слева (33,3% погребений), справа от головы (16,7%), либо на груди погребенного (16,7%). Туалетные сосуды представлены только в 33,3% могил: в одной (16,7%) – глиняным сосудом, в другой (16,7%) – стеклянным. Предметы вооружения отсутствуют. Мелкие орудия труда представлены в 83,3% могил: в 33,3% – ножами, в 33,3% – пряслицами, в одной (16,7%) – иглой.

Наиболее репрезентативные результаты были получены при изучении особенностей обряда зрелых людей. Из 22 погребений 22,7% располагались под курганами.¹²¹ В одном (4,5%) зафиксированы остатки деревянного саркофага. Большинство погребений (81,8%) этой возрастной группы – одиночные.

¹²⁰ С большой долей вероятности этот предмет мог не являться оружием (см. Сударев, 2005. С. 208–220).

¹²¹ По-видимому, количество погребений людей зрелого возраста могло быть больше с учетом захоронений по обряду кремации. К сожалению, для некрополя Кеп не было антропологических определений возраста кремированных.

Останки 18,2% умерших находились в парных захоронениях. Все погребения совершены по обряду ингумации. В 77,3% из них погребенные лежали вытянуто на спине, в 4,5% – скорчено, в 18,2% – положение тела не определялось. У 54,5% погребенных руки были вытянуты вдоль туловища, у 45,5% – положение рук не определялось, у 4,5% – руки были согнуты в локтях кистями к туловищу. В 86,3% погребений ноги умерших вытянуты параллельно, только в 13,7% они были согнуты ромбом. Преобладает ориентировка в восточном секторе: в 41% случаев – головами на восток, в 31,8% – на юго-восток, в 18,2% – на северо-восток, в 4,5% – на запад, ориентировка одного (4,5%) индивида определена не была. Количество сосудов в керамическом наборе вариативно. В 41% захоронений было обнаружено более трех сосудов, в 8,9% – по 3, в 18,2% – 1, в 18,2% – 2, в 13,7% – сосуды отсутствовали. Сосуды для питья обнаружены в 45,5% погребений. Кувшины присутствовали в 27,2% могил, в том числе в 8,9% – вместе с сосудами для питья. В набор инвентаря 50% погребений входили туалетные глиняные (41,05%) и стеклянные (8,95%) сосуды. В 31,8% погребений с ними находились сосуды для питья, в 8,9% – кувшины. Особенностью обряда данной группы является наличие наступательного и защитного вооружения: мечей (31,8% погребений), стрел (31,8%), наконечников копий (18,2%). В одном погребении (4,5%) находились поножи. Набор мелких орудий труда представлен ножами – 22,7% погребений: в одном (4,5%) нож был в сочетании с пряслицем; иглами – (18,2%) – в одной (4,5%) игла в сочетании с шилом; пряслицами (8,9%). В одном погребении (4,5%) найден оселок.

Некрополь у мыса Тузла.

В некрополе у мыса Тузла возраст определен у 105 погребенных. Большая часть захоронений принадлежала зрелым людям (61,1% погребений),

значительно меньше – младенцам (16,2%), молодым людям (12,3%) и подросткам (10,4%). Погребения пожилых людей не представлены. С учетом специфики рассматриваемого массива анализ возрастных различий в обряде проведен без распределения материалов на хронологические группы. Особенности, связанные с изменением обрядов во времени, учитывались в ходе дешифровки полученных данных.

Фактор-анализ выявил набор характеристик обряда, связанный с возрастом умерших: количество погребенных в могиле; общее положение индивидов; положение их конечностей; их ориентировка; количество сосудов в наборе инвентаря; наличие и размещение кувшинов; сосудов для питья; крупных тарных сосудов; наличие туалетных сосудов и предметов ритуального назначения. Далее методом кластер-анализа были установлены особенности обряда для каждой из возрастных групп.

В выборке некрополя представлены материалы 17 младенческих захоронений. Почти все они (88,2%) были одиночными, 11,8% погребенных младенцев находились в коллективных погребениях. Положение костяков (на спине с вытянутыми конечностями) было прослежено только в 11,8% могил. Особенностью обряда является неустойчивая ориентировка: в 17,6% могил – на юго-восток, в 17,6% – на северо-восток, в 11,8% – на восток, в 17,6% – на юго-запад, в 11,8% – на запад, в одном (5,9%) – на северо-запад. 11,8% погребенных были ориентированы на север. Еще в одном случае (5,9%) положение индивида не определялось. В 29,5% погребений обнаружены сосуды: в 11,8% – по 3, в 11,8% – по 2, в 5,9% – один. Сосуды для питья были обнаружены слева или в ногах костяка (17,6% захоронений) – везде вместе с туалетными сосудами, в 11,8% – вместе с кувшинами. Тарные сосуды и предметы ритуального значения не обнаружены.

В некрополе представлено 11 детских захоронений. Почти все они (90,91% погребений) – одиночные. Лишь в одном (9,09%) случае останки

ребенка обнаружены в коллективном погребении. Все погребенные лежали на спине с вытянутыми конечностями. Почти все ориентированы в восточном секторе: в 36,36% погребений – на восток, в 36,36% – на юго-восток, в 9,09% – на северо-восток. Есть погребение (9,09%) с южной ориентировкой, и еще одно (9,09%) – с северной. Количество сосудов в керамическом наборе вариативно: в 45,45% могил – 2 сосуда, в 27,27% – 3 сосуда, в одной (9,09%) – один сосуд, в одной (9,09%) – сосуды отсутствовали. Лишь в одном (9,09%) захоронении обнаружено более трех сосудов. Сосуды для питья находились в 45,45% погребениях и стояли слева (18,18%), в ногах (9,09%) и слева от ног костяка (18,18%). В одном (9,09%) погребении найдены 2 сосуда для питья. В 63,63% захоронений обнаружены туалетные сосуды, в 36,36% из них – вместе с сосудами для питья. Кувшин обнаружен только в одном (9,09%) захоронении. Крупные тарные сосуды отсутствовали. В 27,27% могил обнаружены монеты, в 9,09% – створчатая раковина.

Характерные черты погребального обряда были прослежены и для 13 захоронений молодых людей. Большинство из них – одиночные (61,5%). В 23,1% погребений были обнаружены останки двух умерших, в одном (7,7%) – трех, в одном (7,7%) – более трех. В одном (7,7%) захоронении положение не было определено, в остальных (92,3%) погребенные лежали на спине с вытянутыми конечностями. Большинство из них были ориентированы в восточном секторе: 46,2% – на восток, 38,4% – на северо-восток, только 7,7% – на юг. В одной могиле (7,7%) ориентировка захороненного определена не была. Особенности обряда прослеживаются и в количестве сосудов в составе инвентаря. В 61,5% погребений находилось более трех сосудов, в 15,4% – по 2, в 7,7% – один, в 15,4% – сосуды отсутствовали. Сосуды для питья зафиксированы в 84,7% погребений. Они могли находиться слева (30,8% погребений), слева от ног (23,1%), справа (23,1%), в ногах (7,7%). Кувшины встречены только в 46,2% захоронений. Они расположены слева (15,4%

погребений), слева от ног (15,4%), справа (7,7%) либо в ногах погребенного (7,7%). В 23,1% могил кувшины сочетались с сосудами для питья. В 69,2% захоронений зафиксированы туалетные сосуды, везде совместно с сосудами для питья. В 30,8 % погребений с туалетными сосудами сочетались кувшины. Крупные тарные сосуды фиксируются в 23,1% захоронений всегда в ногах погребенных. С ними находились сосуды для питья и туалетные сосуды. В одной (7,7%) могиле вместе обнаружены сосуды для питья, кувшины, крупный тарный сосуд и туалетные сосуды. Предметы ритуального назначения представлены в четырех захоронениях: в трех – монетами под нижней челюстью погребенных, в одном – астрагалами в заполнении могилы.

Наиболее репрезентативный результат был получен при анализе материалов 64 погребений зрелых людей. Большинство из них (82,9%) – одиночные, 6,3% – содержали останки более трех человек, 6,3% – трех, 4,6% – парные. В 84,4% погребений костяки лежали вытянуто на спине, в 6,3% – скорчено на левом боку, в одном (1,53%) – сильно скорчено на спине, в одном (1,53%) – ничком, в 6,3% захоронениях – положение умерших было нарушено в древности. В большинстве захоронений (81,2%) конечности погребенных были вытянуты. В 3,1% могил кисти рук умерших находились у лица, в одной (1,53%) – на тазе, в одной (1,53%) – отведены от туловища. Почти все погребенные ориентированы в восточном секторе: на восток – 48,6%, на северо-восток – 25%, на юго-восток – 17,2%. Только в 4,6% случаев прослежена ориентировка в западном секторе: в одном (1,53%) – на запад, в одном (1,53%) – с отклонением на юг, в одном (1,53%) – с отклонением к северу. В 4,6% захоронений ориентировка не установлена. Количество сосудов в керамическом наборе вариативно: по три сосуда содержали 25% погребений, более трех – 26,5%, по одному – 14,1%, по два – 12,5%, еще 21,9 % сосудов не содержали. В 50% могил были обнаружены сосуды для питья, стоявшие слева (17,2% погребений), слева от ног (9,5%), в ногах (12,5%), справа (4,6%), справа от ног (3,1%) и за черепом

(3,1%). В 3,1% могил зафиксированы по 2 сосуда: один слева, второй – в ногах погребенного. В 34,4% погребений фиксируются кувшины, стоявшие в ногах (10,9% погребений), слева от ног (7,8%), справа (9,5%), а также слева от погребенного (3,1%), справа от костей ног (1,53%) и в заполнении могилы (1,53%). Они всегда сочетаются с сосудами для питья. Значительно меньше представлено крупных тарных сосудов: они обнаружены в 28% погребений. Они могли быть расположены в ногах (12,5% погребений), справа от ног (6,3%), за головой (1,53%), а также справа от умершего (1,53%). В одной могиле (1,53%) зафиксированы два крупных тарных сосуда, один – за головой погребенного, другой – справа от него. В 4,6% захоронений фрагменты крупных тарных сосудов обнаружены в заполнении погребального сооружения, в 18,8% – они найдены с сосудами для питья и только в двух – с кувшинами. Туалетные сосуды обнаружены в 42,2% могил: в 34,4% – керамические, в 7,8% – стеклянные – везде с сосудами для питья и крупными тарными сосудами, нередко с кувшинами (в 37,5% захоронений). Предметы ритуального назначения представлены монетами, найденными в заполнении погребального сооружения (15,6% погребений), либо под нижней челюстью умерших (3,1%); створчатыми раковинами (3,1%), раковинами каури (1,53%).

Некрополь Волна 1.

В ходе предшествующего анализа материалы некрополя были распределены по трем хронологическим группам. Фактор-анализ выявил характеристики погребального обряда, наиболее тесно связанные с интерпретатором «возраст индивидов»: количество погребенных в могиле; общая поза индивида; положение его рук и ног; ориентировка; количество сосудов с погребённым; наличие и положение в захоронении кувшинов и сосудов для питья; наличие наступательного вооружения; наличие и

расположение бус; наличие предметов упряжи и останков лошадей; мелких орудий труда и напутственной пищи.

В первой группе представлены материалы 212 погребений второй половины VI – второй четверти V в. до н.э., для которых антропологами А.Н. Абрамовой, Н.А. Свиркиной и Т.Ю. Шведчиковой были сделаны возрастные определения. В большинстве могил (58, 5% погребений) обнаружены останки зрелых людей. Примерно в равном количестве представлены захоронения молодых (16,9%) и пожилых (15,1%) людей. Останки детей и младенцев составили по 4,75% выборки. Таким образом, в исследованный массив вошли материалы четырех возрастных групп.

В некрополе обнаружено 10 младенческих погребений. Все они являются одиночными, поскольку все погребенные находились в амфорах, положение и ориентировка погребенных не определялись. Какие-либо предметы в наборе сопроводительного инвентаря в данной группе не выявлены.

Детские захоронения составляют наиболее малочисленную группу, состоящую из 10 индивидов. Большинство погребений – одиночные (80%), останки ребенка были зафиксированы в одном (10%) парном захоронении и в одном (10%), содержащем останки трех человек. Все погребенные лежали на спине с вытянутыми конечностями. Все они ориентированы в восточном секторе: головами на восток – 50% костяков, с отклонением к северу – 30%, к югу – 20%. В 60% погребений находилось более трех сосудов, в одном (10%) – 1, в одном (10%) – 2, в 20% могил они отсутствовали. В 70% погребений были обнаружены сосуды для питья, расположенные слева (20% погребений), в ногах (20%), за головой (10%), справа от костяка (10%), фрагменты сосудов были обнаружены в заполнении могил. В погребениях зафиксированы кувшины, стоявшие слева от костяка (50% погребений), на нем (10%). В 40% могил кувшины найдены с сосудами для питья, обнаружены бусы: в одном (10%) – в

районе черепа, в другом (10%) – слева от погребенного. Мелкие орудия труда представлены иглами (20% погребений), ножом (10%) и пряслицем (10%).

Захоронения молодых людей немногочисленны – 36 индивидов. Они обнаружены в одиночных (61,1%), либо парных (38,9%) погребениях. Почти все костяки лежали вытянуто на спине, лишь в одном погребении – вытянуто на боку. В большинстве захоронений руки были вытянуты вдоль туловища (91,6%), в 5,6% могил – лежали кистями на тазе, в одной (2,8%) – отведены от туловища. У большинства погребенных ноги вытянуты параллельно (94,4% могил) и только в 5,6% захоронений – согнуты в коленях. Почти у всех индивидов прослежена ориентировка в восточном секторе: на восток – 44,4% погребений, на юго-восток – 27,8%, на северо-восток – 25%, на юго-запад – только одно (2,8%). В 83,3% захоронений встречены сосуды: более трех сосудов содержали 36,1% погребений, по три сосуда – 22,2%, по два сосуда – 13,9%, только один сосуд – 11,1%, не содержали сосудов – 16,7%. В большинстве захоронений (55,6%) присутствовали кувшины, стоявшие обычно в ногах (47,2% погребений), реже – слева (5,6%) либо справа от костяка (2,8%). Сосуды для питья встречаются реже (41,7% погребений). Они располагались слева (13,9% погребений), слева от ног (13,9%), за головой умершего (11,1%). Только в одном (2,8%) захоронении найдены сразу 2 сосуда для питья. Кувшины с сосудами для питья зафиксированы в 25% погребений. Предметы наступательного вооружения обнаружены в 13,9% захоронений: одиночные наконечники стрел (11,1% случаев), копья (8,3%), мечи (5,6%), в одной могиле (2,8%) находились меч, кинжал и копье. В заполнении 22,2% погребений обнаружены бусы. Мелкие орудия труда представлены ножами (11,1% погребений), иглами (13,9%), пряслицами (5,6%), ножом и пряслицем (2,8%).

Обряды зрелых людей наиболее вариативны. В выборке этой возрастной группы представлено 134 погребения. Большинство из них (85,9%) – одиночные, 11,9% – парные, лишь в 1,5% могил – трое погребенных, в одной

(0,7%) – более трех. Большинство костяков (94,1% погребений) лежали на спине с вытянутыми конечностями, только в 5,2% погребений – прослежено скорченное положение: в 3,7% случаев – на левом, в 1,5% – на правом боку (кости рук были согнуты в локтях, ног – в коленях). В одной могиле (0,7%) погребенный лежал ничком с вытянутыми конечностями. В 88% могил прослежена ориентировка в восточном секторе: на восток – 40,3% погребенных, на юго-восток – 35%, на северо-восток – 12,7%. В остальных – на север (5,9% погребений), на запад (4,6%) и на юг (1,5%). Количество сосудов в наборе инвентаря вариативно: более трех сосудов содержали 23,9% погребений, по три – 10,4%, по два – 9,7%, по одному – 9%, не содержали сосудов – 47%. В 38% захоронений были обнаружены кувшины, стоявшие слева от ног (23,9% погребений), слева от умершего (5,9%), справа от его ног (3,7%), справа от костяка (3%), в заполнении могилы¹²² (1,5%). Сосуды для питья присутствовали в 29,9% погребений, как правило, слева от ног костяка (14,9% погребений). Реже их помещали слева (6,7% погребений), за головой (4,6%), справа (1,5%). В 2,2 % погребений присутствовали 2 сосуда для питья, один – слева, а другой – в ногах умершего. Фрагменты сосудов для питья найдены также в заполнении двух могил. Сочетание кувшина и сосуда для питья прослежено в 14,9% погребений. Предметы наступательного вооружения фиксируются в 15,7% погребений: короткий меч (10,4% погребений), длинный меч (7,4%), копьё (5,2%), несколько копий (1,5%), копьё и дротик (0,7%), наконечник стрелы (3,7%), более трех наконечников стрел (2,2%). Сочетание клинкового и древкового оружия демонстрируют 2,9% погребений; клинкового, стрелкового и древкового вооружения – 2,2%. Бусы были обнаружены в заполнении могил (2,2% погребений) и у черепа погребенного (0,7%). В наборе орудий труда были зафиксированы ножи (7,4% погребений), пряслица (4,5%), иглы (3,7%), оселки (0,7%). В одной могиле нож найден с гвоздями. Кости жертвенных животных

¹²² Фрагменты кувшинов.

были обнаружены только в одном захоронении. Характер остеологического материала определить не удалось.

В первой группе пожилым людям принадлежали 32 захоронения. Среди них преобладали одиночные – 68,75% случаев, 25% – парные, только 6,25% содержали скелеты более трех человек. В 82,25% захоронений костяки лежали на спине с вытянутыми конечностями. Погребенные в скорченном положении располагались на левом боку (6,25% погребения), либо на спине (6,25%). Кисти их рук могли быть заведены под таз (6,25% погребений) или согнуты в локтях (6,25%), ноги – согнуты в коленях. 6,25% погребенных лежали на левом боку с вытянутыми конечностями. Характерна ориентировка погребенных только в восточном секторе: на восток – 46,8% погребений, на северо-восток – 28,2%, на юго-восток – 25%. В 71,8% захоронений были обнаружены сосуды: в большинстве их более трех – 46,8% погребений. Реже встречались по два (12,5% погребений) или три (12,5%) сосуда. В 28,1% могил сосуды отсутствовали, в 62,45% – были обнаружены кувшины. Они чаще располагались слева от ног (25% погребений) или слева от умершего (15,6%), однако могли быть и за головой (12,5%), и в ногах (6,25%), и справа от костяков (3,1%). Сосуды для питья обнаружены в 46,8% погребений: слева от погребенных (21,9% погребений), слева от ног (18,7%), за головой (3,1%), в миске (3,1%). В двух захоронениях с погребенными было по два сосуда для питья: один – слева, а другой – в ногах. Сочетание кувшина и сосуда для питья прослежено в 34,4% погребений. Предметы вооружения представлены мечами (21,9% погребений), кинжалами (15,6%). В 18,7% захоронений с клинковым оружием присутствовало и древковое: копье (12,5% погребений), несколько копий (3,1%), копье и дротик (3,1%). У пяти погребенных обнаружены наконечники стрел. Только в одном захоронении (3,1%) обнаружены бусы около черепа погребенного. Достаточно часто – в 46,8% могил – фиксируются мелкие орудия труда, представленные ножами (18,7% погребений), иглами (12,5%) пряслицами

(6,25%), оселками (6,25%), оселком и пряслицем (3,1%). Останки напутственной пищи обнаружены в трех погребениях: в одном – лопатка овцы, в двух – характер мясной пищи определен не был.

Вторую группу, в которой был определен возраст умерших, составили 199 погребений третьей четверти V – второй четверти IV в. до н.э. Большинство принадлежит зрелым людям – 62,3%, пожилым людям – 17%, молодым людям – 15,7%. Останки детей выявлены только в 3,5% захоронений, младенцев – в 1,5%. Таким образом, изучались материалы пяти возрастных групп.

Малое количество младенческих захоронений в выборке не позволяет охарактеризовать особенности зафиксированных в них погребальных обрядов¹²³. Однако в ходе анализа детские и младенческие погребения сформировали отдельные кластеры. Это дает основания предполагать, что обряд этих возрастных групп существенно отличался от остальных. По набору выделенных признаков удалось четко различить особенности погребальных обрядов, характерные для захоронений молодых, зрелых и пожилых людей.

Из 31 погребения молодых людей 48,4% были одиночными, 45,2% – парными, а 6,4% содержали по три костяка. В большинстве случаев (77,4% погребений) они лежали на спине с вытянутыми конечностями. В 6,4% могил погребенные были скорчены на спине, их руки были согнуты в локтях кистями к туловищу, ноги – согнуты в коленях. Положение останков 16,2% индивидов было нарушено в древности. Преобладает ориентировка в восточном секторе: на восток – 51,7% погребенных, на северо-восток – 29%, на юго-восток – 16,1%. Только один костяк (3,2%) лежал головой на север. Количество сосудов в погребениях вариативно: более трех сосудов содержали 35,5% погребений, по

¹²³ К сожалению, в работе не удалось учесть материалы раскопок, проведенных В.Г. Житниковым в 2016–2017 гг., поскольку отчет по этим работам еще находится в стадии подготовки. В ходе этих исследований было открыто не менее 150 захоронений, 60% которых принадлежали младенцам либо детям. В.Г. Житников выявил отдельный участок, на котором длительное время совершались преимущественно детские захоронения. Отсутствие полной информации не позволяет определить особенности обряда данной возрастной группы. Известно, что захоронения младенцев и детей в некрополе совершались на протяжении VI–IV вв. до н.э.

три сосуда – 22,6%, по два – 12,9%, один сосуд – 3,2%, в остальных (25,8%) сосуды отсутствовали. Кувшины найдены в большинстве могил (54,7%) и располагались слева от ног (38,7% погребений), слева от костяка (9,6%), справа (3,2%), справа от его ног (3,2%). Сосуды для питья встречаются реже (22,5%). Они стояли слева (12,9% погребений), справа (6,4%) и в ногах умершего (3,2%). Сочетание кувшин – сосуд для питья прослежено в 16,1% погребений. Предметы наступательного вооружения – наконечник копья и наконечник стрелы – обнаружены лишь в 6,4% захоронений. Бусы также встречены только дважды (6,4%): в одном погребении (3,2%) – в районе черепа, в другом (3,2%) – слева от скелета. Украшения представлены серьгами (6,4% погребений), кольцами (3,2%) и подвесками (3,2%). Достаточно часто фиксируются мелкие орудия труда: ножи (12,9% погребений), оселки (6,4%), иглы (6,4%), пряслица (6,4%), нож, оселок и пряслице (6,4%). Остатки напутственной пищи не зафиксированы.

Характерные черты погребального обряда взрослых людей выявлялись на материалах 124 захоронений. Из них 79,1% – одиночные, 16,1% парные, 3,2% – с тремя костяками, 1,6% – содержал останки более трех человек. 88,8% погребенных лежали вытянуто на спине. Руки большинства (78,4%) погребенных в этом положении были вытянуты вдоль туловища, в 1,6% случаев – подведены под таз, в 3,2% – согнуты в локтях кистями к туловищу, в 5,6% – положение рук определено не было. Кости ног у 88,8% погребенных были вытянуты, зафиксированы «атакующая» поза (1,6% погребений) и «поза всадника» (1,6%). Также обнаружено скорченное положение костяков на правом (4,8% погребений) и левом (0,8%) боку. У них руки были согнуты в локтях кистями к туловищу (3,2% погребений), либо кисти рук находились у черепа (2,4%). Кости ног были согнуты в коленях. В остальных захоронениях (2,4%) положение индивидов не определялось. Во всех погребениях прослежена ориентировка в восточном секторе: в 53,2% – восточная, в 33,1% – северо-

восточная, в 12,9% – юго-восточная. В одном (0,8%) захоронении ориентировка не определена. Количество сосудов с погребенными вариативно: в 46,8% захоронений они отсутствовали, в 28,2% – было более трех сосудов, в 11,4% – три, в 8% – два, в 5,6% – один. Кувшины присутствовали в 40,3% погребений. В большинстве случаев они стояли слева от ног (28,2% погребений), реже слева (6,5%), за головой (2,4%), справа (0,8%), справа от ног (1,6%), фрагменты одного (0,8%) были обнаружены в заполнении погребального сооружения. В 29,7% могил были найдены сосуды для питья. Чаще всего они находились слева от ног погребенных (17,7% погребений), но также обнаружены слева (4,8%), на костяке (1,6%), за головой (2,4%), справа (0,8%), справа от ног (0,8%). В 1,6% захоронений зафиксированы по два сосуда для питья: один – слева, а другой – слева от костей ног умерших. В 15 % погребений представлено сочетание кувшин – сосуд для питья. Предметы наступательного вооружения обнаружены в 13,7% захоронений: длинные мечи (5,6% погребений), короткие мечи (4%), одиночные наконечники стрел (4,8%), несколько наконечников стрел (2,4%), остатки колчана (0,8%), копье (6,4%), несколько копий (0,8%). В 4% захоронений найдены уздечные бляшки. Набор украшений в погребениях вариативен и представлен серьгами (6,4% погребений), кольцами/перстнями (5,6%), ручными браслетами (0,8%), подвесками (1,6%). Сочетание серег с перстнями зафиксированы в 2,4% могил. Мелкие орудия труда были обнаружены в 28% погребений. Это ножи (8% погребений), иглы (5,6%), пряслица (4,8%). Прослежены сочетания: шило – игла (2,4% погребений); оселок – нож (6,4%); нож – гвозди (0,8%). Останки напутственной пищи представлены в семи погребениях: в двух – ребрами и фрагментами костей ног овцы; в одном – черепом, костями ног и ребер лошади; в остальных характер остеологических останков определить не удалось.

Погребальный обряд пожилых людей (34 погребения) частично близок обряду захоронения зрелых людей, но имеет и отличительные особенности.

70,6% погребений пожилых людей – одиночные, 20,6 % – парные, в 5,9% – присутствовали три костяка, в одном (2,9%) – более трех. 82,4% погребенных лежали на спине с вытянутыми конечностями, в 8,8 % они лежали скорчено на спине, при этом в 5,8% погребений их руки были заведены под таз, в одном – согнуты в локтях кистями к туловищу. Положение их ног вариативно: в одном (2,9%) погребении – они согнуты ромбом, в одном – разведены в стороны, в одном (2,9%) – согнуты в коленях. В 8,8% захоронений положение умерших было нарушено в древности. Почти все индивиды были ориентированы в восточном секторе: на восток в 41,2% погребений, на северо-восток – 26,5%, на юго-восток – 20,6%. В 8,8% погребений ориентировка умерших не определялась, один (2,9%) погребенный был расположен на север. Количество сосудов с погребенным вариативно: более трех сосудов содержали 44,1% погребений, по три сосуда – 17,7%, по два сосуда – 11,8%, не содержали сосудов – 26,4%. В 58,7% погребений были кувшины, стоявшие слева (23,5% погребений), слева от костей ног (23,5%), справа (5,9%), в ногах (2,9%) и за головой костяка (2,9%). Сосуды для питья, как и кувшины, чаще располагались слева от ног (17,6% погребений) или слева (11,8%), но могли находиться и за головой (2,9%), и справа от погребенного (2,9%). 35,2% погребений содержали и кувшин, и сосуд для питья. В пяти захоронениях было клинковое оружие: длинные (8,8% погребений) и короткие (5,9%) мечи. В 5,9% погребений сочетались копье и несколько наконечников стрел. В наборе украшений фиксируются серьги (5,9% погребений) и перстни (2,9%). Мелкие орудия труда были в 41,2% погребений. Это ножи (23,5% погребений), пряслица (2,9%), иглы (8,8%) и шилья (5,9%), нож и пряслице (2,9%). Остатки напутственной пищи представлены в 8,8% могил. Это кости овец: в одном случае (2,9%) ребра, в 5,9% – фрагменты ребер и костей ног.

В третьей группе были рассмотрены материалы 189 захоронений, относящихся третьей четверти IV– рубежа IV – III вв. до н.э. Большинство из

них (38%) принадлежало пожилым людям, чуть меньше – зрелым людям (34%). Захоронений молодых людей значительно меньше (16%). Детские погребения составляют лишь 10% исследованного массива. Могил, принадлежащих младенцам, в выборке почти не представлено (2,1%)¹²⁴. Удалось выявить особенности обряда в четырех возрастных группах.

В выборке представлено 19 детских захоронений. Большинство из них (63,1%) – одиночные, в 26,3% случаев скелеты детей находились в погребениях, где были обнаружены останки более трех человек, 5,3% – в парном захоронении, 5,3% – в могиле, содержащей три костяка. В 63,1% погребений костяки лежали на спине с вытянутыми конечностями. Лишь один (5,3%) погребенный находился в скорченном положении на левом боку, кисти рук были подведены к лицу, кости ног скорчены. В 31,6% погребениях положение умерших определить не удалось. В большинстве могил прослежена ориентировка в восточном секторе: на восток – 42,1% погребений, на юго-восток – 21%, на северо-восток – 15,8%. В 15,8% могил отмечена ориентировка в западном секторе: на юго-запад 10,6% погребений, на запад – 5,3%. Только один (5,3%) погребенный лежал головой на юг. Количество сосудов в могилах вариативно: более трех сосудов в 31,6 % погребений, по два сосуда – в 26,3%, по одному – в 15,8%, ни одного – в 26,3%. Кувшины были обнаружены в 42,15% погребений. Они стояли слева от ног (15,8%), слева (10,6%), справа (5,25%), в ногах (5,25%), за головой (5,25%). Сосуды для питья отсутствовали. Бусы располагались возле ног умершего (10,6% погребений), на руках (15,8%), либо в заполнении могилы (5,3%). В 10,6% погребений найдены серьги. Мелкие орудия труда представлены ножами и пряслицами (10,6% погребений).

Характерные особенности были выявлены также в погребальном обряде молодых людей (30 захоронений). 50% из них похоронены индивидуально, 13,3% – в составе парных погребений, 33,4% – в погребениях, содержащих

¹²⁴ См. сноску 123

более трех человек, один (3,3%) – в погребении трех человек. 66,6% погребенных лежали на спине с вытянутыми конечностями. В 16,7% захоронений индивиды находились в скорченном положении на спине (6,7%), на правом (6,7%), либо на левом боку (3,3%). Их руки могли быть согнуты в локтях кистями к туловищу (6,7%), располагаться на груди (6,7%) или быть заведены под таз (3,3%). Ноги были согнуты в коленях. В 16,7% могил положение индивидов определено не было. Почти во всех погребениях (86,7%) умершие были ориентированы в восточном секторе: на восток – 63,3%, на северо-восток – 16,7%, на юго-восток – 6,7%. Наблюдалось только 6,7% случаев ориентировки на север, один (3,3%) – на юг. В одном случае (3,3%) ориентировку определить не удалось. Сосудов не содержали 43,3% погребений, более трех сосудов было в 33,4% захоронений, по одному – в 20%, два сосуда – в 3,3%. Кувшины, обнаруженные в 33,4% захоронений, могли стоять слева (10% погребений), слева от ног (10%), справа (3,35%) или за головой умершего (3,35%). В 6,7% случаев их фрагменты были в заполнении могилы. Только в 10% погребений присутствовали сосуды для питья: в одном (3,3%) – в ногах костяка, в 6,7% – в заполнении могилы. Сочетание кувшин – сосуд для питья прослежено лишь в одном (3,3%) захоронении. Предметы наступательного вооружения зафиксированы в 10% погребений, в одном (3,3%) – одиночный наконечник стрелы, в 6,7% – наконечники копий. В 10% погребений были обнаружены бусы, которые находились на ногах (3,3%), в стороне от умершего (3,3%) или в заполнении могилы (3,3%). В наборе украшений были зафиксированы серьги (13,3% погребений), кольца (13,3%) и ножные браслеты (3,3%). Орудия труда представлены ножами (6,7% погребений), пряслицами (6,7%), оселками (3,3%) и иглами (3,3%).

Особенности погребального обряда были прослежены и в захоронениях зрелых людей (64 погребения). Из них индивидуально похоронены 53,1%, в парных погребениях – 28,1%, в погребениях с останками трех людей – 6,3%, в

погребениях с останками более трех человек – 12,5%. В 90,7% случаев умершие лежали вытянуто на спине, с вытянутыми руками. Их ноги в 82,8% погребений были вытянуты параллельно, в остальных случаях – скрещены в голенях (1,6% погребений), сближены в голенях (1,6%), сближены в щиколотках (1,6%), разведены в стороны (1,6%). В одной могиле (1,6%) левая нога была согнута в колене к правой. В 3,2% захоронений прослежено скорченное положение на спине, руки были согнуты в локтях, а ноги – в коленях. В одной могиле (1,6%) умерший лежал ничком с вытянутыми конечностями. В 9,3% погребений положение умерших было нарушено в древности. В большинстве могил погребенные были ориентированы в восточном секторе: головами на восток – 59,1%, на северо-восток – 12,5%, на юго-восток – 10,9%. В небольшой группе захоронений ориентировка неустойчива: на юго-запад – 6,3%, на юг – 3,2%, на север – 3,2%, на северо-запад – 1,6%. В 3,2% погребений ориентировку скелетов установить не удалось. В 37,5% погребений сосуды отсутствуют. Реже фиксируется наличие более трех сосудов (31,2% погребений), трех (12,5%), одного (2,5%), двух (6,3%) сосудов. В 51,6% погребений обнаружены кувшины. Чаще всего (в 25% погребений) они располагались слева от ног погребенных, но могли находиться слева (6,3%), за головой (9,3%), справа от ног (4,7%) или в ногах погребенных (6,3%). Сосуды для питья обнаружены только в 10,95% погребений, где располагаются слева (6,25% погребений), справа (3,15%) или в ногах умершего (1,55%). Сочетание кувшин – сосуд для питья прослежено в 6,3% могил. Стрелковое оружие представлено одиночными (12,5% погребений), либо несколькими наконечниками стрел (1,6%); древковое – одним (1,6%) или несколькими копьями (3,2%). Во всех захоронениях с копьями присутствовали и короткие мечи. Сочетание древкового, стрелкового и клинкового оружия отмечено в трех погребениях. Только в одной могиле были обнаружены бусы в районе черепа. Украшения также представлены серьгами (6,3% погребений), перстнями (3,2%), сочетанием серег и колец (6,3%), ручными браслетами (1,6%)

и ворворкой (1,6%). В 50% захоронений представлены орудия труда: ножи (23,5% погребений), иглы (9,3%), пряслица (7,8%), шилья (4,7%), нож и пряслице (4,7%). Остатки жертвенной пищи зафиксированы лишь в одном (1,6%) погребении. Характер остеологических останков определить не удалось.

Репрезентативный результат был получен при изучении захоронений пожилых людей (72 погребения). Большинство из них одиночные – 59,7% погребений, в парных захоронено 16,7% индивидов, в тройных – 5,6%, в погребениях, содержащих более трех человек – 18%. 79,2% умерших лежали на спине с вытянутыми конечностями. Скорченное положение погребенных зафиксировано только в 6,9% могил: на спине (4,2% случаев), на левом боку (2,8%). Их руки могли быть согнуты в локтях кистями к туловищу (2,8% погребений), заведены под таз (2,8%), сложены на груди (1,4%). Кости ног могли быть согнуты ромбом (2,8% погребений), согнуты в коленях (2,8%), нога могла быть согнута коленом к другой (1,4%). Положение 13,9% погребенных было нарушено в древности. Большинство из них было ориентировано в восточном секторе: на восток – 48,7%, на юго-восток – 12,5%, на северо-восток – 9,7%. Достаточно часто фиксируется ориентировка в западном секторе: на запад – 6,9%, на юго-запад – 4,2%, на северо-запад – 1,4%. В 6,9% захоронений была ориентировка на юг, в 2,8% – на север. Ориентировку 6,9% погребенных определить не удалось. Количество сосудов в погребениях различно: 38,9% сосудов не содержали, 27,8% содержали более трех сосудов, 13,9% – по одному сосуду, 11,1% – по два, 8,3% – по три. Кувшины найдены в 47,2% могил, где они могли находиться слева от умершего (13,9% погребений), слева от костей ног (13,9%), справа от ног (5,6%), за головой (5,6%) или справа (1,4%). В пяти захоронениях фрагменты кувшинов обнаружены в заполнении погребального сооружения. В 16,7% погребений присутствовали сосуды для питья. Зафиксированы следующие варианты их расположения: слева от ног (6,9% погребений), слева (5,6%), в миске (1,4%), на костяке (1,4%), один сосуд слева,

другой – в ногах (1,4%). Сочетание кувшин – сосуд для питья прослежено в 9,7% погребений.

Предметы вооружения представлены одиночными наконечниками стрел (11,1% погребений), копьями (2,8%), коротким мечом (1). В двух погребениях обнаружены уздечные бляшки. В 6,85% захоронений найдены бусы, которые могли располагаться на шее (1,35% погребений), на руках (2,8%), в районе черепа (1,35%) и в заполнении могилы (1,35%). В наборе украшений также могли присутствовать серьги (1,4% погребений) и кольца (5,6%). Остатки жертвенной пищи – фрагменты конечностей лошади – зафиксированы только в одной (1,4%) могиле.

Некрополь Артющенко 2.

В некрополе Артющенко 2 возраст погребенных был определен в 119 захоронениях. Большинство из них принадлежало зрелым людям (20 – 45 лет) – 30,9% захоронений, почти столько же (26%) – молодым людям (14 – 20 лет), немного меньше (21%) – пожилым людям. В выборке представлено очень мало детских (9,2%) и младенческих (13,5%) захоронений. Учитывая всё это, исследование проводилось без распределения материала по хронологическим группам. Особенности, связанные с изменением погребальных обрядов во времени, были учтены на этапе дешифровки полученных данных.

В каждой возрастной группе были выделены отличительные черты погребальных обрядов. Фактор-анализом был установлен набор признаков, связанный с возрастом погребенных: характер погребальной конструкции; количество индивидов в могилах; общее положение погребенных; положение их рук и ног; их ориентировка; количество сосудов в захоронениях; кувшины в погребении.

Весьма ограниченная выборка из 16 младенческих погребений, тем не менее, обладает высокой информативностью. В ней представлены различные погребальные конструкции: овалы и прямоугольные ямы (31,25% погребений), амфоры (37,5%), сырцовые ящики (12,5%) и склепы (6,25%). В 12,5% могил характер погребального сооружения не определен. Среди захоронений младенцев преобладают одиночные – 81,25%, 12,5% индивидов найдены в парных погребениях, скелет младенца также обнаружен в одном (6,25%) коллективном захоронении с тремя погребенными. Умершие в 50% погребений лежали вытянуто на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. Ноги могли быть вытянуты параллельно (43,75% погребений) или согнуты в коленях (6,25%). В остальных случаях (50%) положение индивидов в могилах определено не было. 50% костяков ориентированы на восток, 25% – на юго-восток, один – на север. В 25% захоронений ориентировка умерших не была определена. В 43,75% могил с останками младенцев представлено более трех сосудов, столько же (43,75%) погребений, где сосуды отсутствовали. В 12,5% захоронений были обнаружены по 2 сосуда. Кувшины зафиксированы в 12,5% могил: в одной (6,25%) – в ногах, в другой (6,25%) – слева от погребенного.

В выборке представлено лишь 11 детских захоронений. Изучение их материалов демонстрирует связь по ряду признаков с младенческим погребальным обрядом. Так, детские захоронения совершены в прямоугольных и овальных ямах (36,35% погребений), сырцовых ящиках (18,2%) и склепах (9,1%). В остальных случаях (36,35%) характер погребального сооружения не определен. 72,7% детских погребений – одиночные, только в 27,3% – скелеты детей обнаружены вместе с еще одним умершим. Во всех случаях умершие лежат на спине с вытянутыми конечностями. Их ориентировка исключительно в восточном секторе: на восток – 36,35% погребений, на северо-восток 36,35%, на юго-восток – 27,3%. Количество сосудов рядом с погребенными различно: один (18,2% погребений), два (27,3%), три (27,3%) или более трех (18,2%), в одной

могиле (9,09%) они отсутствовали. В большинстве захоронений (63,7%) обнаружены кувшины, расположенные слева (18,2% погребений), слева от ног (27,3%), в ногах (9,1%) либо в тайнике/нише (9,1%).

Особенности в обряде молодых людей прослежены на материале 31 погребения. Большинство из них совершено в прямоугольных или овальных ямах (58% погребений), 25,8% – в сырцовых ящиках, в четырех (16,2%) конструкция погребального сооружения не прослежена. 74,2% погребений – одиночные, 25,8% – парные. 90,25% погребенных лежали на спине с вытянутыми конечностями. В 6,5% погребений костяки скорчены: в одном (3,25%) – на спине, в другом (3,25%) – на левом боку. Кости рук согнуты в локтях, ноги – в коленях. В одном (3,25%) погребении костяк лежит ничком с вытянутыми конечностями. По-прежнему доминирует ориентировка в восточном секторе: головами на восток – 45,2% погребений, на северо-восток – 29%, на юго-восток – 19,3%. Ориентировка 6,5% погребенных не определялась. По-прежнему различно количество сосудов, найденных с погребенными: более трех сосудов в 38,7% погребениях, три сосуда – в 6,5%, два сосуда – в 16,2%, один сосуд – в 19,3%, ни одного сосуда – в 19,3%. В 64,5% погребений находились кувшины, стоявшие слева от ног (51,5% погребений), слева от костяка (6,5%), справа от него (3,25%) или справа от ног (3,25%).

Погребальный обряд зрелых людей существенно отличается от обрядов других возрастных групп. В выборке представлено 36 захоронений. Одной из важных особенностей погребальных традиций этой группы является вариативность погребальных сооружений. 41,7% погребений совершено в ямах прямоугольной, овальной или неправильной формы, 22,2% – в сырцовых ящиках, 2,7% – в сырцовом склепе. 5,6% захоронений были «двухъярусными», в которых одно погребение было совершено в заполнении другого. В 27,8% случаев характер погребальной конструкции прослежен не был. 55,6% захоронений – одиночные, 38,9% – парные, в 5,6% могил – с останками трех

человек. Почти во всех захоронениях (97,3 % погребений) зафиксировано положение умерших на спине с вытянутыми конечностями, кроме одного (2,7%), где костяк лежал скорчено на спине, кисти его рук были заведены под таз, левая нога была согнута в колене к правой. Почти все (94,4%) погребенные ориентированы в восточном секторе: 47,3% – на восток, 27,8% – на северо-восток, 19,5% – на юго-восток, 2,7% – на север. В 2,7% могил ориентировка не определялась. В наборе керамики могли присутствовать один (2,7% погребений), два (8,3%), три (16,7%) или более трех (47,3%) сосудов. В 25% захоронений сосуды отсутствовали, 69,5% содержали кувшины, которые чаще находились слева от ног костяка (41,7% погребений), но могли располагаться слева (5,6%), справа (2,7%), за головой (2,7%), справа от ног (5,6%) или в ногах (5,6%). Фрагменты кувшинов в 5,6% могил были обнаружены в заполнении погребального сооружения.

Изучение материалов 25 погребений пожилых людей дало следующие результаты: большинство из них были совершены в прямоугольных или овальных ямах (60%), 8% – в сырцовых ящиках, 8% – «двухъярусные», погребальная конструкция остальных (24%) не прослежена. 68% погребений – одиночные, 32% – парные. Почти все погребенные (96%) располагались вытянуто на спине. В 88% погребений руки были вытянуты вдоль туловища, в одном (4%) – отведены от туловища. Руки одного (4%) умершего помещены кистями на грудь. В 80% погребений кости ног умерших были вытянуты параллельно, но могли быть согнуты ромбом (4% погребений) или разведены в стороны (4%). В одной могиле (4%) положение умершего было нарушено в древности. Почти во всех погребениях прослежена ориентировка в восточном секторе: на восток – 60% погребений, северо-восточная – 28%, юго-восточная – 8%. В одном захоронении (4%) положение погребенного определить не удалось. Количество сосудов вариативно: один (20% погребений), два (8%), три (28%) или более трех сосудов (28%). В 16% случаев сосуды отсутствовали. В 68%

погребений обнаружены кувшины, расположенные слева (12% погребений), слева от ног (28%), в миске (4%), справа (4%), а также в ногах умершего (20%).

Некрополи у поселка Виноградный (Виноградный 7, Вышестеблиевская 21 и Виноградный – Северо-восточный).

В некрополях у поселка Виноградный антропологические определения были сделаны для 86 захоронений, большинство из которых (65,1%) принадлежали зрелым людям. Значительно меньше в выборке представлено могил младенцев (16,3%), детей (9,3%), молодых людей (8,1%), людей пожилого возраста (1,2%). С учетом специфики выборки разделение материала по хронологическим периодам не представлялось возможным. Особенности, связанные с изменением обряда во времени, были учтены в процессе дешифровки полученных данных.

Фактор-анализом установлен следующий набор признаков, связанный с интерпретатором «возраст индивида»: количество погребенных в могиле; общее положение погребенных; их ориентировка; количество сосудов в захоронении; наличие и расположение горшков; кувшинов; мисок; сосудов для питья; крупных тарных сосудов; наличие туалетных сосудов; наступательного вооружения; наличие и расположение бус; украшений; мелких орудий труда и предметов ритуального назначения.

В выборке некрополя представлены 14 погребений младенцев. Все они являются одиночными. Положение умерших – вытянуто на спине – было прослежено лишь в 14,3% погребений. В 78,6% случаев ориентировку умерших определить не удалось, в 14,3% могил они лежали головами на север, в одном (7,1%) – на северо-запад. Количество сосудов в погребениях младенцев вариативно: один (14,3% погребений), два (14,3%), три (7,1%) либо более трех сосудов (7,1%). В 57,2% захоронений сосуды отсутствовали. Горшок был

обнаружен только в одном (7,1%) случае. Такими же единичными примерами представлены миски и сосуд для питья. Кувшины обнаружены слева (7,1%), на костяке (7,1%), справа от ног (7,1%), в заполнении погребального сооружения (7,1%). В заполнении трех могил были обнаружены фрагменты крупных тарных сосудов. В 21,3% погребений обнаружены туалетные сосуды. Сочетание туалетный сосуд – кувшин – сосуд для питья зафиксировано в одном (7,1%) погребении.

Выборка детских захоронений в некрополе очень маленькая – 9 захоронений, но их материалы достаточно информативны для получения общего представления об обряде этой возрастной группы. 77,8% захоронений – одиночные, 22,2% – парные. Во всех погребениях зафиксировано общее положение умерших вытянуто на спине. Преобладает ориентировка в восточном секторе: на восток – 22,2% погребений, на юго-восток – 22,2%, на северо-восток – 11,15%. 22,2% костяков лежали головами на север, 11,15% – на юг, ориентировку одного умершего (11,15%) определить не удалось. В состав инвентаря мог входить один сосуд (22,2% погребений) либо, чаще, два (55,6%), в 22,2% могил – сосуды отсутствовали. Горшок обнаружен только в одном погребении. Кувшины располагались слева (11,15%) или в ногах индивида (11,15%). Миски стояли в ногах (22,2% погребения); сосуды для питья – в ногах (11,15%) и слева от погребенного (11,15%). Сочетание кувшин – сосуд для питья зафиксировано один раз (11,15%). Туалетные сосуды обнаружены в 22,2% погребений (в одном (11,15%) – с кувшинами). Крупные тарные сосуды отсутствовали. Набор украшений представлен серьгами (22,2%) и ручными браслетами (11,15%). В 33,35% захоронений обнаружены бусы, расположенные на руках (22,2%) и в заполнении могилы (11,15%). В одном (11,15%) погребении найдена игла. Предметы ритуального назначения представлены в 22,2% могил монетами.

В исследованном массиве очень мало (всего 7) захоронений молодых людей. Однако удалось установить некоторые отличительные черты их обряда. 42,9% погребений молодых людей – одиночные, 57,1% – парные. 85,7% из погребенных лежали вытянуто на спине, положение одного (14,3%) было нарушено в древности. В 57,1% захоронений прослежена ориентировка индивидов в восточном секторе, в 28,6% – в западном, в одном (14,3%) – ориентировка не определена. Количество сосудов вариативно: по 3 сосуда содержали 57,1% могил, в одном (14,3%) погребении был один сосуд, в 28,6% – сосуды отсутствовали. Кувшины находились слева (14,3%), в ногах (14,3%), справа (14,3%) от умершего или в заполнении могилы (14,3%). В 42,9% погребений были миски, стоявшие слева (14,3%) или в ногах умерших (28,6%). Фрагменты сосуда для питья были обнаружены в заполнении одной (14,3%) могилы. Крупные тарные сосуды отсутствовали. В 71,4% захоронений зафиксированы туалетные сосуды. Сочетание миска – туалетный сосуд – кувшин прослежено в 28,6% погребений. На руках двоих погребенных были обнаружены бусы. Украшения представлены серьгами (42,9% погребений) и кольцами/перстнями (28,6%). В одном (14,3%) погребении были обнаружены золотые пряжки. Монеты найдены в заполнении могилы (42,9%) и под нижней челюстью индивида (14,3%).

Наиболее репрезентативные результаты получены при изучении материала погребений (56 могил) людей зрелого возраста. Большинство их захоронений – 55,3% – одиночные, 30,4% – обнаружены в парных погребениях, 1,8% – в погребении с 3 костяками, 12,5% – в погребениях более трех человек. В 75% захоронений прослежено положение погребенных вытянуто на спине, в 8,9% могил они находились в скорченном положении: на спине (5,4% погребений), на левом боку (1,8%), на правом боку (1,8%). Один (1,8%) погребенный лежал ничком. Положение 16,1% индивидов было нарушено в древности, по-видимому, при повторном захоронении. Особенностью данной

возрастной группы является большое количество захоронений с ориентировкой в западном секторе¹²⁵: 19,6% погребенных лежали головами на запад, 12,5% – на северо-запад, 3,6% – на юго-запад. В 3,6% погребений была ориентировка на юг. 60,7% погребенных лежали головами в восточном секторе: 48,2% – на восток, 8,9% – на юго-восток, 3,6% – на северо-восток. Количество сосудов в керамическом наборе вариативно: один (7,1% погребений), два (10,7%), три (19,6%), более трех сосудов (33,9%). В 28,7% могил сосуды отсутствовали. Кувшины содержались в 50% погребений, чаще они расположены за головой (21,3%), справа (10,7%), в ногах (5,4%), слева от ног (5,4%), слева (1,8%) и в заполнении погребального сооружения (5,4%). В 19,6% захоронений найдены миски, находившиеся слева (7,1%), справа (3,6%), в ногах (1,75%), за головой умершего (1,75%) и в заполнении могилы (5,4%). Сочетание миски – кувшины было прослежено в 10,7% захоронений. В 8,9% могил справа (5,4%) или слева (1,75%) от погребенного, а также в заполнении могилы (1,75%) были обнаружены сосуды для питья. В одном (1,8%) погребении они находились вместе с мисками и кувшинами. Крупные тарные сосуды обнаружены справа (5,4% погребений), слева (5,4%), в ногах (3,6%), за головой костяка (1,8%), фрагменты одного – обнаружены в заполнении погребального сооружения. 64,3% погребений содержали туалетные сосуды. Сочетание туалетный сосуд – кувшин – миска – крупный тарный сосуд прослежено в 8,9% захоронений. Набор наступательного вооружения представлен стрелковым и древковым оружием: одиночными наконечниками стрел (12,5% погребений), несколькими наконечниками стрел (7,1%), остатками колчана (1,8%), несколькими копьями (5,4%). Бусы могли находиться на шее (1,8%), на руках (1,8%), у черепа погребенного (1,8%) и в заполнении могилы (1,8%). Набор украшений представлен серьгами (3,6% погребений), перстнями (16%) и ручными

¹²⁵ Это наблюдается, главным образом, в погребениях некрополя Виноградный – Северо-восточный. Ориентировка в западном секторе, очевидно, является локальной особенностью обряда этого памятника.

браслетами (1,8%). В одном погребении серьги сочетаются с перстнем и ручными браслетами. В 5,4% захоронений обнаружены пряжки, причем, в 3,6% могил – золотые. В наборе орудий труда присутствуют ножи (28,6% погребений), иглы (17,9%), шилья (3,6%), оселки (3,6%), пряслица (8,9%) и гвозди (1,8%). Атрибуты культа представлены монетами, найденными в заполнении погребального сооружения (30,4% погребений) или под нижней челюстью умершего (1,8%).

Таким образом, на большинстве погребальных памятников удалось определить характерные черты обряда для пяти возрастных групп. Ряд общих характеристик был выявлен для захоронений младенцев и детей, а также для погребений зрелых и пожилых людей. Тем не менее, полученные результаты позволяют утверждать, что обряд каждой группы обладал уникальными особенностями. Вариативность некоторых элементов погребальных традиций в возрастной группе, связана, по-видимому, со статусными либо гендерными различиями в обрядах. Наиболее репрезентативный результат был получен в при изучении материала некрополей Фанагории и Волна 1, где захоронения с учетом данных предыдущего анализа были распределены по трем хронологическим группам.

3.4. Отличительные черты погребальных обрядов, связанные с полом погребенных.

Некрополь Фанагории.

Выборка захоронений, где был определен пол погребенных, весьма невелика: 13 мужских и 7 женских погребений. Однако представленный материал достаточно информативен для определения различий в мужском и женском погребальном обряде. Фактор-анализом установлен набор признаков,

связанный с интерпретатором «пол погребенного»: количество индивидов в могиле; общее положение погребенного; положение его рук и ног; количество сосудов в захоронениях; наличие и расположение кувшинов, мисок, крупных тарных сосудов в могиле; наличие туалетных сосудов; предметов наступательного вооружения; деталей одежды и украшений; туалетных принадлежностей; мелких орудий труда, предметов ритуального назначения и напутственной пищи в могиле.

Почти все женские погребения (85,7%) – одиночные, одно (14,3%) – парное (женщина и мужчина). Все умершие лежали с вытянутыми конечностями. Преобладает восточная ориентировка погребенных: на восток – 42,8% погребений, на юго-восток – 28,6%, на северо-восток – 14,3%. Только в одной (14,3%) могиле прослежена западная ориентировка. Все женские погребения содержали сосуды: более трех – 57,1% могил, по три – 28,6%, по два – 14,3%. Крупные тарные сосуды найдены в трех погребениях и располагались слева (14,3% погребений), в ногах (14,3%) либо справа от ног (14,3%) умершей. Лишь в одном (14,3%) женском погребении был обнаружен кувшин. Миски отсутствовали. Туалетные сосуды представлены во всех женских захоронениях: в 71,4% – глиняные, в одном (14,3%) – глиняный и стеклянный, в одном (14,3%) – туалетная мисочка/солонка. В 28,6% женских захоронений обнаружены бусы: в одном (14,3%) – у кистей рук погребенной, в другом (14,3%) – рядом с костями ног. В 42,8% женских захоронений обнаружены бляшки из золота (14,3% погребений) и серебра (28,6% погребений). Набор украшений представлен в 85,7% могил серьгами (42,8%), кольцами (14,3%) и «ворворкой» (14,3%), золотыми деталями женского головного убора (14,3%). Туалетный набор включает зеркало (в 14,3% погребений) и стригиль (14,3%)¹²⁶. В качестве мелких орудий труда присутствуют игла и пряслице.

¹²⁶ Поскольку стригиль был обнаружен в парном захоронении, возможно, он не принадлежал погребенной.

Мужской обряд существенно отличался от женского. Количество индивидов в мужских погребениях вариативно: 69,2% захоронений – одиночные, одно (7,7%) – парное, 23,1% содержат троих умерших. Все костяки лежали вытянуто на спине. В 84,6% захоронений руки вытянуты вдоль туловища, в 7,7% – согнуты в локтях, в 7,7% – заведены под таз погребенного. В 84,6% могил ноги умерших вытянуты параллельно, в 7,7% – сближены в щиколотках, в 7,7% – согнуты в коленях. Все костяки были ориентированы в восточном секторе: 61,5% – головами на восток, 23,1% – на юго-восток, 15,4% – на северо-восток. Почти все мужских погребения содержали сосуды: более трех сосудов – 38,4% погребений, по три сосуда – 23,1%, по два – 7,7%, по одному – 23,1%, в одном (7,7%) они отсутствовали. Крупные тарные сосуды найдены слева, за головой, в ногах, справа от ног костяков в 30,8% погребений. Обнаружены миски, стоявшие слева (15,4% погребений) и слева от ног (15,4%) погребенных. Сочетание кувшин – миска фиксируется в 23,1% могил. Везде присутствовали сосуды для питья. В 15,4% погребений обнаружены кувшины. Сочетание всех типов сосудов зафиксировано только в одном (7,7%) погребении. Предметы наступательного вооружения присутствовали в 69,2% погребений: мечи (61,5%), копья (53,8%), наконечники стрел (46,2%). Только в одном погребении найдены предметы упряжи – удила. У 15,4% погребенных на шее обнаружены бляшки. Иные украшения и предметы туалета не найдены. Мелкие орудия труда представлены в 69,2% захоронений ножами (30,75%), иглами (30,75%) и оселком (7,7%). В одной (7,7%) могиле в миске были обнаружены кости жертвенного животного (овцы).

Некрополь Гермонассы.

Материалы некрополя Гермонассы, к сожалению, малоинформативны: пол определен лишь для 3 женских и 8 мужских погребений. Сопоставление

данных материалов в рамках одного памятника не позволяет получить объективный результат. Однако информация об этих погребениях учитывалась на последующих этапах работы.

Некрополь Кеп.

Как и в некрополе Гермонассы, размер выборки не позволяет провести статистический анализ материалов в рамках одного некрополя, поскольку пол был установлен лишь для 13 погребенных: 4 – женщин и 9 – мужчин. Информация о них была учтена при сравнении некрополей Азиатского Боспора.

Некрополь у мыса Тузла.

В некрополе у мыса Тузла пол определен для 23 погребенных (8 женщин, 15 мужчин). Изучение этого небольшого массива дало репрезентативный результат. Фактор-анализом были выявлены признаки обряда, связанные с полом индивидов: наличие надгробий; количество погребенных в могиле; их общее положение; положение их рук, ног и ориентировка; количество сосудов в могиле; наличие и расположение кувшинов; мисок; сосудов для питья; крупных тарных сосудов; наличие туалетных сосудов; наступательного вооружения; мелких орудий труда и предметов ритуального назначения.

Большинство женских захоронений (75%) – одиночные, в одном случае (12,5%) останки женщины были обнаружены в составе погребения трех человек, еще одни (12,5%) – в могиле, содержащей более трех погребенных. Все женщины похоронены лежа на спине с вытянутыми конечностями. Почти во всех погребениях ориентировка в восточном секторе: на восток – 50% погребений, на юго-восток – 25%, на северо-восток – 12,5%, в одном (12,5%) – ориентировку определить не удалось. В 62,5% женских погребений обнаружено

более трех сосудов, в 25% – сосуды отсутствовали, в одном (12,5%) найден один сосуд. Почти во всех женских захоронениях находились сосуды для питья, стоявшие слева (37,5%), слева от ног (25%) и справа от умерших (12,5%) либо в заполнении могилы (12,5%). У 37,5% женщин в ногах стояли крупные тарные сосуды. В 75% женских погребениях найдены туалетные сосуды: глиняные (62,5%), стеклянные (12,5%), туалетная мисочка (12,5%). Только в одной (12,5%) могиле находилось мелкое орудие труда – пряслице. В одном (12,5%) захоронении были астрагалы.

Среди отличительных черт погребального обряда мужчин в некрополе выделяется наличие надгробий. Эта особенность прослежена только в одном захоронении. При этом в женских погребениях надгробия не зафиксированы. 93,3% мужских захоронений – одиночные. Только в одном (6,7%) захоронении с останками мужчины присутствовало более трех человек. 93,3% погребенных лежали вытянуто на спине, положение одного (6,7%) не определено. Руки, как правило, были вытянуты вдоль туловища, в одном (6,7%) случае – заведены под таз. Ноги были вытянуты параллельно друг другу. Костяки мужчин обычно были ориентированы в восточном секторе: на восток – 46,6%, на северо-восток – 20%, на юго-восток – 13,3%, в одном погребении (6,7%) была южная ориентировка, в одном (6,7%) – северо-западная, в одном (6,7%) определена не была. В большинстве могил присутствовало три (40%) либо более трех сосудов (40%), в 13,3% – по 2 сосуда, в одном (6,7%) – сосуды отсутствовали. Кувшины найдены слева (13,3% погребений), справа (13,3%), в ногах (6,7%) либо слева от ног костяка (6,7%). В 13,3% захоронений слева от костей ног умершего зафиксированы миски. В четырех захоронениях в ногах находились крупные тарные сосуды. В 26,6% погребений обнаружены глиняные туалетные сосуды, в 20% – стеклянные. Сочетание мисок, кувшинов, крупных тарных и туалетных сосудов прослежено в 20% погребений. 60% погребений содержали наступательное вооружение: мечи (46,7% погребений), копья (33,3%),

наконечники стрел (26,6%), меч с копьём и несколькими наконечниками стрел (26,6%). Из мелких орудий труда найдены нож (6,7% погребений), оселок (6,7%) и пряслице (6,7%).

Некрополь Волна 1.

В выборке некрополя Волна 1 представлено 354 захоронения, где был определен пол погребенных – 213 мужских и 141 женское. Только на этом памятнике с учетом ранее полученных данных удалось распределить материалы по трем группам, относящимся к разным периодам: 1) вторая половина VI – вторая четверть V в. до н.э. 2) третья четверть V – вторая четверть IV в. до н.э. 3) третья четверть IV – рубеж IV–III вв. до н.э. Это позволило не только выявить особенности характерные для мужского и женского погребального обряда, но и проследить процесс изменения этих обрядов во времени.

В первую группу вошли 94 мужских и 47 женских погребений. Анализ позволил выявить следующий набор признаков, связанных с полом погребенных: количество индивидов в могиле; их ориентировка; наличие и размещение кувшинов; мисок; наличие туалетных сосудов и наступательного вооружения.

Большинство женских захоронений первой группы – одиночные (68,1% погребений), 27,6% – парные, 4,3% – содержали останки трех человек. Почти везде прослежена ориентировка в восточном секторе: на восток – 59,6% погребенных, на северо-восток – 23,4%, на юго-восток – 6,4%, в западном секторе были ориентированы 10,6% костяков: на северо-запад – 4,3%, на юго-запад – 4,3%, на запад – 2,1%. Кувшины содержали 57,5% женских погребения. Они находились слева от ног (25,5% погребений), слева (12,8%), за головой (10,6%), справа (4,3%), справа от ног (4,3%) умерших. Миски помещались слева (23,4% погребений), в ногах (12,8%) или справа (6,4%) от погребенных. В 34%

погребений обнаружены туалетные сосуды. Сочетание кувшина с миской и туалетным сосудом прослежено в 34% захоронений. Предметы вооружения в захоронениях отсутствовали.

В 78,8% мужских захоронений находились останки одного индивида, 19,1% погребений – парные, только в 2,1% могил были зафиксированы останки трех человек. 93,6% костяков были ориентированы в восточном секторе: на восток – 47,9% погребений; на северо-восток – 25,5%; на юго-восток – 20,2%. В западном секторе было ориентировано 3,2% умерших, в северном – 2,1%, у одного погребенного (1,1%) ориентировка не определена. В 50% мужских захоронений присутствовали кувшины, стоявшие слева от ног умерших (35,1%), слева (6,4%), за головой (5,3%), справа (1,1%), в ногах (2,1%). В 42,6% захоронений найдены миски, расположенные слева от ног (21,3%), слева (17%), за головой (2,1%), в ногах, справа от ног (1,1%), на ногах (1,1%) погребенных. Сочетание кувшина и миски прослежено в 38,3% могил. Туалетные сосуды находились в 25,5% погребений: глиняные (21,3%) и стеклянные (4,3%). В одном (1,1%) захоронении сочетались мелкие глиняные и стеклянные сосуды. Предметы наступательного вооружения содержали 38,3% погребений. Везде находилось клинковое оружие: длинные (18,1% погребений) и короткие (18,1%) мечи, длинный меч и кинжал (2,1%). Древковое оружие содержали 14,9% захоронений: наконечник копья (9,6%), несколько копий (3,2%), копье и дротик (2,1%). Стрелковое вооружение представлено одиночными наконечниками стрел (9,6% погребений), либо наборами наконечников стрел (4,3%).

Во вторую группу объединены материалы 44 женских и 57 мужских погребений третьей четверти V – второй четверти IV вв. до н.э. Был определен набор признаков, связанный с интерпретатором «пол погребенных»: количество погребенных в могиле; их ориентировка; наличие и локализация в погребениях сосудов для питья; наличие туалетных сосудов; предметов наступательного вооружения и украшений.

52,3% женских захоронения – одиночные, 38,6% – парные, 6,8% – с останками трех человек, один женский скелет (2,3%) найден с останками более трех погребенных. Характерна ориентировка в восточном секторе: восточная – 54,5% погребений, северо-восточная – 20,5%, юго-восточная – 15,9%; в западном секторе ориентировано 6,8% умерших, в одном случае (2,3%) – ориентировка не определялась. В 29,5% погребений обнаружены сосуды для питья, помещенные слева от ног (13,6% погребений), слева (2,3%), справа (6,8%), за головой (2,3%) костяков. В 4,5% захоронений присутствовало два сосуда для питья: один слева, а другой слева от ног умерших. Туалетные сосуды были в 31,8% погребений. Сочетание сосуда для питья и туалетного сосуда представлено в 18,1% могил. Бусы были обнаружены у черепа умерших (4,5% погребений) или в заполнении погребальных сооружений (4,5%). В наборе украшений отмечены серьги (15,9% погребений), кольца (6,8%), ручные браслеты (4,5%) и подвески (4,5%). Предметы наступательного вооружения отсутствовали.

56,1% мужских погребений были одиночными, 26,3% – парными, 5,3% содержали останки трех человек, 12,3% – более трех. Для них также характерна ориентировка в восточном секторе: на восток – 42,1% могил, на северо-восток – 33,3%, на юго-восток – 24,6%. Сосуды для питья содержали 40,4% погребений. Они располагались слева от ног умерших (24,6% погребений), слева (8,8%), за головой (3,5%), на костяке (1,75%) или справа (1,75%) от погребенного. В 29,85% захоронений обнаружены туалетные сосуды: керамические (24,6%), стеклянные (3,5%, в одном (1,75%) – глиняный и стеклянный вместе. Сочетание туалетный сосуд – сосуд для питья прослежено в 19,3% захоронений. Клинковое оружие представлено длинными (17,5% погребений) и короткими (14%) мечами; древковое – одним (17,5% погребений) или несколькими (1,75%) наконечниками копья. Стрелковое вооружение было в 17,5% могил: одиночные наконечники стрел (12,3% случаев), несколько наконечников (3,5%), несколько

наконечников стрел и остатки колчана (1,75%). Украшения представлены перстнями в 7% мужских захоронений.

Третью группу составили материалы 50 женских и 62 мужских погребений третьей четверти IV – рубежа IV–III вв. до н.э.

Был установлен набор отличительных признаков, связанный с полом погребенных: количество индивидов в могиле; ориентировка погребенных; наличие туалетных сосудов; стрелкового вооружения и мелких орудий труда.

48% женских погребений – одиночные, 26% – парные, 6% – с тремя скелетами, 20% – более чем с тремя скелетами. Важной особенностью обряда является неустойчивая ориентировка. 74% погребенных ориентированы в восточном секторе: 42% погребений – на восток, 18% – на северо-восток, 14% – на юго-восток, в 16% захоронений ориентировка в западном секторе; в южном – 6%; в северном – 4%. Туалетные сосуды содержали 22% захоронений. Стрелкового оружия нет. Мелкие орудия труда представлены ножами (10% погребений), пряслицами (14%) и иглами (10%).

Количество погребенных в мужских захоронениях вариативно: 46,8% – одиночные, 29% – с останками более трех человек, 21% – парные, 3,2% – в погребении с тремя скелетами. В большинстве мужских захоронений прослежена ориентировка в восточном секторе: на восток – 50% могил; на юго-восток – 14,5%; на северо-восток – 11,3%, на юг – 8,1%, на север – 1,6%, на запад – 1,6%. В 12,9% захоронений ориентировка не определялась. Мелкие глиняные сосуды содержали 22,6% погребений, в 16,1% из них были солонки. Набор стрелкового вооружения представлен одиночными наконечниками стрел (21% погребений), либо несколькими наконечниками (4,8%). Особенностью обряда рассмотренной группы является разнообразие мелких орудий труда, представленных ножами (22,6% погребений), оселками (6,5%), пряслицами (1,6%), иглами (8,1%), шильями (4,8%).

Некрополь Артющенко 2.

Выборку из некрополя Артющенко 2 с определением пола погребенных составили 45 женских и 53 мужских захоронения. Анализ позволил выявить следующий набор признаков, связанных с полом погребенных: характер надмогильного сооружения; количество индивидов в могилах; их ориентировка; наличие и расположение в захоронениях сосудов для питья; наличие туалетных сосудов; наступательного вооружения и зеркал.

Большинство женских захоронений были совершены в прямоугольных и овальных ямах (53,3% погребений), 4,4% захоронений были «двухъярусными», 17,8% – в сырцовых ящиках, 4,4% – в сырцовом склепе, в остальных (20,1%) характер погребального сооружения не прослеживался. 66,6% захоронений являются одиночными, 26,7% – парными, 6,7% содержали три скелета. Преобладает ориентировка в восточном секторе: на восток – 44,5% погребений, на юго-восток – 33,3%, на северо-восток – 13,4%. Только в 4,4% – западная и в одном (2,2%) – северная, в одной (2,2%) могиле ориентировка определена не была.

28,9% погребений содержали сосуды для питья, которые находились слева (11,1% погребений), слева от ног (6,7%), справа (6,7%) от останков. В 4,4% погребениях было по два сосуда для питья – слева и в ногах погребенных. Туалетные сосуды содержали 40% погребений: глиняные – 35,6%, стеклянные – 4,4%. Оружие в женских захоронениях отсутствовало. В пяти могилах находились зеркала. Орудия труда присутствовали в 58% женских захоронений. Это ножи (4,4%), пряслица (26,7%), гвозди (4,4%), иглы (17,8%), шилья (8,9%).

Мужские захоронения совершены в прямоугольных или овальных ямах (33,9% погребений), а также в сырцовых ящиках (18,9%) и склепах (3,8%). В остальных случаях (43,4%) погребальные сооружения не прослежены. 67,9% погребений – одиночные, 28,3% – парные, 3,8% – были с останками трех

погребенных. В подавляющем большинстве захоронений прослежена ориентировка в восточном секторе: на восток – 49,1% погребений, на северо-восток – 32%, на юго-восток – 13,2%, только в 3,8% – южная, в одной (1,9%) – не определена. 32% погребений содержали сосуды для питья, расположенные слева от ног (15%), слева (7,5%), в ногах (3,8%), справа от ног (3,8%). В одном захоронении (1,9%) находились 2 сосуда для питья – слева и слева от ног умершего. 34% погребений содержали только туалетные сосуды. С оружием были похоронены 35,8% мужчин. У всех было древковое оружие: наконечник копья (30,2% погребений), копьё и дротик (3,8%), дротик (1,9%). Клинковое оружие представлено мечами: длинными (17% погребений) и короткими (17%). Стрелковое оружие было в 32% погребений. Это одиночные наконечники стрел (13,1% погребений), несколько наконечников (17%), несколько наконечников стрел и остатки колчана (1,9%). Зеркала в мужских захоронениях отсутствовали. Мелкие орудия труда представлены ножами (18,9% погребений), оселками (5,7%), пряслицами (1,9%), гвоздями (3,8%), иглами (9,4%) и шильями (5,7%).

Некрополи у поселка Виноградный (Виноградный 7, Виноградный-северо-восточный).

В некрополях у поселка Виноградный пол погребенных был определен лишь в 34 захоронениях: 21 женском и 13 мужских. Фактор-анализом был установлен следующий набор «гендерных индикаторов» обряда: характер погребального сооружения, количество погребенных в могиле, их общее положение и ориентировка, наличие и размещение мисок и кувшинов; наличие туалетных сосудов, стрелкового оружия; украшений и предметов ритуального назначения.

В «женской» выборке характер погребальной конструкции вариативен: обнаружено по 33,3% погребений в прямоугольных или овальных ямах, 19,1% –

в сырцовых ящиках, 14,3%; – в грунтовых склепах. Большинство захоронений – коллективные: 42,9% – парные, 9,5% содержат останки трех человек, в одном (4,7%) – более трех. Остальные погребения (42,9%) – одиночные. Почти во всех (95,3%) погребениях прослежено вытянутое положение на спине, только в одном (4,7%) – ничком. Ориентировка неустойчива. 61,9% костяков ориентированы в восточном секторе: на восток – 42,9%, на юго-восток – 9,5%, на северо-восток – 9,5%. Ориентировка в западном секторе прослежена в 38,1% погребений: западная – 19,1%, северо-западная – 14,3%, юго-западная – 4,7%. Кувшины, расположенные в ногах (9,55%), справа (14,3%), слева от ног (4,75%), за головой (4,75%) костяков и в заполнении могилы (9,55%), обнаружены в 42,9% погребений. Миски были обнаружены в ногах (14,3% погребений), слева (9,5%) либо справа (4,7%) от умерших. Туалетные сосуды содержали 66,7% погребений. Сочетание кувшин – миска – туалетный сосуд прослежено в четырех захоронениях. Стрелковое вооружение не найдено. В наборе украшений присутствовали серьги (в 19,1% погребений), кольца (14,3%), ручные браслеты (4,7%) золотые и серебряные застёжки (9,5%). Найдены монеты: в заполнении погребального сооружения (6 погребений), под нижней челюстью погребенных (9,5%).

Для мужчин характерны погребения в ямах: простых (овальных, прямоугольных, неправильной формы) – 61,5% и с заплечиками – 7,7%. В остальных случаях (30,8%) погребальные конструкции не прослеживались. Количество погребенных в могилах вариативно: 61,5% из них – одиночные, 23,1% – парные, 15,4% – с останками трех человек. 69,2% мужских костяков лежали вытянуто на спине, 7,7% – скорчено на спине, положение 23,1% умерших было нарушено в древности. В большинстве могил погребенные ориентированы в восточном секторе: на восток – 30,8%, на северо-восток – 15,4%, на юго-восток – 7,7%. На запад ориентированы 23,05% погребенных, у 23,05% ориентировку определить не удалось. Кувшины содержали 46,2%

погребений. Они располагались слева (15,4% погребений), в ногах (7,7%), на костяке (7,7%), за головой умерших (7,7%) и в заполнении могилы (7,7%). Еще 46,2% содержали миски, стоявшие справа (23,1% погребений), в ногах (7,7%), слева от костяков (7,7%) и в заполнении могилы (7,7%). Туалетные сосуды были в 61,5% захоронений. Набор миска, кувшин и глиняный сосуд прослежен в 38,5% погребений. Стрелковое вооружение было обнаружено в 23,1% погребений: в одном (7,7%) – 1 наконечник стрелы, в другом – несколько стрел, в одном (7,7%) – несколько наконечников стрел и остатки колчана. Набор украшений представлен перстнями (30,8% захоронений). В заполнении трех погребений обнаружены монеты.

Таким образом, отличительные особенности погребального обряда, связанные с полом погребенных, были прослежены в семи некрополях Азиатского Боспора: Волна 1, Артющенко 2, Фанагорийском, около мыса Тузла и поселения Виноградный (Виноградный 7; Вышестеблиевская 21, Виноградный–Северо-Восточный). Наиболее репрезентативный результат был получен при анализе материала некрополя Волна 1, где удалось не только выявить характерные черты погребальных обрядов, связанные с полом индивидов, но и проследить их изменение во времени.

Общей ожидаемой особенностью обряда было преобладание украшений и полное отсутствие предметов вооружения в инвентаре женских захоронений и наличие оружия в инвентаре погребений мужчин. Можно также отметить, что в мужской выборке реже, чем в женской, фиксируются отклонения от «канонической» для античных некрополей ориентировки в восточном секторе.

3.5. Сравнительный анализ погребальных обрядов.

Проведенное исследование позволило провести первичную классификацию погребальных традиций Азиатского Боспора (см. Прил. 3).

Класс в данном исследовании определялся как совокупность обрядов на территории исследуемого региона в конкретный период (См. С. 117). Основанием для (*формирования, образования*) выявления классов стало распределение погребальных традиций в некрополях в рамках установленной ранее (раздел 3.2 данной главы) периодизации их функционирования:

- 1 – вторая половина VI – первая половина V в. до н.э.
- 2 – вторая половина V – первая половина IV в. до н.э.
- 3 – вторая половина IV – рубеж IV–III вв. до н.э.

Наличие на нескольких погребальных памятниках близких наборов погребальных традиций позволяет объединить их в типологические группы,¹²⁷ которые и рассматриваются как типы погребальных обрядов. В рамках первого и третьего периодов удалось выделить по 4 группы, для второго – 5 групп. Подтипы были выделены на основании возрастной принадлежности погребенных:

1. Младенцы (от 0 до 3 лет);
2. Дети (от 3 до 14 лет);
3. Молодые люди (от 14 до 20 лет);
4. Зрелые люди (от 20 до 45 лет);
5. Пожилые люди (старше 45 лет).

Основой для выделения вариантов стал комплекс особенностей обряда, связанных с *датировкой, возрастом и полом* погребенных. Учитывались: характер погребального сооружения; способ обращения с телом погребенного; количество индивидов в могиле; их положение; ориентировка; количество сосудов с погребенным; характер керамического набора; наличие/отсутствие

¹²⁷ В данном исследовании типологическая группа определяется как группа, «объединенная связью объектов по множеству их частных сходств, которая существенно превышает подобную связь этих объектов с другими объектами (не входящими в группу), но не обязательно объединяет всех членов группы общностью учитываемых характеристик» (Клейн, 1991. С 361) .

оружия, украшений, орудий труда, предметов ритуального назначения в погребениях; останки напутственной пищи.

В четырех типологических группах первого периода было представлено 12 вариантов погребальных традиций, в пяти группах второго – 23, в четырех группах третьего периода – 39.

На основе конкретных значений признаков, коррелирующих с датировкой погребений, полом и возрастом умерших были выделены *подварианты*. В первом периоде выявлено 46 подвариантов, во втором – 56, в третьем – 82.

Эта классификация была использована для определения ареалов распространения погребальных традиций и выявления универсального и уникального в их эволюции во всех рассмотренных некрополях Азиатского Боспора. С этой целью для 25 некрополей региона было определено наличие или отсутствие подвариантов в каждом из выделенных классов (В результате были сформированы три класса). В ходе кластер-анализа были изучены связи между погребальными памятниками, а с помощью ГИС-технологий показано, как их группировка территориально менялась в течение трех выделенных периодов.

Для второй половины VI – первой половины V в. до н.э. были выявлены следующие типологические группы некрополей (см. Прил. 3; Прил. 5. Табл. № 1):

- 1) Ахтанизовской; Береговой 4; Суворовское; Гаркуша; у м. Панагия (4 варианта, 7 подвариантов);
- 2) Кеп; Горгии; у пос. Пересыпь (11 вариантов, 23 подварианта);
- 3) Фанагории; Гермонассы; у м. Тузла (12 вариантов, 31 подвариант);
- 4) Волна 1 и Артющенко 2 (12 вариантов, 46 подвариантов).

Меньше всего вариантов погребальных традиций представлено в типологической группе 1. В нее вошли некрополи, в которых открыто мало захоронений, их объединение в общий кластер можно связать с отсутствием

большинства вариантов погребальных традиций, представленных на других памятниках. Тем не менее, нельзя утверждать, что материалы, рассмотренные в этой группе, малоинформативны. Выявленные особенности свидетельствуют о наличии некоторых оригинальных черт в обряде группы 1, сближающих ее с выделенными группами 3 и 4.

Количество прослеженных вариантов погребальных обрядов в группе 2 значительно больше, чем в группе 1 (см. Прил. 5. Табл. № 2). При этом варианты I.Г.1а и I.Д.2, зафиксированные в группе 1, в группе 2 не представлены. В свою очередь, выявленные в группе 2 варианты I.Б.2а; I.Г.3г; I.Г.4г и I.Г.5, не прослежены в группах 1 и 3.

Группа 3 обладает большим своеобразием. Так, варианты I.А.2а.; I. А.2б; I.Б.3а; I.В.2; I. Д.1а; I.Д.1б; I.Д.1в; I.Д.2 не встречаются в группах 1 и 2. По набору вариантов погребальных традиций «территориальная» группа 3 наиболее тесно связана с группой 4.

Самая высокая вариативность погребальных обрядов прослежена именно в группе 4. Отчасти это можно связать с большей репрезентативностью ее материалов, обусловленной присутствием в этой группе многочисленного материала некрополя Волна 1. Однако выборка захоронений некрополя Артющенко 2, также входящего в группу 4, уступает по объему некоторым некрополям, вошедшим в группу 3¹²⁸. Вероятно, такое разнообразие вариантов погребальных обрядов, может объясняться и иными причинами, которые представляются весьма существенными для исторической интерпретации полученных результатов.

Территориальное распределение погребальных обрядов во второй половине V – первой половине IV в. до н.э. (см. Прил. 3) существенно

¹²⁸ Напомним, что в некрополе у м. Тузлы к VI – первой половине V в. до н.э. относятся материалы 84 погребений, в некрополе Артющенко 2 к этому же периоду относятся 77 погребений.

отличается от раннего периода. Для этого периода удалось выделить 5 групп некрополей (см. Прил. 5. Табл. № 2):

- 1) у м. Панагия, Ахтанизовской, Волна 4, Западно-Зеленского, Гаркуша (4 варианта, 8 подвариантов);
- 2) Береговой 4, Кучугуры, Горгиппии (10 вариантов, 11 подвариантов);
- 3) Артющенко 2 и Волна 1 (21 вариант, 49 подвариантов);
- 4) Кеп, Гермонассы, у пос. Пересыпь (12 вариантов, 24 подварианта);
- 5) Фанагории, Виноградного, у м. Тузла (19 вариантов, 39 подвариантов).

Во второй половине V – первой половине IV в. до н.э. возрастает как количество самих погребальных памятников, так и вариативность представленных в них обрядов. Меньше всего вариантов погребальных традиций фиксируется в группе 1 (у м. Панагия, Ахтанизовская, Волна 4, Западно-Зеленское, Гаркуша). Вариант II.Г.1б, представленный во всех некрополях этой группы, а также варианты II.Г.3а, II.Г.3б и II.Г.3г, выявленные в одном некрополе группы 1, не фиксируются в группе 2. Варианты II.Г.3а, II.Г.3б группы 1 не представлены в группе 3. Одновременно в обрядах группы 1 выявлено сходство с группами 4 и 5.

Группу 2 (Береговой 4, Кучугуры, Горгиппия) характеризует сочетание 10 подвариантов. Из них с группой 1 ее связывает лишь один подвариант (II.Г.3.в). Значительное сходство прослежено с группой 3 (8 общих подвариантов), но подварианты II. Б. 1.б и II. Г. 2. в., выделенные в группе 2, не представлены в группе 3. Наиболее тесно обряды группы 2 связаны с погребальными традициями, зафиксированными в группах 4 и 5. Однако подвариант II.Д.1а, представленный в группах 2 и 3, в группах 4 и 5 не прослежен. Таким образом, несмотря на значительное сходство с погребальными традициями групп 3, 4 и 5, обряды группы 2 отличаются определенной самобытностью, выраженной в заимствовании некоторых оригинальных черт погребального обряда из разных типологических групп.

Набор погребальных традиций, выявленный в некрополях группы 3 (Артюшенко 2, Волна 1), по сравнению с группами 1 и 2, является более пестрым. Большинство вариантов, выявленных в группах 1 и 2, представлены в группе 3. Однако подварианты П.Г.3а; П.Г.3б; П.Г.3в, прослеженные в группе 1 и подвариант П.Д.1а, выявленный в группе 2, в группе 3 не встречаются. Причем, 11 вариантов, присутствующих в некрополях группы 3, в группах 1 и 2 не выявлены. Набор погребальных традиций группы 3, несмотря на большое сходство, отличается от сочетания вариантов погребальных традиций, зафиксированного в группах 4 и 5. Так, варианты П.А.3; П.В.2; П.Д.2 и подварианты П.В.3б; П.В.3в; П.В.4б; П.В.4в; П.Г.1а; П. Г.4в; П. Г.4г; П.Д.1б; П.Д.1в представлены только в группе 3. Таким образом, погребальные обряды в группе 3 отличаются своей вариативностью. Несмотря на сходство с другими кластерами, группа 3 обладает рядом особенностей, о чем свидетельствует наличие большого числа вариантов погребальных практик, которые в других группах некрополей не встречаются.

Вариантов погребальных традиций в группе 4 (Гермонасса, Кепы, Пересыпь) выделено меньше, чем в группах 3 и 5. От остальных группу 4 отличает наличие подварианта П.Б.3а. Наибольшее сходство в погребальных обрядах обнаружено между группами 4 и 5. Все остальные варианты и подварианты погребальных обрядов группы 4 характерны и для группы 5.

Оригинальный набор погребальных традиций прослежен в группе 5 (Фанагория, Виноградный, Тузла). Вариант П.Д.3 и подварианты: П.В.1а; П. Г.3.в; П.Г.6; П.Д.3а характерны только для этой группы. Увеличение, в сравнении с предшествующим периодом, разнообразия погребальных обрядов в группе 5, а также включение в эту группу новых погребальных памятников, может сигнализировать об исторических событиях, вызвавших эти изменения. Это становится стимулом к последующей интерпретации этих процессов.

Территориальное распределение погребальных обрядов вновь меняется во второй половине IV – на рубеже IV–III вв. до н.э. (см. Прил. 3). В этот период выявляются 4 группы некрополей:

1) грунтовые некрополи у м. Панагия, Горгииппии, и курганный некрополь Кучугур (10 вариантов, 12 подвариантов);

2) грунтовый некрополь Пересыпи, грунтовый и курганный некрополи Гермонассы (19 вариантов, 29 подвариантов);

3) некрополи Волна 1 и у поселения Виноградный («Виноградный 7» и «Вышестеблиевская 21», «Виноградный Северо-Восточный») (34 варианта, 66 подвариантов);

4) грунтовые и курганные некрополи Кеп, Фанагории и у м. Тузла (30 вариантов, 55 подвариантов).

В связи с появлением новых курганных некрополей вновь увеличивается количество памятников и представленных в них погребальных обрядов. При этом по сравнению с ранним периодом функционирования некрополей число погребальных практик в некрополях возрастает почти вдвое: для данного периода на Азиатском Боспоре выделяется 39 вариантов и 82 подварианта погребальных традиций.

Меньше всего вариантов погребальных традиций фиксируется в группе 1 (некрополи у м. Панагия, Горгииппии и Кучугур). В нее вошли слабо исследованные памятники. Тем не менее, их набор погребальных традиций, включающий 10 вариантов, обладает определенным своеобразием. Так, представленные в группе 1 подварианты III.В.1а; III.В.8а.; III.Г.9.а не прослежены в группе 2. Подварианты III.Б.1а и III.Б.1б, выявленные для групп 1 и 2, в группе 3 не фиксируются. Подвариант погребальной традиции III.В.6б, наряду с группой 1, представлен лишь в группе 4.

Значительно более пестрый набор погребальных традиций, в сравнении с группой 1, прослежен в группе 2 (некрополи Пересыпи и Гермонассы) – 17

вариантов и 29 подвариантов. Несмотря на большое сходство с группой 3, набор погребальных традиций группы 2 отличается от сочетания вариантов погребальных традиций, зафиксированного в группах 3 и 4. Так, вариант Ш.Г.12 и подварианты Ш.Б.1а; Ш.Б.1б; Ш.Г.11б группы 2 в группе 3 не встречаются. Кроме того, вариант Ш.В.2 и подварианты Ш.Г.3в; Ш.Д.1а; Ш.Д.1б, выявленные в группах 2 и 3, не зафиксированы в группе 4.

Наиболее вариативное сочетание погребальных традиций обнаружено в группе 3 (некрополи Волна 1 и у поселения Виноградный («Виноградный 7» и курган «Виноградный северо-восточный 2») – 36 вариантов и 66 подвариантов. Большинство традиций, зафиксированных в группе 3, в целом близки погребальным обрядам, прослеженным в других группах. Их значительная часть характерна исключительно для групп 3 и 4. Только в этих группах выявлены варианты Ш.В.7; Ш.Д.2; Ш.Д.6; Ш.Д.7а, а также подварианты: Ш.В.3а; Ш.В.4б; Ш.В.4в; Ш.Г.1в; Ш.Г.4а; Ш.Г.4б; Ш.Г.4в; Ш.Г.4г; Ш.Г.5а; Ш.Г.5б; Ш.Г.8; Ш.Д.1а; Ш.Д.1б; Ш.Д.1в; Ш.Д.3а; Ш.Д.8а. Большое количество вариантов и подвариантов погребальных обрядов, фиксируемых в группе 3, в других группах не представлено. В частности, это варианты Ш.В.7; Ш.Г.8; Ш.Д.2; Ш.Д.6; Ш.Д.7 и подварианты Ш.В.3а; Ш.В.4б; Ш.В.4в; Ш.Г.1в; Ш.Г.4а; Ш.Г.4б; Ш.Г.4в; Ш.Г.4г; Ш.Г.5а; Ш.Г.5б; Ш.Д.1а; Ш.Д.1б; Ш.Д.1в; Ш.Д.3а; Ш.Д.8а. Это свидетельствует об уникальности обрядов, прослеженных в данной группе.

Не менее оригинальный набор погребальных традиций выявлен в группе 4 (грунтовые и курганные некрополи Кеп, Фанагории и у м. Тузла.). В ней представлены 32 варианта и 55 подвариантов погребальных практик. Их большая часть сближает данную группу с другими. Особенно тесно группа 4 связана с группой 3. Однако варианты Ш.В.10; Ш.В.11 и подварианты Ш.В.9б; Ш.Г.6б; Ш.Г.12а; Ш.Д.9б; Ш.Д.10а; Ш.Д.10б в остальных некрополях не

встречаются, что свидетельствует о самобытности некоторых погребальных традиций.

Таким образом, использование первичной классификации погребальных обрядов позволило выявить наборы погребальных традиций, характерных для каждого из некрополей Азиатского Боспора в рамках трех ранее выделенных периодов в истории их функционирования. В результате сопоставления этих наборов удалось установить распространение погребальных обрядов по территории региона. Памятники были объединены в группы на основании близости наборов погребальных традиций. Выделение нескольких групп некрополей, традиции каждой из которых обладают оригинальными чертами, свидетельствует о неоднородности погребальных обрядов, существовавших в регионе. В течение каждого из трех выделенных периодов наблюдается последовательное увеличение количества захоронений, числа самих памятников (некрополей) и представленных в них погребальных традиций, что обусловило изменение картины первоначального территориального распределения обрядов. Оно выразилось в перераспределении некрополей в составе групп и изменении их погребальных практик. С большой долей вероятности можно предполагать, что эти изменения были следствием крупных исторических процессов. Это требует серьезного анализа и интерпретации в историческом контексте.

Выводы.

1. Реализованная в работе методика, основанная на комбинированном использовании традиционных и статистических методов, а также применении ГИС-технологий позволили систематизировать большой объем информации о погребальных памятниках региона с одновременным учетом следующих факторов: хронологического, гендерного, социального. Ее поэтапное применение позволяет интерпретировать полученные результаты следующим образом:

2. В истории существования некрополей Азиатского Боспора выделены три базовых¹²⁹ периода:

- 1) вторая половина VI – первая половина V в. до н.э.;
- 2) вторая половина V – первая половина IV в. до н.э.;
- 3) вторая половина IV – рубеж IV–III вв. до н.э.

3. В большинстве некрополей Азиатского Боспора на каждом из вышеперечисленных периодов выделились отличительные черты обряда, характерные для пяти возрастных групп: младенцев (в возрасте от 0 до 2 лет), детей (в возрасте от 3 до 15 лет), молодых (в возрасте от 16 до 25 лет), зрелых (в возрасте от 25 до 45 лет) и пожилых людей (старше 45 лет).

4. В семи некрополях Азиатского Боспора (Волна 1, Артющенко 2, Фанагорийском, около мыса Тузла, Виноградный 7; Вышестеблиевская 21, Виноградный Северо-Восточный) прослежены различия в мужских и женских погребальных традициях.

5. На основании полученной информации разработана первичная классификация погребальных традиций Азиатского Боспора, применение которой дает возможность определить характер погребальных традиций в каждом из некрополей региона и сравнить погребальные памятники между собой.

6. По близости погребальных обрядов некрополи объединены в группы. В каждой группе прослеживается самобытность погребальных традиций. В результате установлено распределение погребальных обрядов на территории региона, которое последовательно менялась в течение трех обозначенных периодов. Это создает перспективу для интерпретации процессов, происходивших в погребальных практиках на Азиатском Боспоре в VI–IV вв. до н.э. в историческом контексте.

¹²⁹ Периодизация учитывает изменения погребальных традиций на всей рассматриваемой территории.

Глава 4

Погребальные обряды Азиатского Боспора VI-IV вв. до н.э. в историческом контексте

4.1. Основные принципы интерпретации погребальных обрядов как исторического источника.

Погребальный обряд – один из наиболее консервативных элементов культуры любого общества. Изменения, происходящие в погребальных традициях, являются безусловным свидетельством трансформации общественного сознания, норм, принятых в социуме. Изучение изменений погребальных обрядов во времени показывает, что они шли, как правило, не одновременно. Формирование новых погребальных традиций происходило в течение десятков или даже сотен лет. В то же время некоторые традиции оставались неизменными на протяжении всего времени функционирования некрополей. Погребальные обряды складывались под влиянием многих факторов и событий.

Кроме того, результаты исследования погребальных практик только в рамках строго определенного контекста (политического, экономического, этнического, социального и т.д.) не всегда объективны. Так, изучение погребальных обрядов в качестве источника по политической истории региона зачастую наталкивается на попытки связать характеристики обряда с историческими событиями напрямую, лишь с опорой на скудные данные письменной традиции. Такой подход к трактовке археологического источника (в данном случае, погребальных памятников Азиатского Боспора) противоречит сразу нескольким объективным факторам. Анализ изменений, связанных с эволюцией погребальных обрядов изучаемого региона, показал, что они происходили с «отставанием» от известных событий в его истории. Например,

полисы Азиатского Боспора вошли в единое политическое пространство (Боспорское государство) в конце V– начале IV вв. до н.э., однако трансформации в их погребальных обрядах, обусловленные этим событием, были зафиксированы только во второй половине IV вв. до н.э.¹³⁰ Очевидно, что события политической истории оказывали весьма опосредованное влияние на погребальные традиции. Нарративные источники по истории Боспора, которыми располагает наука, сравнительно малочисленны и фрагментарны. По этой причине напрямую связывать особенности погребальных обрядов с известными нам историческими событиями не представляется возможным. В этой области допустимы разве только более или менее обоснованные гипотезы, если они подкреплены косвенными источниками.

Можно предполагать, что на формирование погребальных обрядов в рассматриваемом регионе оказывали влияние социально-экономические процессы. Если на ранних этапах функционирования боспорских некрополей прослеживается примерно одинаковый уровень имущественного состояния населения, то уже к середине V в. до н.э. фиксируются признаки серьезного имущественного (и, видимо, социального) расслоения. Большое количество импортных предметов в захоронениях зажиточного населения Боспора свидетельствует об интенсификации торговых связей со многими регионами материковой и островной Греции, Малой Азии.

В то же время, стремление связать погребальный обряд лишь с экономической и социальной историей региона вновь наталкивается на серьезные противоречия. В частности, исследователи советского периода (особенно на ранних этапах) стремились к трактовке погребальных традиций почти исключительно с позиций формирования в регионе классового общества. Попытки соотнести различные категорий предметов в наборе сопроводительного инвентаря со статусом погребенных либо с родом их

¹³⁰ См. далее § 4.4

занятий неизбежно приводили к упрощенным, а то и ошибочным трактовкам материала. Так, согласно данным письменных источников, определенные категории сопроводительного инвентаря могли присутствовать или отсутствовать в захоронениях в связи с представлениями людей о загробной жизни, а вовсе не из-за их имущественного положения. Однако и интерпретация источника в контексте исключительно религиозной истории населения региона также затруднена противоречиями обратного порядка, тем более что религиозная жизнь древних греков отличалась исключительным многообразием и локальными особенностями, о которых применительно к Боспору судить весьма сложно.

Вероятно, критического отношения заслуживает и рассмотрение погребального обряда лишь в качестве источника по этнической истории региона. Недавние исследования, посвященные погребальным памятникам Азиатского Боспора, наглядно иллюстрируют несостоятельность позиций сторонников «этнического» направления, основанного исключительно на изучении дихотомии греческих и негреческих черт в погребальном обряде (см.: Сударев, 2005). Хотя, безусловно, новый подход, уходящий от традиционного рассмотрения греческого погребального обряда как единого целого, и тезис о взаимодействии разных групп населения колоний, большая часть которого происходила из различных метрополий материковой и островной Греции и Малой Азии¹³¹, являются логически верными шагами в изучении погребальных обрядов Азиатского Боспора. Однако некоторые положения работ современных тафологов, выполненных в контексте изучения этнической истории, представляются не совсем корректными. Попытки этнической интерпретации через прямое соотнесение элементов погребальных традиций метрополии и колонии, а также поиск аналогий в погребальных обрядах греческих колоний,

¹³¹ Предполагается, что разные группы населения обладали собственным набором погребальных традиций.

расположенных в других регионах (зачастую никак не связанных с исследуемыми), не всегда ведут к получению адекватного результата. Нередко не учитываются влияние на формирование погребальных обрядов географического расположения некрополя (в том числе наличие или отсутствие тех или иных природных материалов), а также неравномерность экономического развития отдельных полисов Боспора. В некоторых работах¹³² иногда полностью игнорируется даже ограниченная возможность взаимодействия колонистов с автохтонным населением сопредельных регионов. Наконец, при таком подходе редко обращается должное внимание на изолированный характер возникновения новых элементов погребальных традиций, связанных с изменением представлений людей о загробной жизни, формированием регионального (или локального) пантеона божеств и героев.

Прямое сопоставление информации, полученной в ходе анализа погребальных обрядов, и различных событий политической, социально-экономической или демографической истории Боспора видится малоэффективным. Представляется, что значительно более продуктивный результат может быть получен в ходе последовательного рассмотрения материала с разных позиций на уровне обобщения. Исторические процессы и события могли проявиться в обряде не напрямую, а косвенно. Причинно-следственные связи между сведениями из разных источников, не всегда очевидны, поэтому информация об изменениях в одной сфере жизни населения региона может выступать косвенным свидетельством трансформаций и в других областях. Именно в таком контексте предпринимается попытка интерпретировать некоторые особенности погребальных традиций.

Перспективы обоснованной интерпретации погребальных памятников могут быть связаны исключительно с масштабными историческими процессами, выявленными на основе всего комплекса нарративных и

¹³² См. далее § 4.2.1.2

археологических источников. Исторические события, известные по данным литературной традиции, эпиграфическим памятникам и подтвержденные археологическими материалами, определяют не только территориальные и временные границы возможных интерпретаций, но и дают направление для поиска причин изменений в погребальной практике. Следует вновь подчеркнуть, что поиск причин изменения погребальных традиций возможен лишь путем анализа исторической ситуации в регионе, как сложившейся на момент трансформации погребальных обрядов, так и предшествующей этим изменениям.

4.2. Погребальные обряды и этническая история региона.

Поскольку ведущим в отечественной науке является этнический подход, уместно первоначально проанализировать полученные результаты в этом аспекте. Обзор событий политической истории региона, а также анализ материала некрополей региона (см. Гл. 3), позволяют предположить, что этнический состав населения Азиатского Боспора был очень неоднородным и менялся с течением времени.

Современные представления об этнической истории региона выражают две разные позиции. Сторонники первой предполагают существование на Боспоре смешанного греко-варварского населения (Десятчиков, 1974; Масленников, 1981; Алексеева, 1982; 1991; Паромов, 2003. С. 239–265; 2006 С. 365–388; Горончаровский, 2005; Новичихин, 2006; Горончаровский, Иванчик, 2010. С. 218–235). Вторая, господствующая в отечественной науке, позиция сводится к тезису о присутствии в регионе преимущественно греческих переселенцев из различных центров античного мира (Яйленко, 1982; Виноградов, 1989; Кошеленко, Кузнецов, 1992, С. 6–45; Сударев, 2005; 2010. С. 418–473; Завойкин, 2013; Кузнецов, 2015. С. 250–278).

Обе точки зрения находят подтверждение как в нарративных источниках, так и в археологических материалах. Для данного исследования принципиально важно учесть каждую из них и предположить возможность взаимодействия греков-колонистов – выходцев из разных полисов – с этнически неоднородным «варварским» населением периферии Азиатского Боспора. Консерватизм погребальных обрядов требует рассмотреть не только процесс взаимовлияния погребальных практик разноэтнических групп населения, но и его механизм.

Очевидно, что резкие, существенные изменения в боспорских погребальных практиках под влиянием этнического фактора происходили только в случае прибытия в регион достаточно крупных иноэтнических групп. Появление многочисленных переселенцев, в свою очередь, могло быть обусловлено значимыми событиями в истории Азиатского Боспора и античного мира, в целом. Поскольку этнический состав населения мог меняться с течением времени, этот процесс целесообразно рассматривать в динамике, последовательно, с учетом трех ранее выделенных периодов.

4.2.1. VI – первая половина V в. до н.э.

4.2.1.1. Греки-колонисты.

Очевидно, что греки-колонисты, прибывшие на Азиатский Боспор, происходили из разных полисов. Согласно письменным источникам, одним из главных центров колонизации Северного Причерноморья был Милет. В частности, милетянами были основаны Борисфен (Hdt. VI. 78. 3), Ольвия (Ps.-Scymn. 813–814), Пантикапей (Strab. VII. 4. 4; Plin. NH. IV. 87) Феодосия (Arr. PPE. 30; Ps.-Arr. 77), а на Таманском п-ове – Кепы (Ps.-Scymn. 899; Ps.-Arr. PPE. 74).

Не столь однозначны сведения о населении, участвовавшем в основании Гермонассы. По свидетельству Дионисия Перизэгета, Гермонассу основали ионийцы под предводительством Гермона (Dion. Per. 541–553). Но в схолиях Евстафия к тексту Дионисия сообщается, что город был назван по имени Гермонассы, жены митиленца Семандра, который отвел в колонию некоторых эолян, но умер (Eust. Comm. ad Dion. Per. 549).

Фанагория, согласно письменным источникам, была основана теосцами: «Фанагория, которую основал Фанагор теосец, бежавший от насилия персов» (Ps.-Scymn. Per. 886–887; Ps.-Arr. PPE. 74; Eust. Comm. ad Dion. Per. 549). Однако, по свидетельству Геродота, за несколько лет до основания Фанагории теосцы, спасаясь от персидской экспансии, отплыли из Теоса во Фракию (Hdt. I. 168). Это противоречие в источниках находит убедительное объяснение в статье В.Д. Кузнецова: бежавшие в Абдере жители Теоса продолжали считать себя теосцами, а спустя несколько лет под влиянием внешних факторов они могли выселиться из Абдеры и основать Фанагорию (Кузнецов, 2015. С. 250).

Тема присутствия разных групп древнегреческого населения в регионе затрагивается в большом количестве работ. Исследователи, основываясь на данных письменной традиции, едины во мнении: ведущая роль в основании колоний в Северном Причерноморья принадлежала ионийцам при участии в этом процессе эолийских переселенцев (Масленников, 1981. С. 15; Яйленко, 1982. С. 270–272; Шелов-Коведяев, 1985. С. 49–50; Виноградов, 1989. С. 33–39; Кошеленко, Кузнецов, 1992. С. 16; Сударев, 2005. С. 35, 37–38, 58–61, 208; 2010. С. 424–425; Завойкин, 2013. С. 279–280; Ehrhardt, 1983. S. 229–230; Greaves, 2010. P. 134). Среди центров ионийской колонизации Боспора в литературе особо выделяются Милет и Теос, при этом вовсе не отрицается вероятность участия в основании апойкий на Боспоре представителей других городов Ионии. Поскольку известно, что в ионийской колонизации могли участвовать выходцы из Фокеи, Хиоса, Эрифр и Клазомен (Greaves, 2010. P. 134–135), то

допустимо предположить, что представители этих полисов могли оказаться в числе переселенцев на Азиатский Боспор. Судить об эолийском присутствии в регионе сложно: среди полисов Эолии в литературных источниках упоминается лишь Митилена. Тем не менее, по замечанию В.П. Яйленко, следы эолийского пребывания в Северном Причерноморье обнаруживаются в некоторых эпиграфических памятниках (Яйленко, 1975. С. 134–135; 1982. С. 268–276)¹³³.

Очевидно, анализ материалов боспорских некрополей при изучении этнической истории Азиатского Боспора требует особого, не столь прямолинейного подхода. В некоторых работах по античной тафологии прослеживается мысль, что переселенцы должны были автоматически переносить в некрополи на своей новой родине погребальные традиции своей метрополии (Савостина, 1993. С. 158–162; Сударев, 2005. С. 38). С точки зрения логики – это вполне правомерный тезис. Но даже в тех редких случаях, когда имеется возможность сопоставить материалы некрополей колоний с предшествующими по времени погребальными памятниками их метрополий, в них, как правило, обнаруживаются существенные различия. Например, К. Калинци, сопоставляя захоронения некрополя Теоса и «Плоского кладбища»¹³⁴ в Абдере, обнаружила, что погребальные практики колонии и метрополии, несмотря на ряд общих черт, существенно различались между собой, в частности, по характеру надмогильных сооружений (Kallintzi, 2004. P. 276). Исследовательница вполне обосновано связывает отсутствие курганов на теосском участке с нестабильной политической ситуацией в регионе и экономическим положением колонистов (Ibid. P. 277). Не углубляясь в анализ положений, высказанных К. Калинци, заметим, что даже беглый взгляд на

¹³³ Плиний (II, 206) упоминает поглощенные Понтом города близ Меотиды Пирру и Антиссу. Такая пара городов – Πύρρα и Ἄντισσα – известна только на Лесбосе (Strab. XIII. 2, 4). Поэтому В.П. Яйленко полагает, что наряду с Гермонассой на Тамани были еще две эолийские апойкии (Яйленко, 2024. В печати).

¹³⁴ «Плоское кладбище» в Абдере – это участок с теосскими захоронениями.

особенности погребальных практик Теоса и Абдеры в ранний период функционирования «Плоского кладбища» фиксирует их различие (Καλλιτζή, 2011. Ρ. 1207–1208). Они отмечены и в работах С. Фоча, посвященных западному некрополю Теоса (Foça, 2019. S. 18–26). Сопоставление некрополей в колониях коринфян в Южной Италии с материалами погребальных памятников их метрополии также демонстрирует различия (например, фиксируются разные способы обращения с телом погребенных).

Очевидно, что, несмотря на консервативность погребальных практик, полное их перенесение из метрополии в колонии не представлялось возможным в силу разных причин. Так, важным фактором, влияющим на «деформацию» погребальных традиций метрополии в новом регионе, были географические особенности «новой родины» переселенцев. Прибывшие в другой регион колонисты были вынуждены приспособливаться к местным природным условиям, что, безусловно, отражалось и на погребальных практиках. Ярким примером такой адаптации является отсутствие почти во всех ранних некрополях Азиатского Боспора сооружений из камня, которого на Таманском п-ове просто нет. А вот в районе современной Анапы обряд захоронения в сооружениях из камня был широко распространен, в том числе и в раннем некрополе Синдской Гавани.

Помимо того, особенности погребальных практик были обусловлены изменениями статуса переселенцев в процессе колонизации, что происходило уже при их отплытии из метрополии. Переселение представляло собой своего рода переход из старого сообщества, исторически сформировавшегося в метрополии, в новое – «колониальное». И даже если новое сообщество (новый полис) полностью сохраняло традиционную структуру (хотя представить полное отсутствие перераспределения социальных ролей в ходе колонизации весьма сложно), иные социально-политические условия неизбежно требовали от колонистов установления каких-то новых обычаев, религиозных норм и правил

существования общины. Это, безусловно, должно было отразиться и на погребальных практиках, формирующихся в регионе.

Прибавив ко всем перечисленным факторам скудость сведений, доступных из литературной традиции, легко понять, в сколь искаженном виде можно извлечь информацию из любого рассматриваемого источника о первоначальном составе колонистов Азиатского Боспора.

Переселение греков на Боспор из разных центров Ионии и Эолии объясняют необходимостью эмиграции из-за кризисных процессов и вооруженных конфликтов в метрополии. Колонии, возникшие на Боспоре Киммерийском в первой половине VI в. до н.э., могли быть основаны эллинами, эмигрировавшими из Милета после его поражения в борьбе с Лидией за земельные владения. (Кошеленко, Кузнецов, 1992. С. 19–23). Заключительный этап колонизации региона в третьей четверти VI в. до н.э. связан с основанием Фанагории (около в 540 г. до н.э.) (Hdt. I. 168; Ps.-Scymn. Per. 886–887; Ps.-Arr. PPE. 74; Eust. Comm. ad Dion. Per. 549).

Для получения по возможности наиболее объективной картины в работе был поэтапно рассмотрен процесс формирования самых ранних погребальных обрядов в некрополях и лишь затем с использованием данных иных источников (письменной традиции, материалов раскопок поселений, нумизматических и антропологических материалов и проч.) с помощью методов аналогий и исключения делались выводы о происхождении носителей выявленных погребальных традиций.

Существенно важно также учитывать последовательность возникновения греческих некрополей в регионе. Наиболее ранние греческие погребения, датированные не позднее второй четверти VI в. до н.э., выявлены только в некрополе у м. Тузла. Не позднее третьей четверти VI в. до н.э. фиксируется функционирование некрополей Гермонассы, Панагии и Волны 1. Последней четвертью – рубежом VI–V вв. до н.э. датируются наиболее ранние захоронения

Фанагории, Кеп, у пос. Гаркуша (Патрея), у поселения Суворовское, у пос. Пересыпь, Синдской Гавани (Ремар, Алексеевский, «Горпарк») и Артющенко 2. Не ранее первой четверти V в. до н.э. датированы первые погребения у ст. Ахтанизовской и поселения Береговой 4. Если соотнести эти данные со сведениями письменных источников и другими археологическими материалами, то обнаруживается, что процессу выведения большинства греческих колоний на Боспор относительно синхронны материалы только четырех некрополей: у м. Тузла, Гермонассы, Панагии и Волна 1. С учетом ограниченности информации литературной традиции даты основания большинства греческих апоекий установлены только благодаря тщательному анализу находок и стратиграфии поселений (см. Прил. 5. Табл. № 4).

Проведенный анализ (см. § 3.5) показал схожесть погребальных традиций в архаических некрополях Гермонассы, у м. Тузла и Фанагории, которые входят в одну типологическую группу. Причем, начало функционирования первых погребальных памятников на Азиатском Боспоре (например, некрополя у м. Тузла) фиксируется еще до основания Фанагории. Три некрополя (Гермонассы, Волны 1, у м. Панагии) появились приблизительно синхронно образованию Фанагорийского полиса. Безусловно, изучение материалов именно фанагорийского некрополя становится весьма значимым для сопоставительного анализа с другими погребальными памятниками. Во-первых, основание Фанагории около 540 г. до н.э. является наиболее точно датированным в ранней истории исследуемого региона событием, зафиксированным письменными источниками (Hdt. I. 168; Ps.-Scymn. Per. 886–887; Ps.-Arr. PPE. 74; Eust. Comm. ad Dion. Per. 549) и подтвержденным результатами археологических исследований (см.: Жебелев, 1953. С. 61, Долгоруков, 1990. С. 31, Кузнецов, 2010. С. 313–320; Завойкин, 2013. С. 280). Во-вторых, существуют сведения об участии в этом процессе теосцев (т.е. представителей не-милетской группы переселенцев). Соответственно можно утверждать, что не позднее времени

возникновения Фанагории в регионе присутствовала не-милетская группа ионийских колонистов.

Не отрицая в принципе вероятность присутствия теосцев в составе населения колоний, возникших в регионе ранее 540 г. до н.э., можно допустить, что в древнейших некрополях Азиатского Боспора хотя бы часть погребальных обрядов формировалась под влиянием иных групп ионийского населения, а возможно – и выходцев из Эолии¹³⁵. Участие же ионийцев в основании первых колоний в регионе, напротив, сомнений не вызывает. Так, в источниках отмечается присутствие в первой волне колонизации выходцев из Милета, который, согласно Плинию Старшему, являлся «матерью более девяноста городов, основанных на всех морях» (Plin. NH. 5. XXXI. 112). Участие представителей иных ионийских полисов в колонизации региона при отсутствии прямых упоминаний в письменной традиции остается дискуссионным. Однако всеми исследователями признается, что, наряду с милетянами и теосцами, в основании колоний могли принимать участие выходцы других ионийских полисов. Так, еще В. Д. Блаватский, ссылаясь на сведения Страбона (Strab. XI. 2. 4), обращал внимание на попытки клазоменцев «обосноваться на Азиатском Боспоре» (Блаватский, 1954. С. 28)¹³⁶.

Отсутствие надежных источников заставляет согласиться с позицией исследователей (Жебелев, 1953. С. 54; Кошеленко, Кузнецов, 1992. С. 19, Завойкин, 2013. С. 382–383), ограничившихся предположением, что до прибытия теосцев в колонизации региона могли участвовать выходцы из Милета, а также представители других, не упоминаемых источниками, античных центров Малой Азии, материковой и островной Греции.

¹³⁵ Вопрос о численности переселенцев эолийских (лесбосских) полисов в составе населения первых апоек и возможности их участия в сложении первых погребальных обрядов остается открытым.

¹³⁶ В принципе, на становление погребальных традиций могли влиять и выходцы из других областей Греции, а также отдельные представители народов Малой Азии (ликийцы, карийцы и лидийцы), влившиеся в состав населения метрополий и принявшие участие в колонизации. Но степень этого участия и сама их возможность влиять на обряды ранних греческих апоек не поддается оценке, а обсуждение этого вопроса при отсутствии прямых источников лишено смысла.

В этой связи актуальным представляется обращение к особенностям обрядов только в трех из выделенных ранее групп погребальных памятников Азиатского Боспора VI– первой половины V в. до н. э. Материал некрополей Ахтанизовской; Берегового 4; Суворовского; Гаркуши; у м. Панагия не рассматривался, т.к. неинформативен для решения поставленной задачи (см. § 3.5).

Итак, далее рассмотрим только 3 группы некрополей:

группа 1 – некрополи Фанагории, Гермонассы, у м. Тузла;

группа 2 – некрополи Кеп, Синдской Гавани и у пос. Пересыпь;

группа 3 – некрополи Волна 1 и Артющенко 2.

Разнообразие погребальных практик, зафиксированное в каждом из некрополей, дало основание предполагать присутствие в них захоронений переселенцев из разных греческих центров Ионии и Эолии¹³⁷. Поэтому важно рассмотреть именно те варианты и подварианты погребальных обрядов, которые представлены либо, напротив, отсутствуют в некрополе Фанагории и в других архаических некрополях Азиатского Боспора. Предполагается, что такое сравнение позволит обнаружить традиции, которые могли формироваться при участии теосцев. При анализе учитывались особенности обрядов, обусловленные изменениями во времени, полом и возрастом захороненных.

В результате проведенного исследования удалось установить следующие факты.

1. Большинство захоронений в некрополе Фанагории совершено *в грунтовых ямах* различных форм; кроме того, имеется небольшое количество *младенческих погребений в амфорах*. В раннем некрополе Фанагории обнаружено только одно захоронение в сырцовом ящике. Погребальные

¹³⁷ Некоторые погребальные обряды некрополя Волна 1 формировались и при участии автохтонного населения (см. ниже).

сооружения, представленные в некрополях Кеп и у пос. Пересыпь в целом не отличаются от фанагорийских. Ограничен набор погребальных конструкций и в некрополе Гермонассы: основным типом погребальных сооружений в нем являются грунтовые ямы различных форм и несколько сырцовых ящичков. К особенностям архаического периода существования этого некрополя можно отнести полное отсутствие захоронений в тарных сосудах.

Более разнообразен набор погребальных сооружений в некрополе у м. Тузла. Небольшая группа захоронений была совершена в ямах с углублениями у торцовых стенок, встречались погребения в грунтовых ямах с наброской из небольших необработанных камней.

В некрополе Синдской Гавани выделяются каменные ящички различных форм, нехарактерные для остальных синхронных времени возникновения некрополей Азиатского Боспора.

Самый вариативный набор погребальных конструкций выявлен в некрополях Волна 1 и Артющенко 2. С рубежа VI–V вв. до н.э. в них широко представлены захоронения в сооружениях из сырца. Единичные случаи использования таких конструкций отмечены в Кехах, Гермонассе и Фанагории. В некрополях у м. Тузла, Синдской Гавани и у пос. Пересыпь эти сооружения отсутствуют. В некрополях Волна 1 и Артющенко 2 они встречаются значительно чаще, их размер больше, а в сырцовых могилах совершались как одиночные, так и коллективные захоронения. В некрополях Фанагории и Гермонассы раннего периода погребения такого типа носили исключительно одиночный характер, в сооружениях из сырца были обнаружены останки только зрелых и пожилых людей, а в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 в них могли быть захоронены люди всех возрастных категорий. В связи с этим особо выделяется парное захоронение двух детей, совершенное в сырцовой гробнице в некрополе Артющенко 2 (Кашаев, 2007. С. 24).

Обращает на себя внимание высокая вариативность конструктивных особенностей сооружений из сырца, зафиксированных в некрополях Волна 1 и Артющенко 2; причем, в некоторых сырцовых ящиках обнаружено наличие ровиков.

2. В раннем некрополе Фанагории не выявлены случаи *кремации*. Следует отметить, что во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. такой способ обращения с телом на Азиатском Боспоре почти не встречается. Единичные случаи кремации представлены только в некрополях у м. Тузла, Синдской Гавани и Артющенко 2. В некрополях Артющенко 2 и у м. Тузла¹³⁸ они были совершены на месте. В кремации некрополя Артющенко 2 останки принадлежали зрелой женщине, в некрополе у м. Тузла пол и возраст погребенного не были определены. В некрополе Синдской Гавани зафиксирован единственный в регионе случай захоронения по обряду кремации в урне (на стороне). Согласно определению Г.П. Романовой (Алексеева, 1991. С. 53), это погребение принадлежало зрелой женщине в возрасте 40 лет.

3. В группе погребальных памятников, включающей некрополь Фанагории, прослежено значительно меньше вариантов захоронения индивидов *в скорченном положении*, чем на других памятниках. При этом все погребения принадлежат младенцам. В некрополе у пос. Пересыпь обряд захоронения в скорченном положении почти не встречается. В некрополях Волна 1 и Артющенко 2 скорченное положение погребенных в могиле, напротив, распространено достаточно широко. Оно обнаруживается как в младенческих захоронениях, так и в могилах молодых и зрелых людей, Только в этих двух некрополях погребения младенцев в скорченном положении могут встречаться в составе коллективных захоронений. В некрополях Волна 1 и Артющенко 2 в ранний период вариативность расположения погребённых в могиле была выше,

¹³⁸ Сведения о кремации в некрополе у м. Тузла использовались без учета уточнений, представленных в работе С.В. Кашаева и Н.И. Сударева и опубликованной в 2023 г. (Кашаев, Сударев 2023а)

чем в остальных, например, фиксировалось вытянутое расположение похороненного ничком. В некрополе у м. Тузла обряд погребения в скорченном положении выявлен в младенческих захоронениях и могилах зрелых людей. В некрополе Гермонассы скорченное положение погребенных обнаружено только в захоронениях молодых и зрелых людей. Достаточно часто обряд захоронения в скорченном положении встречается в некрополях Синдской Гавани. В ранний период наибольшее распространение такое расположение захороненных получает в некрополе Кеп. Так могли быть погребены представители всех возрастных групп. Кроме того, в некрополе Кеп прослежена самая высокая вариативность положения индивидов в могиле (скорченно на левом и правом боку, на спине, на животе).

4. В наборе инвентаря в некрополе Фанагории чаши встречаются гораздо чаще, чем кувшины, причем случаи, когда в погребении сочетаются оба типа сосудов, очень редки. Несколько иная ситуация прослежена в некрополях у м. Тузлы и Гермонассы: чаш значительно больше, чем кувшинов, при этом процент захоронений, где одновременно выявлены кувшины и чаши, выше, чем в некрополе Фанагории.

В некрополях Кеп, Синдской Гавани и Артющенко 2 чаши и кувшины встречаются примерно в равном количестве при незначительном преобладании последних. Сочетание чаш с кувшинами в этих некрополях отмечается редко.

В некрополе Волна 1 кувшины фиксируются чаще, чем чаши, при этом комбинация «кувшин – чаша» там значительно частотнее, чем в других некрополях региона. В некрополе у пос. Пересыпь обнаружены только кувшины.

Кувшины во всех некрополях, где удалось определить возраст захороненных, обычно фиксируются в погребениях взрослых людей, сосуды для питья – детей.

Особенности обрядов, выделенные в каждой из трех групп некрополей, свидетельствуют о вариативности погребальных практик населения даже в одном некрополе. Это позволяет предполагать, что в основании каждой из колоний могли участвовать переселенцы, происходившие из разных греческих центров.

Пытаясь определить происхождение некоторых традиций, мы сочли уместным сопоставить особенности обрядов некрополей Азиатского Боспора с материалами некрополей метрополий, известных по данным письменной традиции.

Метрополией Кеп назван Милет (Ps.-Scymn. 899; Ps.-Arr. PPE. 74)¹³⁹. Вполне вероятно, что милетяне могли принимать участие в основании и других греческих поселений региона, однако сведения об этом в источниках отсутствуют. Архаический некрополь самого Милета почти не исследован, поэтому информация о характере обрядов милетян в VII–V вв. до н.э. крайне ограничена: в грунтовом некрополе Heiligen Straße зафиксировано всего семь погребений VII–VI вв. до н.э. (Forbeck, Heres, 1997. S. 5–38). Фрагментарность источника не позволяет сравнить материалы некрополей самого Милета с погребальными памятниками исследуемого региона.

Метрополией Фанагории, согласно нарративной традиции, был Теос. Поэтому для поиска «теосских» особенностей в захоронениях Азиатского Боспора были рассмотрены материалы Западного некрополя Теоса, где исследованно всего 22 погребения VI в. до н.э. (Foça, 2019). Эта выборка

¹³⁹ По мнению Н.И. Сударева, городище у поселка Пескокарьер и его некрополь либо не являются Кепами, либо Кепы не были колонией Милета (Сударев, 2005. С. 238). Среди «не-милетских» особенностей в обрядах этого некрополя исследователь выделяет «абсолютное преобладание» детских погребений в сосудах, вариации в положении погребенных (2005. С. 60, 135). Сходство этих элементов погребальных практик в захоронениях Кеп и Фанагории позволило ему предположить, что «милетские Кепы уже в конце VI – начале V в. до н.э. попадают в зависимость (от последней), вызвавшую смену культа и обрядов» (2005. С. 145).

достаточна только для получения самого общего представления о синхронных процессу колонизации погребальных обрядах теосцев.

Слабая информативность материалов захоронений Милета и Теоса создает проблему в определении особенностей их погребальных практик и обнаружении этих особенностей в рассматриваемых группах некрополей изучаемого региона. Если предполагать, что в колонизации Азиатского Боспора участвовали выходцы из разных полисов Ионии, и их погребальные обряды были во многом похожи, то возникает необходимость выделить в «общеионийских» погребальных практиках специфически «милетские» или «теосские» черты. Иначе при интерпретации материала можно ошибочно отнести какие-то характерные сразу для нескольких полисов Ионии особенности к митетским или теосским. В связи с этим были изучены материалы захоронений некрополей других полисов Ионии. Тем более что их представители, принимая участие в колонизации Азиатского Боспора, могли привнести в колонии свои погребальные традиции. Возможность присутствия или отсутствия переселенцев из разных ионийских центров также необходимо было верифицировать.

Были проанализированы материалы архаических некрополей полисов, исследованных раскопками, результаты раскопок которых в той или иной степени опубликованы. Это некрополи *Клазомен* (Boysal-Öğün, 1964. S. 12–13; Bakır, Anlağan, 1980. S. 87–90; Hürmüzlü, 2004. S. 77–95; 2005. S. 39–68.), *Эрифр* (Özyiğit, 1990. S. 125–150; TAŞ, 2016), *Фокеи* (Özyiğit, 1991. S. 127–154; 1993. S. 1–22; 1998. S. 763–794; 2000. S. 33–46; 2001. S. 1–14; 2003. S. 333–350; 2005. S. 43–50; 2008. S. 489–512; 2013. S. 173–190), *Эфеса* (Scherrer, 2000; TAŞ, 2016) и *Смирны* (Akurgal, 1999 S. 33–48; 1999a S. 51–69; Foça 2021. S. 98–102).

Материалы этих некрополей были учтены в ходе проведенного исследования. Для этого предпринимались следующие шаги:

1. В ранее выделенных группах некрополей Азиатского Боспора определялись комплексы специфических характеристик, маркирующие их погребальные практики;

2. В материалах захоронений обозначенных выше метрополий выявлялось наличие или отсутствие этих комплексов;

3. Проводился сравнительный анализ, результаты которого нашли применение в дальнейшей работе по интерпретации происхождения традиций из определенного ионийского полиса или нескольких полисов (см. далее).

К сожалению, характер публикаций материалов некрополей полисов Ионии позволил получить лишь самое общее представление о практиковавшихся там погребальных практиках. Это заставило в ходе анализа сравнивать погребальные обряды некрополей Азиатского Боспора с погребальными традициями не только метрополий, но и других их колоний, если известно, каким центром и когда эти апойкии были основаны. Так, установлено, что одновременно (или несколько раньше¹⁴⁰) с полисами Азиатского Боспора милетянами был основан ряд других колоний в Причерноморье (Hdt. IV. 18; 78; Ps.-Scymn. Per. 768, 798; 813–814; 899; X. V. 5. 3 f; Plin. NH. IV. 87; Strab. VII. 4. 4; VII. 6. 1; VII. 6. 2; XII. 3. 2; XI. 2. 14; Arr. PPE. 14, 30; Ps.-Arr. PPE. 74). Исходя из данных о времени основания милетских колоний и наличии исследованных архаических захоронений, были учтены материалы некрополей четырех милетских колоний: Борисфена (132 погребения), Ольвии (159 погребений), Пантикапея (125 погребений), Истрии (100 погребений). Их материал был использован для поиска «милетских» черт в погребальных традициях памятников Азиатского Боспора.

¹⁴⁰ Из числа греческих колоний в Причерноморье, основанных в пределах второй половины VII – второй половины VI в. до н.э., милетскими, по сведениям письменных источников, являются: Аполлония Понтийская (Strab. VII. 6. 1), Томы (Strab. VII. 6. 2), Тира (Ibid.), Березань (Hdt. IV. 78), Ольвия (Hdt. IV. 18), Феодосия (Arr. PPE. 30; Ps.-Arr. 77), Диоскурия (Arr. PPE. 14), Фасис (Hdt., I.2, I. 104, II. 103, IV. 37, IV. 38, IV. 86, IV. 45, VI. 82; Ps.-Scymn. Per. 928–931; Strab. II. 1. 39) и Пантикапей (Strab. VII. 4. 4; Plin. NH. IV. 87).

Учитывая, что погребальные традиции колонистов могли значительно отличаться от обрядов их метрополии, имеет смысл обратиться также к материалам «Теосского кладбища» в некрополе Абдеры, куда, согласно данным письменных источников, выселилась группа теосских колонистов, бежавших от персидского нашествия ок. 546/45 гг. до н.э.

К сожалению, на данный момент обобщающих работ, посвященных теосским участкам VI–V вв. до н.э. в некрополях Абдеры, нет. Но и ограниченная информация об обрядах, прослеженных на «Теосском кладбище» (Kallintzi, 2004. P. 274–280; 2006, P. 143–153; Καλλιτζή, 2011. Σ. 1207–1210), дает возможность судить об их близости (или *не* близости) обрядам некрополя Фанагории.

Для сравнения с некрополями Азиатского Боспора удалось учесть 22 захоронения Теоса и 72 погребения на теосских участках в архаических некрополях Абдеры (Παλιόχωρα, Χορτολίβαδο). Однако, по свидетельству К. Калинци, установлено, что теосцы использовали эти некрополи совместно с клазоменцами (1997. Σ. 639–641; 2004. P. 277–278). Чтобы не допустить некорректной интерпретации данного материала, приняв клазоменские особенности погребальных практик за теосские (и наоборот), возникла необходимость рассмотреть более ранние захоронения в Абдере. Это позволяет выделить те погребальные практики, которые существовали здесь до прибытия теосцев.

Археологические материалы, полученные в ходе исследования архаического некрополя Абдеры в 1982–1989 гг., дают представление о погребальных обрядах этого полиса в VII – первой половине VI в. до н.э. (Σκαρλατίδου, 2010). Большинство погребений здесь совершены по обряду кремации. Это существенно отличает погребальные обряды некрополя Абдеры VII – первой половины VI вв. до н.э. от теосских обрядов второй половины VI – первой половины V вв. до н.э.

Сопоставление особенностей обрядов некрополей Азиатского Боспора с погребальными традициями Милета, Теоса, других полисов Ионии, ионийских колоний в Причерноморье и Восточной Фракии позволяет установить следующее.

1. В целом, погребальные обряды во всех рассмотренных ионийских некрополях близки между собой. Хотя различия в погребальных практиках, безусловно, фиксируются, в частности, в *характере погребальных сооружений*. Так, в архаических некрополях ионийских колоний Причерноморья доминируют захоронения в простых грунтовых ямах различных форм, а в их метрополиях – более широкое распространение получают захоронения в саркофагах и каменных ящиках (см. Прил. 5. Табл. №5). Очевидно, это может объясняться не столько разницей в происхождении, сколько особенностями природных условий и экономическими причинами.

Однако некоторые типы погребальных конструкций могут свидетельствовать и о различиях в происхождении погребенных. В частности, это проявляется в наличии или отсутствии захоронений в крупных тарных сосудах в некрополях колоний и их метрополий. Для некрополей Пантикапея (Шкорпил, 1909; 1909а; 1914; 1916; Сорокина, Сударев, 2000. С. 197; Сударев, 2005. С. 144), Ольвии (Скуднова, 1988. С. 9, 46, 49–50, 67; Папанова, 2002. С. 184; Прил. 5. Табл. №5) и Борисфена (Доманский и др., 1989. С. 58) такие погребения нехарактерны (они фиксируются крайне редко). Согласно данным письменной традиции, эти колонии были основаны выходцами из Милета. Значит, погребения в крупных тарных сосудах не являются отличительным признаком милетских погребальных практик. Не случайно Н.И. Сударев также указывал на «не-милетское» происхождение этой особенности погребального обряда (Сударев, 2005. С. 144). В самом Милете ситуация менее однозначна: малое количество архаических захоронений в его некрополе не позволяет уверенно судить об этой черте погребального обряда. Кроме того, все

милетские захоронения VI в. до н.э. совершены в погребальных сооружениях иных типов (Forbeck, 2016. S. 151–154; Прил. 5. Табл. №5). На Азиатском Боспоре погребения в крупных тарных сосудах отсутствуют в некрополе Гермонассы, слабо представлены в некрополях Синдской Гавани и Артющенко 2 (Прил. 5. Табл. №5).

В некрополях Теоса (Foça, 2018. S. 147–148; 2019. S. 62–63; Прил.5. Табл. №5), Абдеры (Κρανιοτή, 1984. Σ. 435; Koukouli-Chrysanthaki, 1991. P. 33–77; Καλλιτζή, 1997. Σ. 633–644; Прил. 5. Табл. № 5), Клазомен (Hürmüzlü, 2004. P. 82–84; 2005. P. 45; Tzannes, 2004. P. 107–108; TAŞ, 2016. S. 54–55, 99–100) и Смирны (Akurgal, 1999. P. 33–34; Kayan-Öner, 2013. S. 135; TAŞ, 2016. S. 57, 108–109) погребения в крупных тарных сосудах встречаются значительно чаще. А на Азиатском Боспоре наиболее широко такие захоронения представлены в некрополях Фанагории и у м. Тузла, входящих в одну группу. Это дает основание предполагать, что традиция захоронений в крупных тарных сосудах могла быть перенесена в Абдере и в некоторые колонии Азиатского Боспора переселенцами из Северной Ионии.

Эта версия находит подтверждение и в письменных источниках (Hdt. 1. 168; Ps.-Scymn. Per. 886–887; Ps.-Arr. PPE. 74; Eust. Comm. ad Dion. Per. 549), и в археологических данных. В частности, К. Калинци при раскопках некрополей Абдеры обнаружила, что со второй половины VI в. до н.э. в них осуществлялось совместное использование участков выходцами из Клазомен и Теоса (Καλλιτζή, 1997. Σ. 644).

В архаических некрополях Абдеры (Παλιόχωρα и Χορτολίβαδο), где явно фиксировалось присутствие клазоменцев (первых переселенцев из Северной Ионии в Абдере), было обнаружено большое количество захоронений в крупных тарных сосудах. Эта традиция была распространена в Абдере еще до прибытия теосцев в Восточную Фракию (Skarlatidou, 2004. P. 249–261; Σκαρλατιδου, 2010. Σ. 53–146).

2. Способ обращения с телом погребенного не так убедительно маркирует происхождение переселенцев, но все же представляется не менее важной характеристикой погребального обряда. Интересно рассмотреть распространение обряда кремации, который крайне редко (только в трех случаях) обнаруживается в архаических некрополях Азиатского Боспора. На Европейском Боспоре этот обряд распространен шире (Сударев, 2005. С. 118–121). Среди архаических некрополей милетских апоекий Причерноморья захоронения по обряду кремации чаще всего совершались в Пантикапее¹⁴¹. В других милетских колониях – Ольвии и Борисфене – погребения по обряду кремации встречаются значительно реже, а в архаическом некрополе Истрии они вовсе не прослежены (Telegada, 2003. S. 12–32; Прил. 5. Табл. №5).

Для большинства изученных архаических некрополей городов Ионии, за исключением Эрифр и Смирны (ТАŞ, 2016. S. 92–95. Tabl. 8; S. 108–112. Tabl. 16), характерен биритуализм (сочетание кремации и ингумации) в обряде. Кремации выявлены в архаических некрополях Теоса (Foça, 2019. S. 18–25; см. Прил. 5. Табл. №5) и Милета (Forbeck, 2016. S. 151–157; см. Прил.5. Табл. №5). При этом в обоих некрополях процент кремаций от общего числа захоронений достаточно высок. Вероятно, этот способ обращения с телом практиковался там достаточно часто, однако ничтожно малое число архаических захоронений в этих некрополях не позволяет с достаточной уверенностью это утверждать.

Относительно широко обряд кремации представлен и в некрополях Клазомен: кремации там составляют более 9% от общего числа захоронений (ТАŞ, 2016. S. 100. Tabl. 12.). На исследованном участке архаического клазоменского некрополя в Абдере число кремаций несколько меньше – 7,1% от

¹⁴¹ Данное заключение, безусловно, является предварительным. Как уже отмечалось, большинство архаических некрополей колоний Милета в Причерноморье не изучены. Например, не представляется возможным рассмотреть материалы некрополя Аполлонии Понтийской. С учетом того, что обряд кремации практиковался в Аполлонии в классический период, ранний некрополь этой апойкии по количеству кремаций, возможно, не уступал Пантикапею (например, см.: Венедиков и др., 1963. С. 14–16; Hermany, Varalis, Panayotova et al. 2010. P. 19–23).

общего числа погребений (Σκαρλατιδου, 2010. Σ. 53–146, 391). Более высок процент захоронений по обряду кремации на теосских участках в некрополях Παλιόχωρα и Χορτολίβαδο (Κραμιουτη, 1984. Σ. 431; Καλλινητζή, 1997. Σ. 634–635). По-видимому, обряд кремации очень часто практиковался в некрополе архаической Фокеи. К сожалению, материалы этого некрополя не были полностью опубликованы, однако было установлено, что с эпохи архаики до III в. до н.э. ингумации и кремации встречаются в нем в равной степени (Özyiğit, 1991. S. 137; 2000. S. 4; TAŞ, 2016. S. 113–114). Погребение по обряду кремации зафиксировано и в некрополе архаического Эфеса, однако с учетом малочисленности могил судить о том, насколько этот способ обращения с телом был распространен, не представляется возможным.

Более существенен характер самих кремаций. На Азиатском Боспоре в двух случаях кремация осуществлялась на месте и только в одном захоронении – в урне (т.е. на стороне). В некрополе Пантикапея, напротив, почти во всех погребениях после сожжения умершего его останки помещались в урну. В других рассмотренных некрополях милетских колоний в Причерноморье ситуация менее однозначная. Так, в Борисфене большинство известных кремаций осуществлялось на стороне, а в Ольвии, наоборот, на месте. В некрополях полисов Ионии, в колонии клазоменцев и теосцев в Абдере кремации примерно равных пропорциях осуществлялись как на месте, так и на стороне.

Таким образом, некорректно связывать появление кремаций в некрополях Азиатского Боспора с каким-либо одним центром греческого мира. Весьма вероятно, что этот обряд не получил широкого распространения в исследуемом регионе. На Европейском Боспоре, очевидно, трупосожжение было распространено шире, причем наибольшее количество кремаций фиксируется в Пантикапее. Присутствие в трех некрополях Азиатского Боспора только единичных кремаций (в двух случаях совершенных на месте и лишь в одном –

на стороне), как представляется, указывает на различия, существовавшие в погребальных традициях греческих апойкий на разных берегах Боспора Киммерийского уже на момент начала колонизации региона. Особенно четко эта разница прослеживается при сопоставлении материалов некрополей Таманского п-ова с архаическими захоронениями Пантикапея.

3. Разные варианты расположения погребённых в захоронении являются свидетельством происхождения греческих переселенцев только в соотношении с другими особенностями погребальных практик. Проблема выделения этой черты погребального обряда в качестве «этнического» маркера в современном антиковедении остается дискуссионной. В диссертации Н.И. Сударева (2005. С. 136–143) при рассмотрении различных вариантов «скорченности» в захоронениях Боспора подробно рассматриваются две основные точки зрения на данный вопрос. Согласно первой, в позе погребенных могли отразиться различия в погребальных практиках греческого мира и варварских племен (Белов, 1948. С. 32; 1950. С. 278; 1978. С. 51, 52; 1981. С. 171, 178; Пятышева, 1949. С. 122–124; 1957. С. 251–254; Стржелецкий, 1948. С. 95; Марченко, 1956. С. 115; Коровина, 1964. С. 93–94; Лапин, 1966. С. 212; Масленников, 1976. С. 112–126; 1981. С. 29–30). Согласно второй, поза погребенного обусловлена положением индивида в социуме (Стоянов, 2002. С. 297–301; Рогов, 2002. С. 144).

Н.И. Сударев, учитывая обе точки зрения, справедливо предлагает рассматривать эту черту погребального обряда в контексте вариаций обряда конкретного некрополя, а не как свидетельство «варварских влияний» (Сударев, 2005. С. 136–143). Кроме того, проблема различных вариантов «скорченности» в погребениях Боспора, по его мнению, заслуживает иного подхода, заключающегося в необходимости рассматривать эту особенность обряда в контексте происхождения колонистов Боспора из разных центров греческого мира (Сударев, 2005. С. 143).

Такая позиция представляется весьма актуальной. Заманчиво предположить, что вариации расположения погребенных в могилах, отражающие локальные различия погребальных практик архаических некрополей Азиатского Боспора, могут быть связаны с происхождением колонистов из разных центров греческого мира. Однако при более внимательном рассмотрении вопроса, ситуация представляется не столь однозначной.

Во всех архаических захоронениях милетских колоний Причерноморья доминирует вытянутое положение погребенного на спине. При этом в некрополях могут встречаться и иные варианты расположения погребённых. В некрополе Пантикапея практически во всех захоронениях, где прослеживалась поза погребенных, они лежали на спине вытянуто. В некрополях Ольвии и Истрии процент отклонений от «традиционного» положения усопших относительно невысок. Тем не менее, в этих некрополях, наряду с вытянутым на спине положением погребенных, фиксируются погребенные в скорченном положении на левом или правом боку, а также на спине (см. Прил. 5. Табл. №5). Наибольшее число погребений, где человеческие останки находились в ином (не вытянутом) положении, выявлены в некрополе Борисфена. В значительной части могил этого некрополя погребённые лежали скорченно на левом либо правом боку и на спине¹⁴² (см. Прил. 5. Табл. №5).

В некрополях ионийских полисов прослеживается аналогичная ситуация: при общем доминировании положения погребенных вытянуто на спине процент отклонений от такой, «традиционной», позы существенно разнится. Так, в выборках архаических некрополей Милета, Эфеса и Теоса зафиксировано исключительно вытянутое положение на спине (Forbeck, 2016. S. 151–154; ТАŞ, 2016. S. 80–85; Foça, 2019. S. 26–27, Ek.1. S. 1–22, 318; Прил. 5. Табл. №5). Иное

¹⁴² В одном случае положение останков было нарушено в древности, очевидно, при совершении более позднего захоронения.

(не вытянутое) положение погребенных отмечено в некоторых захоронениях в клазоменских некрополях Монастаркии и Ак-Пинаре (Tzannes, 2004. P. 107; Şimşek, 2016. S. 103). К сожалению, их число не поддается точному учету, ввиду того, что материалы этих памятников не были опубликованы полностью. По этой же причине невозможно судить о вариативности положения покойных в захоронениях Фокеи, Эфеса, Эрифр и Смирны.

Более определенное представление о рассматриваемой детали обряда дают материалы, полученные в ходе изучения клазоменского участка в архаическом некрополе Абдеры. Различные отклонения от «традиционного» вытянутого положения встречаются там не менее чем в 7% ¹⁴³ от общего числа исследованных могил (Σκαρλατιδου, 2010. Σ. 349–353). В выборке архаических захоронений теосского участка в Абдере обнаруживается исключительно вытянутое положение погребенных (Κουκούλη-Χρυσανθάκη, 1982. Σ. 1–17; Κραγιώτη, 1987. Σ. 431–438; Καλλιτζή, 1991. Σ. 325–339; 1997 Σ. 633–644). Однако в обобщающих работах, посвященных теосским переселенцам в Абдере, отмечаются и иные варианты положения захороненных (Καλλιτζή, 2011. Σ.1211–1222; Kallintzi, 2019. S. 248), что, возможно, отражает ранее не учтенные и не опубликованные данные. В частности, речь идет о детском захоронении в некрополе Χορτολίβαδο (№ 97.06, grave 57), где погребённый лежал «слабоскорченно» на спине, кисти рук располагались в области таза (Kallintzi, 2019. S. 248). При этом было отмечено, что в захоронениях Χορτολίβαδο, вероятно, были и другие случаи совершения погребений в этой позе, но из-за плохой сохранности костных останков, определить положение погребенных удавалось очень редко (Ibid. S. 247–248).

¹⁴³ Около 86% исследованных погребений на клазоменском участке архаического некрополя Абдеры представлено захоронениями в сосудах (см. Σκαρλατιδου, 2010. Σ. 349). В большинстве из них положение погребенных не было определено. В тех случаях, когда его удавалось установить, оно, как правило, было скорченным. Наряду с захоронениями в сосудах, индивиды в скорченном положении фиксируются в 12 погребениях в грунтовых ямах (Σκαρλατιδου, 2010. Σ. 352).

Таким образом, в некрополях милетских колоний в Северном Причерноморье, городов Ионии, а также на клазоменских и теосских участках некрополей Абдеры расположение погребённых в могилах достаточно разнообразно. Во всех этих некрополях, как и в захоронениях Азиатского Боспора, доминирует вытянутое на спине положение погребенных. При этом в большинстве исследованных некрополей, находящихся в разных регионах греческого мира, прослежены отклонения от «традиционного» размещения человеческих останков. Следовательно, определенно связывать вариации в положении погребенных с происхождением переселенцев из того или иного конкретного центра не представляется возможным. Однако эта особенность в совокупности с другими чертами погребального обряда, может дать дополнительную информацию о происхождении колонистов.

Если учесть, что отклонения от «традиционного» расположения погребенных на теосских и клазоменских участках в Абдере связаны с детскими захоронениями в крупных тарных сосудах, и аналогичная ситуация прослеживается в некрополях Фанагории и Кеп, то эту особенность можно рассматривать как проявление «теосского» (возможно, и клазоменского) влияния на погребальные обряды этих памятников. В милетских колониях Причерноморья вариативность положения индивидов фиксируется как в детских захоронениях в крупных тарных сосудах¹⁴⁴, так и в захоронениях взрослых людей, совершенных преимущественно в простых ямах¹⁴⁵, что находит аналогии в некрополях у м. Тузлы, Волны 1, Артющенко 2 и Синдской Гавани. Можно предположить, что в погребальных практиках этих некрополей так проявляется присутствие «милетского» компонента.

Сделанные наблюдения дают возможность наметить границу между двумя группами ионийских погребальных памятников, обозначенных в работе

¹⁴⁴ Детские захоронения в скорченном положении в крупных тарных сосудах наиболее часто фиксируются в некрополях Истрии и Борисфена.

¹⁴⁵ В некрополях Ольвии, Истрии и Борисфена.

как «некрополи Северной Ионии» и «Милетские некрополи». Весьма примечателен тот факт, что они не совпадают с границами какого-либо микрорегиона Ионии или иного региона греческого мира. И это обстоятельство можно объяснить по-разному:

- в одной колонии проживали переселенцы из разных греческих центров, что отразилось на погребальных практиках;

- некоторые некрополи располагались рядом с территорией обитания местных негреческих племен, поэтому погребальные традиции аборигенного населения повлияли на отдельные особенности погребальных обрядов, в том числе на положение захороненных в могиле;

- у погребенных было разное имущественное положение.

Как видим, одна и та же особенность погребального обряда может быть учтена в решении разных задач при интерпретации событий в этнической, социальной, демографической и политической истории региона.

4. Более четко особенности погребальных традиций, свидетельствующие о происхождении переселенцев, прослеживаются в инвентаре, в частности, в наличии и/или сочетании кувшинов и чаш. В связи с тем, что в архаических некрополях Азиатского Боспора обнаружена высокая вариативность этой черты погребального обряда, уместно рассмотреть ее представленность в синхронных погребениях милетских апойкий Северного Причерноморья, ионийских колоний в Абдере, а также в некрополях ионийских центров.

К сожалению, выборка некоторых ранее рассмотренных в работе некрополей была недостаточно информативной для учета выделенной особенности при дальнейшем определении принадлежности погребальных памятников переселенцам из определенного полиса. Так, в архаических некрополях Милета исследовано очень малое количество захоронений, в которых отмечены лишь единичные случаи присутствия кувшинов и чаш для

питья (Forbeck, 2016. S. 151–154), что мешает объективно определить варианты наборов инвентаря, характерные для погребений этого некрополя.

Аналогичные обстоятельства не позволяют корректно оценить проявление рассматриваемой черты погребального обряда и в ряде некрополей ионийских колоний. Так, данные о распределении кувшинов и чаш на архаическом участке некрополя Фокеи не нашли отражения в публикациях. В некрополе Эфеса в двух погребениях из семи фиксируются кувшины: в одном случае – вместе с чашей (Şimşek, 2016. S. 81–83). Малое количество изученных захоронений не позволяет определить, какой из вариантов рассматриваемой особенности погребальной традиции преобладал в некрополе.

Достаточно репрезентативные данные были получены при изучении захоронений Пантикапея, Ольвии, Истрии, Смирны, Теоса, Клазомен и Абдеры, где была определена полисная принадлежность погребенных.

В некрополе Пантикапея чаши и кувшины фиксировались очень редко (Сударев, 2005. С. 309). Причем, в захоронениях их встречаемость примерно одинакова¹⁴⁶ при незначительном преобладании кувшинов. В большинстве погребений отмечается сочетание «кувшин – чаша». Кувшины и чаши широко представлены в захоронениях некрополя Ольвии. Чаще встречаются чаши. Сочетание обоих сосудов отмечается в 40,25% погребений (Прил. 5.Табл. №5). В некрополе Истрии количество захоронений, в которых обнаружены кувшины, превышает число погребений с чашами. Одновременно оба сосуда встречаются редко (Прил. 5.Табл. №5).

В некрополе Смирны чаши и кувшины отмечены в небольшом количестве могил в одинаковом количестве. Во всех погребениях прослежено сочетание обоих сосудов (TAŞ, 2016. S. 112). В некрополях Теоса, Клазомен, а также в

¹⁴⁶ По всей видимости, похожая ситуация наблюдается в некрополе Борисфена. Однако в связи с фрагментарностью опубликованных материалов, судить о наличии и соотношении данных сосудов в захоронениях борисфенитов не представляется возможным.

захоронениях теосских и клазоменских участков в Абдере чаши встречаются значительно чаще кувшинов (Κραγιότη, 1984. Σ. 435; Koukouli-Chrysanthaki, 1991. P. 33–77; Καλλινητζή, 1997. Σ. 633–644; TAŞ, 2016. S. 103–104). Сочетание «кувшин – чаша» в некрополях Клазомен и на клазоменских участках в Абдере редки. Лишь в одном случае оно выявлено на теосском участке в Абдере (см. Прил. 5. Табл. №5). В архаических захоронениях некрополя Теоса кувшины и чаши вместе не встречаются (см. Прил. 5. Табл. №5).

Таким образом, можно сделать логический вывод, что в «немилетских» захоронениях неизменно фиксируется количественное преобладание количества чаш над кувшинами (при редком сочетании в наборе кувшина и чаши). Вполне допустимо, что такой вариант соотношения погребального инвентаря может стать одной из характеристик, указывающих на происхождение погребальных традиций из полисов Северной Ионии.

Преобладание комбинации «кувшин – чаша» в большинстве захоронений, вероятно, может трактоваться как «милетский» элемент погребальной традиции, поскольку такое сочетание постоянно фиксируется в захоронениях апойкий, признанных милетскими в Северном Причерноморье.

Итак, результаты сравнительного анализа погребальных обрядов Азиатского Боспора с традициями некрополей других регионов греческого мира позволяют выделить отличительные черты погребальных практик, связанные с происхождением переселенцев из разных ионийских центров. Однако распределение этих особенностей в некрополях изучаемого региона крайне неравномерно, что во многом ограничивает возможности выявления локальных групп колонистов. В этой связи имеет смысл рассматривать не отдельные черты погребальных обрядов, а особенности их сочетания в этих некрополях.

Так, в большинстве некрополей ранее выделенной *группы 1* (некрополи Фанагории, Гермонассы, у м. Тузла) использование крупных тарных сосудов для захоронения младенцев сопровождается вариациями в положении тела

погребенных. Почти все захоронения этой группы совершены по обряду ингумации, обряд кремации отмечен лишь в одном случае. Для некрополей этой группы в сопроводительном инвентаре характерно преобладание количества чаш над кувшинами. Выделенное сочетание особенностей обряда сближает данную группу с некрополями Северной Ионии.

В группе 2 (некрополи Кеп, Синдской Гавани и у пос. Пересыпь) сочетание крупных тарных сосудов со скорченным положением индивидов в захоронении характерно только для некрополя Кеп. Лишь в этой группе отмечен обряд кремации на стороне. Во всех захоронениях этой группы кувшины и чаши встречаются одновременно, причем фиксируется приблизительно равное количество этих сосудов. Такое сочетание отличительных черт погребального обряда более типично для погребальных памятников милетского происхождения.

В группе 3 (некрополи Волна 1 и Артющенко 2) также обнаружено использование тарных сосудов, при этом вариации положения тела погребенных выявляются как в детских погребениях, так и в захоронениях взрослых людей. Погребенные зрелого возраста в скорченном положении обнаружены в грунтовых ямах без перекрытия, реже – с ямах с наброской из небольших необработанных камней. Только в одном погребении этой группы обнаружена кремация на месте, в остальных – ингумации. Для этой группы характерно, с одной стороны, сочетание чаш и кувшинов в захоронениях, с другой, – количественное преобладание кувшинов над чашами. Выделенный набор особенностей не позволяет более или менее однозначно связать их происхождение с каким-либо конкретным центром ионийской колонизации. Как представляется, в обрядах данной группы некрополей наиболее четко прослеживается неоднородность состава общины переселенцев, связанная с их происхождением из разных центров.

Отметим, что схожие сочетания особенностей, позволяющие связать погребальные обряды некрополей с традициями определенного полиса, выявляются в каждом некрополе, входящем в определенную группу. Это служит дополнительным аргументом в пользу того, что в основании колоний изучаемого региона участвовали выходцы из разных ионийских полисов, а, быть может, и других центров греческого мира. В изначальном составе населения, оставившего погребальные памятники *группы 1*, очевидно, преобладали выходцы из Северной Ионии. Особенности погребальных традиций некрополей *группы 2* могут указывать на наличие в захоронениях выходцев из Милета. Отличительной чертой некрополей *группы 3* является сочетание вариаций положения тела зрелых людей с захоронениями в ямах с наброской из небольших необработанных камней. Данный тип погребального сооружения, за исключением нескольких захоронений в некрополях у м. Тузла и Синдской Гавани, не находит аналогии в синхронных памятниках греческого мира. Это дает возможность предполагать, что выделенное сочетание черт обряда может быть связано с традициями автохтонного населения региона.

4.2.1.2. Греки и «варвары».

Согласно письменным свидетельствам, этнический состав «варваров», проживавших на территориях, сопредельных с Азиатским Боспором в период колонизации, был весьма пестрым: сообщается о племенах синдов, меотов, дандариев, иксибатов и скифов (Hecat. Fr. 164, 165, 166, 197, 198; Schol. A.R. VI. 322; Hdt. IV. 28; IV. 123; Ps.-Skil. 72).

Несмотря на многочисленные упоминания разных племен в античной письменной традиции, вопросы о характере и времени начала контактов греческого населения Азиатского Боспора с его «варварским» окружением остаются дискуссионными. Если наличие торговых связей между греками и

«варварами» на раннем этапе освоения колонистами территории Таманского п-ова и Синдики, в целом, не вызывает сомнений у исследователей (см. Яйленко, 1982; Кошеленко, Кузнецов, 1992. С. 6–45), то относительно возможности взаимного влияния погребальных традиций колонистов и варварских племен существуют обоснованные сомнения (Сударев, 2005. С. 85, 255; 2010. С. 424). В ряде работ постулируется точка зрения о необитаемости большей части территории изучаемого региона на момент основания колоний (Горончаровский, Иванчик, 2010. С. 219; Горончаровский, 2017. С. 224; Бондаренко, 2012. С. 11–12). Эта версия с некоторыми оговорками (Сударев, Иванов, 2012. С. 178; Sudarev et al., 2021. P. 43–57) находит подтверждение и в археологических материалах.

Возникает закономерный вопрос: могло ли хоть одно из племен, упоминаемых в письменных источниках, заимствовать какие-либо элементы греческих погребальных традиций или, напротив, оказать влияние на погребальные традиции колонистов. С учетом консерватизма погребальных практик процесс заимствования даже отдельных элементов обряда у разных этнических групп подразумевает принятие соответствующих религиозных, культурных, идеологических представлений, что предполагает не только длительное сосуществование греков и «варваров» на одной территории, но и наличие тесных связей между ними. Современные исследования убедительно показывают, что эллинские колонии, в том числе и на Азиатском Боспоре, изначально конституировались как полисы (Кошеленко, Кузнецов, 1992. С. 6–45). Консерватизм и замкнутость полисной социальной структуры вряд ли могли допустить принятие иноэтнических ритуалов и верований. Внедрение греческих традиций в погребальные практики варварских этносов было еще более проблематичным. Геродот на примере Анахарсиса и Скила продемонстрировал сколь негативно относились скифы к восприятию иноземных ритуалов (Htd. IV. 76; 78–80).

Отправляясь в новый регион, переселенцы едва ли могли рассчитывать на исключительно мирный характер взаимодействия с местным населением. Очевидно, постоянная опасность со стороны негреческого окружения создавала очаги военной напряженности на Азиатском Боспоре. След за А.А. Завойкиным справедливо полагать, что прикубанские варвары на азиатском берегу Боспора Киммерийского в VI –V вв. до н. э. были постоянной угрозой для эллинов (Завойкин, 2021. С. 63). Об этом свидетельствуют следы периодических разрушений и пожаров, зафиксированные при раскопках городов Фанагории, Кеп, Синдской Гавани и других апоекий (Завойкин, 2004. С. 67, 114; 2013. С. 152, 160, 187, 190, 216–219)¹⁴⁷. В этой связи в греческих некрополях региона второй половины VI – первой половины V вв. до н. э. обращает на себя внимание высокий процент захоронений с оружием (Завойкин, Сударев, 2006. С. 111–119). Вероятно, гипотеза о тесных контактах и, тем более, взаимном влиянии погребальных традиций греков и «варваров» в районах выведения колоний на Таманском п-ове и в Синдике является крайне сомнительной. Но все же нельзя исключать взаимодействие переселенцев с отдельными представителями варварских племен. Чтобы определить, на каких основаниях строились их взаимоотношения, необходимо рассмотреть вопрос о территориях, где у них была возможность контактировать друг с другом (контактных зонах).

В недавнем исследовании А.А. Завойкина подчеркивается, что «именно в Синдике (и, кажется, только здесь) с самого начала эллинской колонизации наблюдается непосредственное проникновение греков на территорию, занятую местным племенем, на землях которого и были основаны апойкии колонистов» (Завойкин, 2021. С. 62, 67). Имеются в виду контакты греков с синдами, которые были единственным племенем, обитавшим в пределах Боспорского

¹⁴⁷ Высказываются и иные точки зрения на причины пожаров в некоторых полисах. Так, предполагаются вражда полисов – Фанагория и Кеп– между собой (Молев, 1997. С. 35–36) и возможность захвата Фанагории персами (Кузнецов, 2017. С. 173– 174, 180).

царства (с учетом того, что пределы Синдики в «широком смысле» включают в себя и Таманский п-ов). Как представляется, данные, полученные при изучении погребальных обрядов региона, могут не только подтвердить, но и дать дополнительные аргументы в пользу этого утверждения.

Вполне возможно, что зоной ранних контактов между эллинами и синдами могла стать та часть Таманского п-ова, где расположены некрополи Синдской Гавани, Волны 1, Артющенко 2 и у м. Тузла, в которых выявлены особенности погребальных обрядов, не имеющие аналогий на других погребальных памятниках греческого мира, изученных ранее в работе. Они проявились в конструкциях погребальных сооружений и вариациях расположения тела в могиле. При сопоставлении материалов четырех выделенных греческих некрополей и синдских могильников были дополнительно обнаружены и другие особенности: наличие лепной посуды в захоронении, характерные сочетания некоторых предметов наступательного вооружения и вариации в ориентировке погребенных. В недавних работах, посвященных некрополям изучаемого региона, неоднократно подчеркивалось «негреческое» происхождение этих черт обряда (Мимоход и др., 2017. С. 302; Мимоход, Сударев, 2017. С. 295–310; Сударев и др., 2018. С. 490–491; Sudarev et al., 2021. P. 52; Берлизов, Сударев, 2022. С. 65).

Ближе всего к некрополям Синдской Гавани, Артющенко 2, Волны 1 и у м. Тузла находятся могильники аборигенного населения, расположенные на территории п-ова Абрау (Малышев, Новичихин, 2022. С. 167, рис. 3). Их функционирование началось раньше¹⁴⁸ и активно продолжалось в ходе эллинской колонизации Азиатского Боспора. Возможно, некоторые особенности погребальных практик, зафиксированные в этих могильниках, также могли найти отражение в архаических греческих захоронениях юго-

¹⁴⁸ Наиболее ранние захоронения датированы в пределах конца VIII–VII вв. до н.э.

запада Таманского п-ова и Синдики. Влияние на традиции колонистов других варварских племен менее вероятно в силу следующих причин:

– все особенности погребальных обрядов архаических греческих захоронений, расположенных в других микрорегионах Синдики и Таманского п-ова, находят аналогии в рассмотренных в работе некрополях греческого мира, поэтому очевидно не являются «варварскими»;

– остальные, известные на сегодня «варварские» могильники VI – второй половины V вв. до н.э., расположены на большом удалении от места выведения колоний в Синдике и на Таманском п-ове (Каменецкий, 1989. С. 238, илл. 22; Новичихин, 2006. С. 109, рис.1; Эрлих, 2010. С. 170, рис. 1; Лимберис, Марченко, 2012. С. 182, рис. 1).

Контакты между греками и кочевым населением Северного Причерноморья с учетом постоянных миграций последнего, вероятно, носили эпизодический характер. И все же нельзя а priori полностью исключить возможность влияния погребальных традиций этих племен на греческие обряды захоронения.

В этой связи в работе сравнивались погребальные практики эллинских некрополей юго-запада Таманского п-ова, синхронных им варварских могильников Синдики, Правобережья и Левобережья Кубани, а также некоторых скифских памятников междуречья Днепра и Дона (см. Прил. 5. Табл. №6)

Проведенный анализ показал, что синдские захоронения совершались в грунтовых ямах либо в каменных ящиках. Были выявлены три варианта перекрытий этих сооружений: 1) грунтовые, 2) перекрытия, состоящие из каменных плит, 3) наброски из необработанных камней различной величины.

Наиболее часто погребенные располагались вытянуто на спине, кости рук были вытянуты вдоль туловища, кости ног – параллельны друг другу. В большинстве архаических могильников Синдики фиксируются отклонения от

«традиционного» положения погребенных. В некрополе у хут. Рассвет, в могильниках ОПХ «Анапа», у хут. Воскресенского, Ивушка (Широкая Балка), Владимировский, Шесхарис зафиксированы захороненные в скорченном положении на левом либо правом боку, а также сильно скорчено на спине (Савостина, 1977. С. 59–73; Дмитриев, 1987. С. 12, 34, 36; 1994. С. 6–7; Дмитриев, Малышев, 1999. С. 7–52; Малышев, 2009. С. 195–196; Прил. 5. Табл. №6; Алексеева, 1991. С. 62–65; Зуйков, 1992. С. 1–6; 1993. С. 2–10; Федоренко, 1997. С. 7; 1998. С. 2–85; 2000. С. 5–172). В могильниках ОПХ Анапы, Владимировский и Шесхарис выявлены захоронения, где погребенные лежали вытянуто на левом либо на правом боку (Дмитриев, 1973. С. 6–37). Аналогичное расположение отмечалось в некрополях группы 3 в юго-западной части Таманского п-ова. Оно не было обнаружено в рассмотренных ранее греческих захоронениях Ионии и Причерноморья.

В захоронениях регулярно встречалась ориентировка погребенных в двух секторах – восточном и северном. В могильниках на северо-западе п-ова Абрау большинство погребенных были ориентированы в восточном секторе, в центральной и восточной частях – в северном.

В наборе керамики в большинстве погребений присутствовал один сосуд, реже – два либо три сосуда и лишь в единичных случаях – более трех. Большинство из них составляли лепные горшки, менее часто лепные миски, чаши и глиняные черпаки. Очень редко в архаических захоронениях п-ова Абрау встречались крупные тарные сосуды, представленные греческими амфорами.

В наборе оружия были зафиксированы исключительно предметы наступательного вооружения, чаще всего стрелкового: погребенного, как правило, сопровождало несколько наконечников стрел, обычно в колчанах. Достаточно часто в захоронениях присутствовало древковое оружие: в большинстве случаев копье или несколько копий, реже – копье и дротик либо

копье и несколько дротиков. Оружие ближнего боя встречалось реже: обычно это были короткие мечи, очень редко – длинные, в единичных случаях длинный меч сочетался с коротким. Кроме того, в трех могильниках¹⁴⁹, погребенных сопровождали боевые топоры, изредка в сочетании с короткими мечами и копьями¹⁵⁰.

В меотских могильниках Прикубанья и Закубанья VII – V вв. до н.э. единственным видом погребального сооружения являлись грунтовые ямы различных форм. Подавляющее большинство погребенных были ориентированы в южном секторе. Вариации в позе погребенных в меотских могильниках прослеживались значительно чаще, чем в некрополях юго-запада Таманского п-ова, и в могильниках Синдики. Во всех меотских могильниках отмечалось большое количество погребений, где умерший находился в скорченном положении.

Набор керамики в могильниках Прикубанья обычно состоял из трех и более сосудов, 1–2 сосуда сопровождали погребенного относительно редко. Большинство сосудов – лепные, чаще всего это были чаши и миски, реже – глиняные горшки и черпаки. Кувшины в меотских захоронениях Прикубанья встречались реже¹⁵¹. Кроме столовой посуды, в могильниках регулярно фиксировались тарные сосуды, представленные лепными корчагами (Смирнов, 1958. С. 272–309; Марченко, Лимберис, 2012. С. 23–29).

Количество посуды в меотских захоронениях Закубанья было вариативно: погребенного могли сопровождать один – два, реже три и более сосудов. Подавляющее большинство керамических изделий было изготовлено без

¹⁴⁹ Владимировский, Большие хутора, Шесхарис.

¹⁵⁰ Погребения № № 3, 10 в могильнике Большие хутора (Дмитриев, 1973. С. 10, 18); № 4 – в могильнике Шесхарис (Там же. С. 28); № 28 и № 71 во Владимировском могильнике (Федоренко, 1998. С. 25, 54–55).

¹⁵¹ В захоронениях, датированных в пределах VI – начала V в., представлены исключительно лепные сосуды этого типа. Начиная со второй четверти V в. до н.э. в меотских захоронениях Прикубанья кувшины используются чаще, процент сосудов этого типа возрастает за счет изделий, изготовленных на гончарном круге (Марченко, 2013. С. 26–29).

применения гончарного круга. В наборе керамики преобладали чаши, горшки и миски. Реже встречались черпаки¹⁵² и лепные кувшины (Галанина, 1989. С.80–81; Лесков и др., 2005. С. 72).

В наборе наступательного вооружения в меотских могильниках Прикубанья преобладали копья, в захоронениях Закубанья – короткие мечи. Кроме мечей, во всех меотских могильниках были широко представлены боевые топоры, что демонстрирует существенные различия с погребальными практиками воинских захоронений греческих некрополей и синдских могильников. Во всех меотских захоронениях присутствовало стрелковое оружие. Однако по сравнению с синдскими могильниками стрел в захоронениях было меньше, реже встречались колчаные крюки.

Наиболее характерным типом погребального сооружения в скифских могильниках междуречья Днепра и Дона VII–V вв. до н.э. являлись погребения в грунтовых ямах и деревянных гробницах (Галанина, 1977. С. 6–60.; Мурзин, 1984. С. 11–46; Нехаев, 1984. С. 9–23; Ольховский, 1991. С. 16. Табл. № 3; С. 56; Канторович и др., 2005. С. 225; см. Прил.5 Табл. №6). Наряду с ними отмечается использование каменных ящиков (исключительно в Крыму) и подбоев с каменными и деревянными закладами (Ольховский, 1991. С. 56–58; 80–81). В рассмотренных памятниках преобладающим было положение погребённых на спине вытянуто, значительно реже они лежали на левом и правом боку в скорченном положении, крайне редко – вытянуто на левом либо правом боку. В скифских памятниках междуречья Днепра и Дона доминировала ориентировка в западном секторе, но в рассмотренных захоронениях она не носила устойчивого характера – отмечались случаи ориентировки покойных во всех секторах. Количество сосудов, в основном лепных, было вариативно, чаще всего в

¹⁵² В захоронениях VI–V вв. грунтового могильника Уляп 2 эти сосуды не были представлены, в Келермесском могильнике встречались редко. Широкое использование данного типа сосудов являлось отличительной чертой погребальных традиций Псекупского могильника (Ловпаче, 1981; 1985).

инвентаре присутствовали 1–2 сосуда. В керамическом наборе наиболее широко были представлены горшки и кувшины. Были зафиксированы предметы наступательного и защитного вооружения, что сильно отличало скифские памятники междуречья Днепра и Дона от меотских и синдских могильников рассматриваемого периода¹⁵³. Из элементов наступательного вооружения в наибольшей степени было представлено стрелковое оружие: наконечники стрел, остатки колчанов, детали луков и налучий (Там же. С. 59–60; Лукьяшко, 2012. С. 359–383). Почти также широко было распространено и клинковое оружие: короткие мечи и кинжалы, реже – наконечники копий. Почти не встречались боевые топоры. В комплексе защитного вооружения фиксировались наборные панцири, шлемы, боевые пояса и единичные находки деталей щита¹⁵⁴.

Проведенный анализ показал следующее:

1. Комплекс «негреческих» особенностей обряда, выделенный в некрополях апойкий юго-запада Таманского п-ова, находит аналогии в могильниках Синдики;

2. Погребальные традиции, характерные для сравнительно небольшой группы захоронений в греческих некрополях, в могильниках Синдики распространены значительно шире. В четырех¹⁵⁵ рассмотренных памятниках Азиатского Боспора фиксируются погребальные практики отдельных групп автохтонного населения.

3. В меотских могильниках Правобережья и Левобережья Кубани и скифских памятниках междуречья Днепра и Дона аналогии с погребальными практиками рассмотренных некрополей не прослежены.

¹⁵³ Предметы защитного вооружения в рассмотренный период в греческих захоронениях исследованного региона крайне редки. На настоящий момент известны лишь два памятника архаического периода, где в погребениях присутствуют предметы защитного вооружения: некрополи Фанагории и Волны 1 (Кузнецов, Сударев, 2012; Берлизов, Кашаев, Мимоход, 2019. С. 223).

¹⁵⁴ В целом, находки защитного вооружения в скифских могильниках крайне редки, что отмечается в ряде работ (см. Черненко, 1968. С. 162; Ольховский, 1991. С. 58)

¹⁵⁵ Речь идет о некрополях Синдской Гавани, Волны 1, Артющенко 2 и у м. Тузла.

Сделанные выводы находят косвенное подтверждение в исследовании М.Е. Клемешовой (2021. С. 97 – 107). При рассмотрении лепной керамики Азиатского Боспора VI–III вв. до н.э. она обнаружила две гончарные традиции, которые проявились в разнице состава формовочных масс и в облике самих сосудов. Привлекая материалы поселений и некрополей Таманского п-ова, Синдики и п-ова Абрау, исследовательница определяет две области распространения традиций гончарства: северо-западную и юго-западную, граница между которыми «проходит по условной линии, начинающейся примерно в 15 км севернее Горгипии в районе некрополя Красный Курган и заканчивающейся немного восточнее современной станции Варениковская, близ поселения Шуха-1» (Там же. С. 32). К *северо-западной* области она относит Фанагорию, Гермонассу, Патрей, поселение и некрополь Волна-1, Виноградный-7, Тамань-3, Ахтанизовскую-4, Вышестеблиевскую-3, поселение Артющенко-1, некрополь Артющенко-2, поселения Чекупс-2, Шуха-1, Вестник-1, к *юго-западной* – Горгипию, поселение Урочище Самойленко, поселение Су-Псех, некрополь у хут. Рассвет, могильники ОПХ «Анапа», Алексеевский, Воскресенского, Красный Курган, Раевский и могильник в Широкой Балке. На карте, представленной в работе, М.Е. Клемешовой выделены и памятники, где сосуществуют обе гончарные традиции (Клемешова, 2019. С. 31–32; 2021. С. 102–103, рис. 4).

Сопоставив результаты нашего исследования с наблюдениями М.Е. Клемешовой, нетрудно заметить, что в границах выделенной ею северо-западной области находятся некрополи греческих колонистов. Юго-западная область включает могильники автохтонного населения архаической Синдики с «негреческими» погребальными традициями. В юго-западной части Таманского п-ова, где отмечено сосуществование двух разных традиций составления формовочных масс лепных сосудов, располагаются некрополи у м. Тузла,

Волны 1 и Артющенко 2, в которых зафиксированы «негреческие» особенности погребальных обрядов.

Косвенно присутствие смешанного греко-варварского населения в юго-западной части Таманского п-ова находит подтверждение в антропологических материалах (Абрамова, Берлизов, 2019. С. 339–355; Абрамова, 2022. С. 167–170). При остеометрическом исследовании серии костных останков из захоронений некрополя Волна 1 (160 мужских и 83 женских скелета) были выделены две группы населения, «имеющие статистически достоверные различия по ряду указателей» (Абрамова, 2022. С. 186).

Итак, и археологические, и антропологические данные подтверждают существование территории, где греческие переселенцы контактировали с населением архаической Синдики. Эта зона контактов ограничивается районом Синдской Гавани / Горгиппии и окружающих ее поселений. Результаты недавних палеогеографических исследований позволяют предположить, что сухопутное сообщение между обозначенным районом и Таманским п-овом осуществлялось передвижением по так называемой «Анапской пересыпи» (современное аккумулятивное образование, состоящее из Бугазской и Витязевской пересыпей), а водное – посредством пересечения Палео-Кизилташского лимана (Гарбузов, Сударев, Поротов, 2019. С. 485–491). На Таманском п-ове контактная зона прослеживается не столь четко. Предположительно, можно ограничить зону греко-варварских контактов узкой полосой в южной части Таманского п-ова. Ее маркируют поселения, где отмечено сосуществование смешанных традиций в изготовлении лепной керамики (Волна 1, Артющенко 1)¹⁵⁶, и некрополи, в которых выявлены «негреческие» погребальные традиции (Артющенко 2, Волна 1, у м. Тузла).

¹⁵⁶ К этому перечню, вероятно, следует добавить поселения Волна 4 и Тамань 1, где, по мнению А.В. Иванова и Н.И. Сударева, также отмечаются следы существования автохтонного населения (Иванов, Сударев, 2012. С. 192–194). Однако специфика обнаруженных материалов не позволяет достоверно подтвердить присутствие негреческого контингента на территории этих памятников.

Концентрация на выделенной территории памятников со смешанным греческим и синдским населением, вероятно, является неслучайной. Особого внимания заслуживают исследования, в которых была проведена реконструкция древних путей, использовавшихся населением Тамани в период позднего бронзового века и продолжавших функционировать в период колонизации (Иванов, Сударев, 2012. С. 192–199; Sudarev et al., 2021. P. 44). Их результаты показывают, что все указанные выше памятники могли быть связаны сетью древних коммуникаций, являвшихся продолжением пути, который соединял северные районы Синдики и юго-западную часть Таманского п-ова. Допустимо предположить, что расположение поселений вблизи дорог создавало широкие возможности для различных контактов между колонистами и «варварами», начиная со времени предшествовавшего колонизации.

Таким образом, предположение о неоднородном составе населения Азиатского Боспора в период колонизации находит подтверждение в погребальных практиках региона. Их изучение в период второй половины VI – первой половины V в. до н.э. приводит к следующим выводам.

1. Выявленные в погребальных практиках некрополей Азиатского Боспора различия свидетельствуют об участии в колонизации региона выходцев из разных греческих центров. Особенности обрядов, прослеженные в *группе 1*, связывают их с традициями населения Северной Ионии. Комплекс отличительных черт, зафиксированных в некрополях *группы 2*, указывает на присутствие в составе населения Азиатского Боспора выходцев из Милета;

2. Некоторые погребальные традиции, выделенные в некрополях Синдской Гавани, у м. Тузла и в некрополях *группы 3* не находят аналогий в погребальных памятниках греческого мира, но прослеживаются в могильниках, расположенных в непосредственной близости от мест проживания греческих колонистов – в Синдике, что свидетельствует о присутствии «варваров» в составе населения греческих апоекий юго-западной части Таманского п-ова;

3. Результаты проведенного нами анализа, подкрепленные данными других исследований археологического и антропологического материала, свидетельствуют о существовании в регионе зоны контактов между греками-колонистами и населением архаической Синдики. Она включает район Синдской Гавани и окружающих ее поселений. На юго-западе Таманского п-ова также осуществлялись контакты греков и варваров, поскольку в расположенных там некрополях обнаружены следы присутствия негреческого населения (Волна 1, Артющенко 2, Волна 4, у м. Тузла). Сухопутное сообщение между Синдикой и Таманским п-овом могло осуществляться по пути, проходившем по так называемой «Анапской пересыпи» и сети древних дорог, продолжавших его в южной части Тамани.

4.2.2. Вторая половина V-первая половина IV вв. до н.э.

Сведения об этнической истории Восточного Приазовья во второй половине V в. до н.э. практически отсутствуют в письменной традиции. Её можно попытаться реконструировать, лишь опираясь на археологические и нумизматические материалы. Однако об этнической ситуации в регионе в IV в. до н.э. из эпиграфических свидетельств можно извлечь важную информацию. В частности, в титулатуре боспорских правителей¹⁵⁷, представленной в посвящениях боспоритов различным божествам, отражен процесс последовательного подчинения варварских племен Спартокидами (Завойкин, 2013. С. 318). Согласно эпиграфическим источникам, которые укладываются в рамки рассматриваемого периода, в правление Левкона I были подчинены

¹⁵⁷ Вслед за А.А. Завойкиным, в работе титулатура Спартокидов рассматривается не как «карта этносов», населявших территорию им подвластную», а как отражение «становления власти боспорских тиранов и, в определенной степени, административно-политической структуры их державы» (Завойкин, 2021. С. 64). Однако значимым для данного исследования является сам факт присутствия в регионе варварских племен, традиции которых могли повлиять на погребальные обряды Азиатского Боспора.

племена синдов, торетов, дандариев и псесов (КБН 1111; 6 А; Б; 1037; 1038; 8; Белова, 1967. С. 60–69; Соколова, Павличенко, 2002. С. 99–121). Кроме того, не позднее рубежа V–IV вв. до н.э. фиксируются негреческие личные имена у жителей городов Азиатского Боспора (Белова, 1977. № 1). Так, имя Патика на надгробии из фанагорийского некрополя было определено как «варварское» (Тохтасьев, 2006. С. 78; Завойкина, 2013. С. 291). Но все же большинство имен, отмеченных в эпитафических памятниках Боспора рассмотренного периода, имело греческое, в основном ионийское¹⁵⁸, происхождение. С первой половины IV в. до н.э. на боспорских надгробиях начинают регулярно¹⁵⁹ встречаться имена «иностранцев», например, наемника Дросаниса из Пафлагонии (КБН 180; Жебелев, 1953. С. 137, примеч. 1. С. 167, примеч. 1; Гайдукевич, 1949. С. 61; Яйленко, 1999. С. 293; Завойкин, 2013. С. 332) и хиосца Ангелипа (КБН 1223. С. 774). К первой половине IV в. до н.э. относится фрагмент надписи с упоминанием «патриды мантинейцев» в Фанагории (КБН 991). Однако в ходе исследования мы учитывали, что в погребальных практиках (принимая во внимание их консерватизм), данные нарративных источников могут найти подтверждение с некоторой отсрочкой, что делает хронологические границы выделенного второго периода несколько условными. Тем более что и трансформации погребальных обрядов происходили в изученных некрополях не одновременно (См. Гл. 3)

Итак, эпитафические материалы свидетельствуют, что состав населения региона в рассматриваемый период оставался неоднородным, что проявилось и в разнообразии погребальных практик. Но вариативность погребальных

¹⁵⁸ На ионийское происхождение большинства имен в именнике из Гермонассы (КБН 1056) указал еще В.В. Шкорпил (Шкорпил, 1914. С. 67). Высокая вероятность теосского происхождения сакрально-легендарного имени Фанагор, дважды встречавшегося в эпитафических памятниках рассматриваемого периода в Фанагории, отмечена в исследовании Н.В. Завойкиной (Завойкина, 2013. С. 291).

¹⁵⁹ Древнейшее на Боспоре надгробие иностранца Филоксена, сына Келона из Гелики датируется концом VI – началом V в. до н.э. (Болтунова, 1986. С. 59 сл., № 18; Vinogradov, 1994. P. 69; Завойкин, 2013. С. 322–323).

традиций в конце V – первой половине IV в. до н.э. невозможно интерпретировать исключительно в контексте этнической ситуации, сложившейся в регионе, поскольку именно в это время большую роль начинают играть события социальной, демографической и политической истории (см. далее). Воздействием этнического фактора объясняются причины лишь тех трансформаций в погребальных обрядах, которые привели к их относительному единообразию (унификации) в разных некрополях. Не случайно из материалов захоронений второго периода практически невозможно извлечь информацию о греческих центрах, откуда когда-то ранее прибыли колонисты.

В погребениях Волны 1 и Артющенко 2 процесс унификации греческих особенностей погребального обряда начался раньше, чем в остальных некрополях Азиатского Боспора. В начале рассматриваемого периода в их погребальных практиках проявились те изменения, которые обнаружили на других памятниках только во второй половине V в. до н.э. Здесь были зафиксированы сырцовые гробницы (ящики и склепы), значительно реже стали встречаться отклонения от «традиционного» (вытянутого) положения останков индивидов и вариаций в ориентировке погребенных (доминирует восточный сектор), в керамическом наборе существенно возросла доля чаш, крупных тарных сосудов и мисок.

В некрополях Волна 1 и Артющенко 2 были выявлены нехарактерные для остальных памятников особенности погребальных традиций. В обоих некрополях появились «двухъярусные» погребения, с третьей четверти V в. до н.э. существенно возросло число захоронений с лошадьми, более широко (по сравнению с другими некрополями) распространились конструкции из сырца, в том числе сырцовые склепы. Хотя во всех изученных некрополях Азиатского Боспора наблюдались схожие процессы, важно отметить, что на других памятниках, по сравнению с захоронениями Волны 1 и Артющенко 2, сооружения из сырца встречаются значительно реже. Так, в некрополе

Фанагории отмечается шестнадцать¹⁶⁰ погребений в сырцовых ящиках, по одному такому погребению представлено в некрополях Кеп и Гермонассы. Достаточно часто сырцовые гробницы обнаруживаются в захоронениях у поселения Виноградный: 9,7% погребений этого периода были совершены в сырцовых ящиках и столько же – в сырцовых склепах. В остальных некрополях Азиатского Боспора во втором периоде эти конструкции вообще не выявлены. Доминирующим типом погребальных сооружений во всех некрополях региона остаются грунтовые ямы различных форм.

С первой четверти IV в. до н.э. в захоронениях Таманского п-ова начинают использоваться новые типы надмогильных и погребальных конструкций. В некрополях Фанагории, Гермонассы, Кеп и у м. Тузла появляются подкурганные захоронения, фиксируются первые грунтовые и каменные склепы и погребения в подбоях. Одновременно в некрополе Виноградный 7 и курганных некрополях Кеп, Гермонассы отмечаются единичные случаи кремации, которая могла осуществляться как на месте, так и на стороне. Массовое использование кремации характерно лишь для погребений Фанагории и у м. Тузла в конце рассматриваемого периода. Показательно, что в некрополе у м. Тузла, который в предшествующий период находился в зоне греко-варварских контактов, выявились погребальные традиции, схожие с захоронениями Фанагории, Гермонассы и Кеп. Возникновение в некрополе у м. Тузла первых погребений по обряду кремации и распространение традиции установки надгробий (ей предшествовал отказ от погребений с наброской из камней) свидетельствуют об исчезновении «варварских» особенностей погребальных практик и присутствии только греческих погребальных традиций.

«Варварские» особенности погребальных практик неожиданно обнаруживаются в некрополях центральной части Таманского п-ова. Так, в некрополе Виноградный 7 в первой половине IV в. до н.э. было выявлено одно

¹⁶⁰ При этом ко второй половине V в. до н.э. относятся лишь 6 погребений в сырцовых гробницах.

детское захоронение яме с каменной наброской. В керамическом наборе этого погребения присутствовали лепные горшки. Такие погребения единичны, но представляют интерес для исследования, поскольку в предыдущем периоде эти погребальные традиции были отмечены только в некрополях Волна 1, Артющенко 2, Синдской Гавани, у м. Тузла. Тем более что принадлежность некрополей Виноградного к памятникам, располагавшимся на хоре Фанагории не вызывает сомнений. Это свидетельствует о присутствии негреческого населения на поселениях сельской округи боспорских городов (Берлизов, Сударев. 2022. С. 65).

Не удивительно, что погребальные практики, нехарактерные для большинства некрополей Азиатского Боспора, фиксируются в захоронениях, расположенных в зоне контактов греков и синдов. Это прежде всего относится к некрополям Волна 1 и Артющенко 2, в которых было выявлено несвойственное для погребений Азиатского Боспора второй половины V в. до н.э. сочетание сырцовых гробниц с захоронениями лошадей. Причем погребенные лошади всегда находились в могилах вооруженных мужчин зрелого возраста.

Возможно, именно этнический фактор мог повлиять на возникновение новой погребальной практики. В связи с этим уместно обратиться к недавним работам, в которых исследуются причины возникновения и распространения обнаруженной традиции (Кашаев и др., 2020. С. 82–96; Горончаровский, 2022. С. 170–173).

В статье С.В. Кашаева, Р.А. Мимохода и Н.И. Сударева предложены следующие версии этнического происхождения традиции воинских захоронений в сырцовых погребениях:

1. С учетом того, что в некрополях Азиатского Боспора сооружения из сырца появились только в период колонизации, захоронения осуществлялись в соответствии с погребальными традициями греческого населения.

2. Поскольку погребения коней широко известны в Прикубанье, обряд мог быть связан с аборигенным населением Восточного Приазовья.

3. Выделенные особенности могут быть соотнесены с погребальными практиками населения Карпато-Дунайского региона, где, начиная с IX в. до н.э. также встречались захоронения лошадей (Кашаев и др., 2020. С. 87–92).

В.А. Горончаровский придерживается иной точки зрения. Отмечая сходство погребальных традиций в рассматриваемых некрополях и в Семибратних курганах¹⁶¹, он предполагает, что воинские захоронения с лошадьми в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 могли принадлежать представителям среднего класса синдской дружинной аристократии. В погребениях с оружием, в которых не было лошадей¹⁶², по его мнению, могли быть захоронены рядовые синдские воины. На основании сходства погребальных обрядов некрополей Волна 1, Артющенко 2 и курганного некрополя Фанагории, В.А. Горончаровский развивает мысль, что вся территория Таманского п-ова могла «рассматриваться синдами как принадлежащая их племени», и эллины от синдов находились в зависимости (Горончаровский, 2022. С. 172–173).

Не отрицая утверждения о близости погребальных обрядов Волны 1, Артющенко 2 и Семибратних курганов, можно усомниться в позиции исследователя хотя бы уже потому, что в одном из воинских захоронений Волны 1 (IV в. до н.э.) была обнаружена кифара, присутствие которой сложно связать с обликом «рядового синдского дружинника»¹⁶³. Невозможно согласиться и с утверждением исследователя о господстве синдов на Таманском

¹⁶¹ Сходство было отмечено в характере погребальных сооружений, ориентировке погребенных, наличии тарных сосудов в наборе инвентаря, сочетании древкового и клинкового вооружения оружия, оформлении некоторых украшений в зверином стиле (Горончаровский, 2022. С. 172).

¹⁶² Погребения в некрополе Волна 1 V– первой четверти IV в.

¹⁶³ Сударев, Мимоход, 2018. Из новейших открытий археологов ИА РАН [электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/n482> (дата обращения 22.01.2022).

п-ове, когда даже вопрос об их присутствии на рассматриваемой территории на момент колонизации Азиатского Боспора является весьма дискуссионным.

Версии, предложенные С.В. Кашаевым, Р.А. Мимоходом и Н.И. Сударевым, представляются более убедительными. Критический разбор представленных в их статье аргументов (Кашаев и др., 2020. С. 82–96) с учетом полученных нами результатов позволяет рассмотреть вопрос этнической принадлежности данной традиции более детально.

Одним из наиболее серьезных аргументов в пользу мнения о ее греческом происхождении является утверждение, что сырцовые гробницы на Азиатском Боспоре появились благодаря греческим переселенцам. До основания греческих колоний в рассматриваемом регионе не фиксируется сооружений из сырца, причем не только на погребальных, но и на бытовых памятниках. Синдские и меотские поселения раннего периода практически не изучены, поэтому трудно судить о конструкции жилых построек аборигенного населения VI–V вв. до н.э. (Новичихин, 2006. С. 11–13; Малышев, Батченко, 2018. С. 86–93; Горончаровский, Иванчик, 2010. С. 224; Марченко, Лимберис, 2010. С. 191). В ранних синдских поселениях фиксируются лишь остатки турлучных строений, а начиная V – IV вв. до н.э. – каменные кладки (Малышев, Батченко, 2018. С. 86–87). При строительстве меотских жилищ сырец начинает использоваться лишь с IV в. до н.э. (Марченко, Лимберис, 2010. С. 191). В варварских могильниках VII – первой половины VI в. до н.э. конструкции из сырца тоже не известны (см. Прил. 5. Табл. №6). Отсутствие построек из сырца в варварских поселениях было отмечено в недавнем исследовании А.В. Иванова и Н.И. Сударева (2023. С. 178–217). Только с приходом греков-колонистов на Таманском п-ове сырец начинает широко использоваться в качестве материала как для строительства жилищ, так и фортификационных сооружений. Ярким примером может служить возведение сырцовых стен на акрополе Фанагории еще в третьей четверти VI в. до н.э. (Кузнецов, 2021. С. 111–131; Завойкин, 2022. С. 105–118). Применение

сырца в качестве строительного материала было характерно для всего греческого мира, в том числе для малоазийских метрополий боспорских апойкий. Не остается сомнений, что эта строительная традиция была перенесена на Азиатский Боспор греческими колонистами. Но вопрос о происхождении практики использования сырца при создании погребальных сооружений дискуссионен. В работе А.В. Иванова и Н.И. Сударева приведены доказательства долгого существования и широкого распространения этой традиции в греческом мире в период колонизации (Иванов, Сударев. 2022. С. 113). Тот факт, что в некрополях малоазийских метрополий городов Боспора конструкции из сырца не выявлены, объясняется сторонниками греческого происхождения традиции тем, что она была перенесена на Боспор из других регионов античного мира, где она прослеживается: Аттики, Македонии, Фракии, Эвбеи и Халкидики (Кашаев и др., 2020. С. 89–92; Иванов, Сударев, 2022. С. 113–118; 2023. С. 187–217)¹⁶⁴. Однако такая позиция весьма уязвима, поскольку ведущую роль в основании колоний в Северном Причерноморье играли ионийцы из Малой Азии, где применение сырца как строительного материала для погребальных конструкций фиксировалось крайне редко. Возникает закономерный вопрос: что заставило колонистов использовать сырец для создания погребальных сооружений, если такая практика была не характерна для их малоазийских метрополий? Это можно было бы объяснять заимствованием особенностей обряда в результате контактов боспорских апойкий с иными регионами греческого мира. Однако в этом случае трудно объяснить многочисленные противоречия, связанные со временем появления сырцовых сооружений в исследуемом регионе, и спецификой их распространения в регионе. В частности, первые захоронения в сырцовых

¹⁶⁴ В.А. Горончаровским было высказано мнение о связи происхождения традиции возведения сырцовых гробниц с кочевниками Южного Урала (Горончаровский, 2017. С. 232; 2020. С. 148, 149). Его позиция подверглась обстоятельной и справедливой критике в статьях А.В. Иванова и Н.И. Сударева (Иванов, Сударев, 2022. С. 113–117; Иванов, Сударев, 2023. С. 184–186).

гробницах Волны 1 и Артющенко 2¹⁶⁵ датированы рубежом VI–V вв. до н.э., что делает их едва ли не самыми ранними сооружениями данного типа в Северном Причерноморье (Сударев, 2005. С. 105). В начале V в. до н.э. единичные случаи захоронений с использованием сырца обнаруживаются в некрополях у м. Тузла, м. Панагия, Гермонассы и Кеп (Кашаев, Сударев, Мимоход, 2020. С. 89). Первые примеры использования сырца в некрополях Ольвии (См. Скуднова, 1988. С. 39; Папанова, 2002. С. 87), Нимфея и Пантикапея (См. Сорокина, 1957. С. 12–13; Шкорпил, 1914. С. 34; Сударев, 2005. С. 104) датированы уже первой четвертью V в. до н.э. Во второй четверти V в. до н.э. небольшое количество погребальных сооружений из сырца появляется в некрополе Фанагории (Сударев, 2005. С. 104). Показательно, что этим временем датировано большинство конструкций из сырца, зафиксированных в некрополях Волна 1 и Артющенко 2. Процент¹⁶⁶ сооружений из сырца в этих некрополях сопоставим с грунтовым некрополем Пантикапея (См. Сударев, 2005. С. 263. Прил. 1). Количество сырцовых конструкций в третьей четверти V в. до н.э. в захоронениях Волны 1 и Артющенко 2 превосходит на настоящий момент все погребальные памятники Северного Причерноморья¹⁶⁷. Заметим, что в некрополях Гермонассы, у м. Панагия, Кеп, у м. Тузла, где в первой половине V в. до н.э. отмечалось использование сырца при создании могильных сооружений, во второй половине V в. до н.э. применение этого строительного материала в погребальных конструкциях не обнаружено. Широкое распространение сырцовых гробниц в третьей четверти V в. до н.э. выявлено в

¹⁶⁵ Некоторые погребения в сырцовых ящиках в некрополе Артющенко 2 могут быть датированы последней четвертью VI в. до н.э. Благодарю Н.И. Сударева и С.В. Кашаева за консультации по данному вопросу.

¹⁶⁶ Имеется в виду процент от общего числа погребений Волны 1 и Артющенко 2 второй половины V – первой половины IV вв. до н.э.

¹⁶⁷ Имеются все основания полагать, что в ходе дальнейшего исследования количество открытых в боспорских некрополях сооружений из сырца может измениться. В качестве примера упомянем недавно исследованный участок юго-восточного некрополя Фанагории, где была открыта целая серия погребальных сооружений из сырца, датированных в пределах V в. до н.э. (Кашаев, Мимоход, Сударев, 2020. С. 89).

некрополе Фанагории. В конце V в. до н.э. эти сооружения появляются в некрополях у поселения Виноградный. В третьей четверти V в. до н.э. на Европейском Боспоре такие конструкции обнаружены в некрополях Пантикапея и Нимфея. Среди милетских колоний Северного Причерноморья – несколько случаев использования сырца отмечено в погребениях Ольвии.

Получается, что традиция захоронения в сооружениях из сырца возникает в некрополях юго-западной части Таманского п-ова раньше, чем в апойкиях, известных по письменным источникам? Но это крайне маловероятно уже в силу особенностей полисного устройства боспорских колоний: изменения в обряде, прослеженные в погребальных памятниках хоры, неизбежно нашли бы отражение в некрополе связанного с ней полисного центра¹⁶⁸. Правда, этот аргумент может показаться несколько сомнительным в отношении некрополя Гермонассы, где использование сырца в погребальных конструкциях отмечается лишь в единичных случаях. В то же время в погребениях Волны 1 и Артющенко 2, которые относят к сельской округе Гермонассы, сырцовые гробницы фиксируются значительно чаще. Возможно, малое число сырцовых конструкций в некрополе Гермонассы допустимо объяснять влиянием традиций эллинов из другого неизвестного (эолийского?) центра. Отсутствие сырцовых конструкций в некрополе более позднего периода может быть обусловлено последующей «ассимиляцией» этой группы населения или ее миграцией в другие регионы Таманского п-ова. Аналогично объясняется и отсутствие сооружений из сырца во второй половине V в. до н.э. в некрополях Кеп, Тузлы и у м. Панагии.

¹⁶⁸ Принимая во внимание позицию Ю.А. Виноградова, согласно которой полисами на Боспоре следует считать лишь 6–7 крупных городских центров, упоминаемых в письменной традиции (Виноградов, 1999. С. 112), употребление термина «городской» здесь представляется не совсем корректным

Версия о греческом происхождении сырцовых гробниц неизбежно приводит ее сторонников к поиску центров, откуда практика использования сырца при создании погребальных конструкций могла проникнуть на Азиатский Боспор. Исследователи допускают, что таким центром могла быть Абдера, куда традиция строительства гробниц из сырцового кирпича пришла через «посредство эвбейских колоний» (Иванов, Сударев, 2023. С. 196). Помимо того, в Абдере, в соответствии с письменными свидетельствами, бежали вытесненные персами теосцы, участие которых в колонизации Азиатского Боспора не вызывает сомнений.

Как отмечалось ранее¹⁶⁹, теосцы и выходцы из Абдеры участвовали в основании Фанагории, где сырец достаточно рано начал использоваться как строительный материал для жилищ, общественных зданий и оборонительных сооружений. Если практика использования сырца при создании погребальных конструкций из сырца была перенесена в апойкии именно греческими переселенцами, то, появившись сначала на какой-либо ограниченной территории (в одном-двух некрополях), она впоследствии могла получить распространение в других погребальных памятниках исследуемого региона. В связи с этим логично рассмотреть материал тех некрополей Азиатского Боспора, где сырцовые гробницы рано появились и были представлены в достаточном количестве, например, в некрополи Фанагории, Волна 1, Артющенко 2. В этих некрополях сырцовые гробницы были широко распространены и появились в начале рассматриваемого периода. В таком случае можно попытаться выявить район, где могла появиться зафиксированная особенность погребального обряда.

Кроме того, возможность выявить тот центр, откуда была перенесена новая погребальная традиция, возникает только тогда, когда изучаются погребальные практики апойкий, метрополии которых были достаточно

¹⁶⁹ См. .§ 4.2.1.2

надежно определены. В соответствии с письменной традицией, метрополией Фанагории считается Теос. Легко допустить, что появление практик использования сырца при создании погребальных сооружений на Боспоре могло быть связано именно с выходцами из Теоса. Однако результаты исследования наиболее ранних погребений фанагорийского некрополя ставят это предположение под сомнение¹⁷⁰. Показательны материалы воинского захоронения № 470/1988, открытого на раскопе «Южный город» и датированного последней четвертью VI в. до н.э.¹⁷¹ Характер обряда и тот факт, что место, где было обнаружено погребение, долго не застраивалось (даже когда произошло расширение города), могли означать, что оно являлось герооном или принадлежало известному воину (Завойкин и др., 2016. С. 147). При этом погребение было совершено в грунтовой яме с деревянным перекрытием. Если в архаическом некрополе Фанагории существовала практика захоронений в сооружениях из сырца, то погребение занимавшего столь высокое социальное положение человека в простой грунтовой яме было маловероятно.

Итак, попытки определить центр античного мира, откуда погребальные конструкции из сырца пришли на Азиатский Боспор, пока не увенчались успехом. Поэтому, выдвинув версию греческого происхождения рассматриваемой погребальной практики, А.В. Иванов и Н.И. Сударев, предположили, что не следует связывать генезис рассматриваемой традиции с каким-либо конкретным полисом (Иванов, Сударев, 2022. С. 113–117; 2023. С. 203). Исследователи не исключали, что традиция захоронения в сырцовых сооружениях могла быть перенесена из не упоминаемого в письменных источниках греческого центра.

¹⁷⁰ Поскольку архаический некрополь Фанагории почти не исследован, вполне вероятно, что в нем могут быть впоследствии обнаружены более древние сырцовые гробницы.

¹⁷¹ Погребение является одним из самых ранних в некрополе Фанагории.

В таком случае особенности новой погребальной практики должны были проявиться в некрополях апойкий, где были выявлены наиболее древние погребальные сооружения из сырца. На юго-западе Таманского п-ова самые ранние сырцовые гробницы, которые существовали непрерывно вплоть до второй половины IV в. до н.э., были обнаружены в некрополях Волна 1 и Артющенко 2. Массовое использование сырца отличает захоронения Волны 1 и Артющенко 2 от некрополей Гермонассы, Тузлы, и Панагии, в которых совершение погребений в сооружениях из сырца прервалось во второй половине V в. до н.э. При этом особенности погребальных практик в захоронениях Волны 1 и Артющенко 2 не позволяют однозначно отнести эти некрополи и связанные с ними поселения к хоре какого-либо из известных полисов, локализация которого не вызывает сомнений. А поскольку сведения о существовании некоего полисного центра рядом с некрополями Волна 1 и Артющенко 2 отсутствуют, предположение, что там мог располагаться некий неизвестный полис, хоть и допустимо, но практически не доказуемо ввиду отсутствия соответствующих материалов.

Однако существует и более простое объяснение возникновения новой погребальной традиции, разрешающее многие противоречия в аргументации. Разумно предположить, что применение сырца в погребальных конструкциях могло развиваться из местной строительной традиции колонистов. Тем более что при почти полном отсутствии камня в регионе использование приемов сырцового строительства при совершении статусных захоронений было вполне объяснимым: процесс имущественного расслоения, происходивший в апойкиях Таманского п-ова, мог обусловить соблюдение принципов социальной иерархии и в погребальном обряде (Савостина, 1984. С. 105–106; см. далее. § 4.2.3).

К тому же известно, что у эллинов (и, конечно, не только у них) существовало представление о погребальном сооружении как о «доме мертвого» (Сударев, Иванов, 2023. С. 187, 199). При создании погребальной

конструкции эта особенность мифологического сознания могла косвенно повлиять на выбор материала, аналогичного тому, который применялся в строительстве жилищ.

Но, конечно, не стоит категорически утверждать, что только практика использования сырца в погребальных конструкциях подтверждает версию греческого происхождения погребальной традиции захоронений воинов с лошадьми, выдвинутую в статье С.В. Кашаева, Р.А. Мимохода, Н.И. Сударева. Безусловно, традиция совместного погребения человека и лошади существовала в различных регионах греческого мира (Сударев, Иванов, 2017. С. 182; Кашаев и др., 2020. С. 91). В пользу эллинского происхождения этой особенности погребального обряда как будто свидетельствует и локализация большинства погребений с лошадьми именно в сырцовых гробницах. Однако не менее широкое распространение обряда совместного погребения людей и лошадей у аборигенного окружения греческих апойкий Таманского п-ова и в Балкано-Карпатском регионе заставляет исследователей воздержаться от окончательных выводов о генезисе этой практики на Азиатском Боспоре и рассмотреть иные версии (Кашаев, Мимоход, Сударев, 2020. С. 91–92).

Наиболее спорным является предположение о возможном заимствовании боспоритами традиции захоронения людей с лошадьми из погребальных практик Балкано-Карпатского региона и Северной Фракии. В качестве главного доказательства приводится широкое распространение «всаднических» погребений в этих регионах. Этот аргумент подкрепляется сведениями о существовании у фракийского и греческого населения близких представлений об обряде совместных захоронений людей и лошадей (Там же. С. 91). Отмечается, что такая традиция фиксируется во фракийских некрополях, начиная с рубежа II – I тысячелетий до н.э.

Для того чтобы понять, насколько обоснована выдвигаемая версия о фракийском происхождении рассматриваемой традиции, был проведен

сопоставительный анализ материалов погребальных памятников Азиатского Боспора и Фракии.¹⁷²

Проведенный сравнительный анализ боспорской и фракийской традиций погребения людей с лошадьми показал следующее:

1. В некрополях юго-запада Таманского п-ова первые совместные захоронения людей и лошадей фиксируются на рубеже VI–V вв. до н.э., что фактически синхронно появлению самых ранних подобных могил в Балкано-Карпатском регионе. Массовое распространение этой традиции на Боспоре обнаруживается во второй – третьей четверти V в. до н.э., а во фракийских некрополях – в IV в. до н.э.

2. На Азиатском Боспоре во второй половине V в. до н.э. обряд захоронений людей с лошадьми, прослежен лишь в захоронениях Волны 1, Артющенко 2 и Фанагории. Только в некрополе Фанагории практика использования сырцовых гробниц для погребения лошадей сочеталась с возведением курганов (Ростовцев, 1925. С. 350; Сорокина, 1957. С. 13; Застрожнова, 2014. С. 471; Кашаев, Мимоход, Сударев, 2020. С. 89; Горончаровский, 2022. С. 172). Большинство «всаднических» погребений в Балкано-Карпатском регионе и Северной Фракии, напротив, совершены под курганной насыпью, сооружения из сырца в них практически не встречаются.

3. В большинстве боспорских «всаднических» погребений выявлены полные костяки лошадей. Все эти погребения в некрополях Азиатского Боспора совершены по обряду ингумации. В «захоронениях всадников» в Балкано-Карпатском регионе прослеживается биритуализм с преобладанием обряда кремации (Николов, 1965. С. 166; Tonceva, 1980, P. 2; Măndescu, 2022. P. 86). До начала V в. до н.э. в захоронениях Фракии отсутствуют полные костяки

¹⁷² Был рассмотрен материал 15 могильников Северо-Восточной Фракии и 20 всаднических захоронений Волны 1 и Артющенко 2.

лошадей¹⁷³. Обычно «всаднический» характер погребений¹⁷⁴ определяется лишь наличием в нём уздечного набора (Georgieva, 2016. P. 269–273).

Итак, в обрядах захоронения людей с лошадьми в некрополях Азиатского Боспора и Балкано-Карпатского региона в V в. до н.э. прослеживаются различия в характере погребальных сооружений и в способах обращения с останками человека и сопровождавшей его лошади. Все это не позволяет связать происхождение этого обряда на Таманском п-ове с фракийским влиянием.

Некоторые параллели во фракийских и боспорских традициях, связанные с погребением «всадников», прослеживаются в IV в. до н.э. (Крыкин, 1993. С. 148–154). Но текущий уровень знаний не позволяет судить о том, являлось ли это следствием прямых контактов греков Боспора с фракийцами. Роль этнического фактора здесь, вероятно, не столь значима. Сходство, прослеженное в греческом и фракийском обрядах захоронения всадников, в большей степени могло стать отражением событий политической истории. В рассматриваемый период на Боспоре происходит становление государства Спартокидов, относительно синхронно в Балкано-Карпатском регионе складывается Одрисская держава¹⁷⁵. Следствием этого стало и появление новой

¹⁷³ Исключением является подкурганное погребение у д. Лесковец, в котором был обнаружен целый костяк лошади, сопровождающий погребение человека по обряду ингумации. Оно датируется в пределах VI–V вв. до н.э. (Агре, 1984. С. 48).

¹⁷⁴ Наиболее ранним из них является захоронение в кургане у с. Царевброд (Ендже), датированное VII в. до н.э. (Попов, 1931. С. 98–99).

¹⁷⁵ Зарождение государственности у фракийцев, согласно выводам отечественных и зарубежных специалистов, не выходит за рамки первой половины V в. до н.э. (Златковская, 1971. С. 25; Фол, 1976. С. 9, прим. 21; Неделчев, 1997. С. 147–153; Крыкин, 2011. С. 24; Анисимов, 2021. С. 97–112). Исследование, проведенное А.А. Завойкиным, убедительно показывает, что процесс становления Боспора как единого государства начался на рубеже V–IV вв. до н.э., а завершился не ранее середины IV в. до н.э. (Завойкин, 2013. С. 392–395). Следовательно, временной интервал между появлением государства Одрисов и державы Спартокидов может составлять от 50 до 100 лет. Значительный хронологический разрыв между этими событиями позволяет усомниться в синхронности описываемых процессов. Однако в вопросе о генезисе погребальных обрядов элит Боспора и Фракии выявленное несоответствие не столь очевидно. Возможно, формирование иерархической социальной структуры в Одрисском царстве потребовало значительно больше времени, чем на Боспоре. Особого внимания в этой связи заслуживает замечание С.М. Крыкина о консервативности фракийского общества. В его аргументации наибольший интерес вызывают доводы о прочности родовой организации у фракийцев и немногочисленности фракийской элиты даже во время правления Котиса I (383/2–359). Основываясь на результатах раскопок в Севтополе, С.М. Крыкин пришел к заключению о

элиты, которая занимала более высокое положение в обществе, чем старая аристократия.

Изменение социальной иерархии могло отразиться на погребальных обрядах. Возможно, традиции захоронения новой знати были ориентированы на погребальные обряды других государств.

Для аристократии Боспорского царства и державы Одрисов это было обусловлено не только необходимостью отстаивать интересы государства на международной арене, но и потребностью упрочить свое положение внутри страны. В эллинистических государствах это (в том числе) находит отражение в практике посмертной героизации правителя и избранных представителей аристократии. Традиция совместного захоронения человека и лошади, по мнению С.В. Кашаева, Р.А. Мимохода и Н.И. Сударева, соответствовала как греческим, так и с фракийским¹⁷⁶ представления о героическом погребении (Кашаев и др., 2020. С. 92).

Близость практики совместного захоронения людей и лошадей в элитных некрополях Боспора и Балкано-Карпатского региона IV в. до н.э. более уместно объяснить влиянием социального фактора. При этом не исключается возможность существования прямых контактов между отдельными представителями боспорской и фракийской элиты.

том, что в постоянном соседстве с царской фамилией могли находиться не более сорока семей одрисской аристократии. Следует отметить, что появление «царских» городов фиксируется во Фракии лишь в IV в. до н.э. (Крыкин, 2011. С. 86). Согласно наблюдениям того же исследователя, в это же время происходят изменения в погребальном обряде фракийской знати (Там же. С. 95–110). Эти доводы свидетельствуют в пользу окончательного оформления фракийской элиты в первой половине IV в. до н.э. Отечественные и зарубежные фракологи едины во мнении, что в это время держава Одрисов достигла своего максимального могущества и переживала второй рассвет (см.: Домарадска, 1995. С. 84; Archibald, 1998. P. 213–214; Крыкин, 2011. С. 67; Kotova, 2014. P. 41). Подъем Одрисского государства при Котисе I фактически совпадает с верхней хронологической границей «Золотого века» Спартокидов на Боспоре (Завойкин, 2013. С. 395–396).

¹⁷⁶ С.М. Крыкин связывает культ фракийского всадника с культом царя и отмечает, что распространение этой традиции было обусловлено образом жизни фракийских племен, который был сопряжен с постоянными войнами и грабежами. По его мнению, зарождение культа воина-всадника могло быть продиктовано необходимостью героизации предков и мифологизации образа жизни фракийской элиты и, в силу древности данной традиции, ее не следует рассматривать как заимствование из греческого мира (Крыкин, 2011. С. 46, 97).

Наибольшего внимания заслуживает представленная в работе С.В. Кашаева, Р.А. Мимохода и Н.И. Сударева версия о связи обряда захоронений «всадников» в некрополях Азиатского Боспора с погребальными традициями Синдики и Прикубанья. По мнению исследователей, первые захоронения лошадей в могильниках автохтонного населения этих регионов появляются еще в протомеотский период. В VII–V вв. до н.э. обряд погребения «всадников» получает широкое распространение в меотских захоронениях Прикубанья, а также района Анапы – Новороссийска. Во второй половине V в. до н.э. эта традиция прослежена в Семибратних курганах (Там же. С. 90–91). В кургане № 2 погребение лошадей было совершено в сырцовой гробнице (Горончаровский, 2014. С. 559), что позволяет считать обряд этого памятника наиболее близкой аналогией традиции захоронения всадника в боспорских некрополях. Использование сырца при создании погребальных сооружений в Семибратних курганах исключает заимствование боспоритами всего комплекса особенностей обряда у автохтонного населения Синдики. Этому противоречит и датировка захоронения в кургане № 2 – третья четверть V в. до н.э. Наиболее ранние захоронения лошадей в сырцовых гробницах появляются в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 уже в начале V в. до н.э. Логично предположить, что использование аналогичных конструкций в Семибратних курганах, напротив, являлось следствием заимствования греческой традиции.

Выводы о существовании практики «всаднических» захоронений в греческом мире, сделанные С.В. Кашаевым, Р.А. Мимоходом и Н.И. Сударевым, казалось бы, позволяют поставить точку в вопросе о происхождении традиции совместного погребения людей и лошадей на Боспоре и связать возникновение этой практики с греческим влиянием. Но тот факт, что в некрополях Таманского п-ова прослеживаются разные способы обращения с останками лошади, заставляет усомниться в верности высказанного исследователями предположения.

Так, в статье С.В. Кашаева, Р.А. Мимохода и Н.И. Сударева отмечено, что в некрополе Волна 1 останки лошадей представлены исключительно «полными» костяками. В некрополе Артющенко 2, наряду с погребениями, содержащими относительно «целые» костяки, были обнаружены две могилы, где находились только кости конского черепа. Черепа лошадей были «взнузданы»¹⁷⁷ и располагались отдельно от захоронения человека у коновязей (Там же. С. 86–89). Вследствие этого некорректно рассматривать фрагментированные костяки коней в некрополе Артющенко 2 в качестве мясной пищи, предназначенной усопшему. Против такой трактовки свидетельствует то, что вместе с черепом лошади могла быть положена и шкура коня (Там же. С. 89). Возможно, погребения, в которых отмечено наличие только «взнузданного» черепа, либо «взнузданного» черепа и костей ног лошади, следует рассматривать как остатки конского «чучела». Между тем обряд, связанный с захоронением «чучела» лошади не характерен для других некрополей греческого мира. Зато широкие схожие традиции прослеживаются в могильниках автохтонного населения Прикубанья, а также района Анапы–Новороссийска (Берлизов Н.Е., Берлизов А.Н., 2024, в печати). Наиболее ранние погребения «чучел» лошадей открыты в протомеотском могильнике Пшиш, функционировавшем в конце IX – начале VII в. до н.э. (Эрлих, 2005. С. 84, 89–90). Традиция захоронения «чучел» лошадей прослеживается в памятниках Предгорного и приморско-абинского вариантов протомеотской культуры (Там же. С. 99–111). Обряд захоронения «чучел» выявлен в районе Новороссийска во «всаднических» погребениях, которые располагаются в относительной близости от Таманского п-ова¹⁷⁸. Эта традиция отмечена в захоронении всадника VII в. до н.э., открытом в могильнике Шесхарис (Там же. С. 118). В небольшой группе из 14 захоронений всадников, представленной во Владимировском могильнике,

¹⁷⁷ Рядом с черепами лошадей располагались оформленные в зверином стиле псалии, а в захоронении № 65 – и налобник (Кашаев, Мимоход, Сударев, 2020. С. 87).

¹⁷⁸ В могильнике на расстоянии около 84 км.

«чучела» коней обнаружены в 57% могил. Этот памятник датируется в пределах VII–V вв. до н.э., что дает основание полагать: большинство захоронений всадников в нем были совершены незадолго до или одновременно с погребениями в греческих некрополях Таманского п-ова (Федоренко, 1998; 2000). Наиболее близкие аналогии захоронению «чучел» лошадей, открытых в некрополе Артющенко 2, прослеживаются в грунтовых могильниках Синдики. «Чучела» лошадей фиксируются во «всаднических» погребениях № 10 в могильнике ОПХ Анапы и № 6 некрополя у хут. Рассвет (Зуйков, 1992. С. 6; рис. 49; Крушкол, Новичихин, 2010. С. 25–27; Малышев, Новичихин, 2022 а. С. 127). Датировка этих захоронений (не позднее первой половины V в. до н.э.) и их расположение в непосредственной близости от греческих некрополей юго-запада Таманского п-ова приводят к мысли о связи традиции погребения «чучел» с аборигенным окружением Азиатского Боспора.

Непрерывное существование этой практики в могильниках населения Прикубанья с протомеотского периода до римского времени указывает на ее «негреческое» происхождение (Е. Берлизов, А.Н. Берлизов, 2024 (в печати))

Древность этого обычая заставляет вспомнить о религиозных представлениях «варварского» окружения Боспора, связанных с погребением «чучела» лошади. Возможная интерпретация данного обряда обнаруживается в Нартовском эпосе – древнейшем эпическом цикле народов Кавказа. В частности, в осетинской версии Нартиады «чучело» коня выступает в качестве транспорта, позволяющего умершему герою вернуться из загробного мира (Нарты. Осетинский героический эпос, 1989. С. 282). Хотя эпический сюжет происходит из средневекового осетинского предания, он, с большой вероятностью, является переложением значительно более древней устной литературной традиции, связанной с населением Прикубанья. В пользу этого свидетельствуют результаты анализа изображений на меотском зеркале II–I вв. до н.э., проведенного Н.Е. Берлизовым, А.В. Пьянковым и М.И. Смаглюком.

Изучение сцен на оборотной стороне зеркала позволило исследователям атрибутировать их как сюжеты из Нартовского эпоса, которые восходят к преданиям о чудесной охоте нарта Сослана (Сосруко) и его женитьбе на дочери Солнца Ацирухс (Берлизов и др., 2019. С. 165–166). Присутствие сюжетов нартвовского эпоса на предметах меотского изобразительного искусства позволяет предположить, что в осетинских преданиях о загробном мире могли отразиться более ранние мифологические представления древнего населения Прикубанья. Вследствие этого «чучела» во «всаднических» захоронениях можно связать с верой в реинкарнацию покойного в поминальные дни.

Итак, по меньшей мере, одна из традиций, связанных с погребением лошадей в греческих некрополях Таманского п-ова, могла иметь «варварское» происхождение. Отметим, что во всех могильниках Прикубанья и района Анапы – Новороссийска, где были прослежены «всаднические» захоронения, наряду «чучелами», фиксируется присутствие целых костяков коней. Принимая во внимание выводы С.В. Кашаева, Р.А. Мимохода и Н.И. Сударева о наличии обычаев, связанных с погребением лошадей в греческом мире, объяснять происхождение всех обрядов «всаднических» захоронений исключительно влиянием «варварского» окружения некорректно. С учетом представлений, которые, вероятно, имелись у эллинского населения Таманского п-ова, уместно предположить, что в результате контактов греков с автохтонным населением разные ритуалы могли «накладываться» друг на друга. В погребальных практиках некрополя Артющенко 2, возможно, соединились две традиции (греческая и «варварская»), связанные с совместным захоронением людей и лошадей. В таком случае формирование этого обряда на Таманском п-ове могло стать следствием «греко-варварского» взаимодействия. Это указывает на сохранение присутствия синдского населения в зоне контактов на юго-западе Таманского п-ова в рамках второго выделенного нами периода. Сложно судить о масштабах этого присутствия, но усиление контактов между греческим и

аборигенным населением во второй – третьей четверти V в. до н.э. очевидно. Разделяя мнение большинства исследователей, следует признать, что этот процесс был связан в большей степени с эллинизацией Синдики (Новичихин, 2006. С. 83; Малышев, Новичихин, 2022. С. 172, 181; Sudarev at all, 2021. P. 55–56). Материалы Семибратних курганов свидетельствуют, что в обрядах синдской элиты прослеживается ряд заимствований. Так, не вызывает сомнений греческое происхождение техники строительства сырцовых гробниц. На контакты с греками указывает и наличие в наборе инвентаря греческих ювелирных украшений, сосудов и отдельных предметов вооружения (см.: Ростовцев, 1925. С. 358–363; Артамонов, 1966. С. 36–39; Масленников, 1981. С.19; Виноградов, Горончаровский, 2008. С. 64–70; 2014. С. 554–576). Говорить что-либо о влиянии эллинских обрядов на традиции рядового населения Синдики, опираясь на материалы погребальных памятников, сложно. Вслед за А.А. Малышевым и А.М. Новичихиным можно только констатировать резкое увеличение доли греческого импорта во всех исследованных синдских могильниках в начале рассматриваемого периода (Малышев, Новичихин, 2022. С. 171), что свидетельствует об интенсификации торговых контактов между греками и синдами, а не о заимствовании каких-либо элементов погребального обряда. Как представляется, проникновение греков в Синдику в большей степени находит отражение в материалах бытовых памятников. В.А. Горончаровский связал расширение Семибратнего городища во второй четверти V в. до н.э. с прибытием туда новых греческих переселенцев (Горончаровский, 2014. С. 579). А.В. Иванов и Н.И. Сударев, обратившись к материалам поселения Самойленко, расположенного на границе современных Анапского и Новороссийского районов, предложили рассматривать его как «эталонный памятник греко-варварских взаимоотношений». Авторы обратили внимание на сочетание греческих и варварских черт в керамическом комплексе на территории поселения, где греческая столовая посуда сочеталась с сосудами

местного производства. В архитектуре поселения было прослежено использование греческих приемов строительства (Иванов, Сударев, 2018. С. 257–262). Не вызывает сомнений греческое происхождение храма начала V в. до н.э. в поселении Вестник на территории Крымского района (Sudarev at all, 2021. P. 55–56). Примечательно, что в непосредственной близости с ним располагался могильник автохтонного населения, греческое влияние на обряды которого почти не прослеживается. Оно выразилось лишь в присутствии греческой посуды в наборе сопроводительного инвентаря, что опять же свидетельствует лишь об экономических связях Боспора и Синдики. Особенности, присущие автохтонному населению региона, обнаруживаются в течение всего периода функционирования могильника, которое продолжалось до второй половины IV в. до н.э.¹⁷⁹. В целом, судить о процессах, связанных с греко-варварскими контактами в Синдике, исходя из имеющихся на настоящий момент данных, крайне затруднительно. По замечанию А.А. Малышева и А.М. Новичихина, большая часть поселений греко-варварских контактных зон была разрушена морской абразией (Малышев, Новичихин, 2022. С. 172). В Синдике эллинское влияние практически не отразилось на обрядах могильников региона. Наиболее показательным изменением является прекращение функционирования большинства «варварских» могильников в Синдике ко второй четверти IV в. до н.э.

Таким образом, во всех некрополях Азиатского Боспора в рассматриваемый период была выявлена тенденция к унификации погребальных традиций. Она проявилась в использовании схожих типов погребальных сооружений, преобладании захоронений по обряду ингумации, присутствии как кувшинов, так и чаш в наборе сопроводительного инвентаря. Определенная самобытность прослеживается в обрядах некрополей юго-запада Таманского п-ова, которые располагались в зоне контактов греков и

¹⁷⁹ Выражаю искреннюю благодарность Н.И. Судареву за консультацию по этому вопросу.

«варварского» окружения региона. Установлено, что представители автохтонного населения, не только продолжали присутствовать на юго-западе Таманского п-ова, но и могли быть причастным к формированию там новых вариантов погребальных традиций. Взаимное влияние, как представляется, проявилось в обряде «всаднических» погребений, где применение греческой строительной техники, связанной с использованием сырца при создании погребальных сооружений, сочетается с практикой захоронения «чучел» лошадей, характерной для населения Прикубанья. Можно предположить, что ранее существовавшая зона контактов смещается во второй половине V в. до н.э. на юг, на что указывает исчезновение «варварской» традиции захоронения в ямах с каменной наброской в некрополе у м. Тузла. Синхронно данному процессу происходит интенсификация контактов греческого и синдского населения в Синдике. Греческое влияние в захоронениях синдской знати прослеживается в использовании греческих погребальных сооружений, а также в присутствии эллинских предметов в инвентаре, в могильниках рядового населения – только в наборе керамики. Все это свидетельствует об усилении торговых контактов между эллинами Боспора и синдским населением. Наиболее серьезные изменения выявляются в обрядах изучаемого региона лишь в конце рассматриваемого периода. В Синдике прекращает функционировать большинство могильников автохтонного населения. Во всех некрополях Таманского п-ова обнаруживаются новые типы погребальных сооружений. В курганных некрополях Фанагории, Гермонассы, Кеп, у м. Тузла фиксируются первые погребения по обряду кремации на стороне, что могло быть следствием появления в регионе новых групп греков в ходе масштабных событий социально-политической истории Боспора, связанных с процессом образования единой державы Спартокидов, завершившегося в целом к середине IV в. до н.э.

4.2.3. Вторая половина IV в. до н.э.

Вторая половина IV в. до н.э. рассматривается в данном исследовании в рамках отдельного периода, поскольку в это время сильное воздействие на изменение погребальных обрядов на Азиатском Боспоре оказывают не столько события этнической, сколько социальной и военно-политической истории (подробнее см. § 4.3; 4.4; 4.5). Но и влияние этнического фактора не стоит исключать полностью. В пользу этого свидетельствуют данные нарративной традиции, согласно которым этнический состав населения региона был весьма неоднородным. В его состав могли влиться новые группы населения, в том числе из «варварского» окружения. Особого внимания заслуживают посвятельные надписи, фиксирующие изменения, происходившие в титулатуре боспорских правителей в течение IV в. до н.э. (КБН 6, 6 А, 8, 9, 10, 11, 971, 972, 1014, 1015, 1037, 1038, 1039, 1040). По справедливому мнению А.А. Завойкина, эти источники следует рассматривать в качестве хронологических ориентиров, отражающих процесс становления державы Спартокидов, важной частью которого является последовательное подчинение власти боспорских правителей «варварских» племен Прикубанья и, конечно, включение в состав государственных земель территории Синдики (Завойкин, 2013. С. 317–329).

Согласно данным эпиграфики, к концу правления Левкона I под властью боспорского династа уже находились племена синдов, торетов, дандариев и пссесов (6, 6а, 8, 1037, 1038). Итоги завоевательной политики Боспора в IV в. до н.э. нашли отражение в титулатуре Перисада I, который именуется: «архонтом Боспора и Феодосии, царствующим над синдами, всеми меотами, фатейми, досхами» (КБН 972). Спартокиды называли себя «царствующими» поскольку «одержали над этими племенами военную победу» (Завойкин, 2021. С. 60).

Важную информацию об этническом составе населения реколонизованной Спартокидами Горгии дает каталог победителей,

насчитывающий 226 имен (КБН 1137. С. 670–673). В нем, наряду с ионийскими, представлены дорийские, фракийские и македонские личные имена, что отражает неоднородность состава населения полиса в конце IV – начале III в. до н.э. (Латышев, 1909. С. 254–258; Кубланов, 1954. С. 143–146; Берзин, 1961; Тохтасьев, 1988. С. 113–116; 1992. С. 182, примеч. 16, 17; Анохин, 1999. С. 21; Завойкин, 2013. С. 419–420).

Эпиграфические материалы дополняются данными письменных источников. Ценная информация содержится в рассказе Диодора Сицилийского о междоусобной войне сыновей Перисада I в 310/309 г. до н.э. (Diod. XX. 20–24). Не углубляясь в разбор дискуссии о составе участников этой войны¹⁸⁰, отметим, что данные письменной традиции позволяют предположить, что во второй половине IV в. до н.э., негреческое население не только присутствовало в регионе, но и было способно влиять на события политической истории (династической распри наследников Перисада I).

Не вызывает сомнений абсолютное доминирование в указанный период на Боспоре эллинского населения. Помимо исконных жителей боспорских городов и поселений, нам известны отдельные представители – выходцы из различных центров греческого мира. Об этом свидетельствуют две надгробные надписи – хиосца Ангелиппа¹⁸¹ и тегеата Пантия из Фанагории (Яйленко, 1986.

¹⁸⁰ По сообщению Диодора, на стороне Сатира выступают греческие наемники, скифы и фракийцы. Согласно оригинальному тексту источника, фракийцы сражались с обеих сторон и составляли основу войска Евмела (Diod. XX. 22). По мнению А. Бёка, в сообщении Диодора Сицилийского была допущена ошибка. В соответствии с его конъектурой (SIG II. S. 102), на стороне Евмела выступили фатеи (см. Гайдукевич, 1949. С. 73). Еще один вариант перевода был предложен Е. Боннелом. По его версии, которую поддержал В.В. Латышев (1909. С. 388), на стороне Евмела выступали сираки. Аналогичного мнения придерживался Ю.М. Десятчиков (1977. С. 45–47). В пользу предположения об участии сираков в междоусобной войне на Боспоре высказывались А.М. Ждановский и И.И. Марченко (Ждановский, 1990. С. 38; Марченко, 1996. С. 113–119). В настоящее время данная точка зрения оспаривается Н.Е. Берлизовым, А.В. Ивановым и Н.И. Сударевым (Берлизов, 2014. С. 73–74; Иванов, Сударев, 2018. С. 48–55). Опираясь на данные эпиграфики и археологические материалы, эти исследователи предлагают вернуться к оригинальному тексту сообщения Диодора и признать участие фракийцев в войне на стороне Евмела.

¹⁸¹ Надпись была обнаружена в Гермонассе (КБН 1233. С. 724).

С. 222–226, рис. 9, 13), которые, вероятно, служили наемниками в войсках боспорских правителей (Завойкин, 2013. С. 330–333).

Итак, письменные источники свидетельствуют о присутствии на территории исследуемого региона разных групп греческого и автохтонного населения. Однако причиной вариативности погребальных практик становится не столько влияние этнических, сколько социальных процессов.

Изучение археологического материала показывает, что во второй половине IV в. до н.э. в некрополях Азиатского Боспора все изменения погребальных традиций шли относительно синхронно и имели более выраженный характер по сравнению с предшествующим этапом.

Изменения проявились в широком распространении новых типов погребальных сооружений и способов обращения с телом умершего, в положении останков погребённых в могилах, в наборе сопроводительного инвентаря. Во всех некрополях Азиатского Боспора отмечается относительная унификация выделенных особенностей погребальных практик, каждую из которых представляется возможным рассмотреть в контексте этнической ситуации в регионе.

Новые типы погребальных сооружений чаще обнаруживаются в захоронениях зажиточных боспоритов. Среди погребений боспорской элиты выделяются подкурганые захоронения пантикапейской аристократии, в которых преобладали монументальные каменные и сырцовые гробницы (см. Гл. 3. § 3.2; 3.3; 3.4).

Большая часть погребений рядового населения, как и прежде, осуществлялась в простых грунтовых ямах, стали распространяться новые типы погребальных конструкций – подбойные захоронения с закладами, грунтовые склепы, а также черепяные гробницы. Количество сырцовых ящиков, по сравнению с предшествующим периодом, напротив, значительно уменьшилось, и к концу IV в. до н.э. их использование в некрополях Таманского п-ова почти

прекратилось. Продолжали использоваться крупные тарные сосуды для захоронения младенцев.

Способы обращения с телами умерших также изменились. Хотя погребения рядового населения продолжали совершаться по обряду ингумации, в курганных некрополях Фанагории, Гермонассы, Кеп, Горгиппии, у. м. Тузла были обнаружены кремации¹⁸². В захоронениях под курганами все чаще стал практиковаться обряд кремации на стороне (в урне). В более ранние периоды эта особенность обряда практически не прослеживалась в некрополях Азиатского Боспора, но фиксировалась в группе архаических захоронений в некрополях Пантикапея и Нимфея (см. Прил. 5. Табл. №5). Во второй половине V – первой половине IV вв. до н.э. кремации в захоронениях Пантикапея и Нимфея получили еще более широкое распространение. Кроме того, погребения по обряду кремации на стороне отмечены в некрополе Тиритаки (Сударев, 2005. С. 126–127; Табл. № 32). Это дает основание предположить, что традиция, связанная с трупосожжением на стороне (в урне), могла быть перенесена на Таманский п-ов с Европейского Боспора. Позволительно думать, что распространение обряда, прослеженное в элитных захоронениях Таманского п-ова, отражает присутствие на Азиатском Боспоре представителей пантикапейской (Спартокидовской) администрации.

В рассматриваемый период расположение человеческих останков во всех некрополях Азиатского Боспора было довольно единообразным: преобладали могилы, в которых захороненные лежали вытянуто на спине. Однако погребенные, помимо вытянутого положения, могли располагаться скорчено (на левом и на правом боку) и ничком. Наиболее часто такие вариации встречались в некрополях Волна 1 и Виноградный 7.

В захоронениях Волны 1 и Виноградного 7 в рассматриваемый период (наряду с вариациями положения тел в могилах) сходство также проявилось в

¹⁸² Два случая кремаций выявлены в грунтовом некрополе Виноградный 7 (см. Гл. 3).

типах погребальных сооружений, в способах обращения с телом погребенного, в наборах посуды, украшений, деталей одежды и мелких орудий труда. В предыдущие периоды в погребальных обрядах этих памятников не было выделено достаточного сходства. Поэтому они ранее не были объединены в одну (Берлизов, Сударев, 2022. С. 66).

В наборе сопроводительного инвентаря во второй половине IV в. до н.э. также наблюдаются тенденции к усилению единообразия. Общим для всех грунтовых некрополей стало уменьшение количества кувшинов и чаш. Только в некрополях Гермонассы, Пересыпи и Волна 1 было найдено большое количество кувшинов, хотя и на этих погребальных памятниках такие сосуды фиксируются реже, чем в предшествующий период. В некрополях у м. Тузла и Панагии чаще всего обнаруживаются чаши, а кувшины почти не встречаются. Сочетание кувшинов и чаш во всех некрополях исследуемого региона выявляется очень редко.

Таким образом, в силу разных причин, не всегда связанных с влиянием этнического фактора, в захоронениях Азиатского Боспора наблюдается унификация подавляющего большинства особенностей погребальных обрядов. Археологический материал свидетельствует, что присутствие в регионе разных этнических групп, отмеченное в нарративных источниках, практически не нашло отражения в погребальных традициях греков-боспоритов. Погребальные практики, выявленные в некрополях второй половины IV в. до н.э., демонстрируют относительное единообразие.

Некоторые нехарактерные особенности¹⁸³ обнаруживаются только в некрополе Волна 1, расположенном в выделенной ранее зоне контактов с аборигенным населением. Но присутствие этих особенностей гораздо менее заметно, чем в предыдущий период. Зато влияние новых погребальных практик,

¹⁸³ Имеются в виду отклонения от традиционной ориентировки, разные варианты поз погребенных в могиле и отсутствие в таких захоронениях сопроводительного инвентаря.

зафиксированных в некрополях во второй половине IV в. до н.э., безусловно отмечается в материалах захоронений представителей автохтонного окружения Азиатского Боспора¹⁸⁴.

Наиболее показателен процесс изменения погребальных традиций, прослеженный в некрополе Горгиппии.

Согласно выводам А.А. Завойкина, около 370–360 гг. до н.э. происходит захват Спартокидами Синдской Гавани, после чего на месте этого полиса боспорскими правителями основывается новый полис, названный по имени брата Левкона I – Горгиппия (Завойкин, 2013. С. 191–198; С. 491. Табл. 9). С учетом имеющихся данных, прекращение функционирования некрополя Синдской Гавани, где были прослежены особенности погребальных обрядов, связанные с традициями негреческого населения, датируется не позднее рубежа V–IV вв. до н.э. Наиболее ранние погребения в некрополе Горгиппии относятся к третьей четверти IV в. до н.э. В погребальных традициях некрополей Синдской Гавани и Горгиппии были зафиксированы существенные различия. Так, в некрополе Синдской Гавани отмечались самобытные черты, аналогичные некоторым особенностям погребальных практик «варварских» могильников, расположенных на территории архаической Синдики (см. § 4.1.1). Обряды же населения Горгиппии, напротив, демонстрировали значительное сходство с погребальными традициями, выявленными в захоронениях других греческих городов, расположенных на Таманском п-ове, а какая-либо связь с обрядами автохтонного населения региона не прослеживается. Основным типом погребального сооружения в грунтовом некрополе Горгиппии являлись простые ямы без перекрытия. Все захоронения совершены по обряду ингумации. Почти во всех могилах (за исключением одного младенческого погребения в амфоре)

¹⁸⁴ По справедливому замечанию А.А. Завойкина, нет никаких оснований полагать, что территории меотских племен Западного Закубанья «действительно вошли в состав Боспорского царства. Единственное исключение – это Синдика, которая после смерти последнего царя синдов, Гекатея, была инкорпорирована в состав Боспора, и эти земли (включая Горгиппию и ее хору) получили особый статус» (Завойкин, 2021. С. 68).

умершие лежали вытянуто на спине. В некрополе второй половины IV в. до н.э. была существенно снижена доля кувшинов и чаш (см. Прил. 5. Табл. № 5).

Самые ранние захоронения в курганном некрополе Горгиппии датируются рубежом IV–III вв. до н.э. К этому времени относят погребение в кургане Султановского («Султан-Курган»)¹⁸⁵ и парное захоронение в кургане № 5 курганной группы, расположенной в полуверсте от крепости Анапа, которая исследовалась Б.Ф. Гринфельдом в 1837 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 6. Ед. 62. Раздел 6. С. 425–500; Евсюков, 2022 С. 50–51). Описание результатов раскопок этих курганов дает лишь общее представление о погребальном обряде курганного некрополя Горгиппии. Изученные погребения были совершены в склепах с уступчатым перекрытием. Умерших сопровождали захоронения лошадей. В составе инвентаря в кургане № 5 курганной группы, расположенной в полуверсте от крепости Анапа¹⁸⁶, присутствовали монеты (в том числе золотой статер Лисимаха 321–281 гг. до н.э.) и украшения. В кургане Султановского было найдено лишь бронзовое кольцо от конской упряжи. Даже эти скудные сведения демонстрируют серьезные различия в обрядах некрополя Горгиппии и могильников населения района Анапы VI–V вв. до н.э. При этом погребальные сооружения из горгиппийских курганов находят аналогии в других некрополях греческого мира, и в первую очередь – в захоронениях боспорской знати на территории Восточного Крыма и Таманского п-ова.

Во второй половине IV в. до н.э. изменение этнического состава, обусловленное событиями военно-политического характера, привело к существенным трансформациям погребальных обрядов, выявленных на «варварских» погребальных памятниках. На рубеже V–IV вв. на хоре Синдской Гавани прекращают функционировать могильники аборигенного населения.

¹⁸⁵См. ОАК за 1882–1888 гг.; 1891. С. XXII. См. также Гл. 2. С. 78.

¹⁸⁶Согласно предположению, высказанному С.В. Евсюковым на основании результатов сопоставления исторических карт XIX в. с современным планом местности, описываемая группа курганов может быть локализована на территории современного г. Анапы в районе Летней эстрады по ул. Горького и здания городской администрации (Евсюков, 2022. С. 53).

Число погребений IV–II вв. до н.э. в других синдских могильниках¹⁸⁷ не превышает нескольких десятков (Малышев, Новичихин, 2022 а. С. 179), причем в их погребальных традициях «варварские» особенности не прослеживаются. В конструкции погребальных сооружений, способах обращения с останками и ориентировке погребенных, а также в наборе сосудов в инвентаре отмечается сходство обрядов синдских могильников с погребальными традициями греческих некрополей Таманского п-ова.

В Синдике в рассматриваемый период широко распространяются наземные каменные склепы с дромосом.

Эти погребальные конструкции находят многочисленные аналогии в боспорских некрополях. Все захоронения в синдских могильниках совершены по обряду ингумации, преобладает ориентировка погребенных в восточном секторе. В наборе посуды почти не встречаются кувшины и чаши, преобладают крупные тарные и туалетные глиняные сосуды. Кроме того, А.А. Малышевым и А.М. Новичихиным отмечено широкое распространение в синдских некрополях эллинской погребальной практики, предусматривающей положение в захоронение «обола Харона» (Там же. С. 177–179).

Тот факт, что в погребальных обрядах могильников Синдики не выявлены особенности, которые можно однозначно связать с традициями местных племен, казалось бы, заставляет усомниться в присутствии автохтонного населения в регионе.

Однако этому противоречат материалы других археологических источников.

В частности, о существовании негреческого населения в Синдике свидетельствуют находки лепной керамики на месте поселений. М.Е.

¹⁸⁷ Имеются в виду некрополи у хут. Рассвет (Новичихин и др., 2010); в урочище Барашник (Малышев, 2016. С. 92–93) и могильники Заря 2 (Шишлов и др., 2018. С. 339–347.); Раевского городища (Малышев и др., 2007); Сукко-1, 2, Родники-1; в урочище Самойленко; Лобановой щели; Цемдолина 2; Аэропорт (Малышев, Новичихин, 2022 а. С. 180).

Клемешовой обнаружены лепные сосуды в керамическом комплексе поселений Вестник-1, Шуха-1, Чекупс-2, урочище Самойленко-1 и Су-псех и на территории Горгиппии. По мнению исследовательницы, лепная керамика, традиция производства которой связана с местными племенами, продолжает встречаться в Синдике вплоть до III в. до н.э. (Клемешова, 2021. С. 102–103). Очевидно, аборигенное население сохраняло свое присутствие на юге региона и сосуществовало с боспорскими греками.

Заметим, что большой участок некрополя Горгиппии, относящийся ко второй половине IV в. до н.э., остается до сих пор неисследованным. Кроме того, часть поселений и могильников, находящихся в непосредственной близости от морского побережья, могла серьезно пострадать или быть полностью разрушенной вследствие абразии. В связи с этим более уместным будет, не отрицая самого факта присутствия автохтонного населения в Синдике, ограничиться лишь постановкой вопроса о локализации синдских погребальных памятников второй половины IV в. до н.э.

Таким образом, во второй половине IV в. до н.э. в некрополях Азиатского Боспора возобладала тенденция к унификации погребальных традиций, наметившаяся еще в предыдущий период. Это существенно ограничивает возможность получения информации об этническом составе населения при изучении погребальных обрядов Азиатского Боспора. Тем не менее, вариативность некоторых погребальных традиций указывает на неоднородность населения региона, засвидетельствованную и в нарративных источниках.

Практически полное отсутствие «варварских» особенностей в погребальных обрядах синдских могильников отражает процесс эллинизации региона после его завоевания Спартокидами. Изучение других археологических

источников¹⁸⁸ свидетельствуют о том, что представители местных племен сохраняли свое присутствие в регионе.

Учитывая процесс унификации погребальных традиций в некрополях и проявление новых погребальных практик в «варварских» захоронениях Синдики, можно предположить, что под влиянием разных исторических процессов именно в рассматриваемый период идет становление новой социально-политической общности – *боспоритов*, что отразилось и в погребальных традициях региона.

4.3. Погребальные обряды и социальная история региона

Не требует доказательств очевидный тезис: изменения социальной структуры общества, её усложнение или, напротив, деградация, закономерно отражаются на характеристиках погребальных практик. Социальная и имущественная дифференциация населения будет иметь следствием дифференциацию погребальных обрядов даже в рамках единого сообщества. Хотя идеологическая подоснова погребальных традиций в целом может оставаться принципиально неизменной и общей для разных групп сообщества, различия в её материальном выражении могут быть значительны.

Изучение погребальных обрядов жителей городов и поселений Азиатского Боспора отчетливо демонстрирует изменения погребальных практик в ходе структурных преобразований общества, происходивших в VI–IV вв. до н.э. Усложнение социальной структуры населения боспорских полисов (граждан и лиц, не обладавших гражданским статусом) неизбежно должно было проявиться в увеличении многообразия погребальных традиций. В этой связи необходимо выявить те изменения погребальных обрядов, которые были вызваны социальными процессами.

¹⁸⁸ Речь идет о поселенческих памятниках и культовых сооружениях, в частности – о храме Деметры (?) на поселении Вестник 1.

С учетом того, что в древних обществах статус людей во многом определялся признаками демографического характера, первоначально надо было определить специфику погребальных традиций, зафиксированную в захоронениях людей разного пола и возраста. Нам удалось установить, что особенности обрядов, связанные с полом и возрастом погребенных, прежде всего, проявились в характере погребальных сооружений, способах обращения с телом погребенного, количестве индивидов в захоронении, наличии в погребении сосудов определенных типов и наступательного вооружения, конской упряжи, мелких орудий труда, украшений, предметов ритуального назначения. Во всех изученных некрополях комплекс особенностей, обусловленных полом и возрастом погребенных, менялся в каждом из трех ранее выделенных периодов, причем изменялись уже существовавшие погребальные традиции, а не появлялись новые (см. Гл. 3).

4.3.1. Особенности погребальных практик, связанные с полом и возрастом погребенных.

Очевидно, что на ранних этапах функционирования некрополей Азиатского Боспора социальное расслоение населения было выражено относительно слабо. Изначально коллектив колонистов, в принципе, выступал как сообщество равных. Новая «знать» в недавно появившихся полисах только начинала формироваться. Общество было имущественно относительно однородным, что отразилось и на погребальных традициях, не отличавшихся выраженным многообразием. *Во второй половине VI – первой половине V в. до н.э.* изменения погребальных практик, обусловленные полом и возрастом погребенных, происходили менее интенсивно, чем в последующие периоды.

Основным типом погребального сооружения в регионе были простые грунтовые ямы (см. Гл. 3. §§ 3.3; 3.4; Гл. 4. § 4.2.1; Прил. 5. табл. № 7,8). Иной тип погребальных конструкций – крупные тарные сосуды – на этом этапе использовался исключительно для захоронений младенцев и детей. В погребениях мужчин и женщин всех возрастных групп отсутствуют различия в характере погребальных сооружений.

Почти все погребения раннего периода, вне зависимости от пола и возраста умерших, совершены по обряду ингумации. Кремации зафиксированы лишь в двух захоронениях, в обоих случаях удалось определить пол и возраст погребенных: в одном обнаружены останки молодой женщины 20–25 лет¹⁸⁹, в другом – зрелой женщины в возрасте 35–45 лет¹⁹⁰.

Большинство захоронений индивидуальные. Относительно высокий процент парных погребений фиксируется только в некрополях юго-западной части Таманского п-ова. Практически во всех коллективных захоронениях присутствуют останки зрелых мужчин. Вместе с ними в могиле мог находиться скелет молодого, зрелого, либо пожилого человека как женского, так и мужского пола.

Различия в погребальных традициях, связанные с возрастом, прослеживаются в количестве сосудов в захоронениях. У младенцев сосуды обычно отсутствуют, изредка рядом с костными останками находится один сосуд. Рядом с останками детей встречены один – два, реже – три и более керамических сосуда. В погребениях молодых, зрелых и пожилых людей – от одного до трех и более сосудов. Небольшой размер выборки захоронений, где был определен пол погребенных, не позволяет судить о том, насколько тесно данная особенность обряда была связана с полом умерших. Материалы погребений, для которых имеются антропологические определения,

¹⁸⁹ Захоронение № 47 в некрополе Артющенко 2 (Кашаев, 2010. С. 94).

¹⁹⁰ Погребение № 11 из некрополя Синдской Гавани (Алексеева, 1991. С. 53–54).

свидетельствуют, что использование большого количества сосудов более характерно для захоронений женщин. Изучение набора посуды показывает, что в детских могилах чаще представлены туалетные глиняные сосуды, как исключение – кувшины и чаши. Чаши, в отличие от кувшинов, достаточно часто встречаются в захоронениях молодых людей. Использование кувшинов и крупных тарных сосудов в первый период является особенностью традиций захоронения зрелых и пожилых людей. В погребениях этих возрастных групп широко представлены чаши и туалетные сосуды (глиняные и стеклянные). Установлено, что присутствие тарных сосудов и кувшинов чаще фиксируется в мужских захоронениях, чаш – в женских. В некоторых женских захоронениях встречаются лепные горшки, однако с учетом выводов, сделанных ранее (см. § 4.2.1), более корректно не связывать эту особенность исключительно с полом погребенных.

Наличие оружия является признаком обряда захоронения мужчин. При этом присутствие полного набора наступательного вооружения, представленного несколькими наконечниками стрел, копьями и мечами, отмечено только в погребениях зрелых мужчин. В захоронениях молодых мужчин встречаются стрелы и наконечники копий, у пожилых – почти всегда наконечники стрел, изредка – мечи. Предметы конской упряжи обнаружены в небольшом количестве в захоронениях мужчин в возрасте 25–45 лет исключительно в некрополях юго-запада Таманского п-ова.

Различия в погребальных практиках зафиксированы и в наборе украшений. В младенческих захоронениях обнаруживаются только бусы, в детских – наряду с бусами встречаются серьги и кольца (крайне редко). В погребениях молодых, зрелых и пожилых людей присутствуют бусы, серьги, перстни, браслеты, очень редко изготовленные из серебра или золота. В женских захоронениях часто представлены серьги и браслеты, реже – кольца, в мужских – перстни и браслеты.

Особенности набора орудий труда указывают скорее на специфику погребальных традиций, связанную с полом, нежели с возрастом. Показательно, что в захоронениях младенцев и детей орудия труда не представлены. Ножи, оселки, шилья и гвозди, как правило, фиксируются в мужских погребениях, а иглы и пряслица – в женских.

Некоторые различия в погребальных практиках, связанные с возрастом и полом умерших, прослежены в наборе предметов ритуального назначения. В захоронениях младенцев и детей встречаются только астрагалы. В наборе, характерном для других возрастных категорий, наряду с астрагалами представлены раковины каури, а также амулеты из костей животных¹⁹¹. Амулеты фиксируются нечасто и исключительно в мужских погребениях, а раковины – только в женских.

Во втором периоде (вторая половина V– первая половина IV вв. до н.э.) на Азиатском Боспоре разнообразие обрядов погребенных разного пола и возраста увеличивается.

Наряду с грунтовыми ямами различных форм, широкое распространение получают сырцовые склепы и ящики. Хотя такие конструкции используются преимущественно для захоронений молодых, зрелых и пожилых людей, в некрополях у пос. Виноградный, Артющенко 2 и Волна 1 выявлены и детские погребения в сырцовых ящиках. В некрополях Виноградный 7 и Артющенко 2 в сооружениях из сырца иногда фиксируются исключительно останки детей. Новацией в обрядах становится появление в некрополях юго-запада Таманского п-ова «двухъярусных» захоронений, в которых останки младенцев располагаются над погребением взрослого человека. Однако в большинстве некрополей продолжают захоронения детей и младенцев в крупных тарных

¹⁹¹ Вероятно, к предметам ритуального назначения следует отнести и находки единичных наконечников стрел, которые встречены в захоронениях молодых, зрелых и пожилых людей (мужчин и женщин). Однако результаты исследования, проведенного Н.И. Сударевым (Сударев, 2005. С. 208–231), заставляют удержаться от однозначной интерпретации этой особенности.

сосудах или грунтовых в ямах, что свидетельствует об особом консерватизме традиций погребения этой возрастной категории. Наиболее существенные изменения обнаружены в погребениях зрелых мужчин на позднем этапе: с первой четверти IV в. до н.э. в этой группе населения появляются новые типы погребальных конструкций – курганные насыпи, грунтовые склепы и подбойные могилы.

В некрополях Азиатского Боспора второй половины V – первой половины IV в. до н.э. по-прежнему преобладают ингумации, кремации редки. Наиболее ранние погребения по обряду трупосожжения на месте отмечены на рубеже V–IV вв. до н.э. в некрополе Фанагории. В захоронениях у пос. Виноградный, Кеп, Гермонассы и у м. Тузла самые ранние кремации датируются не ранее первой четверти IV в. до н.э. К сожалению, судить о поле и возрасте погребенных в данных некрополях невозможно из-за отсутствия антропологических определений. По набору инвентаря можно лишь предположить, что останки принадлежат зрелым людям.

В рассматриваемый период во всех исследуемых некрополях растет число парных и коллективных захоронений. В большинстве парных погребений присутствуют останки зрелых мужчин и молодых женщин, реже – молодых мужчин.¹⁹² Погребения младенцев, детей и пожилых людей, обычно были одиночными, хотя представители этих возрастных групп могли находиться в парных и в коллективных захоронениях. В некрополях юго-запада Таманского п-ова, а также у пос. Виноградный найдены парные детские захоронения. В некрополях Фанагории, Волна 1, у пос. Виноградный и Артющенко 2 фиксируются парные погребения пожилых людей. Во всех некрополях выделяются группы захоронений, где одновременно находятся останки зрелых и пожилых людей. Совместные погребения младенцев и взрослых людей редки, хотя фиксируются во всех некрополях Азиатского Боспора (см. Гл. 3. § 3.3; 3.4).

¹⁹² Рядом с ними могли находиться останки зрелых мужчин и зрелых или (реже) молодых женщин.

Особенно отчетливо отличия погребальных традиций, связанные с полом и возрастом погребенных, проявляются в керамическом наборе.

В некрополях Фанагории, Кеп, Гермонассы, Синдской Гавани, у м. Тузла в младенческих могилах сосуды обычно отсутствуют, очень редко с погребенным находится один сосуд, как правило, туалетный. В большинстве детских захоронений сосуды также не зафиксированы, иногда умерших сопровождает один туалетный глиняный сосуд, либо кувшин, в исключительных случаях – два сосуда. Количество сосудов в захоронениях молодых людей варьируется от одного до трех. В женских погребениях сосуды (туалетные глиняные сосуды и чаши, реже – кувшины и миски) обнаруживаются чаще. Для погребений молодых мужчин более характерно сочетание кувшинов и туалетных глиняных сосудов. В могилах зрелых людей, как правило, обнаруживаются три и более сосудов: в женских – (обычно) чаши, миски и туалетные сосуды; в мужских – кувшины, сосуды для масел и крупные тарные сосуды. В захоронениях пожилых людей количество сосудов варьируется от одного до трех и более. Чаще всего это туалетные глиняные сосуды, реже – кувшины, миски и чаши, а крупные тарные сосуды встречаются в очень малом количестве.

При изучении погребений у пос. Виноградный, Волны 1, Артющенко 2, принадлежащих людям одного пола и возраста, обнаружена большая, по сравнению с другими некрополями, вариативность в керамическом наборе. На основе сходства керамических наборов¹⁹³ в массиве рассмотренных захоронений выделяется две большие группы, где различия в погребальных обрядах, очевидно, обусловлены не только полом и возрастом, но и разным имущественным положением умерших.

Керамический набор первой группы мало отличается от того, который был обнаружен в некрополях Фанагории, Кеп, Гермонассы, Синдской Гавани, у м.

¹⁹³ Имеется в виду состав керамического набора и количество сосудов в нем.

Тузла. Небольшие различия в наборе проявляются лишь в некрополях юго-запада Таманского п-ова и у пос. Виноградный, где в погребениях присутствуют лепные горшки¹⁹⁴.

Во второй группе в инвентаре младенческих и детских захоронений сосуды отсутствуют. В могилах молодых людей обычно обнаруживается один туалетный глиняный сосуд, либо кувшин. Количество сосудов в погребениях зрелых людей варьируется от одного до трех, но нередко сосуды отсутствуют. Чаще всего сосуды обнаруживаются в женских захоронениях. Набор включает туалетный глиняный сосуд, чашу, лепной горшок (редко). В инвентаре погребенных зрелых мужчин встречаются туалетные глиняные сосуды, реже – кувшины.

В погребальных практиках двух выделенных групп наиболее рельефно проявляется разница в составе керамического набора молодых и зрелых мужчин. Погребенные являются людьми одного пола и возраста, они не различаются этнически, их могилы располагаются на одной территории, однако керамический набор представителей первой группы явно богаче, чем второй, что приводит к мысли об имущественном неравенстве и даже о разном общественном положении умерших. Однако при этом необходимо учитывать и другие особенности погребальных обрядов, поскольку стремление напрямую соотнести определенные предметы сопроводительного инвентаря с имущественным положением или статусом погребенных способно привести к серьезным ошибкам.

Особенно важно рассмотреть предметы вооружения, обнаруженные в мужских захоронениях, поскольку их наличие коррелируется с принадлежностью к определенному полу и возрасту.

¹⁹⁴ В некрополях юго-запада Таманского п-ова лепные горшки встречены в могилах молодых женщин, в некрополях у пос. Виноградный – в трех детских захоронениях.

Во всех некрополях Азиатского Боспора в данный период предметы вооружения встречаются исключительно в захоронениях молодых и зрелых мужчин. В погребениях молодых мужчин в некрополях Фанагории, Гермонассы, Кеп, у м. Тузла, Синдской Гавани фиксируются наконечники стрел и копий, иногда – короткие мечи и кинжалы, в захоронениях зрелых мужчин – стрелы, копья, дротики, короткие, реже – длинные мечи. В некрополе Фанагории крайне редко отмечаются элементы защитного доспеха: в двух погребениях зафиксированы шлемы, в одном – панцирь.

В двух ранее выделенных группах захоронений у пос. Виноградный, Волна 1, Артющенко 2 в наборе предметов вооружения также проявляются различия¹⁹⁵.

В захоронениях молодых мужчин первой группы встречаются исключительно предметы наступательного вооружения: наконечники стрел и копий, кинжалы, эпизодически – колчаные крюки, дротики, короткие мечи. В погребениях зрелых мужчин обнаружены длинные мечи, защитный доспех представлен единичными находками шлемов. В некрополе Волна 1 в одном погребении присутствует панцирь.

Во второй группе в захоронениях зрелых мужчин предметы вооружения отсутствуют, исключая редкие находки наконечников стрел¹⁹⁶.

Очевидно, что такая разница в составе сопроводительного инвентаря может служить аргументом в пользу существования имущественной и, возможно, социальной дифференциации населения в рассматриваемый период.

Различия в наборах украшений в погребениях людей разного пола и возраста также представляются важной особенностью их погребальных обрядов.

¹⁹⁵ В данных группах захоронений выявлены различия и в керамическом наборе инвентаря.

¹⁹⁶ Однозначная интерпретация таких находок не может быть некорректной, поскольку наличие единичного наконечника стрелы в погребении может объясняться разными причинами и рассматриваться не только как оружие, но и как предмет ритуального назначения, причина смерти индивида и т.д.

Для всех захоронений младенцев украшения не характерны: в инвентаре подавляющего большинства некрополей фиксируются только бусы, в исключительных случаях – серьги и колечки. В погребениях детей украшений обычно нет. Однако в небольшой группе детских захоронений у пос. Виноградный, Волны 1, у м. Тузла и Артющенко 2 набор украшений достаточно богат, в нем представлены бусы, серьги, перстни, ручные браслеты, нашивные бляшки (некоторые изделия – из золота и серебра). В могилах молодых женщин чаще всего обнаруживаются серьги, бусы и кольца, в захоронениях мужчин – перстни, очень редко – браслеты. Наибольшее разнообразие демонстрирует набор украшений в погребениях зрелых людей, где наряду с кольцами, серьгами и браслетами иногда обнаруживаются золотые и серебряные бляшки и поясные пряжки¹⁹⁷. Сочетание серег и колец, а также бляшки из драгоценных металлов чаще встречаются в женских погребениях, а совместное присутствие перстней и браслетов, а также поясных пряжек и застёжек обычно представлено в мужских. В большинстве могил пожилых людей украшения отсутствуют, лишь иногда (крайне редко) встречаются бусы, серьги и кольца.

Меньше всего изменений в инвентаре захоронений в рассматриваемый период выявлено в наборе мелких орудий труда и предметов ритуального назначения.

Мелкие орудия труда в погребениях младенцев отсутствуют. В детских захоронениях они представлены ножами, пряслицами и иглами. В могилах людей молодого возраста: у мужчин чаще встречаются ножи, а у женщин – пряслица, которые иногда сочетаются с ножами и иглами. В захоронениях зрелых людей выраженной особенностью мужского обряда погребения является сочетание ножей, игл и оселков, а женского – игл, ножей и пряслиц. В погребениях пожилых мужчин, как правило, присутствуют ножи (в

¹⁹⁷ Имеются в виду некрополи Фанагории, Кеп, Синдской Гавани /Горгиппии, у пос. Виноградный, у м. Тузла, Волна 1.

исключительных случаях – иглы и шилья), а пожилых женщин – ножи, иглы и пряслица.

Предметы ритуального назначения (единичные находки астрагалов и створчатых раковин) в захоронениях младенцев встречаются очень редко. В детских погребениях фиксируются раковины (каури и створчатые), астрагалы, изредка – монеты. В могилах молодых людей монеты обнаруживаются чаще. В женских погребениях могут присутствовать раковины (створчатые и каури). Аналогичный набор предметов ритуального назначения прослеживается в захоронениях зрелых и пожилых людей.

В третий период (вторая половина IV в. до н.э.) в погребальных обрядах людей разного пола и возраста, по сравнению с двумя остальными периодами, наблюдаются значительно более существенные изменения.

В это время широкое распространение получают погребения под курганной насыпью, грунтовые и каменные склепы, подбойные могилы. Как и в предыдущий период, эти типы погребальных конструкций используются преимущественно для захоронения зрелых людей.

Продолжается совершение значительного количества захоронений в грунтовых ямах различных форм, а также в сырцовых гробницах и ящиках. Сооружения этих типов используются для погребения представителей всех возрастных категорий.

Новым в обряде становится широкое распространение традиции погребений младенцев в курганной насыпи при сохранении прежней практики их захоронения в крупных тарных сосудах. В рассматриваемый период на Азиатском Боспоре получают широкое распространение кремации. Такой способ обращения с телом значительно чаще представлен в курганных, чем в грунтовых некрополях. Погребения по обряду трупосожжения выявлены у трех возрастных категорий – молодых, зрелых и пожилых людей. Чаще всего фиксируются кремации зрелых мужчин (в равной степени на месте и на

стороне). При погребении молодых и зрелых женщин обычно практикуется обряд сожжения на месте.

В грунтовых некрополях преобладает обряд ингумации. Редкие кремации зрелых людей отмечены только в некрополях Фанагории, у пос. Виноградный и Гермонассы. Большинство погребений – одиночные. Чаще всего в них обнаруживаются останки младенцев, детей и пожилых людей. Но резко увеличивается количество коллективных захоронений. В них могут находиться представители всех возрастных групп. Повсеместно фиксируется рост числа парных захоронений, в которых рядом обычно присутствуют останки молодой либо зрелой женщины и ребенка или зрелого и молодого мужчин.

Вероятно, изменения в способах обращения с телами погребенных, происходившие одновременно с увеличением количества коллективных и парных захоронений обусловлены укреплением и развитием родовых связей в обществе.

Существенные изменения в погребальных традициях всех возрастных групп фиксируются в наборе инвентаря. Во всех грунтовых некрополях исследуемого региона резко сокращается количество сосудов. В одиночных погребениях младенцев, детей и пожилых людей сосуды обычно отсутствуют, эпизодически погребенного может сопровождать один туалетный сосуд. В большинстве захоронений молодых людей сосуды также, как правило, не обнаруживаются, но как исключение фиксируются один – два сосуда (чаши, туалетные сосуды, очень редко – кувшины). Большое количество сосудов (туалетных глиняных сосудов, мисок, чаш и кувшинов) выявлено лишь в коллективных захоронениях, в которых инвентарь распределяется между всеми погребенными. Можно предположить, что сосуды в таких могилах принадлежат, в основном, людям зрелого возраста.

В подкурганых захоронениях, большинство из которых принадлежит погребенным зрелого возраста, сосуды представлены в значительно большем

количестве (три и более сосудов). Керамических сосудов в женских захоронениях больше, чем в мужских. Но только в погребениях зрелых мужчин выявлено сочетание керамических, стеклянных и металлических кувшинов и чаш.

Учитывая, что самый богатый инвентарь обнаружен в элитных подкурганых захоронениях и сопровождает погребенных зрелого возраста, следует полагать, что это обстоятельство маркирует рост имущественной дифференциации в обществе.

Во всех менее престижных грунтовых некрополях в этот период наблюдается уменьшение количества предметов вооружения. Они почти не встречаются в погребениях молодых людей; фиксируются лишь редкие находки наконечников стрел и копий. В захоронениях зрелых мужчин наконечники копий обнаруживаются чаще, но клинковое оружие встречается редко, а защитное вооружение – вовсе отсутствует. В могилах представителей остальных возрастных групп предметы вооружения не найдены. Гораздо чаще оружие встречается в подкурганых захоронениях зрелых и пожилых мужчин. Защитное вооружение в этих захоронениях представлено находками шлемов и поножей. В набор наступательного вооружения входят несколько наконечников стрел, копий, короткие и длинные мечи.

В третий период набор украшений демонстрирует максимальное разнообразие: в погребениях зрелых людей появляются украшения, которые раньше не были представлены.

Однако выделяются возрастные группы населения, у которых украшения отсутствуют или их набор чрезвычайно беден. В младенческих погребениях набор украшений остается традиционно бедным: в большинстве могил они просто отсутствуют. В захоронениях пожилых людей украшения также чаще всего не представлены. Редко с погребенным младенцем или пожилым человеком в могиле находятся бусы, серьги и кольца.

Бусы в захоронениях детей встречаются значительно чаще. В небольшом количестве могил фиксируются серьги, кольца и ручные браслеты. В погребениях молодых людей бусы практически не обнаружены, а серьги и кольца (перстни), напротив, встречаются чаще. В женских погребениях широко представлены серьги и бусы, в мужских – перстни. Спорадически обнаруживаются золотые детали женского головного убора и серебряные подвески. Чаще всего украшения находятся в погребениях зрелых людей. У женщин обычно встречаются бусы, серьги и ручные браслеты, у мужчин – браслеты и перстни. В женских погребениях прослежены детали головного убора из золота и серебряный медальон. В могилах мужчин в исключительных случаях фиксируются серебряные и золотые застёжки одежды, а также детали золотого венка.

Повсеместно в захоронениях возрастает количество мелких орудий труда. Правда, в могилах младенцев они встречаются крайне редко (обнаружены ножи либо пряслица). В погребениях детей ножи и пряслица фиксируются чаще, иногда с погребенными находятся оселки. В могилах молодых и пожилых людей мелкие орудия труда представлены шире: в женских погребениях найдены ножи, иглы и пряслица; в мужских – ножи, иглы и оселки. Наиболее вариативный набор орудий труда отмечен в погребениях зрелых людей: у женщин обычно встречаются пряслица, иглы и проколки, у мужчин – ножи, оселки, шилья и гвозди.

Предметы ритуального назначения отсутствуют в рассматриваемый период почти во всех захоронениях младенцев, лишь в одном погребении обнаружена монета. В могилах детей вотивы представлены монетами, расположенными в заполнении могилы, либо в руках погребенных. Иногда рядом с умершими обнаруживаются амулеты из зубов диких животных. Предметы ритуального значения в погребениях молодых людей обоего пола встречаются реже: в небольшой группе могил обнаружены монеты, в одном

женском погребении – антропоморфная статуэтка. Наибольшее число предметов ритуального назначения зафиксировано в могилах зрелых людей. Чаще всего это монеты, часть из которых расположена под нижней челюстью погребенных («обол Харона»), чего не отмечалось ранее. В женских захоронениях иногда встречаются раковины каури и астрагалы. В одном из погребений некрополя Фанагории умершую сопровождает курильница.

Итак, в течение трех периодов особенности обряда, связанные с полом и возрастом погребенных, изменяются, постоянно усложняясь. Изначальное относительное единообразие¹⁹⁸ погребальных практик людей разного пола и возраста, начиная со второго периода, перестает фиксироваться в результате все возрастающей вариативности погребальных традиций. Очевидно, что это обусловлено усилением социального и имущественного расслоения в обществе. К третьему периоду с распространением элитных погребений под курганами социальная и имущественная дифференциация проявляется на новом уровне. Вполне очевидно, что на максимуме этот процесс отражается в появлении «гиперстатусных» захоронений, которые, предположительно, можно связать с представителями государственной (боспорской) аристократии (см. § 4.4).

4.3.2. Естественная структура погребальных традиций половозрастных групп.

Для проверки полученных данных проводилось исследование естественной структуры погребальных традиций, обусловленных полом и возрастом умерших.

¹⁹⁸ Безусловно, даже в первый период обнаруживаются отличия в погребальных обрядах захороненных разного пола и возраста (в наличии / отсутствии в могилах оружия, в наборе украшений и предметов ритуального назначения). Однако эти различия проявляются в сравнительно малом числе особенностей.

Выявление естественной структуры ранее осуществлялось специалистами при изучении форм керамики (Цетлин, 2012. С. 152–163). Сложность естественной структуры керамических сосудов сигнализировала об увеличении трудозатрат на их создание, что предполагало их производство не только для личных нужд, но и для товарообмена.

Под естественной структурой погребальных традиций понимается прослеженная в материалах конкретных захоронений совокупность действий, связанных с выполнением задач по упокоению умершего. Имеется в виду выбор определенного места захоронения, способа обращения с телом погребенного, создание погребального сооружения, внутримогильной и надмогильной конструкции, отбор сопроводительного инвентаря и т.д. Каждая из обозначенных характеристик определяет объем трудозатрат и расходов на погребение, что тесным образом соотносится с имущественным и социальным положением умерших.

Поскольку социальная иерархия в древних обществах в сильной степени определялась гендерными и возрастными критериями, усложнение или, наоборот, деградация структуры погребальных обрядов, прослеженные в выделенных группах, указывают не только на имущественную дифференциацию, но и на изменения в социальной структуре населения, происходящие в определенные временные отрезки. Поэтому анализ естественной структуры погребальных практик в данной работе осуществлен с учетом особенностей источника (погребальных традиций, связанных с гендерными и возрастными особенностями умерших). В этом случае проведенный анализ помогает определить изменения погребальных практик, обусловленные именно социальными, а не иными процессами, например, воздействием этнического фактора.

Сложность структуры погребальных обрядов определяется количеством особенностей погребальных традиций: чем их меньше, тем менее социально

значимым был статус погребенных. Так, в рассмотренных погребениях младенцев и детей структура традиций предельно проста, что демонстрирует крайне низкий статус этой возрастной категории. Очевидно, в боспорских апоיקиях, как и в метрополиях, младенцы при рождении совсем не были интегрированы в общество, а дети не обладали социальной идентичностью¹⁹⁹.

При анализе учитывалось, что разные наборы особенностей погребальных практик могут фиксировать один и тот же социальный статус погребенных, так как показывают схожие расходы и трудозатраты на совершение захоронений. Так, мужские одиночные и коллективные подкурганые захоронения без оружия, в обряде которых отмечается биритуализм, маркируют то же социальное положение погребенных, что и одиночные и коллективные захоронения по обряду ингумации, в наборе инвентаря которых выявлены предметы наступательного вооружения. Изучение естественной структуры погребальных обрядов помогает выделить и соотнести такие тождественные наборы.

Для определения сложности структуры погребальных обрядов в каждой из выделенных гендерных и возрастных групп осуществлялся подсчет наборов особенностей погребальных практик в рамках каждого из трех ранее обозначенных периодов (см. Прил. 2). Мы исходили из предположения, что отслеживание изменений естественной структуры погребальных традиций населения в течение трех изучаемых периодов может дать представление о том, как шел процесс имущественного и социального расслоения на Азиатском Боспоре, в целом. Усложнение структуры погребальных традиций в выделенных гендерных и возрастных группах сигнализирует об имущественной дифференциации и социальной стратификации их представителей. Анализ

¹⁹⁹ Под социальной идентичностью понимается характеристика индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо социальной общности, группе (половой, возрастной, этнической и др.).

позволяет отследить «социальную мобильность»²⁰⁰ древнего населения в регионе, которая может свидетельствовать о значимых исторических событиях в регионе. Очевидно, изучение причин изменений погребальных практик группы населения с наиболее сложной структурой погребальных традиций открывает больше возможностей для интерпретации материала, поэтому важно было выявить такую группу.

Были получены следующие результаты:

1. На протяжении всех рассмотренных периодов наиболее существенные различия обнаружались в структуре традиций захоронений мужского населения зрелого возраста (от 25 до 45 лет) и младенцев (от 0 до 3 лет). В ходе многомерного анализа в различных вариантах погребальных обрядов у зрелых мужчин было выделено до 77 отличительных особенностей, у младенцев – до 29.

Одинаково сложная структура погребальных традиций выявлена в группах зрелых мужчин и зрелых женщин (69 особенностей). Более простыми являются практики захоронений молодых (57 особенностей) и пожилых людей (51 особенность)²⁰¹. Наиболее своеобразным является погребальный обряд детей. Большинство детских (от 3 до 15 лет) захоронений по простоте погребальных практик, насчитывающих до 39 особенностей, сопоставимы с младенческими. Однако встречаются погребения, обряд захоронения в которых более сложен: его можно соотнести с практиками погребения молодых или даже зрелых людей. Структура погребальных традиций в течение трех выделенных периодов последовательно усложняется: в каждой из выделенных возрастных групп количество особенностей обряда увеличивается (см. Прил.5).

2. Во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. самая сложная структура прослеживается в погребальных обрядах *зрелого населения* региона.

²⁰⁰ Под социальной мобильностью понимается способность индивидов одной социальной группы перейти в другую.

²⁰¹ В группу молодых людей входили погребенные 15–25 лет, пожилых – старше 45 лет.

Структура погребальных традиций зрелых мужчин может включать в до 44 особенностей, зрелых женщин – до 40. Ко второй половине V – первой половине IV в. до н.э. число функциональных компонентов²⁰² погребальных традиций зрелого населения региона возрастает до 64. В структуре мужских погребальных обрядов зафиксировано до 54 особенностей, женских – до 44. Максимальное количество особенностей отмечено в структуре погребальных практик зрелых людей во второй половине IV в. до н.э. – 69 функциональных компонентов. В структуре погребальных практик мужского населения прослеживается до 60 особенностей, женского – до 54.

3. В захоронениях молодых людей второй половины VI – первой половины V в. до н.э. выявлено до 43 особенностей погребальных обрядов. Женские погребальные практики имеют чуть более сложную структуру (до 34 особенностей), чем мужские (до 33 особенностей). Более отчетливо различия в структуре мужских и женских погребальных практик прослеживаются во второй половине V – первой половине IV в. до н.э. Число функциональных компонентов обрядов захоронения у молодых женщин увеличивается до 41, у молодых мужчин – до 36. Во второй половине IV в. до н.э. общее количество особенностей в погребальных традициях молодых людей достигает 52. В структуре женских погребальных практик насчитывается до 42 функциональных компонентов, мужских – до 39.

4. В практиках захоронения пожилых людей в первом периоде насчитывается до 41 особенности. В мужских погребальных практиках прослежено больше функциональных компонентов (до 34), чем в женских (до 29). Во второй половине V – первой половине IV в. до н.э. общее число

²⁰² Термин «функциональный компонент» понимается как отличительная характеристика погребальной традиции, прослеженная в некрополях исследованного региона.

особенностей обрядов пожилых людей увеличивается до 49²⁰³: в структуре мужских погребальных практик их насчитывается до 40, в структуре женских – до 34. Наиболее существенные изменения отмечены во второй половине IV в. до н.э.: общее количество особенностей в структуре погребальных традиций выделенной возрастной группы увеличивается до 50: у мужчин до 43 функциональных компонентов, у женщин – до 37.

5. В структуре обрядов захоронения детей второй половины VI – первой половины V в. до н.э. фиксируется до 34 функциональных компонентов. Во второй половине V – первой половине IV вв. до н.э. их число возрастает до 38, во второй половине IV в. до н.э. – до 39.

6. Изменение структуры традиций погребения *младенцев* происходит в течение всех трех выделенных периодов. Во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. в захоронениях младенцев фиксируются 24 особенности обряда. Ко второй половине V – первой половине IV в. до н.э. число функциональных компонентов погребальных практик возрастает до 27, ко второй половине IV в. до н.э. – до 29.

Таким образом, изменения в погребальных традициях зафиксированы в выделенных половых и возрастных группах в некрополях на всей территории Азиатского Боспора. Трансформации в погребальных обрядах, не связанные с влиянием какой-либо этнической группы, в наибольшей степени проявляются во втором и третьем периодах. Очевидно, в это время существенное воздействие на происходящие в регионе процессы оказывает социальный фактор.

Интересный результат получен при изучении изменения структуры погребальных традиций детей. В третьем периоде отмечено разделение их погребений на две неравноценные категории – предельно «бедные» (как у

²⁰³ Здесь и далее вначале указывается количество особенностей погребальных практик всех погребений, относящихся к определенной возрастной группе: и тех, где пол определен, и тех, где такое определение отсутствует.

младенцев) и необычно «богатые», сближающиеся с погребальными практиками молодых людей. Возможно, в погребальных обрядах состоятельной категории проявился особый статус захороненных либо их родственников зрелого возраста.

Наиболее сложная структура погребальных обрядов выявлена в группе мужчин зрелого возраста. Поэтому особого внимания заслуживает изучение их погребальных практик, изменение которых демонстрирует самую показательную реакцию на происходившие на Азиатском Боспоре социальные процессы, очевидно, вызванные значимыми историческими событиями.

4.3.3. Погребальные обряды и имущественная дифференциация населения.

Проводя анализ, мы учитывали, что имущественная дифференциация населения Азиатского Боспора имеет следствием дифференциацию погребальных практик даже в рамках одной возрастной группы. Так, даже в самой простой естественной структуре погребальных обрядов младенцев и детей в VI в. до н.э. все же выделяются варианты погребальных практик («бедный» и «менее бедные»). Это свидетельствует о существовании социальной дифференциации жителей разного возраста на Азиатском Боспоре, наблюдаемой уже в первый выделенный период. Вполне ожидаемо, что люди зрелого возраста занимали самое высокое положение, младенцы и дети, напротив, не имели никаких прав, находясь, как это было принято в греческих полисах, полностью под властью отца или старейшин: от хилых и слабых новорожденных сразу избавлялись. Возможно, боясь перенаселения, могли избавляться и от здоровых младенцев.²⁰⁴ Поэтому наличие вариантов погребения младенцев и детей отражало, скорее всего, материальные возможности их взрослых родственников.

²⁰⁴ См., например, Plut. Licurg. XVI; Боннар, 1992. С. 19 .

Имущественное расслоение на Азиатском Боспоре в первом выделенном периоде прослеживается предельно слабо. В начале функционирования рассмотренных погребальных памятников фиксируется приблизительно одинаковый относительно невысокий уровень имущественного состояния населения. Но уже во втором периоде начинает проявляться имущественная дифференциация, а в третьем – обнаруживаются явные признаки значительного имущественного расслоения общества. В пользу этого свидетельствуют различия, прослеженные в структуре погребальных традиций каждой из половозрастных групп. Усложнение структуры погребальных практик в группах свидетельствует и о социальном неравенстве.

Изменение погребальных обрядов, обусловленных имущественной и социальной дифференциацией, фиксируются в работе последовательно с учетом сложности структуры погребальных традиций, выявленной в разных группах захороненных, различающихся по полу и возрасту.

Сначала рассматриваются обряды определенной возрастной группы, а затем, где это возможно, погребальные практики изучаются более детально с учетом принадлежности захороненных к определенному полу. Наиболее репрезентативный материал погребений пожилых и взрослых людей позволяет исследовать особенности их погребальных обрядов, учитывая одновременно пол и возраст захороненных.

Самая простая структура погребальных традиций выявлена у *младенцев*. Учтены 106 захоронений младенцев (от 0 до трех лет): 24 погребения второй половины VI – первой половины V в. до н.э.; 41 погребение второй половины V – первой половины IV в. до н.э.; 28 погребений второй половины IV в. до н.э.

С учетом всех особенностей обряда выделяются *три группы* погребений младенцев.

В *первую группу* включены одиночные захоронения без инвентаря: 55% от общего числа погребений второй половины VI – V в. до н.э.; 64% погребений

второй половины V – первой половины IV в. до н.э.; 61% погребений второй половины IV в. до н.э.

Во второй группе представлены одиночные погребения с сопроводительным инвентарем: 39% от общего числа погребений первого периода, 29% – от второго, 26% погребений – третьего.

В третью группу входят совместные захоронения младенцев и взрослых с инвентарем: 6% от общего числа погребений второй половины VI – V в. до н.э.; 7% погребений второй половины V – первой половины IV в. до н.э.; 13% погребений второй половины IV в. до н.э.

Более вариативны обряды захоронения детей (4–12 лет), в которых появляется возможность рассмотреть инвентарь с учетом его состава, а также выявить особенности конструкции погребальных сооружений. В общий массив вошли материалы 91 захоронения: 33 погребения второй половины VI – первой половины V в. до н.э.; 22 погребения второй половины V – первой половины IV в. до н.э.; 36 погребений второй половины IV в. до н.э. По совокупности особенностей обряда выделены три группы детских погребений.

В первую группу входят одиночные захоронения без инвентаря: 14% от общего числа детских погребений второй половины VI – V в. до н.э.; 10% погребений второй половины V – первой половины IV в. до н.э.; 22% погребений второй половины IV в. до н.э.

Во вторую группу входит 68% от общего числа погребений первого периода, 60% – второго, 35% – третьего. В ней представлены одиночные погребения, осуществленные, как правило, в грунтовых ямах, редко – в сооружениях из сырца, с сопроводительным инвентарем. В наборе посуды прослежены один – три сосуда (обычно чаша или кувшин, реже – сочетание кувшина и чаши). В наборе украшений присутствуют серьги либо перстни (кольца). Среди предметов ритуального назначения в некоторых захоронениях отмечены астрагалы и раковины каури, начиная со второго периода, – монеты.

К третьей группе отнесено 30% погребений второй половины V – первой половины IV в. до н.э.; 43% погребений второй половины IV в. до н.э. В нее включены коллективные захоронения детей (парные детские, а также совместные погребения детей со взрослыми людьми). Характер их погребальной конструкции вариативен: преобладают грунтовые ямы, небольшое число погребений совершено в конструкциях из сырца, «двухъярусных погребениях», подбойных могилах и грунтовых склепах. Погребённых сопровождают два, три и более трех сосудов. Чаще всего в керамическом наборе фигурируют миски, чаши, кувшины, а также их сочетания. В наборе украшений фиксируются перстни, серьги и браслеты, в редких случаях созданные из драгоценных металлов. Набор предметов ритуального назначения, в целом, схож с погребениями второй группы, за исключением наличия в двух захоронениях антропоморфных статуэток – 18% от общего числа погребений второй половины VI – V в. до н.э.

Более сложной является структура погребальных традиций в группе людей молодого возраста (в ней представлено 174 погребения).

С учетом того, что в мужских и женских погребальных практиках выявлены существенные различия, массивы мужских (45) и женских (104) захоронений региона рассматриваются отдельно. В 25 захоронениях молодых людей пол погребенных не был определен, поэтому их материалы при анализе не учитывались.

Учтены материалы 38 захоронений молодых женщин второй половины VI – первой половины V в. до н.э.; 34 погребений второй половины V – первой половины IV в. до н.э.; 32 погребений второй половины IV в. до н.э. Различия в имущественном положении представителей данной половозрастной группы прослеживаются в типах погребальных конструкций, наборе инвентаря, а также в способах обращения с телом погребенных. Выделены три группы погребений женщин молодого возраста

В первую группу входят безынварные захоронения в простых грунтовых ямах, совершенные по обряду ингумации: 39% от общего числа погребений первого периода, 37,5% – второго, 12,5% погребений – третьего.

Ко второй группе отнесено 58% могил от общего числа погребений молодых женщин первого периода; 43% – второго периода; 59% – третьего периода. В группу включены содержащие сопроводительный инвентарь и совершенные по обряду ингумации захоронения в грунтовых ямах, сырцовых ящиках, подбойных могилах и грунтовых склепах. Погребенных сопровождают два, три и более трех сосудов. Из украшений представлены серьги, перстни, ручные браслеты, реже пряжки, в исключительных случаях, серебряные или золотые. В туалетном наборе встречаются зеркала, очень редко – шкатулки. В наборе орудий труда преимущественно фиксируются иглы и пряслица. Среди предметов ритуального назначения выделяются раковины (створчатые и каури) и монеты, в одном погребении найдены антропоморфные подвески.

К третьей группе отнесено 3% могил от общего числа погребений молодых женщин первого периода; 18,5% захоронений второго периода; 28,5% погребений третьего периода. В нее входят подкурганые захоронения в грунтовых ямах, сырцовых либо каменных склепах. В погребениях выявлены разные способы обращения с телом: ингумации и кремации (как на месте, так и на стороне). В наборе инвентаря представлены три и более сосудов. Наряду с керамической посудой, в могилах встречаются металлические сосуды. В двух погребениях обнаружены сосуды, изготовленные из драгоценных металлов. Набор орудий труда не отличается от набора, зафиксированного во второй группе. В наборе украшений, наряду с серьгами, перстнями (кольцами), браслетами и бусами, обнаруживаются золотые и серебряные пуговицы и пряжки. Набор предметов ритуального назначения близок к группе 2, кроме нескольких захоронений, где погребенных сопровождает курильница.

Отдельно рассмотрены материалы захоронений молодых мужчин. Надо отметить, что небольшое количество мужских погребений, представленных в выборке исследования, ограничивает возможности изучения имущественной дифференциации в данной возрастной группе. К первому периоду относится 21 захоронение; ко второму и к третьему – по 12. Тем не менее, результаты изучения этого небольшого массива свидетельствуют о существенных различиях в имущественном положении представителей выделенной группы.

На основании типов погребальных сооружений и особенностей набора инвентаря удалось выявить три группы захоронений молодых мужчин.

К первой группе отнесены безынвентарные погребения в грунтовых ямах: 37,5% от общего числа погребений первого периода, 37,5% – второго, 12,5% погребений – третьего.

Ко второй группе отнесено 24,5% могил от общего числа погребений молодых мужчин первого периода; 20,5% – второго периода; 70,5% – третьего периода. В нее входят захоронения мужчин в грунтовых ямах, сооружениях из сырца, грунтовых склепах и подбойных могилах, где обнаружен сопроводительный инвентарь. В наборе посуды представлено от одного до трех сосудов (зафиксированы миски, кувшины и туалетные глиняные сосуды, а также их сочетания). В нескольких погребениях найдены чаши. Оружие в погребениях отсутствует. В наборе орудий труда в чаще всего фиксируются ножи, иглы, либо их сочетания, реже – оселки, очень редко – пряслица. Украшения представлены перстнями и браслетами, а предметы ритуального назначения – астрагалами и монетами (начиная со второго периода).

К третьей группе отнесено 38% могил от общего числа погребений молодых мужчин первого периода; 42% – второго периода; 17% – третьего периода. В нее включены захоронения молодых мужчин, совершенные в грунтовых ямах, сооружениях из сырца, каменных и грунтовых склепах. 30% от общего числа представителей данной группы погребено под курганными

насыпями. Набор керамики, орудий труда и предметов ритуального назначения аналогичен группе 2. Предметы вооружение в захоронениях представлены стрелами и копьями. В наборе украшений, наряду с предметами, обнаруженными и в погребениях второй группы, встречаются золотые и серебряные перстни, а также пряжки и нашивные бляшки, иногда изготовленные из драгоценных металлов. Среди предметов туалета изредка фиксируются зеркала и стригели.

Особо выделены погребальные традиции пожилых людей, отличающиеся неоднородной структурой. Обнаружено 176 мужских и женских захоронений. Материалы погребений пожилых женщин и мужчин рассматриваются отдельно.

Выявлено 62 погребения пожилых женщин (16 погребений второй половины VI – первой половины V в. до н.э.; 16 – второй половины V – первой половины IV в. до н.э.; 30 – второй половины IV в. до н.э.). Небольшой размер выборки ограничивает возможности их исследования. Однако четкие различия, наблюдаемые в погребальных практиках, явно свидетельствуют о существовании имущественной дифференциации в рассматриваемой группе. Наиболее существенно они проявляются в типах погребальных сооружений, способах обращения с телом погребенных и различных категориях сопроводительного инвентаря.

Из всего массива выделены три группы погребений пожилых женщин, различающиеся особенностями погребальных практик. В первую группу включены безынвентарные захоронения в простых грунтовых ямах, совершенные по обряду ингумации: 14% могил от общего числа погребений пожилых женщин первого периода; 19% – второго периода; 20% – третьего периода.

Ко второй группе отнесено 67% могил от общего числа погребений пожилых женщин первого периода; 56% – второго периода; 60% – третьего периода. В нее входят погребения в простых грунтовых ямах, сооружениях из

сырца, подбойных могилах, совершенные по обряду ингумации. В набор посуды данных захоронений входят от одного до трех и более сосудов. Среди них преобладают чаши, миски, туалетные глиняные и стеклянные сосуды. В наборе украшений фиксируются бусы, кольца, серьги, ручные браслеты, подвески. Предметы туалета представлены зеркалами, редко – обкладками деревянных шкатулок и глиняными пиксидами. В наборе орудий труда отмечены иглы, пряслица и их сочетания. В нескольких погребениях фиксируются ножи (очень редко), оселки и гвозди. Среди предметов ритуального назначения выделяются раковины (каури и створчатые), а начиная со второго периода – монеты. Крайне редко встречаются астрагалы.

К третьей группе отнесены: 19% могил от общего числа погребений пожилых женщин первого периода; 25% – второго периода; 20% – третьего периода. Ее составляют захоронения в грунтовых ямах, сырцовых гробницах, в подбоях, а также в каменных и грунтовых склепах. Часть этих захоронений совершена под курганами. В способах обращения с телом погребенных, начиная с конца второго периода, отмечается биритуализм: преобладает обряд трупоположения, кремации на месте и на стороне редки. В наборе керамики присутствуют три и более сосудов. Наряду с керамической посудой встречаются изделия из металла – черпаки и цедилки, иногда сосуды из драгоценных металлов. Набор украшений близок к набору группы 2, но его дополняют изделия из золота и серебра, в том числе, детали головного убора, пряжки и нашивные бляшки. Орудия труда аналогичны находкам, зафиксированным в группе 2. Среди предметов ритуального назначения, наряду с раковинами и монетами, очень редко фиксируются курильницы. Эпизодически погребенных сопровождает мясная пища: кости МРС, а также неопределяемые останки других животных.

Изучены материалы 114 погребений пожилых мужчин: 36 погребений второй половины VI – первой половины V в. до н.э.; 26 – второй половины V –

первой половины IV в. до н.э.; 52 – второй половины IV в. до н.э. С учетом конструкции погребальных сооружений, способов обращения с телом и особенностей набора инвентаря выделены три группы погребений пожилых мужчин.

В первую группу включены безынвентарные захоронения в простых грунтовых ямах, совершенные по обряду ингумации: 31% могил от общего числа погребений пожилых мужчин первого периода; 27% – второго периода; 34% – третьего периода.

Ко второй группе отнесено 36% могил от общего числа погребений пожилых мужчин первого периода; 60,5% – второго периода; 52,5% – третьего периода. В нее входят погребения в простых грунтовых ямах, сооружениях из сырца, подбойных могилах и земляных склепах, совершенные по обряду ингумации. В инвентаре могил фиксируется 1–3 сосуда. Набор посуды включает миски, кувшины, туалетные глиняные и стеклянные сосуды, реже – чаши. Предметы вооружения в захоронениях отсутствуют. Среди орудий труда встречаются ножи и оселки, редко – гвозди. Украшения представлены перстнями, бусами и браслетами, иногда золотыми или серебряными. Из предметов ритуального назначения выявлены астрагалы, а начиная со второго периода – монеты. В небольшой группе погребений фиксируется присутствие напутственной пищи: костей МРС, КРС и лошадей.

К третьей группе отнесено 33% могил от общего числа погребений пожилых мужчин первого периода; 12,5% – второго периода; 13,5% – третьего периода. В нее входят захоронения в грунтовых ямах, сырцовых либо каменных склепах, совершенные под курганной насыпью (начиная со второй половины V в. до н.э.). В захоронениях зафиксированы разные способы обращения с телом: ингумации и кремации (как на месте, так и на стороне). В наборе инвентаря представлены три и более сосудов. Из предметов вооружения встречаются наконечники стрел, копий, изредка – короткие и длинные мечи. Набор орудий

труда не отличается от фиксируемого во второй группе. Среди украшений прослежены перстни, браслеты, золотые и серебряные нашивные бляшки. Набор предметов ритуального назначения аналогичен набору группы 2. В большинстве захоронений присутствует напутственная пища, представленная костями КРС, МРС и неустановленных животных.

В группе *зрелых людей* зафиксирована наиболее сложная структура погребальных традиций, при изучении которой учтены материалы 524 захоронений: 212 мужских и 90 женских. В 223 погребениях пол умерших определить не удалось. Однако достаточное количество захоронений, где пол погребенных был выявлен, позволяет выделить группы, в которых погребальные практики рассматриваются сразу с учетом возраста и пола.

В погребальных традициях *зрелых мужчин* различия, связанные с имущественной дифференциацией населения, выявляются в наибольшей степени. Проанализирован материал 96 захоронений второй половины VI – первой половины V в. до н.э.; 59 – второй половины V – первой половины IV в. до н.э.; 57 – второй половины IV в. до н.э.

В результате *многомерного анализа* археологического материала выделены *четыре группы захоронений зрелых мужчин*. Погребальные обряды первой и второй групп существовали в течение всех трех обозначенных периодов. Особенности погребальных практик третьей группы прослеживаются только с начала первого периода до первой половины второго периода (до начала IV в. до н.э.). Затем в погребальных обрядах данной группы происходят существенные изменения: по набору инвентаря погребения третьей группы сближаются с захоронениями второй группы, а в конструкциях ее погребальных сооружений и способах обращения с телом умерших наблюдается сходство с четвертой группой, появление которой фиксируется лишь с начала третьего периода. Иными словами, очевидно, представители третьей группы по своему

имущественному положению либо деградировали, либо разбогатели и приблизились к более богатому слою.

Возможно, это свидетельствует о значимых исторических событиях, которые могли привести к новой имущественной дифференциации жителей.

Выделение четырёх групп погребений мужчин зрелого возраста, различающихся по степени сложности структуры погребальных традиций, явно указывает не только на усиление имущественного расслоения населения, но и на изменение социальной структуры населения.

В первую группу входят одиночные безынвентарные захоронения в простых грунтовых ямах, совершенные по обряду ингумации: 23% могил от общего числа погребений первого периода; 3% – второго периода; 5% – третьего периода.

Ко второй группе отнесено 24% могил от общего числа погребений зрелых мужчин первого периода; 44% – второго периода; 57% – третьего периода. В нее включены одиночные (67% от общего числа погребений этой группы) и коллективные (23%) захоронения в простых грунтовых ямах, реже в сооружениях из сырца и в подбойных могилах с обрядом ингумации. В керамическом наборе этой группы обычно встречается не более трех сосудов. Чаще всего в нем были представлены кувшины и туалетные сосуды (глиняные и стеклянные). Оружие в погребениях отсутствует. Среди украшений чаще всего фиксируются перстни, ручные браслеты. Изредка встречаются поясные и портупейные пряжки, а также застёжки. В предметах туалета в небольшой группе погребений отмечаются зеркала. В наборе орудий труда прослеживаются ножи, оселки, иглы и их различные сочетания. Предметы ритуального назначения представлены астрагалами и монетами (начиная со второй половины V в. до н.э.). В одном погребении зафиксирована антропоморфная (терракотовая) статуэтка.

В третью группу входят 53% могил от общего числа погребений зрелых мужчин первого периода; 36% – второго периода; 22% – третьего периода. К ней отнесены одиночные (35% от общего числа погребений этой группы) и коллективные (65%) захоронения в простых грунтовых ямах, реже в сооружениях из сырца и в подбойных могилах. Начиная со второго периода погребения совершаются под курганом. В группе фиксируются различные способы обращения с телом: ингумации и кремации (начиная с первой четверти IV в. до н.э.). В составе керамического набора присутствуют три и более сосудов. В течение первых двух периодов чаще всего встречаются кувшины, миски, чаши, крупные тарные, а также туалетные глиняные и стеклянные сосуды. В небольшом количестве захоронений фиксируются металлические черпаки и цедилки. Начиная с первой четверти IV в. до н.э. в керамическом наборе начинают преобладать туалетные глиняные сосуды, а доля иных типов сосудов – снижаться. Набор вооружения в первые два периода включает стрелы, копья, длинные и короткие мечи. В малом количестве захоронений обнаружены шлемы, поножи и панцири. С первой четверти IV в. до н.э. число оружия в захоронениях резко снижается: умерших сопровождают лишь наконечники стрел и копий, в редких случаях – мечи. Защитное вооружение отсутствует. Набор украшений становится по составу аналогичен набору группы 2. В небольшом количестве захоронений обнаружены детали одежды: поясные и портупейные пряжки, а также застежки, редко фиксируются украшения, сделанные из золота и серебра. В качестве предметов туалета в небольшой группе погребений обнаружены зеркала и стригели. В наборе орудий труда встречаются ножи, оселки, иглы, а также их различные сочетания. Предметы ритуального назначения представлены астрагалами и монетами (начиная со второй половины V в. до н.э.). Останки напутственной пищи фиксируются редко и представлены костями МРС, КРС и лошадей.

К четвертой группе, которая начинает формироваться только со второго периода, отнесено 17% могил от общего числа погребений второго периода; 21% – третьего периода. В нее входят одиночные и коллективные подкурганые захоронения в сооружениях из сырца, каменных и грунтовых склепах. В способах обращения с телом погребенных отмечается биритуализм: преобладает обряд кремации на месте, но сохраняется и обряд ингумации. Крайне редко фиксируется сожжение на стороне. Как правило, погребенного сопровождает более трех сосудов: кувшинов, чаш, крупных тарных и туалетных сосудов. Редко, но встречаются сосуды, изготовленные из стекла либо из драгоценных металлов. В ряде захоронений тарные сосуды могут выполнять функцию урны. Наступательное вооружение представлено стрелами, копьями и мечами; защитное – шлемами и поножами. В части погребений с оружием фиксируются останки одной или нескольких «взнузданных» лошадей. В набор украшений, наряду с перстнями и браслетами, входят детали одежды, изготовленные из золота и серебра. Редко обнаруживаются золотые детали венка и шейная гривна. В туалетном наборе наряду с зеркалами зафиксированы шкатулки. Набор орудий труда аналогичен набору группы 3. Предметы ритуального назначения представлены в основном монетами, иногда присутствуют курильницы. В могилах фиксируются останки МРС, лошадей и иных жертвенных животных.

Существенные различия в погребальных традициях зафиксированы у зрелых женщин. Выборку данной группы составляют 38 захоронений VI – первой половины V вв. до н.э.; 19 погребений второй половины V – первой половины IV вв. до н.э.; 33 погребения второй половины IV в. до н.э. Выделены три группы захоронений зрелых женщин.

К первой группе отнесены одиночные безынвентарные захоронения в простых грунтовых ямах, осуществленные по обряду ингумации. Они

составляют 16% могил от общего числа погребений первого периода; 10% – второго периода; 9% – третьего периода.

Во вторую группу входят 74% могил от общего числа погребений зрелых женщин первого периода; 73% – второго периода; 60% – третьего периода. Ее составляют погребения, осуществленные по обряду ингумации в простых грунтовых ямах, сооружениях из сырца, подбойных могилах и катакомбах. В набор посуды входят от одного до трех и более сосудов. Преобладают чаши, туалетные сосуды (глиняные и стеклянные) и миски. Кувшины встречаются реже. В небольшом числе могил фиксируются металлические черпаки и цедилки. Среди украшений присутствуют серьги, бусы, кольца, ручные браслеты, изредка – пряжки и застёжки. В редких случаях украшения и детали одежды изготовлены из золота и серебра. Предметы туалета представлены зеркалами, реже – шкатулками. В наборе орудий труда чаще всего встречаются пряслица, иглы и их сочетания, реже – ножи и оселки. Среди предметов ритуального назначения фиксируются раковины (каури и створчатые), монеты и астрагалы. Напутственная пища в захоронениях отсутствует.

К третьей группе отнесено 10% могил от общего числа погребений зрелых женщин первого периода, 17% – второго периода; 18% – третьего периода. В нее включены погребения в грунтовых ямах, сырцовых гробницах, подбоях, каменных и грунтовых склепах, часть из которых совершена под курганами. В способах обращения с телом умерших прослеживается биритуализм: преобладает ингумация, однако отмечаются и обряды кремации (на месте и на стороне). В составе инвентаря в погребениях, как правило, присутствуют три и более сосудов. Чаще это были чаши, миски, кувшины, туалетные глиняные и стеклянные сосуды. Реже погребенных сопровождали крупные тарные сосуды, которые, начиная с конца второго периода, могут использоваться в качестве урн. Очень редко умерших сопровождают столовые стеклянные и металлические сосуды. Состав набора украшений в основном

аналогичен набору группы 2. Редко отмечаются особые детали костюма, представленные ворворками, поясными и портупейными пряжками из золота и серебра. В нескольких захоронениях обнаружены золотые шейные гривны и детали головного убора. Предметы туалета и набор предметов ритуального назначения аналогичен набору группы 2. В ряде захоронений обнаруживаются останки жертвенной пищи, представленные костями МРС, КРС, лошадей и каких-то иных животных.

Таким образом, результаты исследования структуры погребальных традиций, связанных с полом и возрастом погребенных, свидетельствуют о существовании имущественной дифференциации внутри каждой из выделенных групп. Установлено, что имущественное расслоение населения изучаемого региона усиливалось в течение трех рассматриваемых периодов функционирования боспорских некрополей. В первом периоде это расслоение проявляется незначительно, во втором и третьем периодах наблюдается рост имущественного неравенства во всех группах. Наиболее консервативна структура погребальных традиций младенцев и детей. Однако и в погребальных практиках этих групп выявлены происходящие в течение трех периодов небольшие изменения, свидетельствующие об имущественной дифференциации. Более выражен рост имущественного неравенства в группах молодых и пожилых людей, причем, структура погребальных традиций сильнее усложняется у молодых мужчин и у пожилых женщин. Наиболее интересные процессы выявлены в группах погребенных мужчин зрелого возраста. До середины второго периода наблюдается четкий и достаточно стабильный рост расслоения этой категории погребенных по уровню доходов. К третьему периоду в одной из подгрупп выявляются разнонаправленные тенденции: большая часть ранее «богатых» захоронений демонстрирует усложнение структуры погребальных традиций, а другая часть, наоборот, ее деградацию (т.е. уменьшение особенностей погребальных практик). Очевидно,

имущественное положение некоторых представителей выделенной группы ухудшилось (в силу каких-то причин), а другие настолько увеличили доходы, что их погребальные обряды стали сближаться с обрядами наиболее богатых погребений группы 4. Вполне допустимо, что новый виток имущественной дифференциации, выявленной при изучении погребальных практик мужчин зрелого возраста, был обусловлен изменениями в социальной стратификации населения, причиной которой могли стать события военно-политической истории региона (см. далее § 4.5.).

4.3.4. Погребальные обряды и социальная дифференциация населения.

Не вызывает сомнений тот факт, что в VI–IV вв. до н.э. основную массу населения изучаемого региона составляли выходцы из различных центров греческого мира. Согласно авторитетным исследованиям (Яйленко, 1982. С. 241; Кошеленко, Кузнецов, 1992. С. 6–7; Виноградов, 1999. С. 101; Завойкин, 2013. С. 384), эллинами на Боспор была перенесена единственная актуальная на момент колонизации модель социально-политической организации общества – полисная. По определению Г.А. Кошеленко, «полис – это община свободных и равноправных земельных собственников, целью которой было обеспечение условий существования граждан»²⁰⁵. Иными словами, полис – это гражданская община, располагавшая своей территорией (хорой) (Кошеленко, 1980. С. 4–6). Основу любого полиса составляли полноправные граждане, которыми могли быть только совершеннолетние мужчины. Поэтому основным источником для

²⁰⁵ Традиционно полис рассматривается как община свободных граждан, вооруженных и хозяйственно самостоятельных людей, располагающих собой и своей собственностью. Его граждан следует рассматривать и как совладельцев общественных земель, так и владельцев своих частных земельных наделов.

изучения социальной структуры населения полисов Азиатского Боспора стали погребальные практики мужского населения.

Вслед за Н.И. Сударевым, следует признать, что, основываясь только на фрагментарных данных о погребальных обрядах, связать конкретные единичные захоронения с какой-либо социальной группой практически невозможно. Поэтому попытки подсчета точного числа погребенных, принадлежавших к определенной страте боспорского общества, лишены всякого смысла. Некоторые умершие, будучи лично свободными, могли не обладать гражданскими правами. В том числе это могли быть и представители иноэтничного окружения Боспора, присутствие которых фиксируется локально в греческих некрополях центральной и юго-западной части Таманского п-ова. Учитывая данные эпиграфических источников (например, КБН 180, 991, 1223, 1233), нельзя исключать, что в исследуемый массив вошли погребения людей, находившихся вне полисной организации, иностранцев, торговцев, наемников и др. Часть захоронений с большой долей вероятности принадлежала зависимым категориям населения.

Ценность исследуемого источника заключается в том, что достаточная репрезентативность выборки (371 мужское погребение) позволяет получить хотя бы общее представление о социальной структуре населения Азиатского Боспора, сведения о которой совсем не представлены в письменных источниках. Выявление социальных групп, несомненно, имеет смысл даже в том случае, если не удастся достоверно соотнести их той или иной конкретно-исторической социальной категорией.

Различия, зафиксированные в мужских погребальных практиках, однозначно свидетельствуют о том, что структура населения региона не была однородной, и она эволюционировала во времени. Изменения погребальных обрядов в некрополях Азиатского Боспора отражают процессы формирования разных по статусу групп населения (страт).

Наиболее существенно социальная дифференциация проявляется: в конструкции погребального сооружения; количестве погребенных; способах обращения с телом; наличии/отсутствии предметов вооружения в сопроводительном инвентаре. Кроме того, следует учитывать, что местоположение могил и объем трудозатрат на создание погребального сооружения служат маркером определенного статуса погребенных. Значимость выделенных особенностей обряда и количество выявленных групп мужских захоронений менялись на различных этапах функционирования боспорских некрополей.

Во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. социальные различия наиболее четко прослеживаются в наличии / отсутствии в захоронении предметов вооружения. Оружие представлено в большинстве (53%) погребений зрелых мужчин. Достаточно высок процент мужских погребений других возрастных групп, в которых тоже было зафиксировано оружие – 38% захоронений молодых и 33% пожилых людей.

Наличие оружия в захоронениях рядом исследователей рассматривается как свидетельство негреческого происхождения погребенного (Ростовцев, 1925. С. 338; Кастанаян, 1959. С. 269–270, 294; Цветаева, 1957. С. 242; Коровина, 1964. С. 66; Масленников, 1981. С. 32–35; Виноградов, 1993. С. 38–51; Паромов, 2011. С. 299–304; 2013 С. 69–71). Главным аргументом такого утверждения является отсутствие оружия в греческих некрополях других регионов античного мира. В диссертационном исследовании Н.И. Сударева приводятся убедительные доказательства несостоятельности такой позиции (Сударев, 2005. С. 199–208). В работах этого и других исследователей высокий процент захоронений с оружием на определенных этапах функционирования боспорских некрополей соотносится с обострением военно-политической ситуации в регионе. В периоды спокойной обстановки число таких захоронений снижалось.

(Завойкин, Сударев, 2006. С. 118–136, С. 281–283; Ворошилов, Кашаев, 2010. С. 84; Сударев и др. 2017. С. 187)²⁰⁶.

Разделяя данную позицию, необходимо отметить, что высокий процент «вооруженности» в боспорских некрополях VI–V вв. до н.э. прослежен у представителей мужского пола в тех возрастных группах, которые могли состоять в гражданском ополчении. По данным нарративных источников, в Афинах и Спарте возраст получения гражданства по закону определялся 18–20

²⁰⁶ В данной работе рассмотрен материал 212 воинских захоронений, относящихся к VI–IV вв. до н.э. 32 из них принадлежат молодым людям, 135 – людям зрелого возраста, 45 – пожилым. Пол и возраст определен только в 124 из этих захоронений. Из них 14 – погребения молодых мужчин, 93 – мужчин зрелого возраста, 17 – пожилых мужчин. Всего в регионе выявлено 358 захоронений мужчин.

Со второй половины VI в до н.э. до второй четверти V в. до н.э. в некрополях Таманского п-ова количество захоронений с оружием на фоне роста общего числа погребений увеличивается. Во второй половине VI в до н.э. наблюдается относительно высокий процент «вооруженности» населения (43,5% от общего числа мужских захоронений).

. В первой четверти V в. до н.э. число погребённых с оружием продолжает расти (46,7%), достигая максимальных значений во второй четверти V в. до н.э. Выявлено 28 погребений вооруженных зрелых мужчин, что составляет 71,8 % от общего числа погребенных мужчин в этот период. В третьей четверти V в. до н.э. количество таких захоронений уменьшается до 13 (это составляет 50% от общего числа погребенных мужчин. В последней четверти V в. до н.э. наблюдается снижение количества воинских захоронений – их всего 10, но процент вооруженности вновь растет (59%), поскольку выявлено всего 17 захоронений. В IV в. до н.э. наблюдается наиболее сложный процесс. В первой четверти IV в. до н.э. общее число погребенных мужчин (13) и количество погребений с оружием (7) одновременно снижаются, доля вооруженности также незначительно снижается и составляет 53,8 %. Во второй четверти IV в. до н.э. количество воинских погребений резко снижается (до 4), их процент от общего числа захоронений резко падает до 15,3 %. В третьей четверти IV в. до н.э. выявлено 5 воинских захоронений, что составляет 18,5 % от общего числа мужских погребений (27). В последней четверти IV в. до н.э. наблюдается уменьшение числа воинских погребений (их всего 4). Доля воинских захоронений составляет 19 % от общего числа погребенных мужчин. На рубеже IV–III вв. до н.э. при одновременном росте количества мужских захоронений (53) и погребений с оружием (6) процент воинских погребений снижается до минимума (11,3 %).

годами (Arist. Ath. pol. 42. 3–5; Xen. Lac. I–IV; Plut. Lic. I. 17; Plut. Quaest. conv. 21). Любой полноправный гражданин от 20 до 60 лет, принеся присягу полису и пройдя военную подготовку, в случае военной опасности был обязан нести службу в ополчении. При существенных различиях в политическом устройстве Афин (демократия) и Спарты (олигархия), возраст получения гражданских прав и обязанности гражданина были схожи, что, впрочем, естественно. Сложно представить, чтобы на Боспоре (вне зависимости от политического устройства и особенностей воспитания) военная организация принципиально отличалась от других полисов античного мира.

По справедливому утверждению Г.А. Кошеленко, одной из характерных особенностей полиса было «совпадение (более или менее полное) политической и военной организации», которая служила гарантом самого существования гражданской общины. Исследователь подчеркивал, что любой гражданин-собственник являлся в то же время и воином, который обеспечивал неприкосновенность общинной и своей личной собственности (Кошеленко, 1980. С. 6). Только полноправные граждане в такой общине могли носить оружие. Можно ожидать, что именно в их погребениях встречаются находки предметов вооружения.

В этой связи, очевидно, что большая часть захоронений с оружием второй половины VI – первой половины V в. до н.э. на Азиатском Боспоре может рассматриваться (хотя бы и с оговорками) как погребения полноправных граждан. В таком случае допустимо (постольку поскольку) предположить, что большинство мужчин, в захоронениях в которых был обнаружен инвентарь, но не представлены предметы вооружения, полнотой гражданских прав не обладало.

Часть мужских одиночных безынвентарных погребений в простых грунтовых ямах допустимо связать с зависимой категорией населения²⁰⁷.

Начиная со второй четверти V в. до н.э. в погребальных традициях мужского населения Азиатского Боспора зафиксированы изменения. На этом этапе, наряду с наличием оружия, статус погребенного мог определяться конструкцией погребального сооружения и количеством индивидов, захороненных в могиле. Большинство воинских захоронений во второй половине V – на рубеже V–IV вв. до н.э. являются коллективными и совершаются в капитальных сооружениях (чаще в сырцовых ящиках, реже – в глубоких грунтовых ямах), приспособленных для совершения многоактных захоронений. По справедливому мнению А.В. Иванова и Н.И. Сударева, часть сырцовых гробниц в некрополях Азиатского Боспора могла выполнять функцию «посмертного дома» героя, героона (Иванов, Сударев. 2023. С. 203–204). Поэтому трудно допустить, чтобы человек, погребенный с оружием в сырцовой гробнице, не был членом гражданской общины. Значительно реже встречаются одиночные погребения с оружием, совершенные в простых грунтовых ямах. Возможно, захороненные таким образом мужчины также были полноправными гражданами, однако в имущественном отношении уступали погребенным в сырцовых гробницах. В пользу такого мнения свидетельствует не столько характер трудозатрат на создание могильных сооружений, сколько расположение этих могил на менее «престижных» участках некрополей. Свободному, но не обладавшему гражданскими правами мужскому населению,

²⁰⁷ Трудно не согласится с утверждением Н.И. Сударева, что по одному лишь отсутствию вещей в погребении невозможно судить о положении, занимаемом умершим в обществе (Сударев, 2004. С. 333–334; 2005. С. 115–116, 142–143). Однако о том, что часть погребенных без инвентаря принадлежит зависимому населению региона, свидетельствует исследование всего комплекса выделенных особенностей. На это указывает минимальный характер трудозатрат на создание погребального сооружения, а в ряде захоронений и его отсутствие. При выявлении погребений представителей зависимого населения учитывалось и расположение захоронений относительно других могил на рассматриваемой территории.

вероятно, принадлежала часть погребений, в которых оружие отсутствовало, но был обнаружен богатый сопроводительный инвентарь.

На рубеже V–IV вв. до н.э. количество «воинских» погребений в грунтовых некрополях Азиатского Боспора резко снижается, что осложняет задачу выявления захоронений рядовых граждан. Для исследования социальной структуры боспорского общества, начиная с этого времени, более значимыми становятся такие особенности обряда, как конструкция погребального сооружения и способ обращения с телом. При этом для курганных и тех грунтовых некрополей, где встречаются «воинские» захоронения, наличие оружия в погребении продолжает оставаться важным признаком социальных различий между погребенными. Кроме того, большую роль при определении статуса умершего играет местоположение захоронений.

Изучение всего комплекса особенностей обряда, в которых могла проявиться одновременно социальная и имущественная дифференциация населения региона, позволяет выделить в исследованном массиве мужских захоронений Азиатского Боспора IV в. до н.э. пять групп.

В первую группу входят одиночные безынвентарные захоронения в простых ямах. Они обнаруживаются во всех некрополях рассматриваемого периода. Большинство из них, по всей видимости, принадлежало зависимым категориям населения.

Во вторую группу включены одиночные погребения в простых грунтовых ямах и коллективные захоронения в сырцовых гробницах и склепах, совершенные по обряду ингумации. В них присутствует сопроводительный инвентарь, но отсутствует оружие. Они объединены в одну группу, поскольку структуры их погребальных практик схожи. Подобные погребальные практики выявлены во всех грунтовых некрополях исследуемого региона. Можно предположить, что большая часть из выделенных захоронений принадлежала

лично свободному населению, возможно, не обладавшему гражданскими правами

В третью группу выделены совершенные по обряду ингумации одиночные и коллективные захоронения, в наборе инвентаря которых фиксируются предметы наступательного вооружения (короткие и длинные мечи, копья, наконечники стрел). Они обнаружены в грунтовых некрополях. Наиболее высок процент таких погребений (с репрезентативной выборкой) в некрополях у пос. Пересыпь (10%)²⁰⁸ и Фанагории (7%). Значительно реже «воинские» захоронения встречаются в грунтовых некрополях Гермонассы (6,35%) и у пос. Виноградный (7,7%), а также выявлено одно захоронение в Патрее (50%) и два – в Ахтанизовской 4 (66,7%).²⁰⁹ Один случай присутствия оружия отмечен в грунтовом некрополе Горгиппии (что составляет 6,25%). К этой же группе отнесены и схожие с ними по структуре погребальных традиций одиночные и коллективные подкурганные захоронения без оружия, в обряде которых отмечался биритуализм²¹⁰. Такие погребения были зафиксированы в курганных некрополях Фанагории, Кеп, Гермонассы. Представителей данной группы можно связать со стратой рядовых граждан Азиатского Боспора.

В четвертую группу объединены погребения, совершенные под курганными насыпями в сырцовых и каменных склепах, расположенные на привилегированных участках некрополей. В способах обращения с телом погребенных преобладает ингумация, однако практикуются и обряды кремации на месте и на стороне. В составе инвентаря фиксируются предметы как наступательного, так и защитного вооружения. В единичных захоронениях

²⁰⁸ Здесь и далее дается процент воинских погребений от общего числа захоронений.

²⁰⁹ В Ахтанизовской найдено всего 3 погребения, из них два – с оружием. В Патрее выявлено два погребения, одно из которых – воинское. Поэтому процент воинских погребений выше, даже чем в некрополе Пересыпь. Но из-за столь малой выборки этот процент нельзя учитывать и оценивать как репрезентативный.

²¹⁰ Несмотря на разные наборы особенностей погребальных практик, в обрядах захоронений зафиксирована схожая структура погребальных традиций, что позволяет объединить их в одну группу.

обнаружены останки лошадей. Такие погребения выявлены в курганных некрополях Фанагории, Гермонассы, у м. Тузла, Горгиипии, Вышестеблиевская 21, Виноградный-северо-восточный.

Вслед за Н.И. Сударевым, в качестве критериев, указывающих на высокий статус захоронения, приняты в расчет его месторасположение относительно других погребений, большой объем трудозатрат на создание могильного сооружения и богатый набор инвентаря (Сударев, 2016. С. 338–339). Проведенный с учетом данных критериев анализ погребальных практик представителей рассматриваемой группы показывает, что умершие занимали более высокое положение в обществе, нежели рядовые граждане. Вероятно, большинство захоронений, отнесенных к четвертой группе, принадлежало представителям *местной (полицейской) элиты*.

В *пятую группу* входят одиночные и коллективные подкурганые погребения в монументальных каменных гробницах (всего 5 погребений). Стены большинства гробниц были украшены росписью. Примечательно, что эти захоронения располагаются обособленно за пределами городских и других некрополей. В способах обращения с телом отмечается «биритуализм»: примерно в одинаковом количестве погребений фиксируются ингумации и кремации на месте. Реже встречаются захоронения по обряду кремации на стороне. Инвентарь погребений отличается исключительным богатством: наряду с расписной керамикой, погребенных сопровождает столовая посуда из стекла и драгоценных металлов; в наборе украшений широко представлены изделия из золота и серебра, в том числе детали венков. В захоронениях фиксируются предметы наступательного и защитного вооружения. Погребенных сопровождают останки нескольких взнузданных лошадей. В некоторых конских захоронениях наряду с уздечным набором обнаружены попоны. Данная группа захоронений самая малочисленная (4,3%). В нее входят погребения под курганами гора Зеленского (2 погребения) ; Малая и Большая

Близницы (2 погребения); Боюр-гора (1 погребение). Очевидно, захороненные в этих некрополях занимали особое положение в боспорском обществе. Не случайно, характеризуя обряд погребения в кургане Боюр-Гора, А.А. Завойкин предполагает, что оно принадлежало лицу высочайшего ранга, которое, возможно, занимало важный пост в боспорской администрации (Завойкин, 2021. С. 179–180). Аналогии, прослеженные в обряде погребения из Боюр-Горы и в других захоронениях рассматриваемой группы, позволяют связать ее представителей с *государственной (надполисной) элитой* Боспора.

Таким образом, установлено, что социальная структура боспорского общества в VI–IV вв. до н.э. последовательно усложняется. Особенности погребальных традиций в захоронениях мужчин второй половины VI – первой половины V в. до н.э. позволяют говорить о существовании трех социальных страт: 1) зависимого населения; 2) людей лично свободных, но не обладающих гражданскими правами; 3) полноправных граждан полисов. Изменения, произошедшие в мужских погребальных обрядах во второй – третьей четверти V в. до н.э. фиксируют формирование еще одной социальной группы – полисной элиты. Новый этап усложнения социальной структуры населения прослеживается в погребальных традициях второй половины IV вв. до н.э., что указывает на сложение новой страты – государственной элиты Боспорского царства.

Выводы.

Исследование некрополей Азиатского Боспора VI–IV вв. до н.э. позволяет выявить различия в погребальных обрядах, связанные с полом и возрастом погребенных. Они прослежены не только в отдельных особенностях обряда, но и в структуре погребальных практик каждой из выделенных гендерных и возрастных групп. Погребальные традиции населения в течение трех

выделенных в исследовании периодов функционирования Боспорских некрополей усложнились. Установлено, что на изменение структуры погребальных обрядов существенное влияние оказал процесс нарастания имущественного расслоения общества. Имущественная дифференциация, прослеженная в погребальных обрядах каждой из возрастных групп, доказывает, что в социуме положение погребенных также было неодинаковым. Базовой формой социально-политической организации на Боспоре был полис, основу населения которого составляли свободные граждане (совершеннолетние мужчины). Результаты изучения погребальных традиций мужских захоронений подтверждают существование социальной стратификации населения Азиатского Боспора и дают представление о социальной структуре населения боспорских полисов, которая в VI–IV вв. до н.э. последовательно усложнялась. Погребальные практики *раннего периода* указывают на формирование на Боспоре трех социальных страт: полноправных граждан; людей лично свободных, но не обладавших гражданскими правами; представителей зависимого населения. Во *второй период* нарастание имущественного расслоения стимулирует формирование в структуре гражданской общины слоя местной элиты. Изменение погребальных практик мужского населения в первой половине IV в. до н.э. свидетельствует о влиянии на них масштабного и глубокого исторического процесса, каким было образование централизованной державы Спартокидов. Следствием этого во второй половине IV в. до н.э. стало формирование боспорской государственной элиты, представители которой наши упокоение, в том числе, в земле Азиатского Боспора.

4.4 Погребальные обряды и демография региона

Информация о демографической ситуации на Азиатском Боспоре в VI–IV вв. до н.э. в нарративных источниках не представлена, поэтому сведения о

демографической истории региона можно получить, лишь опираясь на немногочисленные исследования археологов и антропологов. К сожалению, полноценного антропологического изучения материалов некрополей Таманского п-ова не проводилось, но в небольшом количестве публикаций представлены данные о поле и возрасте погребенных на некоторых памятниках (см.: Герасимова, 1975; 1976. С. 109–112; Герасимова и др., 1987. С. 43–62; Добровольская, Свиркина, 2018; Абрамова, Пежемский, 2018. С. 102–121; Абрамова, Берлизов, 2019. С. 339–355; Абрамова и др. 2022. С. 94–96; Абрамова, 2023). Эти антропологические определения учитывались в нашей работе при выявлении особенностей погребальных обрядов, обусловленных полом и возрастом захороненных.²¹¹

Археологических работ, изучающих демографическую обстановку в регионе в VI–IV вв. до н.э. также немного²¹². В этом аспекте рассмотрены материалы некрополей в совместных статьях А.А. Завойкина и Н.И. Сударева (2006. С. 101–152; 2006а. С. 263–303), в которых динамика численности «воинских» погребений соотнесена с количеством поселений в различные периоды боспорской истории. Особую значимость для исследования демографической истории региона имеет серия публикаций Г.П. Гарбузова и А.А. Завойкина (Гарбузов и др., 2011; Гарбузов, Завойкин, 2009. С. 141–175; 2011. С. 194–222; 2012. С. 114–149)²¹³, где приводятся данные о количестве поселений и плотности их распределения на изучаемой территории в хронологическом контексте.

Развитие сельской округи центров Азиатского Боспора, по мысли исследователей, наблюдалось на протяжении второй половины VI – первых

²¹¹ Демографическая составляющая обычно рассматривается при изучении социальной структуры общества, поскольку у разных групп и слоев населения (половых, возрастных, имущественных, статусных), входящих в определенный социум, демографические показатели могут в сильной степени различаться.

²¹² Комплексного исследования демографической ситуации на Азиатском Боспоре VI–IV вв. до н.э. не проводилось.

²¹³ Публикации посвящены освоению греками территории Таманского п-ова в VI–IV вв. до н.э.

десятилетий V в. до н.э., а существенный спад достигнутых ранее показателей был зафиксирован во второй половине V в. до н.э. Авторами выявлено соответствие показателей кривой развития памятников сельских округов центров Азиатского Боспора с динамикой численности учтенных взрослых погребений, в том числе – захоронений с оружием. Причину «спада ранее достигнутых в развитии показателей на сельских округах восточно-боспорских городов» Г.П. Гарбузов и А.А. Завойкин видят в «ухудшении военно-политической обстановки в регионе» (Гарбузов, Завойкин, 2011. С. 312). В монографии А.А. Завойкина дается ценная информация о динамике развития городских центров Азиатского Боспора (Завойкин, 2013), которая использована в нашей работе при анализе полученных результатов.

Демографическая ситуация в регионе зависела не только от показателей рождаемости и смертности, но и от миграций. Сведения о путях перемещения населения на Азиатском Боспоре в VI–IV вв. до н.э. открывают дополнительные возможности при интерпретации рассматриваемого источника, поэтому для данной работы представляет интерес статья Я.М. Паромова, в которой специально рассматриваются древние дороги на территории Таманского п-ова (Паромов, 1998. С. 216–225)²¹⁴.

Изучение некрополей Азиатского Боспора VI–IV вв. до н.э. шло крайне неравномерно: относительно полно исследованы погребальные памятники только юго-западной и центральной частей Таманского п-ова и Синдики. Раскопки других некрополей в этом районе почти не проводились, поэтому демографическую ситуацию целесообразно рассматривать на территории всего Азиатского Боспора, а не на материалах отдельных некрополей.

Специфика археологических источников, связанная с ограниченными возможностями датировки материала, вынудила Г.П. Гарбузова и А.А. Завойкина при оценке демографической ситуации в регионе оперировать

²¹⁴Материал статьи был использован и при изучении этнической ситуации в регионе (см. § 4.2.1.2)

широкими хронологическими интервалами (от 50 до 100 лет). Однако в некрополях Таманского п-ова изменения погребальных практик могут быть рассмотрены и оценены в рамках четверти столетия. Поэтому определить, каким образом события демографической истории региона могли влиять на погребальные обряды населения, опираясь только на результаты предыдущих исследований, не всегда представлялось возможным. По указанной причине необходимым предваряющим этапом проведенного в работе анализа стала оценка численности погребений в хронологическом диапазоне с точностью до 25 лет. После этого полученные данные были соотнесены с результатами изучения других археологических памятников, представленных в работах, оперирующих более широкими датировками.

В выборку исследования вошли данные о 1066 захоронениях²¹⁵, для которых известна «узкая» (с точностью до четверти века) датировка. Анализ этого массива показал, что в *первом периоде* (вторая половина VI – первая половина V в. до н.э.) в некрополях Таманского п-ова наблюдается увеличение количества захоронений: 4 погребения отнесены ко второй четверти VI в. до н.э.; 21 – к третьей; 63 – к последней четверти этого столетия. Число погребённых заметно выросло в первой четверти V в. до н.э. (109 погребений) и достигло максимальных значений во второй четверти V в. до н.э. (136 погребений). Таким образом, число захоронений в выделенный период превысило общее количество отнесенных к VI в. до н.э. могил почти в два раза. Во *втором периоде*, начиная с третьей четверти V в. до н.э., на изучаемых памятниках прослеживается уменьшение количества захоронений (98), которое продолжается и в последней четверти V в. до н.э. (68). Наименьшее количество захоронений по отношению к «максимуму» второй четверти V в. до н.э. отмечается для первой четверти IV в. до н.э. (53).

²¹⁵ Для этих погребений имеются антропологические определения.

Во второй четверти IV в. до н.э. снова фиксируется резкое увеличение числа погребений (до 102). В третьей четверти IV в. до н.э., вероятно, как следствие неблагоприятной военно-политической обстановки предыдущего периода, количество захоронений уменьшается (до 78)²¹⁶, а с начала четвертой четверти IV в. до н.э. опять наблюдается рост их числа (до 103), который достигает максимума к концу IV – началу III в. до н.э., когда фиксируется 231 погребение (Прил. 5. Табл. №8).

Смена наборов погребальных традиций в большинстве некрополей Азиатского Боспора происходит в те хронологические интервалы, когда количество погребений в регионе достигает максимума. Очевидно, это объясняется миграционными процессами. Наиболее существенные изменения обнаружены в погребальных обрядах некрополей юго-западной²¹⁷ части Таманского п-ова, а также в некоторых некрополях его центральной части.²¹⁸

Полученные данные были соотнесены с результатами исследований, посвященных статистике сельских поселений на Таманском п-ове в VI–IV вв. до н.э. Использовалась периодизация, разработанная Г.П. Гарбузовым и А.А. Завойкиным для поселенческих памятников. Согласно подсчетам исследователей, во второй – третьей четвертях VI в. до н.э. зафиксировано от 21 до 29 сельских поселений.²¹⁹ В последней четверти VI – первой четверти V в. до н.э. наблюдался устойчивый рост числа поселений (до 63–65) на хоре полисов Таманского п-ова.

Во второй четверти V в. до н.э. количество поселений на Азиатском Боспоре достигло «пиковых» показателей (79–81). Начиная с третьей четверти V в. до н.э. общее количество поселений уменьшилось до 63. Минимальное

²¹⁶ Возможно, уменьшение количества захоронений обусловлено снижением рождаемости, следствием чего был демографический провал в конце V – начале VI в. до н.э.

²¹⁷ некрополи Волна 1 и Артющенко 2

²¹⁸ некрополи Гермонассы, Кеп, у м. Тузла

²¹⁹ О методике подсчета количества сельских поселений на Таманском п-ове см. Гарбузов, Завойкин, 2009. С. 141–175.

количество поселений (47) относительно «пиковых» показателей второй четверти V в. до н.э. зафиксировано в последней четверти V в. до н.э. В IV в. до н.э. число сельских поселений вновь увеличилось: количество поселенческих памятников в течение этого периода достигло максимума, когда было выявлено 174 поселения (Гарбузов, Завойкин, 2009. С. 151–157; 2010. С. 189; 2010а. С. 128–129. Табл. 1; 2011. С. 197; 2012. С. 130–138. Табл. 1).

Сравнительный анализ показал, что изменения количества погребений и сельских поселений региона в указанный период демонстрировали весьма близкую динамику. Соответственно, изменения, прослеженные в обрядах некрополей Азиатского Боспора во второй четверти V в. до н.э., происходили на фоне благополучной демографической ситуации. Положительная динамика демографии, сложившаяся в регионе на момент изменения наборов погребальных практик, казалось бы, указывает на общую стабильность обстановки в регионе. Однако с этим резко, вроде бы, контрастируют данные археологических исследований городов и поселений Таманского п-ова, на которых фиксируются явные признаки военной напряженности (Толстиков, 1984. С. 24-48; Завойкин, 2006. С. 103–111).

Особенно ярко это подтверждается материалами, полученными при раскопках Фанагории. Примерно на рубеже первой и второй четвертей V в. до н.э. на «Верхнем городе» в пожаре погибают все постройки, в том числе были разрушены и оборонительной стены города. Эти события убедительно связывают с военными действиями (см.: Завойкин, 2013. С. 160; Кузнецов, 2021. С. 127)²²⁰. Военный разгром Фанагории подтверждается присутствием предметов вооружения в слое пожара и на «Центральном раскопе» городища

²²⁰В монографии А.А. Завойкина определение времени гибели предполагаемого (ошибочно) восточного фортификационного рубежа фанагорийского акрополя имело предварительный характер (см. Завойкин, 2013. С. 160). Открытие в 2016 г. участка архаических оборонительных стен (см. Кузнецов, 2021. С. 111–131) и находка древнеперсидской надписи на раскопе «Верхний город» (см. Кузнецов, 2016. С. 160–185) позволили В.Д. Кузнецову обозначить более узкую датировку гибели реальных оборонительных укреплений Фанагории. Исследователь отнес данное событие к 480 г. до н.э., связав его с осадой города персами, либо их союзниками (см. Кузнецов, 2021. С. 127).

второй четверти V в. до н.э. (Кобылина, 1983. С. 55. Рис. 3; С. 59. Рис. 5; Завойкин, 1991. С. 84–88; 2013. С. 160).

Тем не менее, вскоре после произошедшего разгрома в начале второй четверти V в. до н.э. фиксируется восстановление и расширение территории города, на что указывает начало возведения жилых и хозяйственных построек на участке архаического некрополя, открытого на раскопе «Южный город».²²¹ Быстро восстанавливаются жилые и общественные постройки на «Верхнем городе».

Последствия нестабильной военно-политической обстановки прослеживаются и в других районах Азиатского Боспора. Так, второй четвертью V в. до н.э. датируется горизонт пожаров и разрушений на Патрейском городище (Завойкин, 2013. С. 216). Поскольку в слое были обнаружены наконечники стрел, Патрей, очевидно, тоже подвергся военному нападению. В Синдской Гавани также выявлены следы разрушений, датированных второй четвертью V в. до н.э. Показательно, что вскоре после пожара, уничтожившего жилища, на этом участке был возведен многокомнатный дом (там же. С. 187. Табл. 8; С. 190). Кроме того, был засыпан расположенный к югу от сгоревших построек ров, который, по мнению Е.М. Алексеевой, во второй половине VI – первой четверти V в. до н.э. являлся юго-западной границей города (Алексеева, 2003. С. 18–19. Рис. 2).

На верхнем плато городища Кепы также обнаружены остатки постройки, погибшей при пожаре во второй четверти V в. до н.э. (Сокольский, 1975 С. 615–619; Завойкин, 2013. С. 218–219).²²²

Итак, по крайней мере, в четырех городских центрах Азиатского Боспора выявлены слои разрушений, в целом датированные второй четвертью V в. до

²²¹ Этими сооружениями были перекрыты поднеархаические захоронения (Завойкин и др., 2017. С. 166).

²²² По мнению Н.И. Сокольского, разрушение дома произошло в конце VI – начале V в. до н.э. (Сокольский, 1973. С. 88). Датировка была уточнена А.А. Завойкиным в результате изучения амфор, обнаруженных в подвале сгоревшего здания (Завойкин, 2013. С. 218).

н.э. В Фанагории и Патрее наличие предметов вооружения в этих слоях позволяет связать гибель построек с событиями военного характера. Может показаться, что рост количества поселений и погребений, сопровождавшийся сменой наборов погребальных традиций в части некрополей Таманского п-ова, происходил на фоне нестабильной военно-политической ситуации. Однако уточненная на материалах раскопок Фанагории датировка военного катаклизма (рубеж первой и второй четверти V в. до н.э.), быстрое восстановление и даже расширение площади города во второй четверти V в. до н.э. позволяет утверждать, что это негативное событие не остановило поступательное развитие полиса. И более того, материалы времени расцвета сельских поселений Таманского п-ова (вторая четверть V в. до н.э.) подтверждают, что положительная динамика здесь приходится на время *после* военных разгромов.

Наблюдаемый интенсивный рост городов и поселений во второй четверти V в. до н.э., очевидный прирост населения позволяют предположить, что положительная демографическая динамика, прослеженная в регионе, была обусловлена отнюдь не только естественным приростом популяции. Против этого свидетельствует и изменение погребальных обрядов²²³ в некрополях, где выявлены погребальные практики, ранее не свойственные оставившему их населению. Очевидно, новые погребальные традиции могли принадлежать переселенцам, появившимся в регионе вследствие миграционных процессов.

Снижение общего демографического показателя, так же как и относительный упадок жизни на сельских территориях пока может быть соотнесен лишь с одним, правда, очень ярким событием, следы которого были открыты и исследованы только на «Верхнем городе» Фанагории. Здесь наблюдается пожар и полное уничтожение, очевидно, вновь в результате нападения врагов, всей городской застройки в середине V в. до н.э. (ок. 450/40

²²³ Под изменением следует понимать не возникновение отдельных особенностей обрядов, а появление новых устойчивых сочетаний этих особенностей.

гг. до н.э.). Пока мы располагаем данными о разгроме только Фанагории, но вероятность того, что эти катастрофические события затронули и другие центры Азиатского Боспора с их сельскими округами, на мой взгляд, весьма велика.

К сожалению, число нарративных источников, содержащих сведения о миграциях эллинов на Азиатский Боспор, очень ограничено. Поскольку греческая колонизация региона может быть рассмотрена как разновидность миграции, представляют интерес упоминания об основании апойкий на Таманском п-ове (см., например, Ps.-Scymn. Per. 886–887, 899; Ps.-Arr. PPE. 74; Eust. Comm. ad Dion. Per. 549)²²⁴. Единственным свидетельством о сезонных миграциях в регионе в V в. до н.э. является сообщение Геродота о переправах скифов по льду Боспора Киммерийского из Восточного Крыма на Тамань в земли синдов (Her. IV. 28). Сведения о внутренних миграциях на территории Таманского п-ова содержатся в упоминании Псевдо-Скимна об основании Горгиппии эллинами из близлежащих местностей (Ps.-Scymn. Per. 886–889 = Arr. PPE. 74)²²⁵.

В отечественных исследованиях приток населения на Азиатский Боспор в начале V в. до н.э. традиционно связывают с внешней «вынужденной» миграцией эллинов из малоазийских городов после разгрома персами Ионийского восстания в 494 г. до н.э. (Кошеленко, Кузнецов, 1992. С. 24; Завойкин, 2013. С. 248, 280). Высказывалось даже предположение о том, что прибытие новых переселенцев в апойкии Таманского п-ова являлось одним из факторов дестабилизации военно-политической обстановки в регионе, так как рост населения мог стать катализатором внутренних (между первопоселенцами

²²⁴ Подробно о трех этапах греческой колонизации на Боспоре см. Кошеленко, Кузнецов, 1992.

²²⁵ Поскольку в настоящее время тождественность Синдской Гавани и Горгиппии убедительно доказана (см. Завойкин, 1998. С. 134–149; 2013. С. 281–282; Тохтасьев, 2002. С. 10), не вызывает сомнений, что в сообщении Псевдо-Скимна (Ps.-Scymn. Per. 886–889 = Arr. PPE. 74) упоминается реколонизация города Спартокидами. Это событие датировано А.А. Завойкиным второй четвертью – серединой IV в. до н.э. (Завойкин, 2013. С. 282).

и прибывшими эпойками) или межполисных конфликтов (Долгоруков, 1990. С. 34; Григорьев. 1998. С. 40).

Кроме того, выдвигалась гипотеза о сезонных миграциях скифов через Керченский пролив. Перекочевки номадов, по мнению исследователей, могли носить как военный, так и мирный характер (Вахтина и др., 1980. С. 155–161; Вахтина, 2017. С. 53–54; Виноградов, 2005. С. 243–244). При этом не отрицалось наличие тесных контактов между греками и кочевниками на Боспоре в VI–V вв. до н.э. Авторы гипотезы указывали на необходимость поиска археологических материалов, свидетельствующих о ранних греко-варварских связях не только на Боспоре, но также в Поднепровье и Прикубанье (Там же. С. 160). Иной точки зрения придерживаются В.П. Толстикова и Ю.Г. Виноградова. Они считают, что походы номадов через Керченских пролив носили исключительно военный характер (Виноградов, 1983. С. 401, 405; Толстикова, 1984. С. 24–48). Более осторожную позицию занимает Е.А. Молев, уподобляя миграции кочевников «полюдью» (Молев, 1997. С. 27, 29). В исследовании А.А. Масленникова подчеркивается исключительно мирный характер скифских перекочевков (Масленников, 2001. С. 315).

Поскольку весьма дискуссионный вопрос о характере миграций варваров на Азиатском Боспоре тесно связан с проблемами демографической истории региона, он был рассмотрен в данной работе в контексте изменений погребальных практик. С учетом того, что погребальных практик первого периода в большей степени демонстрировали воздействие этнического фактора, изучение влияния демографических процессов на погребальные практики было более рационально проводить с опорой на материалы захоронений второго и третьего периодов.

В данном исследовании обнаружено, что во втором периоде (вторая половина V – первая половина IV в. до н.э.) существенно меняется состав и

количество групп некрополей, выделенных в первый период – их число возросло до 5.²²⁶

Первоначально предполагалось, что появление новых погребальных традиций обусловлено прибытием извне новых групп переселенцев в ходе внешних миграций. Изучение погребальных традиций в некрополях показало присутствие в их наборах во второй половине V в. до н.э. относительно небольшого числа новаций: в первый период выделяются 46 подвариантов, а во второй – 55. Следовательно, погребальные практики, сформировавшиеся во второй период, составили около 16% от общего количества подвариантов обрядов, выявленных в регионе. Это, безусловно, может свидетельствовать о внешних миграциях, но не объясняет всех изменений погребальных обрядов, зафиксированных во втором периоде функционирования изучаемых некрополей.

С помощью фактор и кластер-анализа было установлено, что состав групп некрополей менялся (см. § 3.5) не только из-за появления новых погребальных традиций, но и в результате трансформации погребальных обрядов, зафиксированных ранее в первом периоде.

Анализ материала позволил сделать следующие наблюдения:

1. Некоторые погребальные традиции сохранялись во всех группах изучаемых некрополей на протяжении всех трех периодов;
2. Отдельные подварианты обрядов, зафиксированные в погребениях в первый период, не прослеживаются в погребальных практиках второго периода;

²²⁶В первый период выделялись 4 группы некрополей: *группа 1* – некрополи Фанагории, Гермонассы, у м. Тузла; *группа 2* – некрополи Кеп, Синдской Гавани и у пос. Пересыпь; *группа 3* – некрополи Волна 1 и Артющенко 2; *группа 4*. – некрополи Ахтанизовской; Берегового 4; Суворовского; Гаркуши; у м. Панагия.

3. Некоторые погребальные традиции, представленные в первом периоде в захоронениях определенных групп, во втором периоде были выявлены в некрополях других групп.

4. Во втором периоде в регионе отмечено появление новых некрополей, значительная часть погребальных традиций которых соответствует погребальным практикам, прослеженным в некрополях первого периода.

Все вышеизложенное позволяет выявить причины и характер изменений погребальных обрядов в рассматриваемом периоде. В частности, объяснить, почему менялся состав групп некрополей, объединенных ранее по сходству их погребальных практик. Было обнаружено, что погребальные традиции некрополей одной группы, выделенной в первом периоде, во втором периоде могли демонстрировать большее сходство с обрядами некрополей другой группы.²²⁷ Это в особой степени затронуло группы 3, 4 и 5 (см. § 3.5). Происходила «перегруппировка» – перераспределение некрополей внутри уже выделенных групп. Вместе с тем, отдельные некрополи (Волна 1 и Артющенко 2, Фанагория и у м. Тузла) оставались в составе прежних групп на протяжении всех периодов, хотя набор их погребальных практик мог несколько измениться.

То, что некоторые погребальные обряды, появившись в первом периоде в некрополях одной группы, во втором периоде были выявлены в захоронениях другой группы, указывает на перемещение населения – носителя определенных погребальных традиций – из одного микрорегиона Таманского п-ова в другой, что подтверждает версию о внутренних миграциях на Азиатском Боспоре.

Появление новых погребальных традиций, ранее не свойственных боспорским грекам Азиатского Боспора, могло быть связано с прибытием в апойкии представителей из других центров античного мира, т.е. с внешними миграциями. Не вызывает сомнений, что формирование новых погребальных

²²⁷ Сходство между некрополями определялось по наличию идентичных вариантов погребальных практик.

практик могло произойти и без каких-либо перемещений переселенцев по территории региона. Тем не менее, массовость и относительная синхронность изменений в наборах погребальных обрядов, охвативших все некрополи рассматриваемого региона, явно свидетельствуют о влиянии миграций на этот процесс. Новые погребальные традиции представлены в некрополях крайне неравномерно. Наибольшее число погребальных практик, появившихся на Азиатском Боспоре во второй половине V – первой половине IV в. до н.э. отмечено в некрополях Фанагории (6) и Волна 1 (8). Выраженная вариативность погребальных обрядов указывает на большую вероятность появления в полисах носителей новых погребальных традиций, переселенцев из других регионов

Однако изменение погребальных практик в некрополях Фанагории и Волны 1 происходило неодинаково. Очевидно, это различие можно объяснить тем, что носителями новых погребальных обрядов были переселенцы из разных центров, возможно, появившиеся в апойкиях в ходе разных миграций. Например, эти переселенцы могли прибыть в апойкии Таманского п-ова в ходе второй волны колонизации (об этом см., например, Кошеленко, Кузнецов, 1992. С. 24; Молев, 1997. С. 45, прим. 51; Завойкин, 2013. С. 280).

Это могли быть даже боспориты, прибывшие из других апойкий. Так, в захоронениях Волны 1 четко фиксируются особенности погребальных традиций, маркирующие их происхождение из разных центров (см. § 4.2). Есть вероятность влияния на погребальные обряды автохтонного окружения, поскольку обнаружены «негреческие» черты погребальных практик, схожие с выявленными в синдских могильниках (см. § 4.2.2).

Важным фактором при интерпретации материала некрополей становится учет их расположения на рассматриваемой территории.

Некрополь Фанагории локализуется в центральной части Таманского п-ова, уже со второй половины VI в. до н.э. заселенной эллинами.²²⁸ Изучение появившихся в этом некрополе во второй половине V в. до н.э. особенностей погребальных традиций подтверждает их эллинское происхождение. Следует отметить, что два варианта²²⁹ погребальных обрядов, фиксируемых в захоронениях Фанагории со второй половины V в. до н.э., не встречаются в других некрополях исследованного региона. С большой долей вероятности, эти погребальные практики могли быть привнесены выходцами из городов греческого мира, прибывших со второй волной колонизации.

Некрополь Волна 1 располагается в юго-западной части исследуемого региона, где во второй половине VI – первой половине V в. до н.э.; наряду с греческим населением, зафиксировано присутствие представителей автохтонного окружения Азиатского Боспора (см. Гл. 4. § 2). «Варварские» черты в некоторых погребальных обрядах некрополя Волна 1, выделенные в ранний период его функционирования, свидетельствуют об участии негреческого населения в формировании новых погребальных практик. Впрочем, не вызывает сомнений, что 80% погребальных традиций, появившихся в некрополе во второй период его функционирования, была сформирована греками. Об этом говорит выявленная в погребальных практиках захоронений Волны 1 тесная связь, с другими некрополями²³⁰. Самые сильные корреляции прослеживаются в наборах погребальных практик некрополей Волна 1 и Артющенко 2 (37 общих подвариантов). Это позволило во втором периоде объединить данные памятники в одну группу (группу 3), тем более что

²²⁸ С учетом позиции А.В. Иванова и Н.И. Сударева (см. Иванов, Сударев, 2012. С. 178–200) не решаюсь полностью отрицать присутствие отдельных представителей «негреческого» населения в центральной части Таманского п-ова. Однако полученные ранее результаты (см. § 4.2) позволяют утверждать, что наличие «варварского субстрата» в греческих апоיקиях данного микрорегиона никак не отразилось на погребальных практиках.

²²⁹ II А 4 а, II А 4 б.

²³⁰ Имеются в виду некрополи Фанагории (22 общих с некрополем Волна 1 подварианта погребальных практик), у м. Тузла (17 общих подвариантов), у пос. Виноградный (24 общих подварианта), Кеп (11 общих подвариантов), Гермонассы (7 общих подвариантов).

некоторые «новые» погребальные обряды зафиксированы только в этих двух некрополях.

Разница в миграционных процессах, которая могла проявиться в погребальных традициях некрополей Волна 1 и Артющенко 2, обнаруживается при изучении практики совместных захоронений «воинов» и лошадей.

Появление традиции захоронения «чучел» лошадей в погребениях Артющенко 2 в первой четверти V в. до н.э., очевидно, стало следствием миграции в регион представителей автохтонного населения Синдики²³¹. Примечательно, что для второй четверти V в. до н.э. в некрополе Артющенко 2 зафиксированы две разные традиции обращения с останками лошадей – захоронения «чучел» и целого костяка лошади. «Чучела» лошадей в большинстве погребений располагались за пределами могильного сооружения, тогда как их целые костяки могли находиться в могиле рядом с погребенными «воинами».

В некрополе Волна 1 традиция захоронений лошадей распространилась, по меньшей мере, на четверть века позднее, чем в некрополе Артющенко 2. Однако в захоронениях Волны 1 «чучел» лошадей зафиксировано не было. Логично предположить, что причиной возникновения практики «всаднических» захоронений в данном некрополе могли стать внутренние миграции греческого населения юго-запада Таманского п-ова.

Заимствования погребальных практик в ходе внутренних миграций населения прослежены и в греческих некрополях центральной части Таманского п-ова. Это находит подтверждение при изучении набора погребальных традиций в некрополе Виноградный 7, функционирование которого началось в конце V в. до н.э. Не вызывает сомнений, что поселение Виноградный 7 было основано жителями Фанагории и располагалось на хоре

²³¹ Как уже отмечалось, не позднее первой четверти V в. до н.э. практика захоронений «чучел» фиксируется в могильнике ОПХ Анапа. См. подробнее § 4.2.2.

этого полиса (см.: Сударев, 2016. С. 338; 2017а. С. 525–535; Берлизов, Сударев, 2022. С. 60). Об этом указывают на близость наборов погребальных традиций (18 общих подвариантов погребальных практик), выделенных в захоронениях Фанагории и Виноградного 7. Но обнаруживаются и различия: в некрополе Виноградный 7 зафиксированы некоторые погребальные практики²³², отмеченные в некрополе Фанагории в первом периоде, но не прослеженные позднее. Можно допустить, что некоторая часть жителей Фанагории во второй период переселилась в Виноградный 7.

Еще более тесную корреляцию продемонстрировали наборы погребальных традиций некрополей Виноградный 7 и у м. Тузла (19 общих подвариантов). Некоторые подварианты погребальных обрядов некрополя у м. Тузла первого периода, не зафиксированные в нем во втором периоде²³³, представлены в некрополе Виноградный 7. Возможно, отдельные особенности погребальных традиций были перенесены из некрополя у м. Тузла в некрополь Виноградный 7 в ходе внутренней миграции.

Обстановка на Азиатском Боспоре во второй половине IV в. до н.э., когда в некрополях происходили значительные изменения погребальных традиций, существенно отличалась от предыдущего периода. Появление «новых» погребальных практик в некрополях по времени соотносится с завершением процесса становления державы Спартокидов (Завойкин, 2013. С. 394–397). В результате в регионе сложилась благоприятная военно-политическая обстановка, способствовавшая формированию положительной демографической динамики. Плотность населения значительно увеличилась, в силу это и численность захороненных в некрополях Азиатского Боспора во второй четверти IV в. до н.э. резко возросла. Увеличение количества погребенных не было связано с негативными событиями (которые в принципе

²³² Подварианты II. А. 1.б; II. Б. 3.б; II. В. 1.б; II. Г. 2.а; II. Г. 4.а.

²³³ Подварианты II. А. 2. а; II. Б. 1.а; II. В. 1. б.; II. В. 1. в; II. В. 3. а.; II. В. 3. г.; II. В. 4. г.

тоже могут стать причиной увеличения числа похороненных), поскольку и число поселений на Таманском п-ове в течение всего IV в. до н.э. возросло более чем вдвое (Гарбузов, Завойкин, 2012. С. 138. Табл. 1).

Очевидно, что стабилизация обстановки на Азиатском Боспоре под властью Спартокидов обусловила естественный прирост населения, что и отразилось на демографических показателях. Вместе с тем, наряду с «модификациями» отдельных особенностей уже существующих погребальных практик, в некрополях отмечены новые погребальные традиции. Общее их число увеличилось с 55 до 84.

Появление погребальных практик, ранее для региона не свойственных, позволяет думать, что рост населения на рассматриваемой территории, как и в предшествующий период, сопровождался миграциями, которым способствовало объединение территорий боспорских полисов по обе стороны Киммерийского Боспора в рамках единого государства – державы Спартокидов.

Большинство новых подвариантов погребальных традиций²³⁴ выявлено в курганных некрополях²³⁵, возникновение которых относится еще ко второму периоду, однако широкое распространение захоронения под курганными насыпями получили во второй половине IV в. до н.э. Как уже отмечалось (см. § 4.1.3; 4.2), наиболее существенные изменения прослежены в конструкции погребальных сооружений, способах обращения с телом погребенного, отдельных категориях инвентаря. Новации обнаруживаются в основном в погребальных практиках элитных захоронений, хотя в предыдущий период изменения погребальных обрядов чаще фиксировались в грунтовых некрополях, где, очевидно, было захоронено рядовое население. Результаты проведенной работы показывают изменения погребальных традиций и в грунтовых, и в

²³⁴ См. III. Б. 4. а.; III. Б. 4. б.; III. В. 8. а.; III. В. 8. б.; III. В. 9. а.; III. В. 9. б.; III. В. 10.; III. В. 11.; III. Г. 9. а.; III. Г. 9. б.; III. Г. 10. а.; III. Г. 10. б.; III. Г. 11.а; III. Г. 11.б; III. Г. 12.а; III. Г. 12.б; III. Д. 8. а.; III. Д. 8. б.; III. Д. 9. а.; III. Д. 9. б.; III. Д. 10.а; III. Д. 10. б.

²³⁵ Речь идет о курганных некрополях Фанагории, Гермонассы, Кеп, у м. Тузлы, Горгиппии и Кучугур.

курганых некрополях, но в подкурганых захоронениях они выражены значительно сильнее. Отметим, что практика захоронений под курганами в Восточном Крыму получила широкое распространение на четверть века раньше, чем на Азиатском Боспоре. Значительно чаще, начиная с VI в. до н.э., на Европейском Боспоре фиксировался обряд кремации. При этом трупосожжение на стороне, прослеженное в архаических некрополях Пантикапея и Нимфея, начало активно применяться в некрополях Таманского п-ова только во второй половине IV в. до н.э. Несколько раньше в захоронениях Европейского Боспора распространилась и практика помещения в могилу «обола Харона». Как представляется, весьма вероятно, что все эти особенности погребальных ритуалов могли быть перенесены на Таманский п-ов при миграциях населения из Восточного Крыма.

Если соотнести данные, полученные при изучении погребальных обрядов Азиатского Боспора с выводами исследований, обращенных к событиям политической истории региона, то возникает версия о возможном влиянии на формировании «новых» погребальных традиций внутренней политики боспорских властей.

Полностью разделяя позицию А.А. Завойкина, согласно которой вхождение независимых полисов Азиатского Боспора в состав державы Спартокидов чаще происходило путем военного подчинения (Завойкин, 2013а. С. 176), логично думать, что после присоединения новых территорий архонты Боспора должны были осуществлять контроль над ними. Под этим подразумевается, что в отдельных населенных пунктах Таманского п-ова, имевших для Спартокидов стратегическое значение, могли размещаться воинские гарнизоны, а в крупных городах, центрах полисов – представители царской администрации. Статус полисов, вошедших в единое государство, был неодинаков: лишь некоторые гражданские общины в составе Боспора сохраняли часть своих исконных прав, другие были их лишены и «приблизилась, условно

говоря, к положению демов» (Завойкин, 2022. С. 102–103). Наиболее высокий статус среди центров Таманского п-ова имела Фанагория, ставшая в составе державы Спартокидов «столицей азиатских боспорцев» (Strab. XI. II, 10). По мысли А.А. Завойкина, две столицы Боспора – Пантикапей и Фанагория – сохраняли, хотя и формально, определенные признаки своей политической субъектности²³⁶. Особый статус Фанагории в составе Боспора позволяет думать, что в этом центре могли находиться не только представители царской администрации, но и лица из близкого окружения боспорского царя.

В этой связи имеет смысл обратить внимание на обряды захоронений в курганах Большая и Малая Близница, которые располагались на фанагорийской хоре обособленно от городского курганного некрополя Фанагории (см. § 4.2). Погребальные традиции, зафиксированные в Большой и Малой Близницах, фиксируют весьма высокое положение захороненных в социальной иерархии Боспора. Очевидно, прижизненный статус этих лиц был выше ранга захороненных в городском курганном некрополе Фанагории. Сходство погребальных практик Большой и Малой Близниц с традициями элитных захоронений Восточного Крыма приводит к мысли, что погребенные в этих курганах могли быть представителями семейства пантикапейской аристократии.

Следует подчеркнуть, что среди некрополей исследованного региона наибольшее число новаций зафиксировано в наборе погребальных традиций именно Фанагории. Причем, в погребальных практиках фанагорийских курганных захоронений второй половины IV в. до н.э. и второй половины V в. до н.э. выявлены существенные различия²³⁷. Одной из наиболее значимых особенностей погребальных традиций курганного некрополя Фанагории второй половины IV в. до н.э. было наличие предметов наступательного и защитного

²³⁶ Об этом, по мнению исследователя, свидетельствует, в частности, чеканка мелких номиналов меди от имени жителей этих городов. Следует отметить, что в Фанагории чеканка монет возобновилась лишь с конца III в. до н.э. (см. Завойкин, 2022. С. 103).

²³⁷ См. Гл. 3. § 3.2

вооружения, что в сильной степени выделяет его на фоне других некрополей центральной части Таманского п-ова²³⁸. Очевидно, после присоединения полисов Азиатского Боспора к державе Спартокидов правом быть погребенным с оружием обладала очень ограниченная часть населения. К ней, несомненно, относились представители государственной администрации, а также воинский контингент, осуществлявший контроль над территорией. А.А. Завойкин справедливо полагает, что наличие в порту Фанагории государственной таможни означало присутствие в городе лиц, которые несли «государеву службу» (Завойкин, 2021. С. 179). В число этих людей могли входить как фанагорийские граждане, лояльные боспорскому правителю, так и выходцы из других городов Боспора, в том числе из Восточного Крыма. Это, безусловно, создавало больше возможностей не только для миграций носителей погребальных практик Европейского Боспора, но и для их заимствований представителями гражданской общины Фанагории, а также других центров региона.

Изменения фиксируются и в погребальных практиках курганных некрополей других греческих полисов центральной части Таманского п-ова. Так, близость погребальных традиций в рассматриваемый период выявлена в курганных некрополях Фанагории, Кеп и у м. Тузла.

Сведения источников о передаче Спартокидами Кеп «на кормление» Гилону за сдачу им Нимфея (Aesch. III. 171–172; *Harpor. Lex. s.v. Νύμφαιον*)²³⁹ подтверждают, что «назначенцы» (условно – заместники) размещались и в других городах Азиатского Боспора (см. Кошеленко, Усачева, 1992. С. 51–57). По сравнению с погребальными практиками элитных захоронений Фанагории набор погребальных традиций курганного некрополя Кеп выглядит скромнее.

²³⁸ В этом районе в некрополях рядового населения почти не встречается оружие (исключением были некрополи Гермонассы и у пос. Виноградный), однако защитное вооружение в этот период обнаружено исключительно в курганном некрополе Фанагории.

²³⁹ И.Е. Суриков оспаривает достоверность информации Эсхина в отношении Гилона, деда Демосфена (2013. С. 409–410).

Различия в погребальных традициях некрополей Фанагории и Кеп обнаруживаются в конструкции погребального сооружения и наборах погребального инвентаря. В захоронениях Кеп почти не представлены каменные склепы, редко встречались металлические сосуды, полностью отсутствует оружие. Но близость между некрополями Фанагории и Кеп прослеживается в самом наличии курганных насыпей над погребениями, монументальных сырцовых гробниц, практик кремации на месте и на стороне, а также в распространении обычая «Обол Харон».

Представляется, что большинство курганных захоронений в Кехах принадлежало представителям местной знати, заимствовавшей ряд особенностей погребальных практик, свойственных центрам Восточного Крыма (главным образом, Пантикапея). Однако, с учетом сведений письменных источников, допустимо предположить, что небольшая часть погребений под курганами в некрополе Кеп могла принадлежать непосредственно выходцам из Европейского Боспора.

Погребальные традиции курганного некрополя у м. Тузла демонстрируют тесные связи с практиками элитных курганных захоронений Фанагории. Но существенным отличием является почти полное отсутствие в курганах у м. Тузла предметов вооружения (см. Кашаев, 2013. С. 368–369, С. 402. Табл. 1). Безусловно, обряд захоронения под курганами предполагал серьезные имущественные затраты, но в некрополе у м. Тузла по каким-то (возможно, политическим) причинам достаточно состоятельные люди были похоронены в престижном месте,²⁴⁰ но без оружия. Вполне вероятно, что большинство захоронений у м. Тузла принадлежало представителям боспорской знати, которые также переняли погребальные традиции ближайшего круга соратников тирании.

²⁴⁰ Захоронение располагается отдельно от других, на возвышенности

Для исследования внутрибоспорских миграций, происходивших в регионе во второй половине IV в. до н.э., исключительную важность представляют материалы грунтового и курганного некрополей Горгиипии. По свидетельству Псевдо-Скимна, Горгиипия была основана «эллинами из близлежащих местностей» (Ps.-Scymn. Per. 886–889 = Arr. PPE. 74). В настоящее время у исследователей не вызывает сомнений, что речь в данном источнике идет о повторной *кτισме* (реколонизации) города Спартокидами во второй четверти IV в. до н.э. (Завойкин, 2004. С. 62; 2013. С. 419; Виноградов, Горончаровский, 2008. С. 74). Таким образом, данные нарративной традиции свидетельствуют о том, что пантикапейские правители проводили внутреннюю миграционную политику на территории рассматриваемого региона. Исходя из сообщения Псевдо-Скимна, казалось бы, можно полагать, что участниками основания Горгиипии, по большей части были выходцами из греческих апойкии Таманского п-ова и, может быть, Восточного Крыма. Однако данные эпиграфики вносят существенные коррективы в это предположение. Горгиипийский каталог, включающий список имен победителей на состязании местного гимнасия (КБН. 1137), содержит важную информацию о составе гражданского населения этого полиса. Этот эпиграфический памятник датируется концом IV – началом III вв. до н.э. (Латышев, 1909. С. 244; Берзин, 1961. С. 127; Тохтасьев, 1992. С. 115; Завойкин, 2013. С. 500. Табл. 10). С.Р. Тохтасьев выявил в данном источнике «немало ЛИ (личных имен), принадлежавших «позднейшим неионийским, частично дорийским – переселенцам» (Тохтасьев, 1992. С. 182, прим. 16, 17). В.В. Латышев утверждал, что в Горгиипийском каталоге представлены имена тех, кто являлся «цветом горгиипийского населения» (1909. С. 256). Таким образом, очевидно, что в гражданскую общину Горгиипии вошли не только представители греческого населения Азиатского Боспора (вероятно, включая граждан Синдской Гавани),

но и выходцы из других городов Европейского Боспора и других регионов античного мира.

Это подтверждается данными исследования горгиппийского некрополя второй половины IV в. до н.э. В погребальных традициях второго и третьего периодов рядового населения Синдской Гавани / Горгиппии зафиксированы существенные различия. Они проявились в конструкции погребальных сооружений, в количестве индивидов в захоронениях, в положении погребенных в могилах, в отдельных категориях предметов в наборе инвентаря (см. в § 3.2 раздел об особенностях эволюции погребельных обрядов некрополя Синдской Гавани / Горгиппии). В погребальных практиках рядового населения и элиты также выявлены явные различия. Поскольку количество исследованных погребений курганного некрополя очень невелико, а их материалы обладают низкой информативностью, сложно судить о погребальных традициях нерядового населения Горгиппии²⁴¹. Тем не менее, можно отметить, что конструкция погребальных сооружений, а также наличие останков лошадей и предметов упряжи в захоронениях сближали погребальные практики горгиппийской аристократии с обрядами элит в других полисах Боспора. Косвенно эти сведения подтверждаются материалами горгиппийского некрополя III в. до н.э. Близость обрядов элитных захоронений Горгиппии эллинистического периода с погребальными практиками захоронений в Большой и Малой Близницах IV в. до н.э. была отмечена еще М.И. Ростовцевым (1925. С. 297).

Изучение некрополей позволило выявить различия между наборами погребальных традиций Горгиппии и других полисов Азиатского Боспора. Они сводятся к следующему:

1. Традиции захоронения рядового населения Горгиппии не находят аналогий в наборах погребальных практик апойкий Таманского п-ова;

²⁴¹ См. § 4.1.3.

2. В погребальных практиках курганного горгиппийского некрополя, напротив, обнаружилось сходство с элитными захоронениями других памятников исследуемого региона.

Как представляется, выявленная специфика погребальных традиций, могла быть обусловлена особым положением Горгиппии в составе державы Спартокидов. По мысли А.А. Завойкина, Горгиппию, в отличие от других полисов, следует рассматривать как «колонию, основанную по инициативе царя и на царских землях» (Завойкин, 2013. С. 422). Исследователем отмечено важное стратегическое значение Горгиппии для пантикапейских правителей (там же. С. 418). Полис являлся «форпостом» Спартокидов в Синдике. Наряду с необходимостью обеспечить безопасность собственных владений, ценность этого района для боспорских царей была обусловлена наличием здесь плодородных земель (Завойкин, 2021. С. 64–65). Основание «царской колонии» сразу после включения Синдики в состав Боспорского государства показывает, что это событие стало следствием единого исторического процесса – завоевания региона пантикапейскими династиями. С учетом значимости Горгиппии для осуществления контроля над подчиненной территорией, там, несомненно, должны были находиться представители царской администрации и воинский гарнизон. В связи с этим показательна находка махайры²⁴² в грунтовом некрополе Горгиппии (Алексеева, 1982. С. 55–57). Наличие предметов вооружения в погребениях рядового населения заставляет предполагать присутствие в составе гражданской общины горгиппийского полиса воинского горнизона, укомплектованного наемниками (см. § 4.5).

Плохая сохранность материалов курганного некрополя Горгиппии не позволяет судить о наличии или отсутствии в его захоронениях оружия в IV в. до н.э. Однако конструкция погребальных сооружений (использование сырцовых склепов) и практика захоронений «взнузданных» лошадей совместно

²⁴² Обнаружена в захоронении № 41 в некрополе Горгиппии в 1979 г.

с умершим в горгиппийских элитных погребениях этого времени находят аналогии в статусных погребениях с оружием в некрополях Синдики (могильник у хут. Рассвет, могильник Родники 1, некрополь Раевского городища, некрополь в урочище Самойленко, могильник Аэропорт (См. Малышев, Новичихин, 2022а. С. 178, 180, рис. 11). Материалы захоронений синдских некрополей указывают на активную эллинизацию автохтонного населения региона в IV в. до н.э. (см. § 4.2). Анализ погребальных практик нерядового населения Синдики показывает их близость к традициям элитных некрополей Азиатского Боспора и Восточного Крыма. При этом особенности обряда, которые возможно было бы связать с автохтонным населением региона, в «статусных» захоронениях некрополей Азиатского Боспора не были обнаружены. На территории Синдики обнаружены элитные погребения, принадлежащие представителям царской власти, выходцам из расположенных за пределами Азиатского Боспора центров. Очевидно, Спартокиды не ограничились реколонизацией Синдской Гавани, основав Горгиппию, но также инициировали внутреннюю миграцию населения на всей территории Синдики, которая стала их родовым доменом.

Выводы.

Таким образом, удалось установить, что на демографическую ситуацию в исследуемом регионе влияли как естественный прирост/убыль населения, так и внешние и внутренние миграции. Миграционные процессы на Таманском п-ове нашли отражение в изменении наборов погребальных традиций в изученных некрополях в сравнении с изначальными, сформировавшимися на стадии колонизации региона эллинами. Исследование материала 1066 захоронений показало, что погребальные традиции в некрополях Азиатского Боспора особенно интенсивно менялись в те хронологические интервалы, когда численность населения региона достигала своего максимума: во второй

четверти V в. до н.э. и во второй четверти IV в. до н.э. Положительная демографическая динамика в первой половине V в. до н.э. не была прервана кратковременными разрушительными военными событиями на рубеже первой и второй четвертей V до н.э. В этот период миграции на Азиатский Боспор осуществлялись стихийно без контроля из единого центра и были связаны по преимуществу с притоком нового населения из Ионии после подавления антиперсидского восстания в 494 г. Спад демографических показателей во второй половине V в. до н.э., по всей видимости связан с ухудшением военно-политической обстановки в регионе, обозначившейся в середине столетия (разгром Фанагории).

В конце второго периода (во второй четверти IV в. до н.э.) на Таманском п-ове росту численности населения способствовала благоприятная военно-политическая обстановка, которая сложилась после того, как эти земли вошли в состав Боспорского государства. Изменения численности погребений и сельских поселений в регионе в этот период демонстрируют сходную динамику. Внутренние и внешние миграции в наибольшей степени проявились в погребальных традициях элитных захоронений.

В третий период после присоединения полисов Азиатского Боспора к державе Спартокидов миграционные процессы в регионе контролировались и регулировались пантикапейскими тиранами. Правители Боспора выступали инициаторами переселений и определяли направление миграций.

4.5. Погребальные обряды и событийная история Азиатского Боспора.

В предыдущих разделах настоящей главы мы попытались получить информацию, характеризующую различные аспекты этнической,

демографической и социальной истории населения Азиатского Боспора в разные исторические периоды на основе анализа погребальных памятников этого региона. Особую ценность имеют сведения, которые не дублируются другими источниками. Основная задача данного раздела состоит в том, чтобы этой информацией дополнить или уточнить уже имеющиеся в современной науке представления об истории Азиатского Боспора на протяжении VI–IV вв. до н.э.

Несомненно, изменения, выявленные в погребальных обрядах, в той или иной мере отражают значительные исторические процессы, происходившие в регионе. Однако не представляется возможным напрямую связывать особенности погребальных обрядов с фрагментарными сведениями о событиях боспорской истории, которые представлены в дошедших до наших дней немногочисленных письменных источниках. Более или менее обоснованные гипотезы о взаимосвязи исторических событий и погребальных практик могут быть получены только путем выяснения причин, вызвавших в определенные периоды те или иные изменения погребальных традиций. В течение всего рассматриваемого в работе хронологического среза на погребальные практики населения Азиатского Боспора оказывали воздействие различные процессы этнического и социально-демографического характера, выявление которых позволяет более или менее обоснованно соотнести особенности изучаемого источника с событиями истории региона.

За основу была принята историческая картина, представленная в монографии А.А. Завойкина, где приведены наиболее полные сведения по хронологии важнейших событий на Боспоре VI–IV вв. до н.э. (Завойкин, 2013. С. 381–404, 496–500, Прил. 9). Однако соотнести результаты, полученные в настоящей работе, с конкретными историческими событиями на Азиатском Боспоре не всегда возможно. В особенности это касается VI – начала V в. до н.э., поскольку об этом периоде истории мы располагаем крайне скудной

информацией, представленной в письменной традиции и данными археологии. В такой ситуации только комплексное изучение археологического материала памятников разных категорий с опорой на крайне немногочисленные сведения нарративных источников способно помочь в реконструкции наиболее существенных исторических событий.

Сопоставив полученные данные с информацией обобщающих исследований, рассматривающих вопросы истории Боспора (Азиатского в том числе)²⁴³, попытаемся в общих чертах восстановить картину происходивших в регионе исторических событий, которые обусловили вариативность погребальных традиций населения в VI–IV вв. до н.э. При этом важно учитывать неизбежность отставания во времени изменений погребальных обрядов от исходного момента тех исторических процессов, которые их вызвали. Например, полисы Азиатского Боспора (кроме Синдской Гавани) вошли в единое политическое пространство (Боспорское государство) в конце V – начале IV в. до н.э., а изменения в погребальных обрядах, обусловленные этим событием, фиксируются только во второй половине IV в. до н.э.²⁴⁴

На рассмотренных памятниках²⁴⁵ наряду со стабильно существующими погребальными традициями зафиксированы практики, которые с течением времени заметно менялись. Хронологические границы этих изменений обусловили выделение трех базовых периодов: 1) вторая половина VI – первая половина V в. до н.э.; 2) вторая половина V – первая половина IV в. до н.э.; 3) вторая половина IV в. до н.э.

Хронологический *метод* позволяет наиболее адекватно и последовательно рассмотреть археологический материал и связать изменения

²⁴³ См., например: Жебелев, 1953; Блаватский, 1954. С. 7–44; 1959. С. 7–39; Виноградов, 1983. С. 394–420, 2005. С. 211–296; Шелов-Коведяев, 1985. С. 5–186; Кошеленко, Кузнецов, 1992. С. 5–45; Кузнецов, 2001. С.227–237; 2010. С. 313–322; 2015. С.250–279; Молев, 1997; Завойкин, 2013. С. 278–405; 2021. С. 58–67; 2022а. С. 101–112; Завойкин, Сударев, 2006. С. 101–151; 2006а. С. 263–303.

²⁴⁴ См. § 3.2; 4.2.

²⁴⁵ Учтены материалы 24 грунтовых и курганных некрополей Азиатского Боспора.

погребальных практик с известными *из других источников* событиями истории Азиатского Боспора, относящимися к VI–IV вв. до н.э.

Греческая колонизация Боспора, с которой можно соотнести начало функционирования рассмотренных некрополей, по обоснованному мнению исследователей, ограничивается VI в. до н.э. (см.: Кошеленко, Кузнецов, 1992. С. 24; Завойкин, 2013. С. 280–281). Поскольку причины возникновения эллинских апойкий напрямую связаны с событиями, происходившими в их метрополиях, вопрос о центрах колонизации весьма важен²⁴⁶. В качестве центров колонизации Азиатского Боспора известны Милет и Теос: согласно данными письменных источников, милетянами были основаны Кепы (Ps.-Scymn. 899; Ps.-Arr. PPE. 74), а Фанагорию основали теосцы (Ps.-Scymn. Per. 886–887; Ps.-Arr. PPE. 74; Eust. Comm. ad Dion. Per. 549). Нарративные свидетельства об основании Гермонассы указывают на возможность участия в выведении колоний неких ионийцев и/или лесбосцев из Митилены. Дионисий Перизетгет называет ее основателем предводителя ионийцев Гермона (Dion. Per. 541–553), а в схолиях Евстафия к тексту Дионисия указано, что город получил название в честь жены митиленца Семандра, Гермонассы (Eust. Comm. ad Dion. Per. 549). Как бы то ни было, нарративные свидетельства указывают на заселение Азиатского Боспора колонистами из разных центров.

С учетом данных письменной традиции большинство исследователей, не исключая участие в колонизации Азиатского Боспора эолийских переселенцев, все же полагает, что главную роль в создании апойкий играли ионийцы (Масленников, 1981. С. 15; Яйленко, 1982. С. 270–272; Шелов-Коведяев, 1984. С. 49–50; Виноградов, 1989. С. 33–39; Кошеленко, Кузнецов, 1992. С. 16; Сударев, 2005. С. 35, 37–38, 58–61, 208; 2010. С. 424–425; Завойкин, 2013. С. 279–280; Ehrhardt, 1983. S. 229–230; Greaves, 2010. P. 134). Сравнительный анализ материалов захоронений (см. § 4. 2) позволил связать происхождение

²⁴⁶ Детально этот вопрос рассмотрен в § 4. 2. 1. 1.

погребальных традиций, прослеженных в рассмотренных некрополях Азиатского Боспора, с обрядами определенного ионийского полиса или с нескольких полисов.²⁴⁷ Особенности погребальных практик некрополей указывают на наличие не менее трех групп в составе ионийских переселенцев: 1) милетской группы, 2) представителей центров Северной Ионии, 3) иных ионийцев. Погребальные обряды, характерные для некрополей Фанагории, Гермонассы и у м. Тузла, могут быть соотнесены с погребальными традициями полисов Северной Ионии. Погребальные обряды некрополей Кеп, Синдской Гавани и у пос. Пересыпь демонстрируют сходство с традициями погребальных памятников милетского происхождения. В обрядах некрополей Волны 1 и Артющенко 2 фиксируется этническая неоднородность переселенцев, которая свидетельствует об их происхождении из разных греческих центров. Поскольку в письменной традиции не представлены сведения о метрополиях этих апойкий, судить о происхождении греческих переселенцев на юго-западе Тамани не представляется возможным. Можно было бы предположить, что именно в данном районе с наибольшей вероятностью в состав населения полисов входили отдельные представители аборигенного окружения. Однако поскольку на поселенческих памятниках следы варварского присутствия не были обнаружены, в данной работе вопрос о наличии негреческого компонента в составе населения данного региона был рассмотрен в контексте изменений погребальных традиций. Особенности погребальных обрядов, которые следует связать с традициями автохтонного населения, обнаруживаются в некрополе Синдской Гавани (в Синдике), а также в некрополях поселения Волна 1, Артющенко 2 и у м. Тузла (в юго-западной части Таманского п-ова) (см. § 4. 1. 2). Сходство прослеживается в конструкциях погребальных сооружений и вариациях расположения тела в могиле. Кроме того, при сопоставлении

²⁴⁷ Выявленные в наборах погребальных практик этнически обусловленные особенности проявились в характере погребальных сооружений, разных вариантах расположения погребённых в захоронении, в способах обращения с телом, в особенностях состава сопроводительного инвентаря (см. § 4. 2).

материалов некрополей с синдскими могильниками (например, ОПХ Анапа, у хут. Рассвет, Воскресенский, Красная скала, Владимировский, Родники)²⁴⁸ выделяются общие особенности: присутствие лепной посуды и характерные сочетания некоторых предметов наступательного вооружения, обычно стрелкового (наконечники стрел в колчанах) и древкового (копья и дротики), реже – оружия ближнего боя (короткие и длинные мечи, боевые топоры) (см. § 4. 1. 2. 1).

Таким образом, исследование погребальных обрядов показало, что состав населения Таманского п-ова (по крайней мере, на его юго-западе) и в Синдике, с момента выведения на Азиатский Боспор греческих колоний был полиэтничным, а доля захоронений с варварскими особенностями в их некрополях была различна.²⁴⁹

Открытым остается вопрос о том, какой характер имели контакты эллинов с аборигенным окружением, и чем объяснять появление варварских особенностей, зафиксированных в погребальных практиках, выявленных в греческих некрополях. С одной стороны, замкнутость полисной структуры, а с другой стороны, невозможность принятия иноэтничных ритуалов варварами, вряд ли способствовали внедрению греческих традиций в погребальные практики автохтонного населения и наоборот.

Наиболее вероятны тесные связи эллинов с синдами, которые, безусловно, в этом отношении занимают особое место среди варваров, контактировавших с греческим населением Азиатского Боспора, поскольку только на их землях в ходе колонизации были основаны эллинские апойкии (Завойкин, 2021. С. 58). Присутствие синдов на рассматриваемой территории засвидетельствовано Псевдо-Скимном (899 Diller = F18 Marcotte; ср. Ps.-Arr. PPE. 65 Müller): «От Гермонассы до Синдской Гавани обитают некие синды, племя меотов» (пер.: С.

²⁴⁸ См.: Малышев, Новичихин, 2022. С. 169–174; Алексеева, 2023. С. 25–29, 33, 34.

²⁴⁹ Она составляет: в некрополях у м. Тузла – 3, 3%, Волны 1 – 6, 2%, Артющенко – 2, 2%, особо высока, что ожидаемо, в некрополе Синдской Гавани – 37, 5 %..

Р. Тохтасьев, 2012. С. 138). Очевидно, зона ранних контактов между греками и синдами располагалась в юго-западной части Таманского п-ова и в самой Синдике, в районе расположения Синдской Гавани и окружающих ее поселений. Именно там, в некрополе Волны 1, зафиксированы – среди абсолютно преобладающих численно греческих – погребальные памятники «синдского облика» (Мимоход и др. 2018. С. 229–230).

Возможно, отношения греков-колонистов и синдов строились на торговых договоренностях переселенцев с племенными вождями, дающих варварам возможность получить определенные материальные блага, достижения эллинской цивилизации. В то же время археологические материалы свидетельствуют, что взаимоотношения греков с варварами не всегда носили мирный характер. Так, не позднее третьей четверти VI в. до н.э. следы пожаров были зафиксированы в Кехах (Кузнецов, 1992. С. 29, 42; Завойкин, 2013. С. 219; 2021. С. 63). На рубеже первой – второй четвертей V в. до н.э. военному нападению подверглась Фанагория (Завойкин, 2013. С. 160–165)²⁵⁰. Второй четвертью V в. до н.э. датируется горизонт пожаров и разрушений на Патрейском городище (Абрамов, 1999. С. 18; Завойкин, 2013. С. 214)²⁵¹. Вполне допустимо считать, что автохтонные племена были как-то причастны к этим событиям. И это заставляет думать, что «угроза эллинству на азиатском берегу Боспора Киммерийского со стороны прикубанских варваров оставалась постоянным фактором их жизни» (Завойкин, 2021. С. 63). Подтверждением тому служит большой процент погребений с оружием, зафиксированный в

²⁵⁰ По мнению В.Д. Кузнецова, первые городские стены Фанагории, построенные вскоре после основания апойкии, погибли еще в VI в. до н.э., а на их месте были построены новые укрепления, которые также были разрушены на рубеже первой и второй четвертей V в. до н.э., предположительно, в результате нападения персов (Кузнецов, 2021. С. 125).

²⁵¹ Безусловно, нельзя все следы разрушений в городах и на поселениях Азиатского Боспора связывать с варварскими нападениями. В частности, разрушения в Фанагории разные исследователи объясняют по-разному (см.: Кобылина, 1983. С. 53–55, рис. 3; Завойкин, 2004а. С. 67, 114; 2013. С. 152, 160; Кузнецов, 2021. С. 124–127; Толстиков, 2023. С. 16).

некрополях Азиатского Боспора второй половины VI – первой половины V в. до н. э. (Завойкин, Сударев, 2006. С. 111–119; см. § 4. 3).

Близкое соседство с варварами, контакты с которыми нашли отражение в погребальных традициях, отслеженных в некоторых некрополях (Синдской Гавани, Волны 1, Артющенко 2 и у м. Тузла)²⁵², в принципе могло создавать в какие-то моменты угрозу для эллинов. Однако достоверной информации о том, какие именно варварские племена во второй половине VI – первой половине V в. до н. э. в наибольшей степени дестабилизировали военно-политическую ситуацию в регионе, нет.

В частности, неоднократно обсуждалась проблема скифского присутствия на Азиатском Боспоре. Существует версия о начале перекочевков скифов в Синдику (Hdt. IV. 3) еще до появления греков на Боспоре (Гайдукевич, 1949. С. 188). О скифских перекочевках сообщает Геродот: «Море и весь Боспор Киммерийский замерзают, так что скифы, живущие по сю сторону рва, идут в поход, по льду и на повозках переезжают на ту сторону в землю синдов» (Hdt. IV. 28) (пер. Г.А. Стратановского). Некоторые исследователи соотносят походы скифов со временем написания «Истории» Геродотом – не позднее третьей четверти V в. до н.э. (Блаватский, 1948. С. 5; Сокольский, 1957. С. 94). Однако в литературной традиции нет упоминаний ни о начале, ни о завершении таких походов.

В некоторых работах сформулирована гипотеза о скифской экспансии, приведшей к разрушениям в первой половине V в. до н.э. городов на обоих берегах Киммерийского Боспора (Толстикова, 1984. С. 24–48; 2023. С. 9–36). Перекочевки скифов через Керченский пролив, по мнению ряда исследователей, могли иметь военный характер (Вахтина и др., 1980. С. 155–161; Вахтина, 2017.

²⁵² Ближайшие к некролям Синдской Гавани, Артющенко 2, Волны 1 и у м. Тузла могильники аборигенного населения расположены в Синдике. Их функционирование началось несколько раньше греческой колонизации и активно продолжалось в ходе колонизации Азиатского Боспора (Мальшев, Новичихин, 2022. С. 167, рис. 3). Подробнее см. § 4. 2.

С. 53–54; Виноградов, 2005. С. 243–244). В.П. Толстикова и Ю.Г. Виноградова полагают, что походы номадов через Керченский пролив преследовали исключительно военные цели (Виноградов, 1983. С. 401, 405; Толстикова, 1984. С. 24–48, 2023. С. 11). Имеются и иные точки зрения на этот вопрос. Е.А. Молев уподобляет миграции кочевников «полюдью» (Молев, 1997. С. 27, 29). А.А. Масленников отмечает исключительно мирный, сезонный характер скифских перекочевков (Масленников, 2001. С. 315).

Можно лишь предполагать, что перемещения скифов, зафиксированные Геродотом (Hdt. IV. 28), каким-то образом затрагивали интересы жителей эллинских апойкий, поскольку кочевники проходили через земли, на которых обосновались греческие переселенцы. Хотя нельзя уверенно сказать, были ли отношения греков и скифов относительно мирными (например, включали в себя торгово-обменные отношения), либо же скифы представляли реальную военную угрозу для полисов (что более вероятно). Отсутствие хоть какого-то «скифского следа» в погребальных практиках, зафиксированных в некрополях Азиатского Боспора, указывает на эпизодичность контактов эллинов со скифами.

Среди других варварских племен в посвячительных надписях боспорских правителей называются меоты. Согласно данным эпиграфики, к концу правления Левкона I под властью боспорского правителя уже находились племена синдов, торетов, дандариев и пссесов (6, 6 А, 8, 1037, 1038). Особого внимания заслуживают посвячительные надписи, фиксирующие изменения, происходившие в титулатуре боспорских династов в течение IV в. до н.э. (КБН 6, 6 А, 8, 9, 10, 11, 971, 972, 1014, 1015, 1037, 1038, 1039, 1040). Итоги завоевательной политики Боспора в IV в. до н.э. нашли отражение в титулатуре Перисада I: «архонт Боспора и Феодосии, царствующий над синдами, всеми меотами, фатями, досхами» (КБН 972).

Упоминания о меотах обнаруживаются и в письменных свидетельствах античных авторов римского времени. Так, Страбон (XI. 2. 4) отмечал, что

меоты, «расположенные по побережью, хотя и занимаются земледелием, но не менее воинственны, чем кочевники»²⁵³ (пер. Г.А. Стратановского). На воинственность племён Восточного Приазовья указывал и Помпоний Мела: «У них женщины занимаются теми же делами, что и мужчины, и даже не освобождаются от военной службы. Мужчины служат в пехоте и в сражении мечут стрелы, а женщины вступают в конные стычки и сражаются не железным оружием, а накидывают на врагов арканы и умерщвляют их затягиванием» (Mela. *Horogr.* I. 19(114) (пер. Г.А. Стратановского).

Обилие воинских погребений (не только мужских, но женских) в меотских могильниках указывает на всеобщую вооруженность этих варваров (Каменецкий, 2011. С. 260–26; Марченко, Лимберис, 2012. С. 50–62; Завойкин, 2013. С. 214). Безусловно, воинственные меоты могли не только создавать очаги напряженности в регионе, но и мирно контактировать с эллинами, например, торговать с ними. Однако изучение погребальных практик не дает информации, позволяющей судить о характере взаимоотношений эллинов с меотами. Можно лишь констатировать: 1) все известные на сегодняшний день меотские могильники VI – второй половины V в. до н.э. находятся достаточно далеко от района выведения колоний в Синдике и на Таманском п-ове (см.: Каменецкий, 1989. С. 231, карта 21; Новичихин, 2006. С. 109, рис. 1; Эрлих, 2010. С. 170, рис. 1; Лимберис, Марченко, 2012. С. 182, рис. 1); 2) в некоторых меотских захоронениях встречаются предметы греческого импорта (керамика и зеркала)²⁵⁴.

В некрополях региона меотские погребальные традиции не представлены, очевидно в силу того, что отсутствовала контактная зона, где меоты могли продолжительное время сосуществовать с эллинами.

²⁵³ Имеются в виду меоты, живущие вблизи Танаиса и «отличающиеся большей дикостью».

²⁵⁴ Так, в 20 захоронениях Краснодарской группы меотских могильников обнаружены чернолаковые сосуды, в 12 – греческие зеркала, в 28 – импортные бусы (Лимберис, Марченко, 2012. С. 47–49; 65–73).

Версия о постоянной опасности (реальной или потенциальной), грозившей эллинам Азиатского Боспора со стороны варварского окружения, подтверждается ростом «индекса вооруженности» населения полисов, отраженным в погребальных памятниках. Анализ статистики «воинских» захоронений (их 212) VI–IV вв. до н.э. по периодам (подробнее см. § 4. 3. 4.) показал, что в некрополях Таманского п-ова и Синдики, начиная со второй половины VI в. до н. э., несмотря на некоторые колебания (пики и спады), процент захоронений с оружием от общего числа мужских погребений постоянно рос, достигнув максимума (71,8 % от общего числа погребенных мужчин) во второй четверти V в. до н.э.²⁵⁵

Некоторые исследователи полагают, что дестабилизацию военно-политической ситуации в регионе вызвали вынужденные миграции эллинов из полисов Малой Азии после подавления персами Ионийского восстания в 494 г. до н.э.²⁵⁶, что якобы спровоцировало внутренние (между первопоселенцами и прибывшими эпойками) и/или межполисные конфликты на Азиатском Боспоре (Долгоруков, 1990. С. 34; Григорьев, 1998. С. 40; Молев, 2009. С. 159; 2015. С. 210). Однако какие-либо серьезные аргументы, подтверждающие межполисные или внутренние конфликты на Азиатском Боспоре отсутствуют. Вместе с тем, А.А. Завойкиным высказано обоснованное предположение, что на территории Азиатского Боспора могли происходить и внутренние миграции. В частности, зафиксированный во второй четверти V в. до н.э. рост площади Фанагории²⁵⁷ объясняется им увеличением городского населения, произошедшего «не только (а может быть, не столько?) за счет внешних источников, но и в результате внутренних миграций». По мысли исследователя, именно «вследствие

²⁵⁵ Эти данные явно вступают в противоречие с мнением некоторых исследователей, которые говорят об отсутствии военных конфликтов не только в начальный период жизни колоний на Азиатском Боспоре, но и во второй половине V в. до н.э. (Абрамов, Паромов, 1993. С. 76–77).

²⁵⁶ О миграциях в Фанагорию после Ионийского восстания см.: Кошеленко, Кузнецов, 1992. С. 24; Завойкин, 2013. С. 248.

²⁵⁷ См.: Долгоруков, 1990. С. 31–33; Завойкин, 2009. С. 128–131; Кузнецов, 2013. С. 36.

усилившегося давления со стороны варваров население небольших поселений Таманского п-ова могло искать укрытия, концентрируясь в наиболее крупных городах, в том числе и в Фанагории» (2013. С. 248).

Вопрос о миграциях в контексте военной-политической ситуации в регионе можно рассматривать, только опираясь на археологические данные, поскольку события, происходившие на Азиатском Боспоре после 494 г. вплоть до последнего десятилетия V в. до н.э., не находят отражения в письменной традиции. Полученные нами данные позволяют утверждать, что миграции в первой половине V в. до н.э. привели к заметному приросту населения в регионе, проявившемуся в увеличении количества погребений на Таманском п-ове и в Синдике. Изучение погребальных обрядов подтверждает версию о миграциях населения на Азиатский Боспор. Сравнительный анализ показывает, что изменение количества погребений и числа сельских поселений в регионе²⁵⁸ демонстрируют близкую динамику. Одновременное резкое увеличение числа поселений и погребений можно связать с прибытием на Азиатский Боспор новой волны переселенцев. Переселенцы «второй волны» не создавали новых колоний, а интегрировались в уже существующие, чем и был обусловлен значительный рост числа поселений на их хоре. Такая трактовка событий объясняет возникновение новых погребальных традиций в большинстве некрополей Таманского п-ова и Синдики (Фанагории, у м. Тузла, Кеп, Гермонассы, Волны 1, Артющенко 2), а также появление новых некрополей (в частности, Виноградный 7). Хотя нельзя исключать и внутренние миграции населения, которое, спасаясь от внешней опасности, устремлялось под защиту городских стен. Предположив возможность внутренних миграций, можно понять, почему менялись показатели, которые определяли сходство погребальных практик, прослеженных некрополях региона в течение двух

²⁵⁸ О динамике численности сельских поселений см. Гарбузов, Завойкин, 2011. С. 312 (§ 4. 4.).

периодов (во второй половине VI – первой половине V в. до и второй половине V – первой половине IV в. до н.э).²⁵⁹

Со второй половины VI по первую половину IV в. до н.э. количество погребальных традиций в некрополях увеличилось с 46 до 55, что составило около 16% от общего числа зафиксированных в регионе погребальных практик. Почти синхронное возникновение новых особенностей погребальных обрядов во всех изученных некрополях Азиатского Боспора логично объяснять прибытием в полисы представителей иных центров античного мира²⁶⁰. Наибольшее количество новых погребальных практик во второй половине V – первой половине IV в. до н.э. отмечено в некрополях Фанагории (6) и Волны 1 (8). Поскольку изменения в погребальных обрядах, зафиксированных в некрополях Фанагории и Волны 1, существенно различались, логично думать, что возникшие погребальные традиции были привнесены в эти некрополи переселенцами из разных центров.

Демографические колебания зафиксированы на фоне постоянного роста «индекса вооруженности» (см. § 4.3)²⁶¹, что явно свидетельствует о крайне нестабильной военно-политической ситуации, сложившейся в регионе в первой половине V в. до н.э. Пик военной напряженности пришелся на вторую четверть

²⁵⁹ Так, в данной работе некрополи Фанагории, Гермонассы, у м. Тузла в соответствии со сходством погребальных традиций, выявленных во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. были объединены в общую группу. Однако картина изменилась во второй половине V – первой половине IV в. до н.э. Особенности погребальных обрядов, зафиксированных в некрополях Фанагории и у м. Тузла, уже не демонстрировали такого сходства с обрядами, прослеженными в некрополе Гермонассы, чтобы эти памятники могли быть включены в одну группу. Появление новых особенностей обрядов усилило сходство погребальных традиций, прослеженных в некрополях Фанагории и у м. Тузла с погребальными практиками, зафиксированными в некрополях у пос. Виноградный, поэтому эти три памятника образовали новую общую группу. Некрополь Гермонассы был включен в другую группу, объединившую также некрополи Кеп и у пос. Пересыпь, поскольку в их погребальных практиках стало фиксироваться наибольшее сходство (см. § 4. 4).

²⁶⁰ Имеются в виду переселенцы из тех центров, которые не участвовали в основании колоний на Азиатском Боспоре.

²⁶¹ Во второй половине VI в. до н.э. в некрополях Азиатского Боспора процент «вооруженности» населения составляет 43,5% от общего числа мужских захоронений, в первой четверти V в. до н.э. – 46,7%, во второй четверти V в. до н.э. – 71,8 %.

V в. до н.э. после достоверно неизвестных, но явно негативных событий, которые впоследствии и привели к сильному сокращению населения.

Примечательно, что во второй половине V в. до н.э. в некрополях Азиатского Боспора число погребений с оружием уменьшается, а «индекс вооруженности» (т.е. процент захоронений с оружием от общего числа мужских погребений)²⁶² остается очень высоким. Так, в третьей четверти V в. до н.э. в некрополях, функционировавших на Таманском п-ове и в Синдике, было выявлено 13 захоронений с оружием (50% от общего числа мужских погребений), а в последней четверти V в. до н.э. – 10 воинских погребений (59% от общего числа мужских погребений).

С учетом того, что колебания численности погребений²⁶³ хотя бы в общем виде отражают демографическую ситуацию, полученные данные фиксируют сложное демографическое положение в полисах. Именно в середине – второй половине V в. до н. э. наблюдался «кризис хоры (интенсивное сокращение числа сельских поселений)²⁶⁴и, предположительно, концентрация населения в крупных городах» (см. Завойкин, 2013. С. 248).

Возможно, именно демографический кризис заставил полисы Боспора преодолеть имманентно присущую им тенденцию к политической независимости. По справедливому замечанию Д.П. Каллистова, «вся история греческих городов-государств классического периода представляет собой историю мучительных и бесплодных попыток преодолеть органически

²⁶² Основу полисной общины составляли полноправные граждане, которыми могли быть только мужчины. В период полисной автономии, когда возникала необходимость защищать полис, именно из них формировалось гражданское ополчение. Поэтому основным источником для определения «индекса вооруженности» населения полисов стал материал, зафиксированный в мужских захоронениях.

²⁶³ Если во второй четверти V в. до н.э. общее количество погребений в регионе составляет 136, то в третьей четверти V в. до н.э. оно сократилось до 98, а в последней четверти V в. до н.э. – до 68. Минимальное количество захоронений отмечено в первой четверти IV в. до н.э. – 53.

²⁶⁴ В третьей четверти V в. до н.э. общее количество поселений в регионе уменьшилось с 81 до 63 (Гарбузов, Завойкин, 2010а. С. 128–129, табл. 1; 2011. С. 197; 2012. С. 130–138, табл. 1). Минимальное количество поселений (47) относительно «пиковых» показателей второй четверти V в. до н.э. зафиксировано в последней четверти V в. до н.э.

присущую им склонность к сепаратизму, выйти за пределы полисной ограниченности, создать объединения более широкого характера» (Каллистов, 1950. С. 30).

Вопрос о причинах сложной демографической ситуации в апоикиях Азиатского Боспора во второй половине V в. до н.э. остается неразрешенным. Возможно, одним из факторов, обусловивших здесь демографический кризис, стал отток населения с азиатского берега пролива в полисы Восточного Крыма. Такую догадку высказали А.А. Завойкин и Н.И. Сударев, полагая, что «военная угроза к востоку от пролива была постоянным фактором, влияние которого до второй четверти V в. все увеличивалось», а во второй четверти V в. до н.э. наступил переломный момент в истории восточной части боспорского эллинизма, когда «давление на него неблагоприятных факторов превысило критическую отметку». В связи с этим прекращается жизнь целого ряда сельских поселений, когда, по мнению исследователей, «некоторые их жители, вероятно, пытаются укрыться в крупных центрах Таманского п-ова, а иные – устремляются за пролив, где, судя по всему, обстановка была более благоприятной». В последней четверти V в. до н.э. ситуация на Боспоре принципиально меняется: в Восточном Крыму выявлен рост населения (примерно в 3,2 раза), а на Азиатском Боспоре демографическая ситуация продолжает ухудшаться. Причем, на Европейском Боспоре общее число погребений опережает увеличение количества воинских захоронений, хотя их число также растет (Завойкин, Сударев, 2006а. С. 269–270).

Сравнивая военно-политическую ситуацию на двух берегах Боспора Киммерийского во второй половине V в. до н.э., А.А. Завойкин отмечает, что «сопоставимое по численности (вплоть до середины V в. до н.э.) население этих двух регионов было вынуждено содержать различные по численности (и, соответственно, в долевым отношении) армии: доля «рекрутированных» боспорцев с азиатского берега в общем составе взрослого населения

превосходила в несколько раз аналогичный показатель их соплеменников с европейского берега пролива» (2013. С. 268).

С учетом того, что основу полисного ополчения составляли свободные граждане, сильное сокращение мужского населения на Азиатском Боспоре значительно снизило мобилизационный потенциал и, соответственно, обороноспособность полисов. В то же время на Европейском Боспоре (а в особенности в Пантикапее) сложилась благоприятная демографическая ситуация, способствовавшая росту населения и, следовательно, мобилизационных возможностей центров Восточного Крыма. В последней четверти V в. до н.э. «воинский потенциал европейских боспорцев превзошел в 2,6 раза тот же показатель боспорцев азиатских» (Завойкин, 2013. С. 268). Увеличение численности воинских погребений, зафиксированное при изучении некрополей Восточного Крыма, свидетельствует не только о возможной, но и реальной милитаризации региона²⁶⁵ (см. Там же. С. 485, 488, табл. ба-3). Видимо, перераспределение мобилизационных ресурсов (в том числе и воинских) на Боспоре в последней трети (четверти) V в. до н.э. в пользу его европейской части стало предпосылкой для тех исторических процессов, которые начались в последнем десятилетии V в. до н.э. и завершились становлением державы Спартокидов.

В письменной традиции нет прямых указаний, когда и в какой последовательности полисы Азиатского Боспора вошли в состав Боспорского государства. Из речи Эхина, выступившего против Ктесифонта, который предложил афинянам увенчать Демосфена золотым венком, известно, что дед Демосфена, Гилон, предал «врагам» (т.е. тиранам Пантикапея) Нимфей, а затем бежал на Боспор, где получил от боспорского правителя «на кормление» город Кепы (см. Aesch. III. 171–172; Harpocr. Lex. s.v. Νύμφαιον; см. Кошеленко,

²⁶⁵ Доля погребений с оружием от общего числа захоронений возросла с 1,28% во второй четверти V в. до н.э., до 2,03% – в последней четверти V в. до н.э.

Усачева, 1992. С. 51–57). Дата так называемой измены Гилона (между 410–405 гг.)²⁶⁶ может послужить условной точкой отсчета при рассмотрении вопроса о времени включения полисов Азиатского Боспора в государство Спартокидов, поскольку свидетельствует, что Кепы уже находились под властью Сатира I, назначившего Гилона своим «наместником» (см.: Жебелёв, 1953. С. 188; Сокольский, 1963. С. 102–103; Кошеленко, Усачева, 1992. С. 51–56; 192–193; Завойкин, 2013. С. 289–290). Очевидно, Кепы были присоединены к Боспору не позднее 405 г. до н.э.

Учитывая данные о прекращении автономной чеканки монет Фанагории и принимая во внимание «открытые археологические следы военных разрушений, там, где они фиксируются (Фанагория, Синдская Гавань)», можно установить дальнейшую последовательность присоединения полисов Боспора: после Нимфея, были присоединены Кепы, Фанагория и другие полисы на Таманском п-ове, затем Феодосия, уже после нее – Синдская Гавань (Завойкин, 2013. С. 175). Фанагория была завоевана Сатиром I примерно в одно время с Кепами, о чем свидетельствует яркая картина военного разгрома на южной окраине города в самом конце V в. до н.э. (см.: Завойкин, 2004. С. 114–115; 2013. С. 255).

Синдская Гавань была включена в состав Боспорского государства последней (в 60-е годы IV в. до н.э.), после чего полис был переименован в Горгипию. Исследователь считает, что затем на месте Синдской Гавани боспорские правители основали новый полис, который и был назван по имени младшего брата Левкона I – Горгипия. По мнению А.А. Завойкина, «это чуть ли не первый пример переименования города в честь члена правящей династии, который, по всей видимости, выступил здесь в роли нового основателя (ойкиста)» (Завойкин, 2013. С. 191–198; С. 491. Табл. 9; 2021. С. 64).

²⁶⁶ См. Завойкин, 2013. С. 289–290.

Нами было проведено сравнительное исследование обрядов в некрополях Синдской Гавани (VI–V вв. до н.э.) и Горгиппии (IV в. до н.э.)²⁶⁷. В погребальных обрядах населения Синдской Гавани и Горгиппии наблюдаются существенные различия. Установлено сходство погребальных практик²⁶⁸, зафиксированных в некрополе Синдской Гавани, с обрядами, обнаруженными в «варварских» могильниках, расположенных в Синдике (см. § 4. 1. 1). В погребальных традициях рядового населения Горгиппии выявлены аналогии обрядам эллинов из полисов Таманского п-ова, а связей с обрядами аборигенного населения Синдики уже не наблюдается. Обряды, представленные в элитных подкурганных захоронениях Горгиппии, напоминают погребальные практики, характерные для погребений боспорской знати на территории Восточного Крыма и Таманского п-ова. Так, погребения, открытые в кургане Султановского (конец IV–начало III вв. до н.э.) и в кургане № 5 курганной группы, расположенной в полуверсте от крепости Анапа, отличаются особенной «роскошью». Погребенные под курганами находятся в склепах с уступчатым перекрытием в сопровождении захороненных лошадей. В кургане № 5 обнаружен богатый инвентарь, в котором присутствуют монеты (в том числе золотой статер Лисимаха 321–281 гг. до н.э.) и украшения (см. ОПИ ГИМ. Ф. 6. Ед. 62. Раздел 6. С. 425–500; Евсюков, 2022 С. 50–51). Такие погребения могли принадлежать только лицам, обладавшим высоким статусом в боспорском обществе.

²⁶⁷ Самые ранние захоронения Горгиппии датированы третьей четвертью IV в. до н.э.

²⁶⁸ Сходство проявилось в наличии лепной посуды в захоронениях, характерных сочетаниях некоторых предметов наступательного вооружения и вариациях в ориентировке погребенных. Наиболее часто погребенные расположены вытянуто на спине. В сопроводительном инвентаре в большинстве захоронений присутствует один сосуд, реже – два либо три сосуда (лепные горшки, миски, чаши и глиняные черпаки). Очень редко встречаются крупные тарные сосуды (греческие амфоры). В наборе оружия зафиксированы исключительно предметы наступательного вооружения: наконечники стрел (обычно в колчанах), копьё и дротики. Оружие ближнего боя представлено короткими и длинными мечами или их сочетанием (см.: Савостина, 1977. С. 59–73; Дмитриев, 1987. С. 12, 34, 36; 1994. С. 6–7; Дмитриев, Малышев, 1999. С. 7–52; Малышев, 2009. С. 195–196; Алексева, 1991. С. 62–65; Зуйков, 1992. С. 1–6; 1993. С. 2–10; Федоренко, 1997. С. 7; 1998. С. 2–85; 2000. С. 5–172).

Наблюдаемая в некрополях Горгииппии картина может рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу гипотезы о новой ктисме этого центра Спартокидами во второй четверти IV в. до н.э. (Завойкин, 2004. С. 62; 2013. С. 419), что согласуется со свидетельством Псевдо-Скимна об основании Горгииппии «эллинами из близлежащих местностей» (Ps.-Scymn. Per. 886–889 = Arr. PPE. 74).

Выявленные в курганных погребениях Горгииппии погребальные традиции²⁶⁹ указывают на особенное положение этого центра в составе Боспорского государства и дают основание полагать, что реколонизация города стала следствием миграционной политики пантикапейских династов, проводимой в ходе завоевания региона. В отличие от других полисов, Горгииппия стала колонией, «основанной по инициативе царя и на царских землях» (Завойкин, 2013. С. 422). Не случайно в горгииппийский «каталог победителей»²⁷⁰, в котором перечислены имена победителей в состязании местного гимнасия («цвета горгииппийского населения», по выражению В.В. Латышева – 1909. С. 256), занесено немало неионийских личных имен. С.Р. Тохтасьев (1988. С. 113–116; 1992. С. 196–197), анализируя этот список имен (КБН 1137), справедливо связывает большой процент фракийских и дорийских (с небольшой долей македонских) имен с контингентом наемников на службе Спартокидов, часть которых могла получить гражданство и остаться здесь на постоянное жительство. Это предположение весьма правдоподобно: точно так же, как Гелон или Дионисий Старший, тираны Боспора, могли вместо денежной платы рассчитываться с наемниками земельными участками (Виноградов, 1991. С. 14). Возможны, конечно, и другие пути появления на Боспоре фракийских и греко-фракийских ЛИ. Резкое расширение сельскохозяйственной округи

²⁶⁹ Выделены следующие их особенности: наличие монументальных каменных гробниц с росписью стен, присутствие в захоронениях предметов конской упряжи и украшений.

²⁷⁰ Имеется в виду известный эпиграфический памятник конца IV – начала III в. до н.э. – КБН 1137 (см.: Латышев, 1909. С. 244; Берзин, 1961. С. 127; Тохтасьев, 1992. С. 115; Завойкин, 2013. С. 50. Табл. 10).

боспорских городов в IV в. до н.э., новое основание городов (Горгиппия, Киммерида (Ps.-Scymn. 896), позже – Танаис) – все это едва ли было возможно без нового притока населения из других населенных греками областей Причерноморья (Завойкин, 2013. С. 199. Прим. 25).

О том, что Спартокиды могли размещать на подвластных им территориях переселенцев из греческих полисов, находившихся за пределами Боспора свидетельствует сообщение Диодора Сицилийского. В источнике упоминается о событиях последнего десятилетия IV в. до н.э. когда боспорский династ Евмел предоставил земельные наделы тысяче переселенцев из Каллатиса в своих владениях (Diod. XX. 25). Не исключена возможность что описываемые события были связаны с Синдикой, где, вероятно и были размещены калатийцы (Завойкин, 2021 С. 64–65). Поскольку Горгиппия была единственным полисом на территории Синдики и именно здесь располагался «царский домен»²⁷¹, не исключено, что именно на хоре этого центра было предоставлено место для поселения беженцам из Каллатиса.

Таким образом, в гражданской общине Горгиппии присутствовали не только представители городов изучаемого региона Боспора, но и выходцы из иных центров, находившихся за пределами Боспора. Поскольку Горгиппия была важна для осуществления контроля над подчиненной Спартокидами территорией, в городе могли присутствовать представители царской администрации (и даже младшие члены семьи правящих династов), а находки предметов вооружения в погребениях рядового населения указывают на то, что на граждан города возлагались обязанности по защите восточных границ государства (см. § 4. 4).

²⁷¹ См. Завойкин 2021. С. 65

Некоторые особенности обрядов в элитных захоронениях Горгиии находят аналогии²⁷² в статусных варварских погребениях с оружием, расположенных в Синдики – в могильнике Родники 1, курганной группе «Три Сестры», некрополе в урочище Самойленко, в кургане у хут. Розы Люксембург, Благовещенском кургане (см.: Ростовцев, 1925. С. 294–295; Иванов, Сударев, 2021. С. 122–126; Малышев и др. 2022. С. 35, 37; Малышев и др., 2022а. С. 160–161; Малышев, Новичихин, 2022а. С. 178, 180, рис. 11). Поиск причин этого сходства заставляет обратиться к вопросу о возможности заимствования синдами каких-либо особенностей греческих погребальных традиций или, напротив, оказать влияние на погребальные обряды колонистов.

Контакты греческого и аборигенного населения Синдики, нашедшие отражение в погребальных обрядах, выявленных для второй половины VI – первой половины V в. до н.э., во второй половине V в. до н.э. стали более интенсивными, что было зафиксировано в археологических материалах²⁷³ и стало главным аргументом сторонников версии о интенсивной «эллинизации» Синдики (см.: Иванов, Сударев, 2018. С. 257–262; Новичихин, 2006. С. 83; Новичихин, Малышев, 2022. С. 171–172, 181; Sudarev et al., 2021. P. 55–56). Однако следует отметить, что так называемый процесс «эллинизации», отмеченный исследователями на материалах поселений, в погребальных практиках проявился лишь в присутствии греческой керамики в инвентаре захоронений автохтонного населения Синдики. Например, в могильнике, расположенном недалеко от греческого храма на поселении Вестник (Крымский

²⁷² Сходство погребальных обрядов проявилось в использовании каменных склепов и в практике захоронений «взнузданных» лошадей совместно с умершим.

²⁷³ А.А. Малышев и А.М. Новичихин отмечают, в частности, увеличение греческого импорта во всех исследованных синдских могильниках в начале рассматриваемого периода (Малышев, Новичихин, 2022. С. 171–172). А.В. Иванов и Н.И. Сударев, изучая материалы поселения Самойленко, расположенного на границе современных Анапского и Новороссийского районов, зафиксировали взаимовстречаемость греческой столовой посуды с сосудами местного производства. По мнению исследователей, в архитектуре поселения прослеживается использование греческих строительных приемов (Иванов, Сударев, 2018. С. 257–262).

р-н)²⁷⁴, «эллинский след» обнаруживается только в присутствии греческой посуды в инвентаре погребений (Sudarev et al., 2021. P. 55–56). Видимо, более уместно связывать появление греческих артефактов в синдских захоронениях не с заимствованием эллинских погребальных традиций, а просто с усилением греко-варварских торговых контактов.

Во второй половине V – первой половине IV в. до н.э. на Таманском п-ове в большинстве захоронений рядового населения наблюдается тенденция к унификации погребальных практик: используются схожие погребальные сооружения и наборы сопроводительного инвентаря, преобладают захоронения по обряду ингумации. Только на юго-западе Таманского п-ова обнаруживаются «всаднические захоронения», в которых прослежено своеобразное сочетание эллинских и варварских погребальных традиций. Это прежде всего относится к некрополям Волны 1 и Артющенко 2, в которых было выявлено несвойственное для погребений Азиатского Боспора второй половины V в. до н.э. сочетание сырцовых гробниц с захоронениями чучел лошадей.

На рубеже V–IV вв. до н.э. расположенные около Синдской Гавани варварские некрополи²⁷⁵ (видимо, в ходе активного освоения эллинами ее хоры) прекращают существование. Сведения о том, какие негативные исторические процессы заставили синдов покинуть занимаемую территорию и что с ними произошло далее, отсутствуют. Возможно, отголоски происходивших в Синдике событий мы находим в новелле Полиена (VIII. 55) о синдском царе Гекатее, который взял в жены меотянку Тиргатао для скрепления династическим браком союза с иксаматами. Боспорский тиран Сатир I помог Гекатею, «низложенному с престола», восстановить власть и пожелал, чтобы тот убил Тиргатао, а после этого – заключил брачный союз с его дочерью, желая тем самым упрочить отношения с синдским правителем. Однако замыслы

²⁷⁴ Варварский могильник перестал функционировать к началу IV в. до н.э.

²⁷⁵ Могильники Красная Скала, Красный Курган, Алексеевского поселения, у аэропорта Витязево, ОПХ «Анапа» (см. Алексеева, 2023. С. 25–35).

Боспорского тирана не исполнились. Тиргатао бежала из узилища, стала подвигать иксоматов к войне и «подчинила многие из воинственных народов округ Меотиды, особенно же опустошила набегами Синдику Гекатея и разоряла владения Сатира» (пер. А.Б. Егорова)

Гекатей был последним синдским царем. По мнению В.А. Горончаровского, именно он мог быть захоронен в кургане № 1 в ряду Больших Семибратних курганов (см.: Горончаровский, 2011. С. 91–92; 2017. С. 235). Это мнение, однако, небесспорно. В дискуссии о принадлежности захоронения в кургане №1 Гекатею большого внимания заслуживают данные эпиграфики. В частности, речь идет о посвящении Левкона I Аполлону в Лабрисе см.: Блаватская, 1993. С. 34; Тохтасьев, 2002. С. 145–146, Яйленко, 2004. С. 434). Окончательный вариант перевода текста посвящения, был предложен С.Р. Тохтасьевым (2004 С. 145–146): «Исполнив обет, Левкон, сын Сатира, поставил [вот это изваяние] Фебу Аполлону, тому, что в Л[абрисе], – владыке сего города лабритян, – [архонт] Б[оспора] и Феодосии, изгнавши битвой и (военной) силой из земли синдов Октамасада, сына Гек[атея], царя синдов, который (Октамасад), лишая отца [его собственной] власти, в сей город во[рвался]».

Поскольку в тексте надписи приведена титулатура Левкона I «архонт Боспора и Феодосии²⁷⁶», очевидно, что события, описываемые в источнике, происходили не ранее 370 г. до н.э. А курган № 1 датирован первой четвертью IV в. до н.э. Следовательно, предположение о принадлежности погребения Гекатею опровергается противоречием между сведениями эпиграфики и датировкой погребального памятника. Вопрос о том, кто захоронен в кургане № 1, остается открытым.

Боспорское государство, едва окрепнув, уже в начале IV в. до н.э., перешло к более активной внешней политике, в том числе и на Азиатском

²⁷⁶ Сопоставление данных письменных источников (Polyaen. VI. 9, 4;), данных эпиграфики (КБН 6а; КБН 1111; Белова, 1967) и археологических материалов позволяет с уверенностью утверждать, что Феодосия вошла в состав Боспора между 370 и 360 гг. до н.э. (см. Завойкин 2013 С. 47–48,90, 424)

Боспоре, что приводило к вмешательству во внутренние дела синдов. Очевидно, синдские вожди к этому времени находились в определенной степени зависимости от Спартокидов и поэтому были вынуждены считаться с волеизъявлением боспорских династов. Причем, отношение пантикапейских правителей к синдским «царям» изменялось по мере расширения территории и усиления государства Спартокидов. По справедливому замечанию А.А. Завойкина, «если после кончины Сатира I Горгипп вынужден откупаться от агрессии меотов дарами (традиционный способ решения проблемы), то Левкон I, спустя два-три десятилетия, изгоняет из Синдики Октомасада, мятежного сына Гекатея, и возвращает последнего в Лабрис только для того, чтобы затем объявить себя (в числе прочего) архонтом, а затем и царем синдов».²⁷⁷ Под благовидным предлогом (устранение узурпатора власти законного синдского «царя») Левкон I приступил к аннексии Синдики (Завойкин, 2013. С. 243).

Синдика была единственной варварской территорией, непосредственно вошедшей в состав государства Спартокидов. После вхождения этого региона в состав Боспорского государства начинается процесс подчинения варваров Прикубанья. В настоящее время возобладала точка зрения, что эта задача решалась Спартокидами «путем прямых военных действий», и именно победы над варварами «послужили основанием для последовательного упоминания их племен в пышной титулатуре боспорских правителей, начиная с Левкона I» (Завойкин. 2021. С. 65–66). Иначе вряд ли у Левкона I и его потомков было бы основание называть себя «архонтом Боспора и Феодосии, царем синдов, торетов, дандариев, псессов» (КБН 6 и др.).

Боспорские правители, подчинив меотские племена²⁷⁸ в значительной мере ликвидировали угрозу варварской экспансии в регионе. Снижение «уровня

²⁷⁷ КБН 6а, 6, 1037, 1038. См. Тохтасьев, 2004. С. 175–177.

²⁷⁸ По мнению Н.Е. Берлизова (2014. С. 74), о подчинении меотов Прикубанья Боспору военным путём свидетельствуют пожары и разрушения на меотских городищах Средней Кубани, а также

вооруженности» населения, отразившееся в обрядах второй половины IV в. до н.э., прежде всего указывает на нормализацию военно-политической обстановки на Азиатском Боспоре, следствием чего стала положительная демографическая динамика (см. Завойкин, 2013. С. 394–397). Население региона значительно увеличилось, что проявилось в резко возросшей численности погребенных в некрополях Таманского п-ова и Синдики.²⁷⁹ На то, что рост числа погребений не был обусловлен негативными событиями, ведущими к росту показателя смертности, указывает одновременное увеличение (более чем вдвое) числа сельских поселений на Таманском п-ове в течение всего IV в. до н.э. (Гарбузов, Завойкин, 2012. С. 138. Табл. 1.).

Высокие демографические показатели совпали по времени с появлением в некрополях погребальных практик, ранее для региона не свойственных. Видимо, рост населения на рассматриваемой территории, как и в предшествующий период, сопровождался миграциями, которые были обусловлены объединением греческих полисов по обе стороны Киммерийского Боспора в едином политическом пространстве – державе Спартокидов. В изменениях погребальных традиций, зафиксированных в некрополях Азиатского Боспора в этот период, косвенно получили отражение и процессы становления политико-административной структуры Боспорского государства. Так, в элитных захоронениях под курганами на хорах Фанагории и Горгии прослеживаются новые для некрополей этих центров погребальные практики. Особая пышность обрядов в этих захоронениях свидетельствует о весьма высоком статусе погребенных, по всей видимости, прибывших из центров, которые находились за пределами Азиатского Боспора. Появление этих выделяющихся роскошью погребений, на мой взгляд, допустимо связать с

прекращение традиции «княжеских» захоронений у ст. Елизаветинской во второй половине IV в. до н.э.

²⁷⁹ Так, к первой четверти IV в. до н.э. относится всего 37 захоронений (3,5% от общего числа датированных погребений), а к концу IV – началу III в. до н.э. относится 231 захоронение (21,7% от общего числа датированных погребений).

миграционной политикой Спартокидов. Боспорские династы могли сознательно регулировать миграции населения и ставить свою администрацию для управления подвластными территориями.

Одним из наиболее значимых для пантикапейских тиранов центров в регионе стала в IV в. до н.э. Фанагория. Страбон называет Фанагорию «столицей азиатских боспорцев» (Strab. XI. II, 10), выделив ее среди других городов Таманского п-ова, вошедших в состав Боспорского царства. Предположительно в этом центре могли находиться не только представители царской администрации, но и лица из близкого окружения боспорского царя. Особенности погребальных обрядов, зафиксированных в некрополе Фанагории, служат подтверждением весьма высокого статуса полиса в составе государства Спартокидов и пребывания в нем лиц, входящих в боспорскую элиту. На присутствие в Фанагории богатых и особо привилегированных лиц указывают выделяющиеся роскошью захоронения на фанагорийской хоре. Под курганами Малая и Большая Близницы, Боюр-Гора обнаружены три погребения²⁸⁰, расположенных обособленно от городского курганного некрополя Фанагории (см. § 4. 2). В курганах Малая и Большая Близницы стены монументальных каменных гробниц украшены росписью, сопроводительный инвентарь включает посуду из стекла и благородных металлов, набор украшений представлен золотыми и серебряными изделиями. В способах обращения с телом покойных прослежен «биритуализм»: примерно в одинаковом количестве погребений представлены ингумации и кремации. В захоронениях присутствуют предметы наступательного и защитного вооружения. Погребенных сопровождают останки нескольких взнузданных лошадей. Эти особенности обряда указывают на очень высокое социальное положение погребенных, ярко выделяющее их даже на фоне статусных погребений, расположенных в городском курганном некрополе

²⁸⁰ Имеются в виду три погребения IV в. до н.э., которые расположены обособленно от городского курганного некрополя Фанагории.

Фанагории. Кроме того, сходство обрядов, зафиксированных в этих элитных захоронениях, с традициями наиболее статусных погребений в Восточном Крыму дает основания отнести погребенных на фанагорийской хоре к представителям центральной администрации с их семьями.

В городском курганном некрополе Фанагории (в погребениях второй половины IV в. до н.э.), по всей видимости, хоронили «статусных» умерших менее высокого ранга. Важно отметить, что в захоронениях этих лиц присутствуют предметы наступательного и защитного вооружения. В других некрополях, расположенных на близлежащей территории (исключая Горгипию), оружие встречалось крайне редко.²⁸¹ Можно предположить, что после присоединения полисов Азиатского Боспора к державе Спартокидов было введено ограничение на свободное ношение оружия. Следствием этого стало отсутствие оружия в погребениях. Оружие могло быть атрибутом лиц, несущих «государеву службу», например, представителей администрации или воинов, находившихся на службе Спартокидов.

В погребальных практиках, прослеженных курганных захоронениях Кеп и у м. Тузла второй половины IV в. до н.э., были выявлены схожие, хоть и значительно менее выраженные, особенности.²⁸² Однако погребенные в курганных некрополях Кеп и у м. Тузла едва ли принадлежали к прослойке боспорской администрации (или к иной группе лиц, состоящих на государственной службе), поскольку в их захоронениях не обнаружены предметы вооружения. Скорее всего, эти люди представляли местную знать,

²⁸¹ Причем, здесь зафиксированы только предметы наступательного вооружения.

²⁸² Набор особенностей погребальных традиций в некрополях Кеп и у м. Тузла беднее, чем набор, представленный в некрополе Фанагории. Так, в погребениях Кеп второй половины IV в. до н.э., выявлено всего два каменных склепа, редко встречаются металлические сосуды, полностью отсутствует оружие. Также как в курганном некрополе Фанагории, захоронения в Кехах совершались под курганными насыпями по обряду кремации (на месте либо на стороне). В этих захоронениях зафиксирован обычай «Обол Харона». Погребальные традиции курганного некрополя у м. Тузла также демонстрируют сходство с практиками элитных курганных захоронений Фанагории, но в курганах у м. Тузла предметы вооружения не найдены (см. Кашаев, 2013. С. 368–369, 402, табл. 1).

которая стремилась подражать обрядам более статусных захоронений, принадлежавших представителям боспорской государственной элиты.

Погребальные традиции статусных захоронений на Азиатском Боспоре ярко отражают процесс формирования элиты государства Спартокидов, который в основных чертах завершился ко второй половине IV в. до н.э.²⁸³

В полисах этой части державы Спартокидов сформировались новая социальная прослойка²⁸⁴, появились тесно связанные с центральной властью и обладавшие ресурсами люди, которые могли удовлетворить свои невиданные ранее материальные потребности, в том числе и запросы на пышное захоронение в грандиозных погребальных сооружениях с очень богатым инвентарем (см. Савостина, 1984..С. 12–55).

Таким образом, можно констатировать, что многообразие погребальных традиций, выявленное в ходе проведенного исследования, является отражением

²⁸³ Изучение материалов 371 мужского захоронения позволило получить хотя бы и общее представление о социальной структуре населения региона, информация о которой в письменных источниках не представлена. Особенности погребальных практик второй половины VI в. до н.э., определялись главным образом полом и возрастом либо разделением на лиц зависимых, лично свободных не обладавших гражданскими правами и полноправных граждан. Варианты погребальных обрядов второй половины V – первой половины IV в. до н.э., фиксируют нарастание имущественной дифференциации жителей полисов, а с начала IV в. до н.э. особенности погребальных практик отражают усложнение социальной структуры населения. С первой половины IV в. до н.э. в захоронениях мужского населения Азиатского Боспора прослеживаются новые черты обряда, указывающие на статус погребенного. Вместе с наличием оружия в погребении важными показателями статуса становятся конструкция погребального сооружения и количество захороненных в могиле. Наряду с большим количеством погребений, совершенных в грунтовых ямах, сырцовых гробницах и «ящиках», фиксируются захоронения под курганами (чаще мужчин зрелого возраста), совершенные по обряду кремации, в то время как в грунтовых некрополях основным способом обращения с телом покойного остается ингумация. В некоторых погребениях людей зрелого возраста обнаруживаются не представленные в предыдущий период дорогие украшения. Ощутимо уменьшается количество предметов вооружения в грунтовых некрополях, где изредка фиксируются только наконечники стрел и копий. Анализ материалов погребений IV в. до н.э. позволяет утверждать, что в этот период граждане полисов уже были лишены некоторых прав. В частности, это нашло отражение в ощутимом уменьшении количества предметов вооружения в «небогатых» погребениях мужчин зрелого возраста, рядом с погребенными фиксируется только наступательное оружие, а предметы защитного вооружения не встречаются. В захоронениях молодых мужчин предметы вооружения практически отсутствуют. Оружие перестало быть атрибутом, маркирующим погребальные практики рядовых граждан. Они, по-видимому, были лишены права его носить.

²⁸⁴ Имеется в виду процесс становления боспорской элиты и формирования «прослойки», несущей «государеву службу».

особенностей этнического состава населения региона и социальной структуры общества боспорских греков, обитавших к востоку от Киммерийского Боспора. Наблюдаемые изменения погребальных практик в этом регионе были обусловлены колебаниями демографической ситуации и меняющимися обстоятельствами военно-политического характера. Анализ изменений погребальных практик, зафиксированных в захоронениях в VI–IV вв. до н.э., дает возможность расширить базу источников по истории формирования новых социальных отношений в полисах, в том числе связанных со вхождением этих полисов в состав территориального государства – державы Спартокидов.

Выводы к главе 4:

Сопоставление результатов исследования с информацией по истории Азиатского Боспора, полученной из разных источников, дает возможность дополнить и уточнить сведения о событиях, происходивших на Азиатском Боспоре в VI–IV вв. до н.э.

Многообразие погребальных обрядов, выявленных в некрополях с конца VI по вторую четверть V в. до н.э., было обусловлено процессом греческой колонизации, в ходе которого на Азиатский Боспор прибывали эллины из разных центров античного мира. Зафиксировано появление в регионе переселенцев «милетской» группы, «Северной Ионии», и выходцев из других ионийских полисов.

Проведенный анализ ставит под сомнение гипотезу о скольких-нибудь тесных контактах, а тем более взаимном влиянии погребальных традиций греков и варварских племен Прикубанья. В районах выведения колоний на Таманском п-ове и в Синдике во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. наиболее реальны более или менее интенсивные связи эллинов с синдами, чье присутствие в регионе отражено в погребальных обрядах, прослеженных в

некоторых некрополях, например, Синдской Гавани, Волны 1, Артющенко 2 и у м. Тузла.

Во второй половине V в. до н.э. контакты греческого и аборигенного населения Синдики, нашедшие отражение в погребальных обрядах, стали более тесными. Однако процесс «эллинизации», отмеченный исследователями на материалах поселений (см.: Иванов, Сударев, 2018. С. 257–262; Новичихин, 2006. С. 83; Новичихин, Малышев, 2022. С. 171–172, 181; Sudarev et al., 2021. P. 55–56), в погребальных практиках проявился разве что в присутствии греческой керамики в инвентаре синдских захоронений. На рубеже V–IV вв. до н.э. расположенные поблизости от Синдской Гавани варварские могильники по неизвестной причине прекращают существование.

Варварские племена представляли для эллинских полисов на азиатском берегу Боспора постоянную угрозу, о чем свидетельствует высокий процент погребений с оружием, выявленных в регионе в VI–V вв. до н.э.

Изменения погребальных традиций на Таманском п-ове и в Синдике в VI–IV вв. до н.э. были обусловлены демографической и военно-политической ситуацией. Одновременное резкое увеличение числа погребений и поселений подтверждает прибытие на Азиатский Боспор новой волны переселенцев из иных, чем в период выведения колоний, античных центров. Дополнительным аргументом в пользу внешних миграций служит появление во второй половине V в. до н.э. новых погребальных традиций в большинстве некрополей региона – Фанагории, у м. Тузлы, Кеп, Гермонассы, Волны 1, Артющенко 2.

Некоторые миграционные процессы можно связать со сложной демографической и военно-политической ситуацией, прослеженной в регионе в последней четверти V в. до н.э. О напряженной военно-политической обстановке свидетельствует рост «индекса вооруженности» населения Азиатского Боспора. Полученные нами данные подтверждают вывод А.А. Завойкина (2013. С. 269) о «демографическом кризисе» в ряде центров (Кепы,

Пересыпь, Корокондама – мыс Тузла), наблюдаемом во второй – третьей четверти V в. до н.э. Заметное уменьшение процента воинских захоронений на Таманском п-ове и в Синдике к концу V в. до н.э. в сочетании с низкими демографическими показателями говорит о снижении обороноспособности полисов Азиатского Боспора. Перераспределение мобилизационных ресурсов (в том числе и воинских) на Боспоре в последней трети /четверти V в. до н.э. в пользу его европейской части, вероятно, стало одним из факторов, способствовавших становлению державы Спартокидов.

В изменениях погребальных обрядов косвенно отразился процесс формирования государственной элиты Боспора, который в основном завершился ко второй половине IV в. до н.э. При изучении материалов 371 мужского погребения удалось проследить последовательное усложнение социальной структуры населения Азиатского Боспора в IV в. до н.э., по всей видимости, связанное с расширением державы Спартокидов.

Полученные результаты служат дополнительным аргументом в пользу гипотезы о новой ктисме Горгиипии боспорскими династами во второй четверти IV в. до н.э. (Завойкин, 2004. С. 62; 2013. С. 419). В погребальных обрядах населения Синдской Гавани и Горгиипии заметны существенные различия. В то же время наблюдается сходство погребальных практик, зафиксированных в некрополе Синдской Гавани, с обрядами, обнаруженными в «варварских» могильниках Синдики. Выявленные особенности погребальных традиций дают возможность предполагать, что реколонизация города стала следствием последовательной миграционной политики правителей Боспора, проводимой в процессе завоевания ими этого региона. Боспорские тираны направляли миграционные потоки и размещали в стратегически важных центрах представителей своей администрации. На это указывает сходство погребальных обрядов, прослеженных в элитных захоронениях Таманского п-

ова и Синдики, с традициями, свойственными статусным погребениям Восточного Крыма.

Полученные в работе результаты согласуются с данными о положительной демографической динамике, наблюдаемой на Азиатском Боспоре второй половине IV в. до н.э. (Гарбузов, Завойкин, 2008. С. 114–149. см. § 4. 4). Снижение «индекса вооруженности» населения, проявившееся в погребальных памятниках, в сочетании с высокими демографическими показателями, указывает на нормализацию обстановки в регионе и регламентацию со стороны центральной власти военного потенциала подчиненных полисов.

Результаты изучения погребальных обрядов в курганном некрополе Фанагории во второй половине IV в. до н.э., отражают высокий статус этого центра в государстве Спартокидов. Особенности обрядов воинских погребений, прослеженные в городском некрополе Фанагории, указывают на вероятность размещение в городе не только представителей боспорской администрации, но и воинского гарнизона.

Во второй половине IV в. до н.э. некоторые особенности погребальных традиций, схожие с элитными погребениями Фанагории, но менее ярко выраженные, наблюдаются и в погребальных практиках курганных некрополей Кеп и у м. Тузла (Корокондамы).

Таким образом, изучение погребальных обрядов дает в наше распоряжение важную содержательную информацию, позволяющую дополнить имеющиеся из других источников сведения по истории Боспора.

Заключение

Проведенное исследование посвящено изучению изменений погребальных обрядов некрополей Азиатского Боспора VI–IV вв. до н.э.

Под погребальным обрядом в данной работе понимается комплекс практических и ритуальных действий, осуществляемых представителями определенного социума для решения вопросов, связанных со смертью одного или нескольких его членов.

При анализе особенностей погребальных практик региона был учтен опыт отечественных и зарубежных исследований, изучавших погребальные традиции античного мира. В историографической части работы было выявлено, что в отечественные ученые, начиная с М.И. Ростовцева, в наибольшей степени развивали этническое направление, в то время как зарубежные исследователи применяли в большей степени социальный, демографический и религиозный подходы. Безусловно, это разграничение весьма условно, поскольку интерпретация источников осуществлялась авторами в русле определенного направления в соответствии с поставленными задачами и информативностью памятников. Субъективизм нередко приводил к ложным трактовкам археологического материала. Кроме того, на проводимые исследования негативно влияли слабая разработанность методик и терминологического аппарата (нередко из-за нерешенных технических задач). В связи с этим наибольший интерес представляют немногочисленные работы, в которых источники рассматривались синтетически. Изучение опыта отечественных и зарубежных тафологов позволило разработать более эффективную методику исследования, предполагающую комплексный подход. При проведении анализа учитывались археологические материалы не только некрополей Азиатского Боспора соответствующего периода, но и памятников на других территориях, а также сведения нарративных источников и данные смежных дисциплин. Для того чтобы преодолеть субъективизм в интерпретации, полученные результаты

были проанализированы в контексте этнической, социальной, демографической и военно-политической истории региона. Для обработки большого массива археологического материала²⁸⁵ были использованы методы многомерного анализа и цифровые технологии, которые позволили свести большую базу данных к точному набору признаков, определить степень различия и сходства в погребальных обрядах рассматриваемых памятников, выявить их изменчивость и разнообразие в пространстве и времени.

Для сравнительного анализа погребальных памятников была проведена оценка информативности представленного археологического материала. Выбор критериев оценки был обусловлен: 1) вариативностью погребальных традиций памятника, 2) комплексностью методов его предыдущего исследования, 3) наличием антропологических определений костных останков. Таким образом даже сравнительно небольшие выборки материалов некрополей Фанагории и Горгиппии представляли для исследования не меньшую ценность, чем более крупные выборки некрополя у м. Тузла.

Весь массив памятников был подразделен на три группы. В первую были выделены некрополи, материал которых позволял рассмотреть изменения погребальных традиций во времени (на протяжении трех столетий) и зафиксировать особенности погребальных практик, обусловленные полом и возрастом захороненных. Вторая группа включала некрополи, материал которых фиксировал трансформацию погребальных обрядов во времени только на отдельно взятом памятнике. Третья группа объединила самые малоисследованные некрополи, о погребальных обрядах которых можно получить представление лишь при их сопоставлении с материалами других некрополей.

²⁸⁵ В работе задействованы материалы 24 грунтовых и курганных некрополей Азиатского Боспора, а также 4 некрополей Европейского Боспора, 42 могильников варварского окружения и 5 некрополей Ионии.

Были изучены материалы 4903 захоронений, из которых 2116 относились к исследуемому периоду (VI–IV вв. до н.э.), из 24 и грунтовых и курганных некрополей Азиатского Боспора. Влияние половозрастных факторов выявлялось только на материале 10 из них, но общий объем выборки был достаточным для проведения комплексного анализа. Изучение работ предшественников с последующим анализом представленных археологических материалов методом процентного соотношения показал большую вариативность погребальных обрядов, сосуществовавших в некрополях (даже в рамках одного памятника). Разработанная методика позволила одновременно учесть хронологический, гендерный и социальный факторы, влиявшие на вариативность погребальных обрядов.

В результате в истории существования рассмотренных некрополей Азиатского Боспора были выявлены три периода:

- 1) вторая половина VI – первая половина V в. до н.э.;
- 2) вторая половина V – первая половина IV вв. до н.э.;
- 3) вторая половина IV – рубеж IV – III вв. до н.э.

Были прослежены особенности погребальных практик в пяти возрастных группах: младенцев (в возрасте от 0 до 2 лет), детей (в возрасте от 3 до 15 лет), молодых (в возрасте от 16 до 25 лет), зрелых (в возрасте от 25 до 45 лет) а также пожилых людей (старше 45 лет).

Материал семи некрополей (Волны 1, Артющенко 2, Фанагории, около мыса Тузла, Виноградный 7; Вышестеблиевская 21, Виноградный – северо-восточный) показал существование различий в мужских и женских погребальных традициях. Кроме того, было зафиксировано постепенное усложнение структуры погребальных практик, очевидно, обусловленное процессом имущественного расслоения населения.

Разработанная классификация позволила определить особенности погребальных традиций на каждом памятнике и сравнить погребальные

практики между собой. По близости погребальных традиций некрополи были объединены в отдельные группы, что помогло рассмотреть территориальное распределение погребальных обрядов в регионе и зафиксировать их изменения в рамках трех выявленных периодов.

На последнем этапе осуществлялась интерпретация полученных данных. Учитывая то, что изучение особенностей погребальных обрядов только в рамках строго определенного контекста (политического, экономического, этнического, социального и т.д.) не всегда дает достоверные результаты, в данном исследовании была предпринята попытка соотнести зафиксированные в погребальных традициях изменения со всем комплексом источников, свидетельствующих о значимых исторических событиях в регионе. Границы возможных интерпретаций определялись данными литературной традиции и эпиграфических памятников, подтвержденными археологическими материалами.

Историческая ситуация на Азиатском Боспоре в VI в. до н.э. была связана с греческой колонизацией региона, поэтому вариативность погребальных практик населения объяснялась прежде всего присутствием в регионе переселенцев, происходивших из разных греческих центров. Сравнение погребальных практик некрополей Азиатского Боспора с материалами центров колонизации показывает, что не только милетяне и теосцы, о которых сохранились сведения нарративной традиции, но и представители других метрополий могли участвовать в колонизации Азиатского Боспора. Отмечено присутствие в регионе представителей «милетской» группы, «Северной Ионии», и выходцев из других ионийских центров.

Особенности обрядов, выявленные в некрополях юго-западной части Таманского п-ова и Синдики, свидетельствуют о пребывании там отдельных групп аборигенного населения.

Зафиксированный в регионе в VI–V вв. до н.э. большой процент погребений с оружием дает основания утверждать, что варвары, даже вступая в торгово-обменные отношения с эллинами, представляли для них постоянную военную угрозу.

Версия о длительном мирном сосуществовании греков и «варваров», которое могло бы поспособствовать взаимовлиянию их погребальных обрядов (исключая синдов), не получила подтверждения в археологическом материале погребальных памятников. В районах выведения колоний на Таманском п-ове и в Синдике во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. были выявлены тесные связи греков только с синдами, присутствие которых на Азиатском Боспоре проявилось в погребальных традициях, прослеженных в некоторых некрополях (например, Синдской Гавани, Волны 1, Артющенко 2 и у м. Тузла).

Во второй – третьей четверти V в. до н.э. на Азиатском Боспоре в обрядах начинает отражаться процесс формирования региональной идентичности. В некрополях Таманского п-ова и Синдики наблюдается унификация погребальных практик: используются похожие погребальные сооружения и наборы сопроводительного инвентаря, преобладают захоронения по обряду ингумации. Только на юго-западе Таманского п-ова прослежены «всаднические захоронения», в которых фиксируются оригинальные обряды, демонстрирующие взаимовлияние эллинских и варварских погребальных традиций.

В большинстве некрополей региона (Фанагории, у м. Тузла, Кеп, Гермонассы, Волны 1, Артющенко 2) в этот период появляются новые погребальные традиции, что указывает на внешние миграции населения, обусловленные подавлением Ионийского восстания в 494 г. до н.э. персами. Прослеживается одновременное резкое увеличение числа погребений (при снижении процента воинских захоронений) и поселений, что указывает на сложную демографическую ситуацию на Азиатском Боспоре. Потеря мобилизационного потенциала привело к утрате большинством полисов

способности к сопротивлению внешней экспансии. Наблюдаемый во второй половине второй – третьей четверти V в. до н.э. демографический кризис мог стать одним из факторов, который поспособствовал присоединению полисов к Боспорскому царству.

В письменной традиции нет прямых указаний, когда и в какой последовательности полисы Азиатского Боспора вошли в состав Боспорского государства. Вслед за А. А. Завойкиным (2013. С. 175), можно полагать, что после Нимфея, были присоединены Кепы, Фанагория и другие полисы на Таманском п-ове, затем Феодосия, уже после нее – Синдская Гавань, которая вошла в состав Боспорского государства последней из полисов (в 60-е гг. IV в. до н.э.) и была переименована в Горгиппию.

После полисов Таманского п-ова и Синдской Гавани Спартокиды присоединили к своей державе всю Синдику.

Синдика была единственной варварской территорией, вошедшей в состав государства Спартокидов. После вхождения этого региона в Боспорское царство начинается процесс подчинения варваров Прикубанья.

Присоединив новые земли, боспорские династы должны были их контролировать. В связи с этим материалы грунтового и курганного некрополей Горгиппии представляют исключительных интерес. Их изучение дает дополнительные аргументы в пользу гипотезы о ктисме Горгиппии Спартокидами во второй четверти IV в. до н.э. В погребальных обрядах населения Синдской Гавани и Горгиппии выявлены существенные различия. Погребальные практики, зафиксированные в некрополе Синдской Гавани, обнаруживают сходство с обрядами, обнаруженными в «варварских» могильниках Синдики. В погребальных обрядах населения Горгиппии прослежено сходство с погребальными традициями, выявленными в других эллинских некрополях исследуемого региона.

Видимо, реколонизация Горгии стала следствием дальновидной миграционной политики пантикапейских тиранов, которые, направляя миграционные потоки, стремились размещать в важных центрах свою администрацию. Об этом свидетельствует сходство погребальных традиций, зафиксированных в элитных захоронениях Таманского п-ова и Синдики, с практиками, прослеженными в статусных погребениях Восточного Крыма.

Боспорские правители, подчинив меотские племена ликвидировали угрозу варварской экспансии в регионе. О нормализации военной обстановки снижении в регионе во второй половине IV в. до н.э. можно судить по снижению уровня «вооруженности» населения, отразившегося в обрядах. В некрополях Азиатского Боспора были отмечены новые погребальные традиции, возникновение которых можно опять связать с миграциями населения, уже осознанно направляемыми Спартокидами.

Подтверждением версии о контроле Спартокидов над значимыми для них центрами региона могут служить выделяющиеся своей роскошью элитные подкурганые захоронения, выявленные в Фанагории во второй половине IV в. до н.э. (Малая и Большая Близницы, Боюр-гора). Особенности погребальных обрядов, прослеженные в этих погребениях, указывают на пребывание в городе администрации и воинского гарнизона.

Погребальные традиции статусных захоронений на Азиатском Боспоре ярко отражают процесс формирования элиты государства Спартокидов, который в основных чертах завершился ко второй половине IV в. до н.э.

Таким образом, изменения, выявленные в погребальных обрядах рассмотренных некрополей, указывают на значимые исторические процессы, происходившие в регионе. Изучение погребальных традиций населения позволяет дополнить и расширить существующие сведения по истории Азиатского Боспора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

- 1) Абрамова А.Н. Население Прикубанья раннего железного века по данным скелетной системы (VI в. до н. э. – III в. н. э.): дис. ... канд. ист. наук: 5.6.3. М., 2022. 326 с. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–2 (номер не присвоен)
- 2) Алексеева Е.М. Отчет о работе Анапской экспедиции в 1978 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 7411.
- 3) Алексеева Е.М. Отчет о работе Анапской экспедиции ИА АН СССР и Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника в 1982 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 9474.
- 4) Алексеева Е.М. Отчет о раскопках участка некрополя античного города Горгиппии. Краснодарский край, г. Анапа, участок реконструкции кинотеатра "Родина". 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 21643.
- 5) Алексеева Е.М. Некрополь античного города Горгиппии IV в. до н.э. – III в. до н.э. Личный архив автора.
- 6) Блаватский В.Д. 1941. Отчет о раскопках в Фанагории в 1940 г. // Архив ГМИИ.
- 7) Блаватский В.Д. Отчет о работах Синдской экспедиции в 1951 году. // Архив Института археологии РАН. № 628.
- 8) Блаватский В.Д. Отчет о работе Синдского отряда в 1952 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 749.
- 9) Блаватский В.Д. Отчет о работе в Синдике в 1953 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 857.
- 10) Блаватский В.Д. Отчет о проведении охранных раскопок Синдской экспедицией АН СССР в 1954 г // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 984.

- 11) Десятчиков Ю.М. Отчет о работах Кучугурского отряда Таманской археологической экспедиции. 1974 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 5704.
- 12) Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора: Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1974. 195 с. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-2 № 2136.
- 13) Десятчиков Ю.М. Отчет о работе Таманской экспедиции (Кучугуры) в 1975 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 6490.
- 14) Десятчиков Ю.М. Отчет об исследовании курганов у пос. Кучугуры в 1984 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 14070.
- 15) Дмитриев А.В. Отчет об археологических разведках в районе г. Новороссийска и в Крымском районе Краснодарского края в 1973 // НА НМ, № 2707.
- 16) Дмитриев А.В. Отчет о доследовании разрушенного Средневекового могильника в пос. Южная озереевка близ Новороссийска в 1984 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 5630.
- 17) Дмитриев А.В. 1987. Отчет об археологических раскопках в зоне сооружения оросительных систем с/х «Раевский» и о разведках на территории Натухаевского и Раевского сельсоветов и Новороссийского мехлесхоза в 1987 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 12836а.
- 18) Дмитриев А.В. 1987. Отчет об археологических раскопках в зоне сооружения оросительных систем с/х «Раевский» и о разведках на территории Натухаевского и Раевского сельсоветов и Новороссийского мехлесхоза в 1987 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 12836.
- 19) Дмитриев А.В. Отчет о доследовании некрополя в Широкой Балке близ г. Новороссийска на территории базы отдыха «Ивушка» в 1994 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 18604.
- 20) Долгоруков В.С. Отчет о раскопках Фанагории в 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 №11165.

21) Евсюков С.В. Монументальные погребальные сооружения некрополя Горгиппии: Дисс... маг. ист. наук. 51.04.04. Краснодар, 2022. 135 с. // Архив КГУ.

22) Ждановский А.М. История племен Среднего Прикубанья во II в. до н.э – III в. н. э.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985. 250 с. // Архив РГБ № 61:86-7/757

23) Житников В.Г. Отчет об охранно-спасательных археологических работах на выявленных объектах археологического наследия – курганная группа 27 «А» и курганная группа «27 Б» у пос. Волна в Темрюкском районе Краснодарского края в 2014 г. // Архив ИА РАН. Р-1 Ф-1. № 54835.

24) Зуйков Ю.В. Отчет о раскопках некрополя на территории опытного хозяйства «Анапа» // архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 18517.

25) Зуйков Ю.В. Отчет о раскопках некрополя на территории опытного хозяйства «Анапа». Альбом иллюстраций // архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 18518.

26) Зуйков Ю.В. Отчет о раскопках некрополя на территории опытного хозяйства «Анапа» в 1992 году Анапской районной экспедицией ДМК «Новокосино» // архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 17621.

27) Зуйков Ю.В. Отчет о раскопках некрополя на территории опытного хозяйства «Анапа» в 1992 году Анапской районной экспедицией ДМК «Новокосино». Альбом иллюстраций // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 17622.

28) Иванов А.В. Отчет о раскопках кургана в составе объекта культурного наследия федерального значения «Кепы», 6 в. до н.э.: городище, грунтовый и курганный могильник» у пос. Сенной в Темрюкском районе Краснодарского края в 2015 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 49999.

29) Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2005 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 36053.

30) Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 30102.

31) Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2007 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 47551.

32) Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2008 г. (на памятниках Артющенко-2 и Вышестеблиевская-11). // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 43095.

33) Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2009 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 38178.

34) Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2010 г. (на памятнике археологии поселение и некрополь Артющенко-2). // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 40083.

35) Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2011 г. (на памятнике археологии поселение и некрополь Артющенко-2). // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 29894. 69 л.

36) Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2012 г. (на памятнике археологии поселение и некрополь Артющенко-2). // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 34784.

37) Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2013 г. (на памятнике

археологии поселение и некрополь Артющенко-2). // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 40721.

38) Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических исследований Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2014 г. на памятнике археологии поселение и некрополь Артющенко-2. // Архив ИА ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 45577.

39) Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических раскопок Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2015 г. (на памятнике археологии поселение и некрополь Артющенко-2). // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 45735.

40) Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических раскопок Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2016 г. на памятнике археологии поселение и некрополь Артющенко-2. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 50648.

41) Кашаев С.В. Отчет о результатах археологических раскопок Таманского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2017 г. на памятнике археологии поселение и некрополь Артющенко-2. Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 56522.

42) Кондрашев А.В. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических раскопок грунтового могильника античного времени у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1995 году // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 19666.

43) Кондрашев А.В. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок грунтового могильника у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1996 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 21738.

44) Кондрашев А.В. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок грунтового могильника у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1997 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 19821.

45) Кондрашев А.В. Отчет о проведении охранно-спасательных археологических раскопок грунтового могильника у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1998 г // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 21454.

46) Кондрашев А.В. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок грунтового могильника у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 1999 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 23635.

47) Кондрашев А.В. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок грунтового могильника у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 2001 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 25761.

48) Кондрашев А.В. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок грунтового могильника у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 2002 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 24631.

49) Кондрашев А.В. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок грунтового могильника у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 2004 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 31373.

50) Кондрашев А.В. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок грунтового могильника у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 2005 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 32830.

51) Кондрашев А.В. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок грунтового могильника у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 2006 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 26917.

52) Кондрашев А.В. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок грунтового могильника у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 2007 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 28190.

53) Кондрашев А.В. Отчет о проведении охранно-спасательных раскопок грунтового могильника у мыса Тузла Темрюкского района Краснодарского края в 2009 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 37137.

- 54) Коровина А.К. Отчет о раскопках некрополя Пересыпь в 1959 году. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 1945.
- 55) Коровина А.К. Отчет о раскопках древней Тирамбы и ее некрополя в 1961 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 2337.
- 56) Коровина А.К. Отчет о раскопках древней Тирамбы и ее некрополя в 1962 году (поселок Пересыпь Темрюкского района Краснодарского края). // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 2562
- 57) Коровина А.К. Отчет о раскопках городища и некрополя древней Тирамбы в 1963 году. Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 2790.
- 58) Коровина А.К. Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э. как источник для изучения взаимодействия греческих и варварских элементов в истории Азиатского Боспора: Дисс. ...канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1964. 200 с. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-2 №1914.
- 59) Коровина А.К. Отчет о раскопках некрополей Фанагории и Тирамбы за 1965 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 3246.
- 60) Коровина А.К. Отчет о раскопках древней Тирамбы в 1967 году. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 3569.
- 61) Коровина А.К. Отчет о раскопках некрополя Тирамбы в 1968 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 3762.
- 62) Коровина А.К. Отчет о раскопках некрополя Тирамбы в 1969 году // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 3911.
- 63) Кузнецов В.Д. 2006. Отчет о работе Таманской экспедиции Института археологии РАН в 2005 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 27163.
- 64) Ловпаче Н.Г. Отчет об итогах археологических разведок, проведенных отрядом экспедиции Адыгейского национального института в 1980 г. на средневековых поселениях Руфабго, у аула Тайухабль, на р. Курджипс и на р. Псекупс, а также на Псекупском долговременном могильнике // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 10077.

65) Ловпаче Н.Г. Отчет о разведочной археологической экспедиции Адыгейского государственного педагогического института в Краснодарском крае и Адыгейской АО в 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 10919.

66) Малышев А.А. Отчет об исследованиях в Цемесской долине (Новороссийский район Краснодарского края) в 1995 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 19482.

67) Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э.: Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 1976. 202 с. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–2 № 2214.

68) Мимоход Р.А. Отчет об археологических, охранно-спасательных раскопках объекта культурного наследия: грунтовый могильник Волна-1, расположенного в зоне строительства «Станции Панагия» на Тманском полуострове п. Волна в темрюкском районе Краснодарского края в 2017–2018 гг. // Архив ОСАН РАН.

69) Мирошина Т.В. Отчет о работе Кучугурского отряда Таманской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 10752, № 10752б, № 10752в.

70) Мирошина Т.В. Отчет о работе курганного отряда Таманской экспедиции в Темрюкском районе Краснодарского края в 1986 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 14335.

71) Нестеренко Н.Д. Отчет об охранных раскопках Анапского археологического музея в 1987 г. // НА. Анапского археологического музея. № А I-36, 36а.

72) Паромов Я.М. 2002а. Археологический комплекс Гермонасса – Тмутаракань // Архив Управления по охране, реставрации и эксплуатации историко-культурных ценностей Департамента культуры Краснодарского края.

73) Савостина Е.А. Отчет о работе анапской экспедиции ИА АН СССР в 1977 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 6626.

- 74) Савостина Е.А.1984. Боспорские склепы: Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1984. 202 с. // Архив РГБ. № 61:86-7/294-Х
- 75) Сокольский Н.И. Отчет о раскопках в Кепях в 1957 году// Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 1493.
- 76) Сокольский Н.И. Отчет о раскопках городища Кепы в 1959 году // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 1899.
- 77) Сокольский Н.И., Сорокина Н.П. Отчет о раскопках некрополя Кеп в 1961 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 2291.
- 78) Сокольский Н.И. Отчет об археологических исследованиях Таманской экспедиции Института археологии АН СССР в 1962 году // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 2524.
- 79) Сорокина Н.П. Отчет о раскопках некрополя Кеп в 1959 году. // Архив ИА РАН. Р-1 Ф-1. № 1915.
- 80) Сорокина Н.П., Кувыркина М. А. Отчет о раскопках некрополя г. Кепы в 1960 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 2174.
- 81) Сударев Н.И. Отчет об археологических исследованиях Северо-Таманской экспедиции на поселении и некрополе Береговой 4 и охранных работах на некрополе в ст. Голубицкая в 2005 г. // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 26203 – 26205.
- 82) Сударев Н.И. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–II вв. до н.э. как исторический источник: Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. М., 2005. 380 с. Архив ИА РАН. Ф-1; Р-2 № 2739
- 83) Сударев Н.И. Отчет об охранных археологических исследованиях на поселении «Волна-4» Темрюкского района Краснодарского края в зоне строительства подъездных путей ЗАО «Таманьнефтегаз» в 2006 г. Т. 1. (Текст отчета, опись находок, приложение: Кац В.И. Общая характеристика керамического материала поселения Волна-4 (с. 115–173)). // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 27183.

84) Сударев Н.И. 2007. Отчет об исследованиях поселения и некрополя на «Береговом 4» (Саратовское) в 2006 г. (Краснодарский край, Темрюкский район). // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 27186 – 27187.

85) Сударев Н.И. Отчет об археологически исследованиях на территории станицы Тамань в 2010 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 54561.

86) Сударев Н.И. Отчет об археологических исследованиях на территории Западного некрополя Гермонассы в станице Тамань Краснодарского края в 2011 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 31124.

87) Сударев Н.И. Отчет о проведении археологических работ на территории археологического комплекса «Гермонасса-Тмутаракань» (ст. Тамань, Темрюкский район Краснодарского края) в 2013 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 46649.

88) Сударев Н.И. Отчет о результатах археологических исследований на поселении Вестник-1 в 2014 г. (Анапский район Краснодарского края). // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 46474.

89) Сударев Н.И. Отчет об археологических раскопках поселения Виноградный-7 в 2015 г. в рамках проекта «Создание сухогрузного района морского порта Тамань. Железнодорожные пути, развитие существующей инфраструктуры общего пользования в направлении сухогрузного района морского порта Тамань». Участок: ст. Вышестеблиевская ПК 0+00 – К 260+00». Т. 1. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 50821.

90) Сударев Н.И. Отчет об археологических раскопках поселения Виноградный-7 в 2015 г. в рамках проекта «Создание сухогрузного района морского порта Тамань. Железнодорожные пути, развитие существующей инфраструктуры общего пользования в направлении сухогрузного района морского порта Тамани». Участок: ст. Вышестеблиевская ПК 0+00 – ПК 260+00». Т. 2. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 50822.

91) Сударев Н.И., Тихонова Т.С. Отчет об охранных археологических исследованиях на археологическом памятнике «Античный город Горгиппия и его некрополь», по адресу: г. Анапа, пересечение ул. Ленина и Кирова в 2006 г. Том 1. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 26876.

92) Сударев Н.И., Чевелев О.Д. Отчет о результатах археологических исследований на поселении Вестник-1 в 2010–2011 гг. (Анапский район Краснодарского края). // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 30639.

93) Успенский П.С. 2014. Отчет об охранно-спасательных раскопках объектов культурного наследия: курганная группа Волна 27 В, курган 306 А, курганная группа Волна 306 Б, курганная группа Волна 307, расположенных на Таманском полуострове у п. Волна в Темрюкском районе Краснодарского края в 2014 г.). // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 50865.

94) Успенский П.С. 2018. Отчет. Раскопки участка грунтового могильника Волна 1 в Темрюкском районе Краснодарского края в 2016 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 60581.

95) Федоренко Н.В. 1998. Отчет о разведке грунтового могильника у с. Владимировка Новороссийского района в 1997 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 20836.

96) Федоренко Н.В. 1998. Отчет об археологических раскопках грунтового могильника у с. Владимировка Новороссийского района в 1998 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 21672.

97) Федоренко Н.В. 2002. Отчет об археологических раскопках грунтового могильника у с. Владимировка Новороссийского района в 2000 г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 26477.

98) Цокур И.В. 2014. Отчет по итогам проведенных охранно-спасательных работах (раскопок) на объектах культурного наследия «Курганная группа 201», расположенных в зоне проектирования и строительства жилого

микрорайона ЗАО «Таманьнефтегаз» в Темрюкском районе Краснодарского края в 2014г. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 46351,46352.

99) Цокур И.В. 2015. Отчет по итогам выполненных охранно-спасательных работ (раскопок) на территории выявленного объекта археологического наследия «Грунтовый могильник Волна 1», в пос. Волна Темрюкского района Краснодарского края в зоне строительства объектов ООО «ОТЭКО-Портсервис» в 2015–2016 гг. Т. 2. Погребения № 140-1 - 140-52. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 50662.

100) Цокур И.В. 2016. Отчёт о выполнении археологических разведок в целях выявления объектов археологического наследия, уточнении сведений о них и планирования мероприятий по обеспечению их сохранности в зоне строительства объектов ЗАО «Таманьнефтегаз», ООО «ОТЭКО-Портсервис» в Темрюкском районе Краснодарского края в 2016 г. Текст, окончание. Участок 11. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 52518.

101) Цокур И.В. 2017. Отчет по итогам выполненных охранно-спасательных работ (раскопок) на территории выявленного объекта археологического наследия «Грунтовый могильник Волна 1» в зоне проектируемого строительства объектов ООО «ОТЭКО-Портсервис», п. Волна, Темрюкский район, Краснодарский край. 2017 г. Т. 1. Погребения 388-505. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 55801.

102) Цокур И.В. 2017. Отчет по итогам выполненных охранно-спасательных работ (раскопок) на территории выявленного объекта археологического наследия «Грунтовый могильник Волна 1» в зоне проектируемого строительства объектов ООО «ОТЭКО-Портсервис», п. Волна, Темрюкский район, Краснодарский край. 2017 г. Т. 2. Погребения 506-591. Комплексы 221-337. // Архив ИА РАН. Ф–1; Р–1 № 55802.

103) Шавырина Т.Г. 1980. Отчет о результатах работ некропольского отряда Фанагорийско-Таманской экспедиции Института археологии АН СССР в 1980 году // Архив ИА РАН. Ф-1; Р-1 № 8234.

Литература

- 1) Абрамзон М.Г., Иванина О.А. Античные монеты. Из собрания Керченского историко-культурного заповедника (Нумизматическая коллекция. Том II). Киев, 2010. 320 с.
- 2) Абрамзон М.Г. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. II: Клады из новых поступлений в Керченский историко-культурный заповедник (2009–2010 гг.) (БИ. Supplementum 7). Симферополь–Керчь, 2011. 280 с.
- 3) Абрамов А.П. Городище Патрей. Периодизация и топография // Патрей. Материалы и исследования. 1999. Вып. 1. С. 3–32.
- 4) Абрамов А.П. Греческие амфоры VI–V вв. до н.э. в Северном Причерноморье. М., 2019. 248 с.
- 5) Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // Боспорский сборник. М., 1993. Вып. 2. С. 25–98.
- 6) Абрамова А.Н., Берлизов А. Н. Антрополого-тафологическая характеристика мужских погребений некрополя Волна 1 // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 339–355.
- 7) Абрамова А.Н., Пежемский Д.В. Опыт морфометрического анализа скелетных останков плохой сохранности (по материалам античного могильника Волна 1, Таманский полуостров). // ПИФК. 2018. Вып. 4. С. 102 – 121.
- 8) Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979. 289 с.
- 9) Агре Д. Лесковското градище и некрополът край него. // Археологически открития и разкопки през 1983–1984. 1984. С. 48–49.

- 10) Айвазян С.А., Бухштабер В.М., Енюков И.С., Мешалкин Л.Д. Прикладная статистика: Классификация и снижение размерности. М., 1989. 608 с.
- 11) Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975. 94 с., 19 табл. (САИ. Вып. Г1-12/1).
- 12) Алексеева Е.П. Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н.э.–IV в. н.э.). Черкесск, 1976. 181 с.
- 13) Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978. 104 с., табл. 20–34. (САИ. Вып. Г1-12/2).
- 14) Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982. 105 с., табл. 35–54. САИ. Вып. Г1-12/3.
- 15) Алексеева Е.М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. 1982. Т. 2. С. 5–117.
- 16) Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-западного Кавказа. М. 1991. 144 с.
- 17) Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. 560 с.
- 18) Алексеева Е.М. Анапа. Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н.э. – III в. н.э.) // ДБ. 2003. Т. 6. С. 18–43.
- 19) Анисимов К.А. Установление одрисской гегемонии на севере Балканского полуострова в V веке. // Исторический Формат. 2021. №2. С. 97–112.
- 20) Анохин В.А. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев, 2011. 328 с.
- 21) Анфимов Н.В. Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. М., 1967. С. 27–131.
- 22) Амальрик А.С., Монгайт А.Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1966. 279 с.

23) Арсеньева Т.М. Погребальный обряд // Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР/ отв. ред Г.А. Кошеленко. 1984. С. 222–224.

24) Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1974. 120 с.

25) Атавин А.Г. Информационно-поисковая система «НОМАД» (печенеги, торки, половцы в междуречье Дона и Волги) // База данных в археологии. М. 1995. С. 34–52.

26) Афанасьев Г.Е. Донские аланы: социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М. 1993. 182 с.

27) Ашик А.Б. Боспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками. Т. II. Одесса, 1848. 489 с.

28) Белов Г.Д., Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи // ВДИ. 1948. № 1. С. 155–163.

29) Белов Г.Д. Некрополь Херсонеса классической эпохи // СА. 1950. Т. XIII. С. 272–287.

30) Белова Н.С. Новая надпись из Гермонассы // ВДИ. 1967. № 1. С.60–69.

31) Белова Н.С. Эпиграфические материалы Фанагорийской экспедиции // ВДИ. 1977. №3. С. 105–117.

32) Берзин Э.О. Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1. С. 111–127.

33) Берлизов А.Н., Кашаев С.В., Мимоход Р.А. Эволюция погребальных традиций в некрополях Волна 1 и Артющенко 2 в VI–V вв. до н. э. // ПИФК. 2019. № 3. С. 229–245.

34) Берлизов Н.Е. К вопросу о существовании сирако-меотского племенного союза. // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 2 (53). С. 72–75.

35) Берлизов Н.Е., Пьянков А.В., Смаглюк М.И. Бронзовое зеркало с гравированными изображениями из новых поступлений в Краснодарский музей-заповедник // Из истории культуры народов Северного Кавказа (From the History of the North Caucasian peoples culture). Вып. 11. 2019. С. 162 – 177

36) Берлизов А.Н., Сударев Н.И. Погребальные обряды некрополей Виноградный 7 и Виноградный северо-восточный во второй половине V–IV в. до н. э. // АВ. 2022. Вып. 35. С. 60–72.

37) Берлизов Н.Е., Венедиктов А.П., Пьянков А.В. Статистический анализ погребальных памятников северо-западного Кавказа сарматского времени – эпохи средневековья. Краснодар, 2003. 123 с.

38) Билимович З.А. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // ТГЭ. 1976. Вып. 17. С. 32–66.

39) Блаватский В.Д. Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. // ВДИ. 1940. №4. С. 288–300.

40) Блаватский В.Д. Раскопки в Фанагории в 1940 г. // ВДИ. 1941. №1. С. 220–225.

41) Блаватский В.Д. Киммерийский вопрос и Пантикапей. // ВМУ. 1948. № 8. С. 9–18.

42) Блаватский В.Д. Архаический Боспор. // МИА. 1954. № 33. С.7–44.

43) Блаватский В.Д. Четвертый год раскопок в Сндике.// КСИА. 1957. С. Вып. 70. С. 118–129.

44) Блаватский В.Д. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 7–39.

45) Болтунова А.И. Надписи Горгиипии (Из находок 1971–1981 гг.). // ВДИ. 1986. № 1. С. 43–61.

46) Бондаренко М.Е. Синды. Этнографическая характеристика древних племен Азиатского Боспора. М., 2012. 152 с.

- 47) Борисова В.С. Становление государственности Боспора в VI–IV вв. до н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Нижний Новгород, 2006. 27 с.
- 48) Ван Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. 198 с.
- 49) Вахтина М.Ю. Боспорская элита до эпохи спартокидов. // Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. Керчь в 2017 г., НИЦ КФУ им. В.И. Вернадского, ЦАИ БФ «Деметра» // БИ. 2017. Вып. XXXIV. С. 25–111.
- 50) Вахтина М. Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155–161.
- 51) Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // АГ. 1983. Т. 1. С. 366 – 420.
- 52) Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. Спб., 1989. 280 с.
- 53) Виноградов Ю.А. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. Вып. 3. С. 101–115.
- 54) Виноградов Ю.А. Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху: Автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.06. Спб., 2002. 33 с.
- 55) Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. Спб., 2005. С. 211–296.
- 56) Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.). // Труды ИИМК РАН. Спб. 2008. Т. XXV. 348 с.
- 57) Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М. Особенности формирования некрополя Фанагории в свете открытий последних лет // ПИФК. 2019. Вып. 1. С. 101–105.

- 58) Ворошилов А.Н., Кашаев С.В. Клинковое оружие из некрополя Артющенко-2 // ДБ. 2010.Т. 14. С. 66–87.
- 59) Ворошилова О.М. История исследования некрополя Фанагории // ПИФК. 2010. Вып. 3. С. 37–54.
- 60) Вэрри Д. Войны античности: от греко-персидских войн о падения Рима. Иллюстрированная история. М., 2004. 224 с.
- 61) Гаврилюк С.М. Изучение погребальной обрядности древних греков в зарубежной историографии последних десятилетий // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2015. №1 (55). С. 19–28.
- 62) Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.–Л., 1949. 591 с.
- 63) Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (По материалам раскопок 1930-х годов). // МИА.1959. Вып. 69. С. 154–238.
- 64) Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Бранденбурга) // САИ. Д1-33. М., 1977. 70 с.
- 65) Галанина Л.К. Новые погребальные комплексы меотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки адыгов. 1989. С. 74–102.
- 66) Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. Античная сельская территория: формальное описание и возможности исторической интерпретации // ДБ. 2009. Т. 13. С. 141–175.
- 67) Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. О состоянии хоры центров Азиатского Боспора в середине – второй половине V в. до н.э. // ДБ. 2010. Вып. 14. С. 105–129.
- 68) Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. Освоение греками земель Таманского полуострова в последней четверти VI – первой половине V в. до н.э. // АМА. 2011. Т. 15. С. 194–222.
- 69) Гарбузов Г.П., Завойкин А.А. Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая половине VI–V вв. до н. э.) и в

составе державы Спартокидов (IV — начало III в. до н. э.) // ДБ. 2012. Т.16. С. 114–149.

70) Гарбузов Г. П., Завойкин А. А., Строкин В. Л., Сударев Н. И. Освоение греками Таманского полуострова в VI–V вв. до н. э. // ДБ. 2011. Т. 15. С. 90–172.

71) Герц К.К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове // Собрание сочинений, изданное Императорскою Академией наук. СПб., 1898. Вып. 2. 153 с.

72) Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.) СПб., 2003. 336 с.

73) Горланов С.С., Малышев А.А., Мирошина Т.В. Комплекс захоронений эпохи эллинизма из курганного некрополя у поселка Кучугуры // КСИА. 2019. Вып. 1. С. 155–171.

74) Горончаровский В.А. Синдика в период возведения Семибратних курганов // БФ. Население, языки, контакты. 2011. С. 271–278. Материалы Международной научной конференции. Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011г.

75) Горончаровский В.А. О хронологии Семибратних курганов // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Ростов-на-Дону, 2013. С. 161–173.

76) Горончаровский В.А. Семибратние курганы в контексте истории и древностей Северного Причерноморья // БИ. 2014. Вып. XXX. С. 553–618.

77) Горончаровский В.А. Цари и аристократия Синдики V – начала IV вв. до н.э. // БИ. Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. 2017. Вып. XXXIV. С. 224–260.

78) Горончаровский В.А. К проблеме этнической атрибуции воинских полуострове // Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). Материалы Международной научной

конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984). / Отв. ред.: М. Т. Кашуба, Н. Ю. Смирнов, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова. СПб. 7–11 ноября 2002. 2022. С. 170–173.

79) Горончаровский В.А., Иванчик А.И. Синды // Античное наследие Кубани. 2010. Т.1. С. 218–235.

80) Грач Н.Л. К характеристике этнического состава населения Нимфея в VI–V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период великой греческой колонизации (Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо – 1979). Тбилиси. 1981. С. 260–267.

81) Григорьев Д.В. К вопросу о военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э. // ПИФК. 1998. Вып. 5. С. 38–43.

82) Грязнов М.П. Классификация, тип, культура. // Теоретические основы советской археологии. (Тезисы докладов на теоретическом семинаре ЛОИА АН СССР. I–IV 1970 г.)..Л. 1969. С. 18–22.

83) Гуляев В.И. Изучение погребального обряда в зарубежной археологии // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 5–19.

84) Десятчиков Ю.М. Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. 1977. С. 45–48.

85) Дмитриев А.В., Малышев А.А. Могильник VI–II вв. до н. э. в устье Лобановой щели // Историко-археологический альманах. 1999. Вып. 5. С. 17–52.

86) Дмитриев А.В., Малышев А.А. Некрополи аборигенного населения у пос. Большие Хутора, в Цемдолине и на Шесхарисе // На юго-восточных рубежах Азиатского Боспора. Научно-популярный сборник, посвященный пятидесятилетию начала исследований Н.А. Онайко на Раевском городище. М.–Новороссийск, 2005. С. 18–22.

- 87) Добровольская М.В., Свиркина Н.Г. Жители античной Фанагории (реконструкция образа жизни по палеоантропологическим материалам). М., 2018. 233 с.
- 88) Долгоруков В.С. Фанагория // Археология СССР. Античные города государства Северного Причерноморья. 1984. С. 77–81.
- 89) Долгоруков В.С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // Проблемы исследований античных городов. (Тезисы докладов III Чтений памяти проф. В.Д. Блаватского). Б.м., 1989. С. 41–41.
- 90) Долгоруков В.С. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. 1990. Вып. 197. С. 30–37.
- 91) Доманский Я.В., Виноградов Ю.Г., Соловьев С.Л. Основные результаты работ Березанской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л., 1989. С. 33–60.
- 92) Евсюков С.В. Монументальные погребальные сооружения некрополя Горгиппии. Дис... маг. ист. наук. 51.04.04. Краснодар, 2022. 135 с.
- 93) Ждановский А.М. К истории сиракского союза племён (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья). // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990. С. 35–47.
- 94) Ждановский А.М., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребальный обряд сарматов Закубанья (по раскопкам 1984 г. и дореволюционным материалам). // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 103–126.
- 95) Жебелёв С.А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.–Л., 1953. – 388 с.
- 96) Журавлев Д.В., Шлотцауер У. Поселение Голубицкая 2 // Россия как археологическое пространство. М., 2016. С. 86–87.

- 97) Завойкин А.А. Синдская Гавань (Синдик) – Горгиппия // ВДИ. 1998. № 3. С. 134–145.
- 98) Завойкин А.А. Фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории // 1991. // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 84–88.
- 99) Завойкин А.А. К вопросу о статусе Феодосии и Горгиппии в державе Спартокидов // ДБ. 2002. Т. 5. С. 95–101.
- 100) Завойкин А.А. О времени присоединения к Боспору Синдской Гавани // БФ: Проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции, 01–31 марта 2004 года / Отв. ред. В.Ю. Зуев. Спб. 2004. Ч.1. С. 60–64.
- 101) Завойкин А.А. Фанагория во второй половине V – начале IV в. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города»). // ДБ. Supplementum I. М., 2004а. – 242 с.
- 102) Завойкин А.А. Кризис «первой половины» V в. до н. э. и проблема образования Боспорского государства // РА. 2006. № 4. С. 103–111.
- 103) Завойкин А.А. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов // БИ. Supplementum 10, Симферополь – Керчь, 2013. – 592 с.
- 104) Завойкин А.А. Волна 1 и некоторые другие «новые» памятники Боспора (К вопросу о статусе древнейших поселений на Таманском полуострове) // *Nomina omnium horarum*: Сборник статей в честь 70-летия А.В. Подосинова. М., 2020. С. 189–207.
- 105) Завойкин А.А. Варварские племена и их территории под властью Спартокидов // *Nuropolis*. Труды отдела классической археологии ИА РАН. М., 2021. Т. 3. С. 58–67.
- 106) Завойкин А.А. Оборонительные сооружения и некоторые проблемы исторической периодизации Фанагории VI–I вв. до н. э. // АВ. 2022. Вып. 35. С. 105–118.

- 107) Завойкин А.А. Китей: размышления о «малом боспорском городе» // ДБ. 2022а. Т. 27. С.101–112.
- 108) Завойкин А.А., Гарбузов Г.П. О первом этапе освоения греками Таманского полуострова // ДБ. 2010. Т. 14. С. 184–219.
- 109) Завойкин А.А., Колесников А.Б., Сударев Н.И. Позднеархаические погребения на «Южном городе» Фанагории // Фанагория. Результаты археологических исследований. 2016. Т. 4. С. 108–207.
- 110) Завойкин А.А., Сударев Н.И. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и этнической истории Боспора. Часть I. // ДБ. 2006. Т.9. С. 101–151.
- 111) Завойкин А.А., Сударев Н.И. Погребения с оружием VI–V вв. до н.э. как источник по политической и военной истории Боспора. Часть II // ДБ. М. 2006а. Т.10. С. 263–303.
- 112) Завойкина Н.В. Фанагорийское общество // Материалы по археологии и истории Фанагории. // Фанагория. Результаты археологических исследований. 2013. Вып. 1. Т. 1. С. 240–313.
- 113) Застрожнова Е.Г. Археологические раскопки Фанагории в 1852–1855 гг. (по материалам полевого журнала К.Р. Бегичева) // БИ. 2014. Вып. XXX. С. 469–481.
- 114) Застрожнова Е.Г. Фанагория. История археологического изучения (конец XVIII середина XX в.). СПб., 2019. – 308 с.
- 115) Зедгенидзе А. А., Савеля О. Я. Некрополь Херсонеса V–IV вв. до н. э. как источник изучения этнического и социального состава населения города // Демографическая ситуация в Причерноморье в эпоху Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981. С. 3–9.
- 116) Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971 –267 с.
- 117) ИАК. СПб, 1902. Вып. 2. 150 с.

118) Иванов А.В., Сударев Н.И. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова. // ДБ. 2012. Вып. 16. С. 178–199.

119) Иванов А.В., Сударев Н.И. Курган № 44/45 некрополя Кеп и его место среди других погребальных памятников Азиатского Боспора // ДБ. 2017. Т. 21. С. 160–189.

120) Иванов А.В., Сударев Н.И. Арифарн – царь фракийцев? // БФ. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Материалы 15-й Международной научной конференции. 8–30 ноября 2018 г. / Отв. ред. Зуев В.Ю., Хршановский В.А. СПб. 2018. Ч. 2. С. 48–55.

121) Иванов А.В., Сударев Н.И. «Урочище Самойленко» – поселение в Синдике (предварительное сообщение) // БЧ. 2018. Вып. XIX. С. 179–184.

122) Иванов А.В., Сударев Н.И. Каменный склеп в кургане у хутора Розы Люксембург в Анапском районе // Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции. 20–24 сентября 2021 г. / Под ред. А. В. Зайкова, Д. А. Костромичева, Е. С. Лесной. Севастополь, 2021. С. 122–126.

123) Иванов А.В., Сударев Н.И. Сырцовый кирпич в строительной традиции и погребальной практике в древней Греции и на Боспоре // ДБ. 2023. Вып. 28. С. 178–217.

124) Каллистов Д.П. Измена Гилона. // ВДИ. 1950. № 1. С. 27–36.

125) Каменецкий И.С. Код для описания погребального обряда. // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. М., 1983. С. 221–250.

126) Каменецкий И.С. Меоты // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. // Археология СССР. 1989. С. 224–252.

127) Каменецкий И.С. История изучения меотов. М., 2011. 388 с.

128) Канторович А.Р., Маслов В.Е., Петренко В.Г. // АО. 1991–2004. Европейская Россия. / Отв. ред. Н.А. Макаров. 2009. – С. 225–234.

- 129) Капошина С.И. Скорченные погребения Ольвии и Херсонеса // СА. 1941. Вып. VII. С. 161–173.
- 130) Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI – IV вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. 1959. Вып. 69. С. 257–295.
- 131) Кашаев С.В. Некрополь Артющенко-2 // БИ. Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь – Керчь. 2009. Т. XXII. С. 217–218.
- 132) Кашаев С.В. Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. БИ. Симферополь – Керчь, 2009а. Т. XXII С. 188–267.
- 133) Кашаев С.В. Демографическая характеристика и погребальный обряд некрополя Артющенко-2 // БФ. 2011. С. 293–299.
- 134) Кашаев С.В. Погребения с амфорами в некрополе Артющенко-2. // Античный мир и археология. 2013. Вып.16. С. 190–215.
- 135) Кашаев С.В. Тузлинские курганы (по материалам публикаций и архивов). // Российский Археологический Ежегодник. 2013а. № 3. С. 360–409.
- 136) Кашаев С.В. Ойнохой в погребальном инвентаре некрополя Артющенко-2 // Материалы круглого стола памяти Кубланова. СПб. 2014. С. 114–121.
- 137) Кашаев С.В. Анализ некоторых групп инвентаря из некрополя Артющенко-2 // БИ. 2014а. Вып. 30. С. 363–381.
- 138) Кашаев С.В. Миски в погребальном инвентаре некрополя Артющенко-2 // Таврические студии. Исторические науки. Археология и история Боспора. Симферополь, 2014б. № 6. С. 53–59.
- 139) Кашаев С.В. Аналогии нимфейским находкам на некрополе Артющенко-2. // Перипл: от Борисфена до Боспора. Материалы юбилейных конференций. ТГЭ. 2017а. Т. 88. С.227–245.

140) Кашаев С.В. Погребальные обряды сельских некрополей Артющенко-2 и Панское-1. // БФ.: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. 2018. С. 265–270.

141) Кашаев С.В., Сударев Н.И. Традиция погребения в сырцовых гробницах в некрополях Таманского полуострова Артющенко-2 и Виноградный-7. // БИ. 2020. Вып. XL. С. 26–46.

142) Кашаев С.В., Сударев Н.И. Кремация на Боспоре в VI - II в. до н. э. Двадцать лет спустя // Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций. Материалы 7го и 8го заседания Всероссийского семинара. / ред. М.В. Добровольская. М. 7 ноября 2023 г. 2023. С. 27–32.

143) Кашаев С. В., Мимоход Р. А., Сударев Н. И. Погребения с лошадьми в некрополях Волна 1 и Артющенко 2. // АВ. 2020. Вып. 30. С. 82–96.

144) Клейн Л.С. Классификация и типология // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Тезисы докладов областной научной конференции. Омск / Отв. Ред. В.И. Матющенко. 1987. С. 33–35.

145) Клейн Л.С. Глубина археологического факта и проблема реконверсии // Stratum plus. 1999. № 6. С. 337–361

146) Клемешова М.Е. Предварительные итоги изучения лепной керамики Азиатского Боспора 6 в. до н.э. – 3 в. н. э. // Нурапис. Труды отдела классической археологии ИА РАН. / Под общей ред. В.Д. Кузнецова. 2021. Т. 3. С. 97–111.

147) Кобылина М.М. К изучению искусства древнегреческого города Фанагории // ВДИ. 1938. № 2 (3). С. 336–349.

148) Кобылина М.М. Раскопки «Восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. // МИА. 1951. Вып. 19. С. 241–250.

149) Кобылина М.М. Страницы ранней истории Фанагории // СА. 1983. № 2. С. 51–61.

150) Колпаков Е.М. Классификация в археологии. СПб., 2013. 251 с.

- 151) Кондрашов А.В. Новые исследования у мыса Тузла на Таманском полуострове // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. 2010. Вып. 1. С. 118–124
- 152) Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2001. 320 с.
- 153) Коробов Д.С. Основы геоинформатики в археологии. М. 2011. 224 с.
- 154) Коробов Д.С. Цифровая археология сегодня: достижения и проблемы // Историческая информатика. 2023. № 3. С. 107–121.
- 155) Коровина А.К. К вопросу об изучении Смибратних курганов. // СА. 1957. № 2. С. 174–188.
- 156) Коровина А.К. Некрополь около мыса Панагии // АИБ. 1962. Т. II. С. 303–313.
- 157) Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы. // АО. 1968–1969. С. 113–115.
- 158) Коровина А.К. Раскопки некрополя Тирамбы (1966 – 1970) // ГМИИ им. А.С. Пушкина. 1987. Вып. VIII. С. 3–71.
- 159) Коровина А.К. Гермонасса: античный город на Таманском полуострове. М., 2002. 144 с.
- 160) Кошеленко Г.А. Полис и город. К постановке проблемы. // ВДИ. 1980. Вып. 1. С. 3–28.
- 161) Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // ОАИБ. 1992. С. 6–45.
- 162) Кошеленко Г.А., Усачова О.М. Гілон і Кепи // Археологія. 1992. № 2. С. 51–57.
- 163) Кругликова И.Т. Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М., 1977. 88 с.
- 164) Кругликова И.Т. Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы в 1954 – 1964 гг. // Горгиппия. 1982. Т. 1. С. 117–150.

- 165) Крыкин С.Н. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. 330 с.
- 166) Крыкин С.Н. Древняя Фракия. Особенности развития и следы в истории, London, 2011. 313 p.
- 167) Кузнецов В.Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ. 2000. № 1. С. 16–40.
- 168) Кузнецов В.Д. Метрополия Фанагории // ДБ. 2001. Вып.4. С. 227–237.
- 169) Кузнецов В.Д. Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. 2004. Вып. 14. С. 94–123.
- 170) Кузнецов В.Д. О времени основания Фанагории // ДБ. 2010. Вып.15. С. 313–322.
- 171) Кузнецов В.Д. Фанагория и Синдика: некоторые заметки // Фанагория. Результаты археологических исследований. 2015. Т. 4. С. 250–279.
- 172) Кузнецов В.Д. Боспор Киммерийский в 5 в. до н.э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) // Фанагория. Результаты археологических исследований. / ред. В.Д. Кузнецов. 2016. Т. 4. С. 160–185.
- 173) Кузнецов В.Д. Архаические стены Фанагории. // Нураніс. Труды отдела классической археологии ИА РАН. / Под общей ред. В.Д. Кузнецова. 2021. Т. 3. С. 111–131.
- 174) Лапин В.В. Греческая колонизация Северного Причерноморья (критический очерк отечественной теорий колонизации). Киев, 1966. 238 с.
- 175) Лаппо-Данилевский А.С., Мальмберг В.К. Древности кургана Карагодеуашх как материал для исследования бытовой истории прикубанского края // МАР. 1894. Вып. 13. 190 с.
- 176) Латышев В.В. ПОНТИКА. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб., 1909. 430 с.

177) Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В. Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III вв. до н.э. М., 2005. 192 с.

178) Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Античные погребения из курганного некрополя у поселения «Виноградное 7» в окрестностях Фанагории // БФ. 2007. С. 229–236.

179) Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар, 2012. 312 с.

180) Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Палестрит из окрестностей Фанагории // БФ. 2014. С. 103–113.

181) Лукьяшко С.И. Население Нижнего Дона в предскифское и скифское время (IX –IV вв. до н.э.): Автореф. Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Ростов-на-Дону, 2012. 36 с.

182) Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979. 150 с.

183) Малышев А.А. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. Российская академия наук, Институт археологии // ABRAU ANTIQUA. / Под ред. А.А. Малышева. М., 2009. С. 74–107.

184) Малышев А.А., Батченко В.С. Полуостров Абрау в античную эпоху (историографический очерк) // ПИФК. 2018. № 4 (62). С. 78–93.

185) Малышев А.А., Новичихин А.М. Население южной Синдики в эпоху Великой Греческой Колонизации // КСИА. 2022. Вып. 267. С. 124–138.

186) Малышев А.А., Новичихин А.М. Полуостров Абрау в эпоху раннего железа // Нурапис. Труды отдела классической археологии ИА РАН / Под ред. В.Д. Кузнецова. 2022 а. Т. 4. С. 162–185.

187) Малышев А.А., Новичихин А.М., Дрыга Д. О., Жеребятьев Д.И., Моор В.В., Мочалов А.В. Синдика: история, археология, антропогенные ландшафты. М., 2022. 68 с.

188) Малышев А.А., Горланов С. С., Дрыга Д. О., Мочалов А.В. Могильник аборигенного населения Родники: топография и хронология // Древние и средневековые культуры Кавказа: открытия, гипотезы, интерпретации. XXXII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа, посвященной 125-летию раскопок Майкопского кургана. 18–23 апреля 2022 г. / Отв. ред. М.С. Гаджиев, В.Р. Эрлих. Майкоп, 2022а. С. 160–161.

а. Марченко И.Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // МИА. 1956. Вып. 57. С. 101–128.

189) Марченко И.И. Сираки Кубани (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар, 1996. 336 с.

190) Марченко И.И. О времени появления гончарной сероглиняной керамики у меоты Кубани // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 4 (20). С. 26–29.

191) Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории. // Понтийские греки. *Studia Pontocausasica*. 1997. № 3. С. 46–58.

192) Марченко И.И., Лимберис Н.Ю. Меоты // Античное наследие Кубани. 2010. Т.1. С. 186–217.

193) Масленников А.А. Об этнической принадлежности скорченных погребений в некрополях некоторых боспорских городов // СА. 1976а. № 3. С. 112–127.

194) Масленников А.А. К вопросу о погребениях дандариев. // История и культура античного мира. М. 1977. С. 127–131.

195) Масленников А.А. Этнический состав населения боспорских городов в VI–V вв. до н.э. // СА. 1978. № 1. С. 24–37.

196) Масленников А.А. Население Боспорского царства в VI–II вв. до н.э. М., 1981. 150 с.

197) Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990. 232 с.

198) Масленников А.А. Варвары греки и Боспор Киммерийский до Геродота и при нем. // ДБ. 2001. Вып.4. С. 291–323.

199) Медведев А.П. Новые материалы по истории и культуре античной Фанагории (из раскопок восточного некрополя в 2005 – 2007гг. // АМА. 2010. Вып. 14. С. 350–368.

200) Мимоход Р.А., Сударев, Н.И., Успенский П.С.: «Волна-1» – новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (по материалам работ ИА РАН в 2016 и 2017 гг.) // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского терминала навалочных грузов / отв. ред. Н.В. Волкодав. 2017. С. 5–32.

201) Мимоход Р. А., Сударев Н. И., Успенский П. С. Новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (предварительная информация) // ДБ. 2017а. Т. 21. С. 295–310.

202) Мимоход Р.А., Сударев Н.И. Успенский П.С. Некрополь Волна-1 (2017 г.) (Краснодарский край, Таманский полуостров) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. / отв. ред. А.В. Энговатова. 2018. Т. 25. С. 220–231.

203) Молев Е.А. Политическая история Боспора в VI–V вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997. 118 с.

204) Молев Е.А. Скифы в политической истории Боспора VI–II вв. до н.э. // ВДИ. 2009. №3. С.155–165.

205) Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М., Саратов, 2003. 352 с.

- 206) Мурзин В.Ю. Скифская Архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984. 134 с.
- 207) Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет // Некрополи Черноморья. / Отв. ред. А.А. Малышев. М., 2010. Т. III. 268 с.
- 208) Неделчев Н. (София, Бългaрия) Създаването на държавата на Одрисите // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В. И. Кадеева (Сб. науч. трудов). Харьков. 1997. С. 147–154.
- 209) Николов Б. Тракийски паметници във Врачанско // ИАИ. 1965. № 28. С. 163–202.
- 210) Каменецкий И.С. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. Анапа, 2006. 220 с.: ил.
- 211) Новичихин А.М. Письменные источники о синдах и Синдике // Археология и этнология Северного Кавказа. 2017. № 7. С. 61–79.
- 212) ОАК за 1853 г. СПб., 1855. 190 с.
- 213) ОАК за 1864 г. СПб., 1865. 240 с.
- 214) ОАК за 1868 г. СПб., 1870. 190 с.
- 215) ОАК за 1869 г. СПб., 1871. 180 с.
- 216) ОАК за 1870–1871 гг. СПб., 1874. 303 с.
- 217) ОАК за 1872 г. СПб., 1875. 339 с.
- 218) ОАК за 1878–1879 гг. СПб., 1881. 186 с.
- 219) ОАК за 1893 г. СПб., 1895. 121 с.
- 220) ОАК за 1896 г. СПб., 1898. 251 с.
- 221) ОАК за 1903 г. СПб., 1906. 261 с.
- 222) Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1. С. 73–74.
- 223) Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М., 1991. 256с.

224) Папанова В.А. Особливості поминально-поховального обряду некрополя Ольвії // Наукові праці історичного факультету Запоризького Державного університету. 2002. Вып. XV. С. 267–272.

225) Папанова В.А. Урочище Сто могил – некрополь Ольвії Понтийской. Киев., 2006. 278 с.

226) Паромов Я.М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 72–78.

227) Паромов Я.М. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. 1998. Т. 1. С. 216–225.

228) Паромов Я.М. Скифские погребения на Таманском полуострове // ТС. 2000. Вып. 3. С. 72–75.

229) Паромов Я.М. Курганный некрополь Гермонассы // ДБ. 2002. Вып. 5. С. 192–206.

230) Паромов Я.М. Курганный некрополь Кеп // ДБ. 2003. Вып. 6. С. 239–265.

231) Паромов Я.М. Курганный некрополь Фанагории (общая характеристика) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников / Под ред. В.Ю. Зуева. СПб., 2004. Ч. 1. С. 287–292.

232) Паромов Я.М. Курганный некрополь Кеп // ДБ. 2006. Вып. 10. С. 365–388.

233) Паромов Я.М. Ранние погребения с оружием в могильниках Таманского полуострова // БФ.: население, языки, контакты. Материалы Международной научной конференции 22–25 ноября СПб / Отв. ред. М.Ю. Вахтина. СПб, 2011. С. 299–304.

234) Паромов Я.М. Характерные черты погребального обряда раннеантичных могильников Таманского полуострова // Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы Международной научной конференции 19–22 ноября 2013 г. / Отв. ред. М. Ю. Вахтина. СПб., 2013. С. 67–72.

235) Паромов Я.М., Сударев Н.И. Новые погребения из раскопок некрополя у пос. Пересыпь («Тирамба») // ДБ. 2000. Вып. 3. С. 201–211.

236) Передольская А.А. К вопросу о терракотах из кургана Большая Близница // СА. 1955. Т. XXIV. С. 54–73.

237) Писларий И.А., Пожидаев В.Ф. О применении метода процентных соотношений // Методические и методологические вопросы археологии. Киев, 1982. С. 178–186.

238) Попов Р. Могильные гробове при с. Ендже // Известия на Българския археологически институт 1930–1931. София, 1931. Вып. VI. С. 89–113.

239) Пятышева Н.В. Скифы и Херсонес // ИАДК. 1957. С. 249–263.

240) Рогов Е.Я. Херсонес и варвары Юго-Западного Крыма в IV в. до н.э. // АМА. 2003. Вып. 11. С. 140–153.

241) Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. 1., СПб, 1913–1914. 537 с.

242) Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Т. 2. СПб, 1913–1914. 123 с.

243) Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Петроград., 1918. 190 с.

244) Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Прг., 1925. 623 с.

245) Савостина Е.А. Античность и варвары: возможность сопоставления культур. // Античная цивилизация и варварский мир. 1993. Ч. II. С. 157–162.

246) Салов А.И., Смирнова Т.М. Новые находки в Анапе // КСИА. 1972. Вып. 130. С. 53–57.

247) Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. 185 с.

248) Смирнов К.Ф. Меотский могильник у ст. Пашковской // МИА. 1958. Вып. 64. С. 272–312.

- 249) Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. Вып.101. 162 с.
- 250) Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. 381 с.
- 251) Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. М., 1997. 279 с.
- 252) Соколов В.В. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. 1919. С.39-59.
- 253) Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Nyperboreus*. 2002. Вып.8. Ч. 1. С. 99–121.
- 254) Сокольский Н.И. Валы в системе обороны Боспора Киммерийского // СА. 1957. XXVII. С. 91–106.
- 255) Сокольский Н.И. Раскопки античного поселения около станицы Таманской // КСИА. 1959. Вып. 74. С. 49–57.
- 256) Сокольский Н.И. Кепы // Античный город. / Отв. ред. А.И., Болтунова М., 1963. С. 95–114.
- 257) Сокольский Н.И. Культ Афродиты в Кепях конца VI–V в. до н.э. // ВДИ. 1973. № 4. С. 88–92.
- 258) Сокольский Н.И. Новые раскопки в Кепях // *Actes de la XIIe Conférence D'Études Classiques «Eirene», 2–7 octobre 1972. Cluj-Napoca. Bucureşti & Amsterdam, 1975. S. 615–619.*
- 259) Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь // Труды ГИМ. 1957. Вып. XXVI. С. 1–64.
- 260) Сорокина Н.П. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 годах. // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 46–52.
- 261) Сорокина Н.П. Раскопки некрополя в Кепях. // КСИА. 1962. Вып. 91. С. 98–107.

262) Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Детские погребения Северного Причерноморья VI–III вв. до н.э. // *Stratum Plus*. 2000. № 3. С. 193–205.

263) Сорокина Н.П., Сударев Н.И. К вопросу о некоторых варварских погребениях Боспора VI–V вв. до н.э. // *ДБ*. 2001. Вып. 4. С. 377–385.

264) Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Способы обращения с телами погребаемых в некрополе Кеп // *БФ*. 2002. Вып. 1. С. 279–284.

265) Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Оружие из некрополя Кеп // *ДБ*. 2002а. Вып. 5. С. 234–240.

266) Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Амфоры в погребениях грунтового некрополя Кеп и грунтовых некрополей боспорских городов VI–III вв. до н.э. // *ДБ*. 2003. Вып. 6. С. 297–306.

267) Сорокина Н.П., Сударев Н.И. Погребальные сооружения некрополя Кеп VI–II вв. до н.э. // *БЧ V*. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2004. С. 353–362.

268) Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н.э.) / Отв. ред. Мошкова М.Г. М., 1994. 224 с.

269) Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II: Раннесарматская культура (IV–I вв. до н.э.) / Отв. ред. Мошкова М.Г. М., 1997. 276 с.

270) Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III: Среднесарматская культура / Отв. ред. Мошкова М.Г. М., 2002. 143 с.

271) Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV: Позднесарматская культура / Отв. ред. Мошкова М.Г. М., 2009. 176 с.

272) Стоянов Р.В. Погребенные в скорченном положении в греческих некрополях Причерноморья: Состояние проблемы и перспективы ее решения // БФ. 2002. Ч. 1. С. 297–302.

273) Стржелецкий С.Ф. Раскопки таврского некрополя в 1945 г. // ХС. 1948. Вып. IV. С. 69–96.

274) Сударев Н.И. Погребения в районе поселения Гаркуша I (Патрей) // БС. 1994. Т. 4. С. 108–126.

275) Сударев Н.И. К вопросу о Тирамбе Страбона и Птолемея. // ДБ. 1998. Т.1. С. 201–211.

276) Сударев Н.И. Погребения с элементами скорченности костяка в некрополях Боспора VI–II вв. до н.э. // ДБ. 2004. Т. 7. С. 332–338.

277) Сударев Н.И. Некрополи и погребальные обряды // АНК. 2010. Т. 2. С. 418–473.

278) Сударев Н.И. Греки и Варвары в Синдике // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы Круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения Михаила Моисеевича Кубланова (1914–1998). 25–26 ноября 2014 г. СПб., 2014. С. 95–102.

279) Сударев Н.И. Погребения некрополя «Виноградный 7» (раскопки 2015–2016 гг.) // БФ.: Элита Боспора и боспорская элитарная культура. Материалы международного Круглого стола 22–25 ноября 2016 г. / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб., 2016. С 333–340.

280) Сударев Н.И. Погребения некрополя Виноградный 7 (Краснодарский край, Темрюкский район). // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований. 2017. Т. 19. С. 182–190.

281) Сударев Н.И. «Торговля: пути – товары — отношения» через призму изучения погребальных памятников Азиатского Боспора // БЧ. XVIII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья.

Торговля: пути – товары – отношения. / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь–Керчь, 2017а. С. 525–535.

282) Сударев Н.И. Участок раннего некрополя анапского полиса (по материалам раскопок 2006 г.) // Древности Кубани. Вып. 26 / отв. ред. А. Л. Пелих, Л. Э. Голубев. – Краснодар, 2023. С. 60–84.

283) Сударев Н.И., Гарбузов Г.П. К вопросу о колонизации Боспора // Таврические студии. Серия: исторические науки. №7 / Отв.ред. Н. Ф. Федосеев. Симферополь, 2015. С. 156–165.

284) Сударев Н.И., Кашаев С.В. История исследования поселения Виноградный-7 и работы на памятнике в 2015 г. // БЧ. XVII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2016. С. 471–480.

285) Сударев Н.И., Кашаев С.В. Традиция погребения в сырцовых ящиках в некрополях Артющенко-2 и Виноградный-7. // БЧ. XIX. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Традиции и инновации. / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько, Симферополь–Керчь, 2018. С. 476–484

286) Сударев Н.И., Поротов А.В., Гарбузов Г.П. Путь из Синдики в Синдику: значение Анапской пересыпи в истории региона // БЧ. XIX. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько, Симферополь–Керчь, 2018. С. 485–494.

287) Сударев Н.И., Поротов А.В., Гарбузов Г.П. К вопросу о древних дорогах и переправах южной части Таманского полуострова // БИ. 2022. № 44. С. 62–85.

288) Сударев Н.И., Шавырина Т.Г. Работы некропольского отряда фанагорийской экспедиции // АО. 2003. С. 287–288.

289) Суриков И.Е. Кое-что о родственниках Эсхина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или А был ли «нимфейский след»?) // ДБ. 2009. Т. 13. С. 394–414.

290) Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 1984. № 3. С. 24–48.

291) Толстиков В.П. 2023. – Археологические свидетельства катастрофы 480–475 гг. до н.э. в Пантикапее. прощание с одной концепцией? // ПИФК. 2023. №3. С. 9–37.

292) Тохтасьев С.Р. Из ономастики Северного Причерноморья. II. Фракийские имена на Боспоре. // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб, 1992. С. 178–200.

293) Тохтасьев С.Р. Еще раз о синдских монетах и синдском государстве // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. 2001. Ч. I. С. 63–79.

294) Тохтасьев С.Р. ΣΥΝΔΙΚΑ // ТС. 2002. Вып. 4. С. 10–33.

295) Тохтасьев С.Р. 2004. Боспор и Синдика в эпоху Левкона I. (Обзор новых эпиграфических публикаций) // ВДИ. 2004. № 3. С. 144–180

296) Тохтасьев С.Р. Надгробная стела сыновей Аттеса из Мирмекия // ВДИ. 2006. № 1. С. 72–79.

297) Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – сер. XIX в.). СПб., 2002. 676 с.

298) Тункина И.В. Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – сер. XIX в.). СПб., 2002. 676 с.

299) Тункина И.В., Застрожнова Е. Г., Шаров О.В. Золотой браслет Г. Ван дер Вейде из некрополя Фанагории // Фанагория: результаты археологических исследований / Материалы по археологии и истории Фанагории. Т. 7. Вып. 4. 2018. С. 142–155.

- 300) Тэйлор Э. Первобытная культура. М. 1939. 602 с.
- 301) Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии М., 1987. 216 с.
- 302) Фол А. Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. София, 1975. 270 с.
- 303) Фрэзер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М., 1980. 830 с.
- 304) Цветаева Г.А. Раскопки некрополя Горгиипии в 1964 г. // КСИА. 1967. Вып.109. С. 136–139.
- 305) Цветаева Г.А. Сокровища причерноморских курганов. М.,1968. 128 с.
- 306) Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М., 2012. 365 с.
- 307) Цокур И.В., Селивантьев О.Н., Шереметьева Н.А. Грунтовый могильник «Волна 1» // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: Материалы конференции дата / Под ред. Н.В. Волкодав. Краснодар. 2016. С. 118–130.
- 308) Цокур И.В., Сударев Н.И., Шаров О.В. Волна 1. Некрополь архаического и классического периодов: В двух частях. / Отв. ред. П.С. Успенский // Материалы спасательных археологических исследований. Т. 30. Ч. 1. М., 2022. 400 с.
- 309) Цокур И.В., Сударев Н.И., Шаров О.В. Волна 1. Некрополь архаического и классического периодов: В двух частях. / Отв. ред. П.С. Успенский // Материалы спасательных археологических исследований. Т. 30. Ч. 2. М., 2022а. 368 с.
- 310) Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968. 191 с.

311) Шавырина Т.Г. Раскопки некрополя Фанагории в 1978 году // КСИА. 1983. Вып. 174. С. 69–73.

312) Шавырина Т.Г. Западный некрополь Фанагории (раскопки 1991–1999 гг. Общий обзор) // ДБ. 2000. № 3. С. 355–361.

313) Шауб И.Ю. Миф культ ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. Спб., 2007. 482 с.

314) Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // ДГ СССР 1984 г. 1985. С. 5–186.

315) Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В. Каменный склеп раннего железного века из грунтового могильника Заря-2 у ст. Натухаевской близ Новороссийска // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековья. Материалы Международной археологической конференции 30 мая – 1 июня 2018 г. / Отв. ред. Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Анапа, 2018. С. 339–347.

316) Шкорпил В.В. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 году в г. Керчи и его окрестностях // ИАК 1909. Вып. 30. С.1–50.

317) Шкорпил В.В. Отчет о раскопках, произведенных в 1906 году в г. Керчи и его окрестностях // ИАК 1909а. Вып. 30. С. 51–98.

318) Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // ИАК.1914. Вып. 56. С. 1–74.

319) Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // ИАК. 1916. Вып. 60. С. 7–35.

320) Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М., 2007. 430 с.

321) Эрлих В.Р. Кубань в начале Раннего железного века // АНК. 2010. Т.1. С. 168–186.

322) Юго-восточная периферия Боспора в эллинистическое время: по материалам Раевского некрополя // Некрополи Черноморья. Т. I. / Отв. ред. А.А. Малышев. М., 2007. 258 с.

323) Яйленко В.П. Вопросы интерпретации березанского письма Ахиллодора // ВДИ. 1975. № 3. С. 133–150.

324) Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–II вв. до н.э. (По данным эпиграфических источников). М., 1982. 310 с.

325) Яйленко В.П. Одна боспорская эпитафия. // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 222–226.

326) Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху. 3. Политическая история Боспорского царства в раннеэллинистическое время // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. Т. I. С. 283–309.

327) Яйленко В.П. Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археонактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере, еще раз о легендах монет Феодоссии и Нимфея. // ДБ. 2021. Вып. 21. С. 398–440.

328) Яйленко В.П. Вотив Левкона I из Лабриса. // ДБ. 2004. Вып. 7. С. 425–445

329) Яйленко В.П. Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археонактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере, еще раз о легендах монет Феодоссии и Нимфея. // ДБ. 2021. Вып. 21. С. 398–440.

330) Akurgal M. Bayraklı Kazısı 1997 // KST. 1999. № 20. Cilt. 2. S. 33–48.

331) Akurgal M. Bayraklı Höyüğünde Arkaik Döneme ait Küçük Bir Mezarlık ve Bazı Buluntular // TUBA-AR. 1999a. №2. S. 51–69.

332) Archibald Z.H. The Odrysian kingdom of Thrace. Oxford, 1998. 370 p.

333) Aytaçlar N. The Early Iron Age at Klazomenai. // Klazomenai, Teos and Abdera. Thessaloniky, 2004. P. 17–41.

- 334) Bakır-Anlağan G. 1979 Yılı Klazomenai Kazısı // KST. 1980. № 2. S. 87–90.
- 335) Beazley J.D., Payne H.G.G., Price E.R. *Corpus Vasorum Antiquorum: Great Britain, Fascicule 3*. Oxford, 1928. 79 p., 50 pl.
- 336) Beazley J. D., Payne H.G.G., Price E.R. *Corpus Vasorum Antiquorum*, Oxford No: 2 (Great Britain No: 9). Oxford, 1931 – 88 p., 79 pl.
- 337) Berard R.M. *Megara Hyblaea. 6. La necropole meridionale de la cite archaïque. Archeologie et histoire sociale des rituels funeraires*. Rome, 2017. Vol. 2. 657 p.
- 338) Binford L. *Archaeology as anthropology // American Antiquity*. 1962. Vol. 28. № 1. P. 217–225.
- 339) Binford L. *Mortuary Practices: Their Study and Their Potential // Memoirs of the Society for American Archaeology*. 1971. № 25, *Approaches to the Social Dimensions of Mortuary Practices*. PP. 6–29.
- 340) Binford L., Binford S. (eds.) *New perspectives in archaeology*. New York, 1968. 374 p.
- 341) Boardman J., Hammond N.G. L. *The Cambridge Ancient History Volume 3, Part 3: The Expansion of the Greek World, Eighth to Sixth Centuries BC*. Cambridge, 1980. 513 p.
- 342) Boysal-Öğün Y. *Teos Kazısı 1962 Kısa Raporu // TAD*. № 12/1. 1964. S. 12–13.
- 343) Braund D. *Phanagoria and Kabeiromania: imagined Kabeiroi on the North Coast of the Black Sea // Phanagoreia und seine historische Umwelt. Von den Anfängen der griechischen Kolonisation (8. Jh. v. Chr.) bis zum Chasarenreich (10. Jh. n. Chr.) / Hrsg.: von N. Povalahev, V. Kuznetsov*. Göttingen. 2011. S. 153–197. (Altertümer Phanagoreias; Bd. 2.)
- 344) Brown J., Chapman R., Kinnes I., Ransborg K. *The archaeology of death*. Cambridge, 1981. – 159 p.

- 345) Carter J.C. Discovering the Greek Countryside at Metaponto (Thomas Spencer Jerome Lectures). Chicago, 2006. 287 p.
- 346) Cavallari F.S., Orsi. P. Megara Hyblaea.: Storia, topografia, necropoli e anathemata. Roma, 1890. 161p.
- 347) Chapman R., Randsborg K. Approaches to the archaeology of death // The archaeology of death. 1968. P.1–25.
- 348) Childe V.G. Man makes himself. New York, 1951. 242 p.
- 349) Collins D. Magic in the ancient Greek world. Oxford. 2008. 207 p.
- 350) Damyanov M. Necropoleis and Ionian colonisation in the Black Sea // Ancient West and East. 2005. Vol. 4. №. 1. P. 77–97.
- 351) Dimakis N. Social Identity and Status in the Classical and Hellenistic Northern Peloponnese: The Evidence from Burials-An Overview // Proceedings of the 2nd Hellenistic Studies International Workshop. Alexandria, 2011. P. 114–123.
- 352) Dimakis N. Social Identity and Status in the Classical and Hellenistic Northern Peloponnese. The Evidence from Burials. Oxford, 2016. 358 p.
- 353) Ehrhardt N. Milet und seiner kolonien. Vergleichende Untersuchung der kultischen und politischen Einrichtungen. Frankfurt am mein–Bern–New York, 1983. 593 s.
- 354) Farnell R.L. Greek hero cults and ideas of immortality. Oxford, 1921. 465 p.
- 355) Frazer J.G. The Golden Bough. London, 1886. 445p.
- 356) Foça S. Teos Bati Nekropolisli: Mezar Tipolojisi ve Buluntular: doktora tezi İzmir, 2019. – 606 s.
- 357) Foça S. Eski Smyrna Nekropolisleri ve Ölü Gömme Uygulamaları Üzerine Genel Bir Değerlendirme // ADerg. 2021. № XXVI.Cilt 2. S. 95–20
- 358) Forbeck E., Heres H. Das Löwengrab von Milet. Berlin, 1997. 65 s.

- 359) Forbeck E. Die Nekropolen von Milet. Die Grabungen 1901 bis 1909 und die Arbeiten der Jahre 1993 bis 1996: inauguraldissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie. Bohn, 2016. 403 s.
- 360) Garland R. The Greek Way of Death. New York, 1985. 191 p.
- 361) Georgoulaki E. Religious and Socio-Political Implications of Mortuary Evidence: Case Studies in Ancient Greece // *Kernos*. – 1996.–Vol. 9.–P. 95–120.
- 362) Georgieva R. Riders' Burials in Thrace // *Tumulus as Sema*. 2016. Vol. 27.–P. 269–280.
- 363) Goldstein L. Spatial structure and the social organization: regional manifestation of Mississipp. Evanston, 1976. 371 p.
- 364) Gramsch A. Death and continuity // *Journal of European Archaeology*. 1995. Vol. 3. № 1. P. 71–90.
- 365) Greaves A.M. Miletos. A History. London – New York, 2002. 177 p.
- 366) Greaves A.M. The land of Ionia. Society and Economy in the Archaic Period. Chichester, 2010. 284 p.
- 367) Hansen M.H., Nielsen T.H. An inventory of archaic and classical poleis. Oxford., 2004. 1396 p.
- 368) Harrington P. B. Machine Learning in Action. Cambridge, 2012. 384 p.
- 369) Hertz R. Death and the right hand. Aberdeen, 1960. 174 p.
- 370) Hodder I.O. The Symbolic and structural Archaeology. Cambridge, 1982. 196 p.
- 371) Hürmüzlü B. Burial Grounds at Klazomenai: Geometric Through Hellenistic Periods // *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera, 20-21 October 2001. Thessaloniki, 2004. P. 77–95.*
- 372) Hürmüzlü B. Klazomenai'de Gömü Alanlarının Düzenlenmesi ve Kullanımı (The Organization and Utilization of the Burial Grounds in Klazomenai). // *OLBA*. 2005. Vol. XII. P. 39–68.

373) Kadioglu M. Teos. Inscriptions, cults, and urban fabric. Istanbul, 2021. 437 p.

374) Kaliff A. Grave structures and altars: archaeological traces of Bronze Age eschatological conceptions // *European Journal of Archaeology*. 1996. Vol. 1. № 2. P. 177–198.

375) Kallintzi K. Abdera: Organization and Utilization of the Area Extra Muros // *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony*. Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera. 20–21 October 2001. Thessaloniki, 2004. P. 271–291.

376) Kallintzi K. Les nekropoles d'Abdère organisation de l'espace et rites funeraries // *Rois, cites, necropoles. Institutions, rites et monuments en Macedoine*. Atenes, 2006. P. 143–153.

377) Kallintzi K. La présence des enfants dans les nécropoles d'Abdère // *L'Enfant et la mort dans l'Antiquité I Nouvelles recherches dans les nécropoles grecques Le signalement des tombes d'enfants*. Actes de la table ronde internationale organisée à Athènes, École française d'Athènes. 29–30 mai, 2008. Paris. 2010. P. 129–159.

378) Kallintzi C. Children's graves in the cemeteries of Abdera: Data and observations // *Griechische Nekropolen: Neue Forschungen und Funde. Beiträge zur Archäologie Griechenlands* / in H. Frielinghaus, J. Stroszeck, P. Valavanis (eds.). 2019. Band 5. S. 245–259.

379) Καλλιντζη Ν. Ανασκαφή ταφικού τυμβού στα Αβδηρα // *Το αρχαιολογικό έργο στη μακεδονία και θρακία*. 1990. № 4. Σ. 561–571.

380) Καλλιντζή Ν., Νομός Ξάνθης // *ΑΔ*. 1991. 46. Χρονικά, Β'2. Σ. 325–339.

381) Καλλιντζη Ν. Αβδηρα 1997. Ανεύρεση τάφων κατά τη διάνοιξη καναλιού // *Το αρχαιολογικό έργο στη μακεδονία και θρακία*. 1997. № 11. Σ. 633–644.

382) Καλλιντζή Κ. Στ. Η χώρα των Αβδήρων. Συμβολή στην αρχαιολογία και ιστορική τοπογραφία του νότιου τμήματος του Νομού Ξάνθης: διδακτορική διατριβή. Βόλος, 2011. – 3 τόμοι (Α τόμος – 514 σ., Β τόμος – 570 σ., Γ τόμος 428 – σ.), εκκ., πιν., χαρτ., σχημ., γραφ., ευρ. + 40 Χάρτες.

383) Kayan İ., Öner E. Bayraklı Höyüğü (İzmir) Çevresinin Holosen'deki Jeomorfolojik Gelişimi // Ege Üniversitesi Prof. Dr. Asaf Kaçman'a Armağan Kitabı. 2013. № 180 / 28. S. 135–158.

384) Κουκούλη-Χρυσανθάκη, Χ. Ανασκαφικές έρευνες στα Αρχαία Άβδηρα // ΠΑΕ. 1982. Σ. 1–17.

385) Kotova D. The Personality of Kotys in the Ancient Literary Tradition // Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies. 2014. № 21. P. 37–62.

386) Κρανιώτη Λ. Τίμβος απο τη ΒΔ νεκροπολη των Αβδηρων // Το αρχαιοαογικο εργο στη Μακελονια και Θρακη. 1987. № 1. Σ. 431–438.

387) Kurtz D. C., Boardman J. Greek Burial Customs. London, 1971. 384 p.

388) Malkin I. A small Greek world: networks in the Ancient Mediterranean. New York, 2011. 284 p.

389) Măndescu D. Reconstructing elites in late Hallstatt Ferigile group // Plural History Culture Society. 2022. Vol. 10 (1). P. 70–94.

390) Moore M. B. Attic red-figure and white-ground pottery. Princeton, 1997. 419 p., 157 pl. (The Athenian Agora Vol. XXX)

391) Morris I. Burial and Ancient Society: The Rise of the Greek City-State (New Studies in Archaeology). Cambridge, 1987. 276 p.

392) Morris I. Death ritual and social structure of classical antiquity. Cambridge, 1996. 264 p.

393) Nizzo V. Archeologia e antropologia della morte storia di un'idea. La semiologia e l'ideologia funeraria delle società di livello protostorico nella riflessione teorica tra antropologia e archeologia. Bari. 2015. 724 p.

394) Oakley J. H. *Corpus Vasorum Antiquorum*, USA F. 28. The Walters Art Gallery, Baltimore, Maryland: Attic Red-figure and White-ground Vases. MD: The Walters Art Gallery. Baltimore, 1992. P. X + 81.

395) Oikonomou, S. Special grave goods. In: (eds. Oikonomou, S.; Stampolidis, N.) // *Beyond death and afterlife*. 2014. P. 93–105.

396) Özyiğit Ö. 1988 Yılı Erythrai Sondaj Çalışmaları // KST. 1990. № 11. Cilt. 1. S. 125–150.

397) Özyiğit Ö. 1989 Yılı Phokaia Kazı Çalışmaları // KST. 1991 № 12. – Cilt 1. – S. 127–154.

398) Özyiğit Ö. 1991 Yılı Phokaia Kazı Çalışmaları // KST. 1993 14. Cilt 2. S. 1–22.

399) Özyiğit Ö. 1996 Yılı Phokaia Kazı Çalışmaları // KST. 1998 19. Cilt 1. S. 763–794.

400) Özyiğit Ö. 1998 Yılı Phokaia Kazı Çalışmaları // KST. 2000. № 21. Cilt 2. S. 33–46.

401) Özyiğit Ö. 1999 Yılı Phokaia Kazı Çalışmaları // KST. 2001. № 22. Cilt 2. S. 1–14.

402) Özyiğit Ö. 2000-2001 Yılı Phokaia Kazı Çalışmaları // KST. 2003. № 24. Cilt 2. S. 333–350.

403) Özyiğit Ö. 2003 Yılı Phokaia Kazı Çalışmaları // KST. 2005. № 26. Cilt 2. S. 43–50.

404) Özyiğit Ö. 2006 Yılı Phokaia Kazı Çalışmaları // KST. 2008. № 24. Cilt 2. S. 489–512.

405) Özyiğit Ö. 2011 Yılı Phokaia Kazı Çalışmaları // KST. 2013. № 24. Cilt 2. S. 173–190.

406) Pearson M. P. *The Archaeology of Death and Burial*. College Station, Texas. 2000. 250 p.

407) Raubenheimer J. An item selection procedure to maximize scale reliability and validity. // *Journal of Industrial Psychology*. 2004. Vol. 30 (4). P. 59–64.

408) Rotroff S. I. Hellenistic pottery: Athenian and imported wheelmade table ware and related material (The Athenian Agora Vol. XXIX). New Jersey, 1997. 575 p.

409) Saxe A. Social dimensions of mortuary practices. University of Michigan, Ann Arbor. 1970. 240 p.

410) Skarlatidou E. The Archaic Cemetery of the Clazomenian Colony at Abdera // *Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony*. Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera, 20-21 October 2001. Thessaloniki, 2004. P. 249–260.

411) Σκαρλατιδου Ε. Κ Το αρχαϊκο νεκροταφειο των Αβδηρων. Συμβολη στην ερευνα της αποικιας των Κλαζομενιων στα Αβδηρα. Θεσσαλονικη , 2010. 394 σ.

412) Scherrer P., *Ephesos Rehberi*, Ege Yayınları. İstanbul, 2000. 250 s.

413) Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B.C. New Jersey, 1970. 472 p. (The Athenian Agora. Vol. XII.)

414) Sudarev N. I. in co-operation with G. P. Garbuzov, A. V. Ivanov, Y. Yu. Kargin, V. V. Mataev, K. V. Voronin. The Asian Bosphorus before and during the Greek Colonisation // *An den Ufern des Bug (Ha βeperax Byry)*. Frankfurter archäologische Schriften. 2021. Bh. 42. S. 43–76.

415) Tainter A. Mortuary practices and the study of prehistoric social systems //, *Advances in Archaeological Method and Theory*. Vol. 1. New York. 1978. P.105–141.

416) TAŞ P. Antik Dönemde İonia Bölgesindeki ölü Gömme Gelenekler: doktora tezi. Haziran, 2016. 252 s.

417) Taylor E. *The Primitive Culture*. Vol. 1. London 1920, 502 p.

418) Teleaga N., Zirta V. Die Nekropole des 6–1 Jhs. V Chr. Von Istria Bent bei Histria. Archäologische Untersuchungen zur Bevölkerung in der westlichen Schwarzmeerregion. // Internationale Archäologie. 2003. Band 83. S. 3–287.

419) The archaeology of death. /Brown J., Chapman R., Kinnes I., Ransborg K. (eds.). Cambridge, 1981. 159 p.

420) Tzannes M. The Excavations of G. Oikonomos at the Archaic Cemetery of Monostiraka in Klazomenai, 1921–1922 // Klazomenai, Teos and Abdera. 2004. P. 97–120.

421) Tonceva G. Nécropole tumulaire près du village Belogradec du VII e s. av. n. ère // Thracia. 1980. №. 5. P. 5–52.

422) Van Gennep A. The Rites of Passage. Chicago, 1960. 198 p.

423) Ward J. H. Hierarchical Grouping to Optimize an Objective Function. // Journal of the American Statistical Association. 1963. Vol. 58. No. 301 (Mar., 1963). P. 236–244.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести.
- АГ – Античная Греция. М.
- АИБ – Археология и история Боспора. Симферополь.
- АМА – Античный мир и археология. Саратов.
- АО – Археологические открытия. М.
- БИ – Боспорские исследования. Симферополь – Керчь
- БФ – Боспорский феномен. Материалы международной конференции. Спб.
- БЧ – Боспорские чтения. Керчь.
- ГИМ – Государственный исторический музей. М.
- ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
- ВМУ – Вестник Московского университета. М.
- ВДИ – Вестник древней истории. М.
- ДГ СССР – Древнейшие государства СССР. М.
- ДБ – Древности Боспора. М.
- ИАИ – Известия на Археологический институт. София
- ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. Спб.
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук. М.
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук. М.
- ИТУАК – Известия Таврической Ученой архивной комиссии. Симферополь.
- КБН – Корпус боспорских надписей. М., 1965.
- КСИА – Краткие сообщения института археологии. М.
- ЛОИА АН СССР – Ленинградское отделение института археологии Академии наук СССР. Л.
- МАР – Материалы по археологии России. Спб. Пг.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.

ОАК – Отчет императорской археологической комиссии. СПб.

ОАИБ – Очерки археологии и истории Боспора

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. М.–Магнитогорск–
Новосибирск.

РА – Российская археология. М.

СА – Советская археология. М.

САИ – Свод археологических источников.

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.

ТС – Таманская старина. СПб.

ХС – Херсонский сборник. Севастополь.

ΑΔ – Αρχαιολογικόν Δελτίον

ADerg – Arkeoloji Dergisi

KST - Kazı Sonuçları Toplantısı

ΠΑΕ – Πρακτικά της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας

TAD – Türk Arkeoloji Dergisi

TÜBA-AR – Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Берлизов Александр Николаевич

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ НАСЕЛЕНИЯ АЗИАТСКОГО БОСПОРА
VI – IV ВВ. ДО Н.Э.**

Исторические науки: 5.6.3. Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Том 2

Научный руководитель
д.и.н. А.А. Завойкин

Москва
2024

Содержание

ТОМ 2. Приложения.

Содержание.....	2
1. Код описания погребального обряда	3
2. Графы (дендрограммы) и графики (1-46).....	24
3. Классификация погребальных традиций Азиатского Боспора VI–IV вв. до н.э.	134

КОД ОПИСАНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА**I. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ
О ПАМЯТНИКЕ****1.Номер памятника**

- 1.Гермонасса
- 2.Фанагория
- 3.Тузлинский Некрополь
4. Могильник Старокорсунского городища.
- 5.Хутор Ленина №3
6. Хутор Ленина №2
7. Усть - Лабинский могильник.
8. Краснодарский могильник "За Кожзаводами" (ул. Загородная)
9. Тбилисское 12 городище "Цитадель"
10. Пантикапей.
11. Нимфей.
- 12.Тирамба
13. Артющенко 2.
- 14.Некрополь у хут. Рассвет
15. Погребение на окраине г. Константиновска
16. Погребение на окраине г. Ростов на дону
17. Погребение у с.Подгородное
18. Курган у г. Никополя
19. Кировское поселение
20. Литой Мельгуновский курган
21. Курган №9 у с. Огородного
22. Фурожан-3
23. Могильник общественный 2
24. Могильник Ахтырский
25. Курганы у ст. Новокорсунской
26. Нартанские курганы
27. Николаевский могильник
28. Некрополь в районе пос. Воскресенского.
29. Некрополь ОПХ Анапы
30. Керамейкос(Афины)
31. Эридан(Аттика)
32. Архаический могильник афинской агоры
33. мог. Ясенева поляна
34. Абинский могильник
35. Могильник Кочипе
36. Кагарлык
37. Погребения у с. Зеленки
38. Погребение у с. Емчиха
39. Некрополь Самоса
40. Курган у с. Приморское
41. Курган у с. Кремневка
42. Усть Койсуг
43. Койсугский могильник
44. Высочино
45. Колдыри
46. Курган у села Новоалександровка
- 47.Некрополь у м. Панагия
48. Горгиппия
- 49 Кепы
- 50 Близницы
51. Волна 1
- 52.Патрей
53. Вестник
54. Некрополь у пос. Суворовское
55. Виноградный 7.
56. Су-псех
- 57.Береговой 4
- 58.Кучугуры
59. Некрополь Ахтанисовской
60. Теос
61. Ольвия
62. Борисфен
63. Аполлония Понтика
64. Истрия
65. Цемдолинский могильник

- 66. Ивушка(Широкая балка)
- 67.Владимировский могильник
- 68.Большие хутора
- 69. РОС
- 70.Шесхарис
- 71. Псекупский могильник

2. Регион.

- 0. Таманский п-ов
- 1. Междуречье Кубани и Протоки
- 2. Междуречье Протоки и Ангелинского ерика
- 3. Междуречье Ангелинского ерика и Кирпилей
- 4. Междуречье Кирпилей и Бейсуга
- 5. Междуречье Бейсуга и Челбаса
- 6. Междуречье Челбаса и Еи
- 7. Междуречье Кизилташа и Адагума
- 8. Междуречье Адагума и Псекупса
- 9. Междуречье Псекупса и Белой
- 10. Междуречье Белой и Лабы
- 11. Междуречье Лабы и Кубани
- 12. Черноморское побережье
- 13. Керченский п-ов.
- 14.Междуречье Днепра и Дона
- 15.Днепропетровская область
- 16. Кировоградская область
- 17. Одесская область
- 18.Центральный Кавказ
- 19. Балканская Греция
- 20. Междуречье Днепра и Дуная
- 21. Остров Самос.
- 22 Междуречье Дона и Волги
- 23 Фракия
- 24. Малая Азия
- 25.Междуречье Буга и Днепра

3. «Широкая» датировка комплекса

- 0. Темные века
- 1. Эпоха архаики
- 2. Эпоха классики
- 3. Эллинизм
- 4. Римское время.
- 5. 2 пол. VIII - нач. X вв.
- 6. 2 пол. X-I пол. XII вв.
- 7. 2 пол. XII-I пол. XIII вв.
- 8. 2 пол. XIII-XV вв.

4. «Узкая» дата.

- 0. Не определяется
- 1. VIII в до н.э.
- 2. VII в до н.э.
- 3. VI в до н.э.
- 4. V в до н.э.
- 5. IV в до н.э.
- 6. III в до н.э.
- 7. II в до н.э.
- 8. I в до н.э.
- 9. I в н.э.
- 10. II в н.э.

5. Археологическая культура

- 0. Не определяется
- 1. Меотская
- 2. Сарматская
- 3. «Зихская»
- 4. Кубано-черноморская группа кремаций
- 5. Аланская
- 6. Погребения типа «Казазово».
- 7. Половецкая
- 8. Адыгская средневековая
- 9. Ордынская
- 10. Скифская
- 11. Греческая
- 12. Фракийская

II. СТРУКТУРА ПОГРЕБЕНИЯ

6. Надмогильная конструкция

0. Отсутствует (грунтовый могильник)
1. Курган
2. Курган с кромlexом
3. Курган с крепидой
4. Курган с панцирной обкладкой насыпи
5. Курган с кромlexом
6. Курган с кромlexом + Курган с панцирной обкладкой насыпи
7. Курган с крепидой + Курган с панцирной обкладкой насыпи
8. Курган с кромlexом + Курган с крепидой
9. Курган с панцирной обкладкой насыпи
10. Скальный могильник
11. Впускное в дольмен
12. Галечная выкладка над ямой.
13. Грунтовый могильник, окруженный кромlexом
14. Небольшая каменная насыпь, окруженная рвом.
15. 1+12
16. Перекрытие из амфор

7. Изваяния (надгробия)

0. Отсутствует
1. Надгробие
2. Изваяние (синхронное данному комплексу) на кургане
3. Изваяние в насыпи кургана

8. а. План погребения - 1 (ямы)

0. Нет данных, погребение иной конструкции
1. Погребение на древнем горизонте
2. Прямоугольная яма

3. Квадратная яма
4. Квадратная яма с диагональным погребением
5. Овальная вытянутая яма
6. Круглая яма
7. Прямоугольная яма с заплечиками
8. Прямоугольная большая яма с одним большим заплечиком
9. Колоколовидная яма
10. Яма с нишей (тайником)
11. Яма с дромосом
12. Яма с диагональным погребением.
13. Яма неправильной формы.
14. прямоугольная яма с двумя заплечиками
15. яма со стенками обитыми деревом и войлоком
16. яма неправильной формы с заплечиками.
17. овальная яма с заплечиком
18. прямоугольная яма с закругленными углами.
19. яма, залитая сырцом
20. яма с углублениями у торцовых стенок.
21. двухъярусное погребение
22. яма со стенками, обложенными тростником.

9. б. План погребения 2 (подбой и катакомбы)

0. Нет данных, погребение иной конструкции
1. Подбой
2. Н-образная катакомба
3. Т-образная катакомба
4. Т-образная катакомба, оси ВЯ и ПК под тупым углом
5. Катакомба - «чулок»

6. Катакомба - «чулок», оси ПК и ВЯ под тупым углом
7. Двухкамерная катакомба с камерами, перпендикулярными ВЯ
8. Двухкамерная катакомба, у которой одна ПК перпендикулярна, а другая параллельна ВЯ.
9. Г-образная катакомба.
10. Катакомба «ворухского типа» (ПК находится под ВЯ)
11. Трёхкамерный подбой (две ПК параллельны, одна перпендикулярна ВЯ)
12. Двухкамерный подбой (ПК под противоположными стенами ВЯ)
13. То же, вторая ПК расположена параллельно первой и является её продолжением.
14. Катакомба «чулок», у которой ПК начинается в широкой стенке ВЯ.
15. Подбой под боковой и торцевой стенками ВЯ.

10. в. План погребения 3 (каменные и черепяные гробницы)

0. Нет данных, погребение иной конструкции
1. Каменная обкладка стенок ямы
2. Прямоугольный каменный ящик из небольших плит в яме
3. Подтрапециевидный каменный ящик из небольших плит в яме
4. Прямоугольный ящик из 4х крупных плит в яме
5. Наземная гробница из камней

6. Черепичная прямоугольная гробница
7. Наземный многокамерный склеп
8. Дольмен
9. Сырцовый ящик
10. Яма, обложенная сырцом
11. Каменный склеп дромосом в котловане
12. Каменный склеп без дромоса в котловане
13. Наземный каменный склеп с дромосом
14. Наземный каменный склеп без дромоса
15. Захоронение в амфоре.
16. Захоронение в пифосе
17. Кремация в урне
18. Гробница из необожжённого кирпича, с обшивкой стен досками.
19. Склеп с уступчатым перекрытием.
20. Обшивка досками/плетнем стен ямы
21. Сырцовая гробница.
22. Погребение в горшке

11. а. Разрез погребения 1 (ямы)

0. Не катакомба
1. Горизонтальные полы ПК и ВЯ на одном уровне
2. Пол ВЯ полого опускается в ПК
3. Пол в ВЯ горизонтальный, в ПК полого опускается
4. Горизонтальный пол ВЯ соединяется ступенькой с нижележащим пологим полом ПК.
5. Пол в ВЯ полого опускается к горизонтальному полу ПК.

6. Пол в ВЯ полого опускается к ПК и соединяется ступенькой с горизонтальным полом ПК

7. Полого опускающиеся полы ВЯ и ПК соединены ступенькой

8. Горизонтальный пол ВЯ ниже горизонтального пола в ПК

9. Горизонтальный пол ВЯ соединён ступенькой с

опускающимся полом ПК

10. Ступенчатый пол ВЯ переходит в горизонтальный пол ПК

12. б. Разрез погребения 2 (катакомбы и подбои).

0. Не катакомба

1. Горизонтальные полы ПК и ВЯ на одном уровне

2. Пол ВЯ полого опускается в ПК

3. Пол в ВЯ горизонтальный, в ПК полого опускается

4. Горизонтальный пол ВЯ соединяется ступенькой с нижележащим пологим полом ПК.

5. Пол в ВЯ полого опускается к горизонтальному полу ПК.

6. Пол в ВЯ полого опускается к ПК и соединяется ступенькой с горизонтальным полом ПК

7. Полого опускающиеся полы ВЯ и ПК соединены ступенькой

8. Горизонтальный пол ВЯ ниже горизонтального пола в ПК

9. Горизонтальный пол ВЯ соединён ступенькой с опускающимся полом ПК

10. Ступенчатый пол ВЯ переходит в горизонтальный пол ПК

13. в. Разрез погребения 3 (каменные ящики)

0. Погребение не в яме

1. Погребение на древнем горизонте

2. Пол горизонтальный, стенки отвесные.

3. Пол горизонтальный, заплечики с обеих сторон.

4. Пол горизонтальный, разновеликие заплечики с двух сторон

5. Пол горизонтальный, стенки сужаются кверху колоколом.

6. В яму ведёт ступенчатый спуск.

7. Пол горизонтальный, один большой заплечик-ступенька.

7. Каменный склеп

8. Каменный ящик на древнем горизонте, обложенный снаружи булыжником.

9. Яма с сырцовой обкладкой стенок.

14. Перекрытия (заклады) ям, подбоев и катакомб.

0 Нет

1. Деревянное

2. Каменное

3. Черепичное

4. Камыш.

5. Сырец.

6. Булыжник/каменная наброска

7. 1+6.

8. 1+трава.

9. 1+5

10. дерево +плетень

11. 1+4

15. Деревянные и сырцовые конструкции в яме.

0. Отсутствуют

1. Продольные бревна в яме

2. Деревянная гробница (шатер)

3. Сырцовая гробница

4. Вертикально стоящая черепица
5. Вертикально стоящая каменная плита
6. Угловые столбы
7. Деревянная облицовка ПК
8. Черепица на костяке
- 16. Гробы и подстилки**
 0. Отсутствуют
 1. Органическая подстилка
 2. Берестяной гроб
 3. Деревянный гроб
 4. Колода
 5. Носилки/клине
 6. Саркофаг
 7. Урна
 9. Подстилка + гроб
 10. Камень под головой
 11. Доски под костяком
 12. Покрывало
 13. 1+5
 14. Каменные плиты под костяком
 15. Деревянная «подушка»
 16. 1+11
 17. Деревянная рама
 18. Трава
 19. Антропоморфное надгробие
 20. Сырцовая вымостка в яме
 21. 11+5
- 17. Подсыпки**
 0. Нет
 1. Мел
 2. Уголь
 3. Следы огня
 4. Пепел (зола)
 5. Угли + пепел (зола)
 6. Песок.
 7. Побелка ПК
 8. 1+2
 9. 1+3
 10. 2+3

11. Яичная скорлупа в яме.
12. 6+11
13. Мелкий камень
14. 13+толченая ракушка
15. дно выложено раковинами

III. ИНФОРМАЦИЯ О КОСТЯКЕ

18. Вид захоронения

0. Кенотаф
1. Ингумация
2. Кремация на месте
3. Кремация на стороне
4. Выставление

19. Число костяков

0. Нет
1. Один
2. Два
3. Три
4. Более трех

20. Пол погребенного

0. Не определяется
1. Женщина
2. Мужчина

21. Возраст погребенного

0. Не определяется
1. Младенец
2. Подросток
3. Юный
4. Зрелый
5. Старик

22. Общая поза погребенного

0. Не восстанавливается (кенотаф, кремация)
1. На спине вытянуто
2. На правом боку скорченно
3. На левом боку скорченно
4. Ничком
5. Кремация на стороне
6. Расчлененный костяк
7. На левом боку вытянуто
8. На правом боку вытянуто
9. Сильно скорченно на спине

23. а. Положение левой руки

0. Не устанавливается
1. Вытянута вдоль туловища
2. Кисть под бедренной костью к туловищу (под тазом)
3. Кисть на бедренной кости
4. Кисть на тазе
5. Кисть на животе
6. Кисть на груди
7. Кисть на противоположном плече
8. Кисть у лица
9. Рука согнута в локте кистью к туловищу
10. Рука согнута в локте кистью от туловища
 11. Рука отведена от туловища
 12. Кисть над головой
 13. Рука согнута в локте кистью к черепу
 14. Кисть на колене

24. б. Положение правой руки

0. Не устанавливается
1. Вытянута вдоль туловища
2. Кисть под бедренной костью к туловищу (под тазом)
3. Кисть на бедренной кости
4. Кисть на тазе
5. Кисть на животе
6. Кисть на груди
7. Кисть на противоположном плече
8. Кисть у лица
9. Рука согнута в локте кистью к туловищу
10. Рука согнута в локте кистью от туловища
11. Рука отведена от туловища

12. Кисть над головой

8. Рука согнута в локте кистью к черепу

25. Положение ног

0. Не устанавливается
1. Вытянуты параллельно
2. Вытянуты параллельно под углом к позвоночнику
3. Раздвинуты в стороны
4. Согнуты ромбом («поза всадника»)
5. Одна нога вытянута, вторая согнута («атакующая поза»)
6. Ноги скрещены в голених
7. Ноги скорчены
8. Ноги сближены в голених
9. Ноги сближены в щиколотках
10. Ноги сближены в щиколотках 2 (ниже колен)
11. Одна нога согнута коленом к другой
12. Ноги скрещены в бедрах
13. Согнуты в коленях
14. Слегка подогнуты

26. Особые случаи в позе погребенного

0. Нет
1. Отсечение стоп
2. Отсечение стоп и кистей рук
3. Отсечение кистей рук
4. «Пакет»
5. Разрушение верхней части костяка без ограбления
6. Разрушение костяка без ограбления и заброска его камнями
7. Нижняя часть костяка не в анатомическом порядке
8. Нет черепа
9. Смещены берцовые кости
 - 15.3+8
 - 16.5+7

27. а.

28. б. Ориентировка костяка

Ориентировка костяка

2 0 1 1 2 2 0 0

С Ю З В СВ СЗ ЮВ ЮЗ
1 1 0 2 2 0 2 0

IV. ИНВЕНТАРЬ

29. Число сосудов с погребенным.

0. Нет
1. Один
2. Два
3. Три
4. Более трех

30. а. Горшок в погребении 1

0. Нет
1. За головой
2. За головой и справа
3. Справа
4. Положение не известно
5. Между ног
6. На костяке (выше ног)
7. В миске
8. 1+7
9. 3+7
10. 3+6
11. В головах слева.
12. В головах
13. С костяком лошади

31. б. Горшок в погребении 2

0. Нет
1. В ногах
2. В ногах и слева
3. В заполнении
4. На ногах
5. В насыпи
6. На заплечике
7. Слева
8. 4+7
9. 1+3
10. 4+в области таза
11. 1+на гробе
12. В ногах справа.
13. В амфоре

14. В нише

32. в. Горшок в погребении 3 (в погр. с кремацией)

0. Нет
1. В качестве урны
2. В качестве крышки урны
3. Рядом с урной
4. В урне
5. В зольном пятне
6. Рядом с зольным пятном
7. В тайнике

33. а. Кувшин в погребении 1

0. Нет
1. В головах
2. В головах и справа
3. Справа
4. Во входной яме
5. На груди
6. В миске
7. На костяке
8. 2+3
9. На ногах
10. В головах слева

34. б. Кувшин в погребении 2

0. Нет
1. В ногах
2. В ногах и слева
3. Слева
4. Между ног
5. В насыпи
6. Положение не установлено
7. На ногах
8. В ногах справа.
9. 2+8
10. В амфоре
11. в гробу
12. в тайнике/нише

35. в. Кувшин в погребении 3 (В кремации)

0. Нет
1. В качестве урны
2. В качестве крышки урны

3. Рядом с урной
4. В урне
5. В зольном пятне
6. Рядом с зольным пятном
7. В тайнике

36. а. Миска в погребении 1

0. Нет
1. В головах
2. В головах и справа
3. Справа
4. Под черепом
5. Под черепом и справа
6. На костяке
7. Положение не известно
8. Под ногой
9. В ВЯ у заклада
10. Под костяком
11. 1+3
12. 12. 1+2
13. В головах слева
14. В амфоре.

37. б. Миска в погребении 2

0. Нет
1. В ногах
2. В ногах и слева
3. Слева
4. На ногах
5. В заполнении ПК
6. В стороне от костяка
7. В ногах и в стороне
8. Между ног
9. Рядом с могилой
10. С лошадьми
11. 1+3
12. 1+2
13. В головах слева
14. В амфоре.
15. В ногах и справа.

38. в. Миска в погребении 3 (В кремации)

0. Нет
1. В качестве урны
2. В качестве крышки урны
3. Рядом с урной
4. В урне
5. В зольном пятне
6. Рядом с зольным пятном
7. В тайнике

39. а. Кубок (кружка) в погребении 1.

0. Нет
1. В головах
2. В головах и справа
3. Справа
4. В миске
5. Положение не известно
6. На костяке
7. В заполнении
8. 1+4
9. В головах и слева.
10. 10. 2+3
11. 11. 3+9
12. 12. В амфоре.
13. 13. 2+9

40. б. Кубок (кружка) в погребении 2

0. Нет
1. В ногах
2. В ногах и слева
3. Слева
4. Во входной яме
5. Слева на ноге
6. На ногах
7. В ногах справа.
8. 1+6
9. 2+3
10. на перекрытии
11. 3+6

12. в нише
- 41. в. Кубок (кружка) в погребении 3. (В кремации)**
0. Нет
 1. В качестве урны
 2. В качестве крышки урны
 3. Рядом с урной
 4. В урне
 5. В зольном пятне
 6. Рядом с зольным пятном
 7. В тайнике
- 42. а. Кубышка в погребении 1.**
0. Нет
 1. В головах
 2. В головах и справа
 3. Справа
 4. В миске
- 43. б. Кубышка в погребении 2.**
0. Нет
 1. В ногах
 2. В ногах и слева
 3. Слева
- 44. в. Кубышка в погребении 3. (В кремации)**
0. Нет
 1. В качестве урны
 2. В качестве крышки урны
 3. Рядом с урной
 4. В урне
 5. В зольном пятне
 6. Рядом с зольным пятном
 7. В тайнике
- 45. а. Амфора (корчага) в погребении 1.**
0. Нет
 1. В головах
 2. В головах и справа
 3. Справа
4. Во входной яме
5. В тайнике
6. С костякам коней
7. 1+6
8. 1+3
- 46. Амфора (корчага) в погребении 2.**
0. Нет
 1. В ногах
 2. В ногах и слева
 3. Слева
 4. В насыпи
 5. В заполнении
 6. 1+5
 7. В ногах справа
- 47. в. Амфора (корчага) в погребении 3. (В кремации)**
0. Нет
 1. В качестве урны
 2. В качестве крышки урны
 3. Рядом с урной
 4. В урне
 5. В зольном пятне
 6. Рядом с зольным пятном
 7. В тайнике
 8. В головах слева.
- 48. а. Наличие драг. металлов в метал. сосудах**
0. Нет
 1. Золото
 2. Серебро
 3. Золото + Серебро
- 49. б. Металлические сосуды 1.**
0. Нет
 1. Котел
 2. Ведро
 3. Котел и ведро
 4. Таз

5. Котел и таз
6. Дужка от котла
7. 4+8
8. Два котла или котёл+котелок

50. в. Металлические сосуды 2.

0. Нет
1. Кувшин
2. Кубок (кружка, ритон)
3. Кубок и сковорода
4. Сковорода (патера, фиала)
5. Металлические обкладки
деревянного сосуда
6. Кубок + кувшин
7. 2+5
8. 1+5
9. +2+4

51. г. Металлические сосуды 3.

0. Нет
1. Туалетный сосудик
2. Чаша
3. Пиксида
4. 2+черпак
5. Черпак
6. 5+цедилка
7. металлическая крышка
- 8 поднос
- 9.цедилка

52. Столовая стеклянная посуда

0. Нет
1. Кувшин (графин, амфора)
2. Кубок (стакан, ритон, рюмка,
бокал)
3. Кувшин и кубок
4. Крупный бальзамарий (колба)
5. Блюдо (тарелка, открытый
сосуд)
6. Фрагмент стеклянного сосуда
7. 2+5

**V. ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ
УПРЯЖИ И ВСАДНИЧЕСКОГО
СНАРЯЖЕНИЯ**

53. Оружие стрелковое.

0. Нет
1. 1-3 наконечника стрел
2. Более 3 наконечников стрел
3. То же + колчаный крюк
4. То же + колчаный крюк + лук
5. Колчан без наконечников стрел
6. Колчаный крюк
7. 1-3 наконечника стрел +
колчаный крюк
8. Лук (накладки от лука)
9. Более 3 наконечников стрел +
лук
10. Застежка колчана
11. 10+1
12. 10+6

54. Оружие древковое.

0. Нет
1. Копье
2. Копье + Дротик
3. Дротик
4. Несколько копий
5. Несколько дротиков
6. Копье + несколько дротиков
7. Метательные ножи
8. Копье и метательные ножи
9. Несколько копий и ме-
тательные ножи

**55. Оружие клинковое (и другое
оружие ближнего боя).**

0. Нет
1. Кинжал (короткий меч)
2. Кинжал и меч (сабля)
3. Меч (сабля)
4. Топор
5. Меч и топор

6. Кистень
7. 2 меча и кинжал
8. Боевой нож
9. Кинжал + боевой нож
10. 1+булава
11. 1+3+8
12. Два кинжала
13. 2 меча.

56. Защитное вооружение

0. Нет
1. Шлем
2. Шлем и панцирь
3. Панцирь (кольчуга)
4. Панцирь и поножи
5. Поножи
6. Шлем и поножи
7. Шлем, панцирь и поножи
8. Наручи
9. Шлем, панцирь, поножи и наручи
10. Панцирь и наручи (?)
14. Панцирь, поножи и наручи (?)
15. Щит
16. Отдельные кольца от кольчуги
17. Боевой пояс
18. 3+18

57. а. Наличие драг. металлов в упряжи

0. Нет
1. Золото
2. Серебро
3. Золото + Серебро

58. б. Упряжь 1.

0. Нет
1. Удила (псалии)
2. Уздечный набор (оголовье)
3. Фалары конские
4. Начельник (налобник)
5. Наносник
6. Удила и оголовье
7. Удила, оголовье и начельник

8. Удила, оголовье и наносник
9. Удила, оголовье, начельник и наносник
10. Путы железные
13. Путы костяные
14. 1+3

59. в. Упряжь 2

0. Нет
1. Детали седла
2. Детали седла и стремяна
3. Стремяна
4. Детали седла и пряжки от упряжи
5. Пряжки от упряжи
6. Стремяна и пряжки от упряжи
7. Детали седла, стремяна и пряжки от упряжи
8. Шпоры
9. Стремяна и шпоры
10. Конский панцирь
11. 5+нахвостник

60. а. Местоположение коня в погребении 1.

0. Нет
1. В головах
2. В головах и справа
3. Справа
4. Во входной яме
5. На заплечике
6. На обоих заплечиках (2 коня)
7. В соседней яме
8. В яме без погребения

61. б. Местоположение коня в погребении 2.

0. Нет
1. В ногах
2. В ногах и слева
3. Слева
4. В заполнении над погребенным
5. То же, 2 коня один над другим
6. На погребенном
7. В заполнении под урной

- 8. Рядом с урной
- 9. В яме с кремацией в стороне

62. Поза коня

- 0. Нет данных
- 1. На животе
- 2. На правом боку, ноги подогнуты
- 3. То же + на левом боку, ноги подогнуты
- 4. На левом боку, ноги подогнуты
- 5. На правом боку, ноги вытянуты
- 6. То же + на левом боку, ноги вытянуты
- 7. На левом боку, ноги вытянуты
- 8. На правом боку, ноги подогнуты + на левом боку, ноги вытянуты
- 9. На левом боку, ноги подогнуты + на правом боку, ноги вытянуты
- 10. Чучело коня
- 11. 1+2
- 12. 1+3
- 13. На спине, ноги подогнуты к туловищу
- 14. Кони с колесницей.

VI. ДЕТАЛИ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТЮМА

63. а. Бусы в погребении.

- 0. Нет
- 1. На шее
- 2. На шее и груди
- 3. На груди
- 4. На шее, груди и в стороне
- 5. В стороне
- 6. На шее и в стороне
- 7. На груди и в стороне
- 8. 1+9
- 9. На тазе

10. 1+3+5+9

11. 1+3+9

12. 5+9

13. У пояса

14. 3+13

15. В районе черепа.

64. б. Бусы в погребении.

- 0. Нет
- 1. На руках
- 2. На руках и на ногах
- 3. На ногах
- 4. На руках, ногах и в шкатулке
- 5. В шкатулке
- 6. На руках и в шкатулке
- 7. На ногах и в шкатулке
- 8. Положение бус неизвестно
- 9. В зольном пятне
- 10. В урне
- 11. Рядом с урной
- 12. Под костяком
- 13. Между ног
- 14. В заполнении
- 15. При костяке лошади

65. а. Наличие драг. металлов в бляшках

- 0. Нет
- 1. Золото
- 2. Серебро
- 3. Золото + Серебро

66. а. Бляшки в погребении

- 0. Нет
- 1. На шее
- 2. На шее и груди
- 3. На груди
- 4. На шее, груди и в стороне
- 5. В стороне
- 6. На шее и в стороне
- 7. На груди и в стороне
- 8. На тазе
- 9. На колчане
- 10. 1+9
- 11. Наглазники

12. На ножнах
 13. 1+3+8
 14. 1+3+8+9
- 67. б. Бляшки в погребении**
0. Нет
 1. На руках
 2. На руках и на ногах
 3. На ногах
 4. На руках, ногах и в шкатулке
 5. В шкатулке
 6. На руках и в шкатулке
 7. На ногах и в шкатулке
 8. Положение неизвестно
 9. На черепе
 10. 2+9
 11. Между ног
 12. На покрывале
 13. 1+3+12
 14. 3+9
 15. На груди
- 68. а. Наличие драг. металлов в застежках**
0. Нет
 1. Золото
 2. Серебро
 3. Золото + Серебро
- 69. Застежки.**
0. Нет
 1. Фибула
 2. Фибула и булавка
 3. Булавка
 4. Пуговицы (костыльки, бубенчики)
 5. Фибула и пуговицы
 6. Две фибулы
 7. Три и более фибул
 8. Зажим.
 9. Костяные застежки.
 10. 7+9
- 70. а. Наличие драг. металлов в украшениях.**
0. Нет
 1. Золото
 2. Серебро
 3. Золото + Серебро
- 71. б. Украшения.**
0. Нет
 1. Серьги
 2. Серьги и ручные браслеты
 3. Ручные браслеты
 4. Серьги и перстень
 5. Перстень
 6. Ручные браслеты и перстень
 7. Серьги, ручные браслеты и перстень
 8. Подвески
- 72. в. Украшения.**
0. Нет
 1. Гривна
 2. Гривна и поясной набор
 3. Поясной набор
 4. Гривна и ножные браслеты
 5. Ножные браслеты
 6. Поясной набор и ножные браслеты
 7. Гривна, поясной набор и ножные браслеты
 8. Бисер.
 9. Серебряный цилиндрок
 10. стеклянная подвеска / серьга
 11. серебряные напершия
- 73. а. Наличие драг. металлов в пряжках**
0. Нет
 1. Золото
 2. Серебро
 3. Золото + Серебро
- 74. Пряжки.**
0. Нет
 1. Поясная
 2. Поясная и обувные
 3. Обувные
 4. Поясная и портупейная

5. Портупейная
6. Наконечник пояса
7. 1+6
8. 5+9
9. Застёжка ворота
10. 1+3+5

75. а. Наличие драг. металлов в особых деталях костюма

0. Нет
1. Золото
2. Серебро
3. Золото + Серебро

76. Особые детали костюма.

0. Нет
1. Нагрудные фалары
2. Распрямленная гривна
3. Детали женского головного убора
4. Диадема
5. Ворворка
6. Золотое шитье
7. Наплечная сетка из золотых пронизей
8. Венок
9. 4+8
10. Маска
11. Гемма
12. Медальон

VII. ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА

77. Зеркало.

0. Нет
1. Фрагмент
2. Разбитое зеркало
3. Целое зеркало
4. Зеркало на цепочке

78. а. Наличие драг. металлов в туалетном наборе

0. Нет
1. Золото
2. Серебро
3. Золото + Серебро

79. б. Туалетный набор

0. Нет
1. Ногтечистка
2. Ногтечистка и копоушка
3. Копоушка
4. Ногтечистка и зубочистка
5. Зубочистка
6. Копоушка и зубочистка
7. Ногтечистка, копоушка и зубочистка
8. Стригел.

80. в. Туалетный набор

0. Нет
1. Ложечка
2. Ложечка и кисточка
3. Кисточка
4. Ложечка и пинцет
5. Пинцет
6. Ложечка, кисточка и пинцет
7. Гребень

81. а. Туалетные сосуды.

0. Нет
1. Глиняный мелкий сосуд
2. То же + стеклянный сосудик
3. Стеклянный мелкий сосуд

82. б. Туалетные сосуды.

0. Нет
1. Горшочек с краской
2. То же + алебастровый сосудик
3. Алебастровый или мраморный сосудик
4. Туалетная мисочка
5. Вазочка
6. 4+5

83. Шкатулки

0. Нет
1. Детали шкатулки
2. То же + пиксида
3. Пиксида костяная
4. Пенал
5. Пиксида/кальпида/лекана глиняная
6. деревянная пиксида.

7. 5+6

VIII. ОРУДИЯ ТРУДА**84. а. Мелкие орудия труда.**

0. Нет
1. Нож
2. Нож + Оселок
3. Оселок
4. Нож + Пряслице
5. Пряслице
6. Оселок + Пряслице
7. Нож + Оселок + Пряслице
8. Гвозди.
9. 1+8
10. 5+8
11. 6+8

85. б. Мелкие орудия труда.

0. Нет
1. Игла (игольник)
2. Игла + Шило
3. Шило
4. Игла + Проколка
5. Проколка
6. Шило + Проколка
7. Игла + Шило + Проколка
8. 3 + наперсток
9. Наперсток.

86. а. Крупный инструмент

0. Нет
1. Тесло
2. Стамеска
3. Ложкорез
4. Пила
5. Бурав

87. б. Крупный инструмент

0. Нет
1. Зубило
2. Клещи
3. Напильник
4. Набор ювелира
5. Зубило + Клещи
6. Зубило + Напильник

7. Клещи + Напильник

8. Зубило + Клещи + Напильник

9 музыкальный инструмент

88. в. Крупный инструмент

0. Нет
 1. Серп
 2. Серп + Ножницы
 3. Ножницы
 4. Коса
 5. Зернотерка
 7. Корнекопалка
 8. 5+8
- Тёрочник
8. пластина металлическая хоз. наз.

89. г. Крупный инструмент

0. Нет
1. Кочедык
2. Кабаний клык для заглаживания швов
3. Лоцило
4. Пест(терочник)
5. Бронзовая удочка

6. крюк железный

90. а. Утварь.

0. Нет
1. Вертел
2. Вертел + Очажная цепь
3. Очажная цепь
4. Вертел + Вилка
5. Вилка
6. Очажная цепь + Вилка
7. Вертел + Очажная цепь + Вилка
8. Солонка
9. Цедилка/ ситечко
10. рыбное блюдо
11. 8+10
- 12 8+5
13. патера.

91. б. Утварь.

0. Нет
1. Кремень

2. Кремень + Кресало
3. Кресало
4. Ногайка
5. Черпак.
6. Светильник.
7. лутерий.
8. стержень
9. свинцовый слиток (для крепежа)
10. гутус
11. железный кол
12. стилос.
13. протез
14. кимвал
15. щипчики

IX. АТТРИБУТЫ КУЛЬТА

92. а. Амулеты.

0. Нет
1. Каури
2. Рапан
3. Створчатая раковина
4. Аммонит
5. Белемнит
6. Необработанный камень
7. Реальгар.
8. Пемза
9. Золотой самородок
10. 3+7

93. б. Амулеты.

0. Нет
1. Клык кабана
2. Коготь хищника или грызуна
3. Зуб оленя
4. Просверленная кость
5. Позвонки крупного животного
6. Астрагалы
7. Скарабей
8. Зуб коровы
11. Рог оленя
12. Зуб овцы
13. Зуб лошади

94. в. Амулеты.

0. Нет

1. Египетский фаянс
2. Египетский фаянс + «Ведерко»
3. «Ведерко»
4. Египетский фаянс +
Металлическая модель орудия или котла
5. Металлическая модель орудия или котла
6. «Ведерко» + Металлическая модель орудия или котла
7. Египетский фаянс + «Ведерко» + Металлическая модель орудия или котла
8. Стекло
9. Амулетница

95. г. Амулеты.

0. Нет
1. Лунница
2. Фаллический антропоморф
3. Всадник («Уастырджи».
«Тангра»)
4. Всадник («Уастырджи».
«Тангра») + Солярная подвеска
5. Солярная подвеска
6. Двухконьковая подвеска
7. Подвеска с верблюжьими головками
13. Поясные привески
14. Антропоморфные подвески
15. Антропоморфные статуэтки
16. Зооморфные статуэтки
17. 10+11
18. 13. Диск
19. 12+13

96. г. Амулеты (особые случаи).

0. Нет
1. Монета
2. Горгонейон
3. Бронзовый (каменный)
наконечник стрелы
4. Нуклеус, оправленный в золото

5. Полудрагоценный камень, оправленный в золото
 6. Монета во рту
 7. 1+6
 8. 2+6
 9. Золотые обкладки.
 10. Маски
- 97. Алтари.**
0. Нет
 1. Каменный (столик, блюдо, плита)
 2. Деревянный (миска, столик, лоток)
 3. Керамический (миска с костями животных)
 4. 1+2
- 98. Культовые сосуды.**
0. Нет
 1. Курильница(ы)
 2. Курильница(ы) + Сосуд с гальками
 3. Сосуд с гальками
 4. Сосуд с цепью
 5. Сосуд с гальками + Сосуд с цепью
 6. Курильница(ы) + Сосуд с гальками + Сосуд с цепью
 7. Сосуд с румянами
 8. Миска с гальками
 9. 4+8
 10. 1+8
 11. Керамическая фиала
 12. Трехгорлый сосуд
- 99. Орудия для жертвоприношения**
0. Нет
 1. Нож с костями животных
 2. Большие жертвенные ножи
 3. Каменный топор (молот)
 4. Нож с костями животных + Каменный топор (молот)

5. Большие жертвенные ножи + Каменный топор (молот)
 6. Нож с костями животных + Большие жертвенные ножи + Каменный топор (молот)
- 100. Другие атрибуты культа.**
0. Нет
 1. Ложечка
 2. Пенал бинатыхысау
 3. Черепаший панцирь
 4. Опий-сырец
 5. Галька вне сосуда
 6. Цепь вне сосуда
 7. 5 + 6
 8. Каменные «молоточки»
 9. Яичная скорлупа в могиле

101. Краски

0. Нет
1. Белая
2. Белая + Красная
3. Красная
4. Белая + Желтая
5. Желтая
6. Черная
7. Зеленая
8. 3 + 5 + 6
10. Синяя («купорос»)
11. 1+3+5
12. 1+7

X. ЖЕРТВЕННАЯ ПИЩА

102. Овца (часть туши)

0. Нет
1. Целая туша
2. Ребра
3. Ноги
4. Лопатка
5. Череп (челюсть)
6. 2 + 3
7. 3 + 5
8. Не установлено

11. 2+3+5

12. 2+4.

13. 3+4

103. Овца (местоположение)

0. Нет

1. В головах погребенного

2. Справа

3. В ногах

4. Слева

5. На алтаре (в миске)

6. Между ног

7. Слева + На алтаре (в миске)

8. Справа + На алтаре (в миске)

9. На древнем горизонте

10. На ногах (ноге)

11. 1 + 3

12. 5 + 10

13. 2 + 3 + 5

14. 1 + 2

16. В заполнении

17. 2+15

18. Не установлено

19. 3+4

20. 3+15

21. 2+5+15

22. В насыпи

23. В котле

24. 2+3

25. 4+15

26. 1+3+4

27. В стороне

28. 1+15

104. Конь, корова (часть туши)

0. Нет

1. Ребра коня

2. Череп коня

3. Ноги коня

4. Туша коровы

5. Ребра коровы

6. Ноги коровы

7. Зубы коня

8. 3 + 4

9. 2 + 3

10. Челюсть коровы

11. 5+6

12. Череп коровы+1+3

13. 1+3

14. 1+2+3+10

15. 2+5

16. 1+5+6

17. 1+2+6

18. не установлено.

19. 6+10

20. череп коровы.

21. Зуб коровы.

22. рога

23. 1+6

24. 20+6

105. Конь, корова**(местоположение)**

0. Нет

1. В головах погребенного

2. Справа

3. В ногах

4. Слева

5. На алтаре (в миске)

6. Во входной яме

7. 2 + 3

8. Не установлено

9. В заполнении

10. 1+6

11. В насыпи

12. 5+9

13. 1+2

14. 2+9

15. В стороне

16. 4+в котле

17. На древнем горизонте

18. 2+в котле

19. В ногах

106. Свинья, косуля (часть туши)

0. Нет

1. Череп свиньи

2. Туша свиньи

3. Череп косули
4. Ноги косули
5. Кость ноги + череп свиньи
6. Кости свиньи (ребра)
7. Кости ног свиньи
8. Клык свиньи
9. 3+4
10. 1+2

**107. Свинья, косуля
(местоположение).**

0. Нет
1. В головах погребенного
2. Справа
3. В ногах
4. Слева
5. На алтаре (в миске)
6. 4 + 5
7. 1 + 4
11. Не установлено
12. Между ног

108. Иные животные (порода)

0. Нет
1. Собака
2. Птица
3. Змея
4. Рыба
5. Не установлено
6. б.кости быка
7. 7. Олений рог

**109. Иные животные
(местоположение)**

0. Нет
1. В головах погребенного
2. Справа
3. В ногах
4. Слева
5. В миске
8. В заполнении (в ВЯ)
9. Под головой
10. Поперёк костяка
11. Не установлено
12. В нише

110. Характер подкурганного погребения

0. Не курганное погребение
1. Впускное в насыпь эпохи бронзы
2. Впускное в насыпь РЖВ
3. Впускное в насыпь средневековья
4. Впускное в насыпь кургана-кладбища своей АК
5. Основное

111. Культовые жезлы

0. Нет
1. Жезл
2. Треножник

112. Узкая дата (2)

0. узкая дата не определяется

1. VI век первая четв.

2. вторая четв.

3. третья четв.

4. четв. четверть

5. рубеж VI–V вв.

6. V век первая четв.

7. вторая четв.

8. третья четв.

9. четв. четверть

10. рубеж V–IV вв.

11. IV в. первая четв.

12. вторая четв.

13. третья четв.

14. четв. четверть

15. рубеж IV–III вв.

113. Наличие в погребении инвентаря и / или останков жертвенной пищи (вспомогательный)

0. нет

1. есть

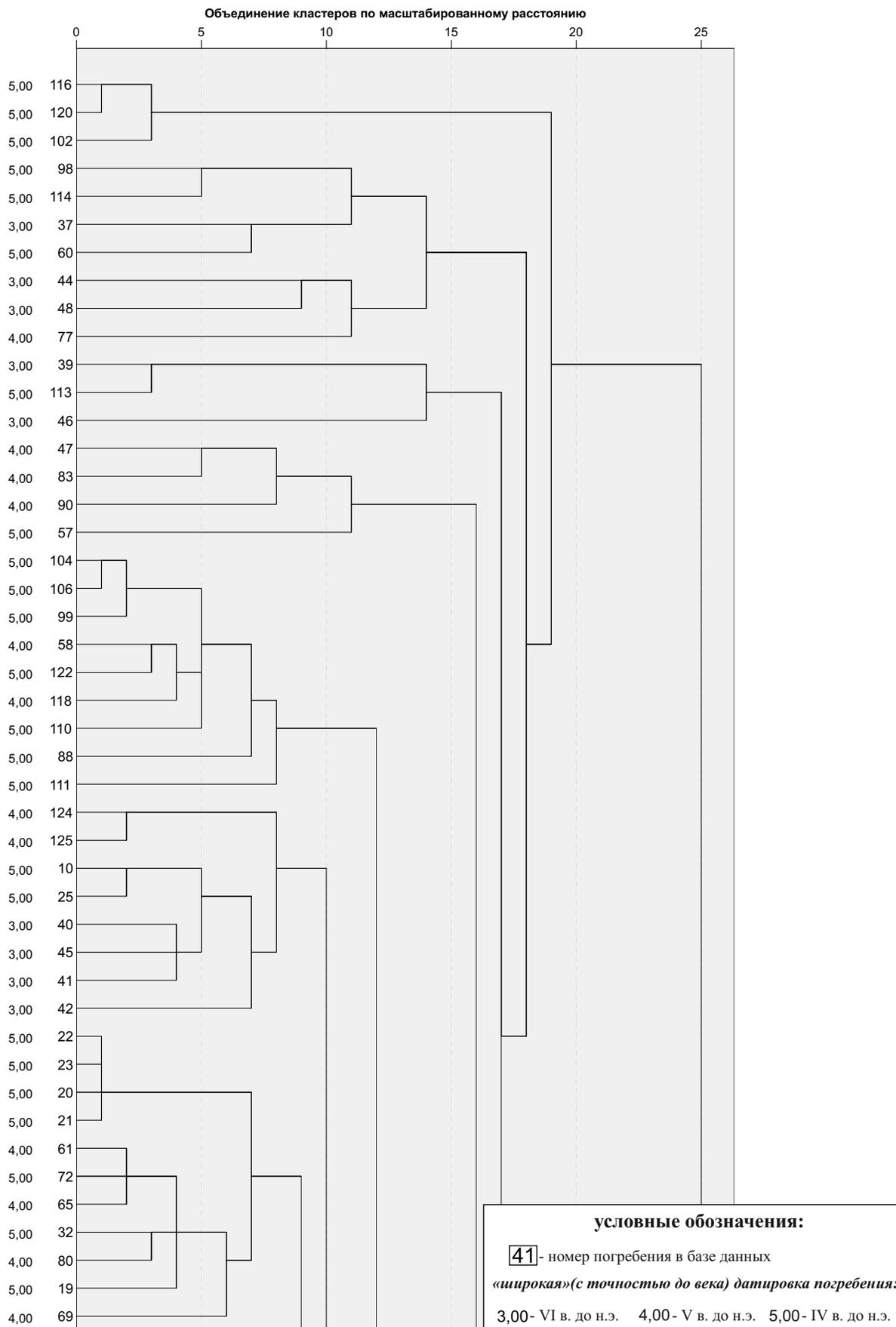
114. Антропологический тип

1. Абрамова А

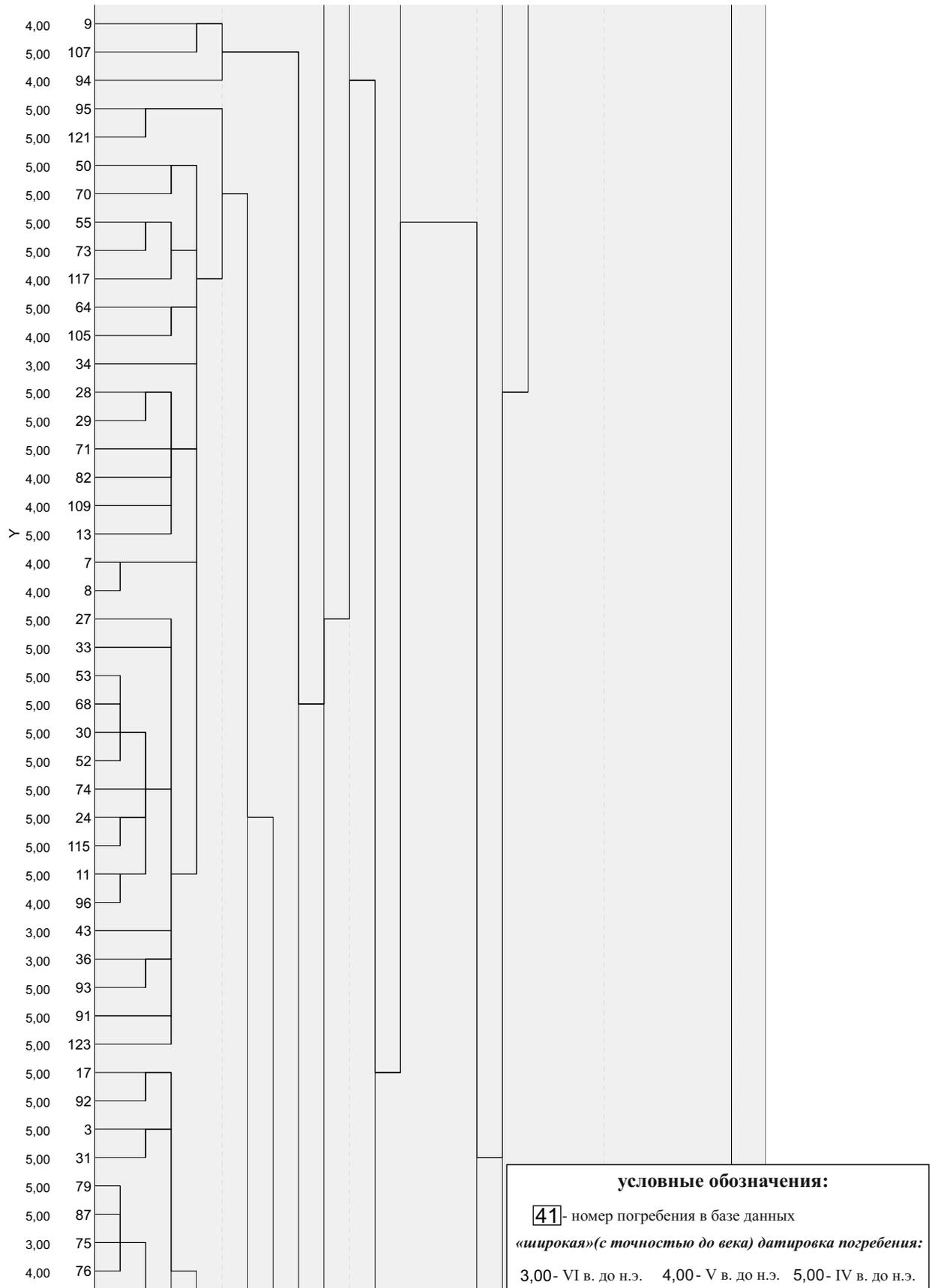
2. Абрамова Б

3. Абрамова В

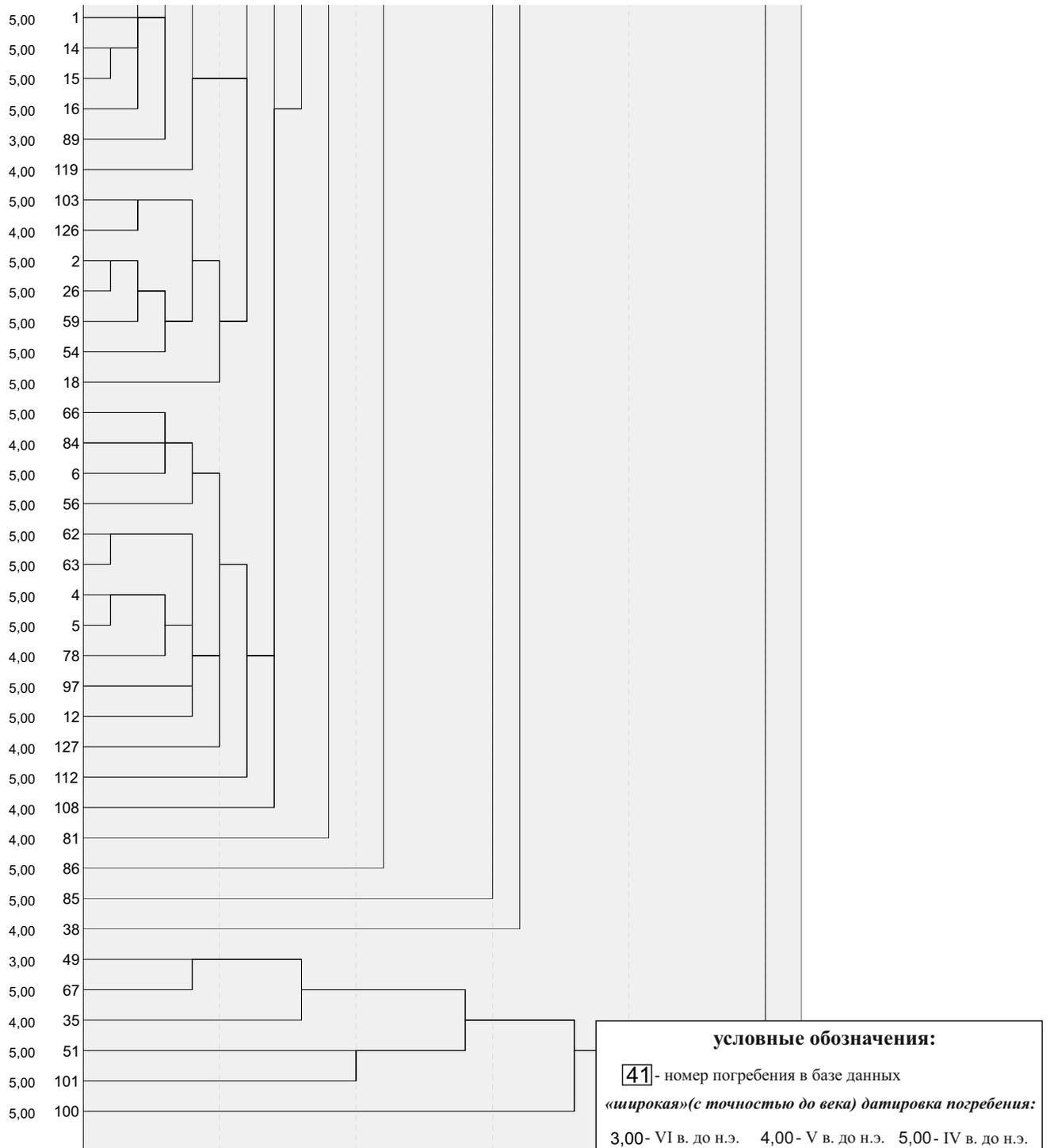
Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей

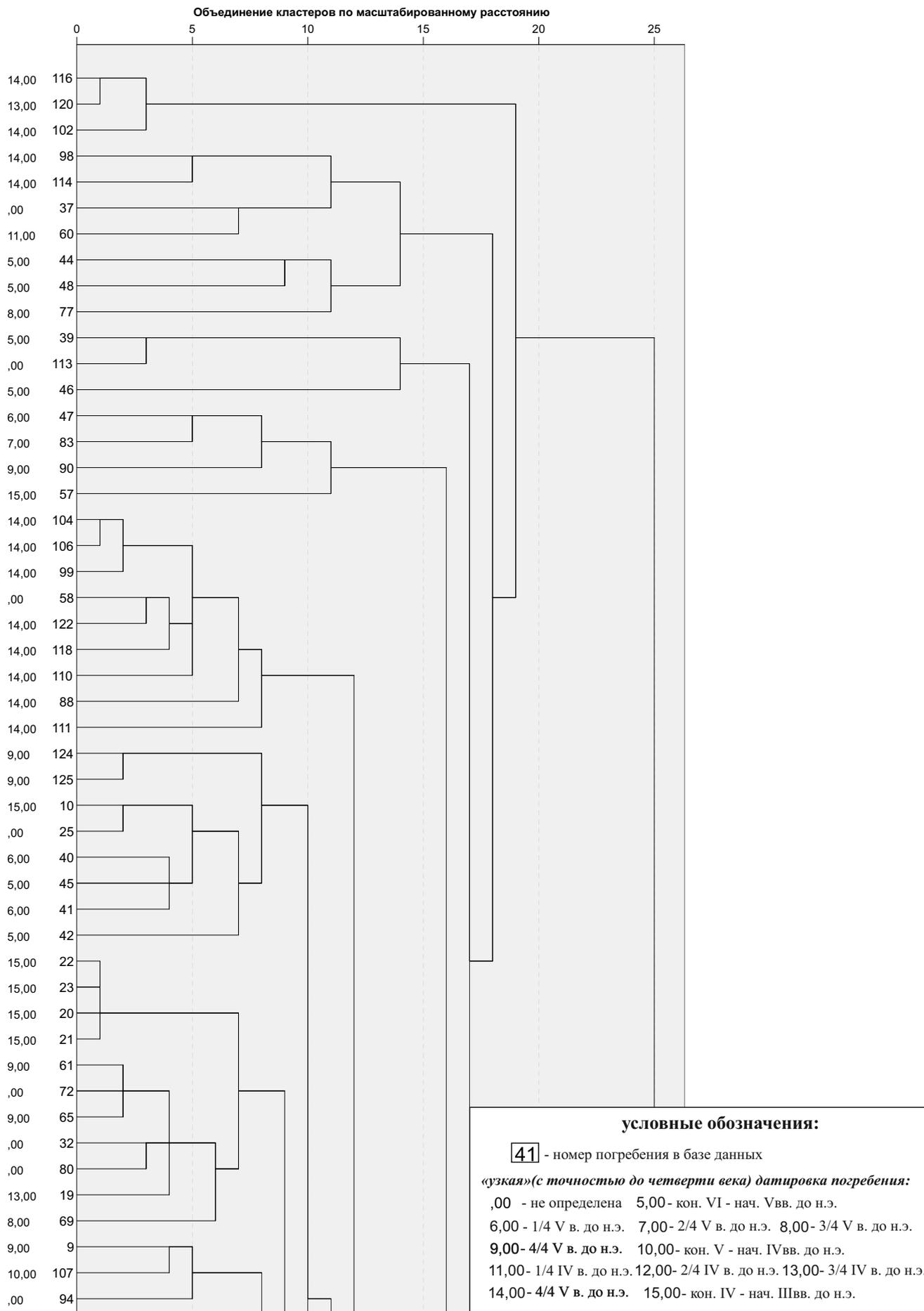
Граф. 1. Некрополь Фанагории. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

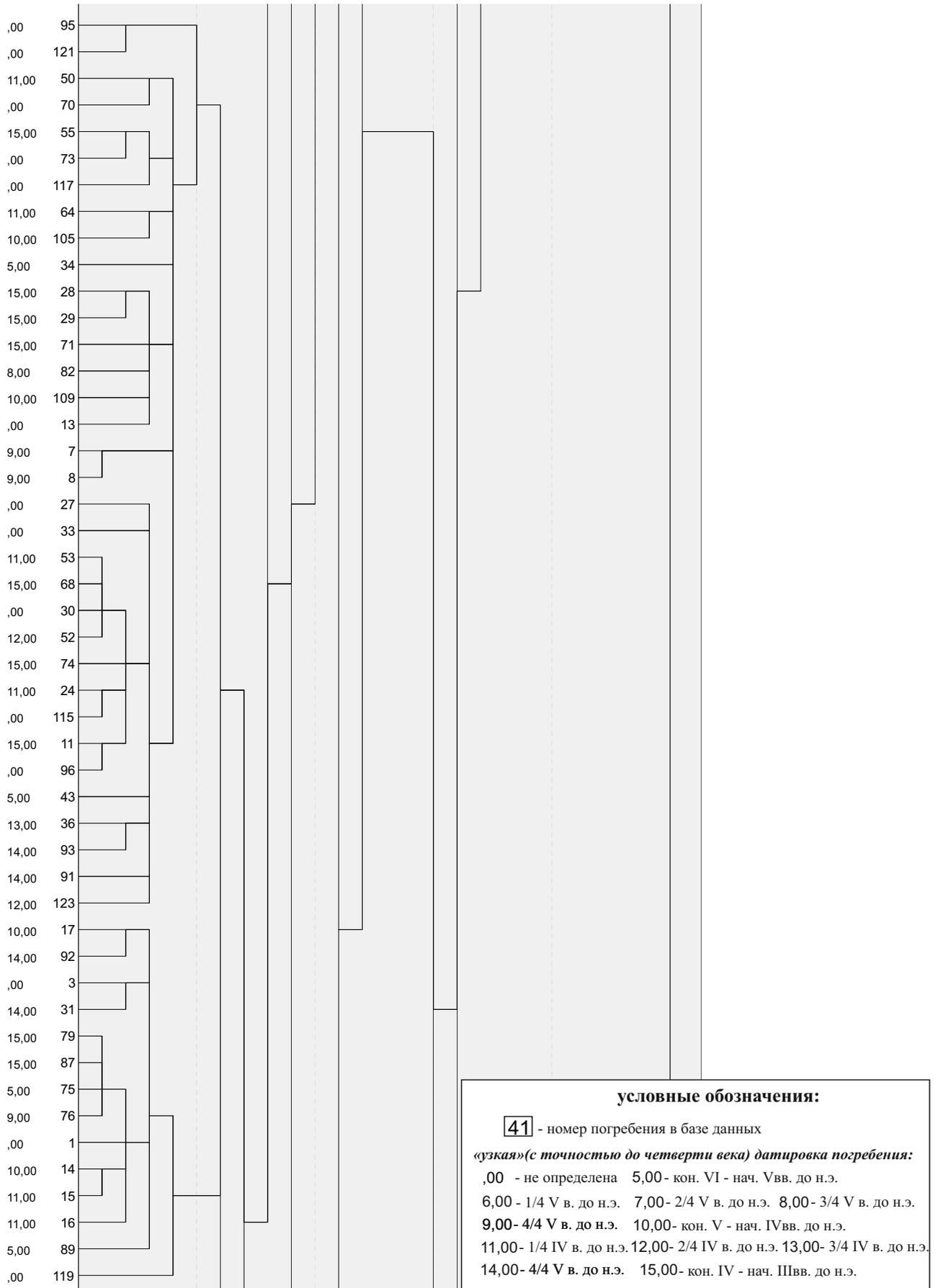
Граф. 1(продолжение). Некрополь Фанагории. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

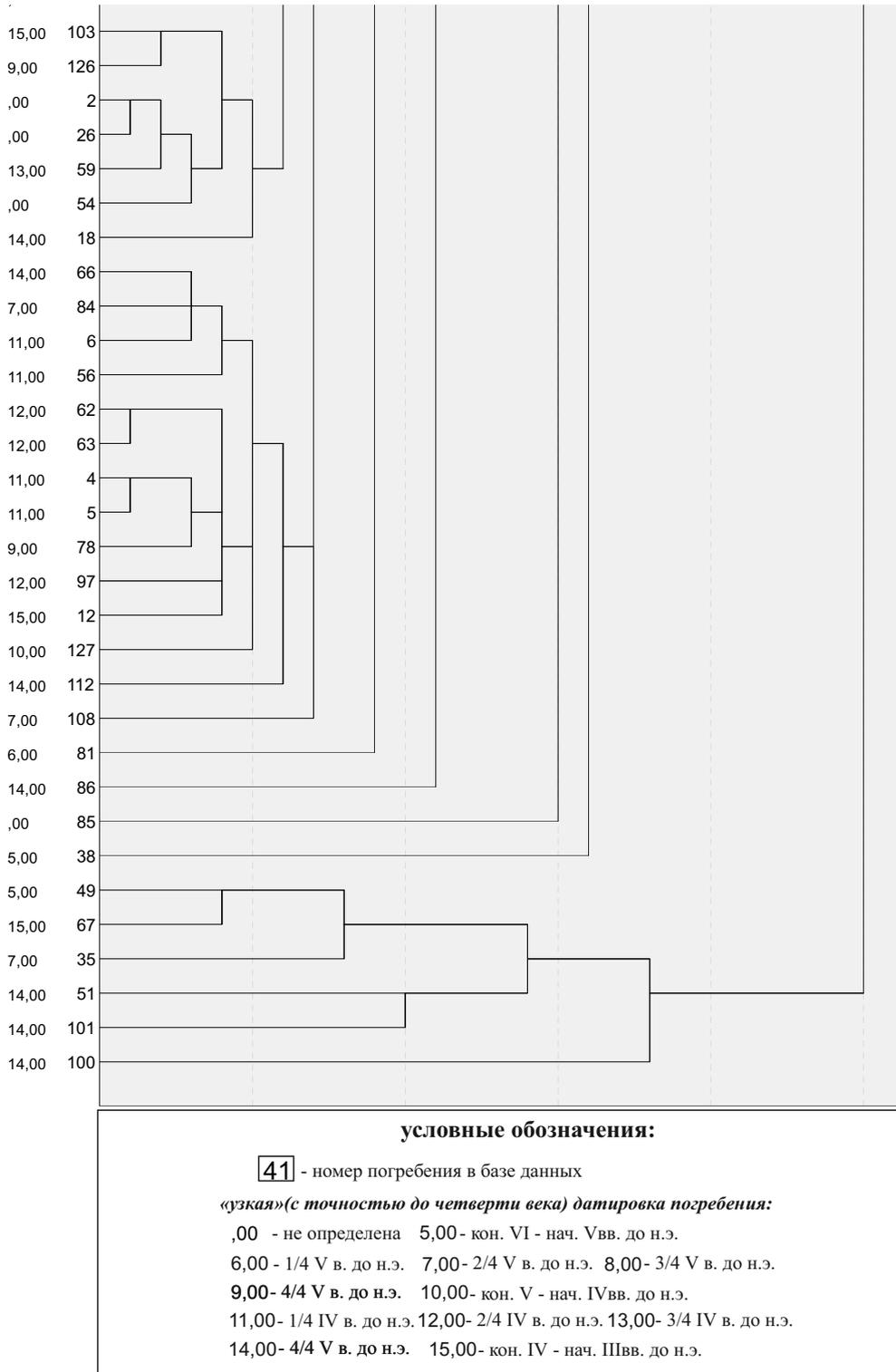
Граф. 1(продолжение). Некрополь Фанагории. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

Граф. 2. Некрополь Фанагории. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

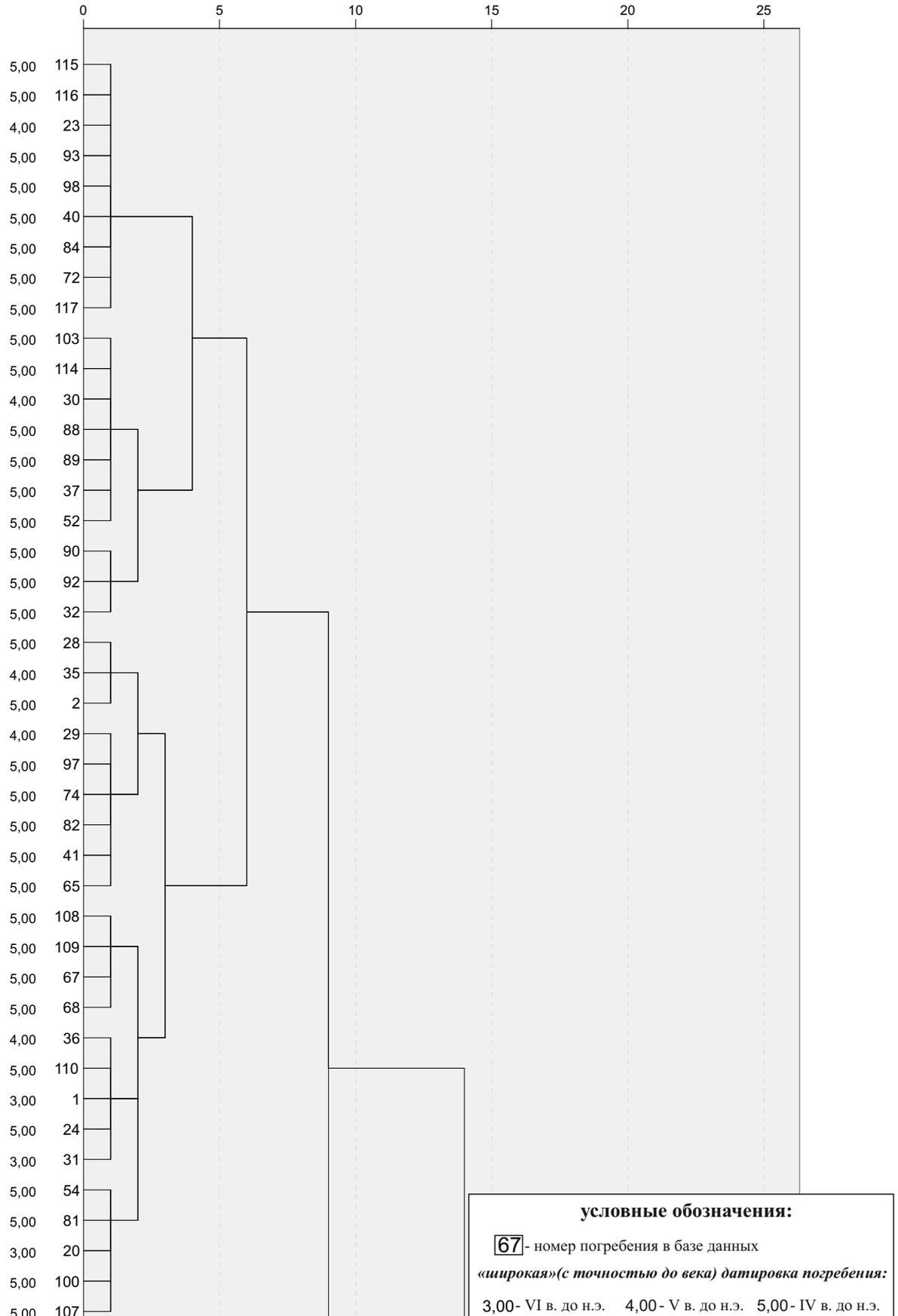
Граф. 2.(продолжение). Некрополь Фанагории. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

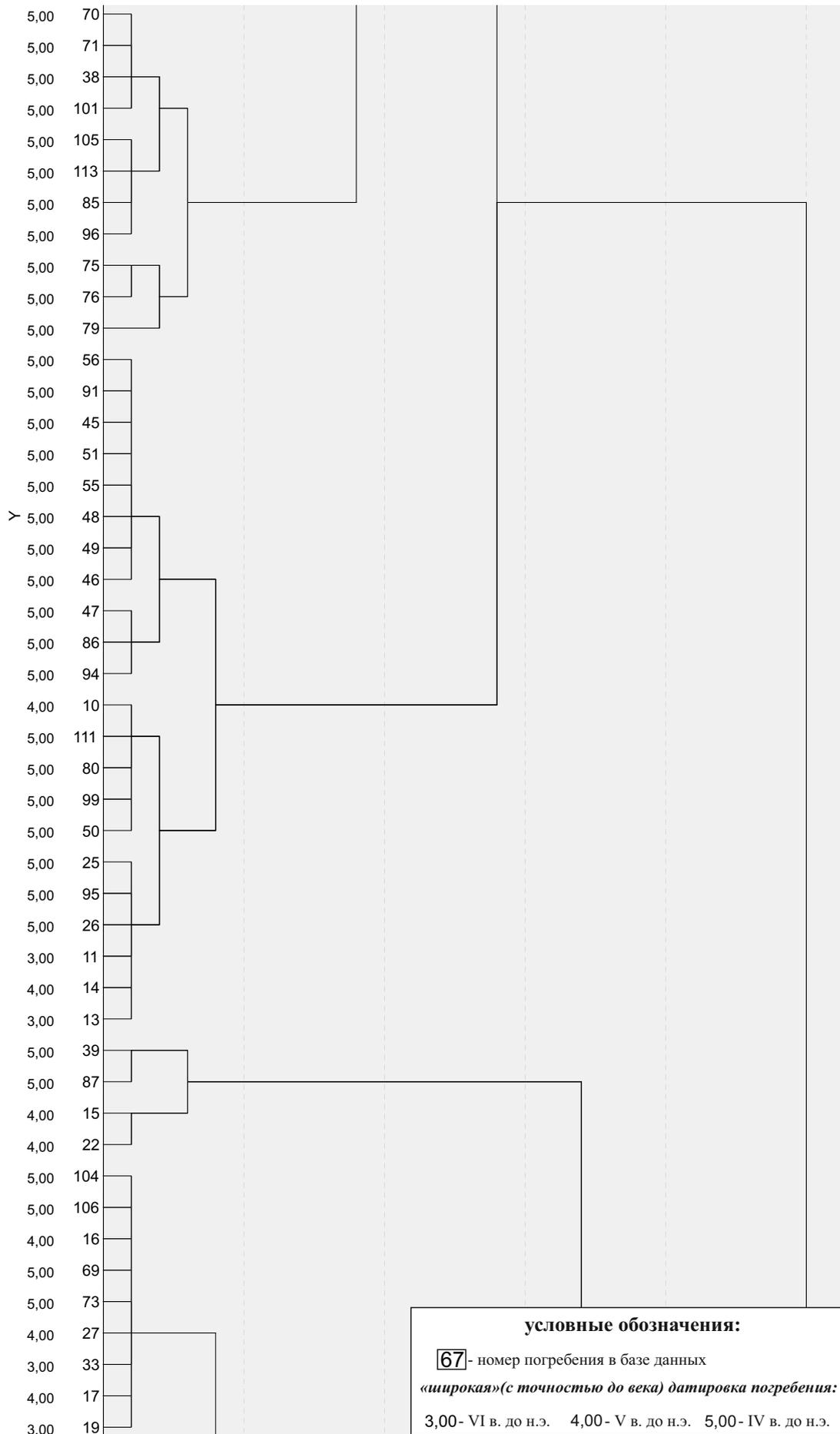
Граф. 2.(продолжение). Некрополь Фанагории. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

Дендрограмма с использованием метода Варда.

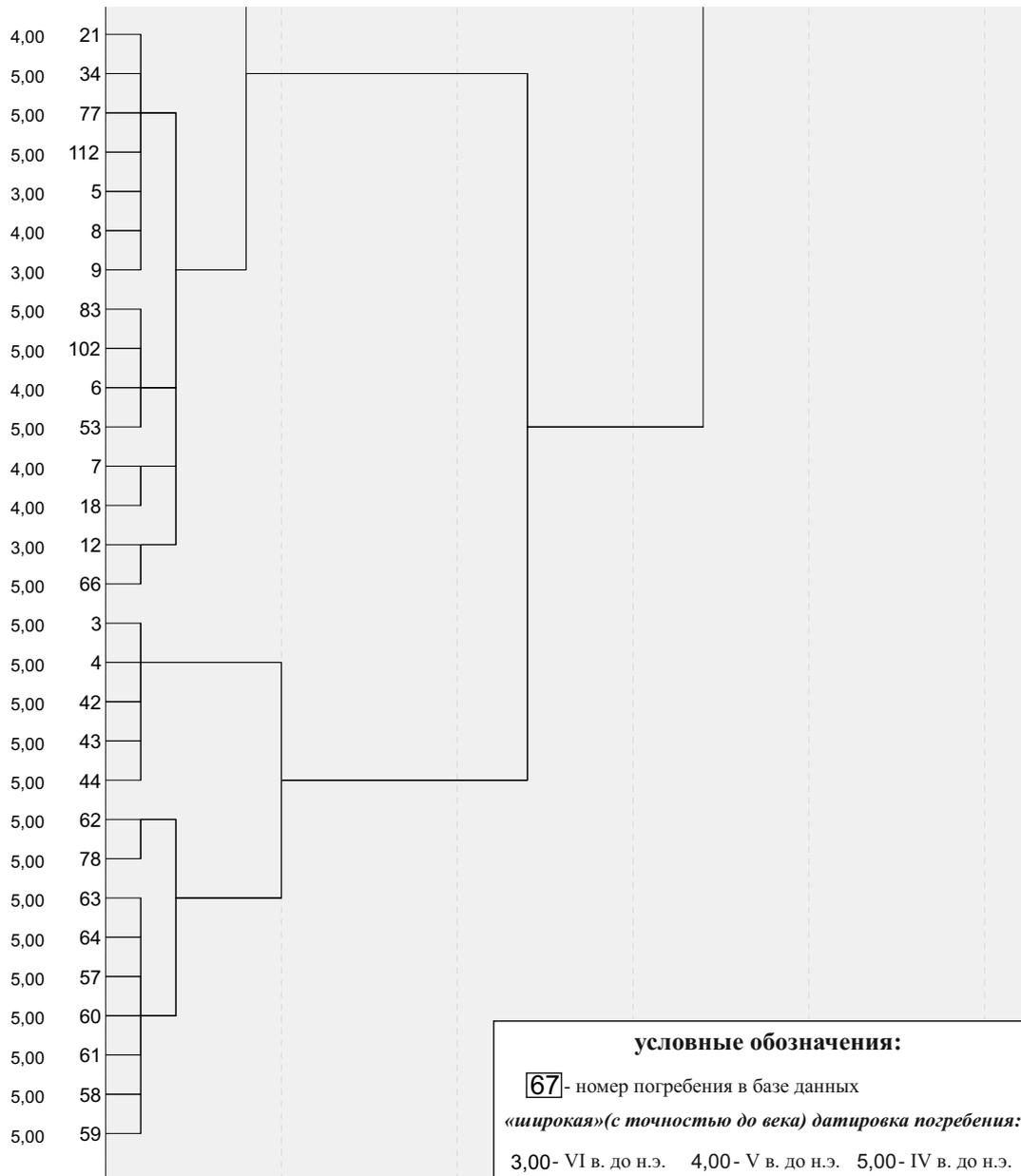
Объединение кластеров по масштабированному расстоянию

Граф. 3. Некрополь Гермонассы. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

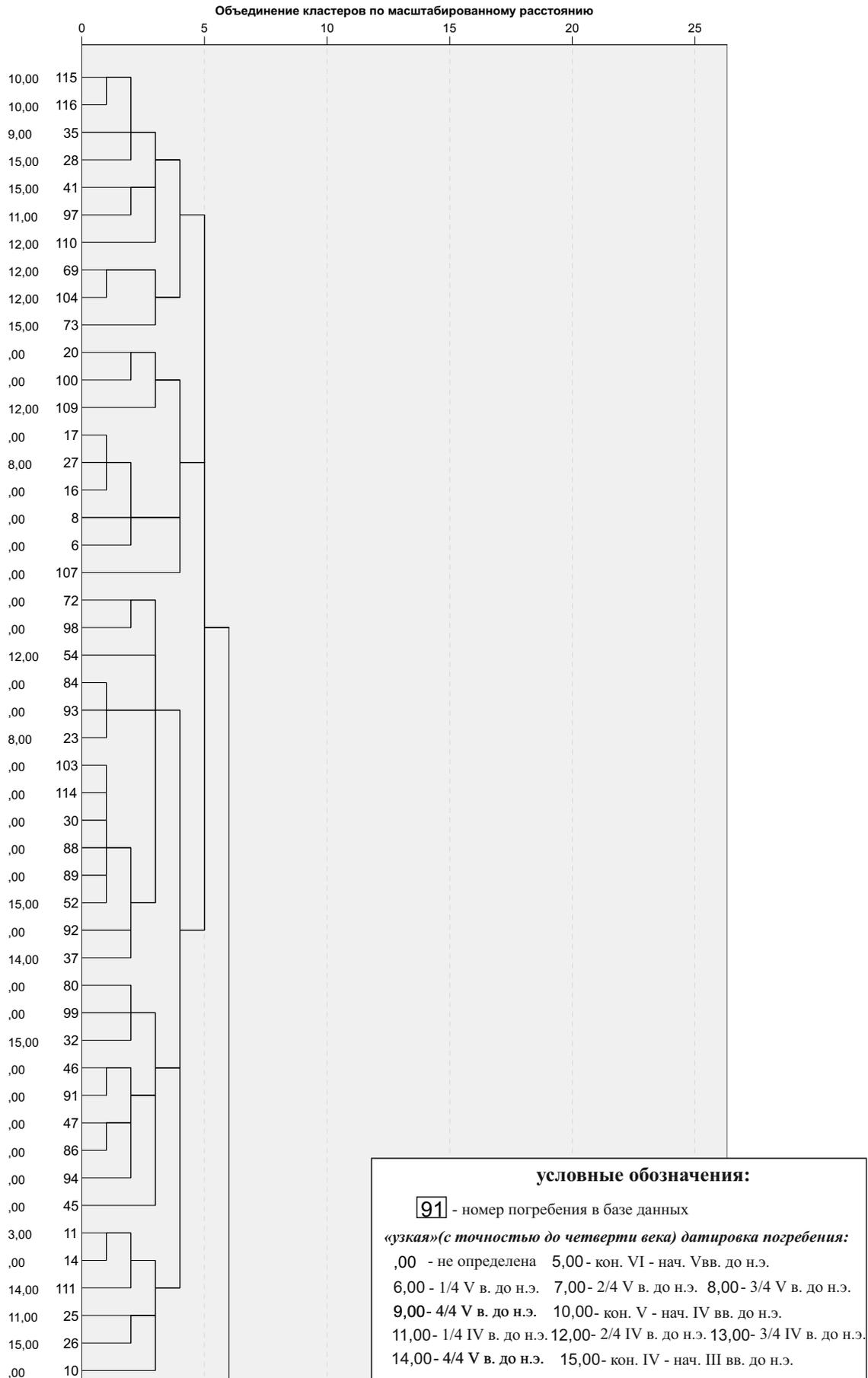

Граф. 3(продолжение). Некрополь Гермонассы. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

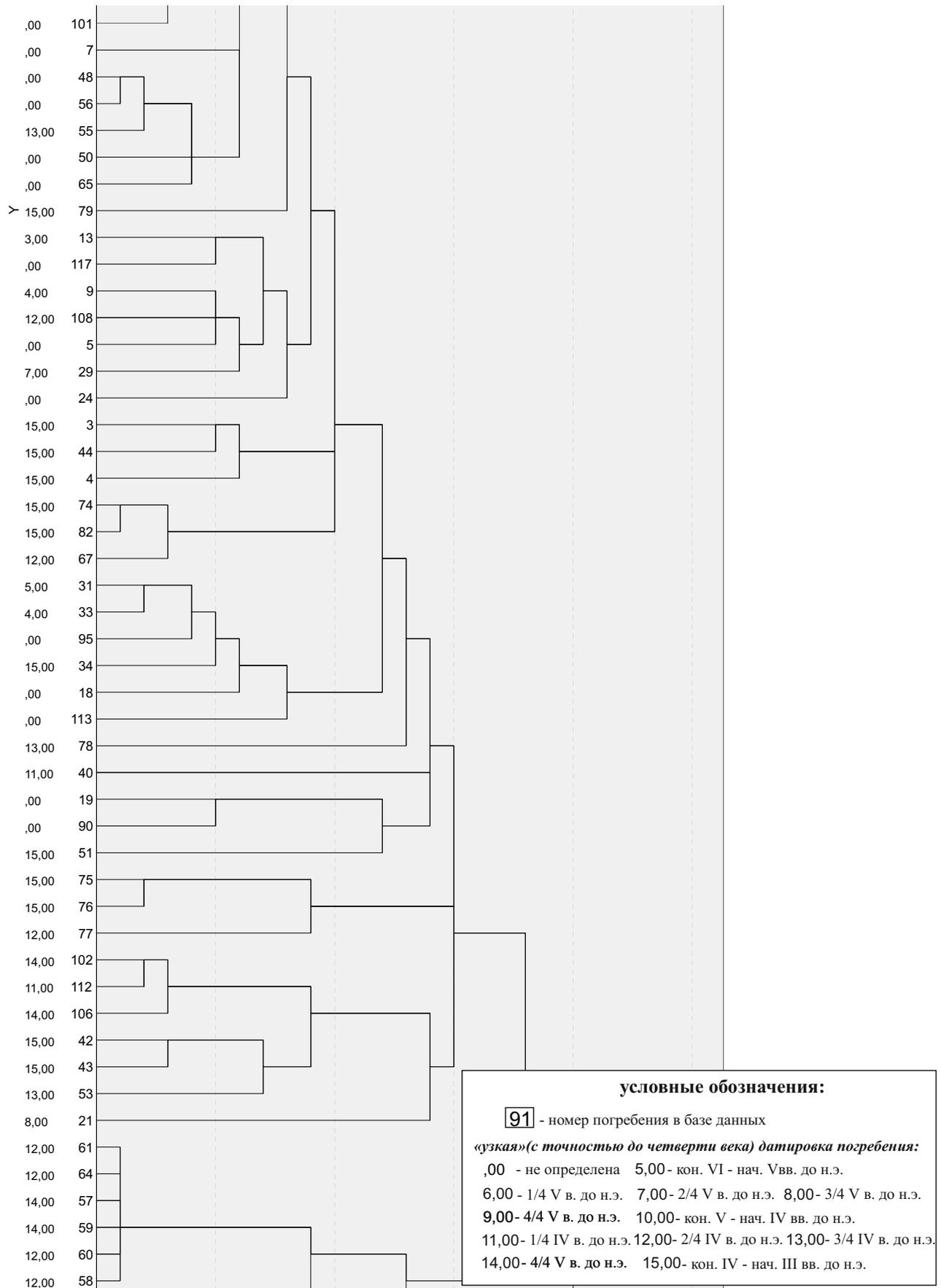

Граф. 3 (продолжение). Некрополь Гермонассы. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей

Граф. 4. Некрополь Гермонассы. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

Граф. 4.(продолжение) Некрополь Гермонассы. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

условные обозначения:

91 - номер погребения в базе данных

«узкая» (с точностью до четверти века) датировка погребения:

,00 - не определена 5,00 - кон. VI - нач. V вв. до н.э.

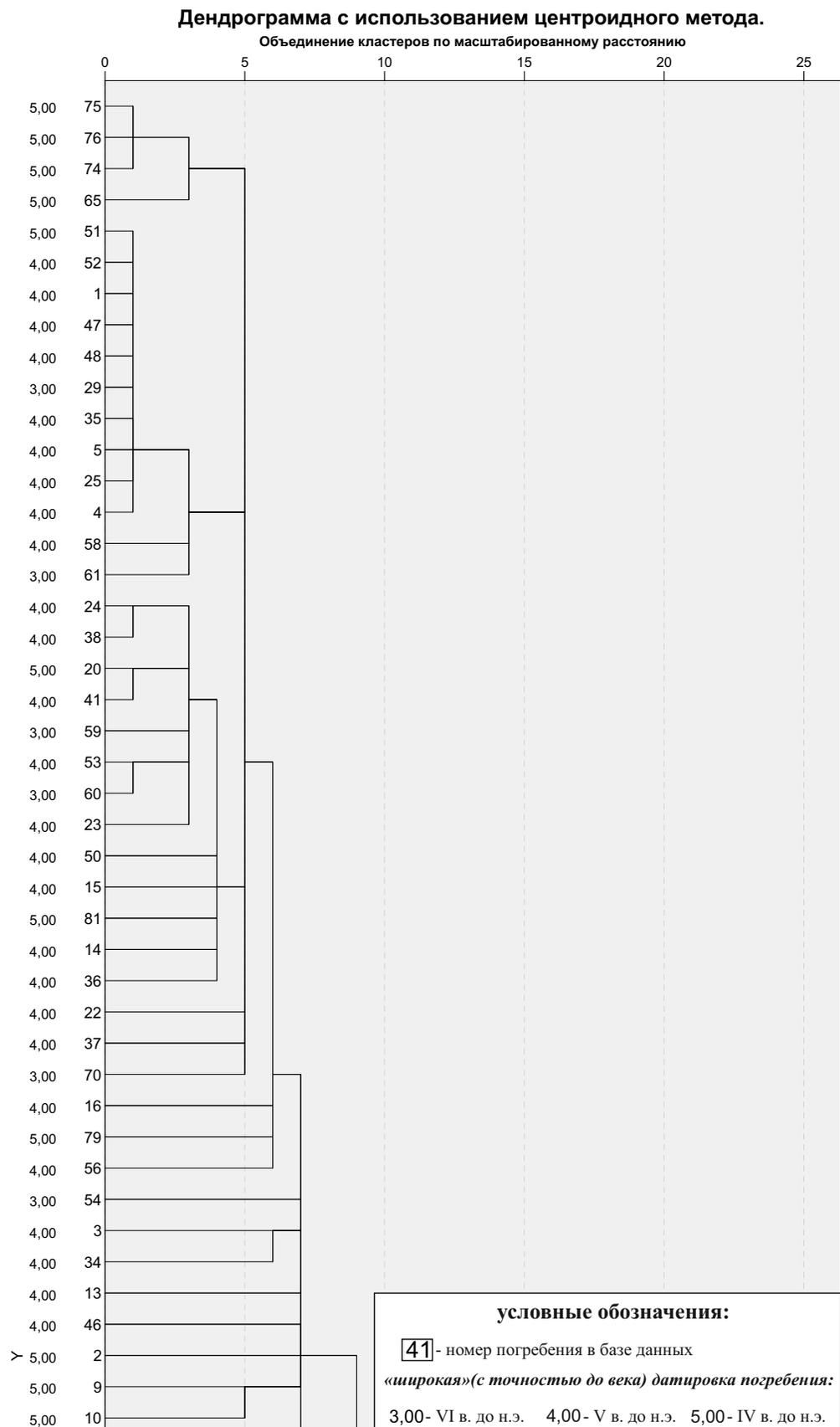
6,00 - 1/4 V в. до н.э. 7,00 - 2/4 V в. до н.э. 8,00 - 3/4 V в. до н.э.

9,00 - 4/4 V в. до н.э. 10,00 - кон. V - нач. IV вв. до н.э.

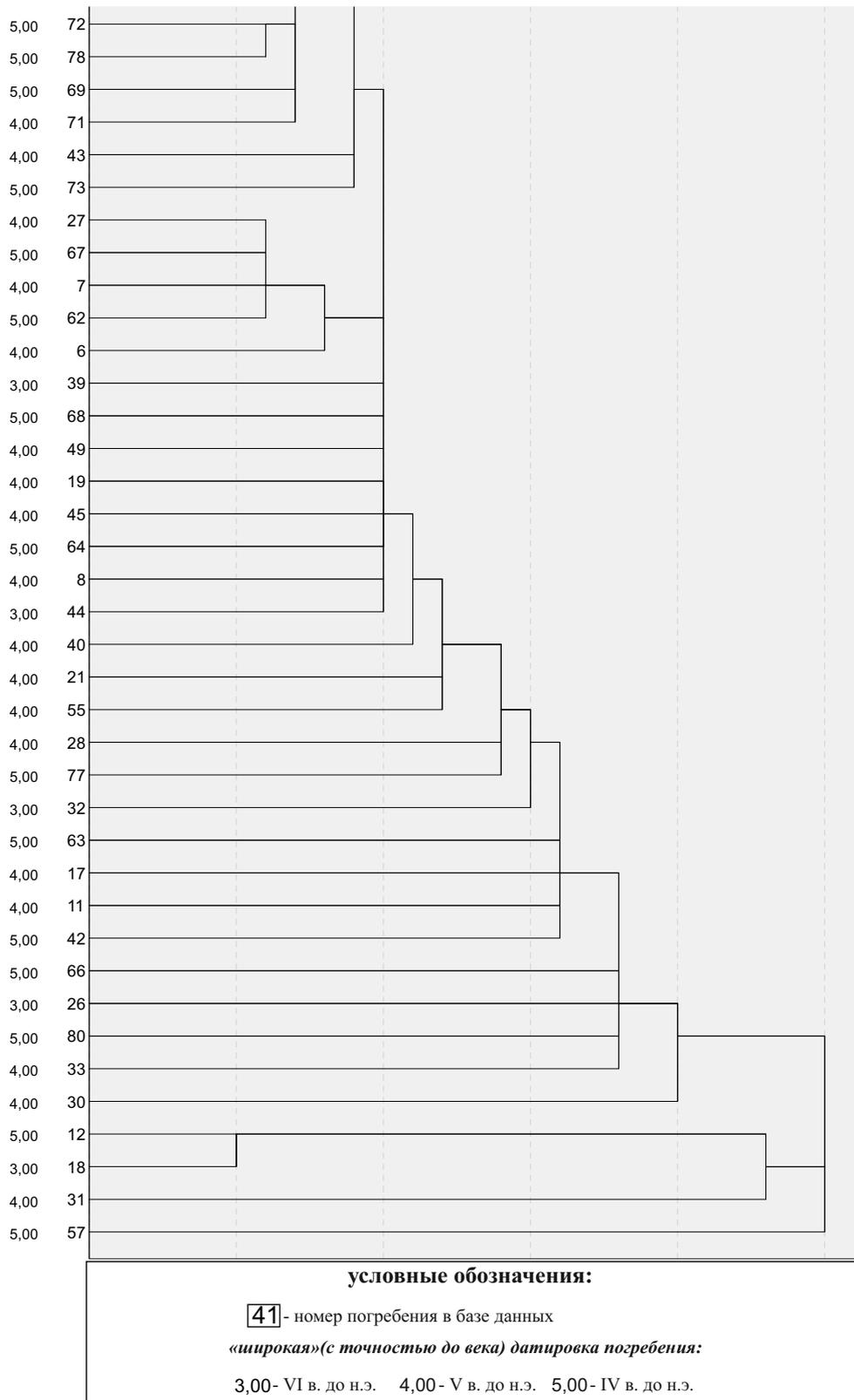
11,00 - 1/4 IV в. до н.э. 12,00 - 2/4 IV в. до н.э. 13,00 - 3/4 IV в. до н.э.

14,00 - 4/4 V в. до н.э. 15,00 - кон. IV - нач. III вв. до н.э.

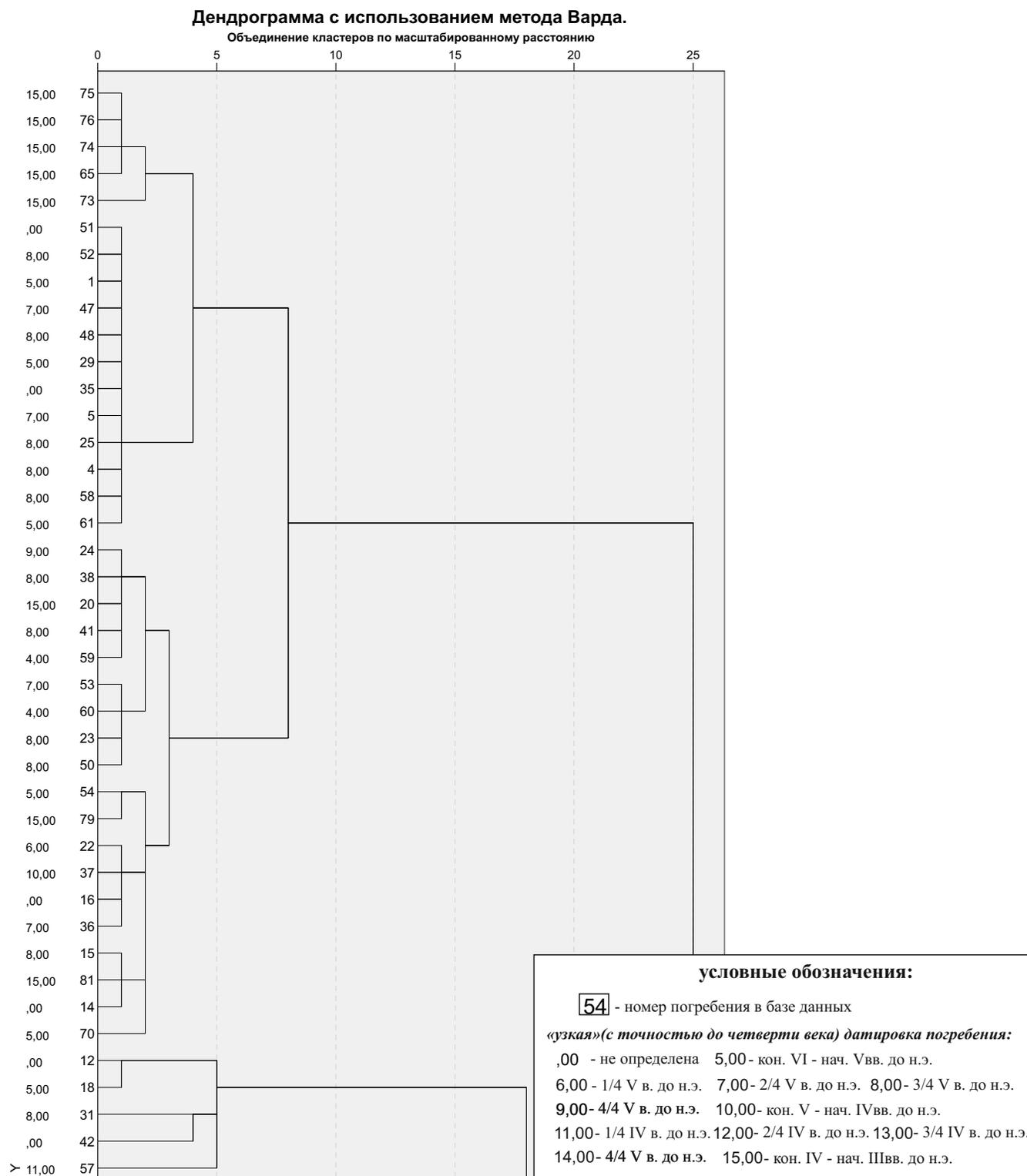
Граф. 4.(продолжение) Некрополь Гермонассы. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

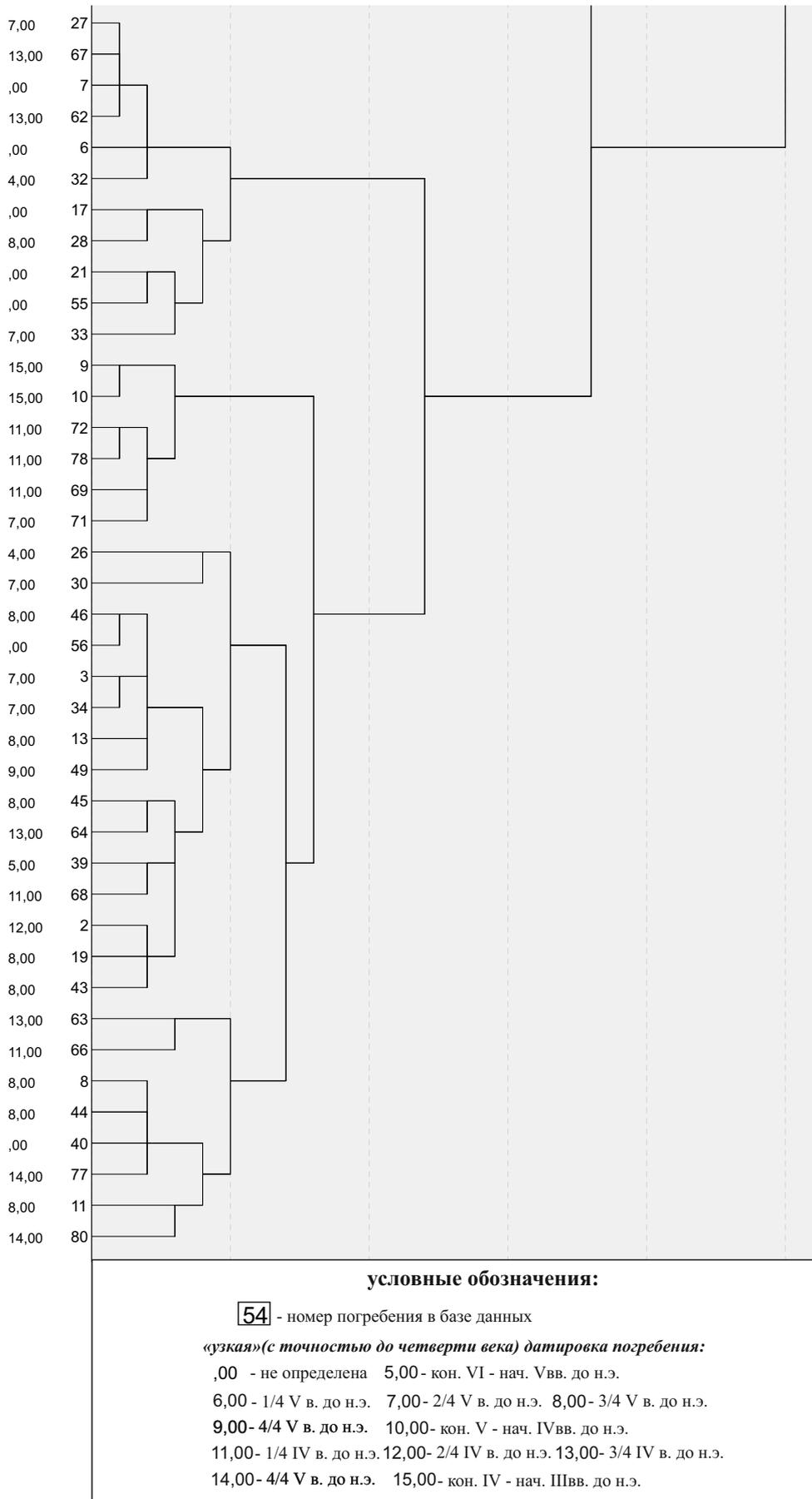
Граф. 5. Некрополь Кеп. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

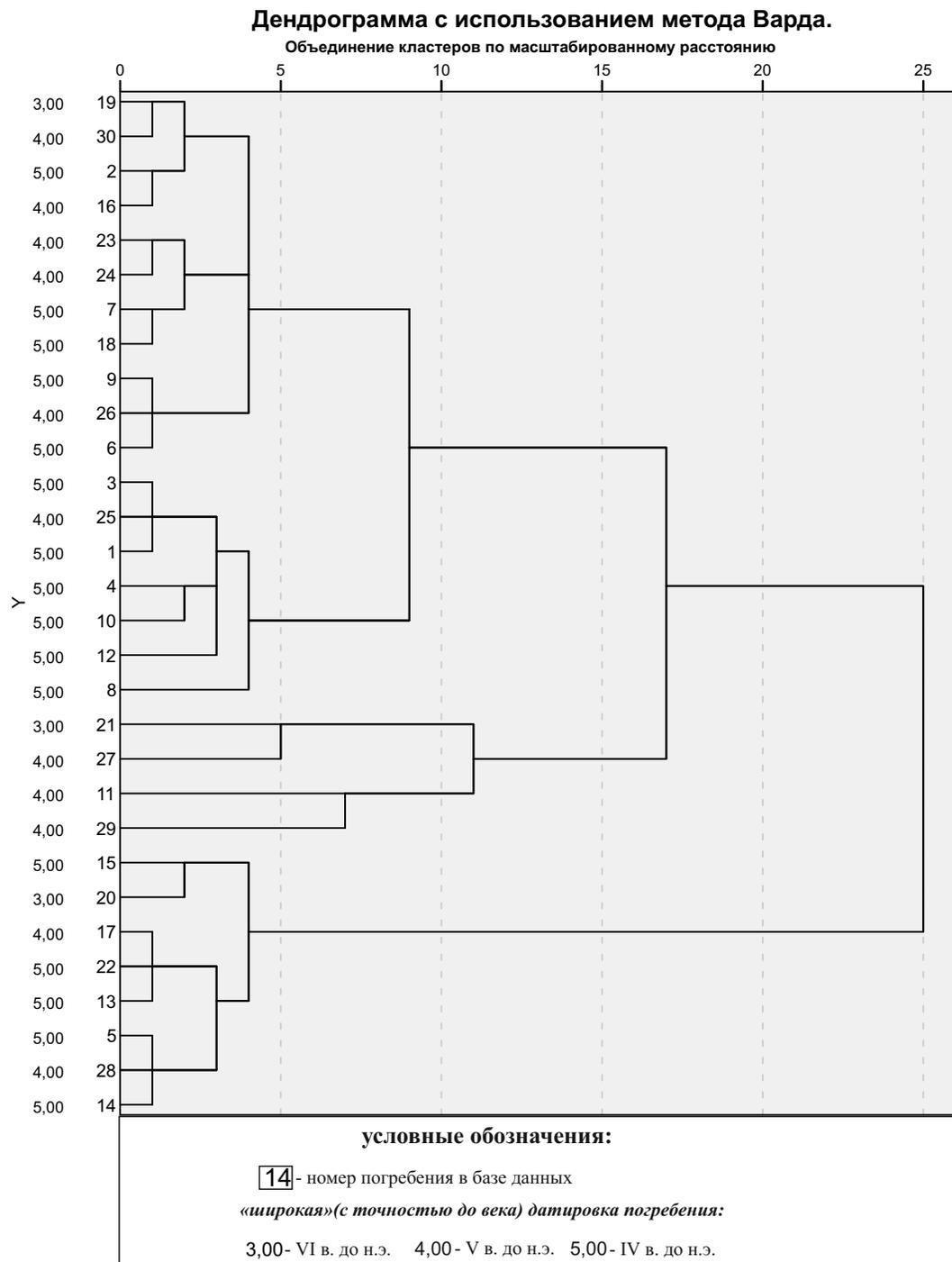
Граф. 5. Некрополь Кеп (продолжение). Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

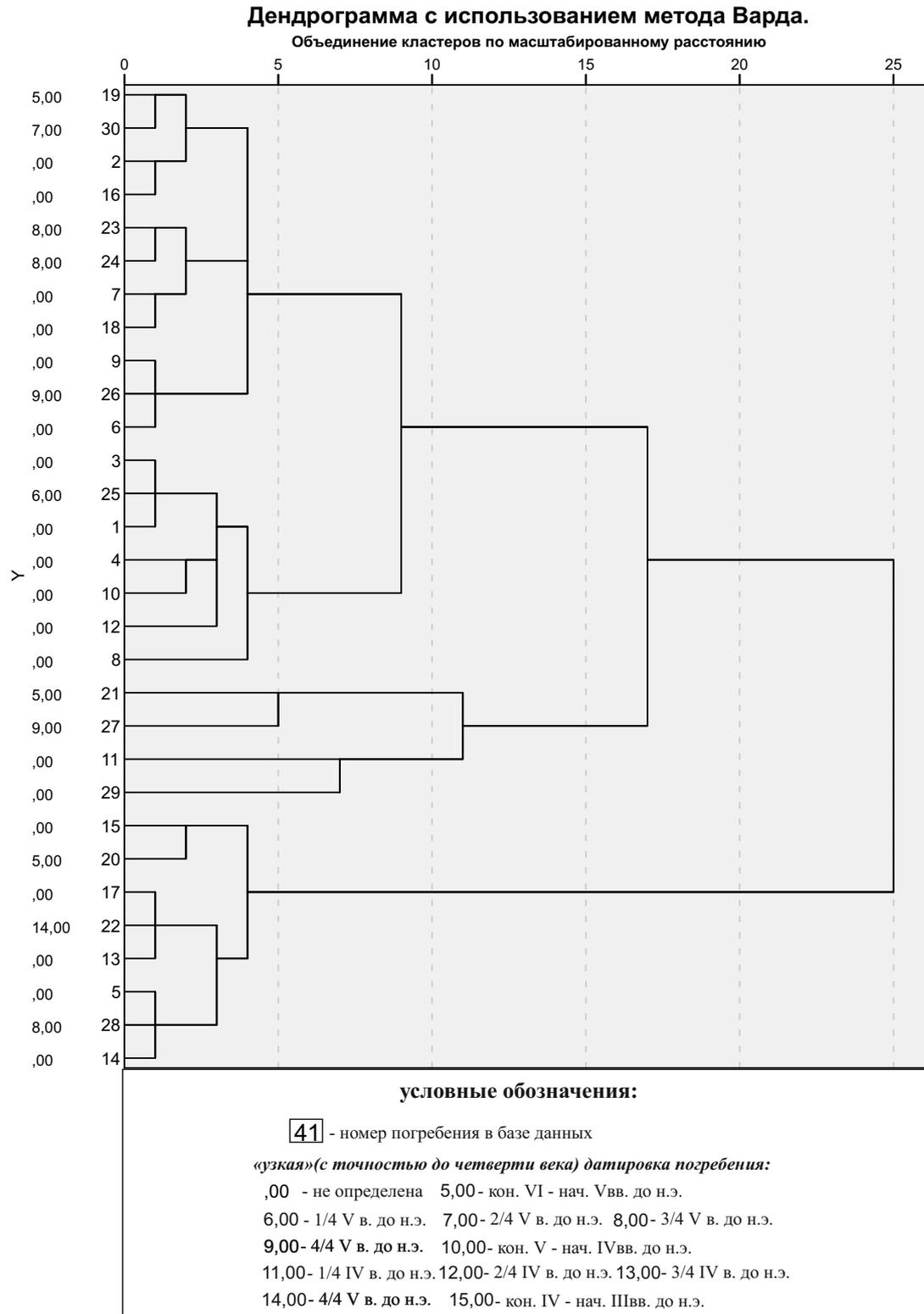
Граф. 6. Некрополь Кеп. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

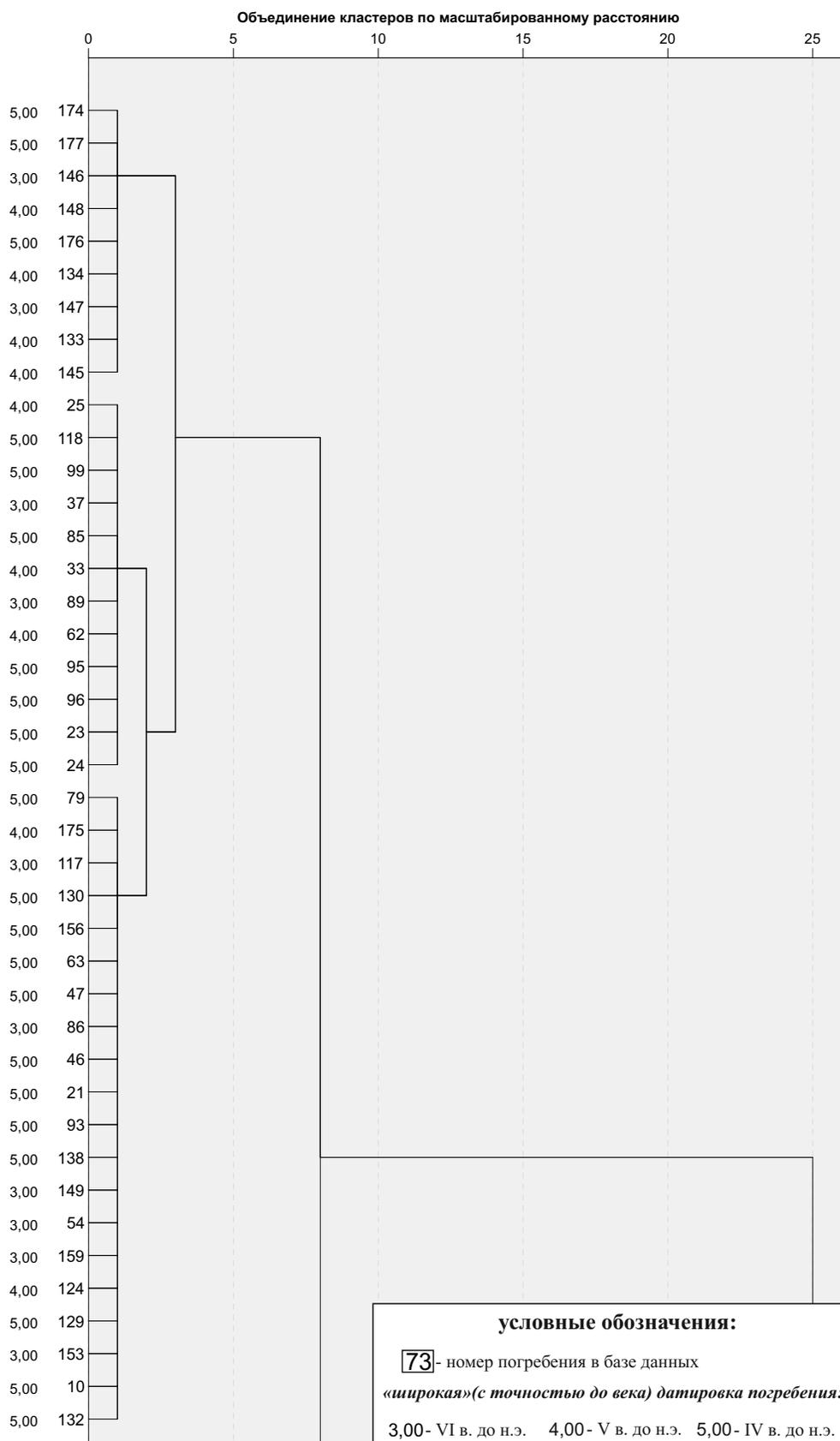
Граф. 6.(продолжение) Некрополь Кеп. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

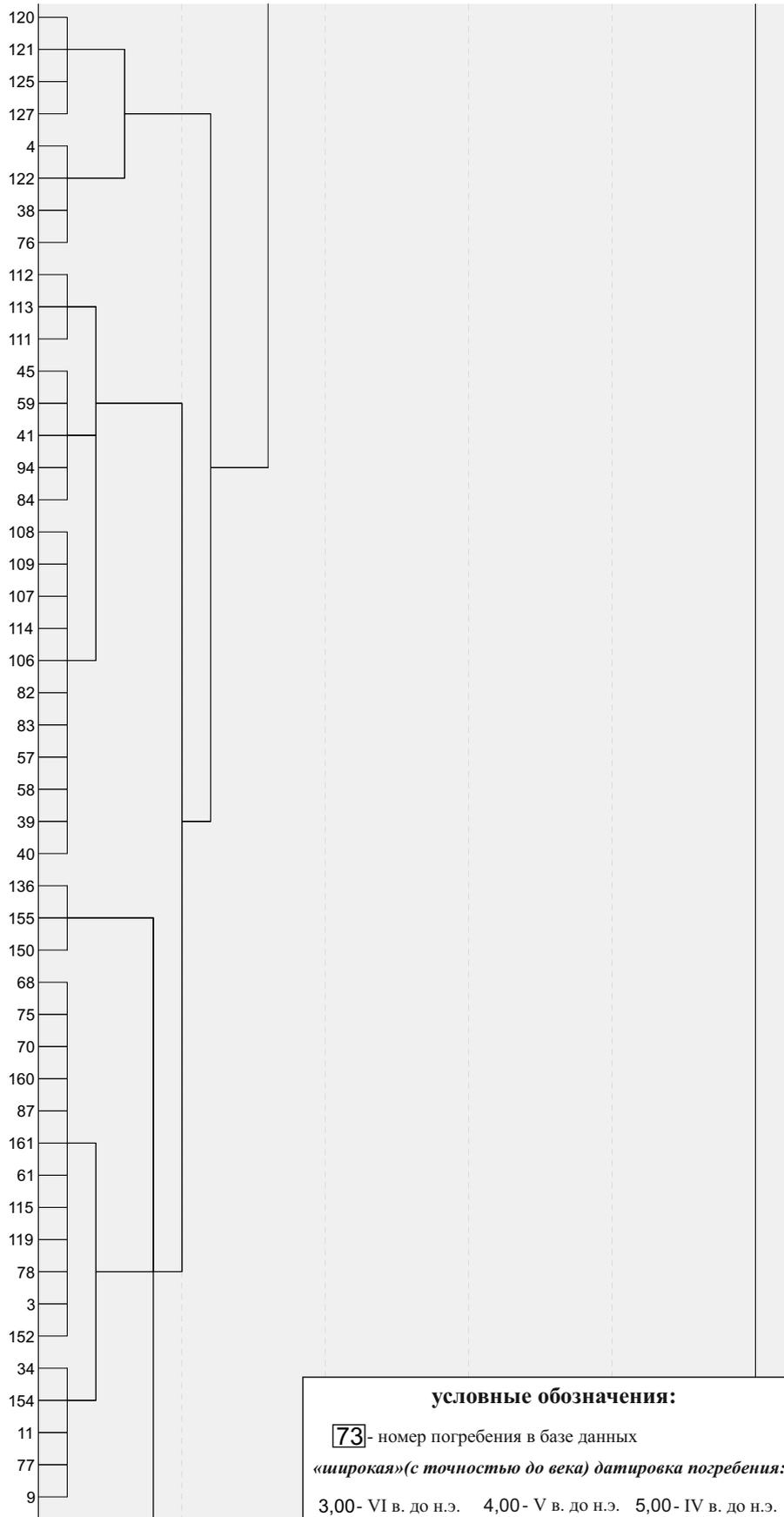
Граф. 7. Некрополь Синдской гавани /Горгипсии. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

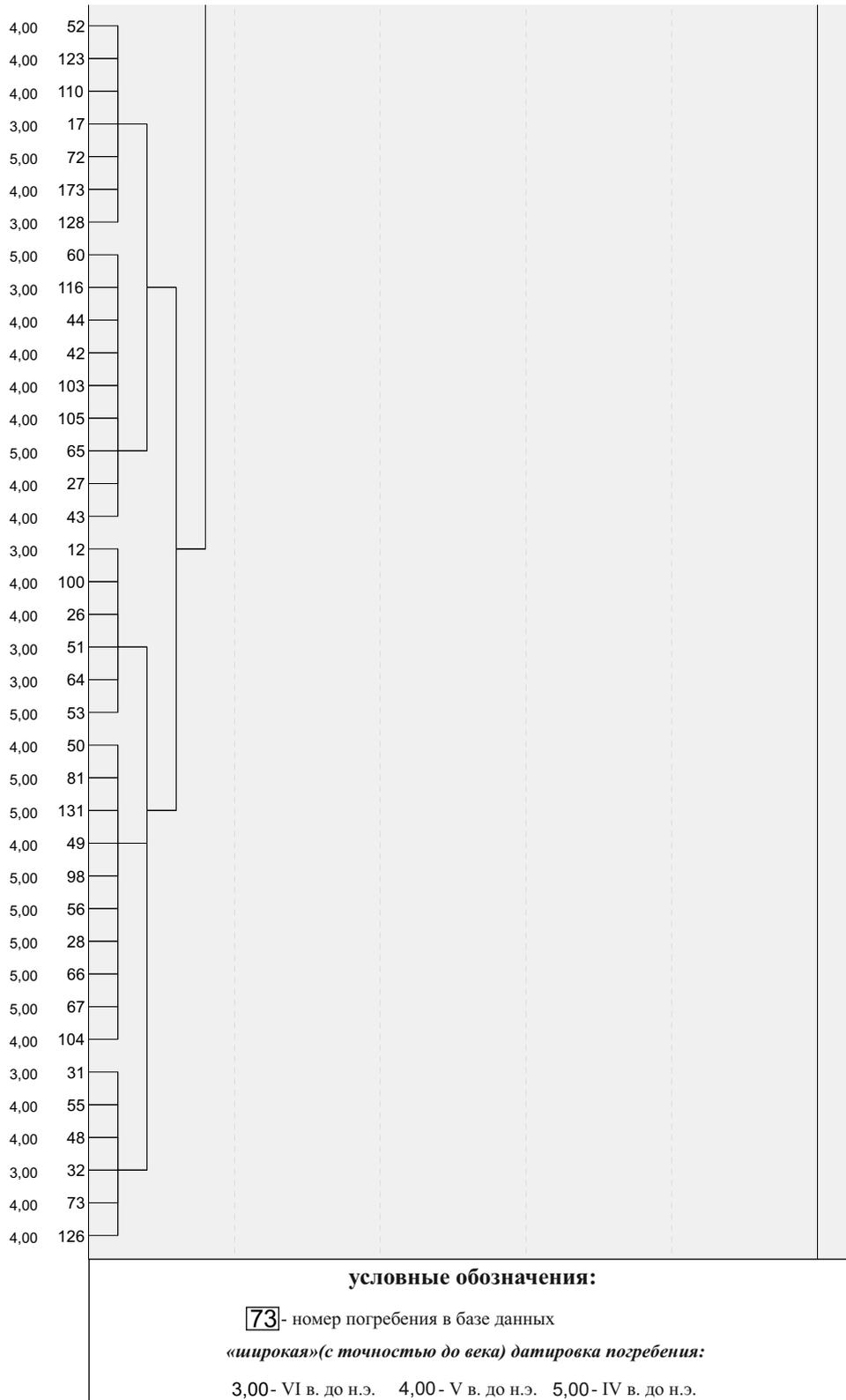
Граф. 8. Некрополь Синдской гавани / Горгиппии. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

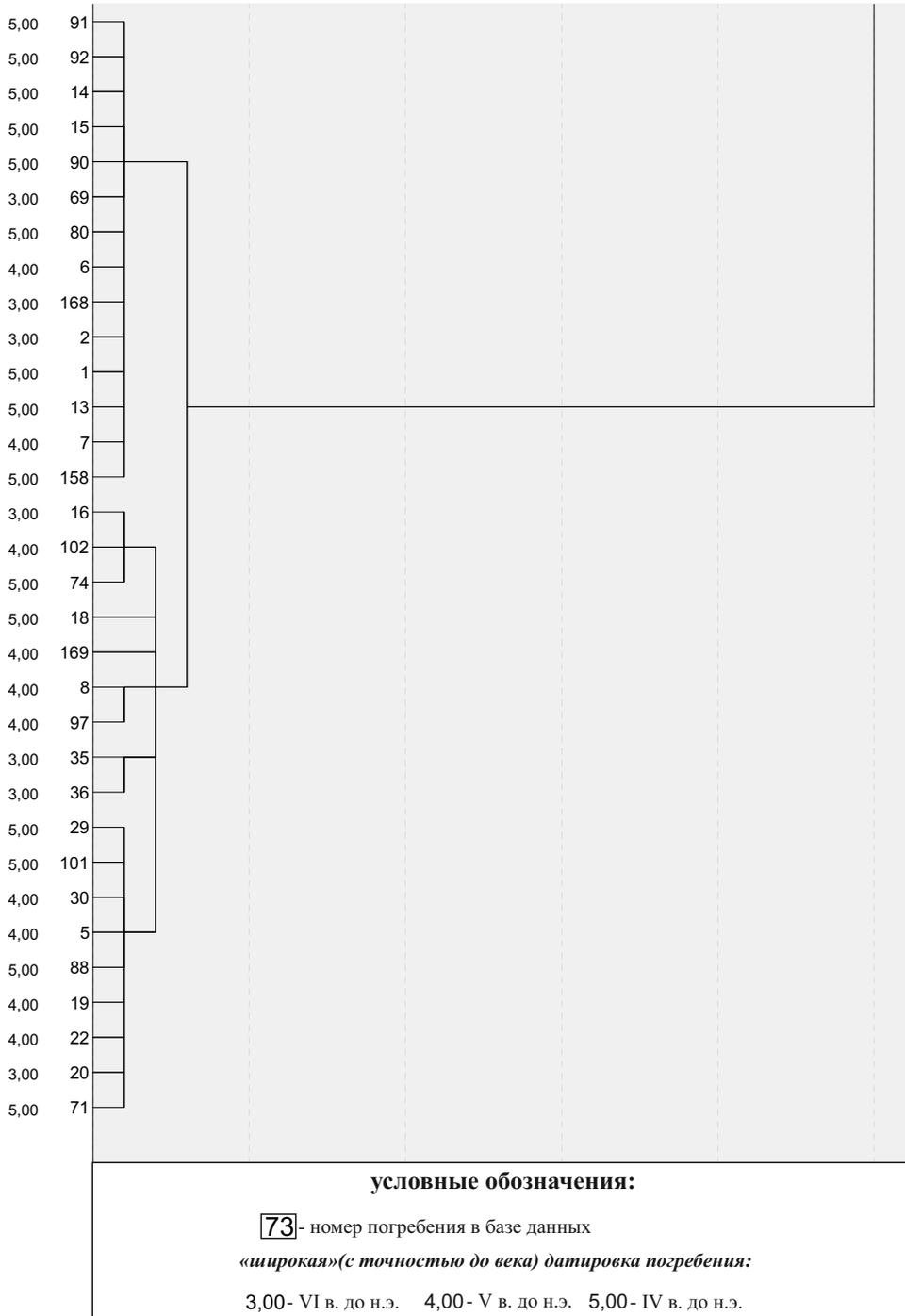
Граф. 9. Некрополь у м. Тузла. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

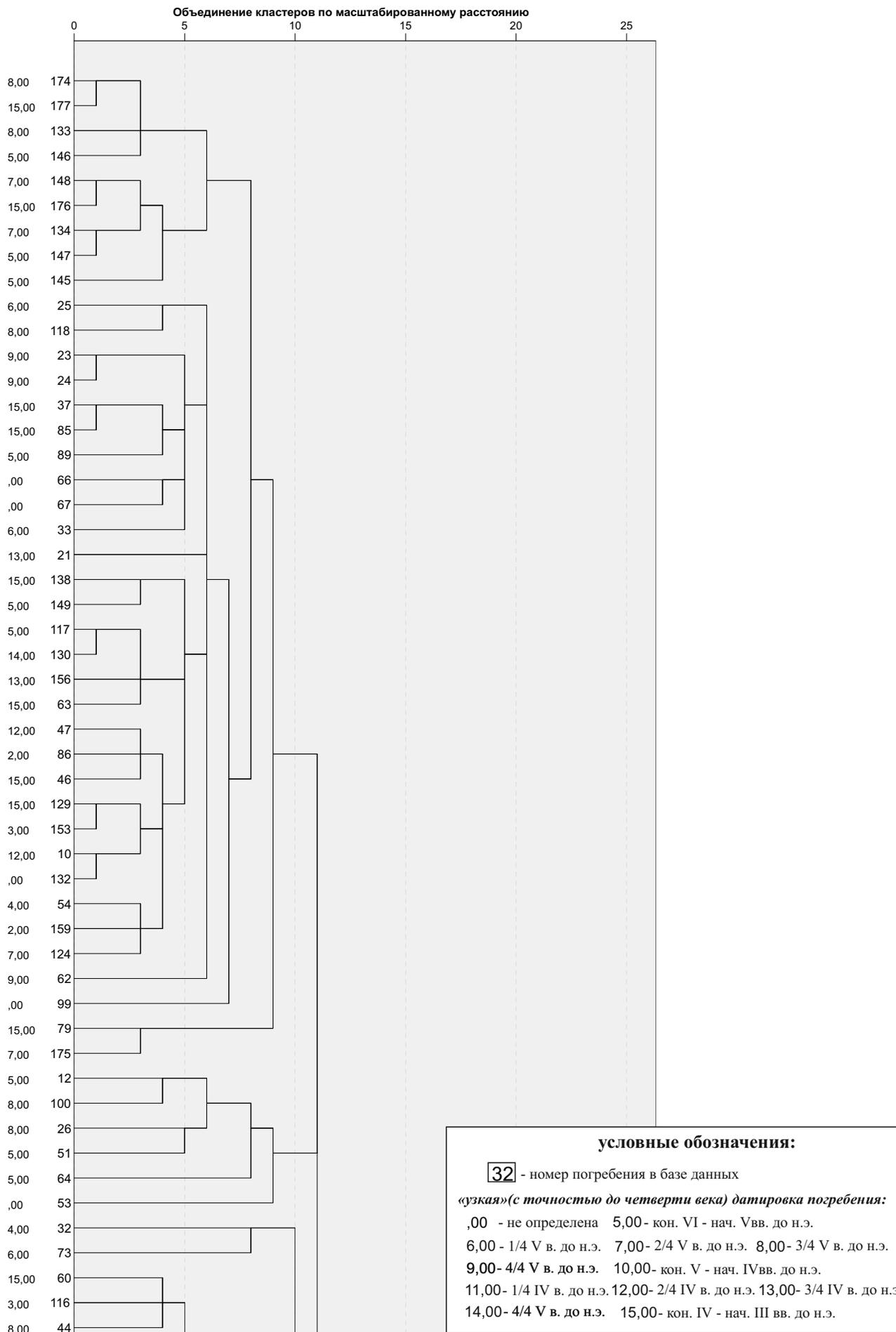
Граф. 9 (продолжение). Некрополь у м. Тузла. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

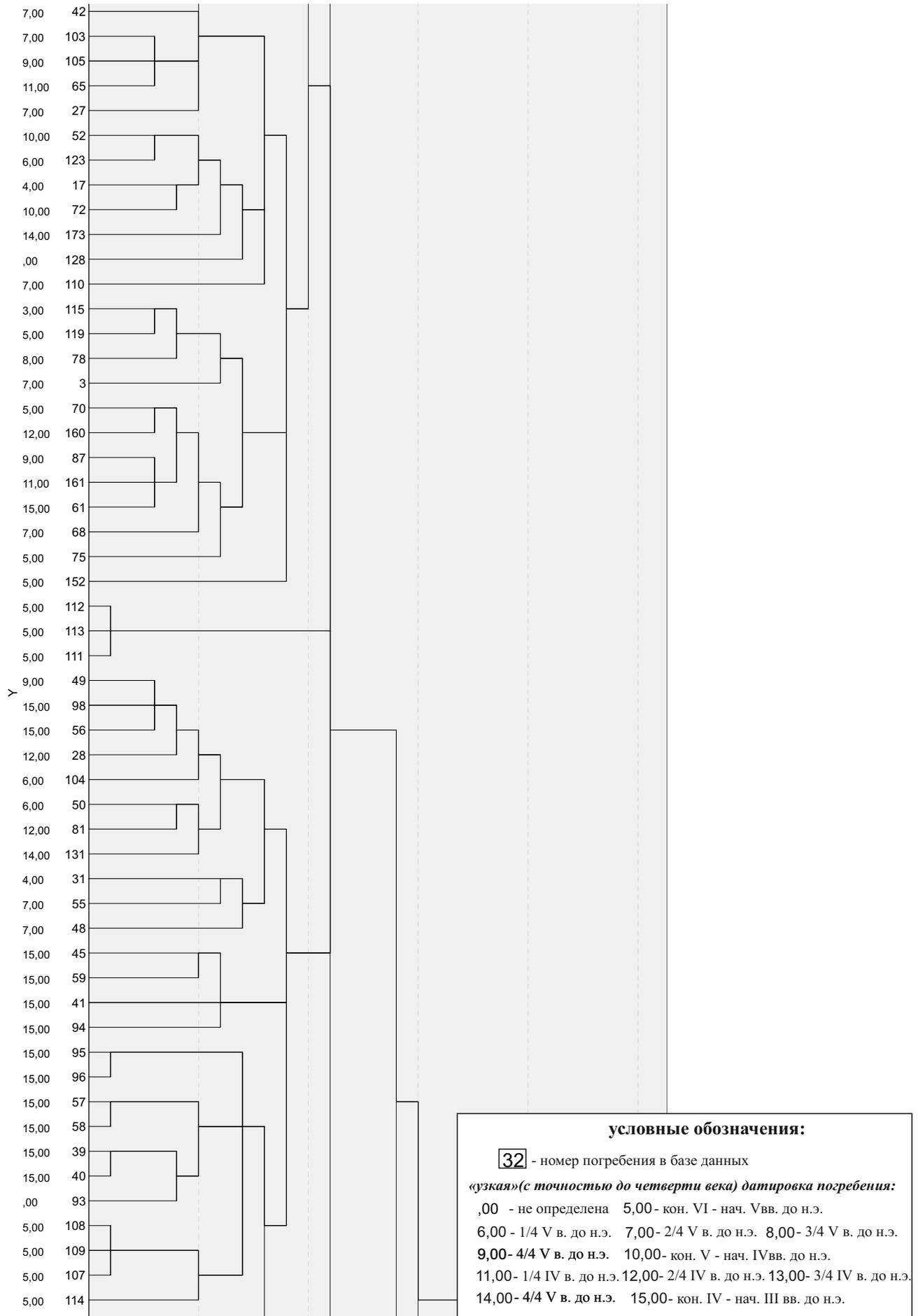
Граф. 9 (продолжение). Некрополь у м. Тузла. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

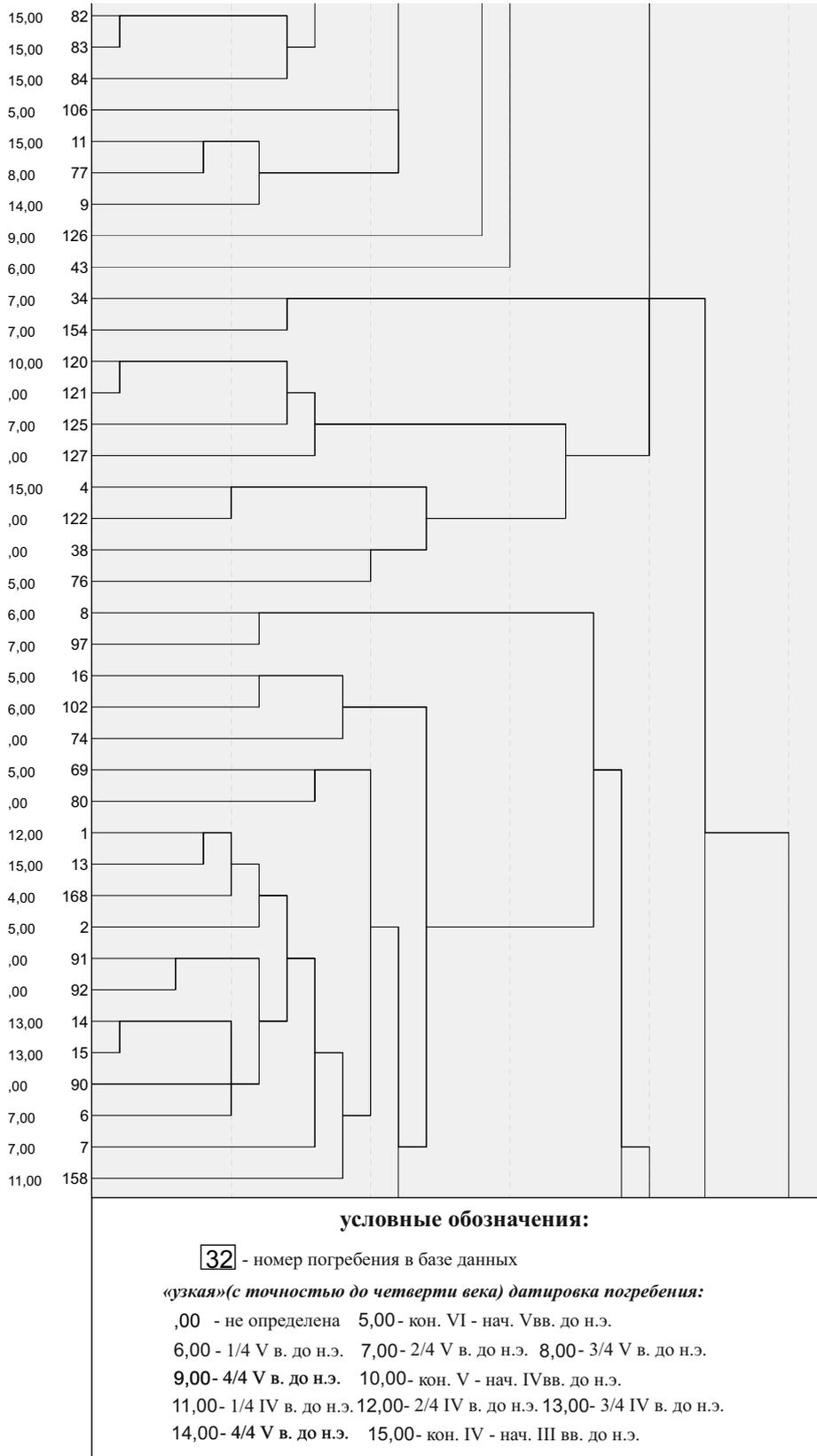
Граф. 9 (продолжение). Некрополь у м. Тузла. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

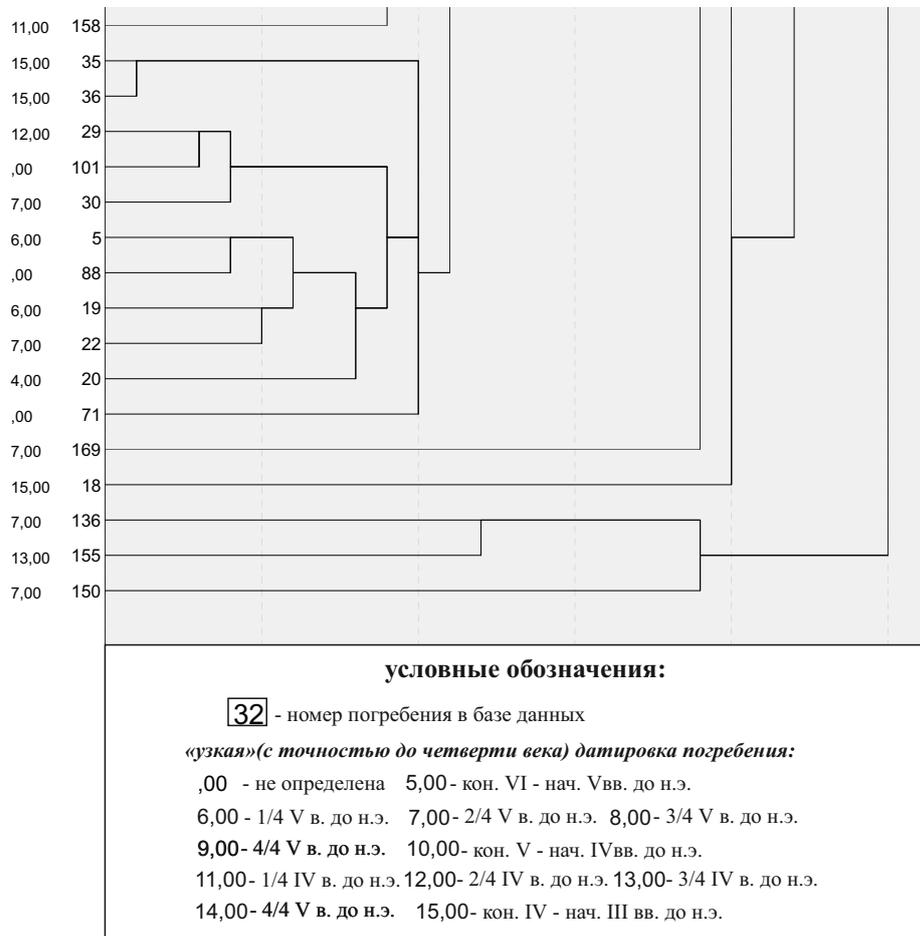
Граф. 10. Некрополь у м. Тузла. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

Граф. 10. (продолжение) Некрополь у м Тузла. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

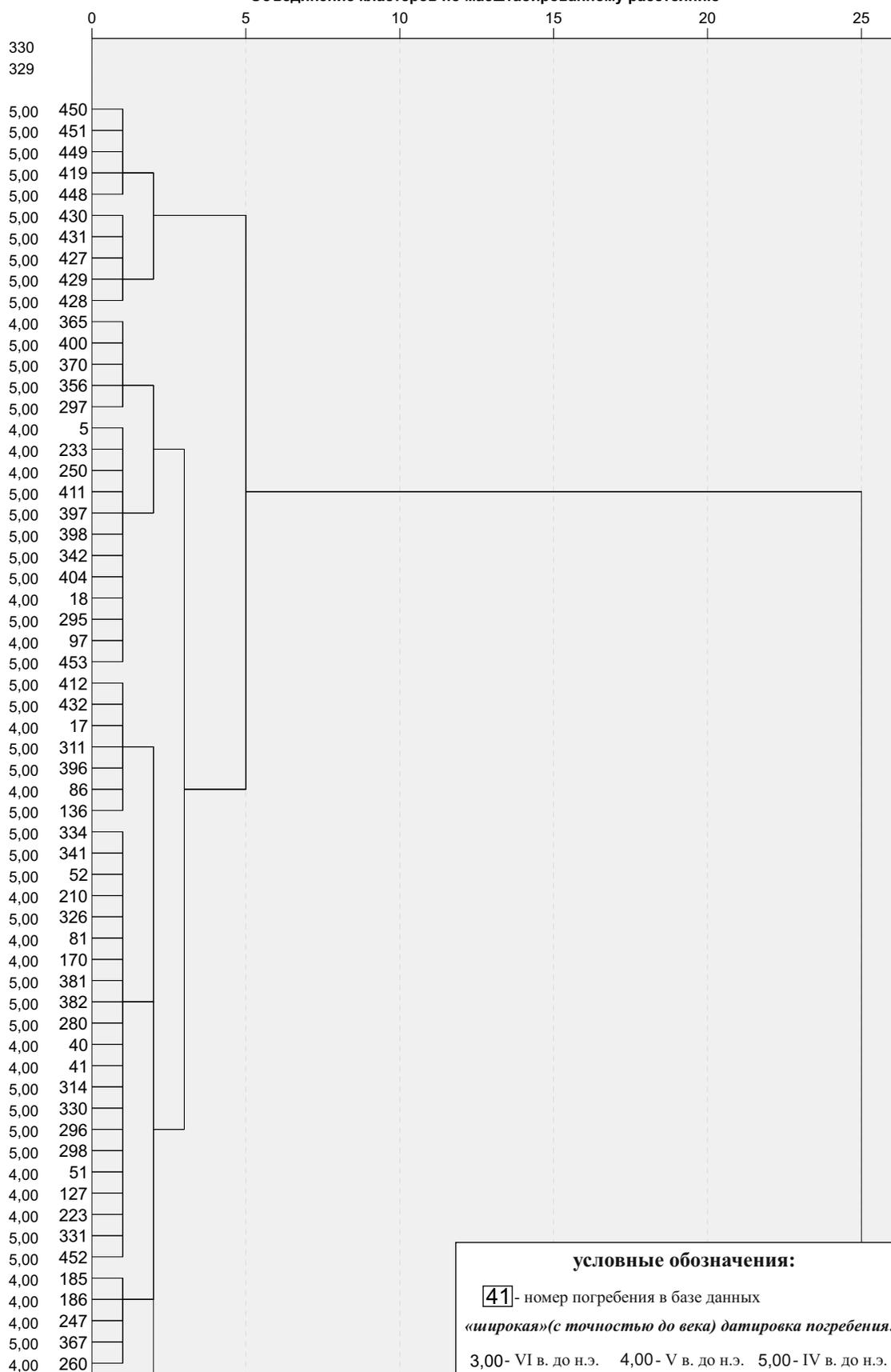
Граф. 10.(продолжение) Некрополь у м Тузла. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

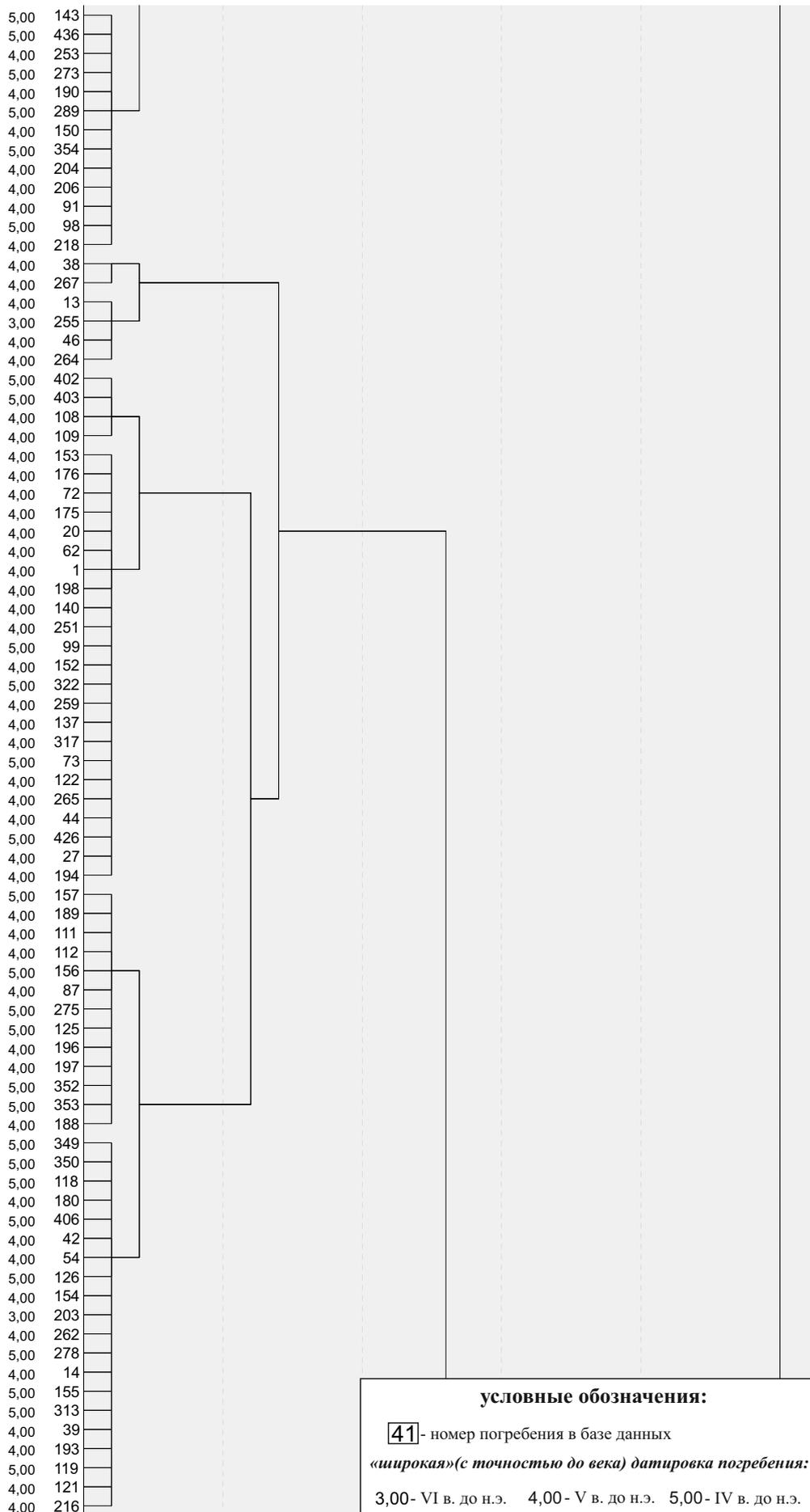
Граф. 10.(продолжение) Некрополь у м Тузла. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

Дендрограмма с использованием метода Варда.

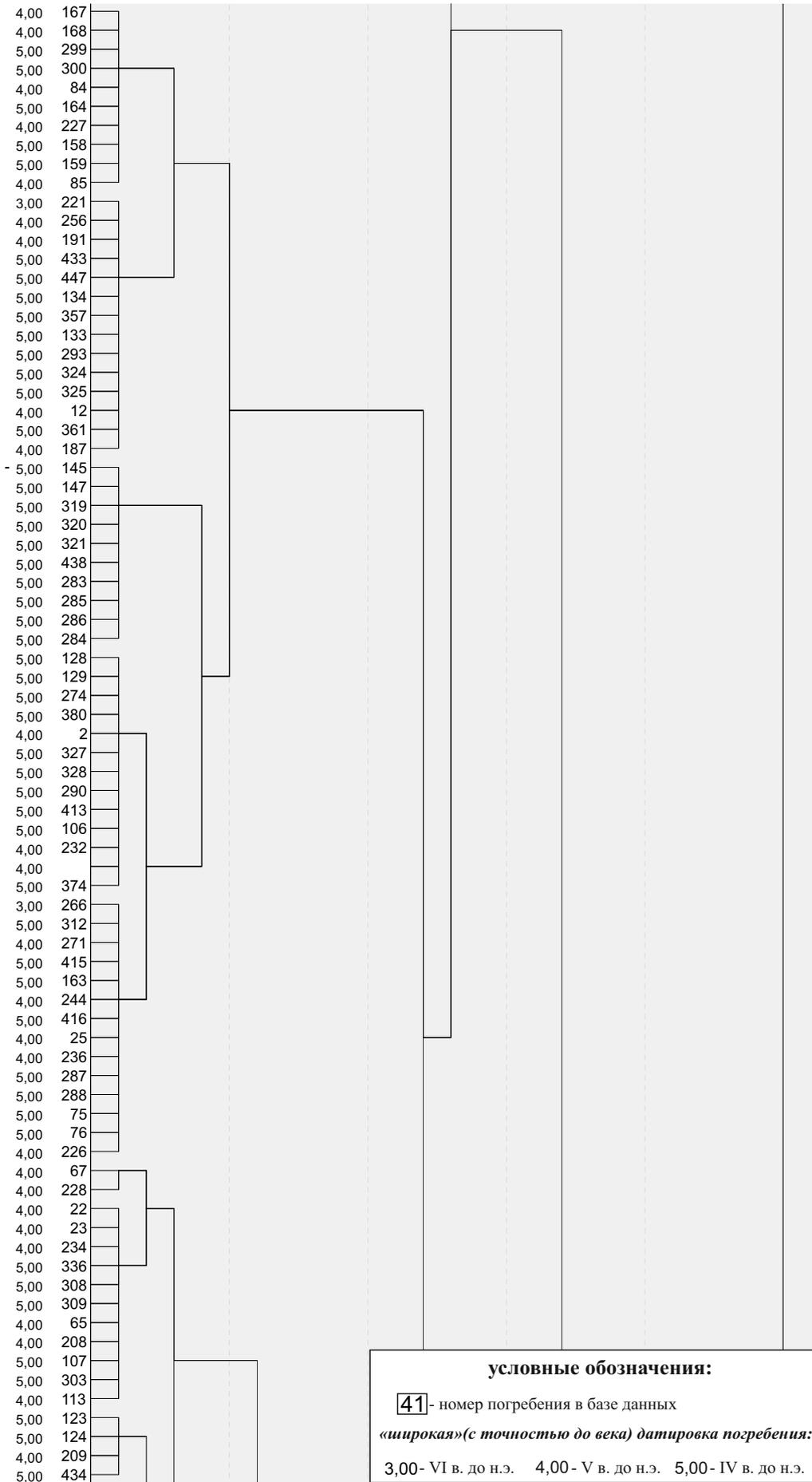
Объединение кластеров по масштабированному расстоянию

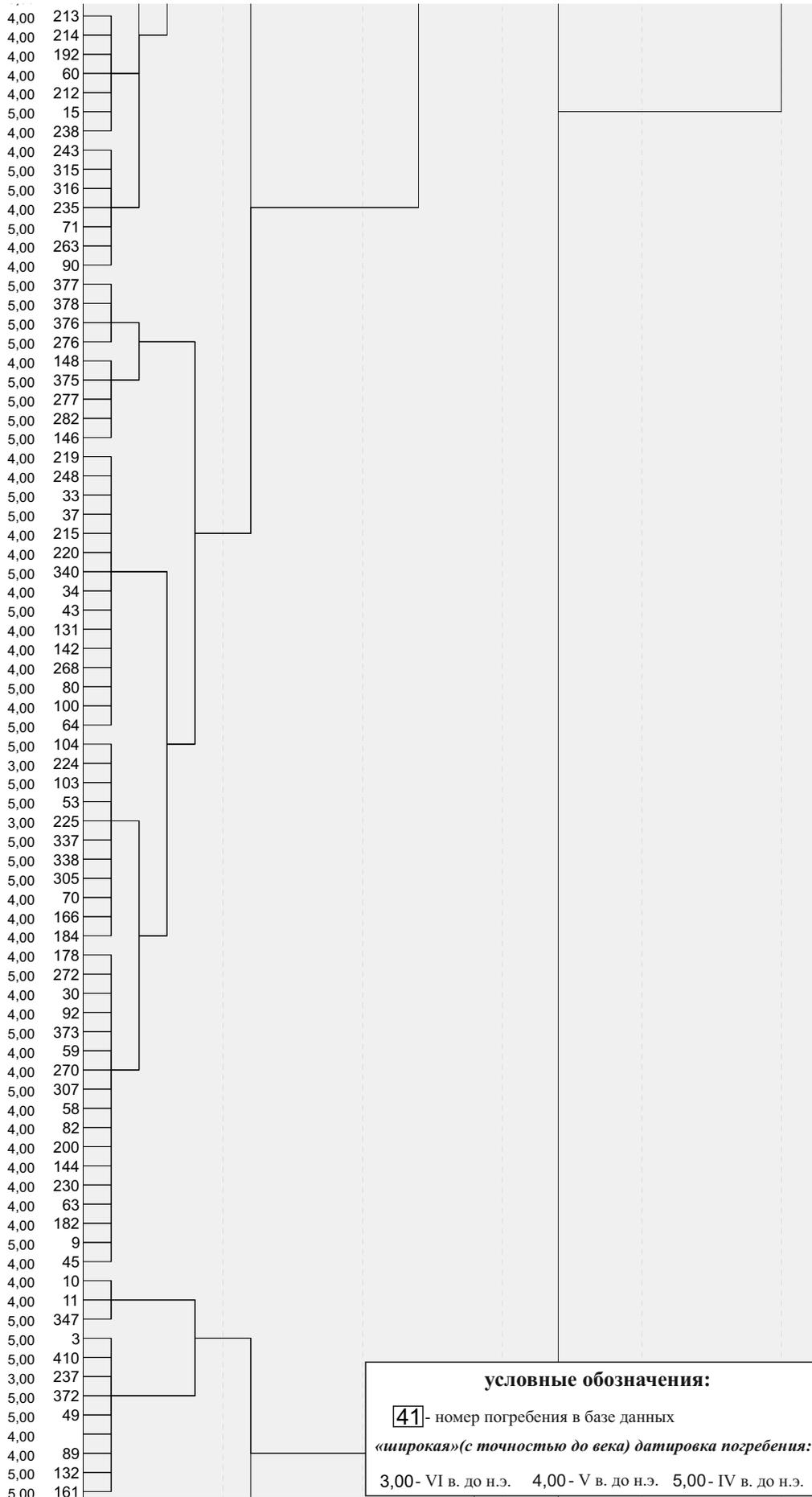
Граф. 11. Некрополь Волна 1. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

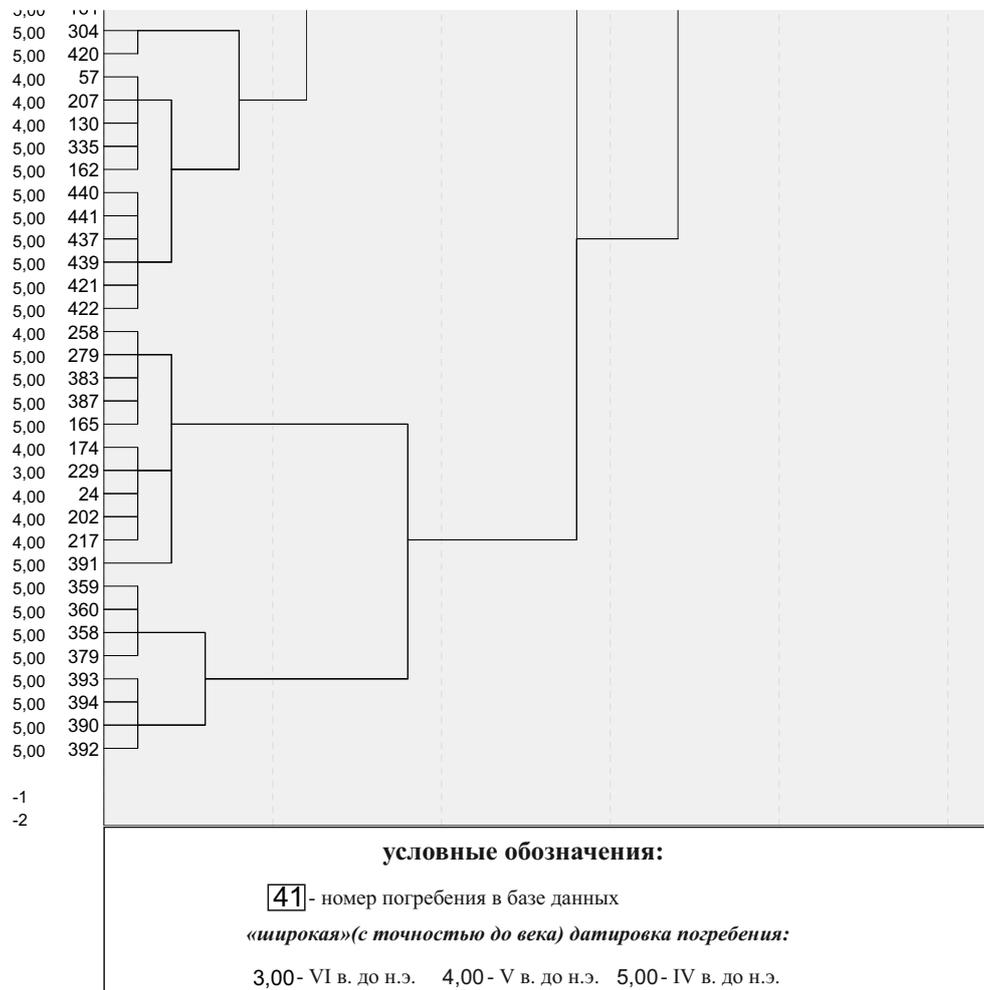
Граф. 11 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

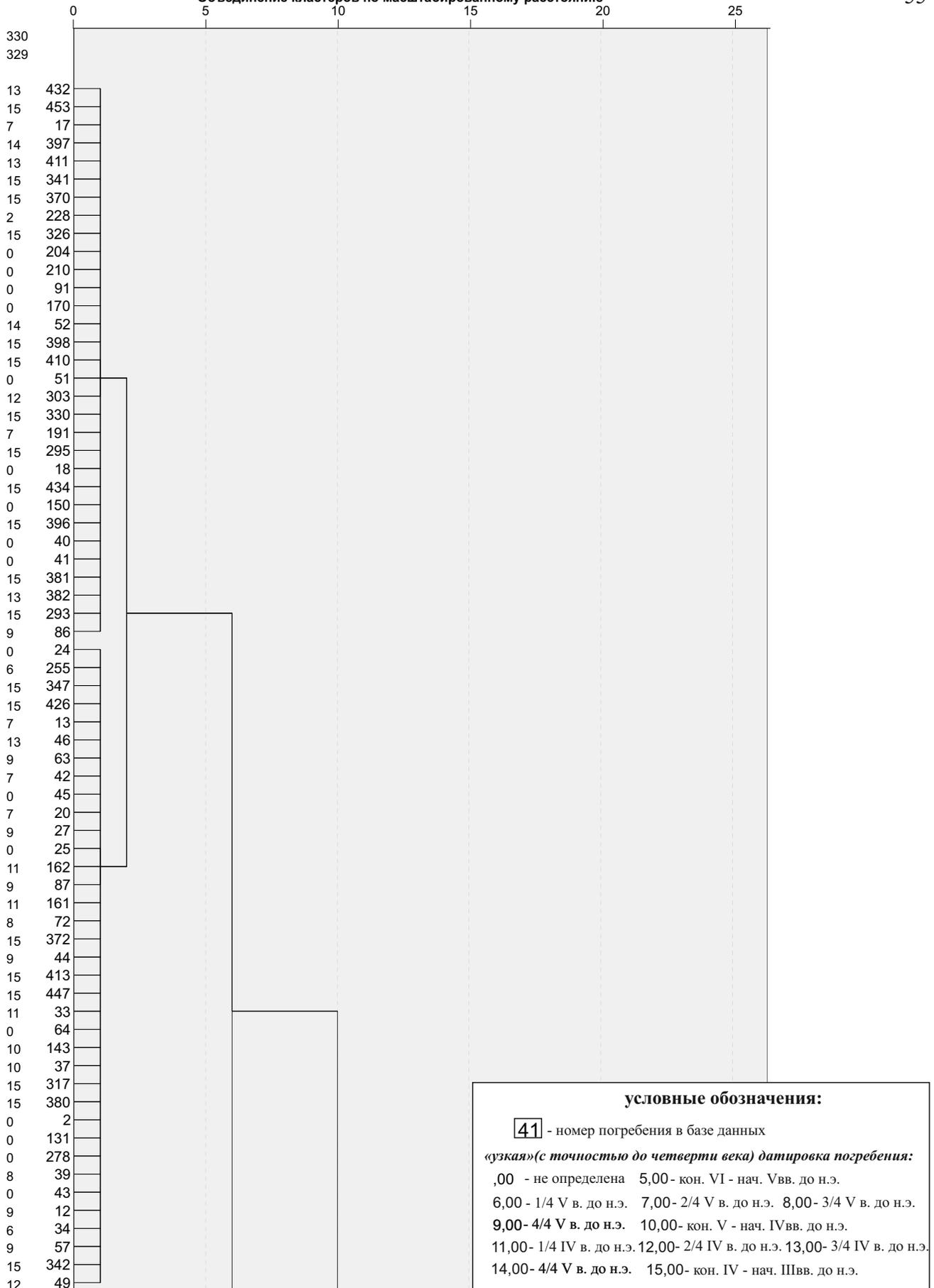
Граф. 11 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

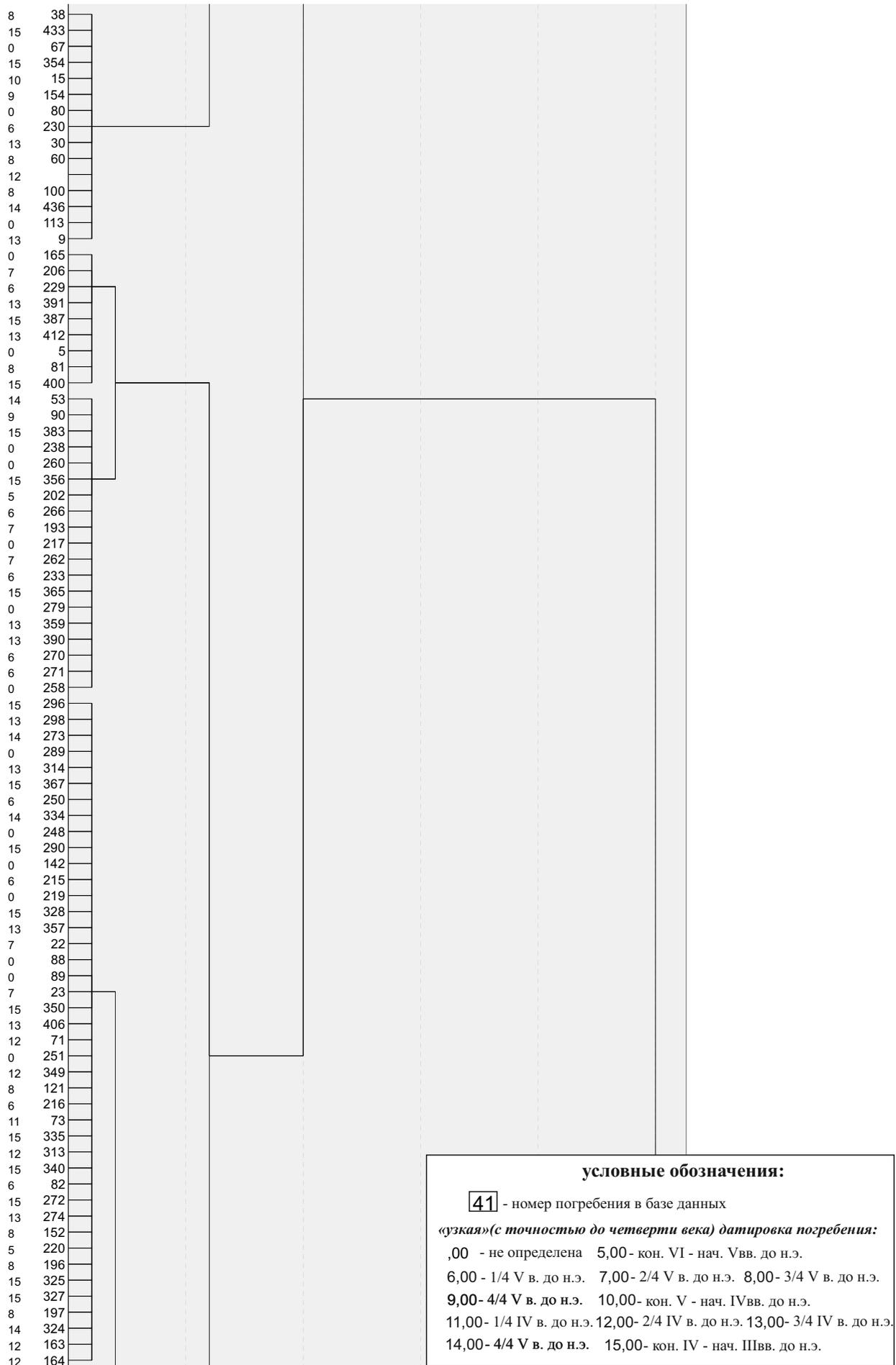
Граф. 11 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

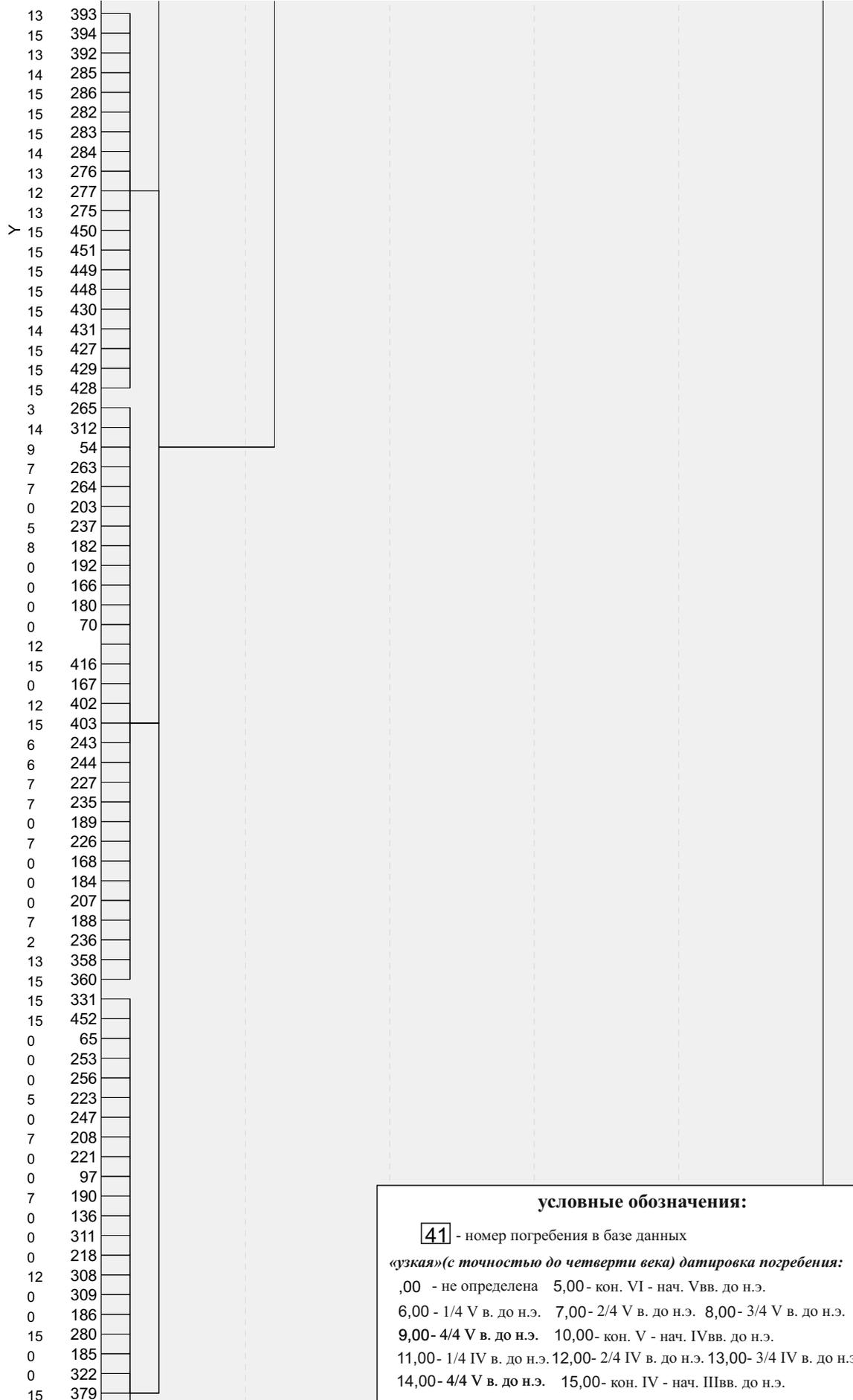
Граф. 11 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

Граф. 12. Некрополь Волна 1. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

Граф. 12.(продолжение) Некрополь Волна 1. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

Граф. 12.(продолжение) Некрополь Волна 1. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

7	1	
0	198	
6	212	
7	187	
0	194	
7	14	
0	178	
15	361	
15	404	
0	175	
0	268	
12	336	
7	234	
6	267	
0	176	
0	209	
0	3	
13	374	
0	232	
15	373	
14	133	
0	134	
6	231	
7	259	
14	440	
15	441	
14	147	
14	437	
14	439	
14	421	
15	422	
13	377	
10	378	
14	320	
13	376	
0	148	
13	319	
14	420	
14	438	
14	145	
12	321	
13	375	
14	146	
12	124	
12	125	
12	123	
14	11	
8	58	
15	297	
10	316	
15	352	
14	76	
7	225	
12	304	
15	338	
15	353	
14	10	
13	315	
12	337	
15	300	
15	305	
15	288	
13	299	
5	224	

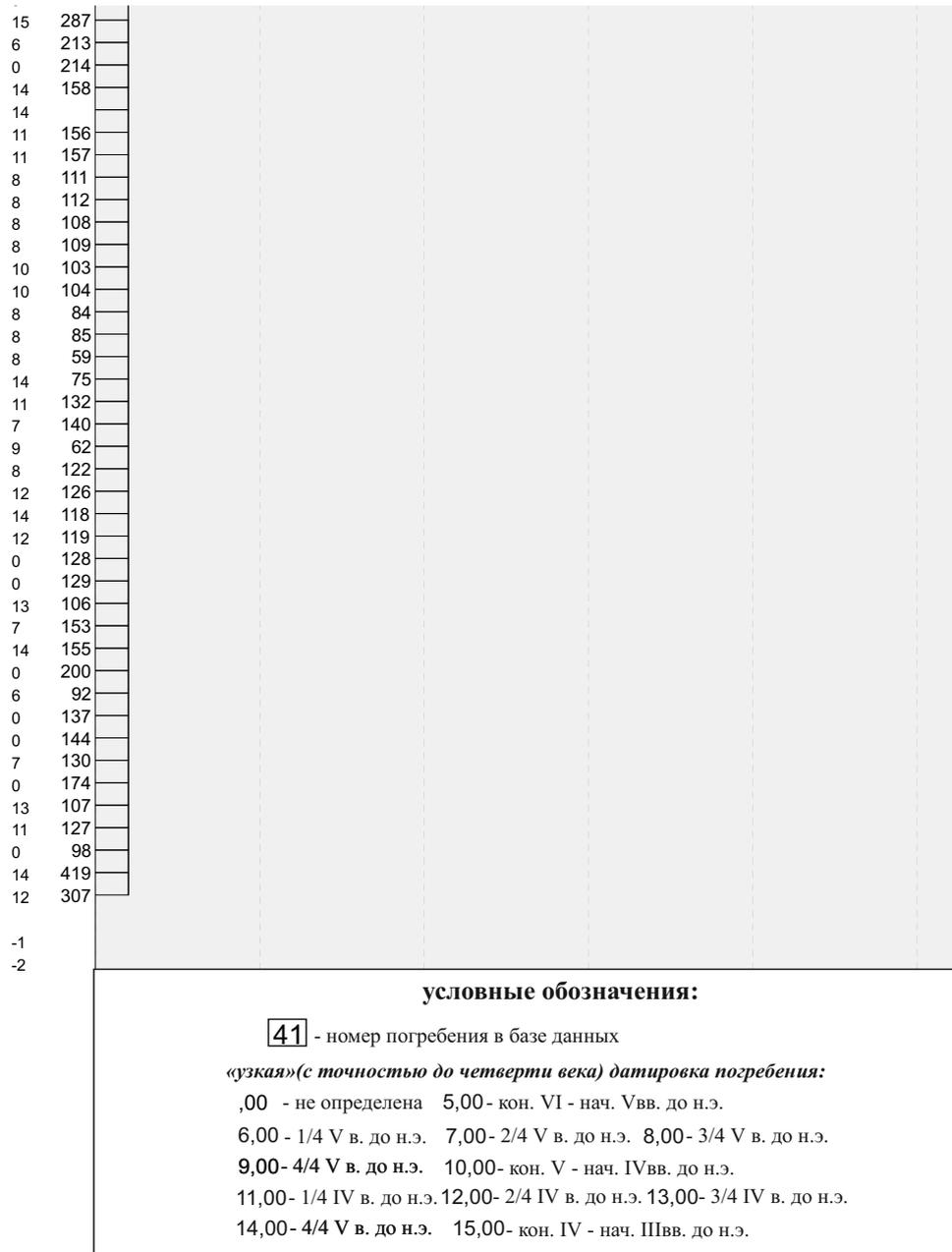
условные обозначения:

41 - номер погребения в базе данных

«узкая»(с точностью до четверти века) датировка погребения:

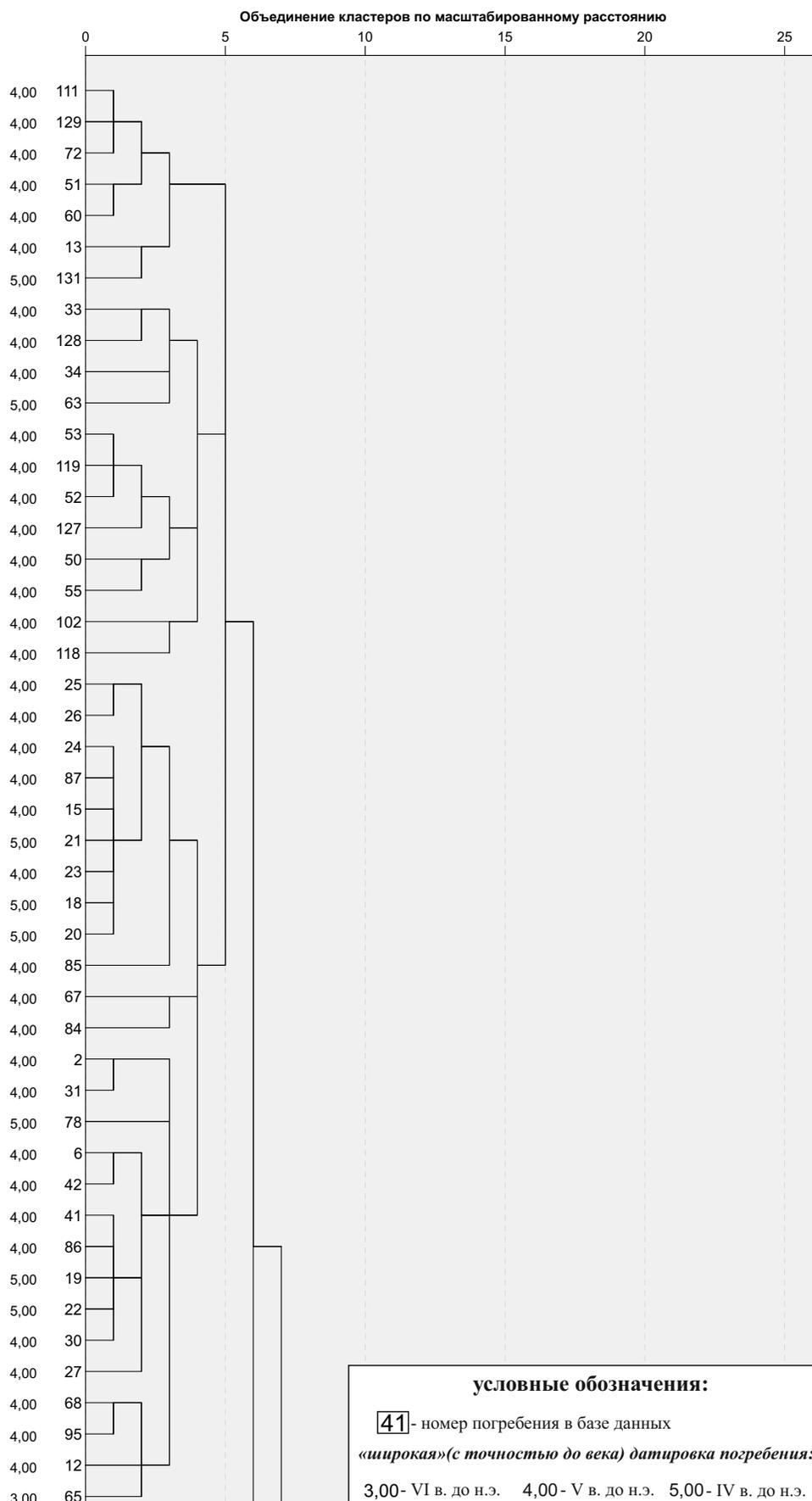
,00 - не определена 5,00- кон. VI - нач. Vвв. до н.э.
6,00 - 1/4 V в. до н.э. 7,00- 2/4 V в. до н.э. 8,00- 3/4 V в. до н.э.
9,00- 4/4 V в. до н.э. 10,00- кон. V - нач. IVвв. до н.э.
11,00- 1/4 IV в. до н.э. 12,00- 2/4 IV в. до н.э. 13,00- 3/4 IV в. до н.э.
14,00- 4/4 V в. до н.э. 15,00- кон. IV - нач. IIIвв. до н.э.

Граф. 12.(продолжение) Некрополь Волна 1. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

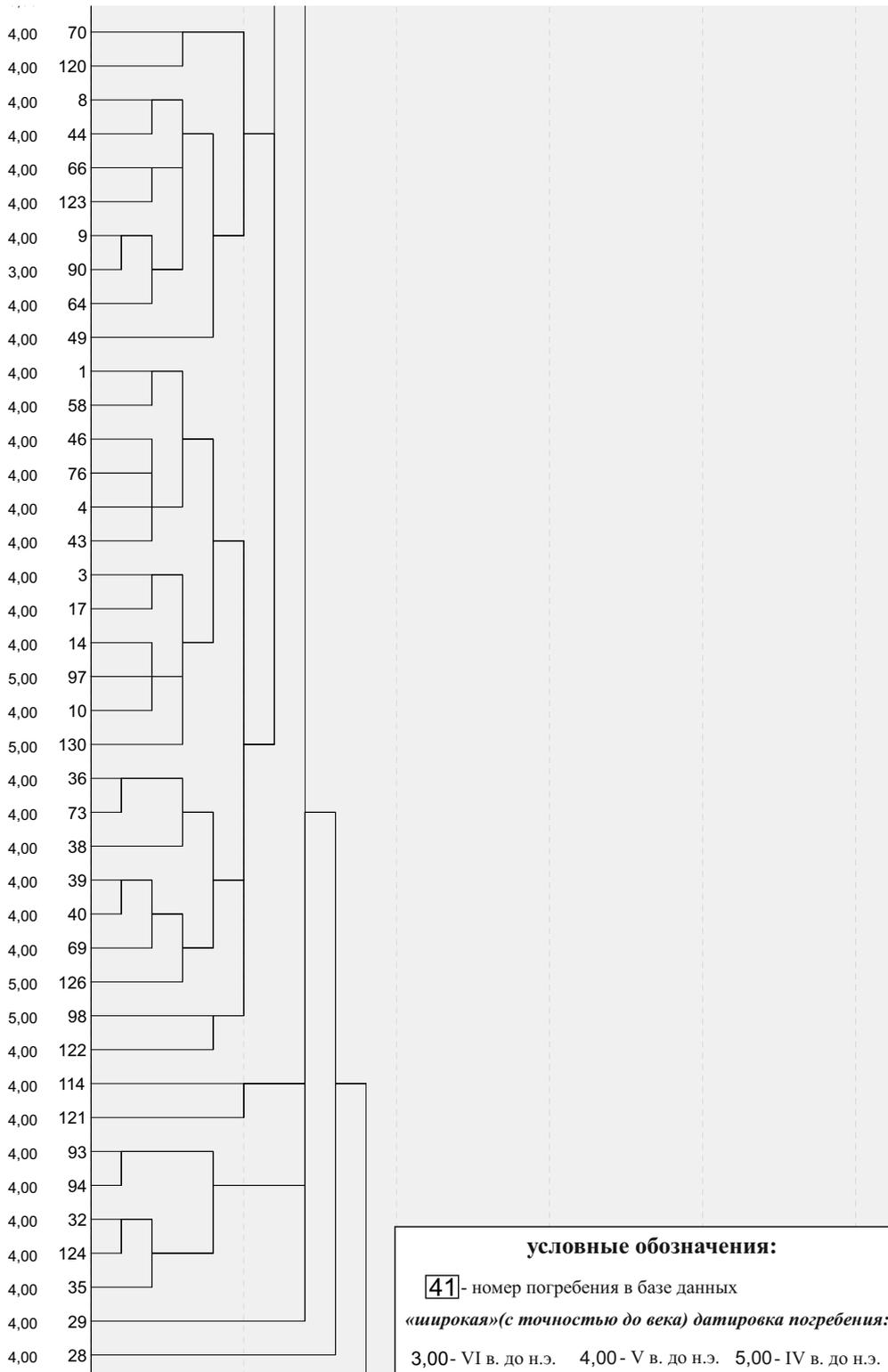

Граф. 12.(продолжение) Некрополь Волна 1. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

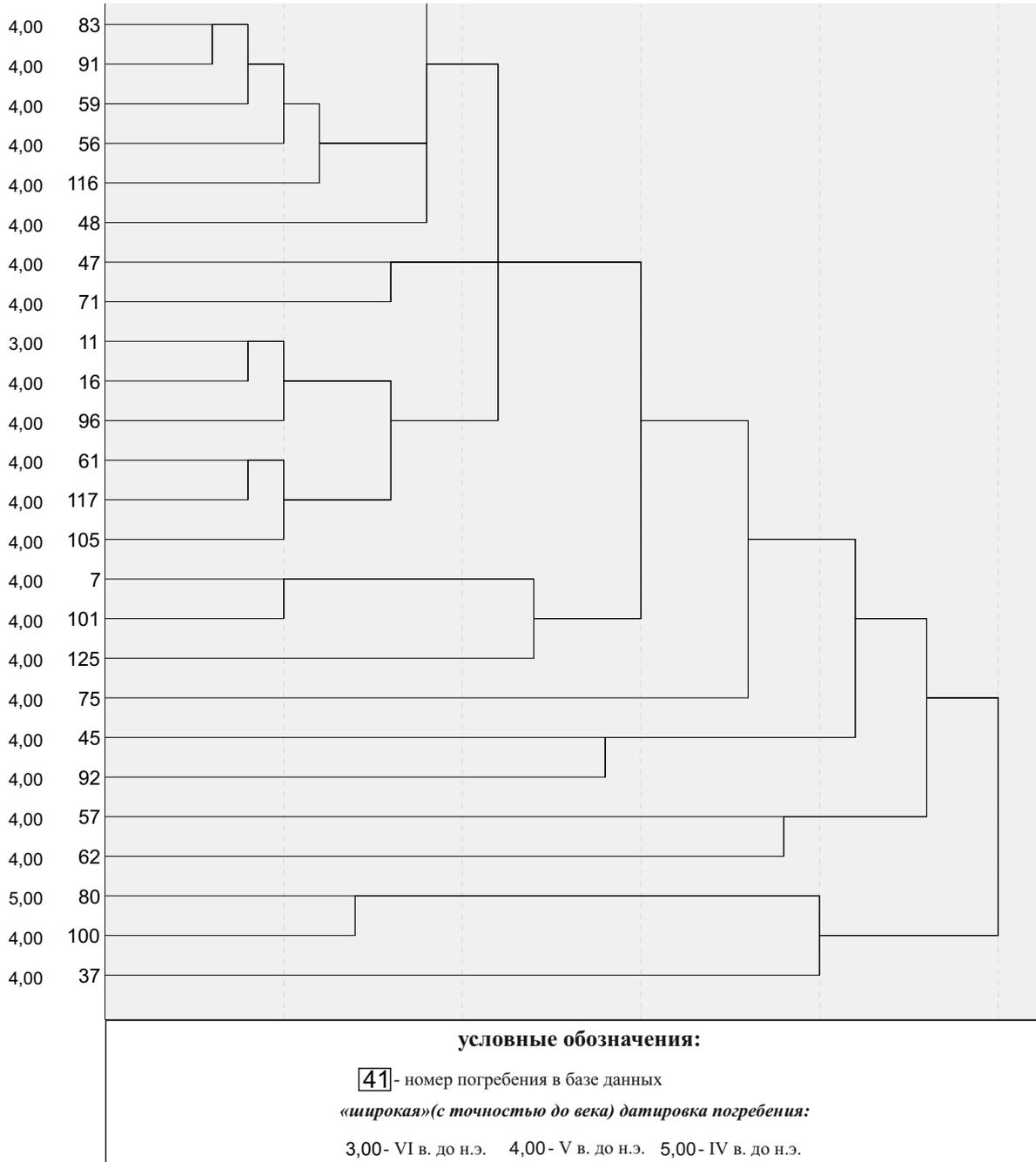
Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей

Граф. 13. Некрополь Артющенко 2. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

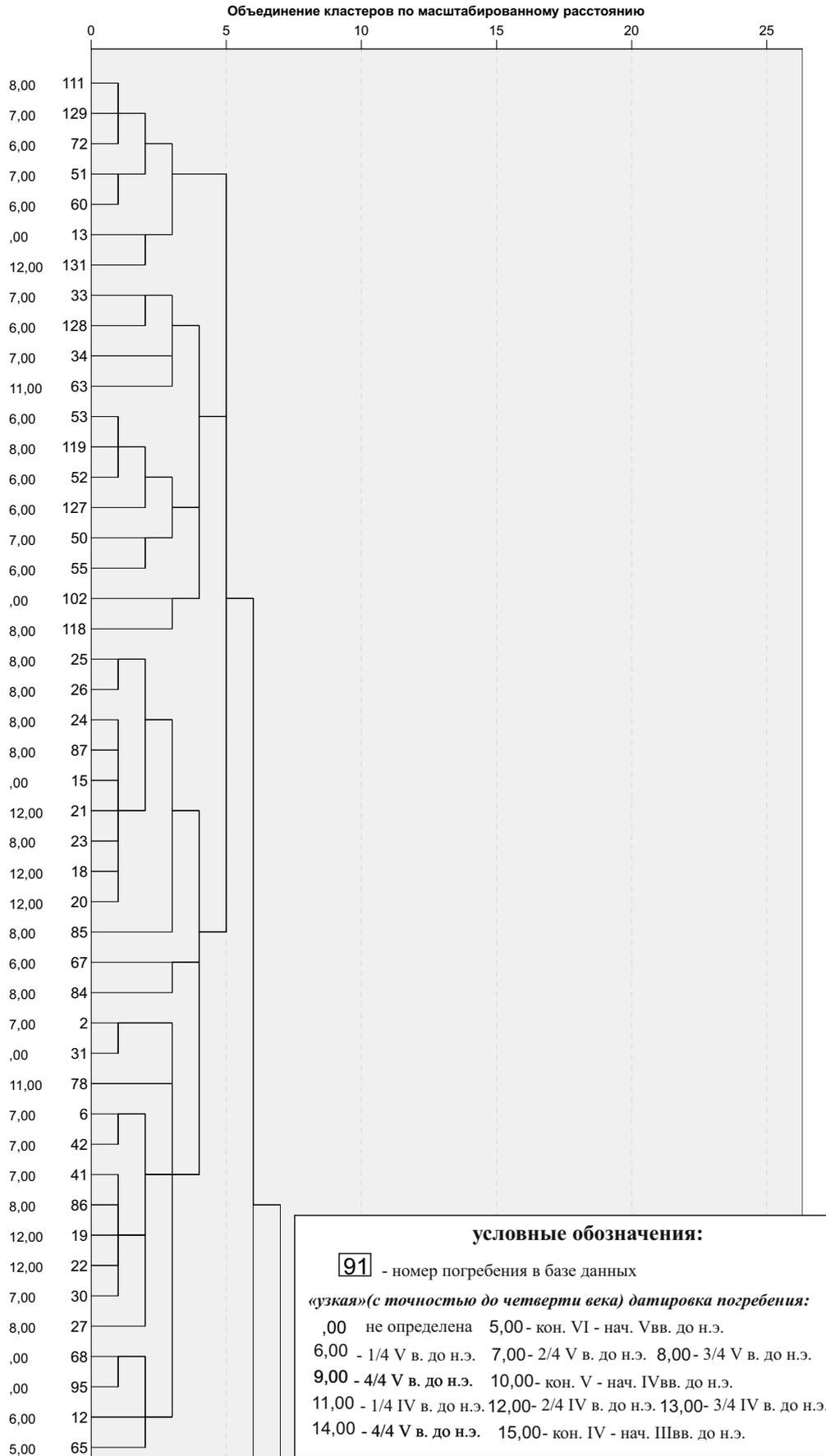

Граф. 13 (продолжение). Некрополь Артющенко 2. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

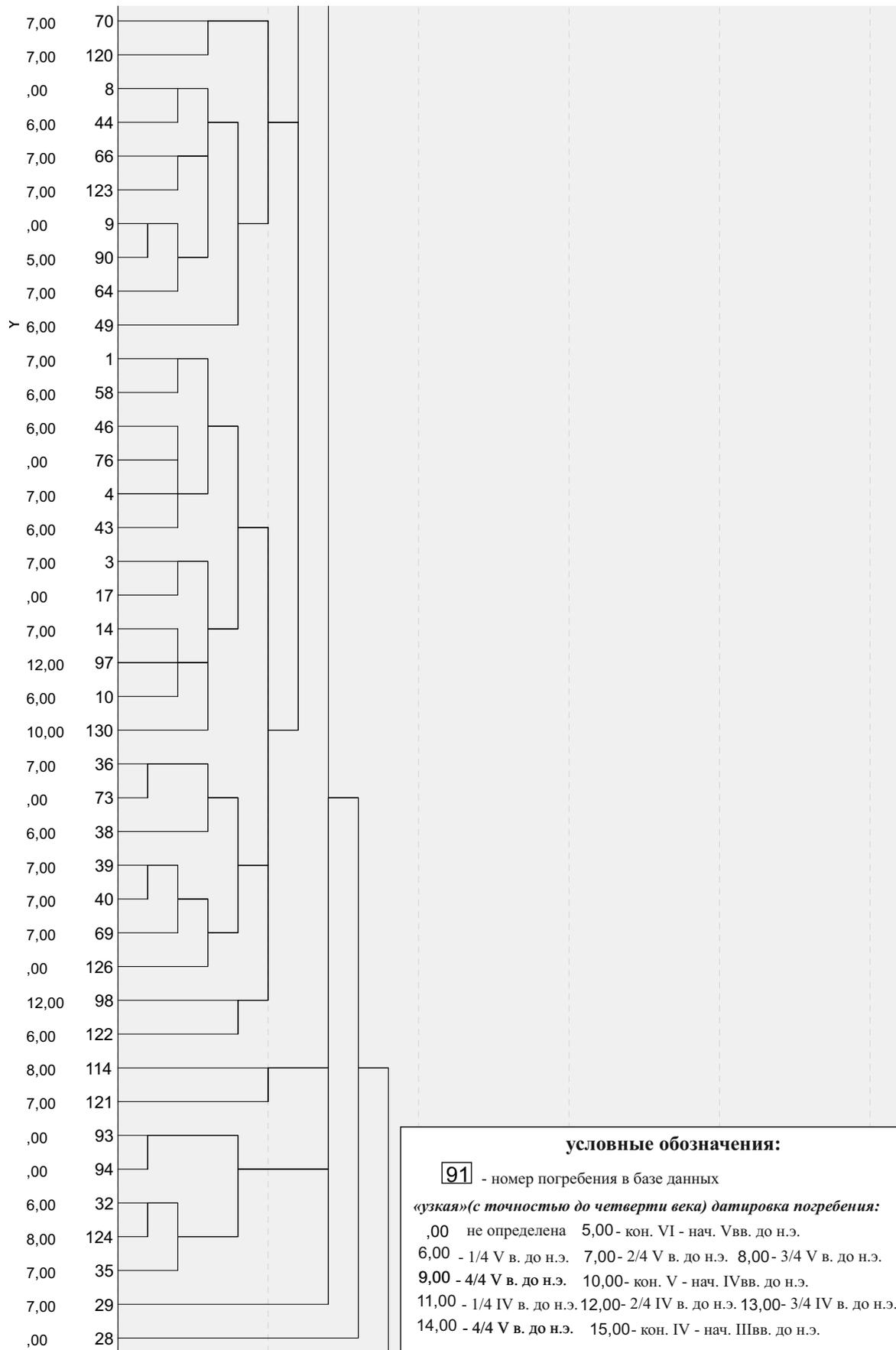

Граф. 13 (продолжение). Некрополь Артющенко 2. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

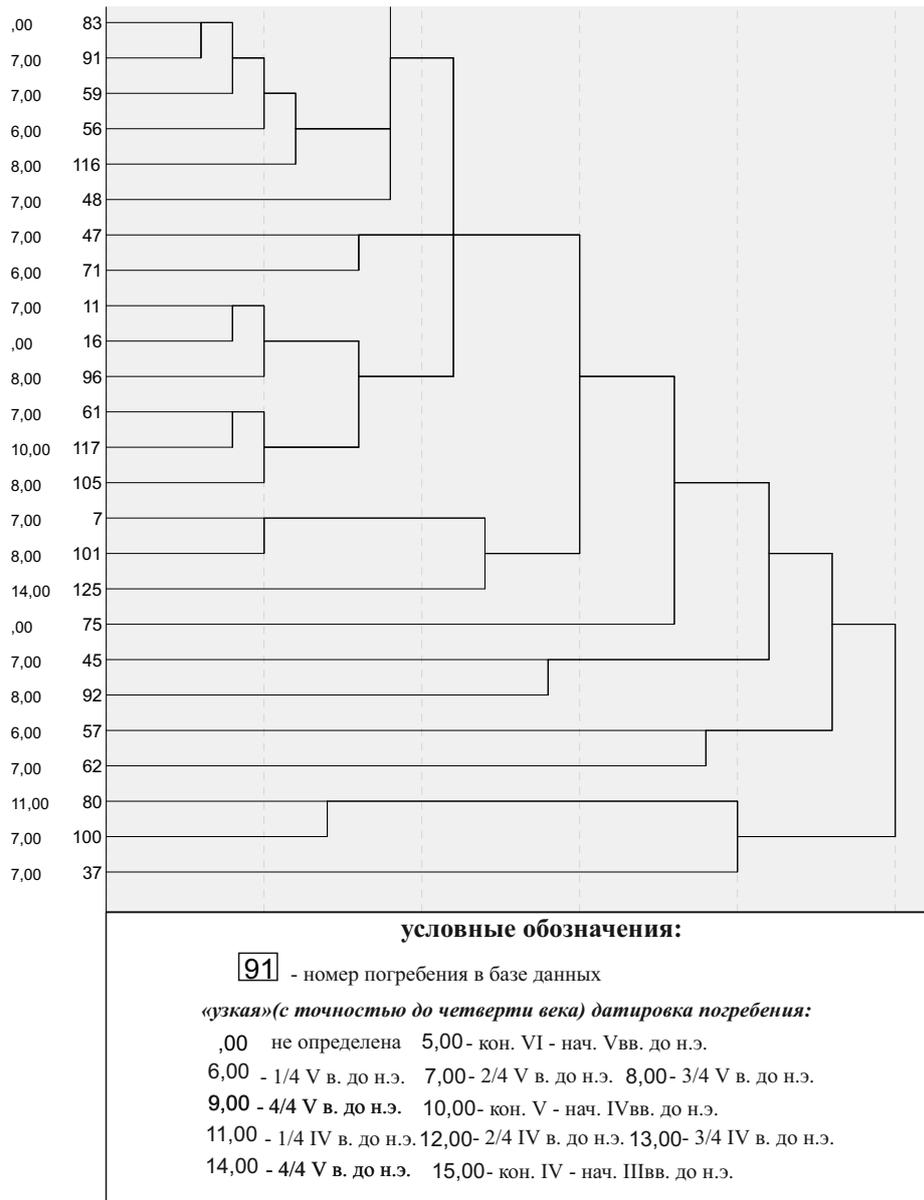
Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей

Граф. 14. Некрополь Артющенко 2. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

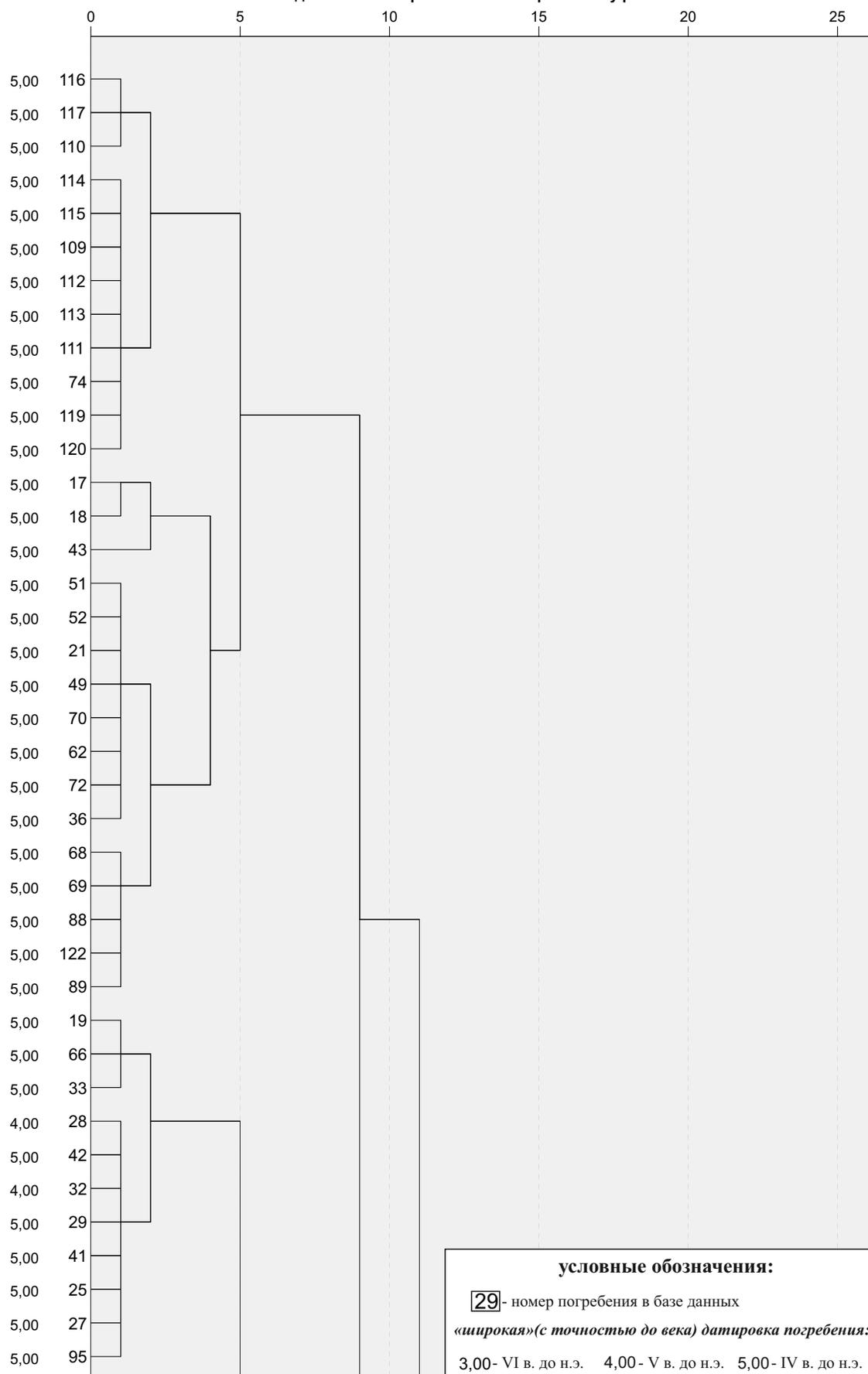
Граф. 14. (продолжение) Некрополь Артющенко 2. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

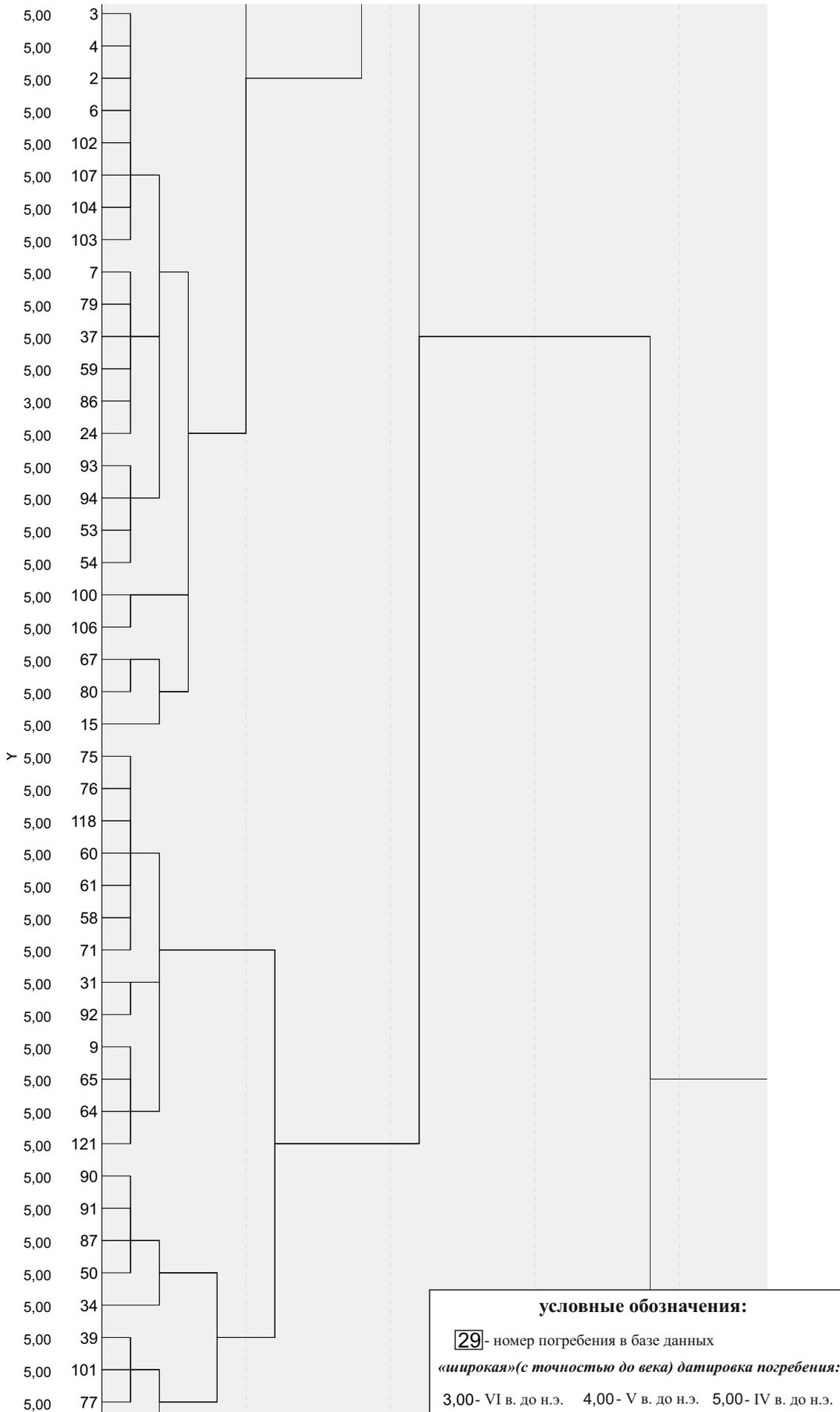
Граф. 14.(продолжение) Некрополь Артющенко 2. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

Дендрограмма с использованием метода Варда.

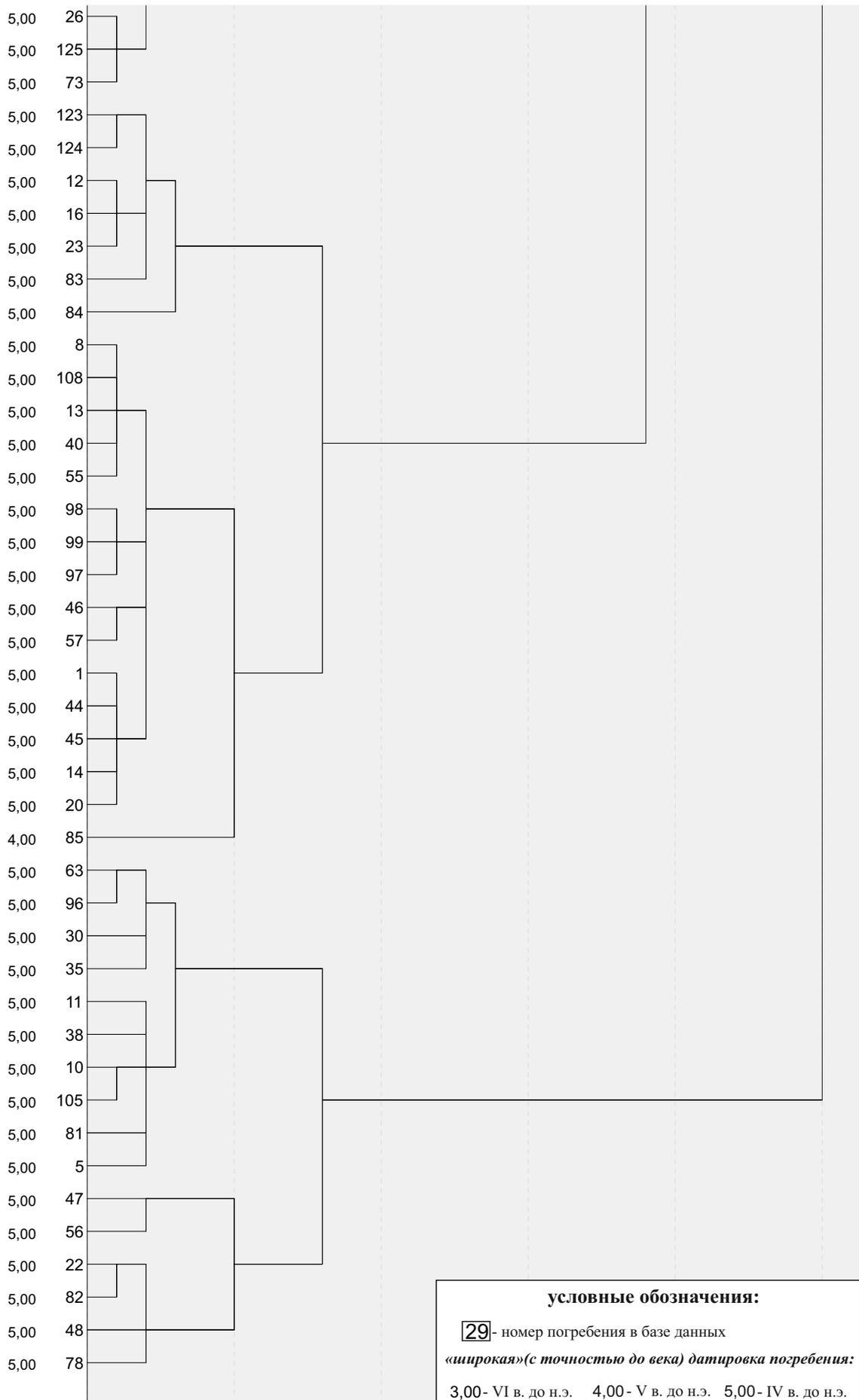
Объединение кластеров по масштабированному расстоянию

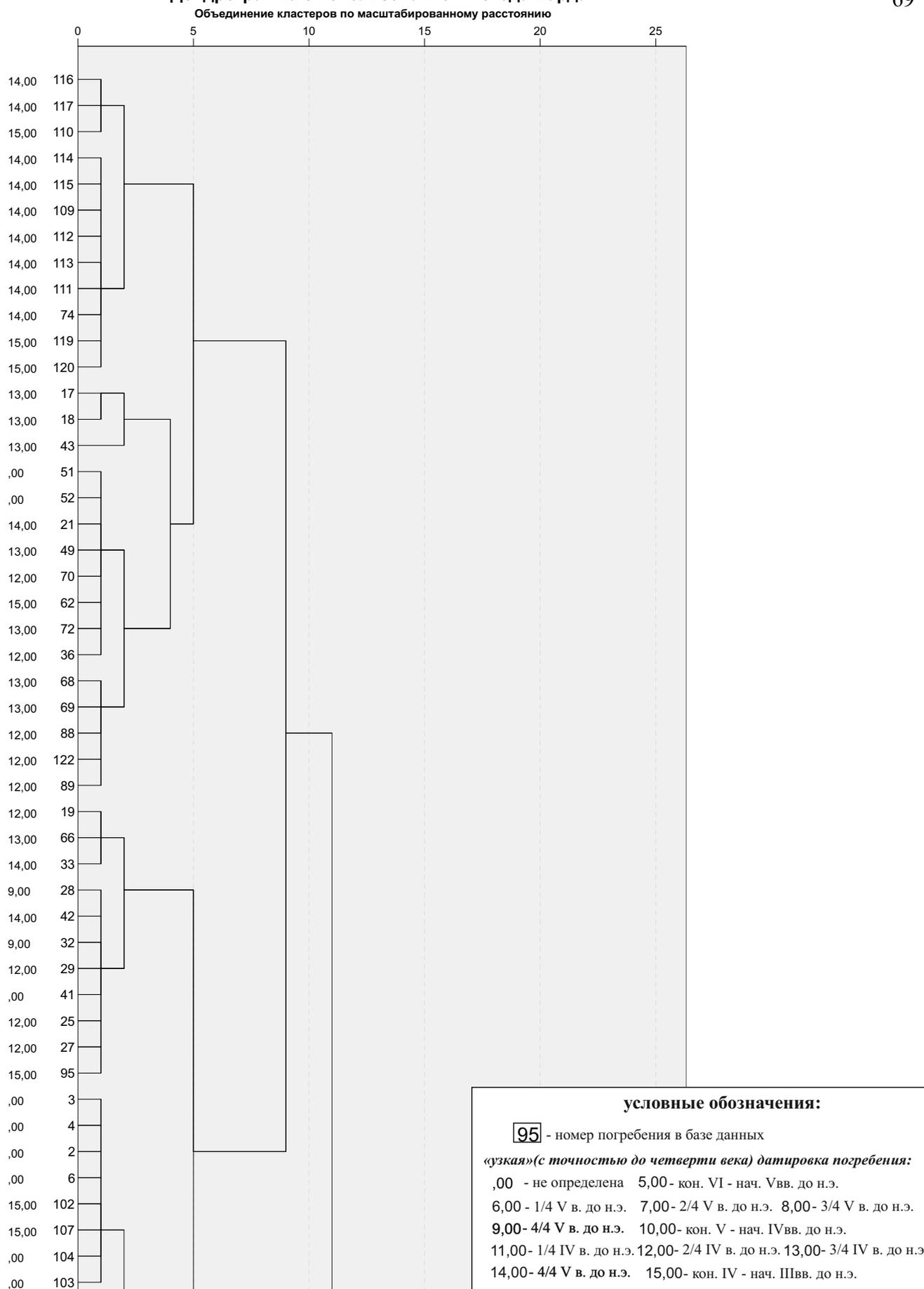
Граф. 15. Некрополи у пос. Виноградный. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

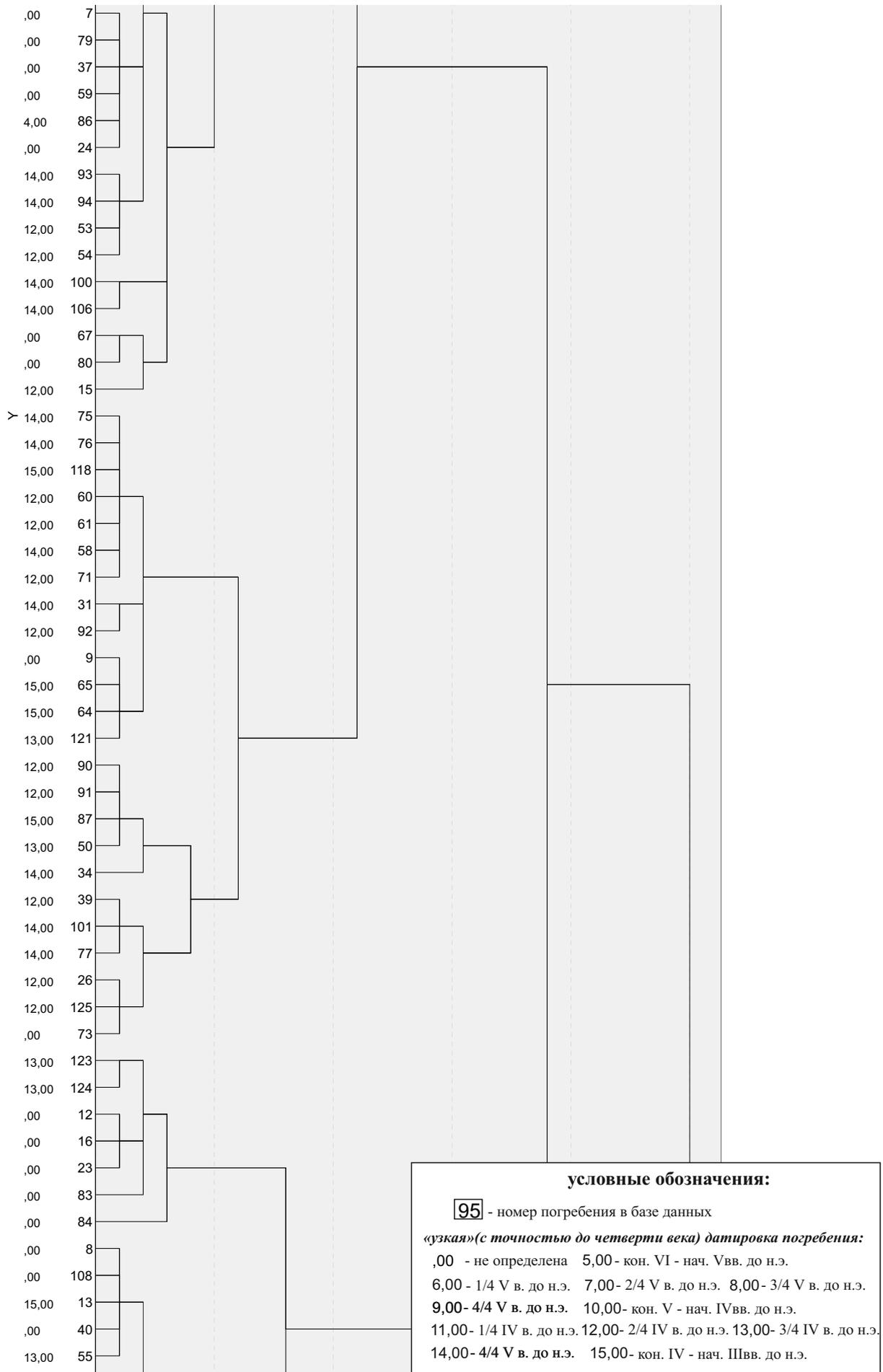
Граф. 15 (продолжение). Некрополи у пос. Виноградный. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

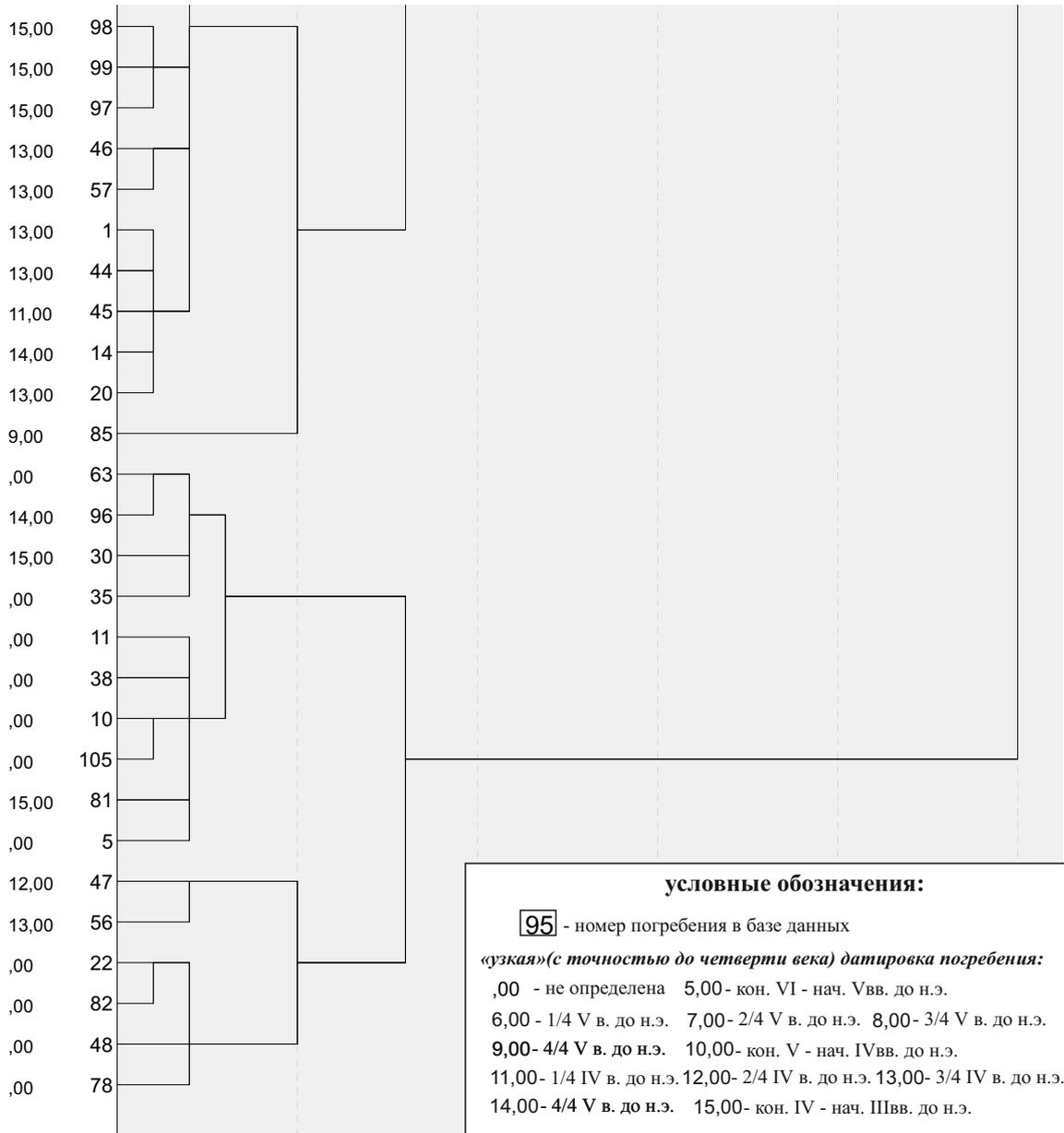
Граф. 15. Некрополи у пос. Виноградный. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

Граф. 16. Некрополи у пос. Виноградный . Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

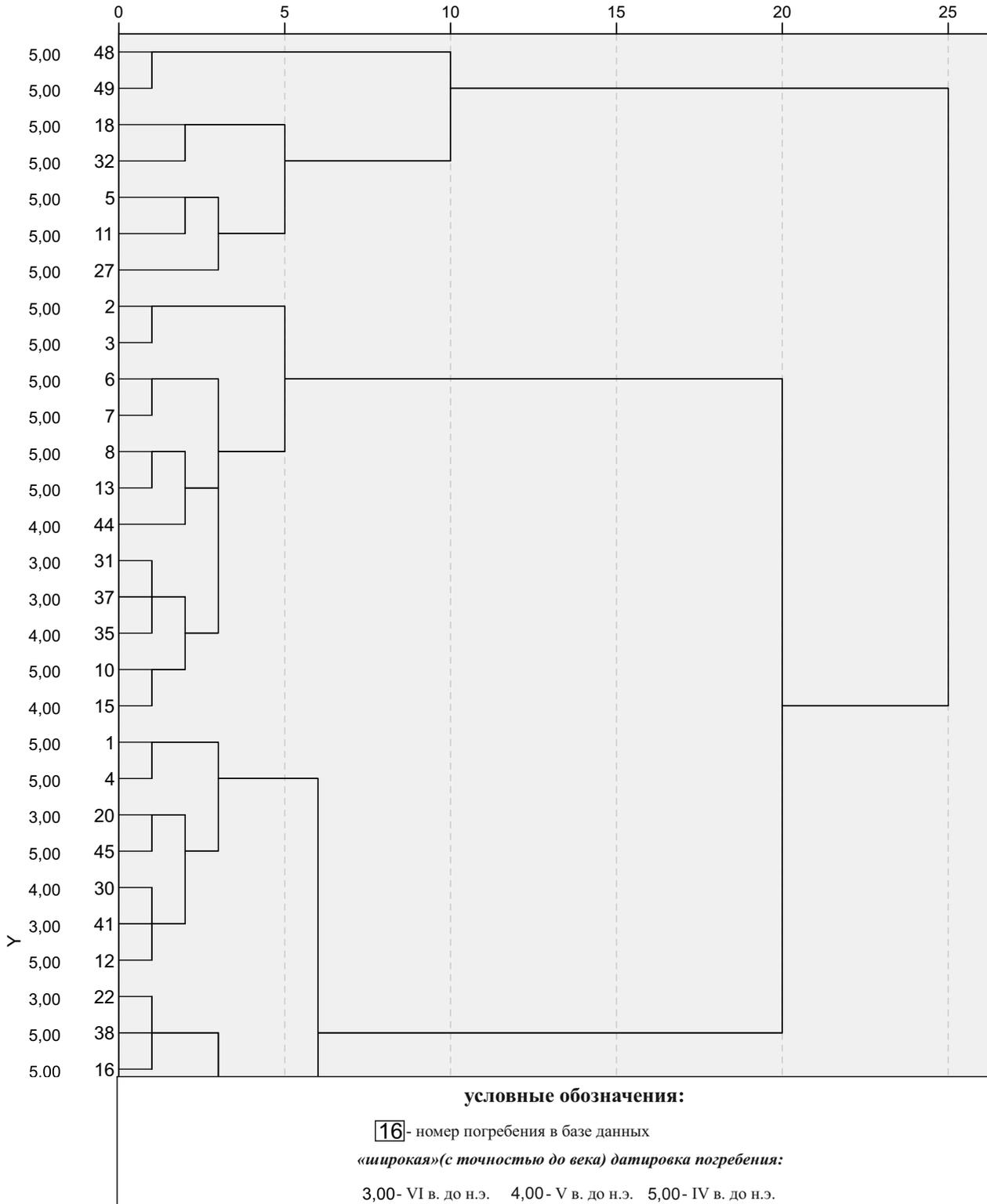
Граф. 16 (продолжение). Некрополи у пос. Виноградный . Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

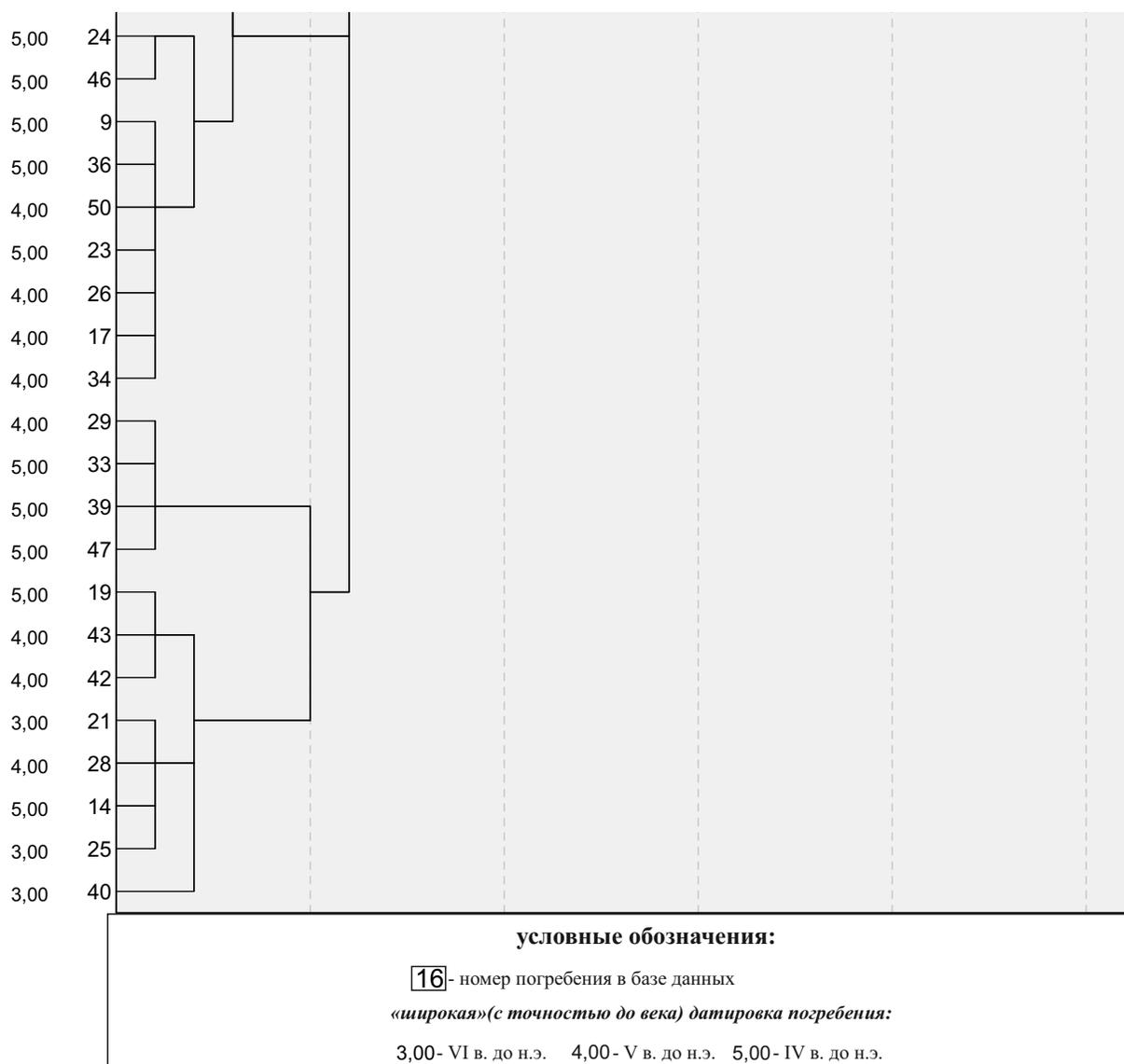
Граф. 16 (продолжение). Некрополи у пос. Виноградный. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

Дендрограмма с использованием метода Варда.

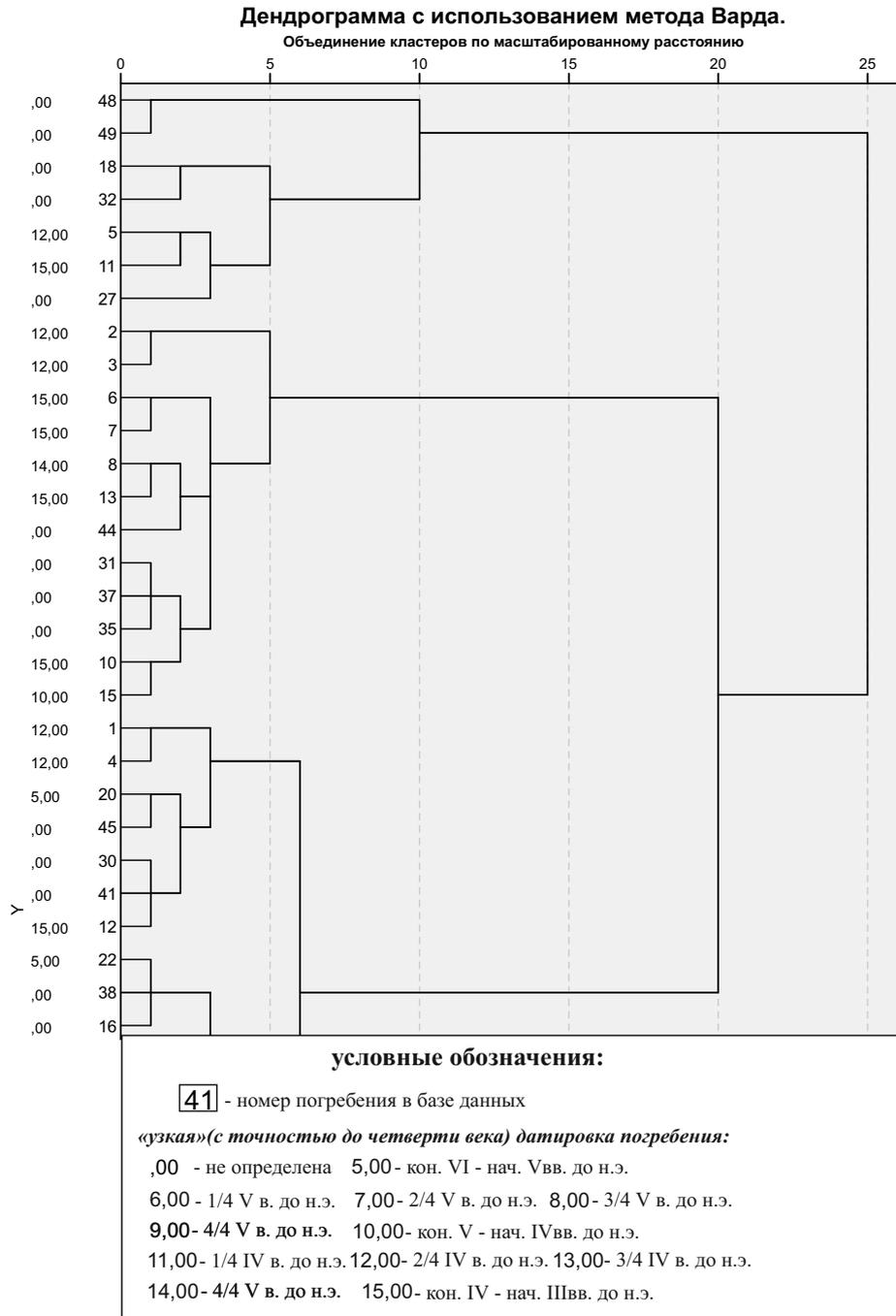
Объединение кластеров по масштабированному расстоянию

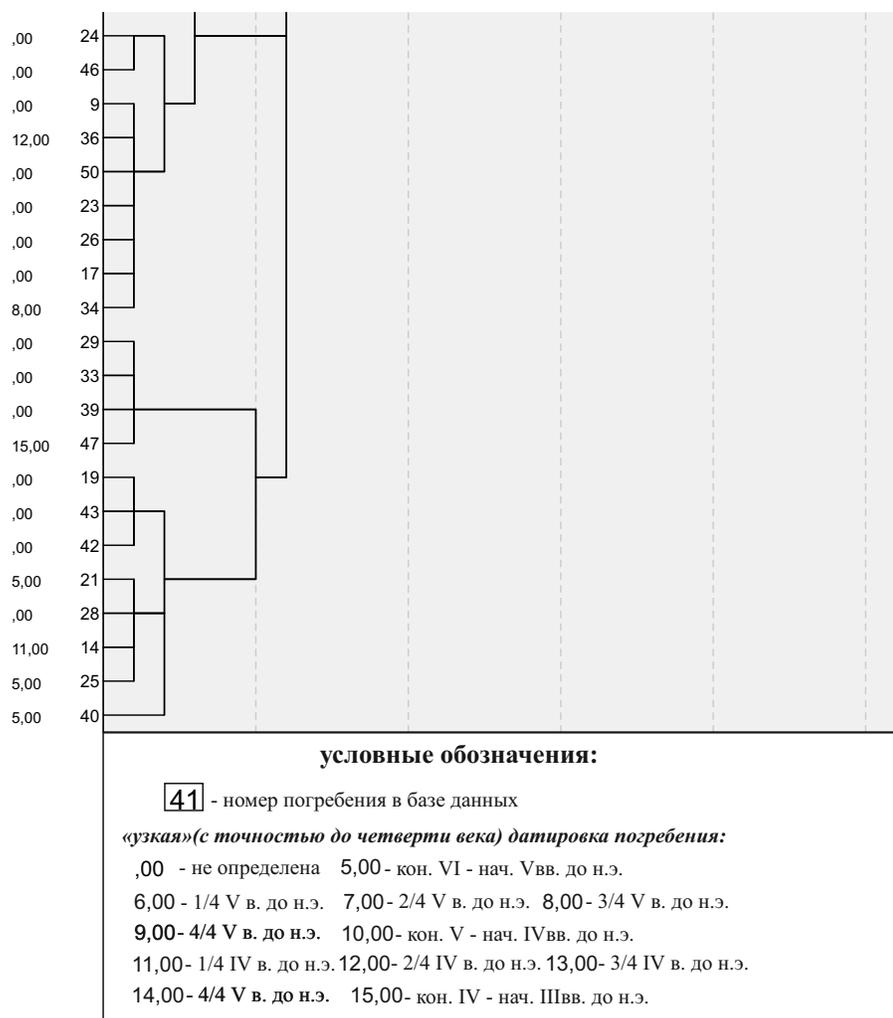
Граф. 17. Некрополь у пос. Пересыпь. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

Граф. 17 (продолжение). Некрополь у пос. Пересыпь. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

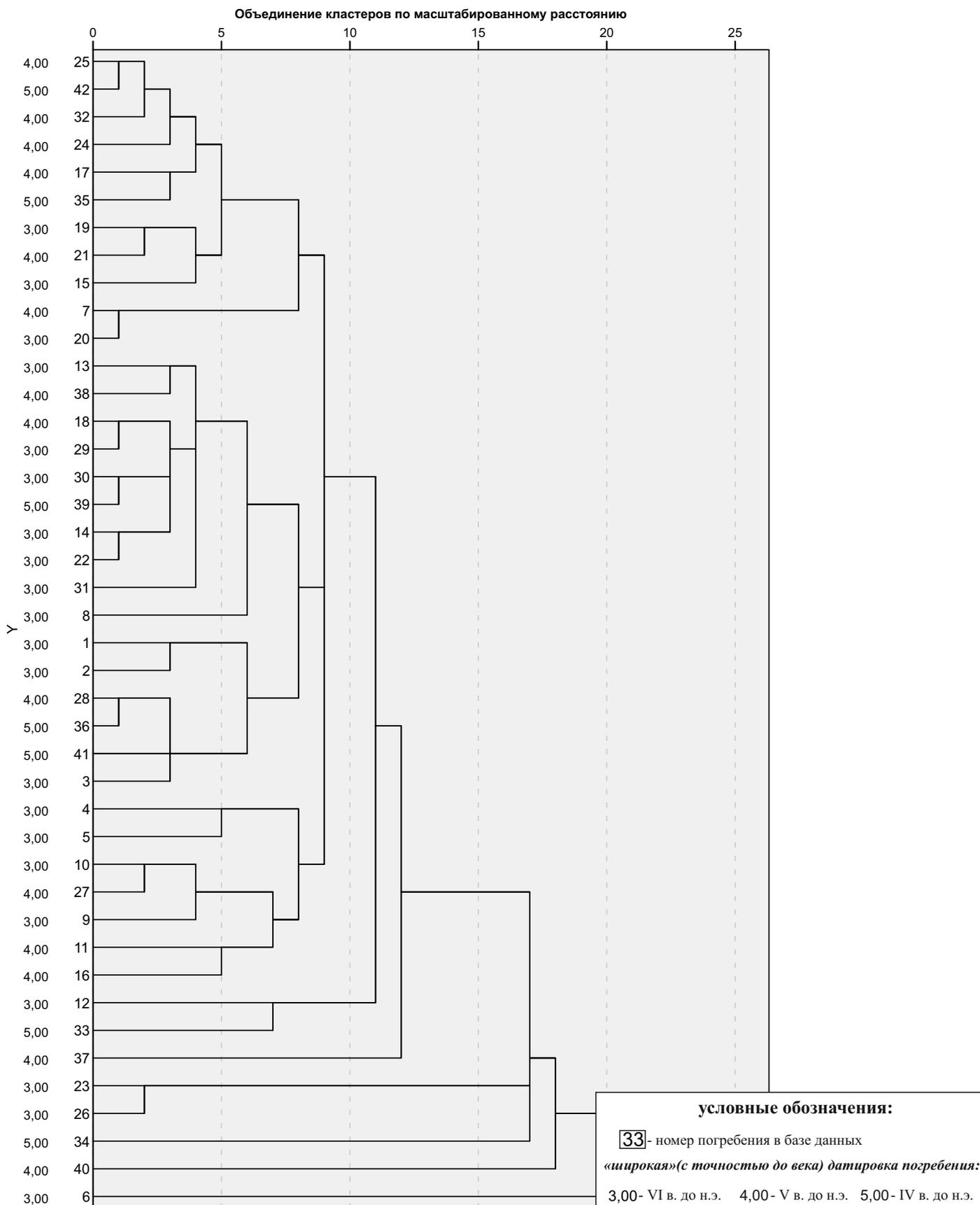

Граф. 18. Некрополь у пос. Пересыпь. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

Граф. 18 (продолжение). Некрополь у пос. Пересыпь. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

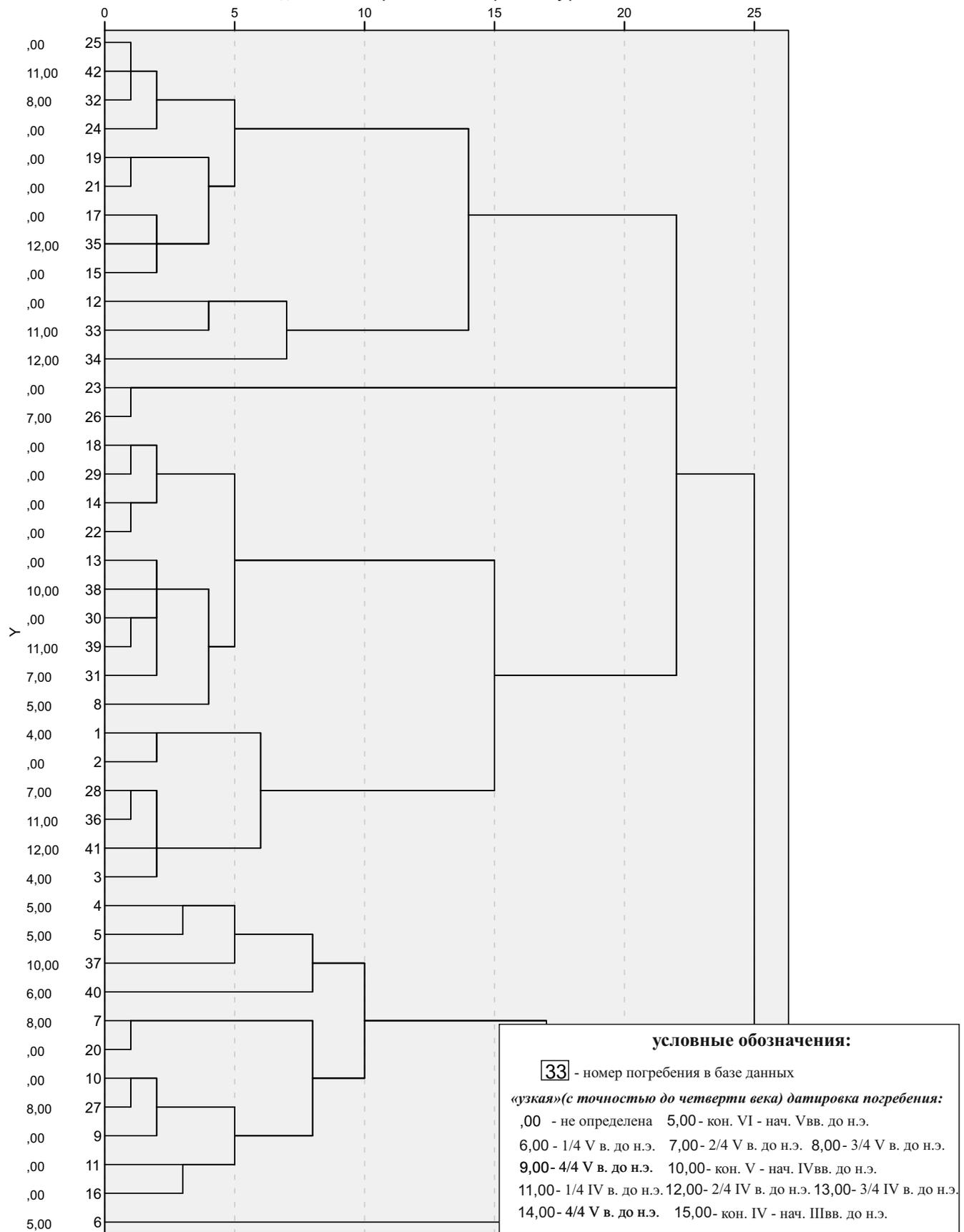
Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей

Граф. 19. Некрополь у м. Панагия. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №4 – «широкая датировка захоронения»)

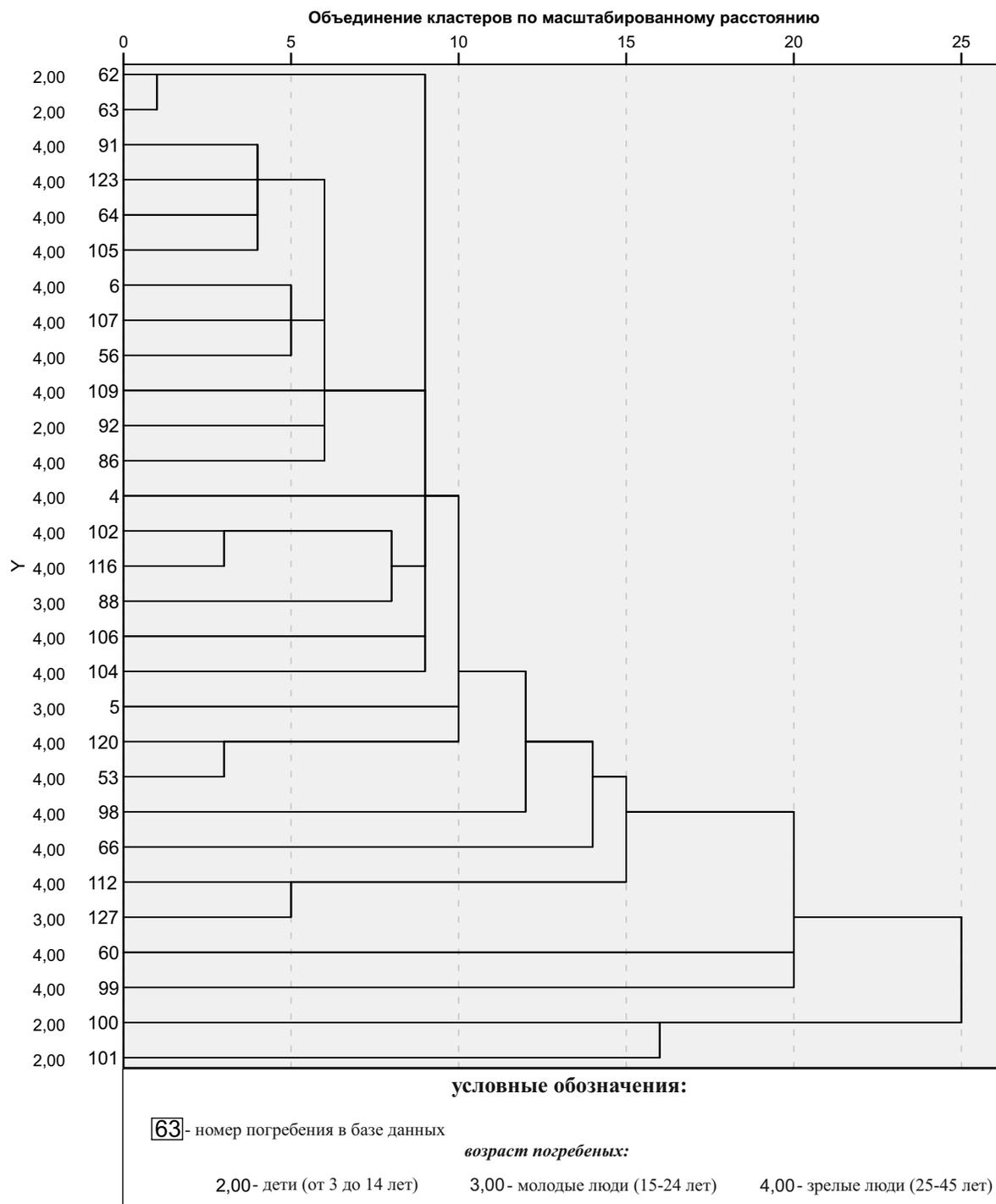
Дендрограмма с использованием метода Варда.

Объединение кластеров по масштабированному расстоянию

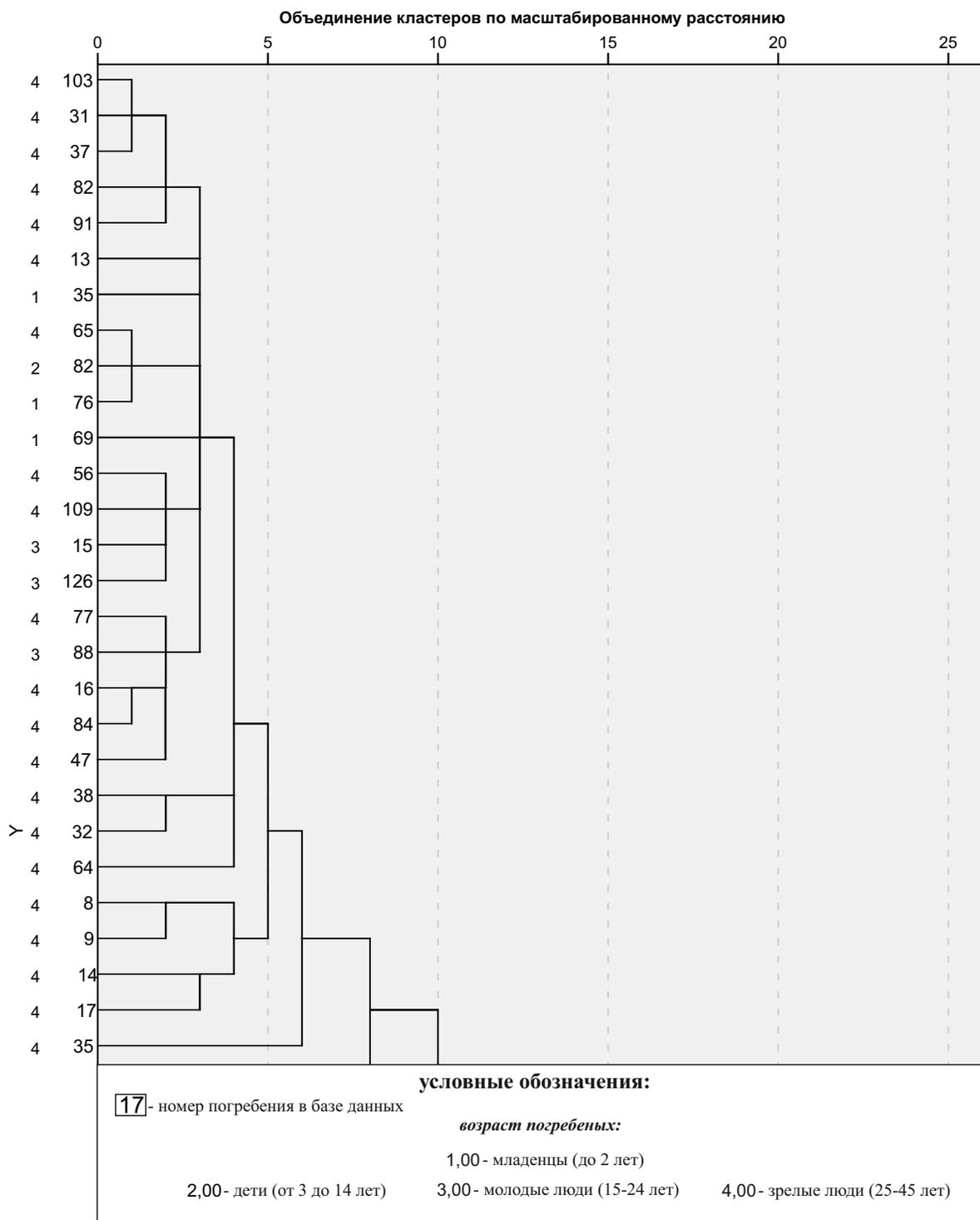
Граф. 20. Некрополь у м. Панагия . Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью к определенной хронологической группе (признак №112 – «узкая датировка захоронения»)

Дендрограмма с использованием метода ближайшего соседа.

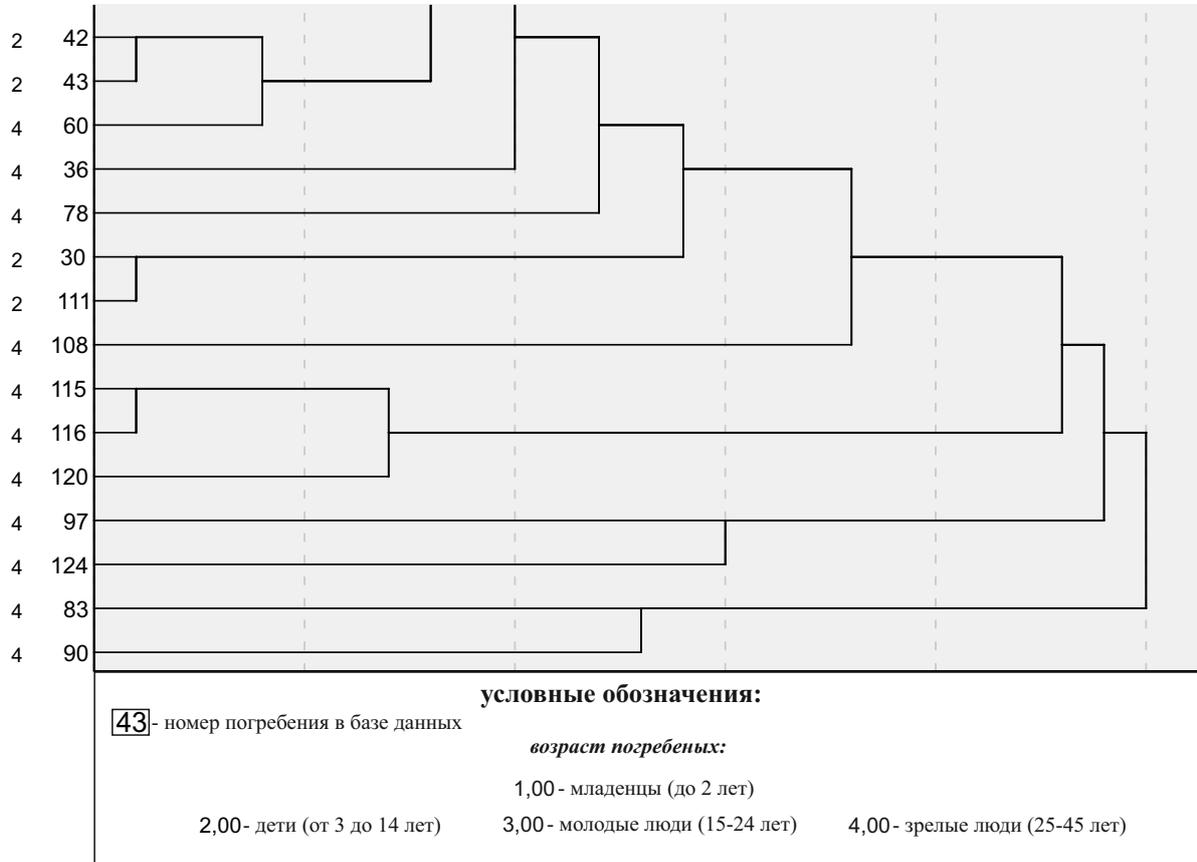

Граф. 21. Некрополь Фанагории. Связи между погребениями по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей

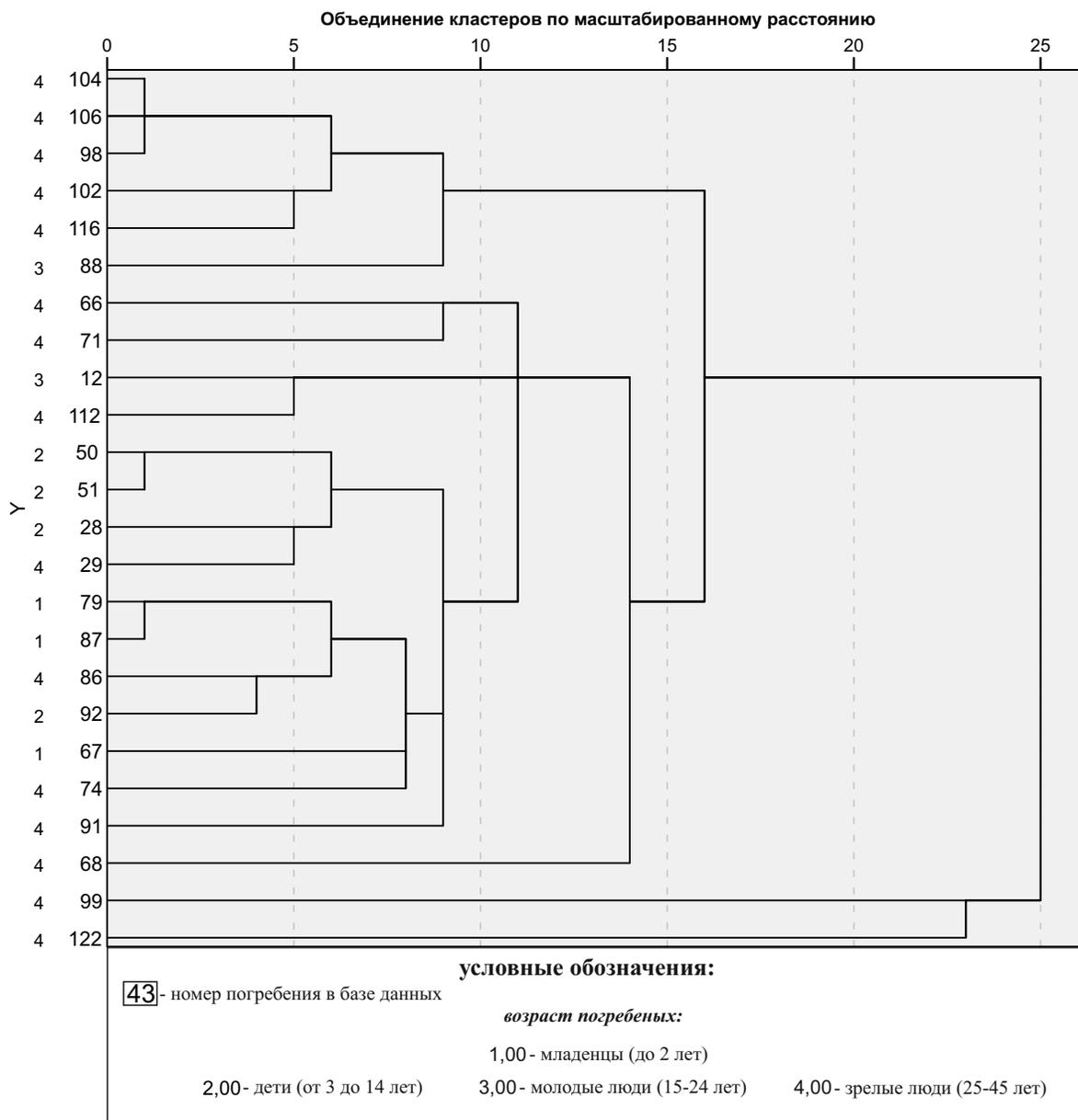

Граф. 22. Некрополь Фанагории. Связи между погребениями второй половины V - первой половины IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

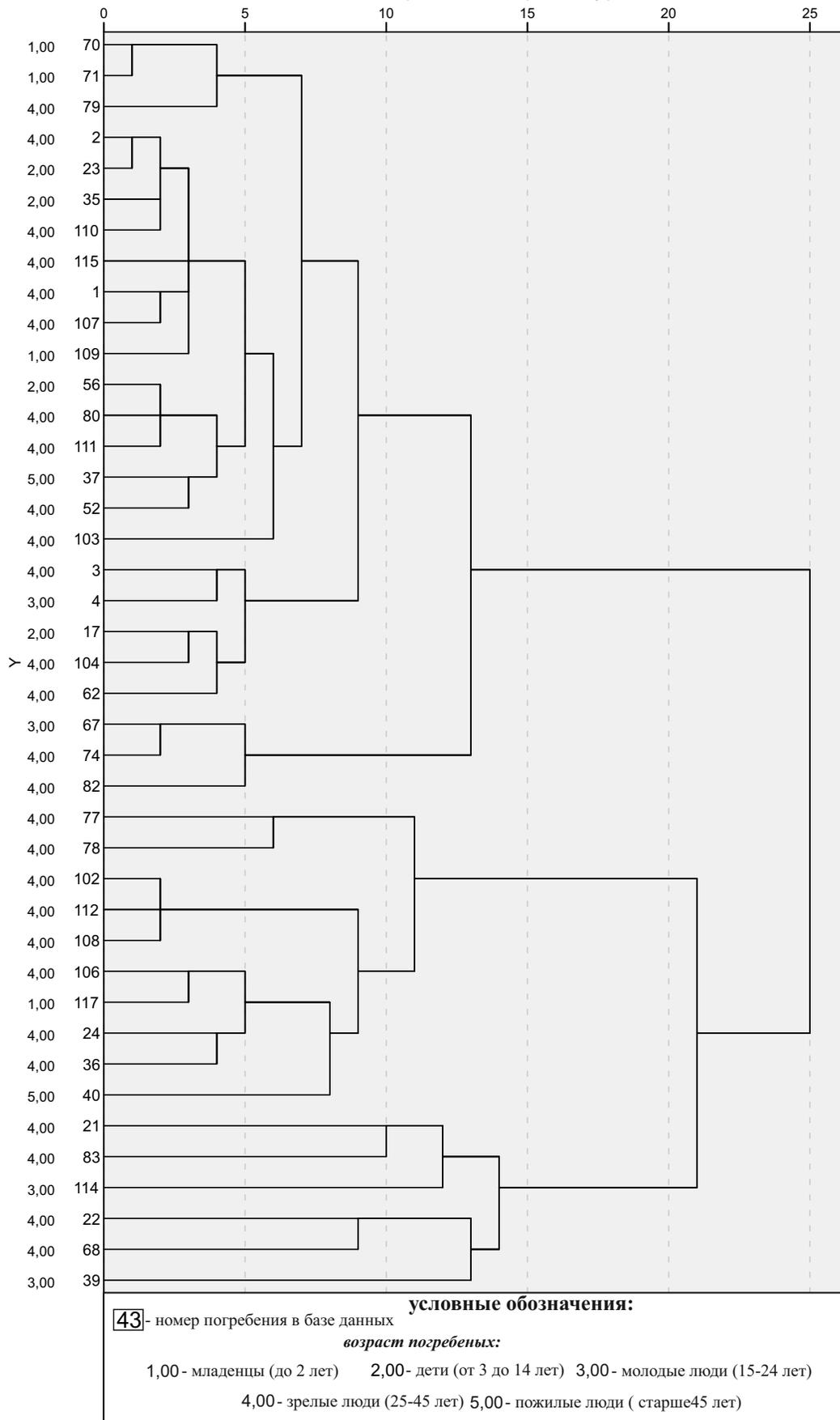

Граф. 22 (продолжение). Некрополь Фанагории. Связи между погребениями второй половины V- первой половины IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

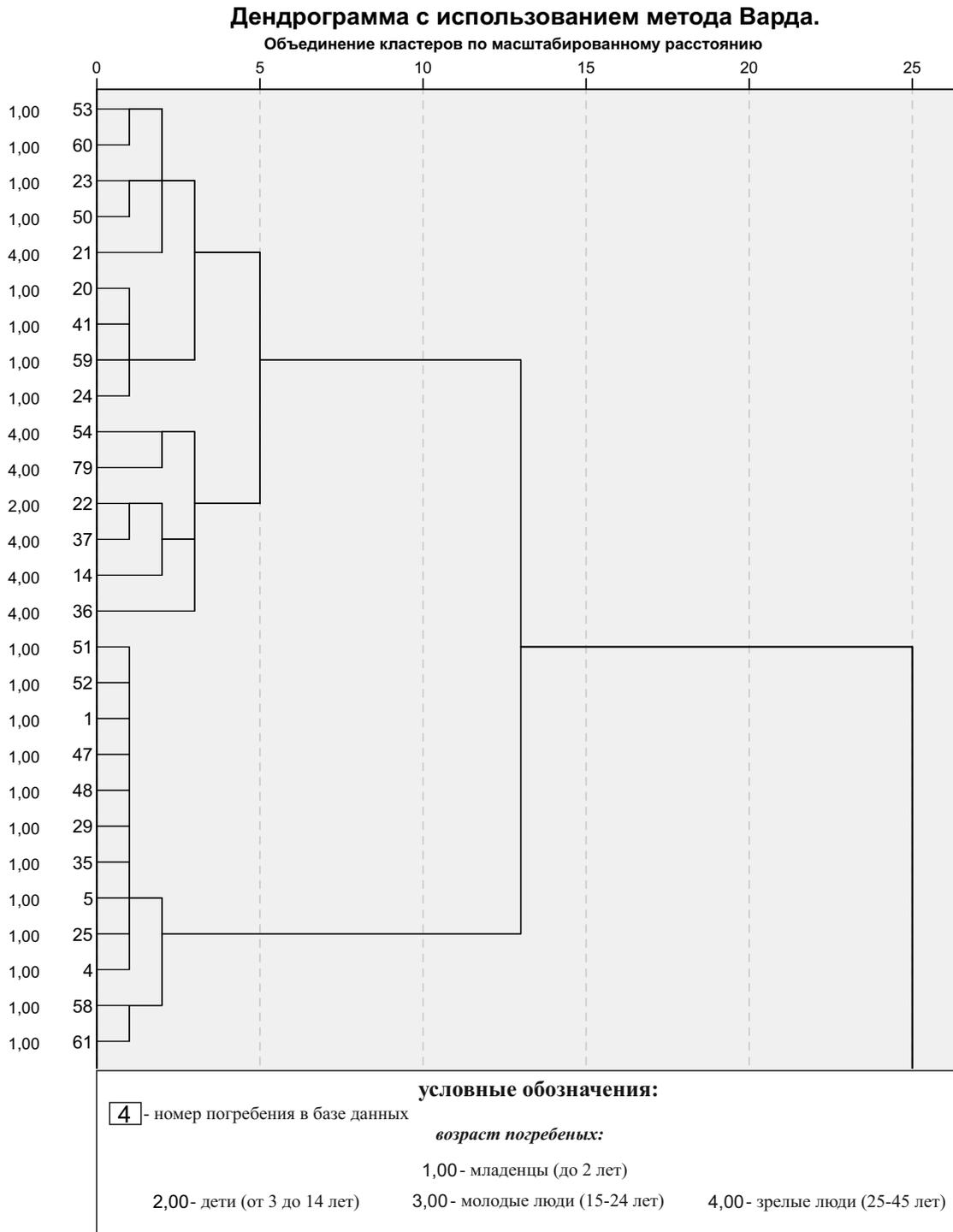
Дендрограмма с использованием метода ближайшего соседа.

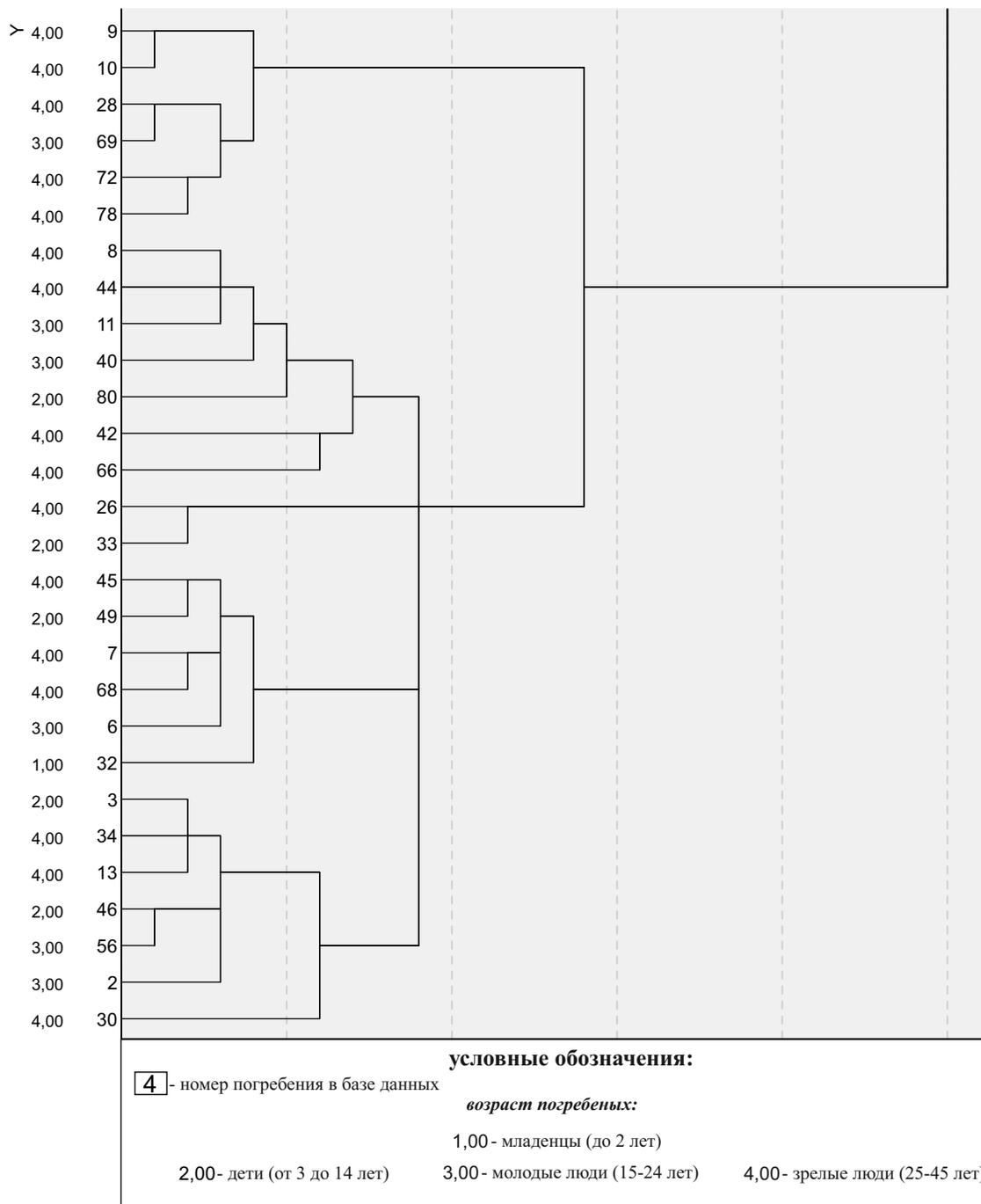
Граф. 23. Некрополь Фанагории. Связи между погребениями второй половины IV в. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

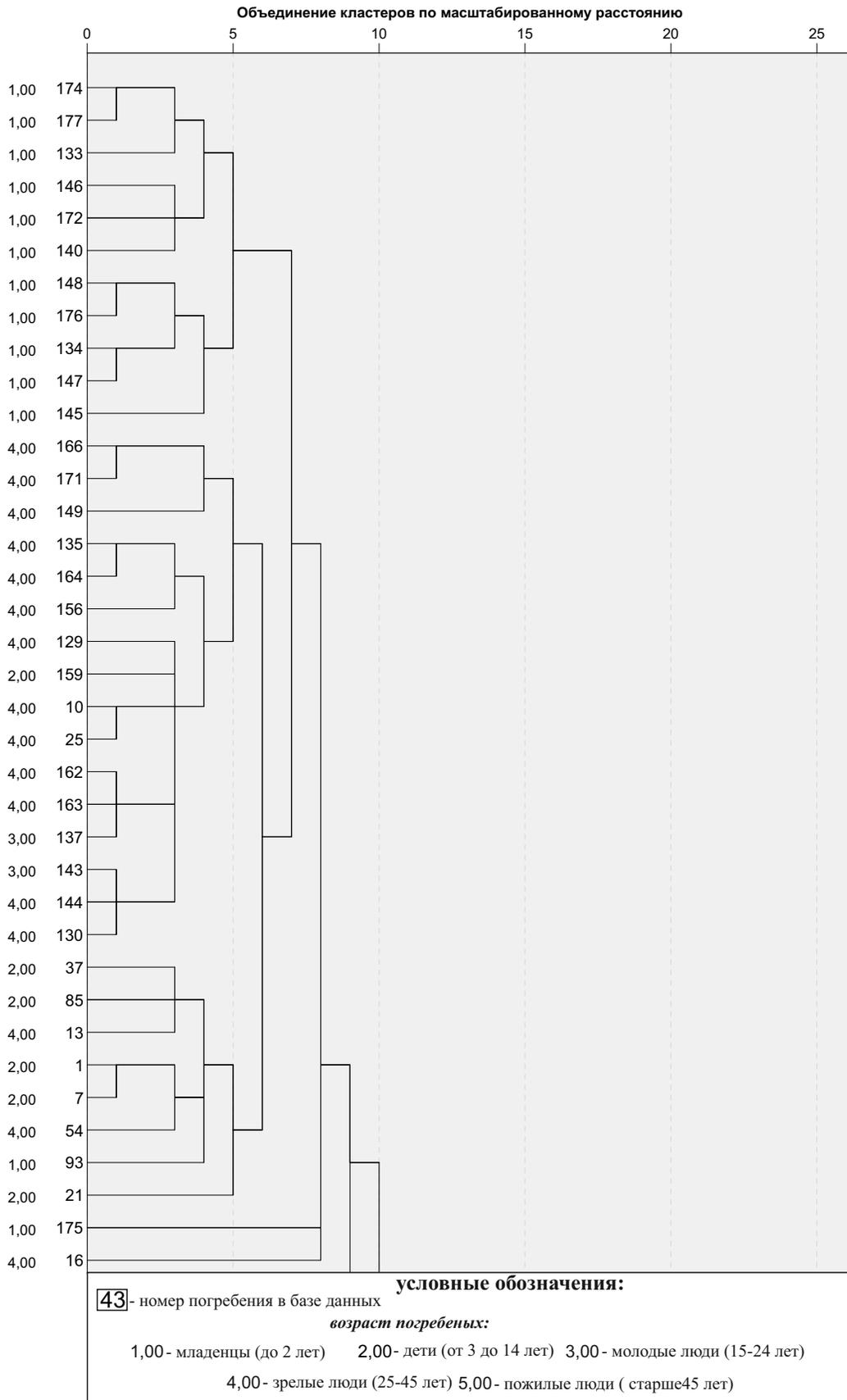
Граф. 24. Некрополь Гермонассы. Связи между погребениями VI-IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

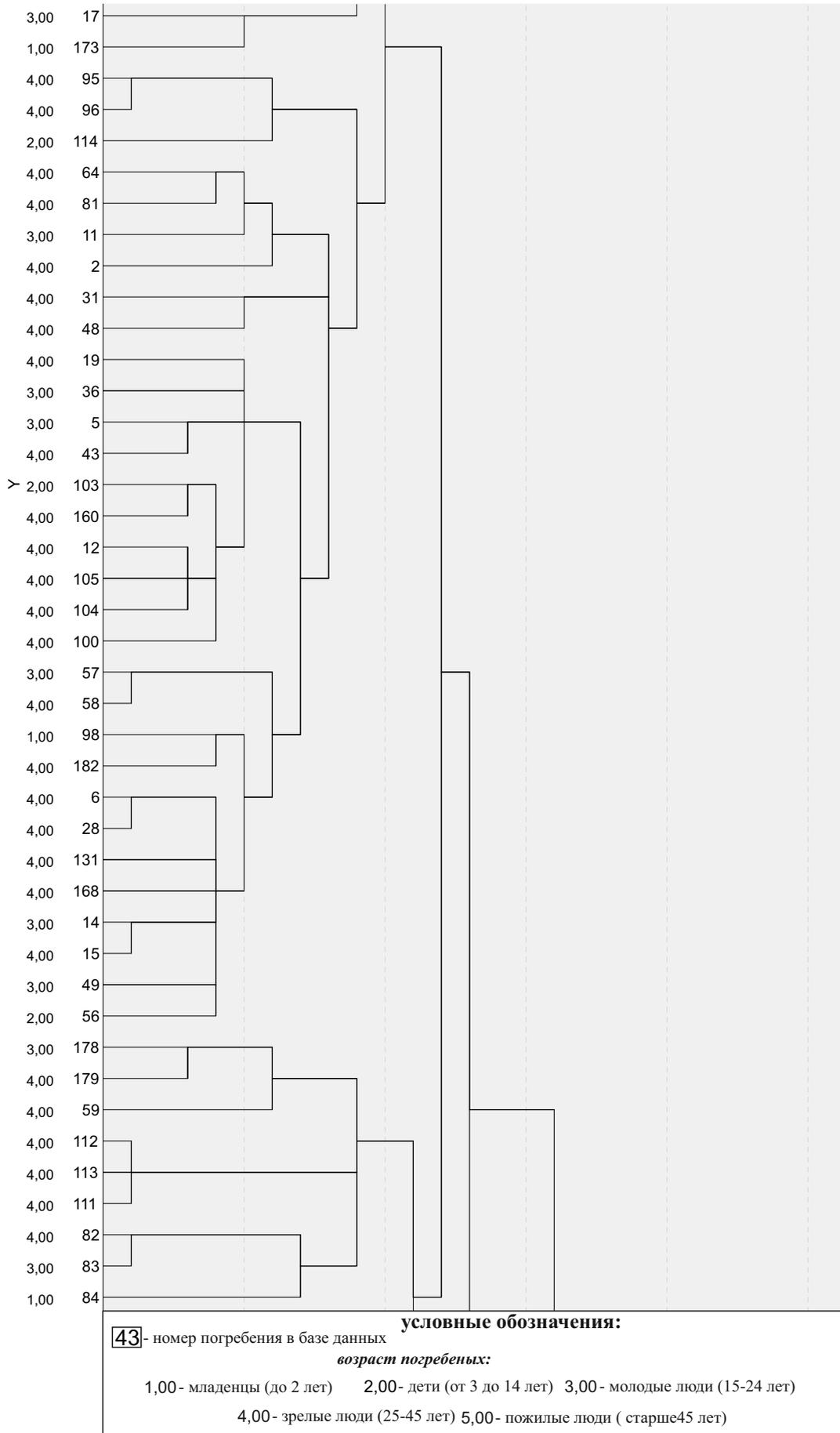
Граф. 25. Некрополь Кеп. Связи между погребениями VI-IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

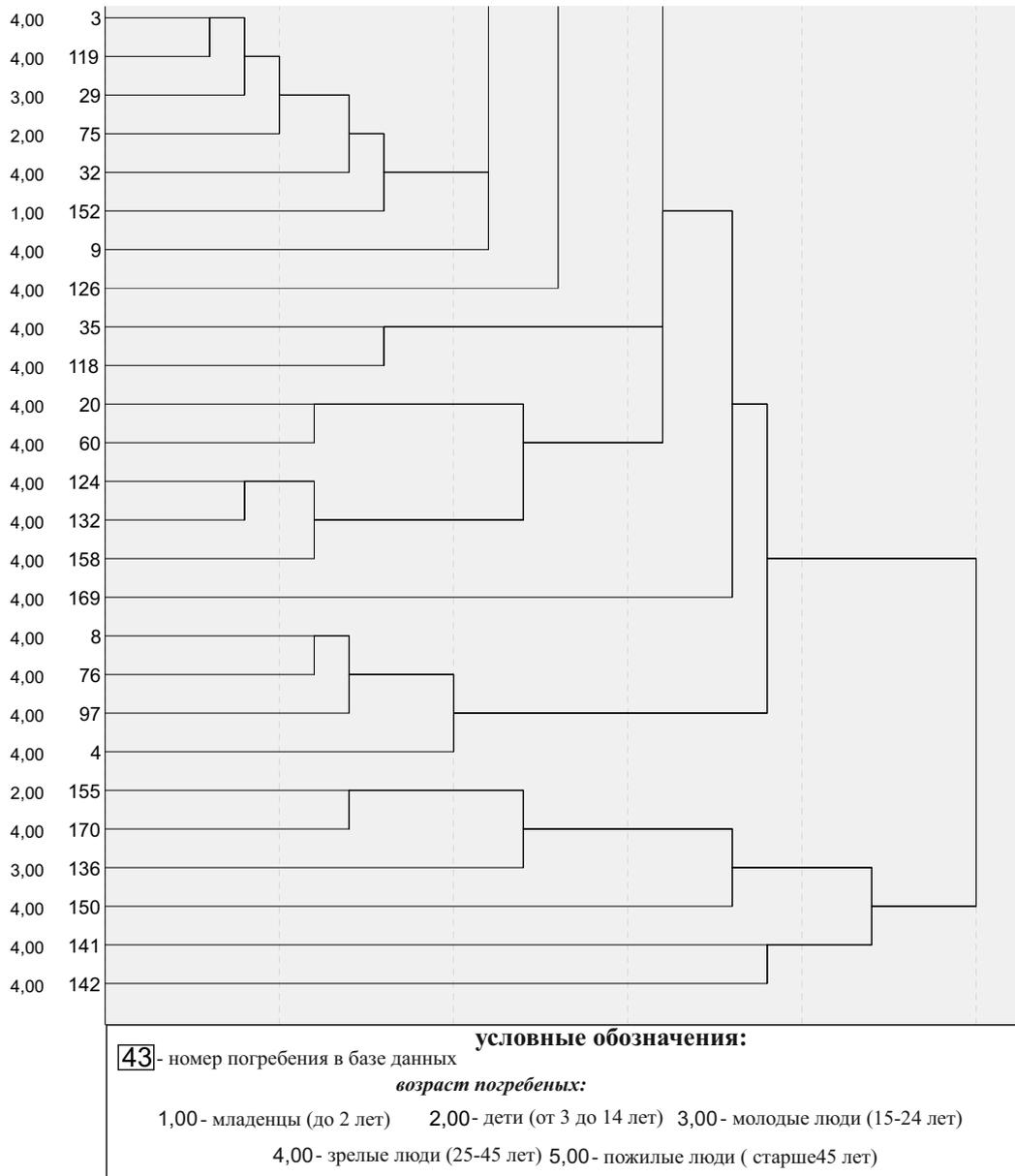
Граф. 25 (продолжение). Некрополь Кеп. Связи между погребениями VI-IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

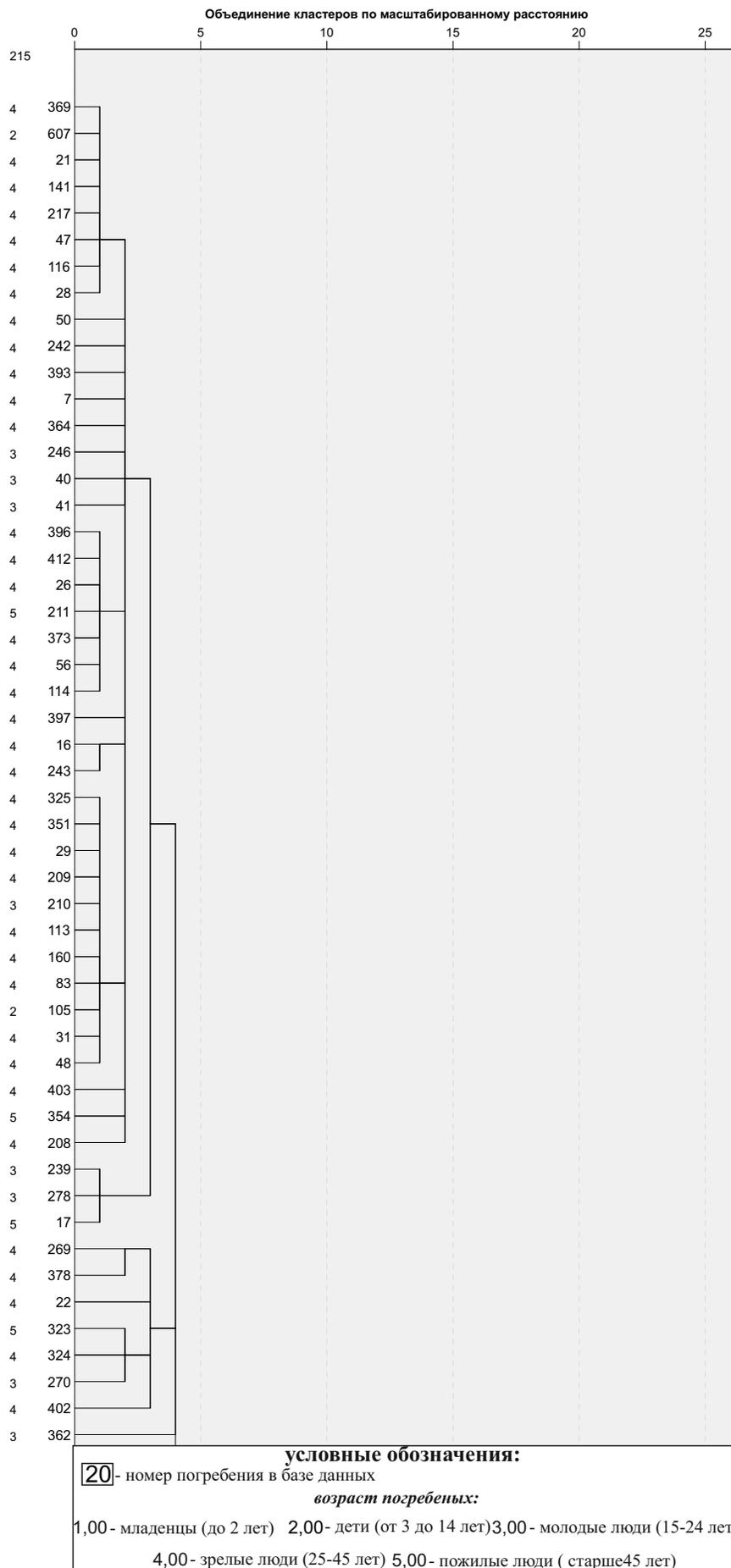
Граф. 26. Некрополь у м. Тузла. Связи между погребениями VI-IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

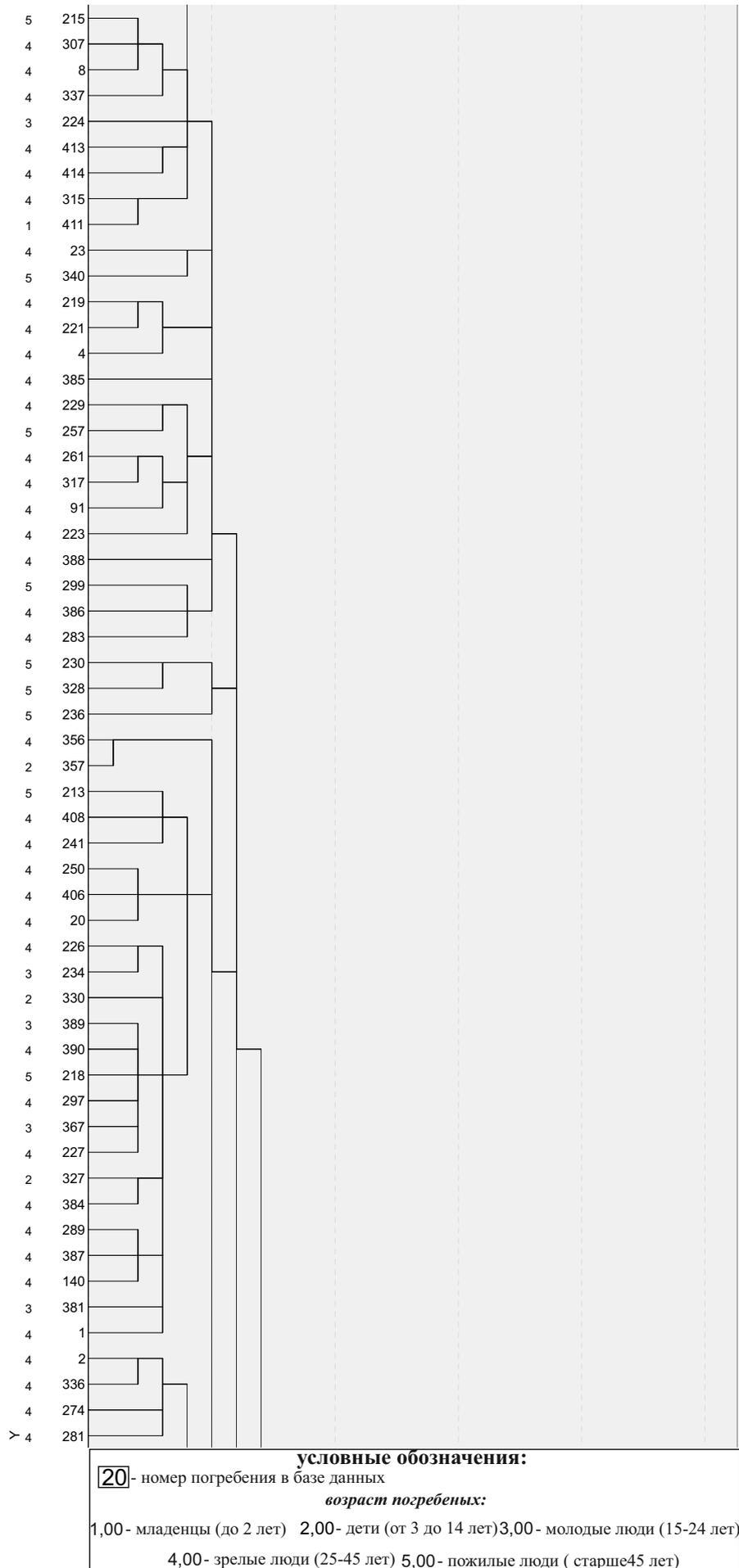
Граф. 26 (продолжение). Некрополь у м. Тузла. Связи между погребениями VI-IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

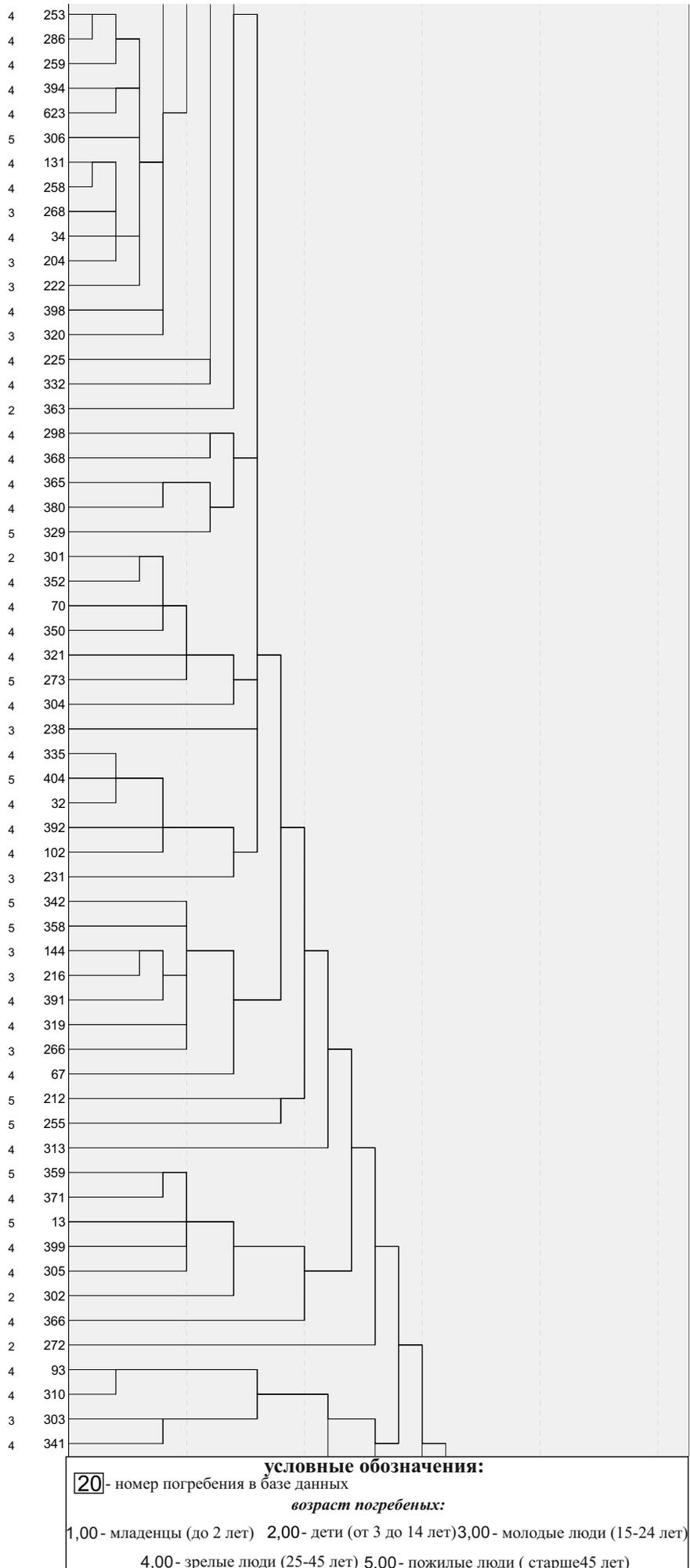
Граф. 26 (продолжение). Некрополь у м. Тузла. Связи между погребениями VI-IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

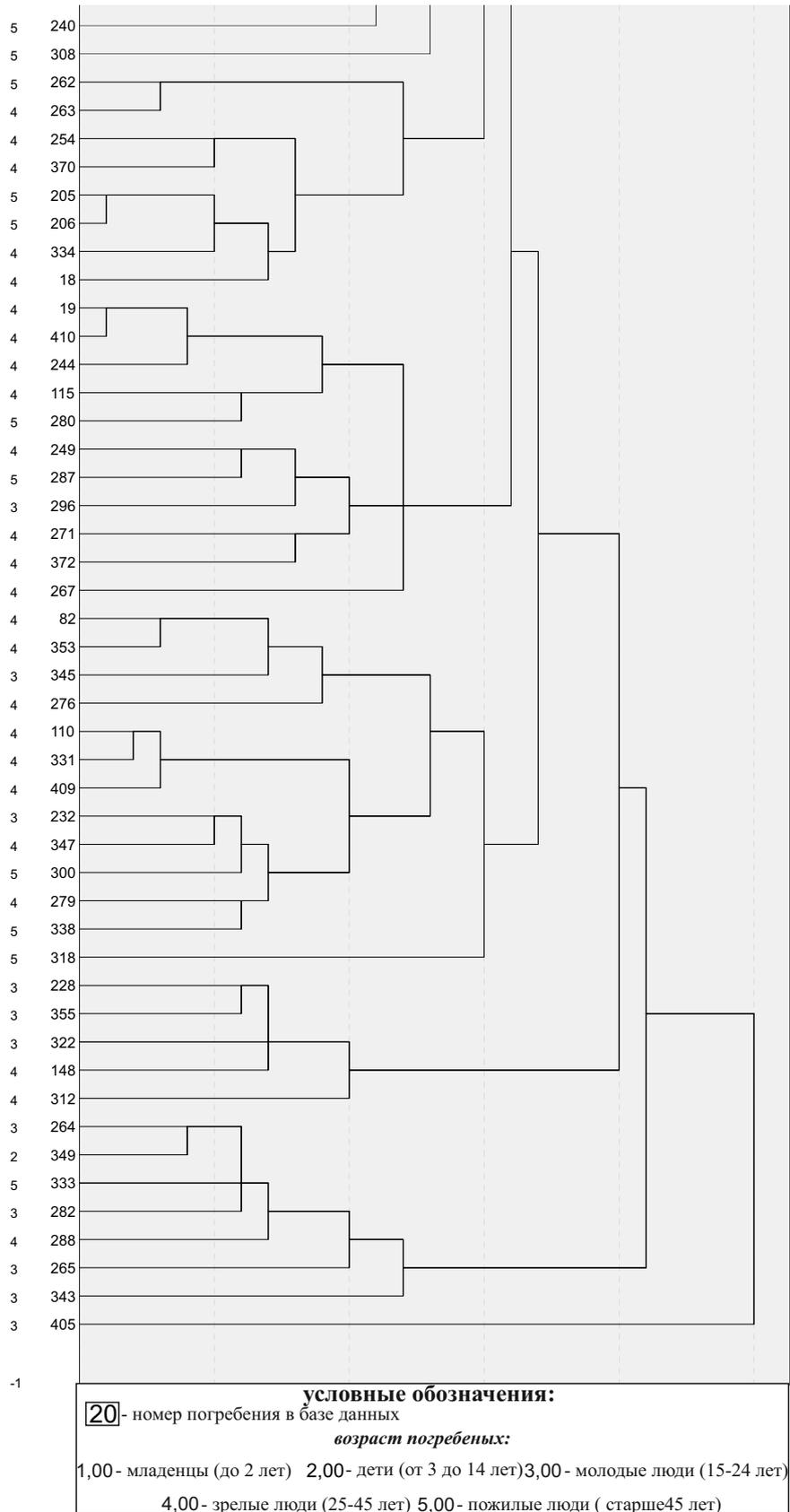
Граф. 27. Некрополь Волна 1. Связи между погребениями вторая половина VI - первая половина V в. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

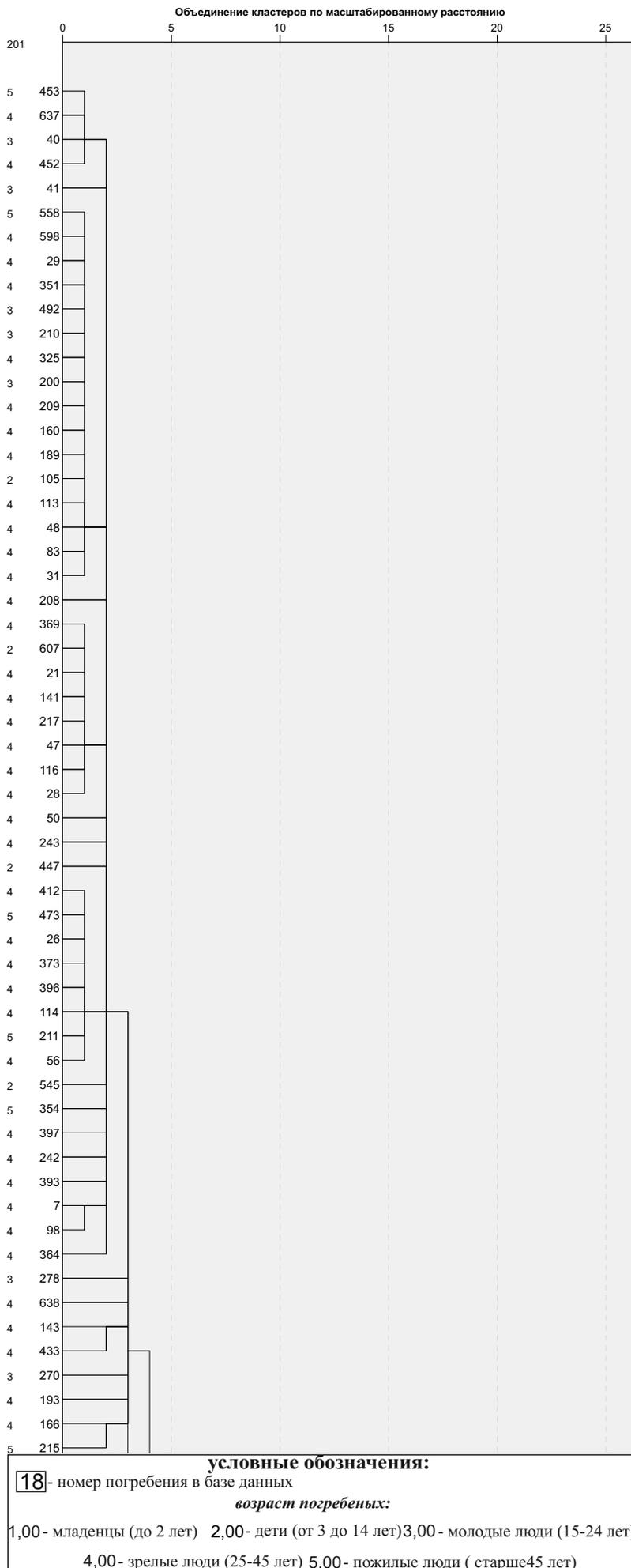
Граф. 27 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями вторая половина VI - первая половина V в. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

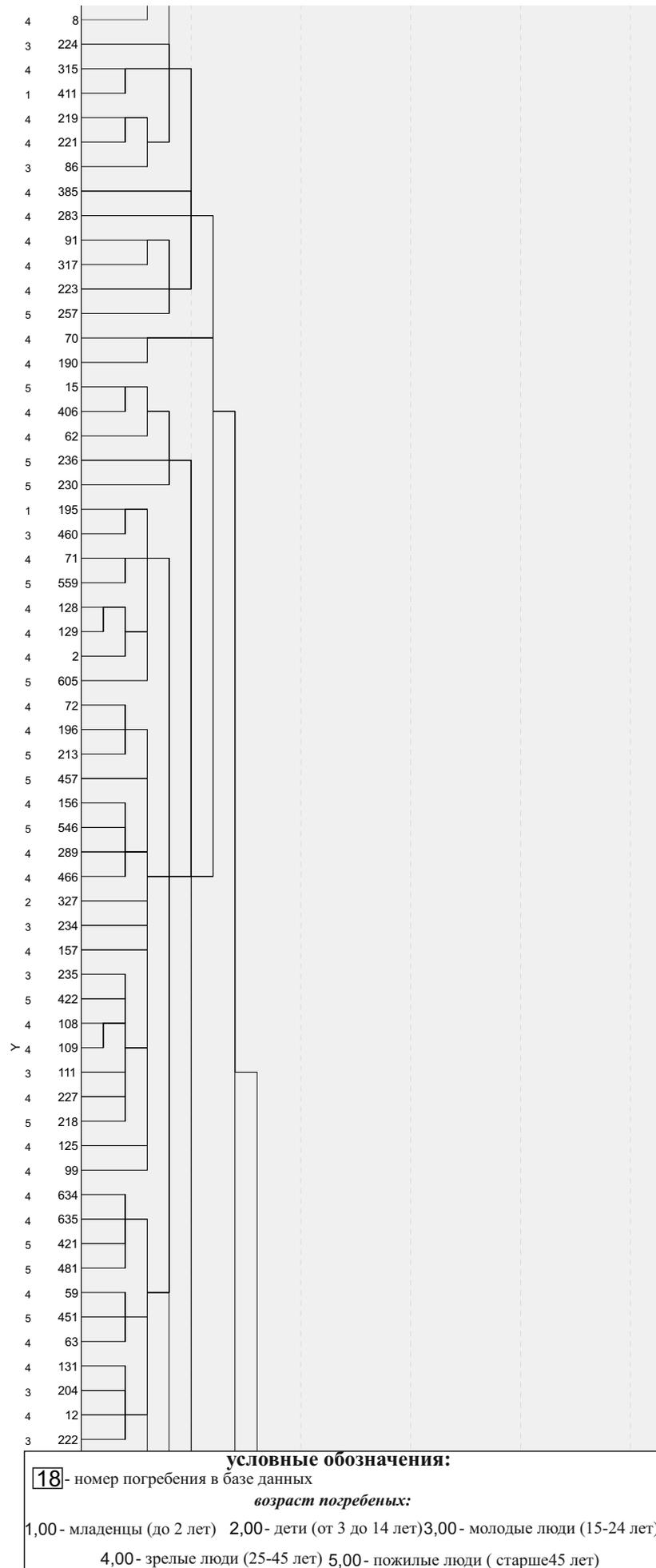
Граф. 27 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями вторая половина VI - первая половина V в. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

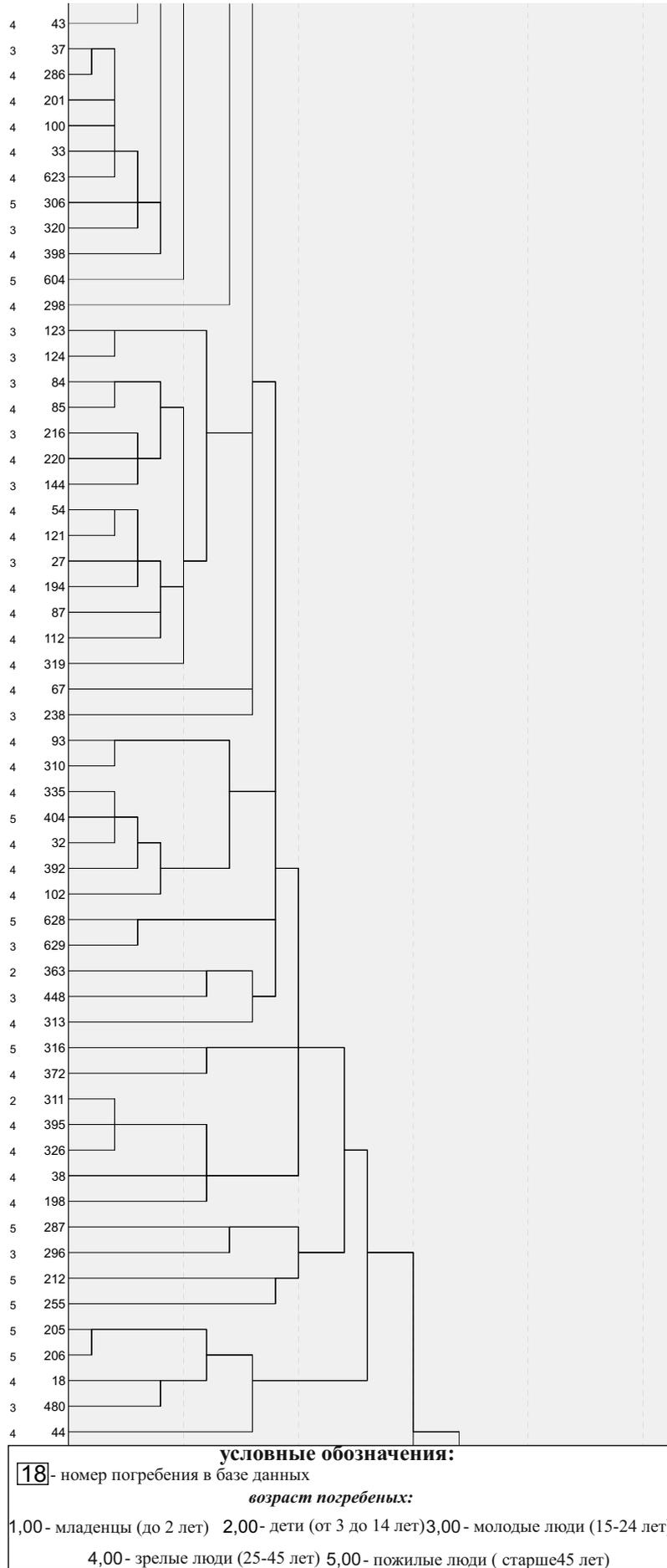
Граф. 27 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями вторая половина VI - первая половина V в. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

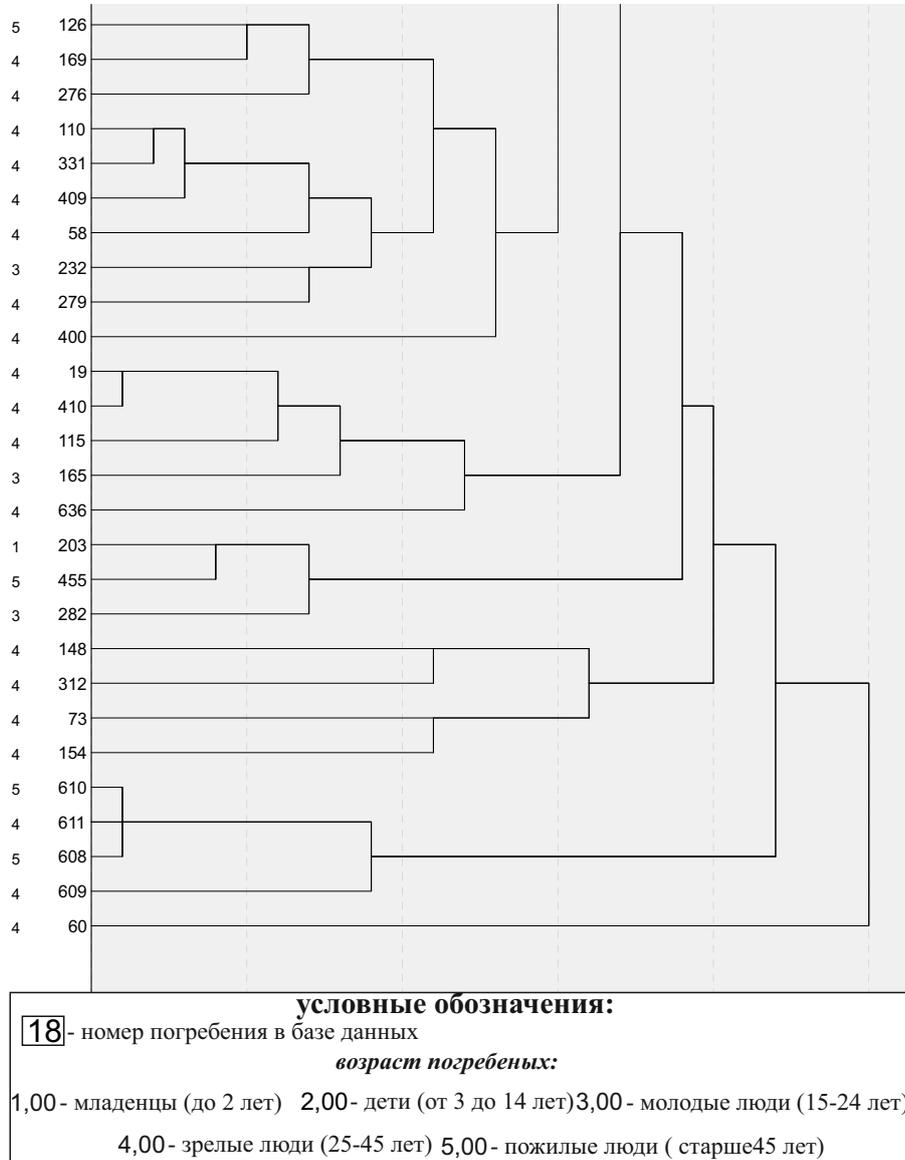
Граф. 28. Некрополь Волна 1. Связи между погребениями вторая половина V - первая половина IV в. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

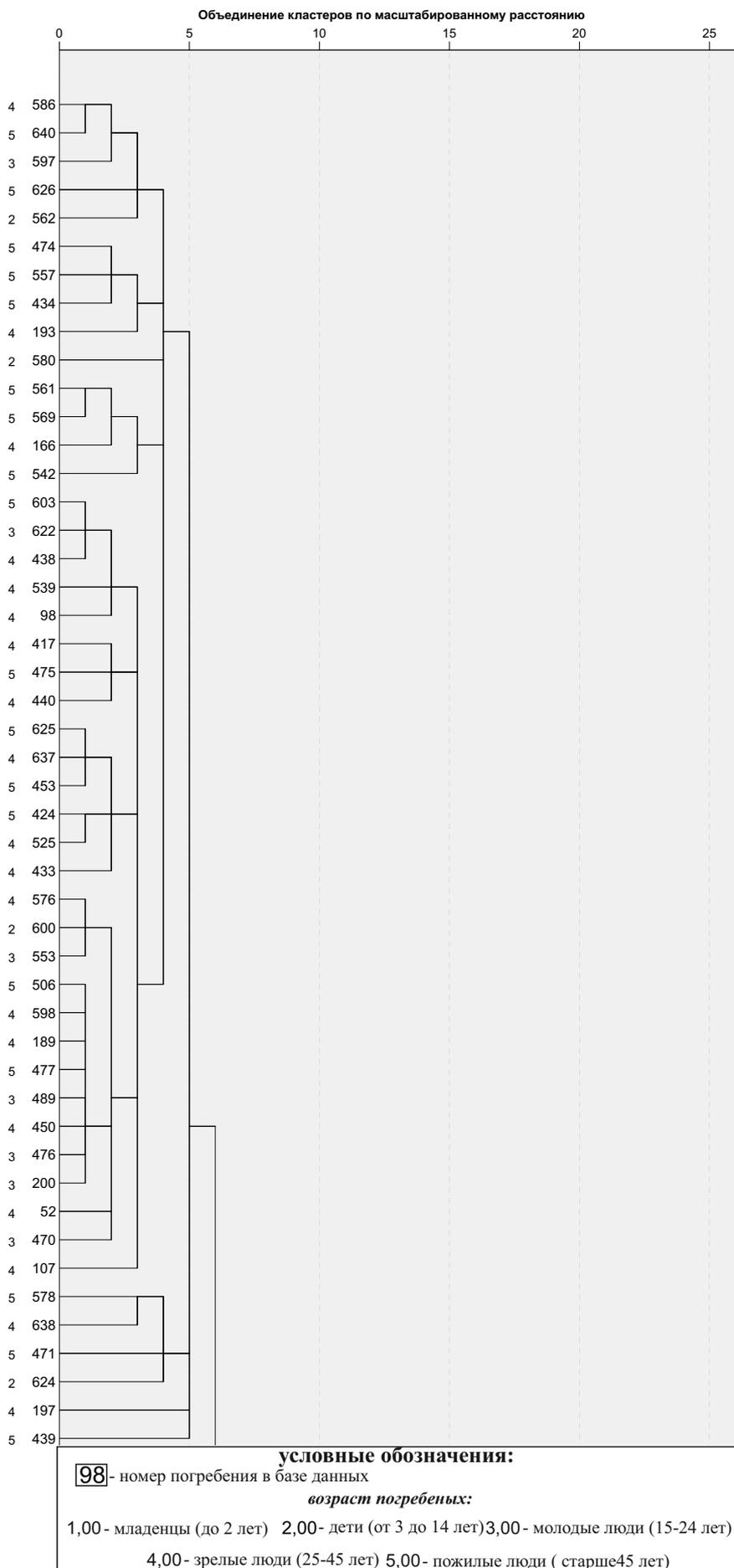
Граф. 28 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями вторая половина V - первая половина IV в. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

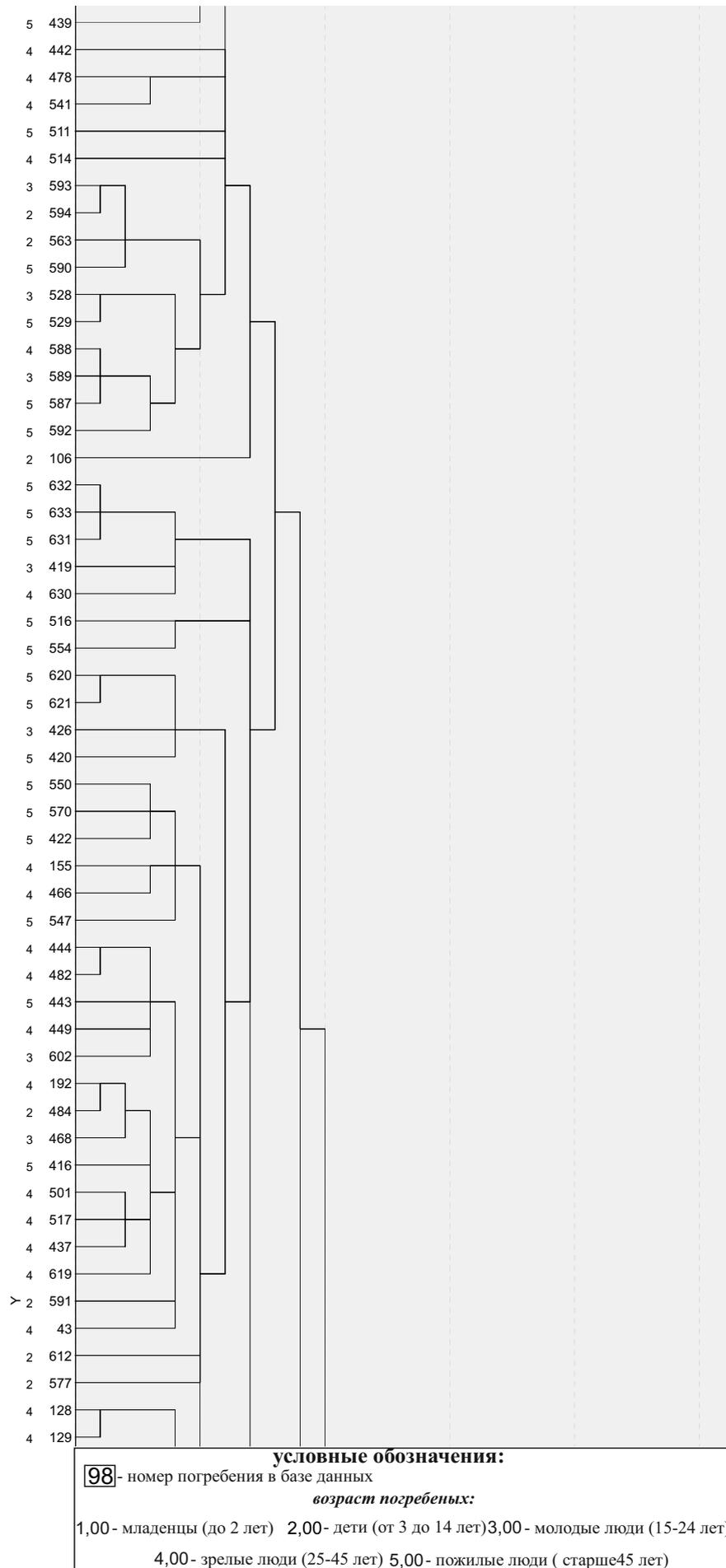
Граф. 28 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями вторая половина V - первая половина IV в. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

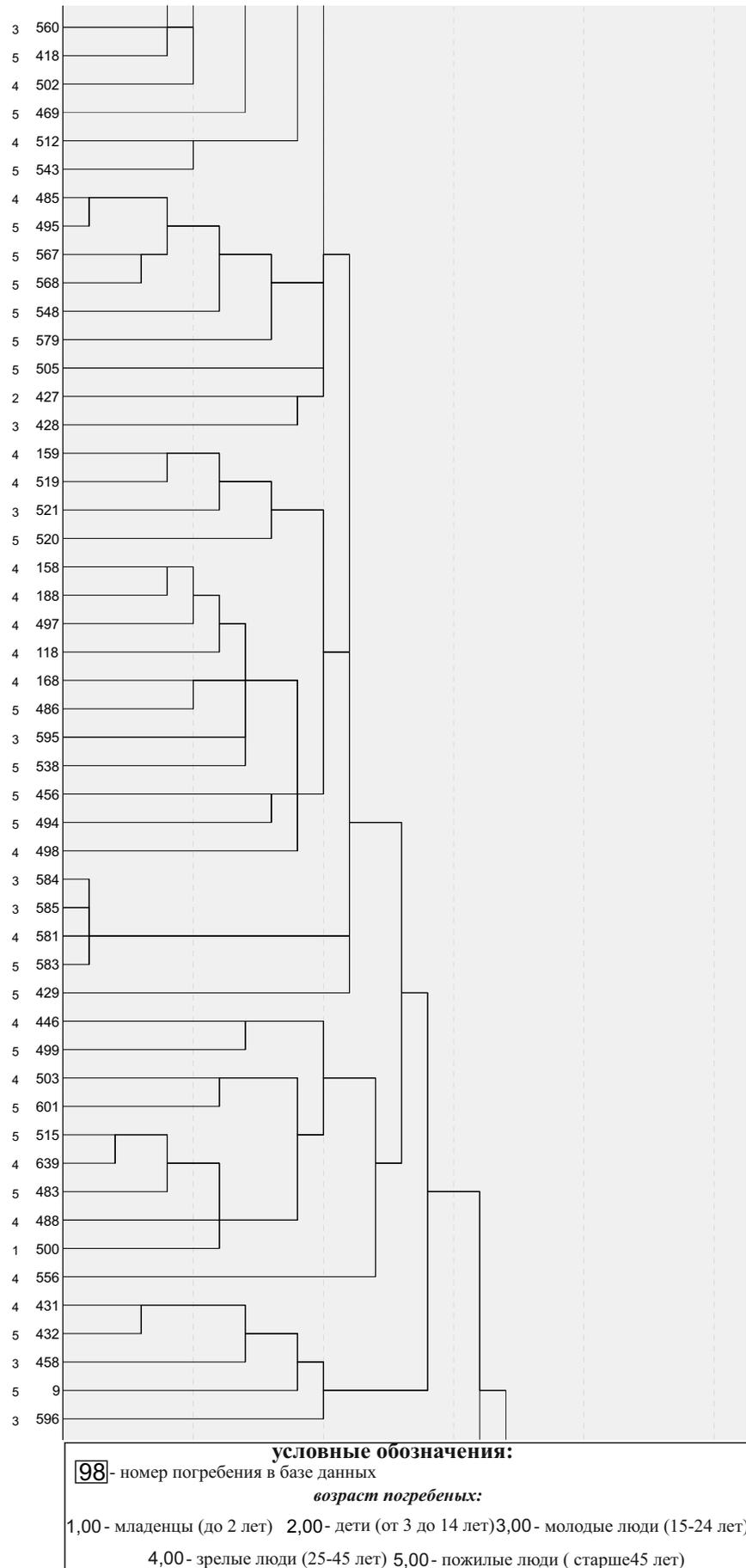
Граф. 28 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями вторая половина V - первая половина IV в. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

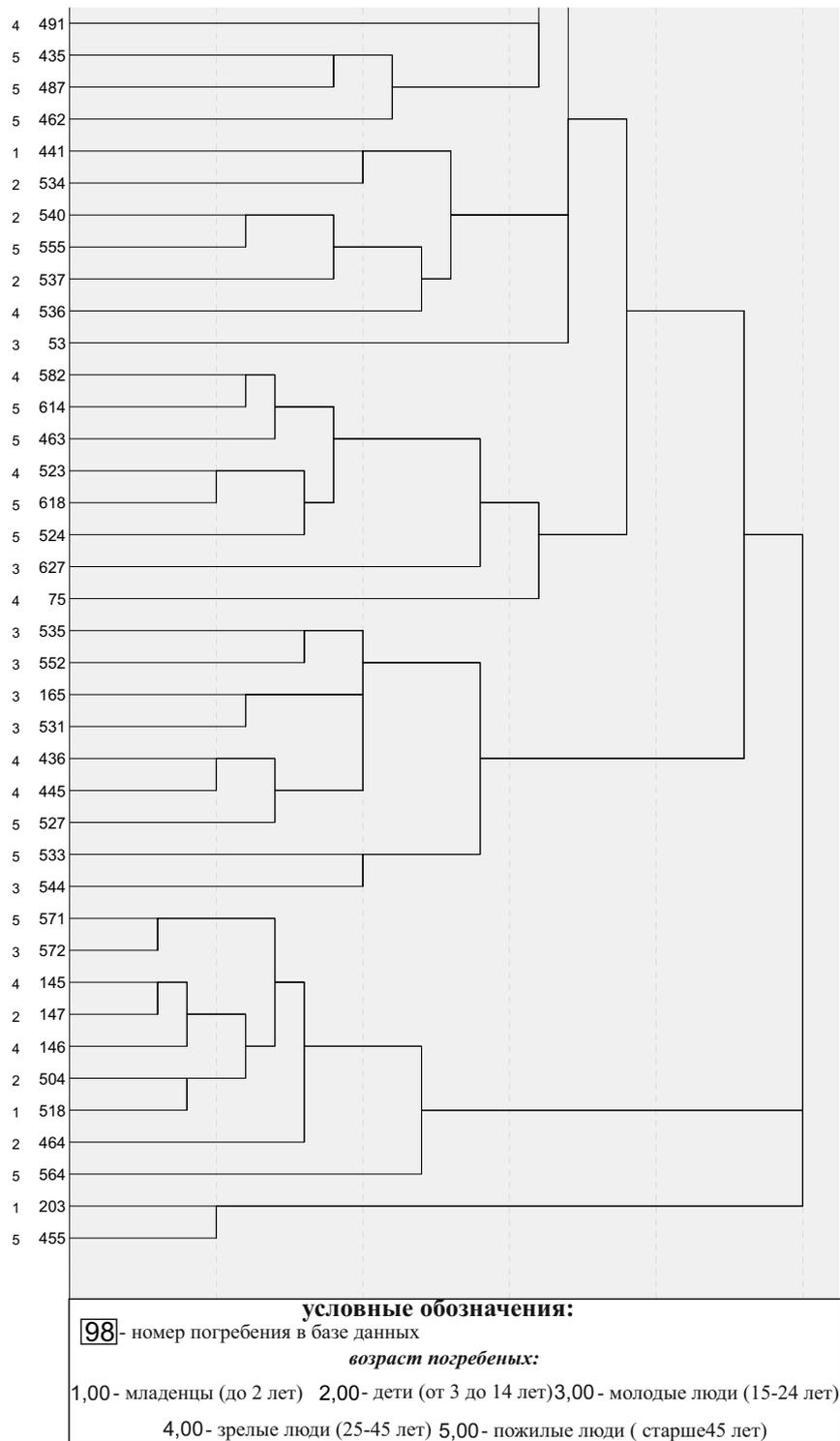
Граф. 29. Некрополь Волна 1. Связи между погребениями вторая половина IV в. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

Граф. 29(продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями вторая половина IV в. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

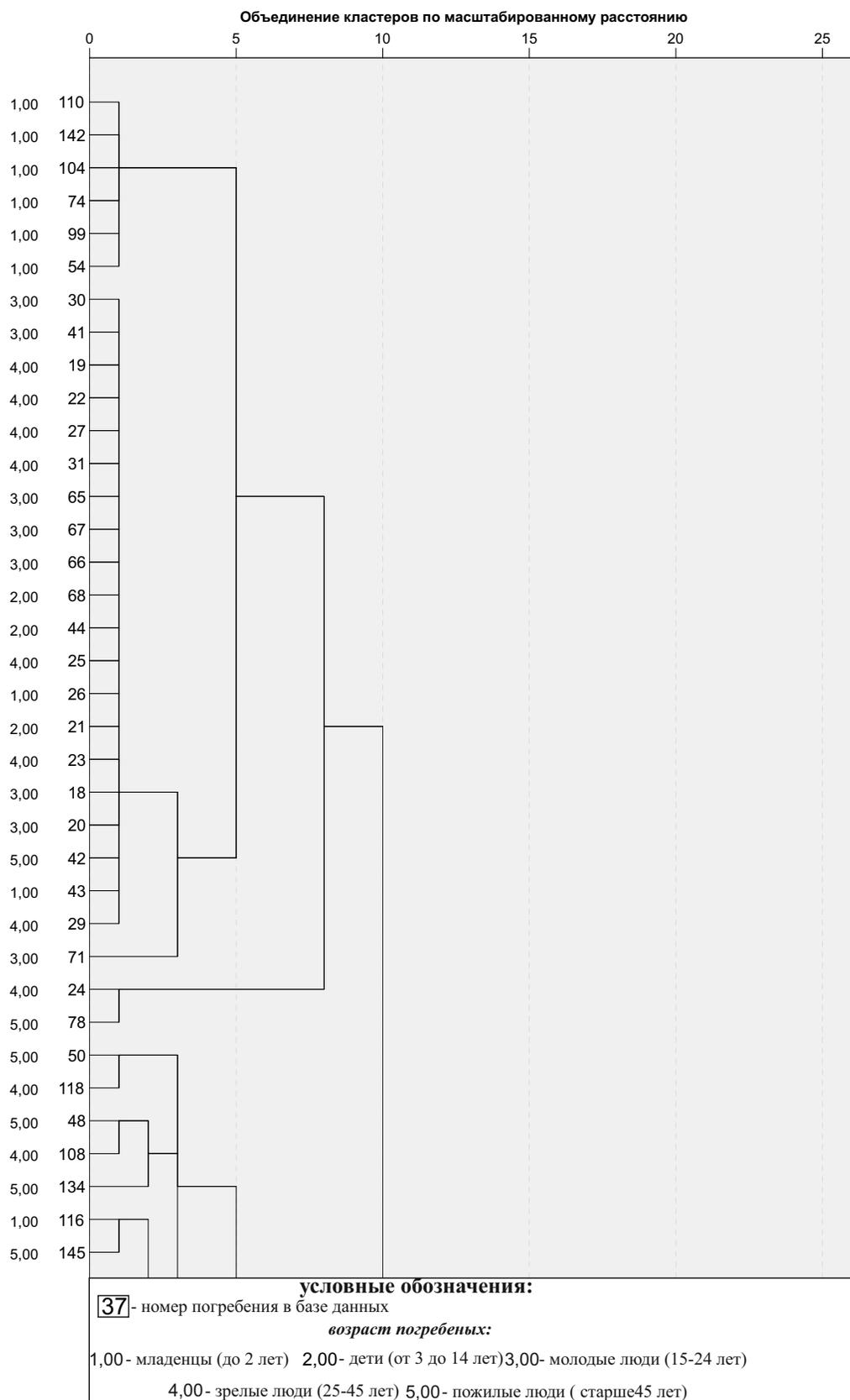

Граф. 29(продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями вторая половина IV в. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

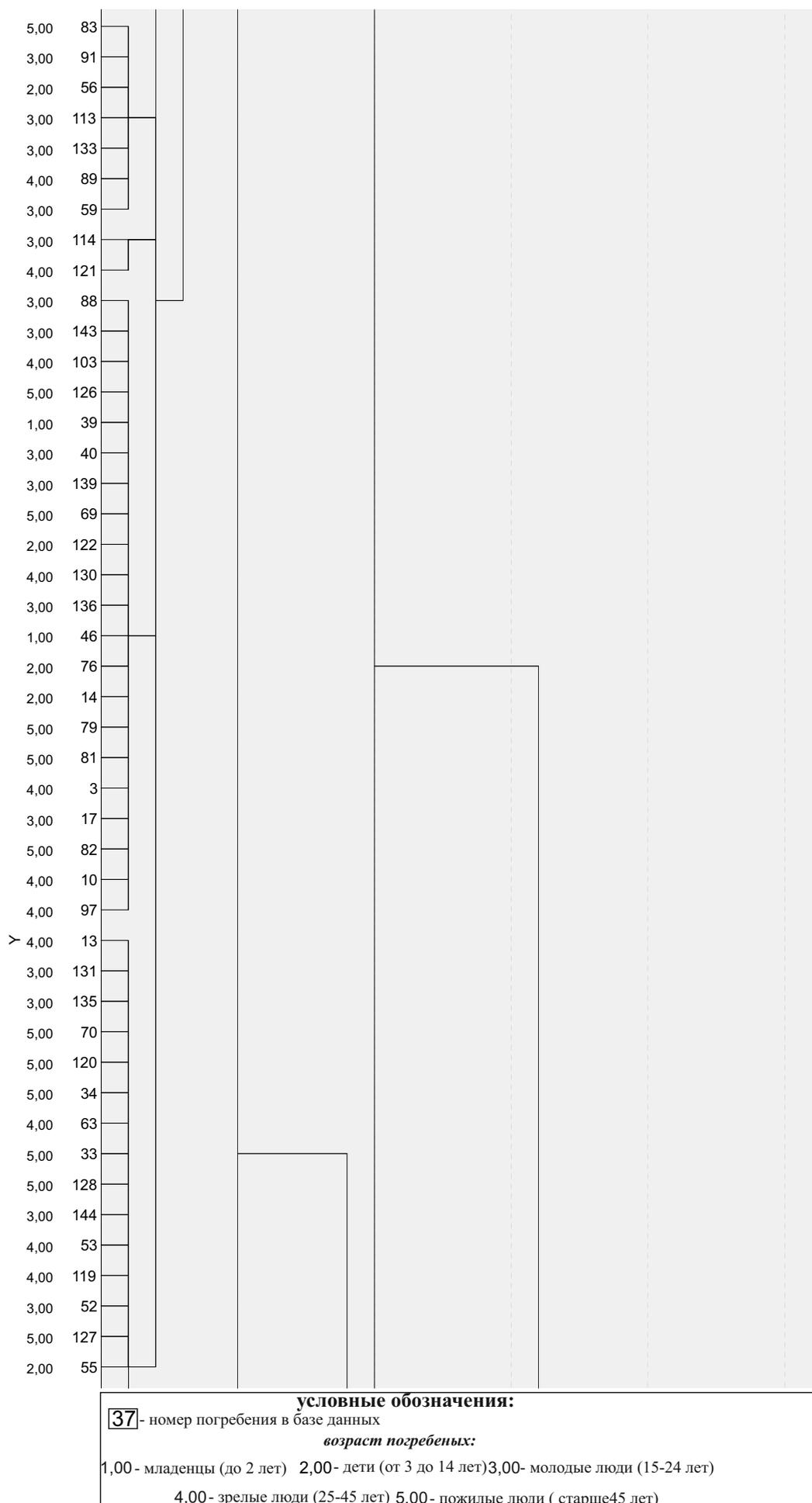

Граф. 29(продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями вторая половина IV в. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

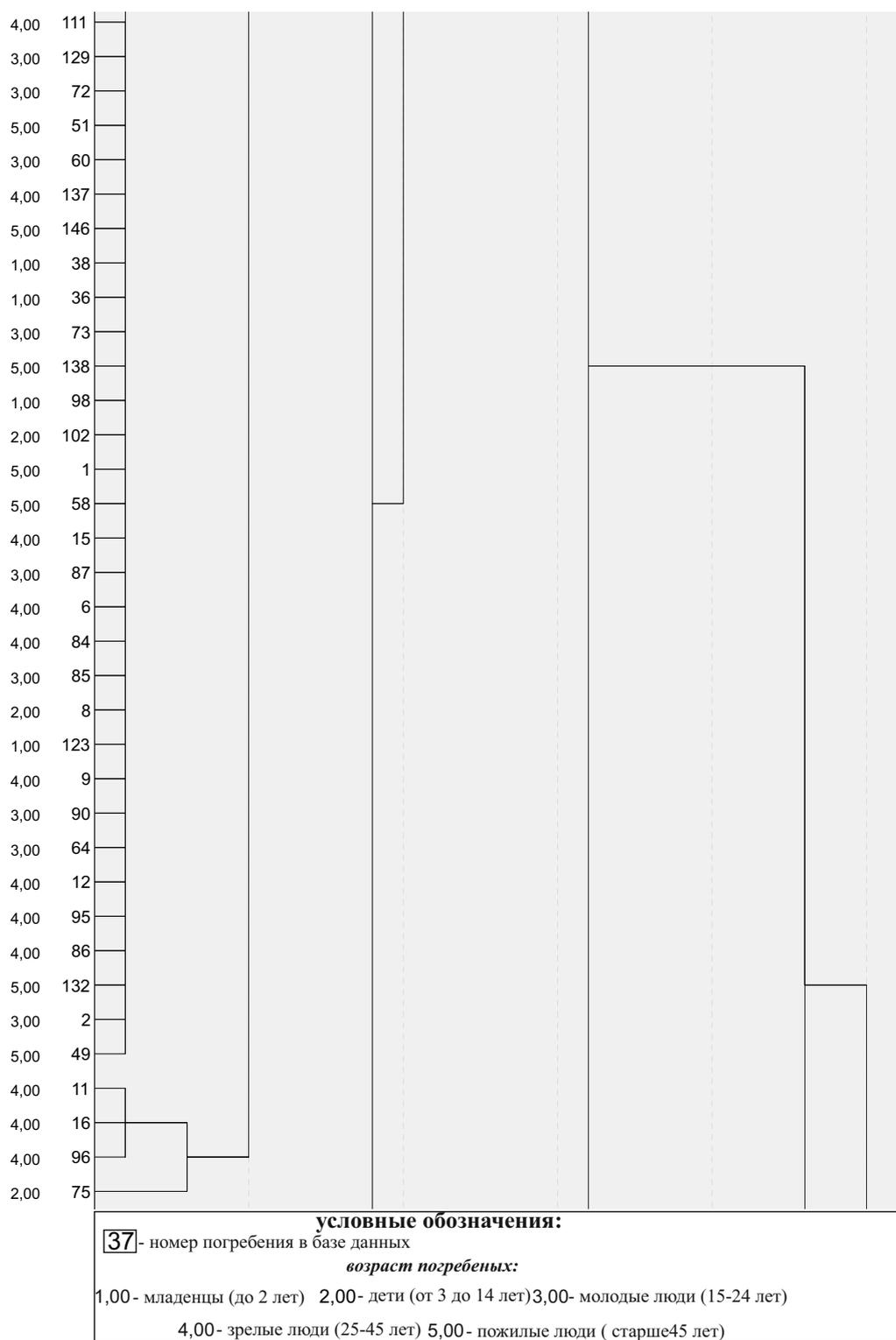
Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей

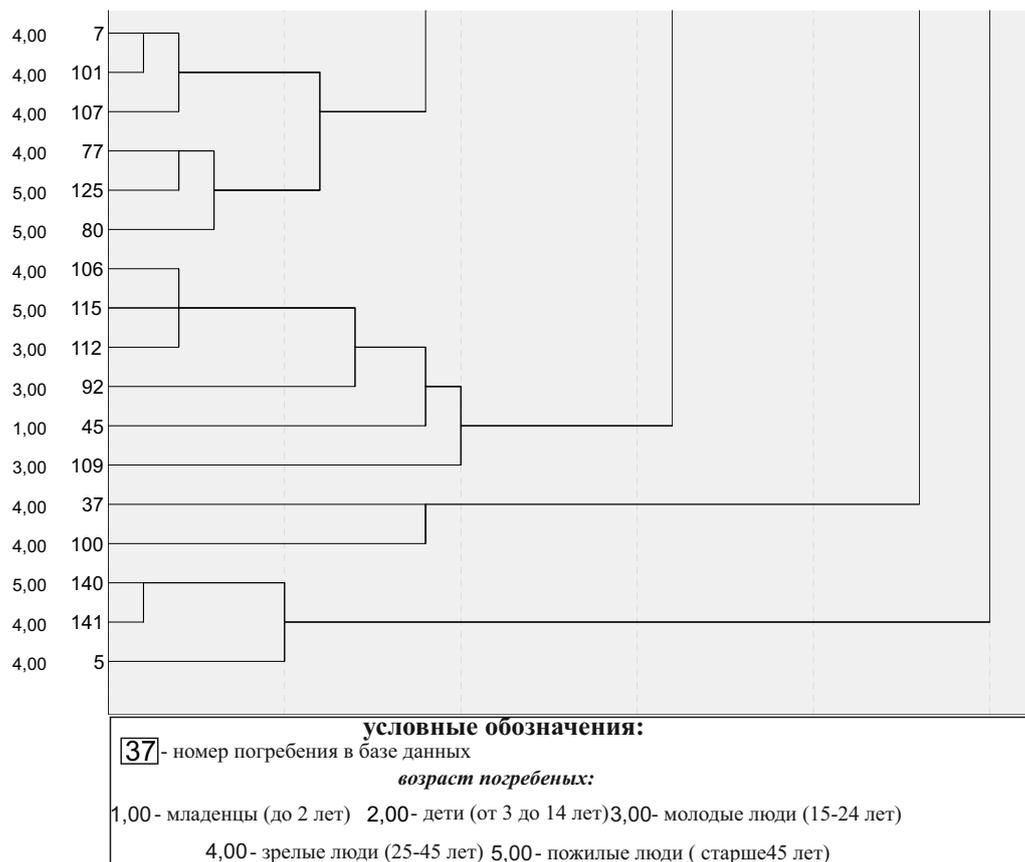
Граф. 30 . Некрополь Артюценко 2. Связи между погребениями VI-IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

Граф. 30 (продолжение). Некрополь Артющенко 2. Связи между погребениями VI-IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

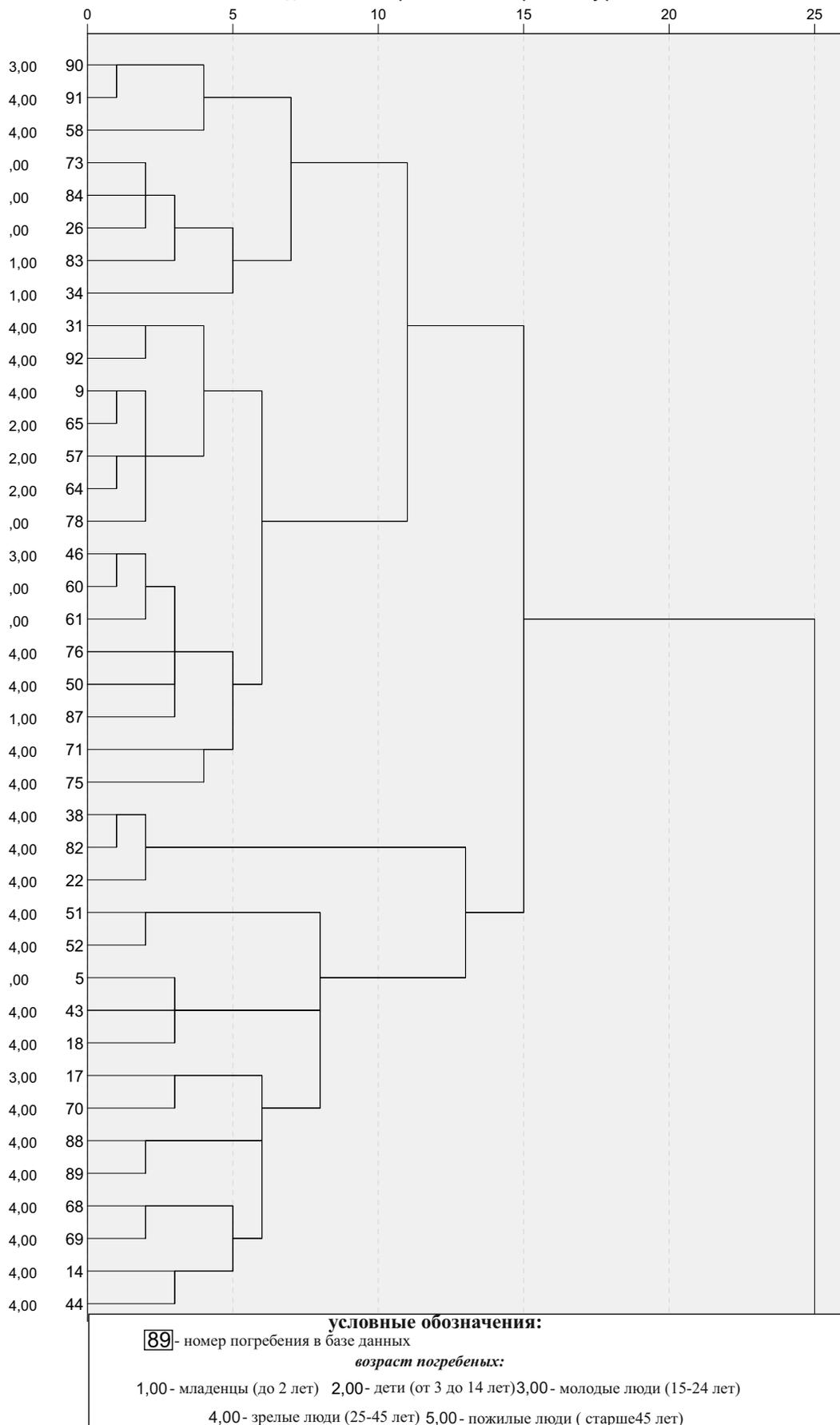
Граф. 30 (продолжение). Некрополь Артюценко 2. Связи между погребениями VI-IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

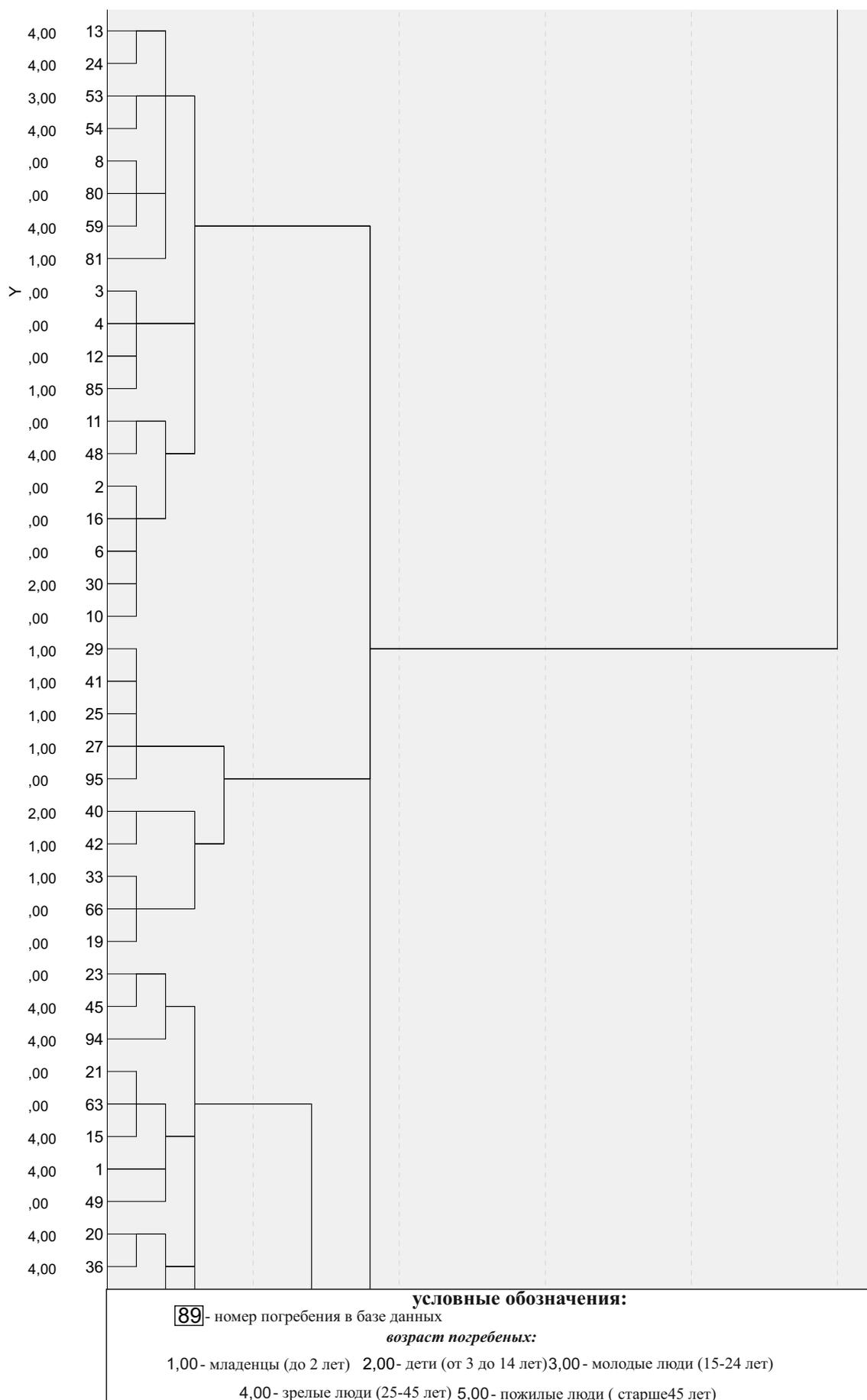
Граф. 30 (продолжение). Некрополь Артюшенко 2. Связи между погребениями VI-IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

Дендрограмма с использованием метода Варда.

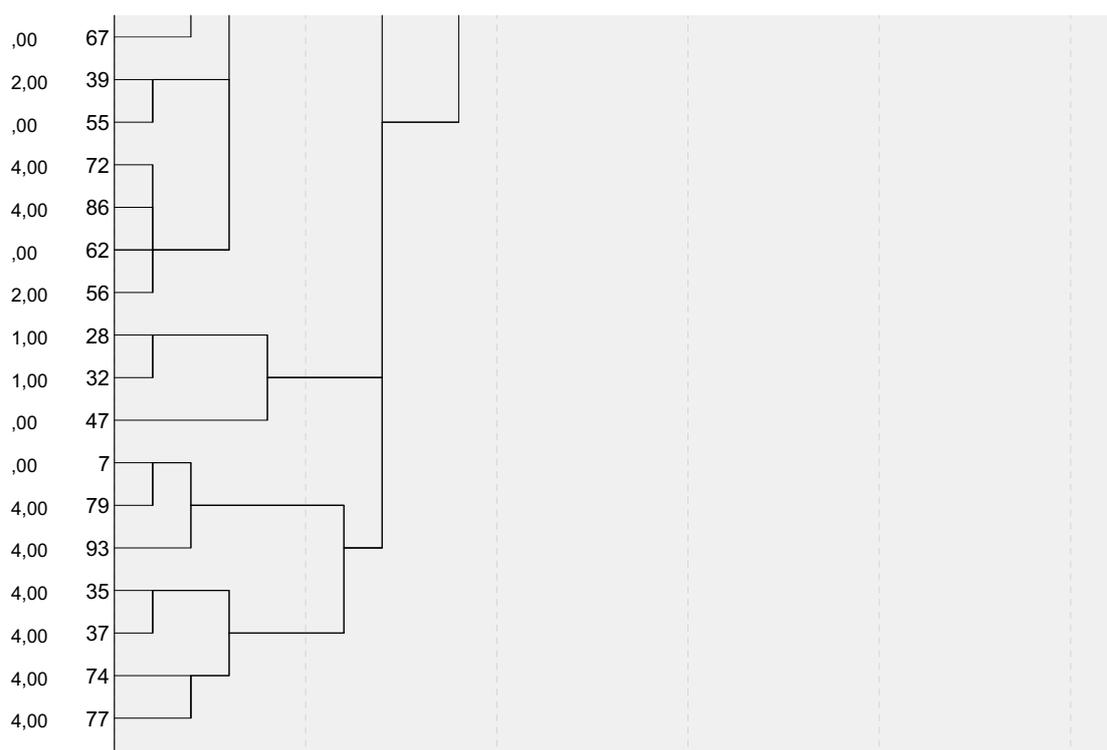
Объединение кластеров по масштабированному расстоянию

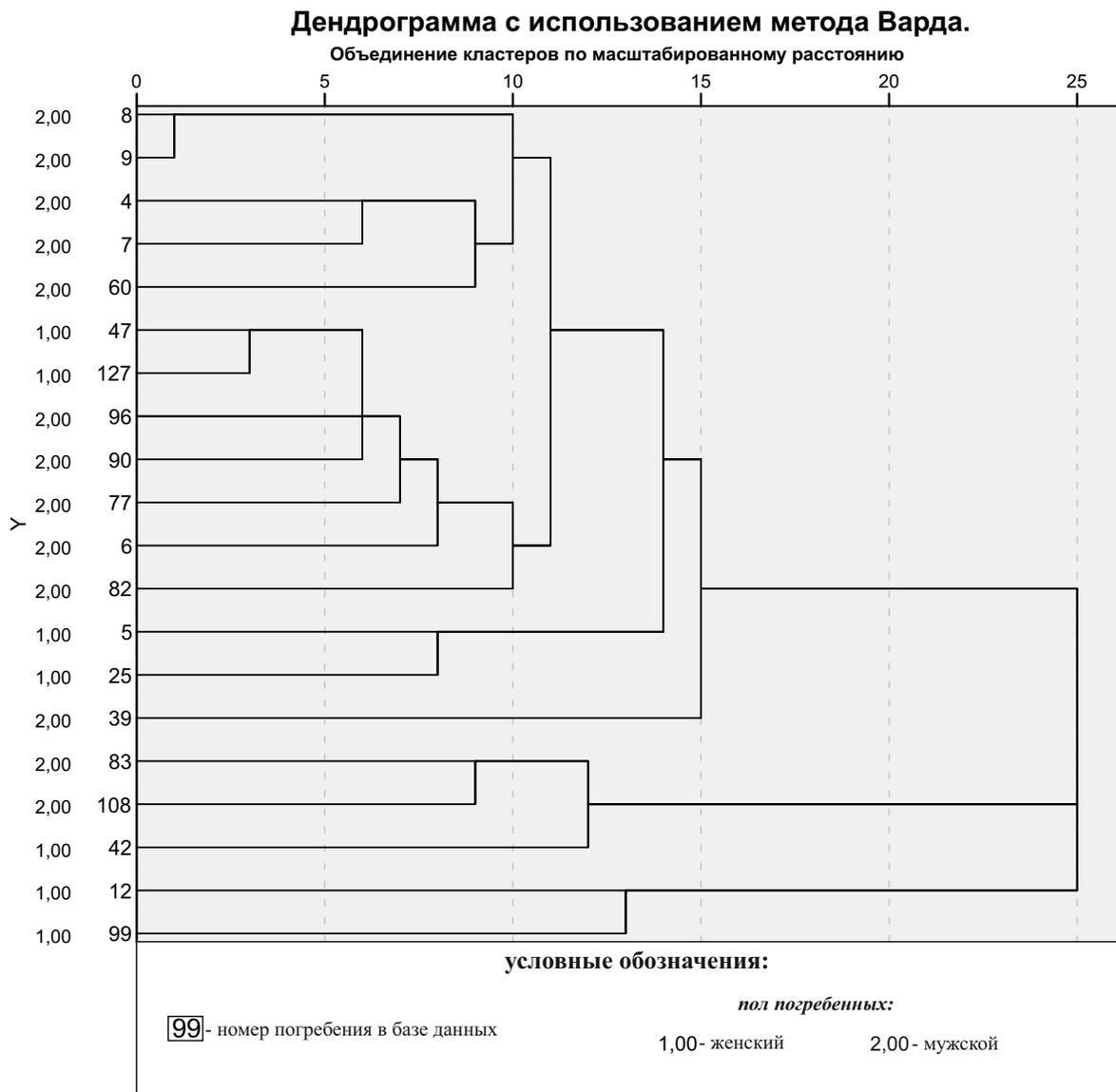
Граф. 31. Некрополи у пос. Виноградный. Связи между погребениями VI-IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

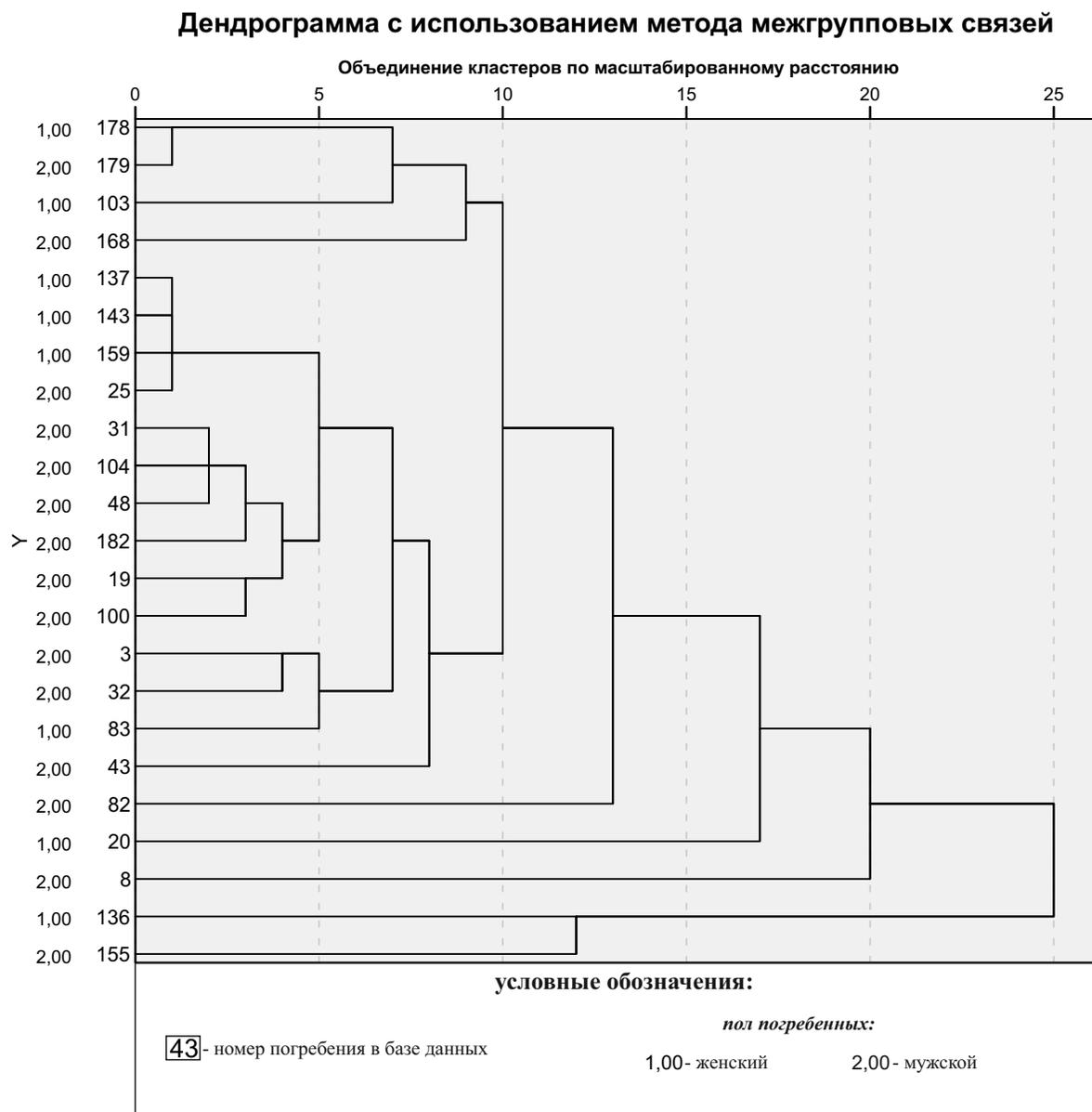
Граф. 31(продолжение). Некрополи у пос. Виноградный. Связи между погребениями VI-IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

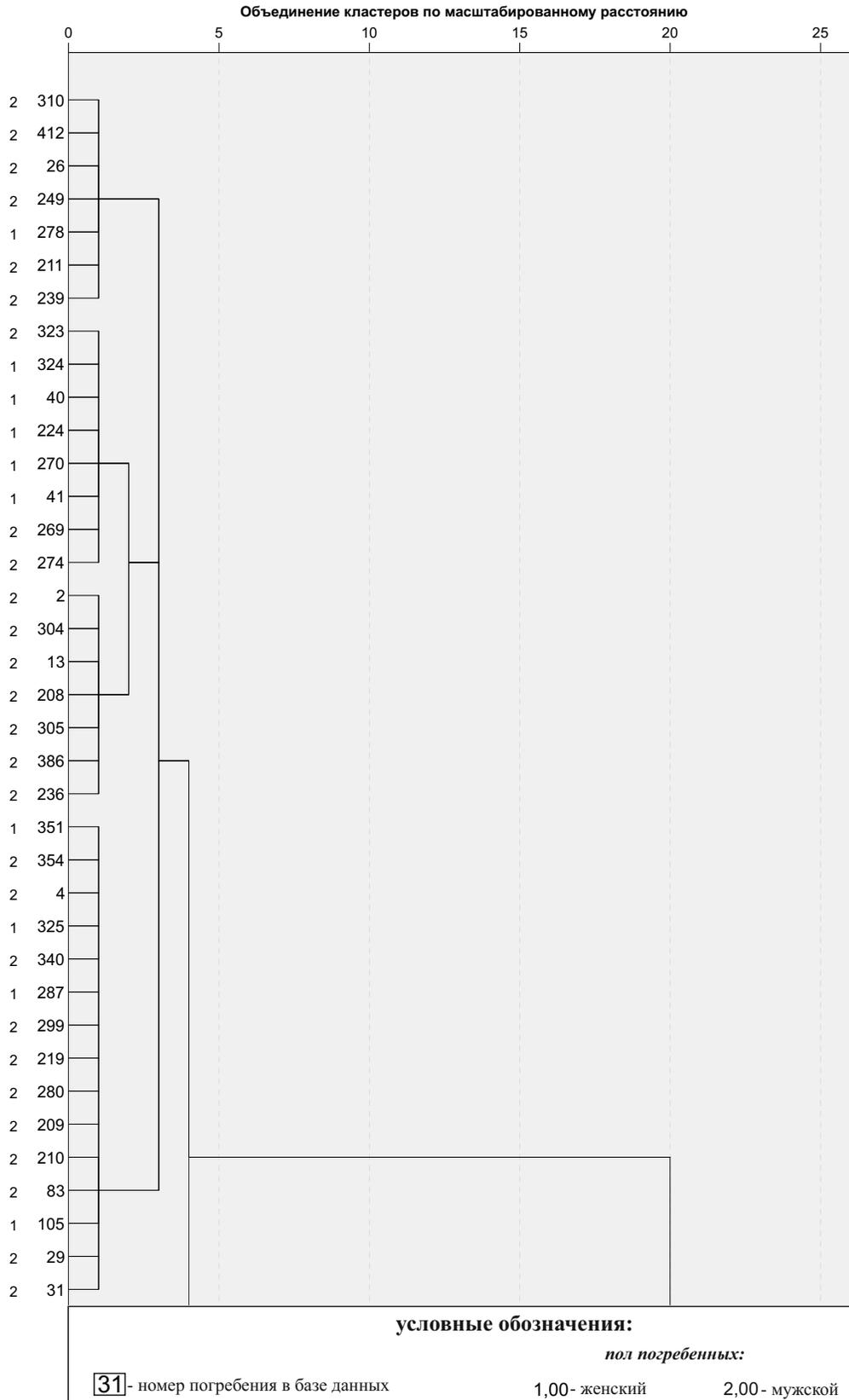
Граф. 31(продолжение). Некрополи у пос. Виноградный. Связи между погребениями VI-IVвв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенной возрастной группе (признак № 21 – «возраст погребенных»)

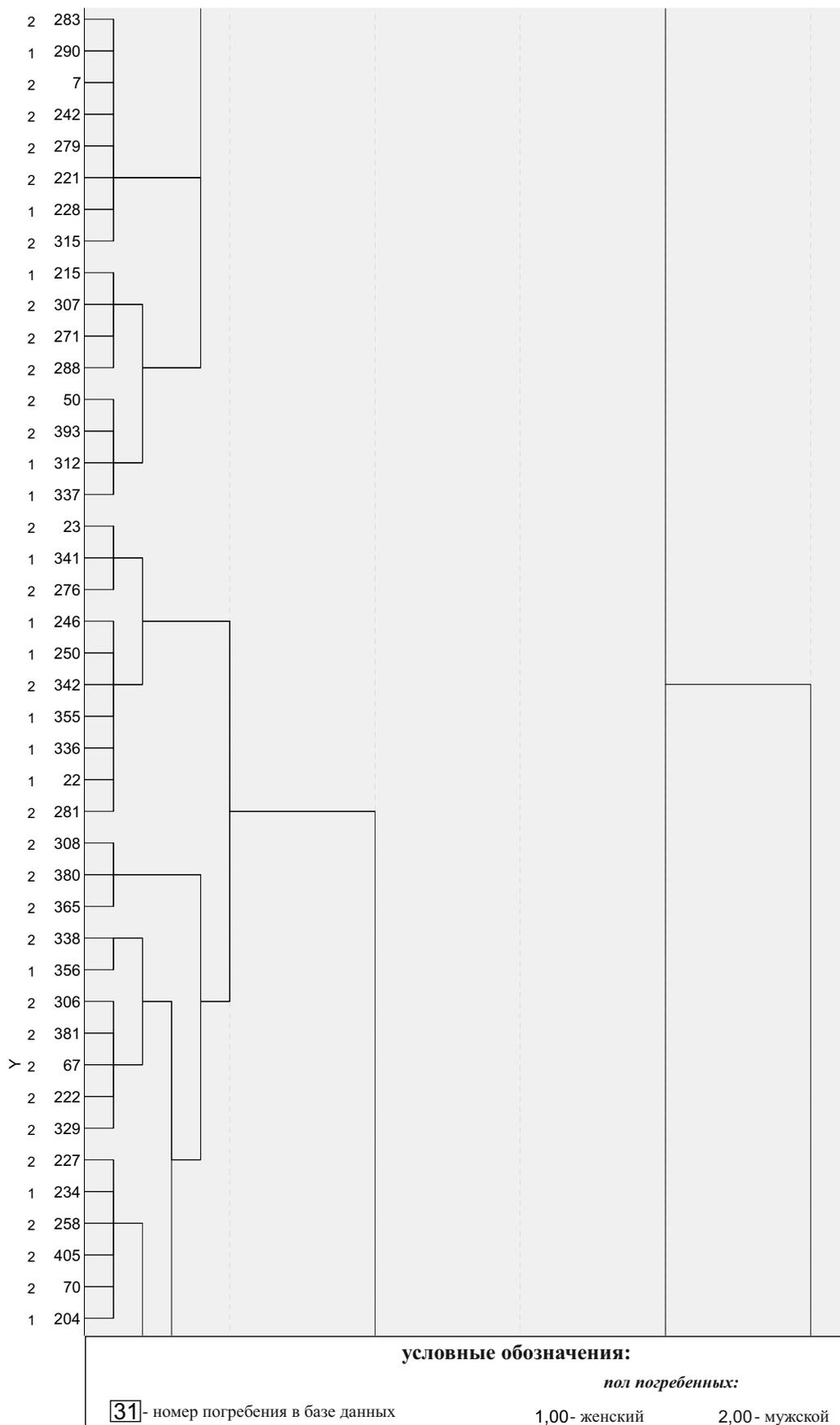
Граф. 32. Некрополь Фанагории. Связи между погребениями VI - IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенному полу. (признак № 20 – «пол погребенных»)

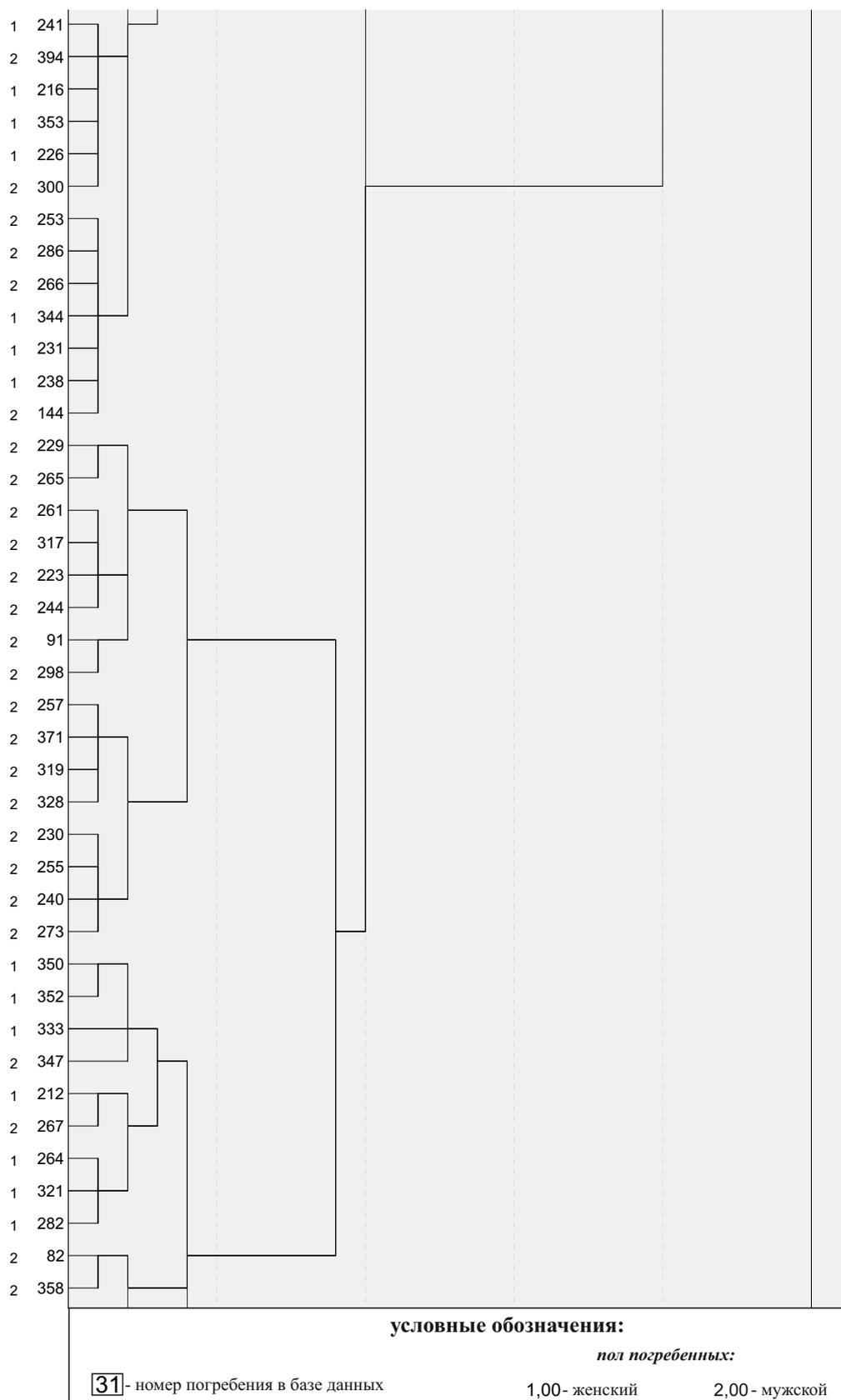
Граф. 33. Некрополь у м. Тузла. Связи между погребениями VI - IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определенному полу. (признак № 20 – «пол погребенных»)

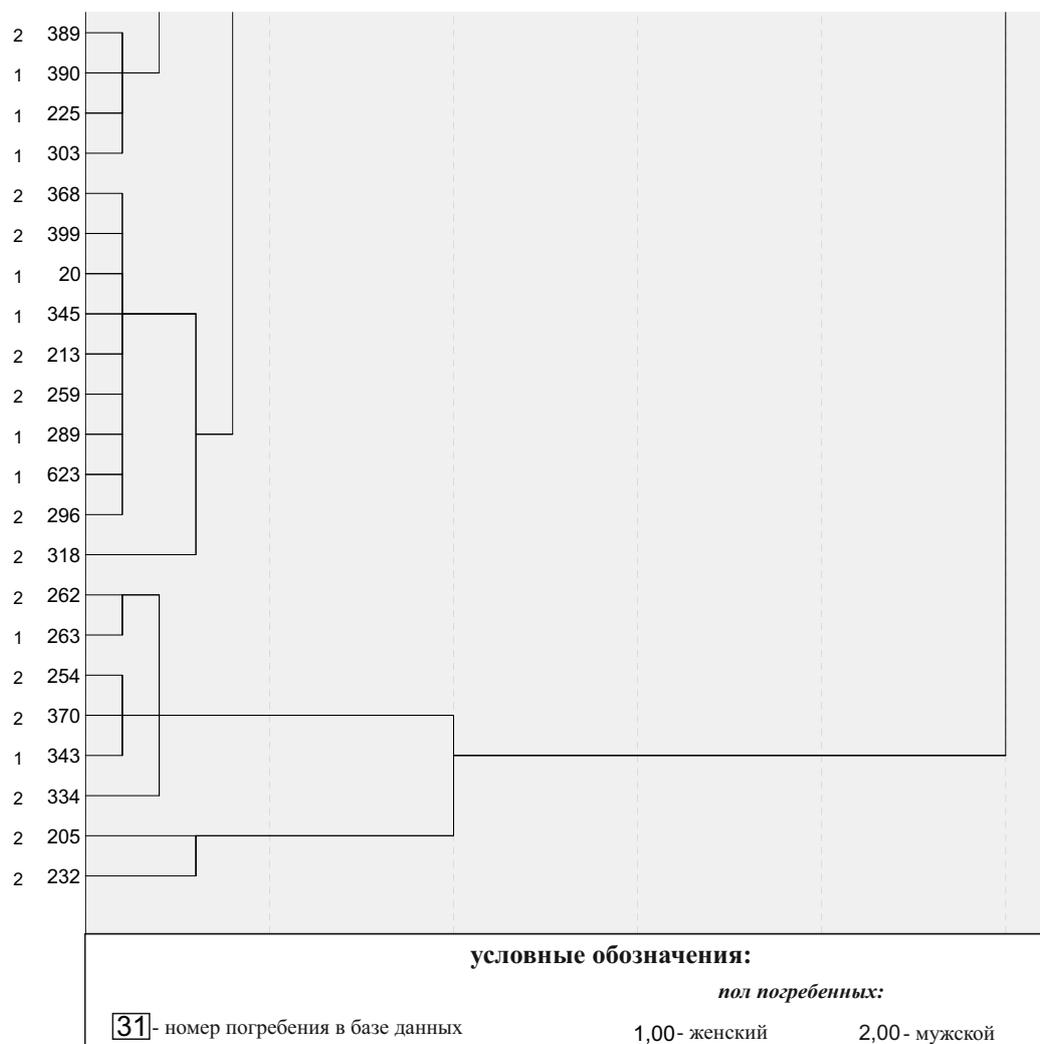
Граф. 34. Некрополь Волна 1. Связи между погребениями второй половины VI - первой половины V вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определённому полу (признак № 20 – «пол погребенных»)

Граф. 34 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями второй половины VI - первой половины V вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определённому полу (признак № 20 – «пол погребенных»)

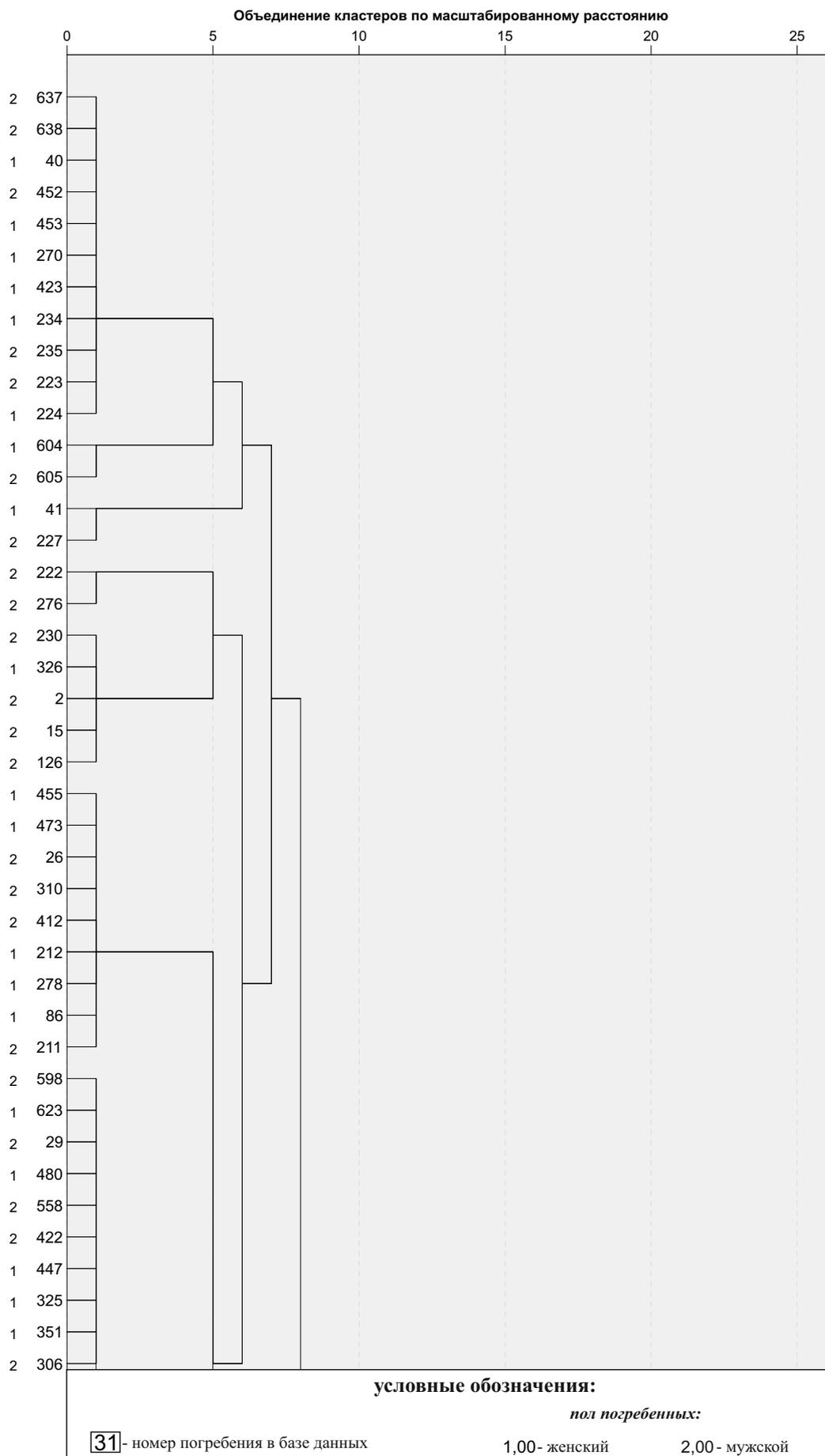

Граф. 34 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями второй половины VI - первой половины V вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определённому полу (признак № 20 – «пол погребенных»)

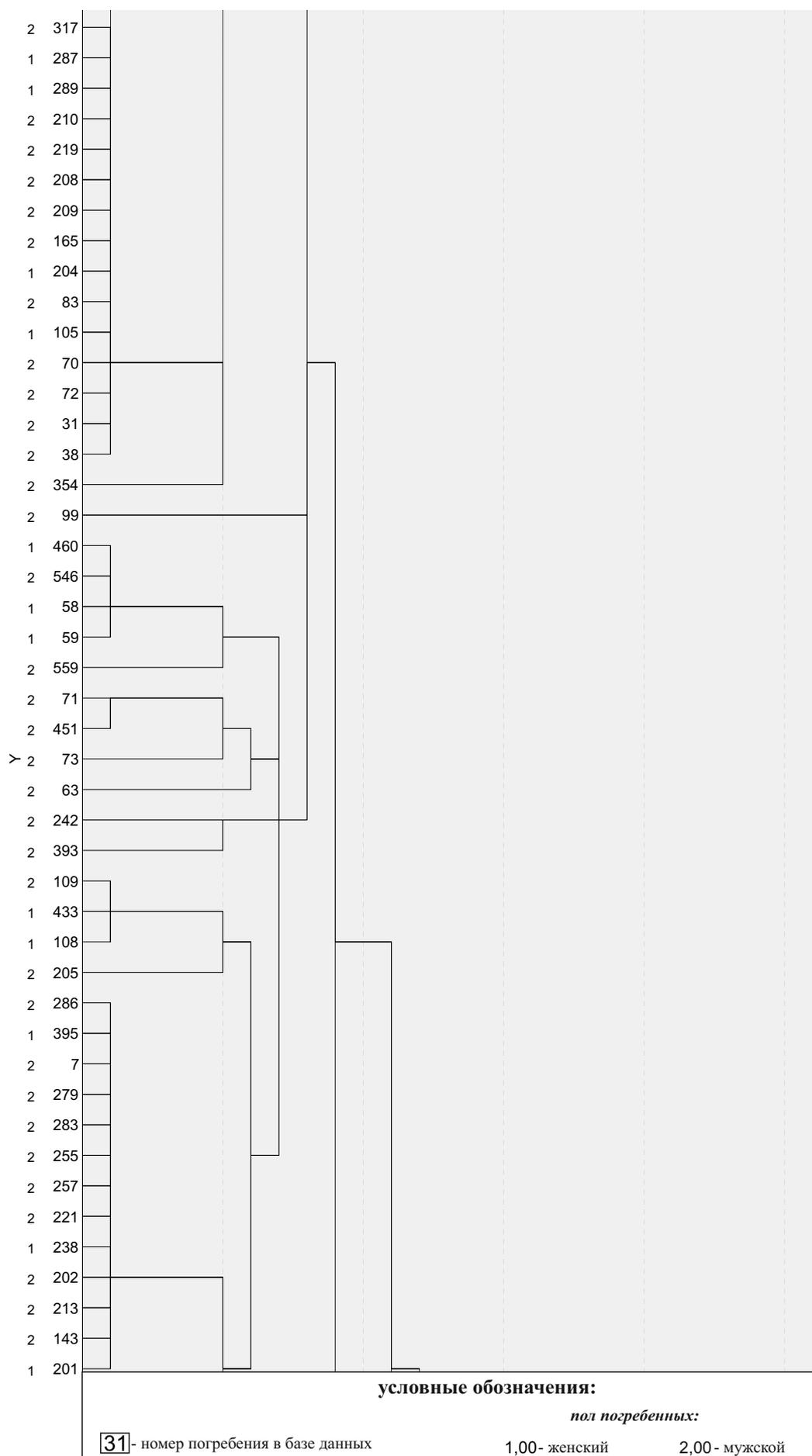

Граф. 34 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями второй половины VI - первой половины V вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определённому полу (признак № 20 – «пол погребенных»)

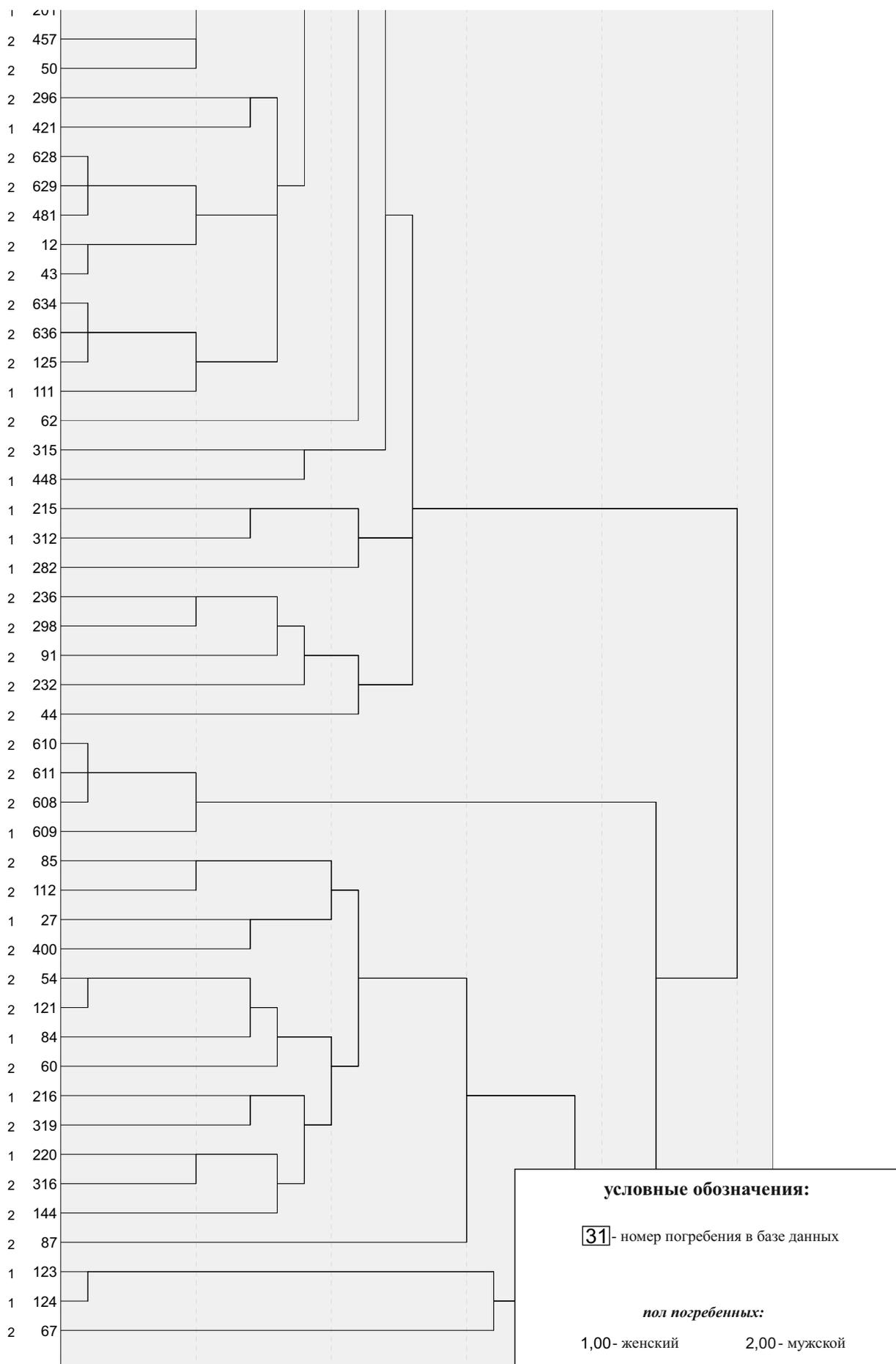
Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей

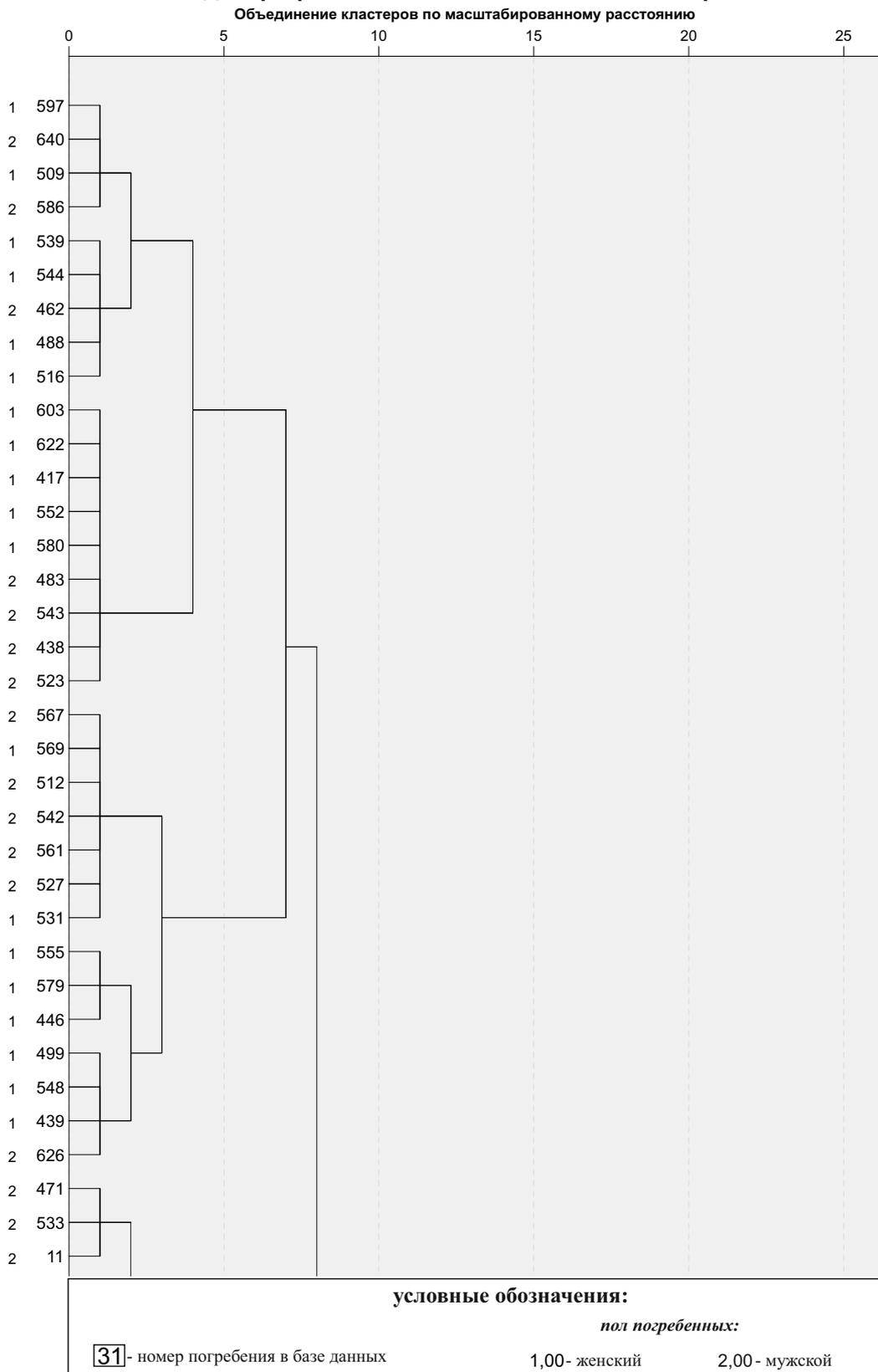
Граф. 35. Некрополь Волна 1. Связи между погребениями второй половины V - первой половины IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определённому полу (признак № 20 – «пол погребенных»)

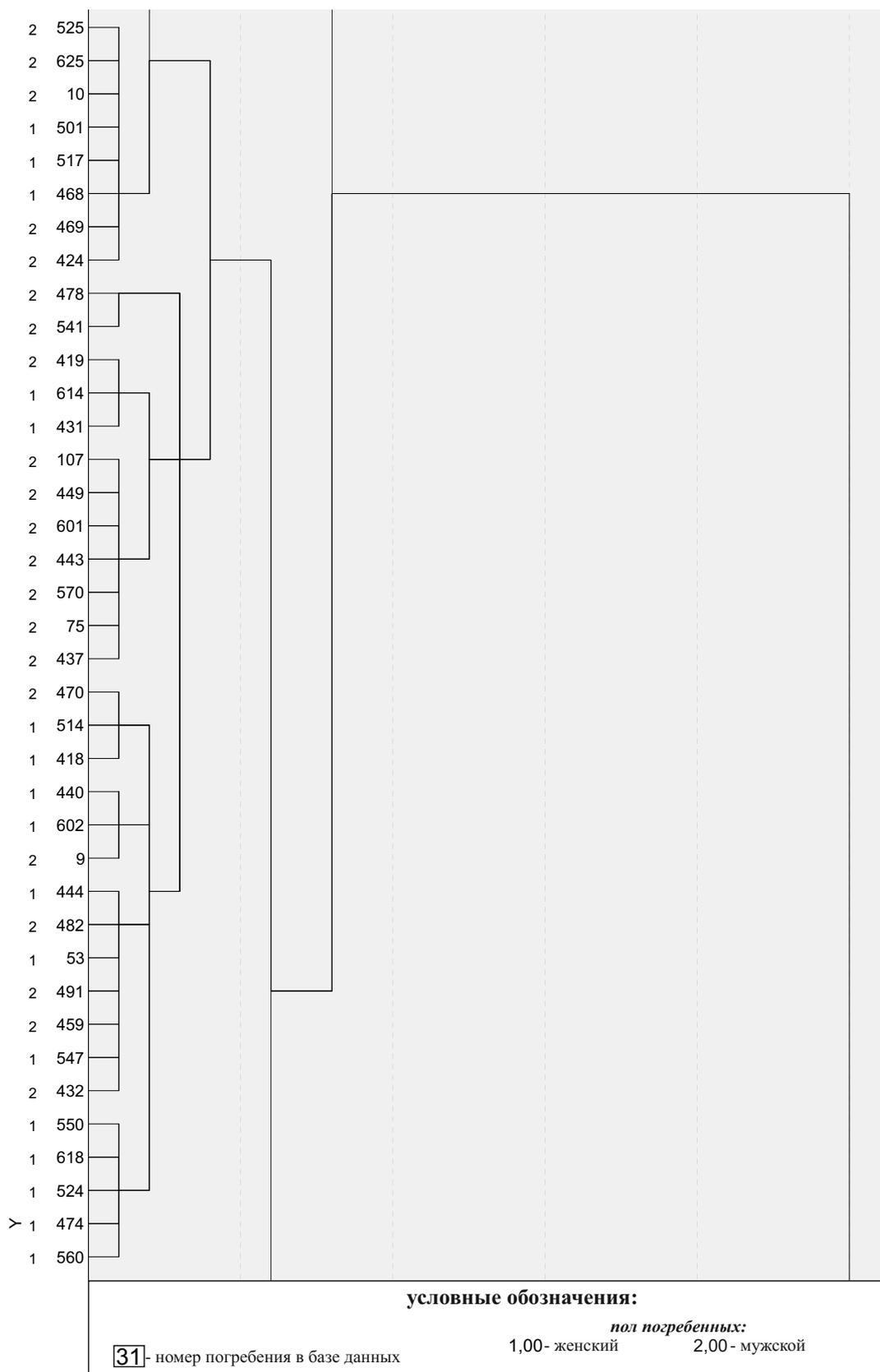
Граф. 35.(продолжение) Некрополь Волна 1. Связи между погребениями второй половины V - первой половины IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определённому полу (признак № 20 – «пол погребенных»)

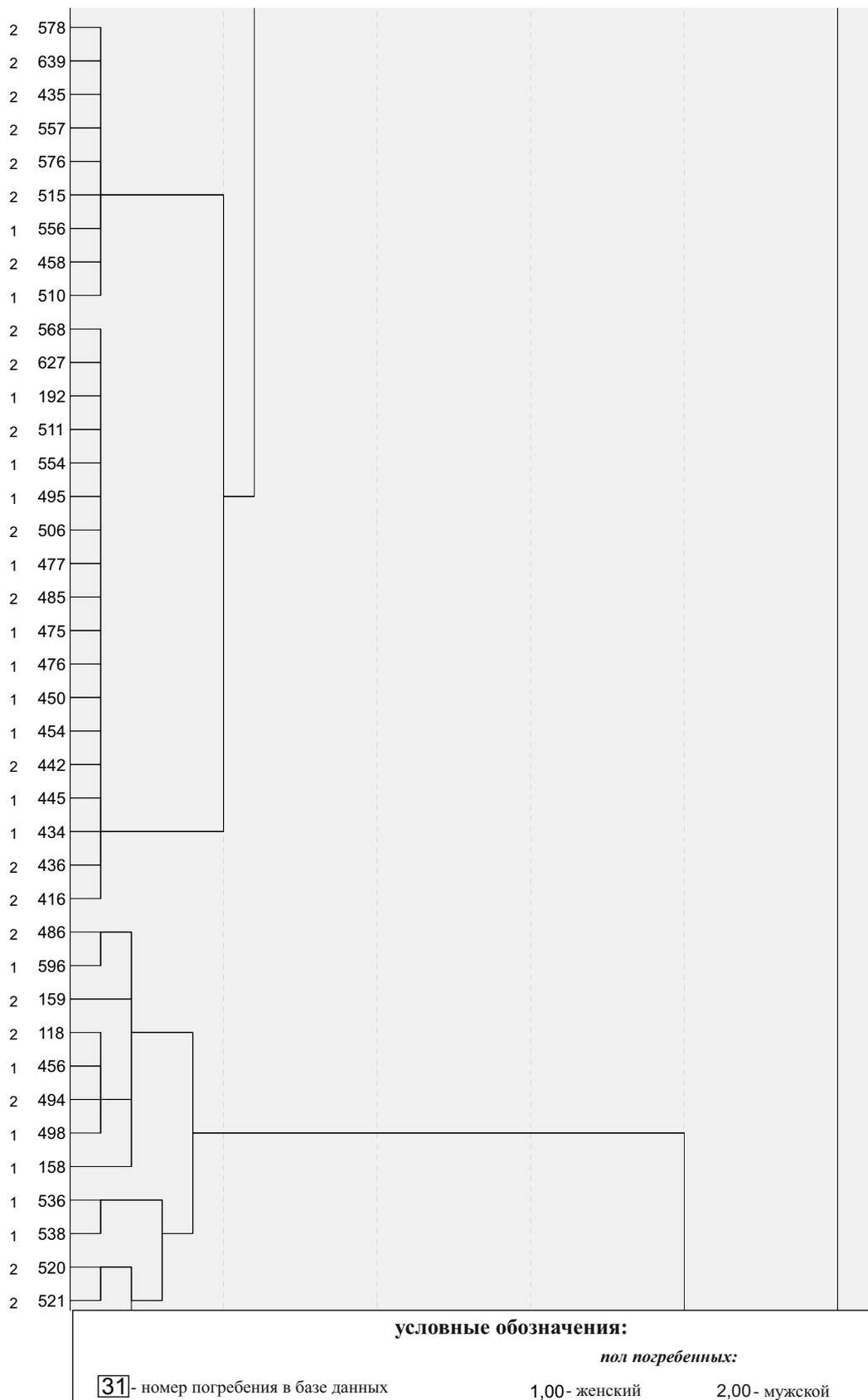
Граф. 35.(продолжение) Некрополь Волна 1. Связи между погребениями второй половины V - первой половины IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определённому полу (признак № 20 – «пол погребенных»)

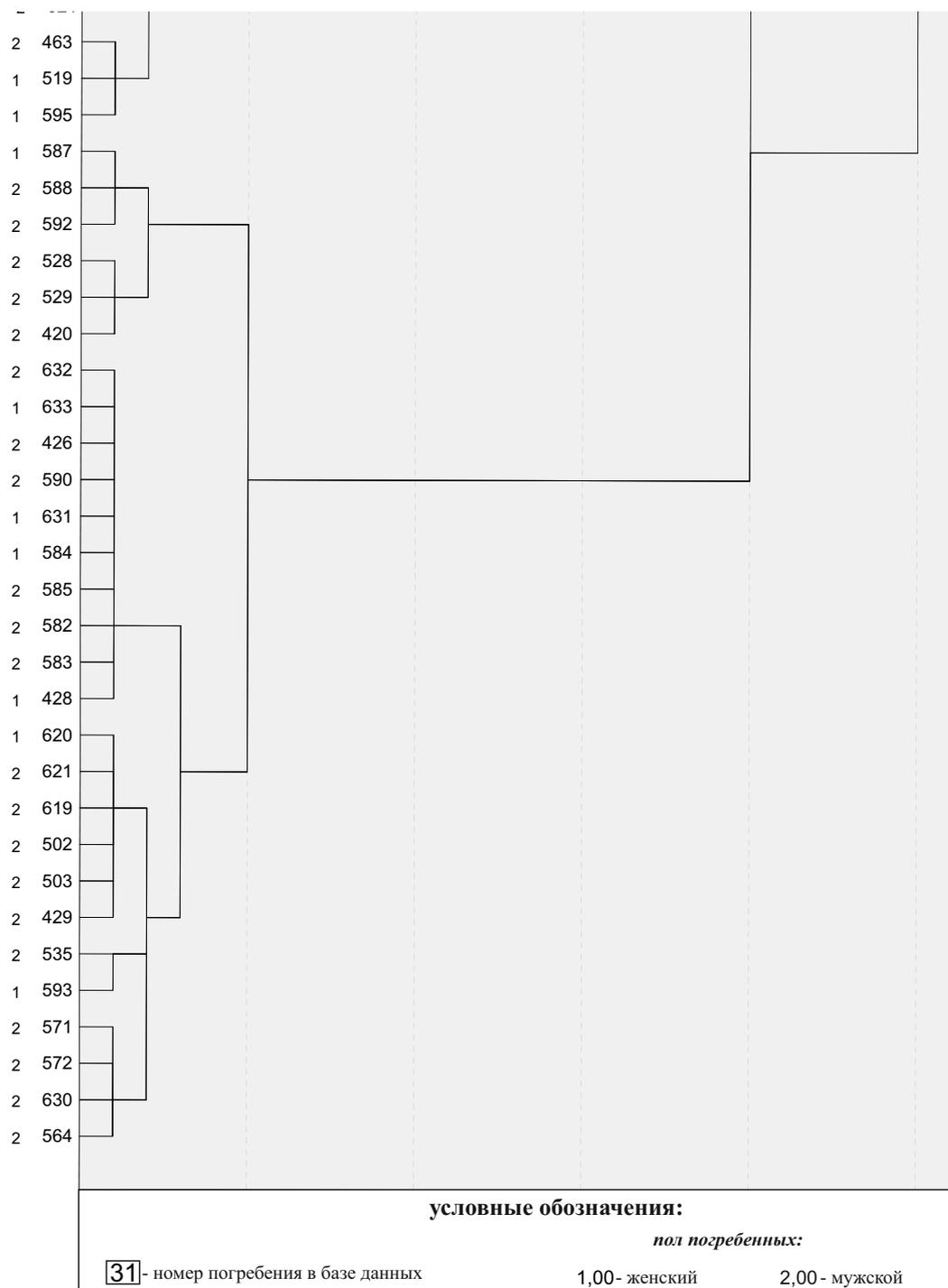
Граф. 36. Некрополь Волна 1. Связи между погребениями второй половины IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определённому полу (признак № 20 – «пол погребенных»)

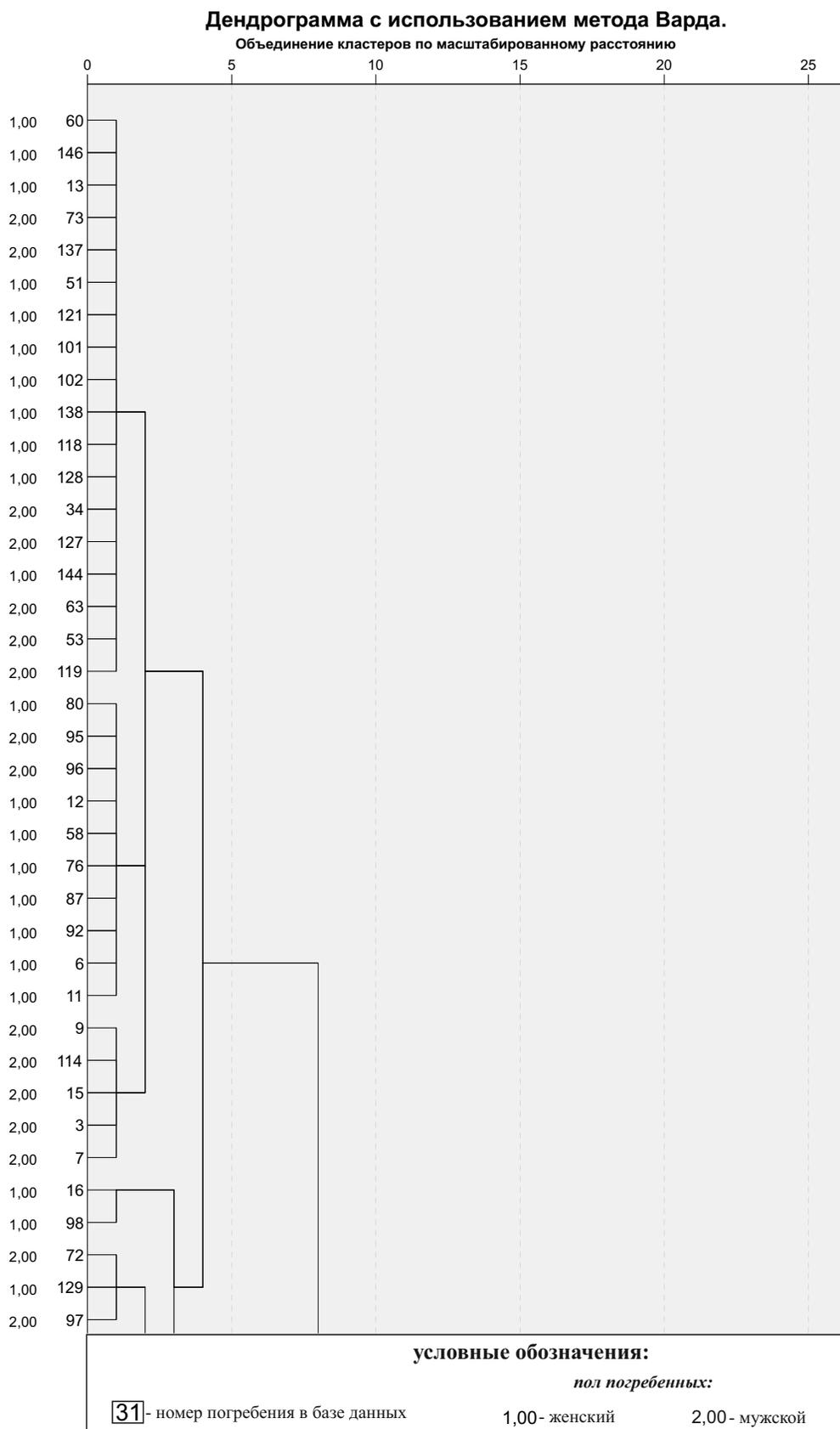
Граф. 36 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями второй половины IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определённому полу (признак № 20 – «пол погребенных»)

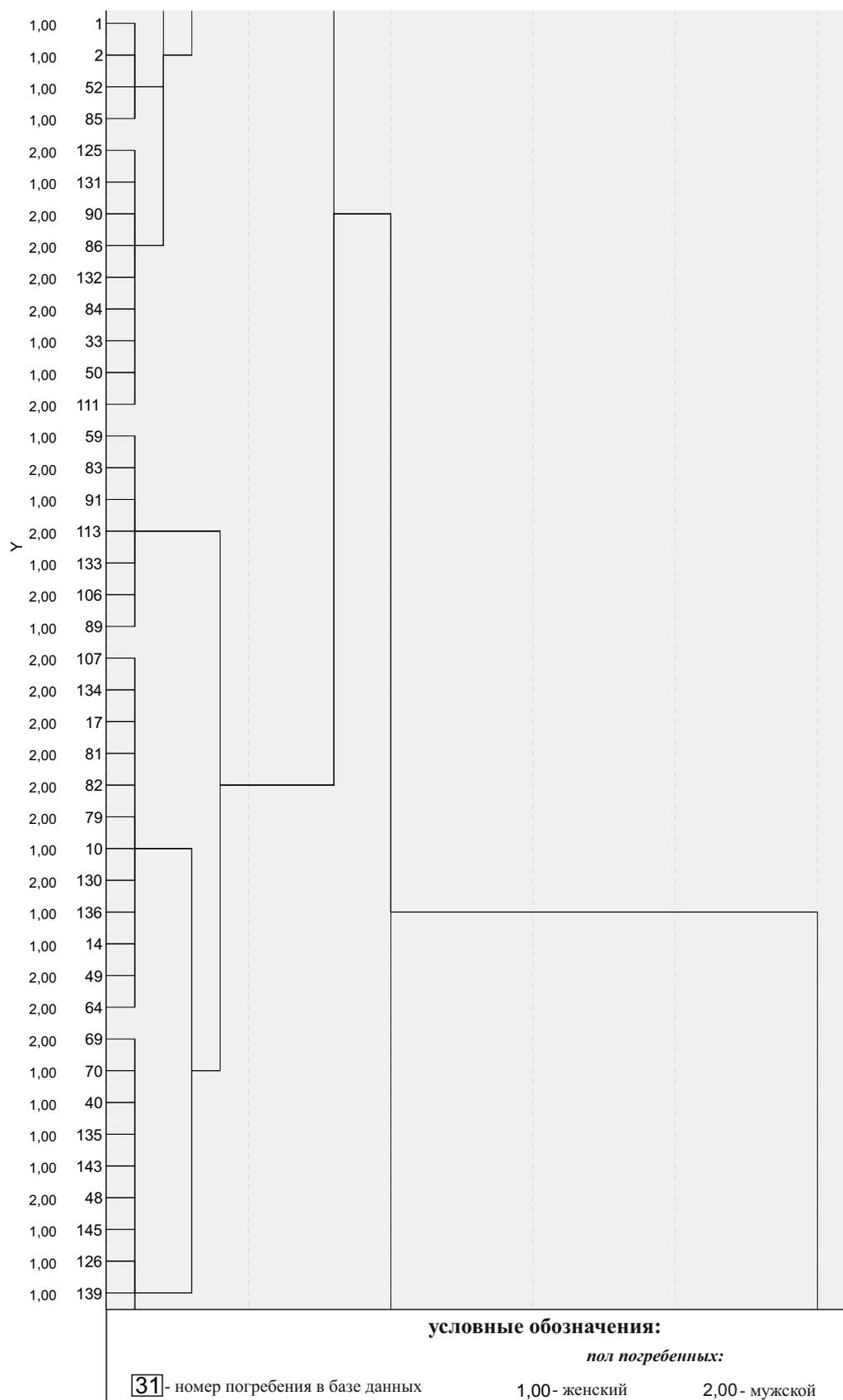
Граф. 36 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями второй половины IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определённому полу (признак № 20 – «пол погребенных»)

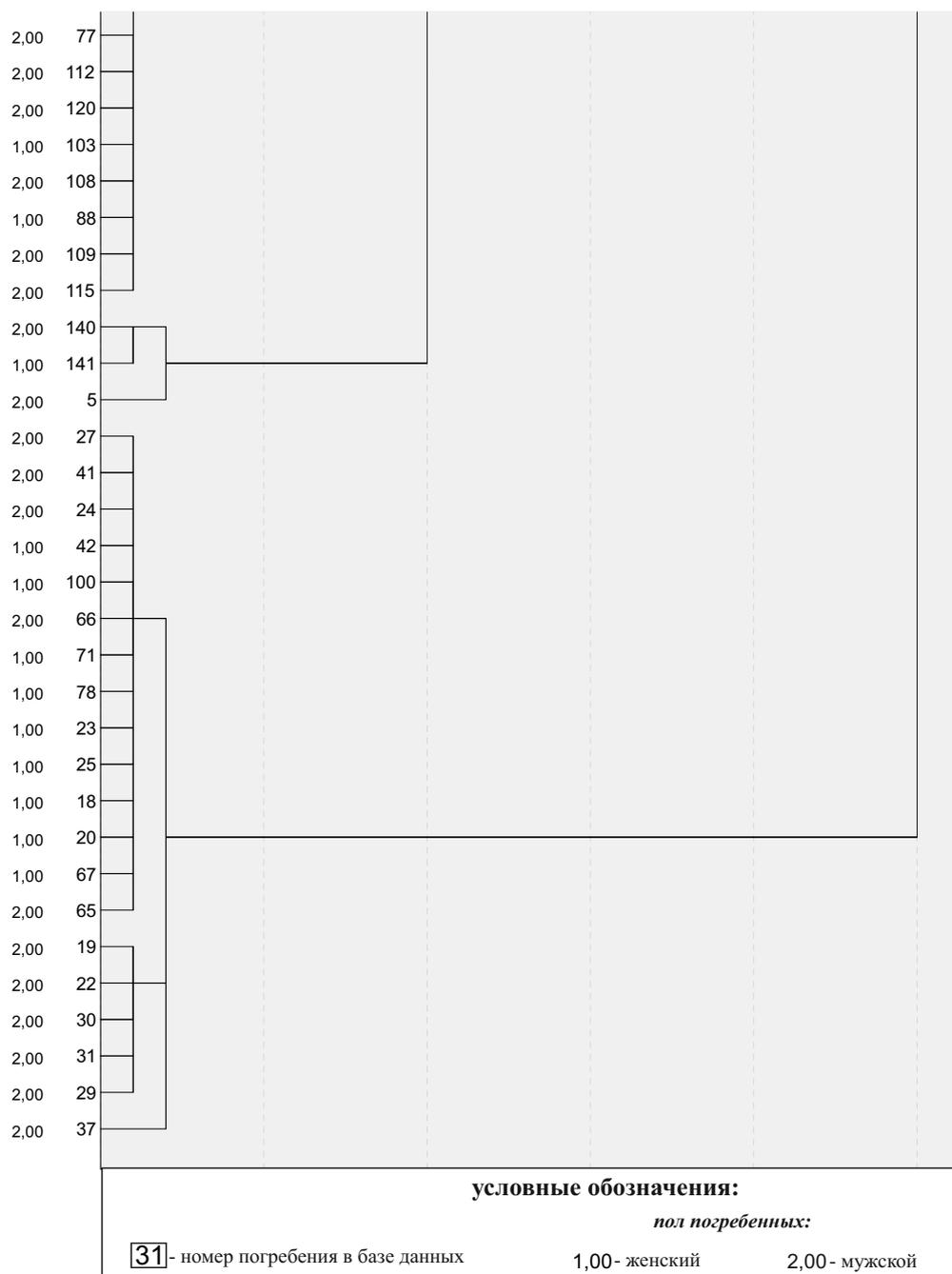
Граф. 36 (продолжение). Некрополь Волна 1. Связи между погребениями второй половины IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определённому полу (признак № 20 – «пол погребенных»)

Граф. 37. Некрополь Артющенко 2. Связи между погребениями VI-IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определённому полу (признак № 20 – «пол погребенных»)

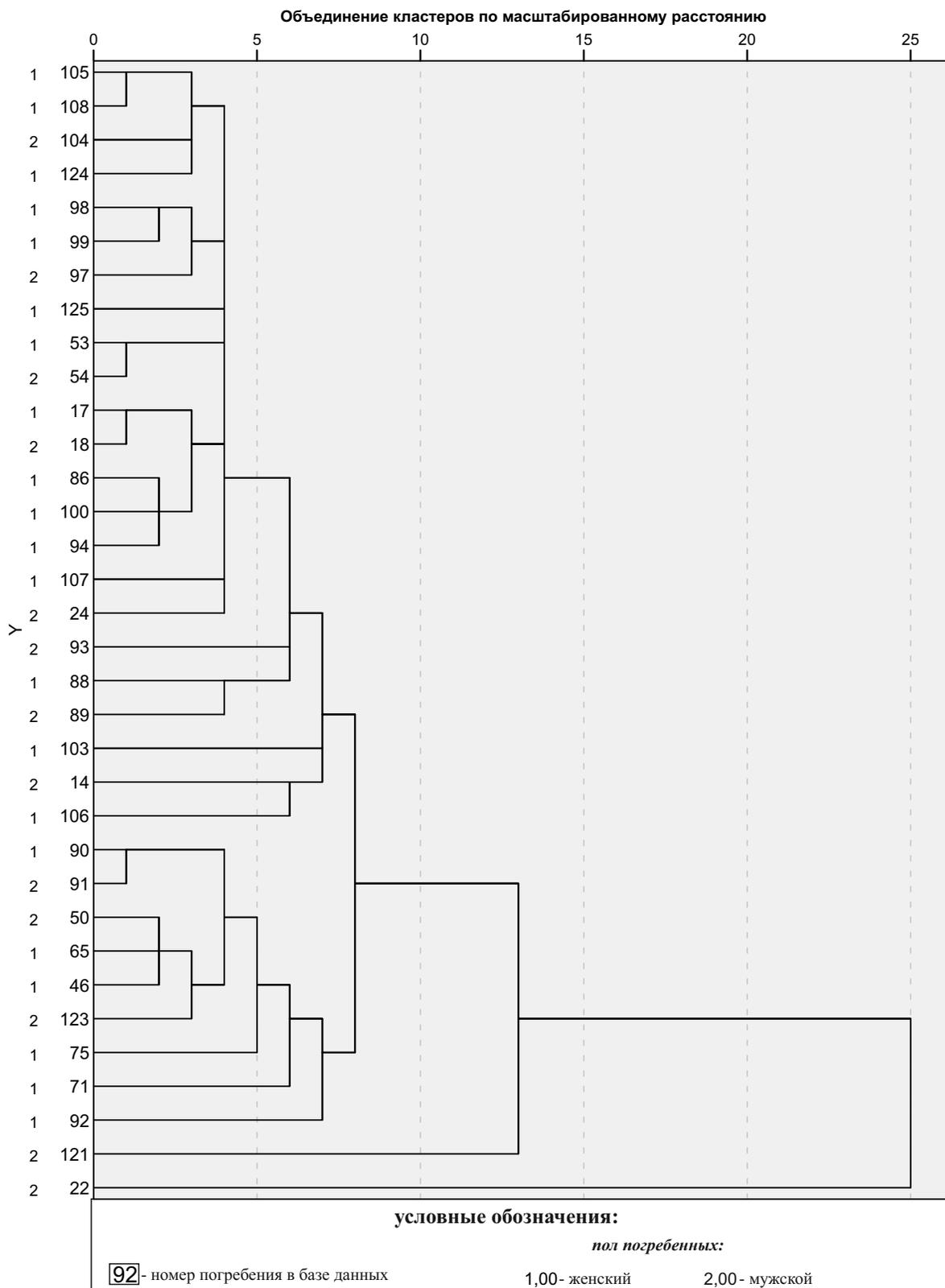

Граф. 37(продолжение). Некрополь Артюшенко 2. Связи между погребениями VI-IV вв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определённому полу (признак № 20 – «пол погребенных»)

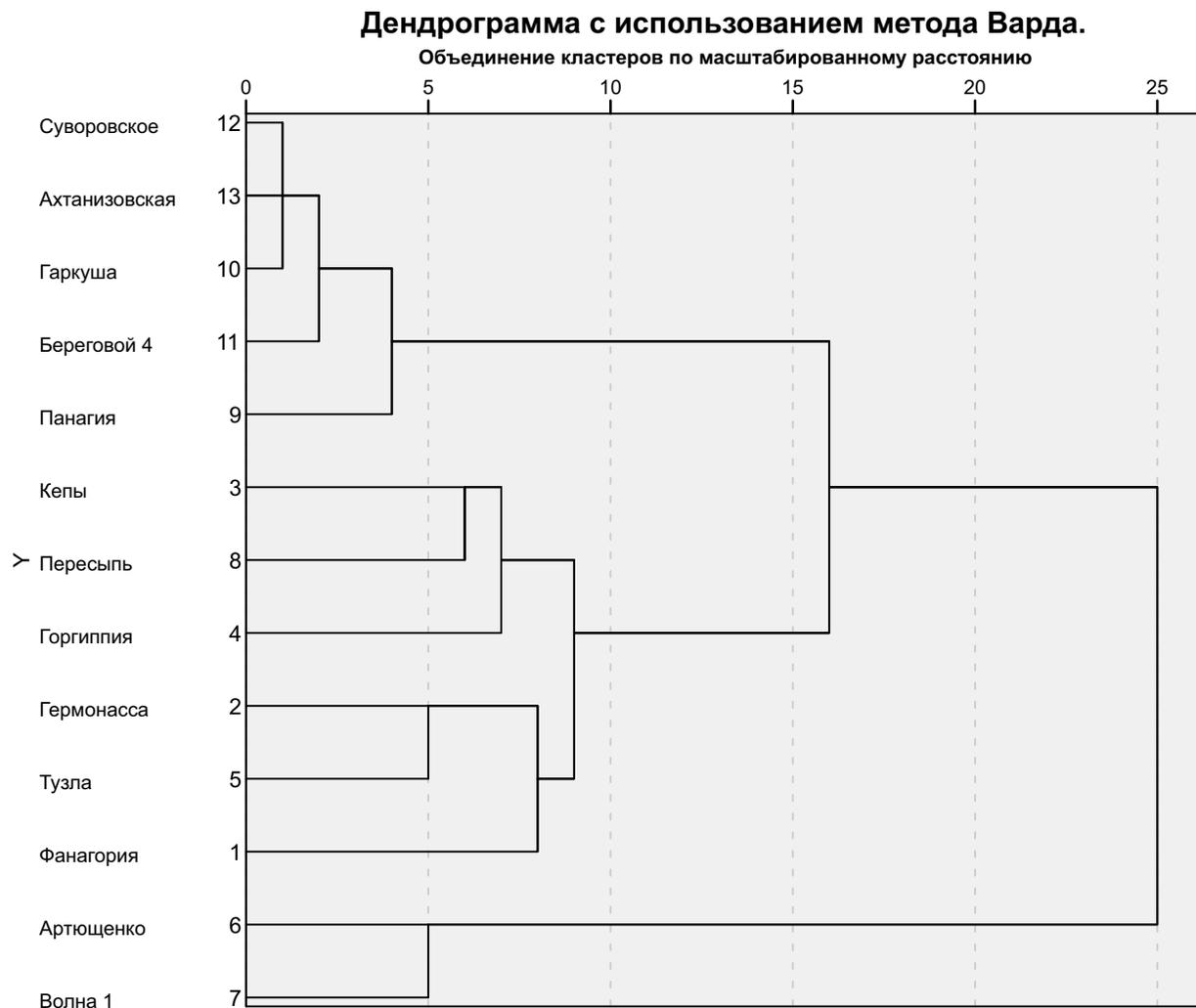

Граф. 37(продолжение). Некрополь Артющенко 2. Связи между погребениями VI-IVвв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определённому полу (признак № 20 – «пол погребенных»)

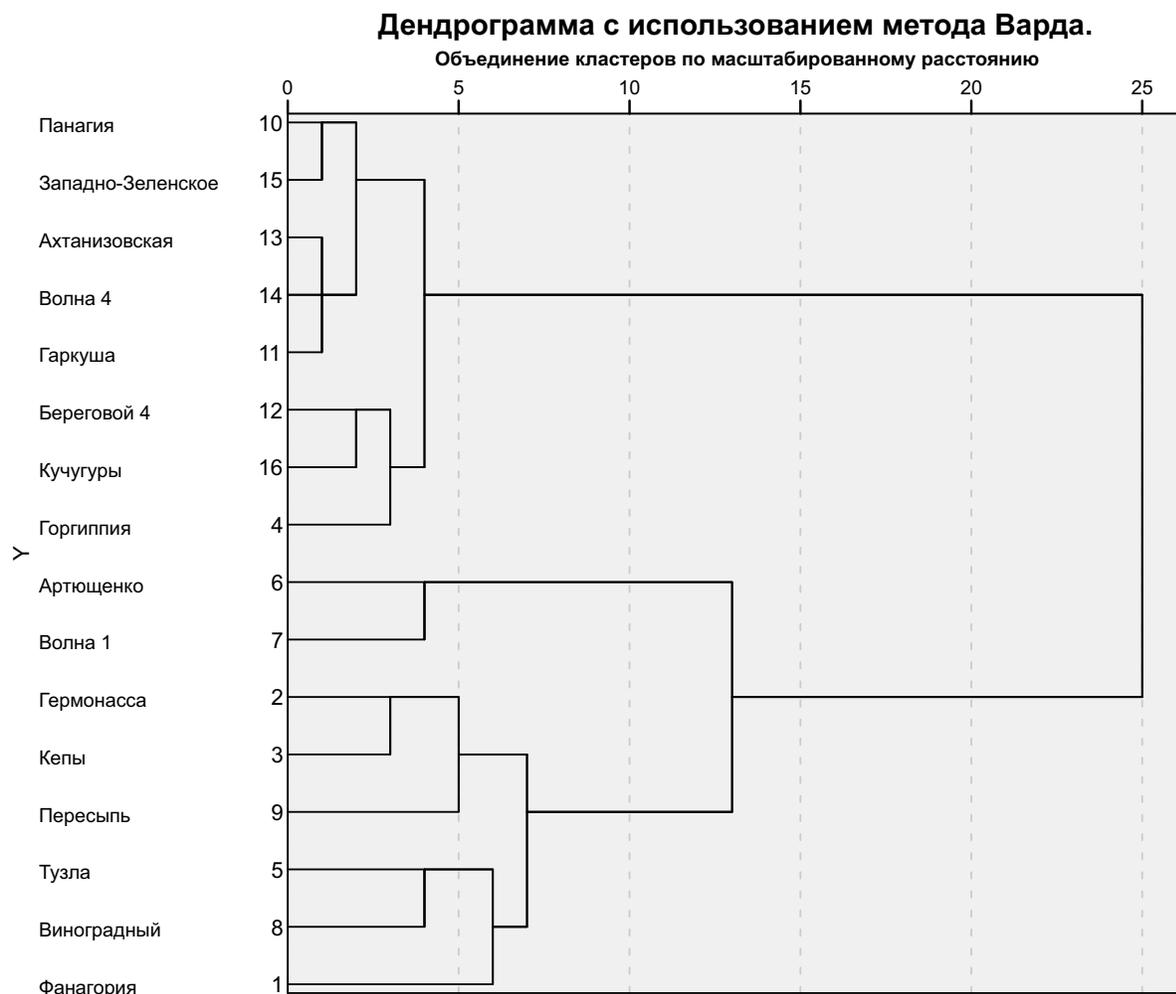
Дендрограмма с использованием метода ближайшего соседа.

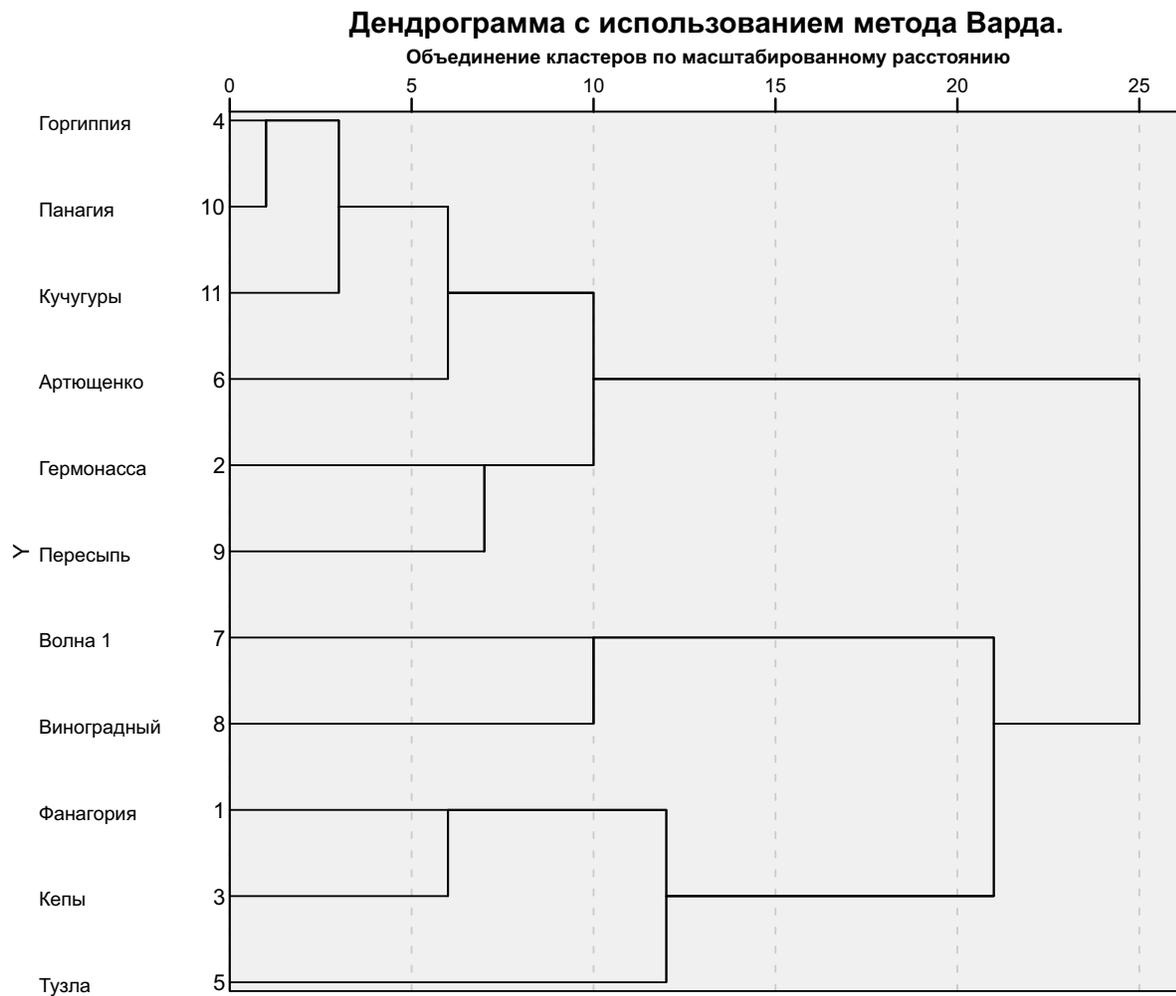
Граф. 38. Некрополи у пос. Виноградный. Связи между погребениями VI-IVвв. до н.э. по признакам, обусловленным принадлежностью погребенных к определённому полу (признак № 20 – «пол погребенных»)

Граф. 39. Связи между некрополями Азиатского Боспора по представленным в них погребальным традициям (вторая половина VI - первая половина V вв. до н.э.)

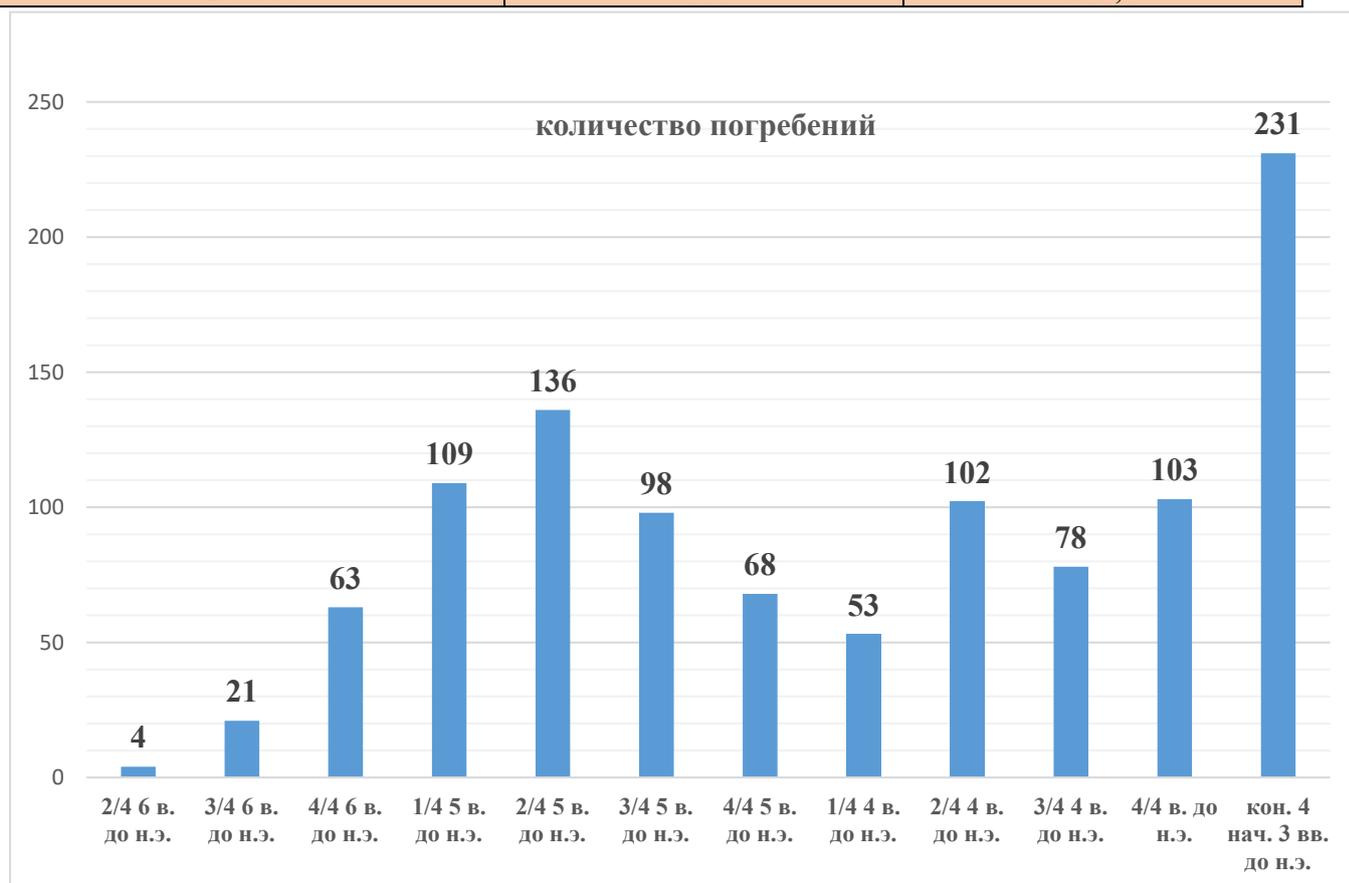
Граф. 40. Связи между некрополями Азиатского Боспора по представленным в них погребальным традициям (вторая половина V - первая половина IV вв. до н.э.)

Граф. 41. Связи между некрополями Азиатского Боспора по представленным в них погребальным традициям (вторая половина IV в. до н.э.)

Погребения Азиатского Боспора

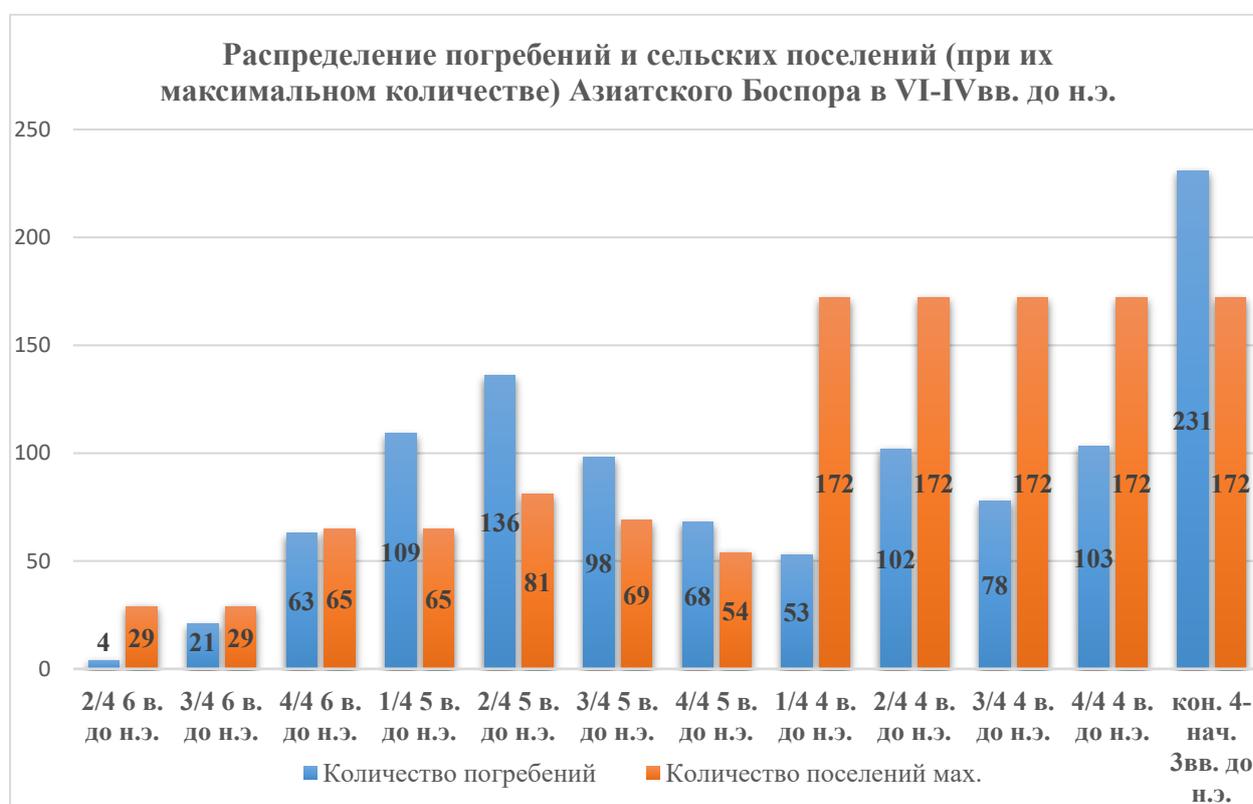
Датировка (с точностью до четверти века)	Кол-во	%
Вторая четверть 6 в. до н.э.	4	0,4
Третья четверть 6 в. до н.э.	21	2,0
Четвертая четверть 6 в. до н.э.	25	2,3
Конец 6- начало 5 вв. до н.э.	76	7,1
Первая четверть 5 в. до н.э.	71	6,7
Вторая четверть 5 в. до н.э.	136	12,8
Третья четверть 5 в. до н.э.	98	9,2
Последняя четверть 5 в. до н.э.	52	4,9
Конец 5- начало 4 вв. до н.э.	32	3,0
Первая четверть 4 в. до н.э.	37	3,5
Вторая четверть 4 в. до н.э.	102	9,6
Третья четверть 4 в. до н.э.	78	7,3
Последняя четверть 4 в. до н.э.	103	9,7
Конец 4 - начало 3 вв. до н.э.	231	21,7
Всего:	1066	100,0

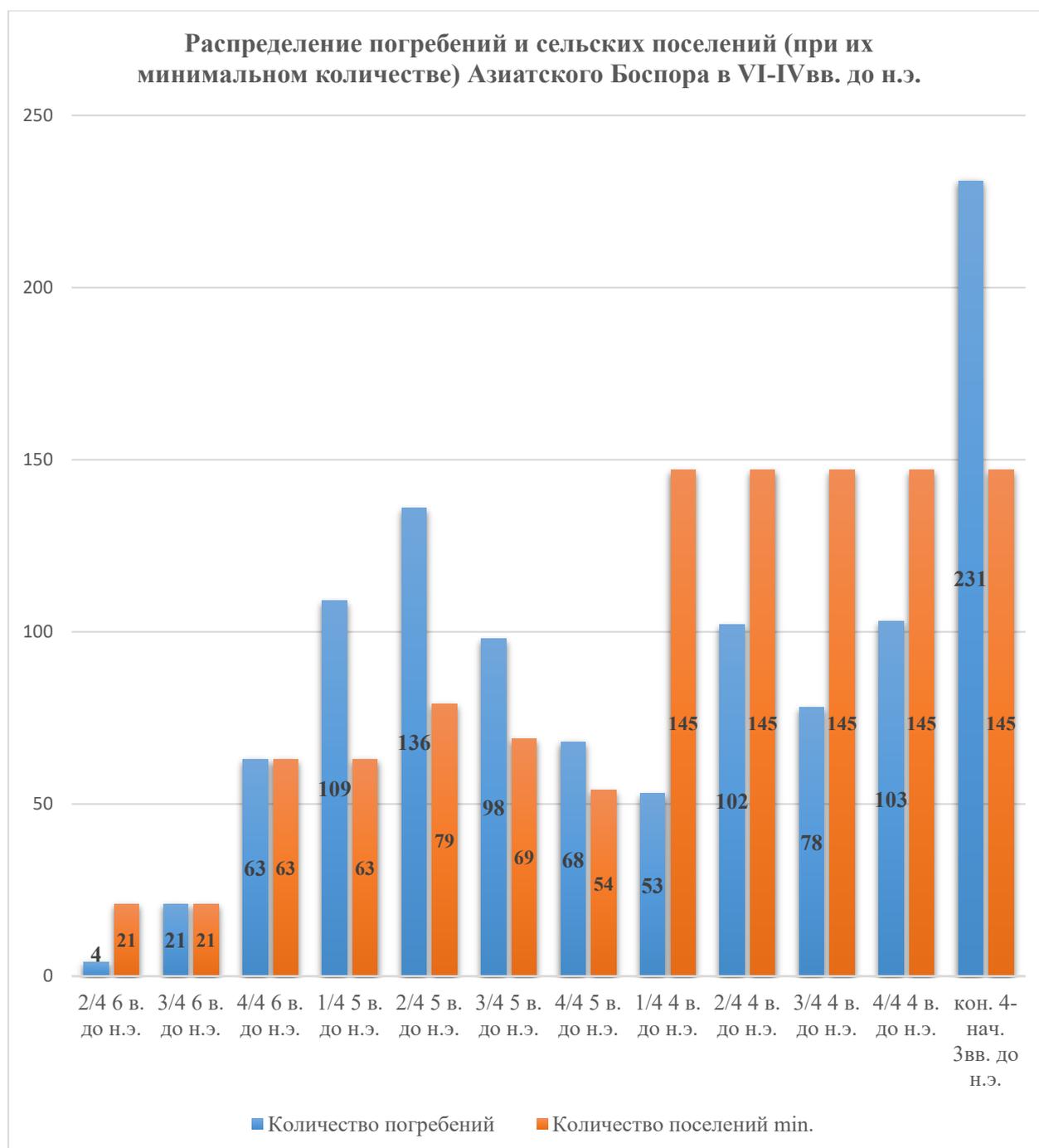
Граф. 42.

Поселения Азиатского Боспора

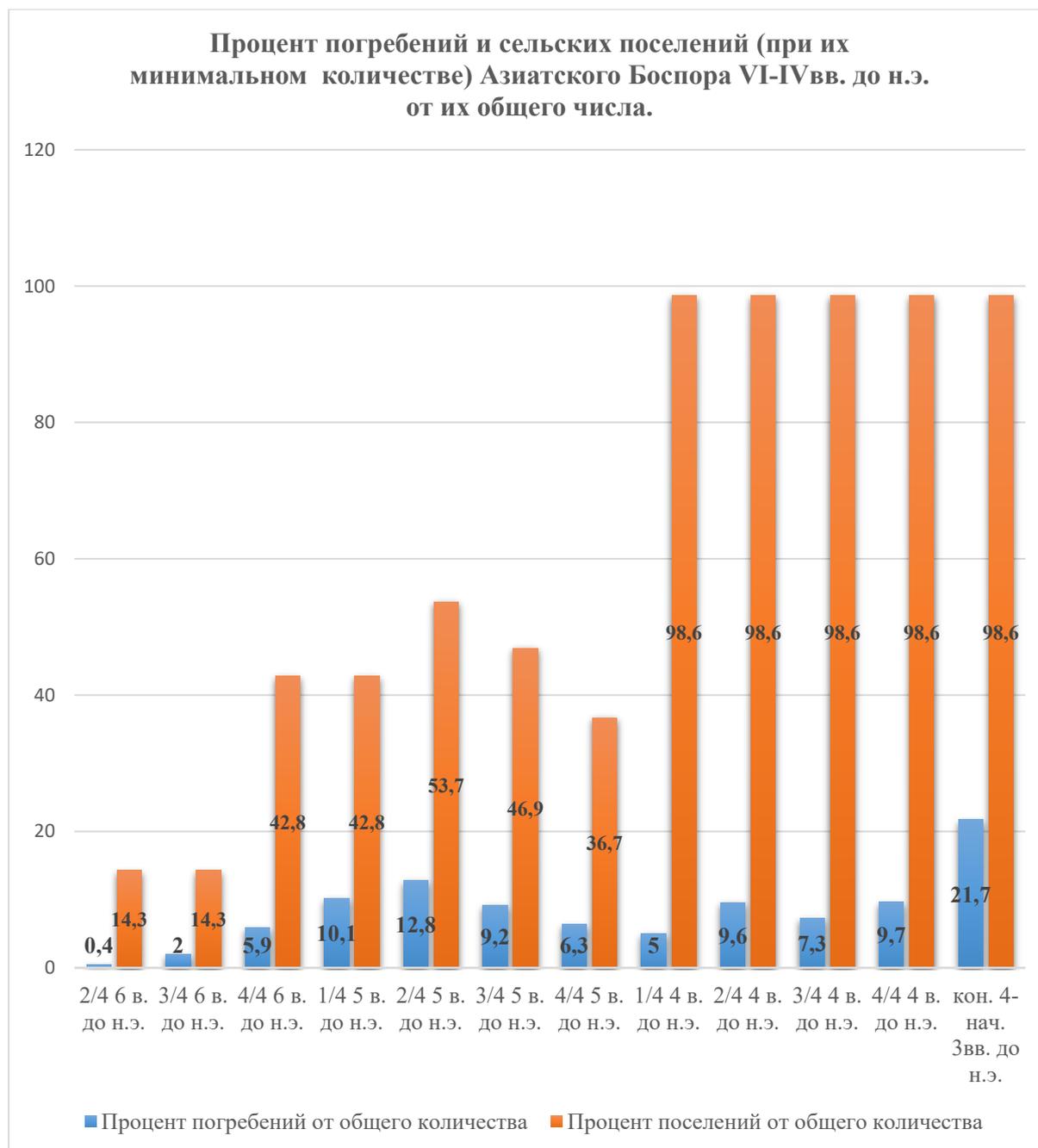
Датировка с точностью до четверти века	Кол-во		%	
	Минимальное	Максимальное	При минимальном кол-ве поселений	При максимальном кол-ве поселений
Вторая четверть 6 в. до н.э.	21	29	14,3	16,7
Третья четверть 6 в. до н.э.	21	29	14,3	16,7
Четвертая четверть 6 в. до н.э.	63	65	42,8	37,3
Первая четверть 5 в. до н.э.	63	65	42,8	37,3
Вторая четверть 5 в. до н.э.	79	81	53,7	46,5
Третья четверть 5 в. до н.э.	69	69	46,9	39,6
Последняя четверть 5 в. до н.э.	54	54	36,7	31,0
Первая четверть 4 в. до н.э.	145	172	98,6	98,8
Вторая четверть 4 в. до н.э.	145	172	98,6	98,8
Третья четверть 4 в. до н.э.	145	172	98,6	98,8
Последняя четверть 4 в. до н.э.	145	172	98,6	98,8
Конец 4 - начало 3 вв. до н.э.	145	172	98,6	98,8
Всего:	147	174	100,0	

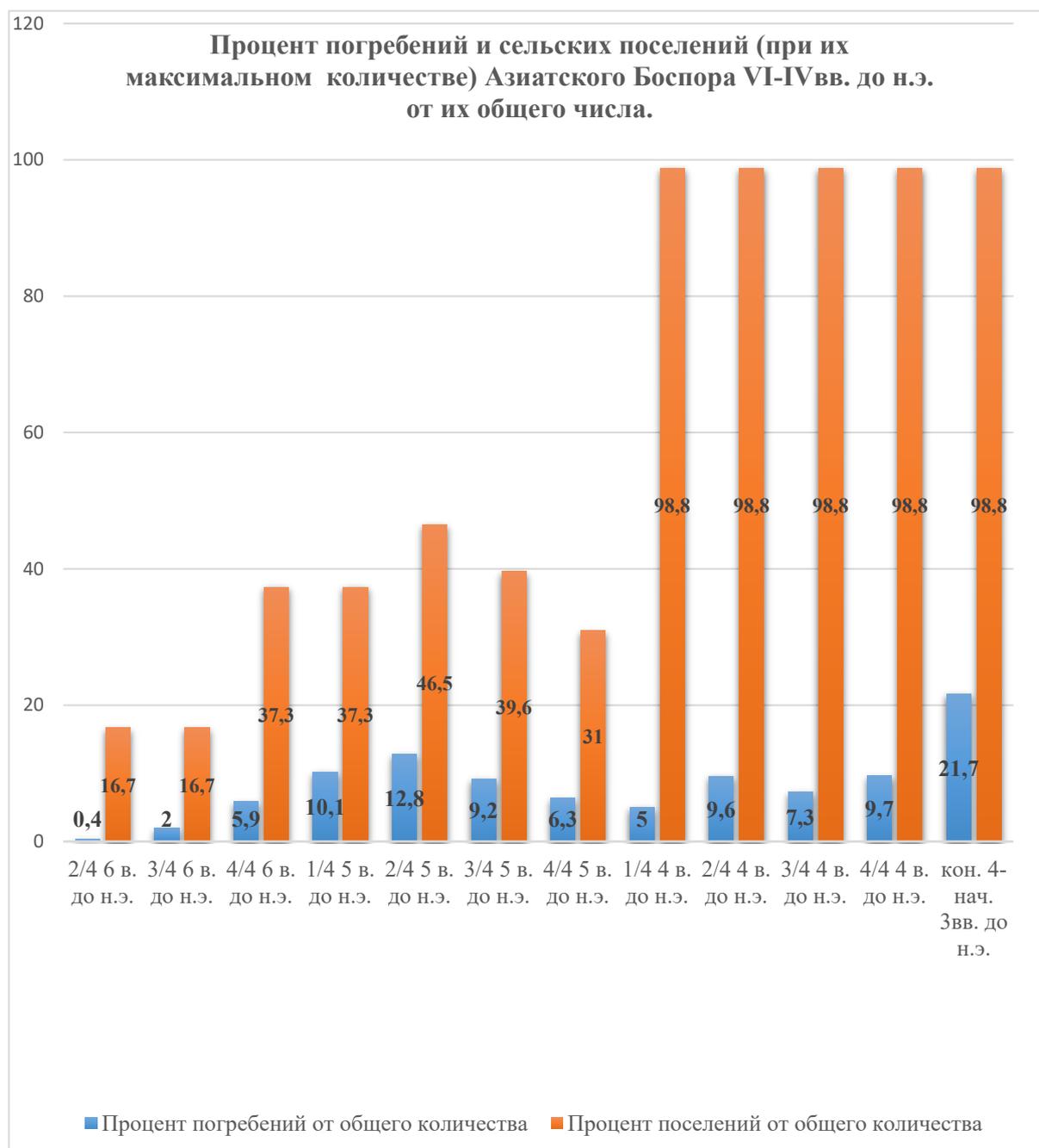
Граф. 43

Граф 43. (Продолжение)

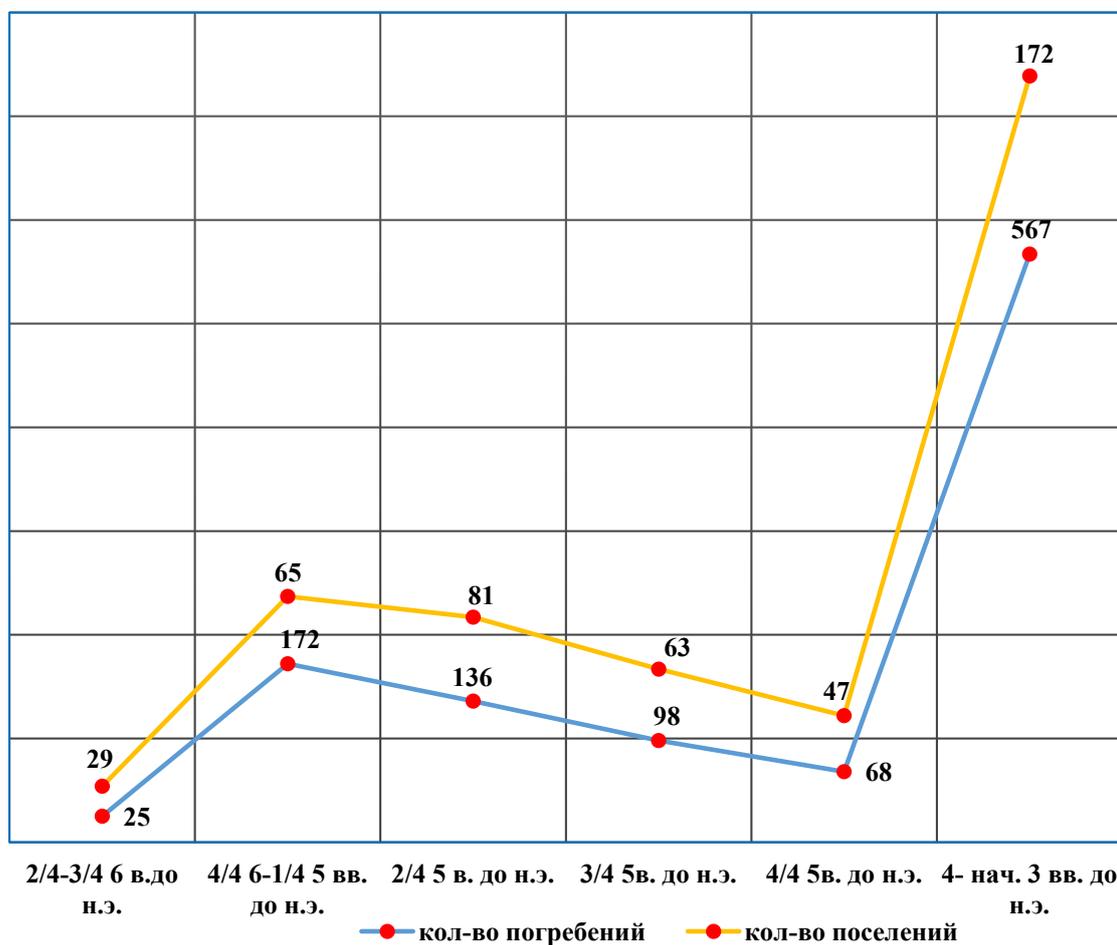

Граф.44.

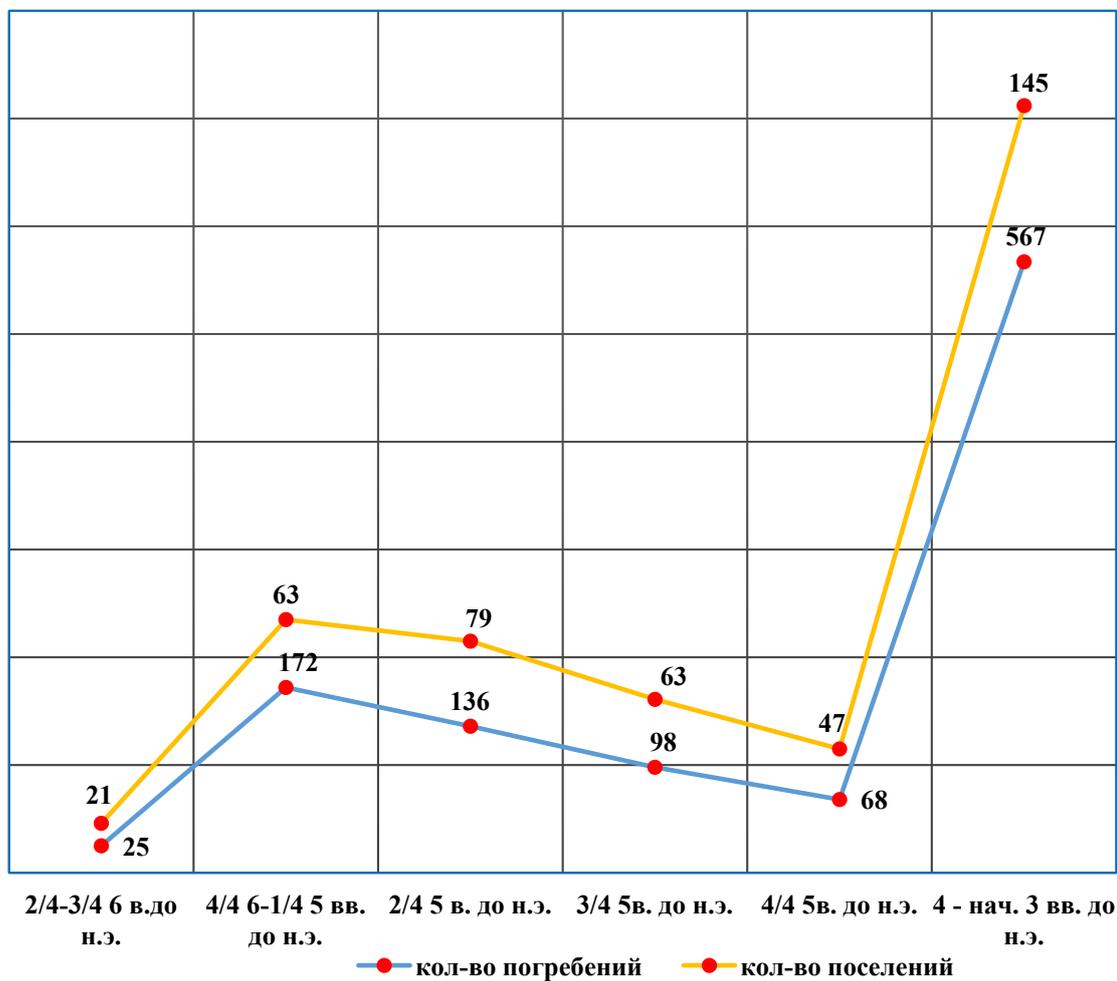
Граф.44(Продолжение)

Распределение погребений и сельских поселений (при их максимальном количестве) Азиатского Боспора в VI-IV вв. до н.э. (на основе периодизации, разработанной Г.П. Гарбузовым и А.А. Завойкиным для поселений)

Граф. 45.

Распределение погребений и сельских поселений (при их минимально количестве) Азиатского Боспора в VI-IVвв. до н.э. (на основе периодизации, предложенных Г.П. Гарбузовым и А.А. Завойкиным для поселений)

Граф.46.

Классификация погребальных традиций Азиатского Боспора

VI–IV вв. до н.э.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ГРУППА I

(вторая половина VI – первая половина V в до н.э.).

Возрастная группа А. Погребения младенцев (1–2 года).

Вариант 1. Захоронения по обряду ингумации, в скорченном положении в амфорах.*Подвариант а* (I. А. 1. а).

Без инвентаря и четкой ориентировки.

Подвариант б (I. А. 1. б).

Ориентировка «неустойчивая» в западном, северном, южном секторе; в наборе инвентаря 1–2 мелких глиняных сосуда/ бусы/ серьги.

Вариант 2. Погребения по обряду ингумации, в скорченном положении совместно с другим индивидом в грунтовой могиле/ сырцовом/ каменном ящике.*Подвариант а* (I. А. 2. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном (в большинстве погребений), западном и северном секторах (редко).

Подвариант б (I. А. 2. б).

Ориентировка в восточном, западном и северном секторах. К младенцу относится один сосуд из набора керамики (мелкий глиняный сосуд/кувшин).

Особые случаи: расчленённый скелет, положение на животе, ориентировка не определяется, в наборе сопроводительного инвентаря кувшин и сосуд для питья

Возрастная группа Б. Детские погребения (от 3 до 14 лет).

Вариант 2. Одиночные захоронения по обряду ингумации, в грунтовых могилах в вытянутом положении.

Подвариант а (I. Б. 2. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном (в большинстве погребений), западном южном и северном секторах (редко).

Подвариант б (I. Б. 2. б).

Ориентировка в восточном (в большинстве погребений), западном южном и северном секторах (редко). В наборе инвентаря присутствует один сосуд: сосуд для питья / мелкий глиняный сосуд.

Вариант 3. Одиночные захоронения детей по обряду ингумации, в грунтовой могиле в скорченном положении.

Подвариант а (I. Б. 3. а).

Без инвентаря. Ориентировка индивиды могут быть ориентированы в восточном (в большинстве погребений), западном южном и северном секторах (редко).

Подвариант б (I. Б. 3. б).

В наборе инвентаря один сосуд: сосуд для питья / мелкий глиняный сосуд. Ориентировка в восточном (в большинстве погребений), западном южном и северном секторах (редко).

Возрастная группа В. Погребения молодых людей (от 14 до 20 лет)

Вариант 1. Одиночные погребения молодых людей по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах.

Подвариант а (I. В. 1. а.)

Безынвентарные погребения с ориентировкой в восточном секторе

Подвариант б (I. В. 1. б.)

Погребения молодых мужчин, ориентированных в восточном секторе. В наборе сопроводительного инвентаря могут присутствовать *один, два, три или более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины, мелкие глиняные/ стеклянные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *оружие*: 1-3

наконечника стрел и/или копье; *мелкие орудия труда* ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило (очень редко); *утварь*: стригиль.

Подвариант в (I. В. 1. в).

Погребения молодых женщин, ориентированных в восточном секторе. В наборе инвентаря: *сосуды отсутствуют/ один /два/ редко три сосуда*: сосуды для питья, миски, кувшины, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; предметы туалета: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы.

Вариант 2 (I. В. 2.). Одиночные погребения молодых людей по обряду ингумации, в скорченном положении в грунтовых ямах без сопроводительного инвентаря. Индивиды могут быть ориентированы в восточном, западном южном и северном секторах.

Вариант 3. Коллективные погребения молодых людей по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах

Подвариант а (I. В. 3. а).

Безынвентарные. Ориентировка в восточном секторе.

Подвариант б (I. В. 3. б).

Погребения молодых мужчин по обряду ингумации. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *два /три / более трех* сосудов: сосуды для питья, миски, кувшины, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило (очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): амулеты (напр. клык кабана), астрагалы.

Подвариант в (I. В. 3. в).

«Воинские» погребения молодых мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *два /три / более трех* сосудов: сосуды для питья, миски, кувшины, мелкие глиняные/стеклянные сосуды, крупные тарные сосуды (редко); *украшения*: перстни, браслеты; *оружие*: 1-3 наконечника стрел и/или копье; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица

(редко), иглы/шило(очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): амулеты (напр. клык кабана), астрагалы.

Подвариант з (I. В. 3. г)

Погребения молодых женщин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/один/два/три сосуда*: сосуды для питья, миски, кувшины, крупные тарные сосуды, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; предметы туалета: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы. *Предметы ритуального назначения* (редко): раковины каури/ створчатые раковины/ реальгар/краски.

Вариант 4. Коллективные погребения молодых людей по обряду ингумации вытянутом положении в сырцовых/каменных ящиках

Подвариант а (I. В. 4. а).

Без инвентаря с ориентировкой в восточном секторе.

Подвариант б (I. III. 4. б).

Погребения молодых мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *два /три / более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины (редко), мелкие глиняные/ стеклянные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шилья(очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): амулеты (напр. клык кабана), астрагалы.

Подвариант в (I. В. 4. в).

«Воинские» погребения молодых мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *два /три / более трех сосудов*: сосуды для питья миски, кувшины (редко), мелкие глиняные/ стеклянные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *оружие*: 1-3 наконечника стрел и/или копьё; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило(очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): амулеты (напр. клык кабана), астрагалы.

Подвариант з (I. В. 4. г).

Погребения молодых женщин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/ один/ два/три/ более трех сосудов*: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; *предметы туалета*: зеркала; румяна (очень редко); *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы; *предметы ритуального назначения*: раковины каури (редко); створчатые раковины (очень редко).

Возрастная группа Г. Погребения людей зрелого возраста (от 20 до 45 лет)

Вариант 1. Одиночные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах/ сырцовых ящиках

Подвариант а (I. Г. 1. а).

Без инвентаря. Все индивиды ориентированы в восточном секторе.

Подвариант б (I. Г. 1. б).

Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе сопроводительного инвентаря *один, два, либо три сосуда*: сосуды для питья, миски, кувшины, крупный тарный сосуд (редко), мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки, пряслица (редко), иглы/шило (редко); утварь: стригиль; *предметы ритуального назначения*: одиночный наконечник стрелы (редко).

Подвариант в (I. Г. 1. в).

«Воинские» погребения мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря: *два/ три / более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины, крупный тарный сосуд (редко), мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *оружие наступательное*: более трех наконечников стрел и/или копье, а также/или меч; *оружие защитное (очень редко)*: шлемы, панцыри; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда* ножи, оселки, пряслица (редко), иглы/шило (редко); утварь: стригиль (редко).

Подвариант з (I. Г. 1. г).

Одиночные погребения женщин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе сопроводительного инвентаря *сосуды отсутствуют/ один /два/ три сосуда (редко)*: сосуды для питья; кувшины; мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; *предметы туалета*: зеркала; мелкие орудия труда: пряслица, ножи, иглы; *предметы ритуального назначения*: раковины каури (редко); створчатые раковины (редко).

Вариант 2. Одиночные погребения по обряду ингумации в скорченном положении в грунтовых ямах

Подвариант а (I. Г. 2. а).

Без инвентаря с ориентировкой в западном (часто), южном (реже), восточном (очень редко) секторах.

Подвариант б (I. Г. 2. б).

Одиночные погребения мужчин с ориентировкой в западном (часто), южном (реже), восточном (очень редко) секторах. В наборе сопроводительного инвентаря: может присутствовать *один сосуд* (иногда)/более трех сосудов(редко); *мелкие орудия труда*: нож/нож и оселок; *украшения*: перстень.

Подвариант в (I. Г. 2. в).

Одиночные погребения женщин с ориентировкой в западном, северном (часто), южном (реже), секторах. В наборе сопроводительного инвентаря: *сосуды отсутствуют/один/два/три сосуда*: мелкий глиняный сосуд, *в наборе украшений*: серьги/кольца, *мелкие орудия труда*: нож/пряслице.

Вариант 3. Коллективные погребения по обряду ингумации в вытянутом положении в грунтовых ямах.

Подвариант 1 (I. Г. 3. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном (большинство), в северном, западном, южном секторах (очень редко).

Подвариант 2 (I. Г. 3. б).

Погребения мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря: *два либо три сосуда*: сосуды для питья, кувшины, миски, крупный тарный сосуд (редко мелкие) глиняные/ стеклянные сосуды; украшения: перстни, браслеты; мелкие орудия труда ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило(очень редко); утварь: стригиль; *предметы ритуального назначения*: одиночный наконечник стрелы(редко)

Подвариант в (I. Г. 3. в).

«Воинские» погребения мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *два/ три/ более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины; металлические черпаки (редко), крупный тарный сосуд (редко); мелкие глиняные/ стеклянные сосуды; *наступательное вооружение*: более трех наконечников стрел и/или копье, а также/или меч; *оружие защитное* (очень редко): шлемы, панцири; *предметы упряжи* (очень редко): удила, уздечные бляшки; *украшения*: перстни, браслеты; мелкие орудия труда ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило(очень редко); утварь: стригиль.

Подвариант г (I. Г. 3. г).

Погребения женщин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/два/три сосуда*: сосуды для питья, кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; *предметы туалета*: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы; *предметы ритуального назначения*: редко раковины каури.

Исключительный случай: 2 погребения с антропоморфными статуэтками (в некрополе Тузлы).

Вариант 4. Коллективные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в сырцовых/ каменных ящиках

Подвариант а (I. Г. 4. а).

Без инвентаря. Индивиды ориентированы в восточном секторе.

Подвариант б (I. Г. 4. б).

Погребения мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *два/ три /более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины, крупный тарный сосуд (редко), мелкие глиняные/ стеклянные сосуды, металлический черпак (редко); *украшения*: перстни, браслеты; мелкие орудия труда ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило (очень редко); утварь: стригиль; *предметы ритуального назначения*: одиночный наконечник стрелы(редко).

Подвариант в (I. Г. 4. в).

«Воинские» погребения мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *два/ три/ более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины; металлический черпак (очень редко), крупный тарный сосуд, мелкие глиняные/ стеклянные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *наступательное вооружение*: более трех наконечников стрел и/или копье, а также/или меч *защитное вооружение*: шлем/ панцирь /поножи; мелкие орудия труда ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило(очень редко); утварь: стригиль.

Подвариант г (I. Г. 4. г).

Погребения женщин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/ от два/три сосуда*: сосуды для питья, миски, кувшины, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; украшения: серьги, кольца, браслеты, ворворки (редко); *предметы туалета*: зеркала; крайне редко румяны *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы; *предметы ритуального назначения*: редко раковины каури; очень редко створчатые раковины.

Вариант 5 (I. Г. 5). Кенотаф

Вариант 6. Погребения по обряду кремации

Подвариант а (I. Г. 6.а).

Одиночные погребения зрелых людей по обряду кремации на месте. В наборе сопроводительного инвентаря: два сосуда/ три сосуда. Украшения: фрагменты венка/ серьги, бусы из желтого металла.

Подвариант б (I. Г. 6.б).

Одиночные погребения зрелых людей по обряду кремации на стороне (в урне). В наборе сопроводительного инвентаря сосуды отсутствуют.

Особые случаи: захоронения лошадей совместно с людьми, положение лошади – скорченно на боку/ на животе"

Возрастная группа Д. Погребения пожилых людей (старше 45 лет)

Вариант 1.

Одиночные погребения по обряду ингумации в грунтовых ямах.

Подвариант а (I. Д. 1. а).

Погребения в вытянутом положении на спине (в большинстве могил) или ничком без инвентаря. Индивиды ориентированы в восточном секторе.

Подвариант б (I. Д. 1. б).

Одиночные погребения мужчин в вытянутом положении на спине. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *три либо более трех сосудов*: сосуды для питья, кувшины, миски, крупный тарный сосуд (редко), мелкие глиняные/ стеклянные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда* ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шилья (редко); *предметы ритуального назначения*: одиночный наконечник стрелы (редко); *останки непутственной пищи*: кости овцы/ свиньи (очень редко).

Подвариант в (I. Д. 1. в).

Одиночные погребения женщин в вытянутом положении. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря сосуды *один / два сосуда*: сосуды для питья, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*:

серьги, кольца, ворворки (редко); *предметы туалета*: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, иглы; *предметы ритуального назначения (редко)*: раковины каури / створчатые раковины.

Вариант 2 (I. Д. 2).

Одиночные погребения пожилых людей в скорченном положении в грунтовых ямах без инвентаря. Индивиды могли быть ориентированы в восточном (большинство), в северном, западном, южном секторах (очень редко).

Вариант 3

Коллективные погребения пожилых людей в сырцовых ящиках в вытянутом положении.

Подвариант а (I. Д. 3.а).

Без инвентаря. Индивиды могли быть ориентированы в восточном (большинство), в северном, западном, южном секторах (очень редко).

Подвариант б (I. Д. 3.б).

Погребения пожилых мужчин. Индивиды могли быть ориентированы в восточном (большинство), в северном, западном, южном секторах (очень редко). В наборе инвентаря три / более трех сосудов: сосуды для питья, миски, кувшины; крупный тарный сосуд (редко); мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *наступательное вооружение (очень редко)*: мечи/наконечник копья; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило(очень редко); ритуального назначения: одиночный наконечник стрелы(редко), *останки мясной пищи(очень редко)*: кости овцы/свиньи.

Подвариант в (I. Д. 3.в).

Погребения женщин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/ два/три сосуда*: сосуды для питья; кувшины (редко); мелкие глиняные/стеклянные сосуды; украшения: серьги, кольца, браслеты; предметы туалета: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ГРУППА II

(вторая половина V - первая половина VI вв. до н.э.).

Возрастная группа А. Погребения младенцев (1-2 года)

Вариант 1.

Грунтовые захоронения по обряду ингумации, в скорченном положении амфорах

Подвариант а (II. А. 1. а).

Без инвентаря и четкой ориентировки.

Подвариант б (II. А. 1. б).

Ориентировка в западном, северном, южном секторах; в наборе инвентаря 1-2 мелких глиняных сосуда/ бусы/ серьги

Вариант 2.

Грунтовые погребения по обряду ингумации, в скорченном положении совместно со взрослым человеком в грунтовой могиле/ сырцовом/ каменном ящике

Подвариант а (II. А. 2. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном (*в большинстве погребений*), западном и северном секторах.

Подвариант б (II. А. 2. б).

Ориентировка в восточном, западном и северном секторах. К погребенному относится один сосуд из набора керамики (мелкий глиняный сосуд/кувшин).

Вариант 3 (II. А. 3).

Грунтовые «двухъярусные» погребения по обряду ингумации. Скелет младенца располагался в простой грунтовой яме над погребением взрослых людей. Инвентарь в погребении отсутствовал. Ориентировка в восточном (*в большинстве погребений*), западном и северном секторах.

Вариант 4.

Захоронения по обряду ингумации, в насыпи кургана, без инвентаря.

Подвариант а (П. А. 4. а).

В скорченном положении в амфорах. Ориентировка не определяется

Подвариант б (П. I. 4. б).

В скорченном положении в простых грунтовых ямах, с «неустойчивой» ориентировкой в западном, северном, южном секторе.

Возрастная группа Б. Детские погребения (от 3 до 14 лет).

Вариант 1.

Захоронения по обряду ингумации, в вытянутом положении совместно с взрослым человеком в грунтовой могиле/ сырцовом/ каменном ящике

Подвариант а (П. Б. 1. а).

Ориентировка в восточном (*в большинстве погребений*), западном южном и северном секторах.

Подвариант б (П. Б. 1. б).

Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе сопроводительного инвентаря *один/два сосуда*: сосуд для питья / мелкий глиняный сосуд.

Вариант 2.

Одиночные захоронения по обряду ингумации, в грунтовых могилах в вытянутом положении.

Подвариант а (П. Б. 2. а).

Без инвентаря. Индивиды могут быть ориентированы в восточном (*в большинстве погребений*), западном южном и северном секторах.

Подвариант б (П. Б. 2. б).

Индивиды могут быть ориентированы в восточном (*в большинстве погребений*), западном южном и северном секторах. В наборе инвентаря *сосуды отсутствовали/ присутствует один/два/три/более трех сосудов*: сосуд для питья, кувшин, миска, мелкий глиняный сосуд. *В наборе украшений* серьги/кольца, бусы; *в наборе орудий труда* могли присутствовать нож и/или игла

Вариант 3.

Одиночные захоронения по обряду ингумации, в грунтовой могиле в скорченном положении.

Подвариант а (П. Б. 3. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном (*в большинстве погребений*), западном южном и северном секторах.

Подвариант б (П. Б. 3. б).

В наборе инвентаря *один либо два сосуда*: сосуд для питья/ кувшин и/или мелкий глиняный сосуд. Индивиды могут быть ориентированы в восточном (*в большинстве погребений*), западном южном и северном сектора. *В наборе украшений* серьги/кольца.

Вариант 4.

Захоронения по обряду ингумации, совместно с взрослым человеком в сырцовом/ грунтовой склепе.

Подвариант а (П. Б. 4. а).

Захоронения в вытянутом положении. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *один/два сосуда*: сосуд для питья / мелкий глиняный сосуд.

Подвариант б (П. Б. 4. б).

Захоронения, в скорченном положении без инвентаря. Ориентировка в восточном секторе.

Возрастная группа В. Погребения молодых людей (от 14 до 20 лет)

Вариант 1.

Одиночные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах.

Подвариант а (П. В. 1. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном секторе.

Подвариант б (П. В. 1. б).

Погребения мужчин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря могут присутствовать *один, два, три или более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины, мелкие глиняные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *оружие*: 1-3 наконечника стрел/более трех наконечников стрел и/или копье; *мелкие орудия труда* ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило(очень редко); *утварь(редко)*: стригиль.

Подвариант в (П. В. 1. в).

Погребения женщин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/ один /два/ редко три сосуда*: сосуды для питья, миски, кувшины, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; предметы туалета: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы.

Вариант 2 (П. В. 2).

Одиночные погребения по обряду ингумации, в скорченном положении в грунтовых ямах без сопроводительного инвентаря. Индивиды могут быть ориентированы в восточном, западном южном и северном секторах.

Вариант 3.

Коллективные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах.

Подвариант а (II. В. 3. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном секторе.

Подвариант б (II. В. 3. б).

Погребения мужчин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *два /три / более трех* сосудов: сосуды для питья, миски, кувшины, мелкие глиняные/ стеклянные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило (очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): амулеты (напр. клык кабана), астрагалы.

Подвариант в (II. В. 3. в).

«Воинские» погребения мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе сопроводительного инвентаря *два /три / более трех* сосудов: сосуды для питья, миски, кувшины, мелкие глиняные сосуды, крупные тарные сосуды (редко); *украшения*: перстни, браслеты; *оружие*: 1-3 наконечника стрел и/или копье; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило (очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): амулеты (напр. клык кабана), астрагалы.

Подвариант г (II. В. 3. г).

Погребения женщин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/один/два/три сосуда*: сосуды для питья, миски, кувшины, крупные тарные сосуды, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; *предметы туалета*: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи,

иглы. *Предметы ритуального назначения* (редко): раковины каури/ створчатые раковины/ реальгар/краски.

Вариант 4.

Коллективные погребения по обряду ингумации вытянутом положении в сырцовых ящиках

Подвариант а (II. В. 4. а).

Без инвентаря, с ориентировкой в восточном секторе.

Подвариант б (II. В. 4. б).

Погребения мужчин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *два /три / более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шилья(очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): амулеты (напр. клык кабана), астрагалы.

Подвариант в (II. В. 4. в).

«Воинские» погребения мужчин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *два /три / более трех сосудов*: сосуды для питья миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *оружие*: 1-3 наконечника стрел и/или копье; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило (очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): амулеты (напр. клык кабана), астрагалы.

Подвариант г (II. В. 4. г).

Погребения женщин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/ один/ два/три/ более трех сосудов*: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; *предметы туалета*: зеркала; румяны (очень редко); *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы; *предметы ритуального назначения*: раковины каури (редко); створчатые раковины (очень редко).

Вариант 5.

Коллективные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в сырцовых / грунтовых склепах.

Подвариант а (Ш. В. 5. а).

«Воинские» погребения мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *три / более трех сосудов*: сосуды для питья миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды, солонки; *украшения*: перстни, браслеты; *оружие*: 1-3 наконечника стрел, копье или несколько копий; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило(очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): амулеты (напр. клык кабана), астрагалы.

Подвариант б (Ш. В. 5. б).

Погребения женщин совместно с младенцем. Ориентировка в восточном секторе. В наборе с инвентаря *два/три/ более трех сосудов*: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды, крупные тарные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки, подвески, бусы; *предметы туалета*: зеркала; румяны (очень редко); *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы; *предметы ритуального назначения*: раковины каури (редко); створчатые раковины (очень редко).

Возрастная группа Г. Погребения людей зрелого возраста (в возрасте от 20 до 45 лет)

Вариант 1.

Одиночные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах

Подвариант а (Ш. Г. 1. а)

Без инвентаря. Ориентировка в восточном секторе.

Подвариант б (Ш. Г. 1. б).

Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *два, либо три сосуда*: сосуды для питья, миски, кувшины, крупный тарный сосуд (редко),

мелкие глиняные/ стеклянные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки, пряслица (редко), иглы/шило (редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения*: одиночный наконечник стрелы (редко).

Подвариант в (Ш. Г. 1. в).

«Воинские» погребения мужчин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря: *два/ три / более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины, крупный тарный сосуд (редко), мелкие глиняные сосуды; *оружие наступательное*: более трех наконечников стрел и/или колчан, копье/несколько копий, меч/кинжал и меч; *оружие защитное (очень редко)*: шлемы, панцыри; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда* ножи, оселки, пряслица (редко), иглы/шило (редко); *утварь*: стригиль (редко).

Подвариант г (Ш.Г. 1. г).

Погребения женщин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе сопроводительного инвентаря *сосуды отсутствуют/ один /два/ три сосуда (редко)*: сосуды для питья; кувшины; мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; *предметы туалета*: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы; *предметы ритуального назначения*: раковины каури (редко); створчатые раковины (редко).

Вариант 2.

Одиночные погребения по обряду ингумации зрелых людей в скорченном положении в грунтовых ямах с ориентировкой в западном (часто), южном (реже), восточном (очень редко) секторах.

Подвариант а (Ш. Г. 2. а).

Без инвентаря.

Подвариант б (Ш. Г. 2. б).

Погребения мужчин по обряду ингумации в скорченном положении в грунтовых ямах. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют*; *орудия труда (редко)*: нож/оселок/игла; *украшения*: перстень

Подвариант в (Ш. Г. 2. в).

Погребения женщин. В наборе инвентаря: сосуды *один/два мелких глиняных* сосуда и/или кувшин, *в наборе украшений*: серьги/кольца, *мелкие орудия труда*: нож и /или пряслице/игла/шило.

Вариант 3.

Коллективные погребения зрелых людей по обряду ингумации в вытянутом положении в грунтовых ямах

Подвариант а (Ш. Г. 3. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном секторе.

Подвариант б (Ш. Г. 3. б).

Погребения мужчин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *два либо три сосуда*: сосуды для питья, кувшины, миски, крупный тарный сосуд (редко), мелкие глиняные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило (очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения*: одиночный наконечник стрелы(редко).

Подвариант в (Ш. Г. 3. в).

«Воинские» погребения мужчин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *два/ три/ более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины; металлические черпаки (редко), крупный тарный сосуд (редко); мелкие глиняные/ стеклянные сосуды; *наступательное вооружение*: более трех наконечников стрел и/или копье, а также/или меч; *предметы упряжи* (очень редко): удила, уздечные бляшки; *украшения*: перстни, браслеты, бляшки и застежки (редко); *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило(очень редко); *утварь*: стригиль.

Подвариант г (Ш. Г. 3. г).

Погребения женщин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря сосуды *отсутствуют/два/три сосуда*: сосуды для питья, кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, бляшки на одежде (редко); *предметы туалета*: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы; *предметы ритуального назначения* редко: амулеты/антропоморфные статуэтки.

Вариант 4.

Коллективные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в сырцовых ящиках

Подвариант а (Ш. Г. 4. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном секторе.

Подвариант б (Ш. Г. 4. б).

Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *два/ три /более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины, крупный тарный сосуд (редко), мелкие глиняные/ стеклянные сосуды, металлический черпак (редко); *украшения*: перстни, браслеты; мелкие орудия труда ножи, оселки, пряслица (редко), иглы/шило(очень редко); утварь: стригиль; *предметы ритуального назначения*: одиночный наконечник стрелы(редко).

Подвариант в (Ш. Г. 4. в).

«Воинские» погребения мужчин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе сопроводительного инвентаря *два/ три/ более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины; металлический черпак (очень редко), крупный тарный сосуд, мелкие глиняные/ стеклянные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *наступательное вооружение*: более трех наконечников стрел и/или копьё, а также/или меч; *предметы упряжи* (очень редко): удила, уздечные бляшки; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки, пряслица (редко), иглы/шило (очень редко).

Подвариант г (Ш. Г. 4. г).

Погребения женщин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе сопроводительного инвентаря *сосуды два/три сосуда*: сосуды для питья, миски, кувшины, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; глиняные/деревянные пиксиды (очень редко); *металлические* черпаки (редко) и/или цедилки; украшения: серьги, кольца, браслеты, ворворки (редко); *предметы туалета*: зеркала; крайне редко румяны *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы; *предметы ритуального назначения* (редко): раковины каури/ створчатые раковины/ одиночные наконечники стрел.

Вариант 5 (П. Г. 5).

Кенотафы.

Вариант 6 (П. Г. 6).

Погребения по обряду кремации.

Одиночные погребения по обряду кремации на месте. В наборе сопроводительного инвентаря: *два сосуда/ три сосуда*: сосуды для питья, кувшины. Украшения: серьги, бусы из желтого металла.

Вариант 7.

Коллективные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении (в большинстве случаев)/ либо положение нарушено в древности (реже), (при повторном использовании погребального сооружения) в сырцовых/ грунтовых склепах.

Подвариант 1(П. Г. 7. а)

«Воинские» погребения мужчин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе сопроводительного инвентаря *два/ три/ более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины; металлический черпак (редко), крупный тарный сосуд, мелкие глиняные сосуды, солонки; *украшения*: перстни, браслеты, застёжки; *наступательное вооружение*: более трех наконечников стрел, копьё или несколько копий/ копьё и дротик, меч и / или меч и кинжал; мелкие орудия труда ножи, оселки пряслица (редко), иглы/ шилья; утварь: стригиль. Предметы ритуального назначения: амулеты.

Особые случаи: погребение с музыкальными инструментами (кимвал, лира) из некрополя Волна 1.

Подвариант б (П. Г. 7.б).

Погребения женщин совместно с младенцем. Ориентировка в восточном секторе. В наборе сопроводительного инвентаря *два/три/ более трех сосудов:* сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды, крупные тарные сосуды; *украшения:* серьги, кольца, браслеты, пряжки, подвески, бусы; *предметы туалета:* зеркала; румяны (очень редко); *мелкие орудия труда:* пряслица, ножи, иглы; *предметы туалета:* зеркала (редко).

Возрастная группа Д. Погребения пожилых людей (в возрасте старше 45 лет)

Вариант 1.

Одиночные погребения по обряду ингумации в грунтовых ямах.

Подвариант а (П. Д. 1. а).

В вытянутом положении на спине (в большинстве могил) или ничком (очень редко) без сопроводительного инвентаря. Ориентировка в восточном секторе.

Подвариант б (П. Д. 1. б).

Погребения мужчин в вытянутом положении на спине. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *три либо более трех сосудов:* сосуды для питья, кувшины, миски, крупный тарный сосуд (редко), мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения:* перстни, браслеты; *мелкие орудия труда* ножи, оселки, пряслица (редко), иглы/шилья (редко); *предметы ритуального назначения:* одиночный наконечник стрелы (редко); *останки напутственной пищи:* кости овцы/свиньи (очень редко).

Подвариант в (П. Д. 1. в).

Погребения женщин в вытянутом положении. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря сосуды *один / два сосуда*: сосуды для питья, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, ворворки (редко) ; *предметы туалета*: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, иглы, шилья.

Вариант 2 (П. Д. 2).

Одиночные погребения пожилых людей в скорченном положении в грунтовых ямах. Индивиды могли быть ориентированы в восточном (большинство), в северном, западном, южном секторах (очень редко). В наборе сопроводительного инвентаря могут находиться *украшения*: *кольца/перстни*,

Вариант 3.

Коллективные погребения в сырцовых/каменных ящиках в вытянутом положении.

Подвариант а (П. Д. 3.а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном секторе.

Подвариант б (П. Д. 3.б).

Погребения мужчин. Ориентировка в восточном (большинство), в северном, западном, южном секторах. В наборе инвентаря *один/два/ более трех* сосудов: сосуды для питья, миски, кувшины; крупный тарный сосуд (редко); мелкие глиняные/ стеклянные сосуды; *наступательное вооружение (очень редко)*: мечи/ наконечник копья; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шил); *предметы ритуального назначения*: одиночный наконечник стрелы (редко), *останки мясной пищи(очень редко)*: кости овцы/ свиньи.

Подвариант в (I. Д. З.в).

Погребения женщин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды три/более трех сосудов*: сосуды для питья; кувшины; мелкие глиняные сосуды, крупные тарные сосуды; украшения: серьги, кольца, браслеты; предметы туалета: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы.

Хронологическая группа III (вторая половина IV в. до н.э.).
 Возрастная группа А. Погребения младенцев (возраст 1-2
 года).

Вариант 1.

Грунтовые захоронения по обряду ингумации, в скорченном
 положении амфорах

Подвариант а (III. А. 1. а).

Без инвентаря и четкой ориентировки.

Подвариант б (III. А. 1. б).

Ориентировка в западном, северном, южном секторе. В наборе
 инвентаря: один /два мелких глиняный сосуда и/или бусы и/или серьги

Вариант 2.

Грунтовые погребения младенцев по обряду ингумации, в скорченном
 положении совместно со взрослым человеком в грунтовой могиле/ сырцовом
 ящике

Подвариант а (III. А. 2. а).

Без инвентаря. Ориентировка восточном (*в большинстве погребений*),
 западном и северном секторах.

Подвариант б (III. А. 2. б).

В наборе инвентаря: к погребенному относится *один сосуд* из набора
 керамики: мелкий глиняный сосуд/кувшин. Ориентировка в восточном,
 западном и северном секторах.

Вариант 3.

Захоронения по обряду ингумации, в насыпи кургана, без инвентаря.

Подвариант а (III. А. 3. а).

В скорченном положении амфорах. Ориентировка не определена.

Подвариант б (III. А. 3. б).

В вытянутом положении в грунтовых ямах без инвентаря. Ориентировка индивида не определена.

Подвариант в (III. А. 3. в).

В скорченном положении в простых грунтовых ямах без инвентаря с ориентировкой в западном, северном, южном секторе.

Хронологическая группа Б. Детские погребения (в возрасте от 3 до 14 лет).

Вариант 1.

Захоронения по обряду ингумации, в вытянутом положении совместно с взрослым человеком в грунтовой могиле/ сырцовом/грунтовым склепе

Подвариант а (III. Б. 1. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном (*в большинстве погребений*), западном южном и северном секторах (*редко*).

Подвариант б (III. Б. 1. б).

Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря один/два сосуда: мелкий глиняный сосуд. *Украшения:* бусы/серьги *Предметы ритуального назначения:* монеты в заполнении могил/ под нижней челюстью индивидов.

Вариант 2.

Одиночные захоронения детей по обряду ингумации, в грунтовых могилах в вытянутом положении.

Подвариант а (III. Б. 2. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном (*в большинстве погребений*), западном южном и северном секторах (*редко*).

Подвариант б (III. Б. 2. б).

Ориентировка в восточном (*в большинстве погребений*), западном южном и северном секторах (*редко*). В наборе сопроводительного инвентаря присутствует один/два/три или более трех сосудов: мелкие глиняные сосуды, кувшины/миски/ крупные тарные сосуды (*редко*). *Украшения:* бусы/серьги

Предметы ритуального назначения: монеты в заполнении могил/ под нижней челюстью индивидов.

Вариант 3.

Одиночные захоронения детей по обряду ингумации, в грунтовой могиле в скорченном положении.

Подвариант а (III. Б. 3. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном (*в большинстве погребений*), западном южном и северном секторах.

Подвариант б (III. Б. 3. б).

Ориентировка в восточном (*в большинстве погребений*), западном южном и северном секторах. В наборе инвентаря один сосуд: сосуд для питья / мелкий глиняный сосуд.

Вариант 4.

Захоронения под курганной насыпью в грунтовой могиле в вытянутом положении.

Подвариант а (III. Б. 4. а).

Одиночные захоронения детей. В наборе с инвентаря один сосуд: мелкий глиняный сосуд. Ориентировка в восточном секторе. *Предметы ритуального назначения:* монеты в заполнении могил/ под нижней челюстью индивидов

Подвариант б (III. Б. 4. б).

Захоронения детей совместно со взрослыми людьми, без инвентаря. Ориентировка в восточном секторе.

Возрастная группа В. Погребения молодых людей (в возрасте от 14 до 20 лет)

Вариант 1.

Безкурганные одиночные погребения молодых людей по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах.

Подвариант а (III. В. 1. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном секторе

Подвариант б (III. В. 1. б).

Погребения мужчин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря могут присутствовать *один/ два сосуда*: сосуды для питья, миски, кувшины, мелкие глиняные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда* ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило (очень редко);

Подвариант в (III. В. 1. в).

Погребения женщин по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/ один /два сосуда*: миски, кувшины, мелкие глиняные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты; предметы туалета: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы.

Вариант 2 (III. В. 2).

Безкурганые одиночные погребения молодых людей по обряду ингумации, в скорченном положении в грунтовых ямах без инвентаря. Индивиды могут быть ориентированы в восточном, западном южном и северном секторах.

Вариант 3.

Безкурганые коллективные погребения молодых людей по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах.

Подвариант а (III. В. 3. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном секторе.

Подвариант б (III. В. 3. б).

Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *один/два сосуда*: кувшины /мелкие глиняные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило; *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): амулеты (напр. клык кабана), астрагалы.

Подвариант в (III. В. 3. в).

Безкурганые коллективные погребения молодых женщин по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/один/два/три сосуда*: сосуды для питья, миски, кувшины, крупные тарные сосуды, мелкие глиняные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты; *предметы туалета*: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы. *Предметы ритуального назначения* монеты в заполнении могилы/под нижней челюстью индивидов.

Вариант 4.

Коллективные погребения молодых людей по обряду ингумации в вытянутом положении в сырцовых ящиках

Подвариант а (III. В. 4. а).

Без инвентаря с ориентировкой в восточном секторе.

Подвариант б (III. В. 4. б).

Погребения мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *два /три / более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шилья(очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): амулеты (напр. клык кабана), астрагалы.

Подвариант в (III. В. 4. в).

«Воинские» погребения мужчин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря: *два /три / более трех сосудов*: сосуды для питья миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *оружие*: 1-3 наконечника стрел и/или копье; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило(очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): монеты, астрагалы.

Подвариант г (III. В. 4. г).

Погребения **женщин**. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/ один/ два/три/ более трех сосудов*: сосуды

для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; *предметы туалета*: зеркала; румяны (очень редко); *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы; *предметы ритуального назначения*: монеты.

Вариант 5.

Коллективные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в сырцовых / грунтовых склепах.

Подвариант а (III. В. 5. а).

«Воинские» погребения мужчин по обряду ингумации. Ориентировка в восточном (большинство), южном, западном и северном секторах. В наборе инвентаря *три / более трех сосудов*: сосуды для питья миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды, солонки; *украшения*: перстни, браслеты; *оружие*: 1-3 наконечника стрел, копье или несколько копий; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило(очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения*: монеты.

Подвариант б (III. В. 5. б).

Погребения женщин совместно с младенцем. Ориентировка в восточном (большинство), южном, западном и северном секторах. В наборе сопроводительного инвентаря *два / более трех сосудов*: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды, крупные тарные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки, подвески, бусы; *предметы туалета*: зеркала; румяны (очень редко); *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы; *предметы ритуального назначения*: раковины каури (редко); створчатые раковины (очень редко).

Вариант 6.

Одиночные захоронения по обряду ингумации под курганной насыпью в вытянутом положении в грунтовых ямах.

Подвариант а (III. В. 6. а).

В вытянутом положении. Без инвентаря. Ориентировка индивидов в восточном, южном, западном и северном секторах.

Подвариант б (III. В. 6. б).

В скорченном положении. Без инвентаря. Ориентировка индивидов в восточном, южном, западном и северном секторах.

Вариант 7 (III. В. 7).

Безкурганые одиночные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в подбойных могилах. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря сосуды отсутствуют/ один/ два/три/ более трех сосудов: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; украшения: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; предметы туалета: зеркала; румяны (очень редко); мелкие орудия труда: пряслица, ножи, иглы; предметы ритуального назначения: монеты.

Вариант 8.

Коллективные захоронения по обряду ингумации под курганной насыпью в вытянутом положении в грунтовых ямах.

Подвариант а (III. В. 8. а).

«Воинские» погребения мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *два /три / более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды, *металлические сосуды: черпак; наступательное оружие: мечи, копья.* украшения: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шилья(очень редко); утварь: стригиль; предметы ритуального назначения: монеты в заполнении сооружения амулеты(редко), астрагалы(редко).*

Подвариант б (III. В. 8. б).

Погребения женщин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/ один/ два/три/ более трех сосудов*: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; украшения: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; *предметы туалета: зеркала; румяны (очень редко); мелкие орудия труда: пряслица, ножи, иглы;*

предметы ритуального назначения: монеты в заполнении погребального сооружения

Вариант 9.

Коллективные захоронения по обряду ингумации под курганной насыпью в вытянутом положении в сырцовых/каменных склепах.

Подвариант а (III. В. 9. а).

Воинские» погребения мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *более трех сосудов:* сосуды для питья, миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды, *металлические сосуды:* черпак; *наступательное оружие:* несколько стрел, копья. *украшения:* перстни, браслеты, пряжки; *мелкие орудия труда:* ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шилья(очень редко); *утварь:* стригиль; *предметы ритуального назначения:* монеты в заполнении сооружения амулеты(редко), астрагалы(редко).

Подвариант б (III. В. 9. б).

Погребения женщин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря сосуды три/ более трех сосудов: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *металлические сосуды:* сосуды для питья и/ или кувшины, черпаки; украшения: серьги, кольца, браслеты, редко венки, шейные гривны, детали головного убора из желтого металла; предметы туалета: зеркала; румяны (очень редко); мелкие орудия труда: пряслица, ножи, иглы; предметы ритуального назначения: монеты в заполнении погребального сооружения; антропоморфные статуэтки(очень редко)

Вариант 10 (III. В. 10).

Подкурганые одиночные погребения по обряду кремации на месте. Ориентировка не определялась. В наборе сопроводительного инвентаря: *сосуды отсутствуют /один/два сосуда:* кувшины и/или сосуды для питья.

Вариант 11 (III. В. 11).

Подкурганные одиночные погребения по обряду кремации на стороне (урне). Ориентировка не определялась. В наборе сопроводительного инвентаря: *сосуды отсутствуют /один сосуд*: кувшин / сосуды для питья.

Возрастная группа Г. Погребения зрелых людей (в возрасте от 20 до 45 лет)

Вариант 1.

Безкурганные одиночные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах.

Подвариант а (Ш. Г. 1. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном (в большинстве погребений), западном, северном и южном секторах

Подвариант б (Ш. Г. 1. б).

Погребения мужчин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря могут присутствовать *два/ три сосуда*: миски, кувшины, мелкие глиняные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда* ножи, оселки, пряслица (редко), иглы/шило, гвозди;

Подвариант в (Ш. Г. 1. в).

Погребения женщин по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды один/ два сосуда*: кувшины и/или мелкие глиняные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты; предметы туалета: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы.

Вариант 2 (Ш. Г.2).

Безкурганные одиночные погребения зрелых людей по обряду ингумации, в скорченном положении в грунтовых ямах без инвентаря. Индивиды могут быть ориентированы в восточном, западном южном и северном секторах.

Вариант 3.

Безкурганые коллективные погребения зрелых людей по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах

Подвариант а (III. Г. 3. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном секторе.

Подвариант б (III. Г. 3. б).

Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *два /три/более трех* сосудов: кувшины /мелкие глиняные сосуды; украшения: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило; *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): амулеты (напр. клык кабана), астрагалы.

Подвариант в (III. Г. 3. в).

Безкурганые коллективные погребения женщин по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/один/два/три сосуда*: сосуды для питья, миски, кувшины, крупные тарные сосуды, мелкие глиняные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты; *предметы туалета*: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы. *Предметы ритуального назначения* монеты в заполнении могилы/под нижней челюстью индивидов.

Вариант 4.

Безкурганые одиночные погребения по обряду ингумации в вытянутом положении в сырцовых ящиках.

Подвариант а (III. Г. 4. а).

Без инвентаря с ориентировкой в восточном секторе.

Подвариант б (III. Г. 4. б).

Погребения мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *два /три / более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шилья(очень

редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): монеты в заполнении погребального сооружения/под нижней челюстью индивида.

Подвариант в (III. Г. 4. в).

«Воинские» погребения мужчин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря: *два /три / более трех сосудов*: сосуды для питья миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *оружие*: 1-3 наконечника стрел и/или копье и меч (очень редко); *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило(очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): монеты, астрагалы.

Подвариант г (III. Г. 4. г).

Погребения женщин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/ один/ два/три/ более трех сосудов*: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; *предметы туалета*: зеркала; румяны (очень редко); *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы; *предметы ритуального назначения*: монеты.

Вариант 5.

Безкурганые коллективные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в сырцовых / грунтовых склепах.

Подвариант а (III. Г. 5. а).

«Воинские» погребения мужчин по обряду ингумации. Ориентировка в восточном (большинство), южном, западном и северном секторах. В наборе инвентаря *три / более трех сосудов*: сосуды для питья миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды, солонки; *украшения*: перстни, браслеты; *оружие*: 1-3 наконечника стрел, копье или несколько копий; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило (очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения*: монеты.

Подвариант б (III. Г. 5. б).

Погребения женщин совместно с младенцем. Ориентировка в восточном (большинство), южном, западном и северном секторах. В наборе сопроводительного инвентаря *более трех сосудов*: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды, крупные тарные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки, подвески, бусы; *предметы туалета*: зеркала; румяны (очень редко); *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы; *предметы ритуального назначения*: монеты.

Вариант 6.

Одиночные захоронения по обряду ингумации под курганной насыпью в вытянутом положении в грунтовых ямах.

Подвариант а (Ш. Г. 6. а).

В вытянутом положении. Без инвентаря. Ориентировка индивидов в восточном, южном, западном и северном секторах.

Подвариант б (Ш. Г. 6. б).

В скорченном положении. Без инвентаря. Ориентировка индивидов в восточном, южном, западном и северном секторах.

Вариант 7 (Ш. Г. 7).

Безкурганые одиночные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в подбойных могилах. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря более трех сосудов: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные сосуды; украшения: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; предметы туалета: зеркала; румяны (очень редко); мелкие орудия труда: пряслица, ножи, иглы; предметы ритуального назначения: монеты.

Вариант 8 (Ш. Г. 8).

Безкурганые одиночные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в черепяных гробницах. Ориентировка в восточном западном, северном секторах. В наборе инвентаря *три/ более трех* сосудов: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные сосуды; украшения: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; предметы туалета: зеркала; румяны (очень редко); мелкие орудия труда: пряслица, ножи, иглы; предметы

ритуального назначения: монеты в заполнении могилы/под нижней челюстью погребенных

Вариант 9.

Коллективные захоронения по обряду ингумации под курганной насыпью в вытянутом положении в грунтовых ямах.

Подвариант а (III. Г. 9. а).

«Воинские» погребения мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды, *металлические сосуды*: черпак; *наступательное оружие*: несколько наконечников стрел, мечи, копья. *Защитное вооружение*: шлемы/панцири/поножи; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шилья(очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения*: монеты в заполнении сооружения амулеты(редко), астрагалы(редко).

Подвариант б (III. Г. 9. б).

Погребения женщин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *более трех сосудов*: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; *предметы туалета*: зеркала; румяны (очень редко); *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы; *предметы ритуального назначения*: монеты в заполнении погребального сооружения

Вариант 10.

Коллективные захоронения по обряду ингумации под курганной насыпью в вытянутом положении в сырцовых/каменных склепах.

Подвариант а (III. Г. 10. а).

«Воинские» погребения мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды, *металлические сосуды*: черпак; *наступательное оружие*: несколько стрел, короткие мечи, копья. *Защитное*

вооружение: шлемы и/или поножи и/ или панцири, *украшения*: перстни, браслеты, венки из желтого металла, пряжки; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шилья(очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения*: монеты в заполнении сооружения амулеты(редко), астрагалы(редко).

Подвариант б (III. Г. 10. б).

Погребения женщин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря сосуды три/ более трех сосудов: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *металлические сосуды*: сосуды для питья и/ или кувшины, черпаки; украшения: серьги, кольца, браслеты из белого или желтого металла, редко венки, шейные гривны, детали головного убора из желтого металла, пряжки, бусы; предметы туалета: зеркала; румяны (очень редко); мелкие орудия труда: пряслица, ножи, иглы; предметы ритуального назначения: монеты в заполнении погребального сооружения/под нижней челюстью погребенных; антропоморфные статуэтки (очень редко)

Вариант 11.

Подкурганые одиночные погребения по обряду кремации на месте. Ориентировка не определялась. В наборе сопроводительного инвентаря: *сосуды два сосуда*: кувшины и/или сосуды для питья.

Подвариант а (III. Г. 11.а).

В грунтовой могиле.

Подвариант б (III. Г. 11.б).

В сооружениях из сырца.

Вариант 12.

Подкурганые одиночные погребения по обряду кремации на стороне (урне). Ориентировка не определялась. В наборе сопроводительного инвентаря: *более трех сосудов*: кувшин, сосуды для питья мелкие глиняные сосуды; металлические сосуды: кувшины, черпаки; стеклянные сосуды для

питья. Украшения: серьги, перстни, браслеты и/или детали погребального венка,

Подвариант а (III. Г. 12.а).

В грунтовой могиле.

Подвариант б (III. Г. 12.б).

В грунтовом/каменном склепе.

Возрастная группа Д. Погребения пожилых людей (старше 45)

Вариант 1.

Безкурганые одиночные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах.

Подвариант а (III. Д. 1. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном (в большинстве погребений), западном, северном и южном секторах

Подвариант б (III. Д. 1. б).

Погребения мужчин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря могут присутствовать *один/ два сосуда*: миски, кувшины, мелкие глиняные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда* ножи, оселки, пряслица (редко), иглы/шило, гвозди;

Подвариант в (III. Д. 1. в).

Погребения женщин по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды один/ два сосуда*: кувшины и/или мелкие глиняные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты; предметы туалета: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы.

Вариант 2 (III. Д.2).

Безкурганые одиночные погребения по обряду ингумации, в скорченном положении в грунтовых ямах без инвентаря. Индивиды могут быть ориентированы в восточном, западном южном и северном секторах.

Вариант 3.

Безкурганые коллективные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах

Подвариант а (III. Д. 3. а).

Без инвентаря. Ориентировка в восточном секторе.

Подвариант б (III. Д. 3. б).

Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *два /три/более трех* сосудов: кувшины /мелкие глиняные сосуды; украшения: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило; *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): амулеты (напр. клык кабана), астрагалы.

Подвариант в (III. Д. 3. в).

Безкурганые коллективные погребения *женщин* по обряду ингумации, в вытянутом положении в грунтовых ямах. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/один/два сосуда*: миски, кувшины, крупные тарные сосуды, мелкие глиняные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты; *предметы туалета*: зеркала; *мелкие орудия труда*: пряслица, ножи, иглы. *Предметы ритуального назначения* монеты в заполнении могилы/под нижней челюстью индивидов.

Вариант 4.

Коллективные погребения по обряду ингумации в вытянутом положении в сырцовых/каменных ящиках

Подвариант а (III. Д. 4. а).

Без инвентаря с ориентировкой в восточном секторе.

Подвариант б (III. Д. 4. б).

Погребения **мужчин**. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *два /три / более трех* сосудов: сосуды для питья, миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шилья(очень

редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения* (редко): монеты в заполнении погребального сооружения/под нижней челюстью индивида.

Подвариант в (III. Д. 4. в).

Погребения женщин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *сосуды отсутствуют/ один/ два/ три/ более трех сосудов*: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения*: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; *предметы туалета*: *предметы ритуального назначения*: монеты.

Вариант 5 (III. Д. 5).

Безкурганые коллективные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в сырцовых / грунтовых склепах. Ориентировка в восточном (большинство), южном, западном и северном секторах. В наборе инвентаря *три / более трех сосудов*: сосуды для питья миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды, солонки; *украшения*: перстни, браслеты; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки пряслица (редко), иглы/шило (очень редко); *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения*: монеты. Останки мясной пищи: кости баранов/КРС

Вариант 6.

Одиночные захоронения по обряду ингумации под курганной насыпью в вытянутом положении в грунтовых ямах.

Подвариант а (III. Д. 6. а).

В вытянутом положении. Без инвентаря. Ориентировка индивидов в восточном, южном, западном и северном секторах.

Подвариант б (III. Д. 6. б).

В скорченном положении. Без инвентаря. Ориентировка индивидов в восточном, южном, западном и северном секторах.

Вариант 7. (III. Д. 7).

Безкурганые одиночные погребения по обряду ингумации, в вытянутом положении в подбойных могилах. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря более трех сосудов: сосуды для питья; кувшины,

миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; украшения: серьги, кольца, браслеты, редко ворворки; предметы туалета: зеркала; румяны (очень редко); мелкие орудия труда: пряслица, ножи, иглы; предметы ритуального назначения: монеты.

Вариант 8.

Коллективные захоронения по обряду ингумации под курганной насыпью в вытянутом положении в грунтовых ямах.

Подвариант а (III. Д. 8. а).

«Воинские» погребения мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *два /три / более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды, *металлические сосуды: черпак; наступательное оружие: несколько наконечников стрел, мечи, копья; украшения: перстни; мелкие орудия труда: ножи, оселки, пряслица (редко), иглы/шилья (очень редко); утварь: стригиль; предметы ритуального назначения: монеты* в заполнении.

Подвариант б (III. Д. 8. б).

Погребения женщин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря *более трех сосудов*: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; *украшения: серьги, кольца, браслеты; мелкие орудия труда: пряслица, ножи, иглы; предметы ритуального назначения: монеты* в заполнении погребального сооружения

Вариант 9.

Коллективные захоронения по обряду ингумации под курганной насыпью в вытянутом положении в сырцовых/каменных склепах.

Подвариант а (III. Д. 9. а).

«Воинские» погребения мужчин. Индивиды ориентированы в восточном секторе. В наборе инвентаря *более трех сосудов*: сосуды для питья, миски, кувшины (редко), мелкие глиняные сосуды, *металлические сосуды: черпак; наступательное оружие: несколько стрел, копья. украшения: перстни,*

браслеты, пряжки; *мелкие орудия труда*: ножи, оселки ; *утварь*: стригиль; *предметы ритуального назначения*: монеты в заполнении сооружения.

Подвариант б (Ш. Д. 9. б).

Погребения женщин. Ориентировка в восточном секторе. В наборе инвентаря сосуды три/ более трех сосудов: сосуды для питья; кувшины, миски, мелкие глиняные/стеклянные сосуды; украшения: серьги, кольца, браслеты пряжки, бусы; предметы туалета: зеркала; мелкие орудия труда: пряслица, ножи, иглы; предметы ритуального назначения: монеты в заполнении погребального сооружения/под нижней челюстью погребенных.

Вариант 10.

Подкурганные одиночные погребения по обряду кремации на стороне (урне). Ориентировка не определялась. В наборе сопроводительного инвентаря: *более трех сосудов*: кувшин, сосуды для питья мелкие глиняные сосуды. Украшения: серьги, перстни, браслеты и/или детали погребального венка.

Подвариант 1 (Ш. Д. 10.а).

В грунтовой могиле.

Подвариант 2 (Ш. Д. 10.б).

В грунтовом/каменном склепе.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Берлизов Александр Николаевич

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ НАСЕЛЕНИЯ АЗИАТСКОГО БОСПОРА
VI – IV ВВ. ДО Н.Э.**

Исторические науки: 5.6.3. Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Том 3

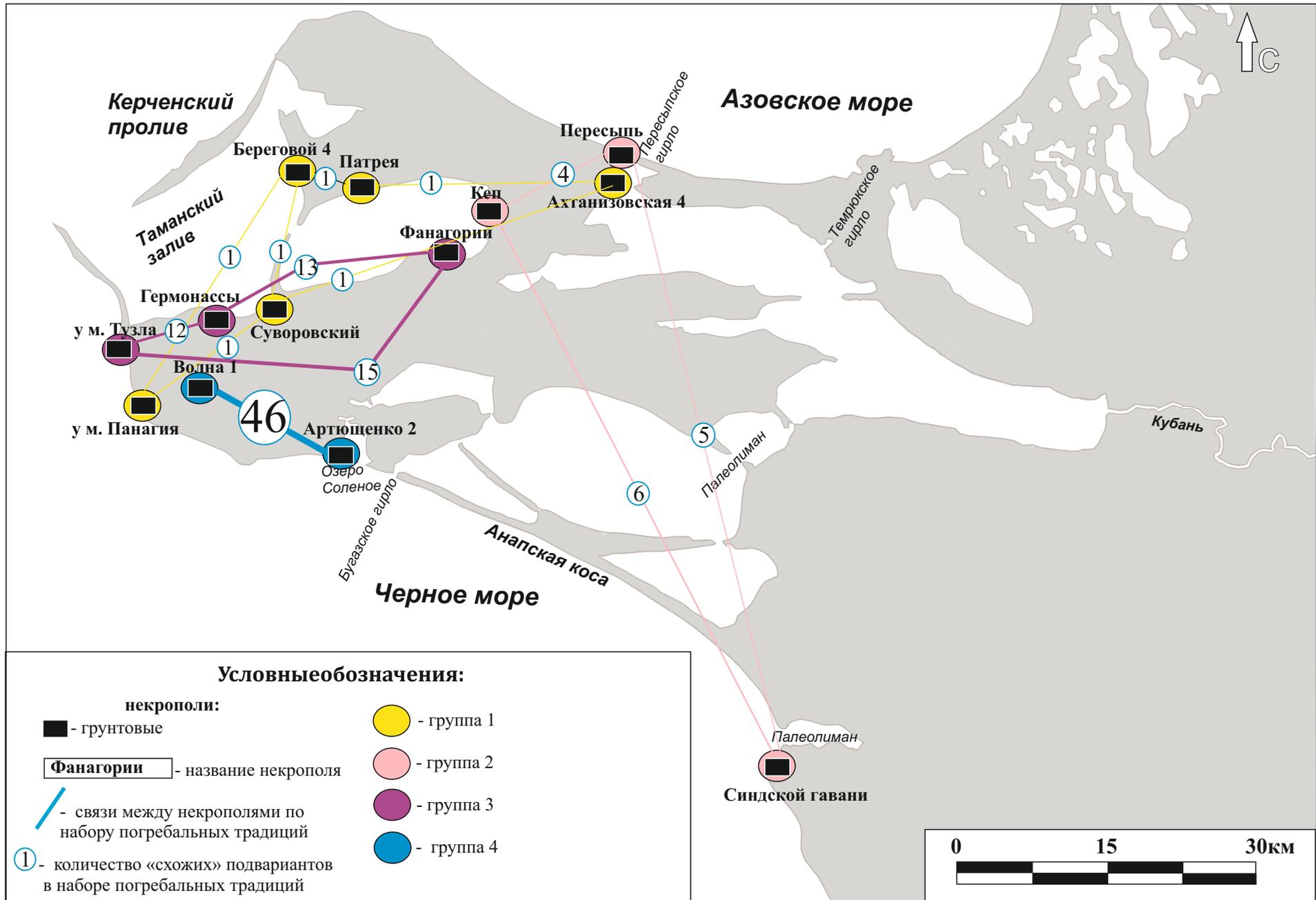
Научный руководитель
д.и.н. А.А. Завойкин

Москва
2024

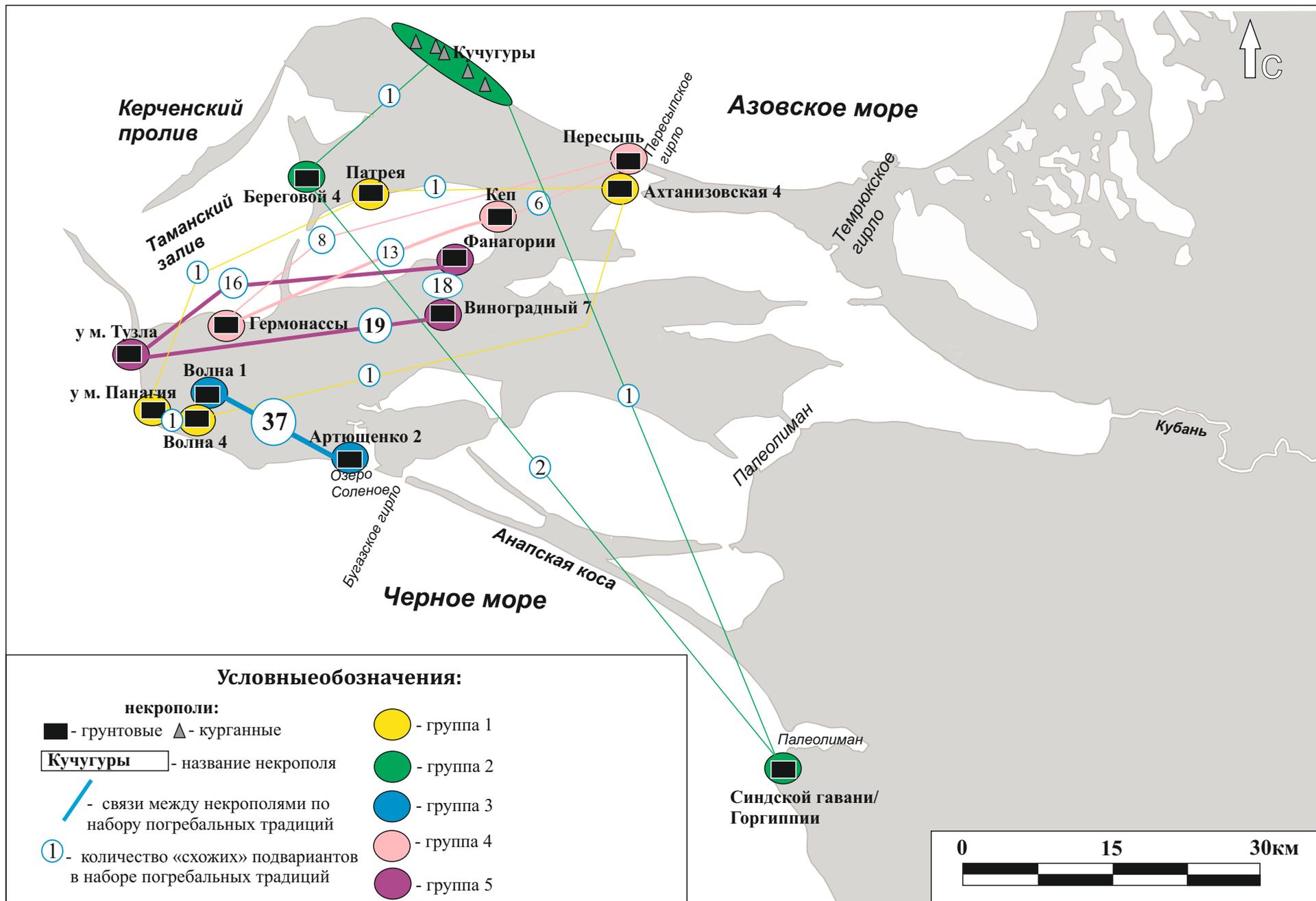
Содержание

ТОМ 3. Приложения.

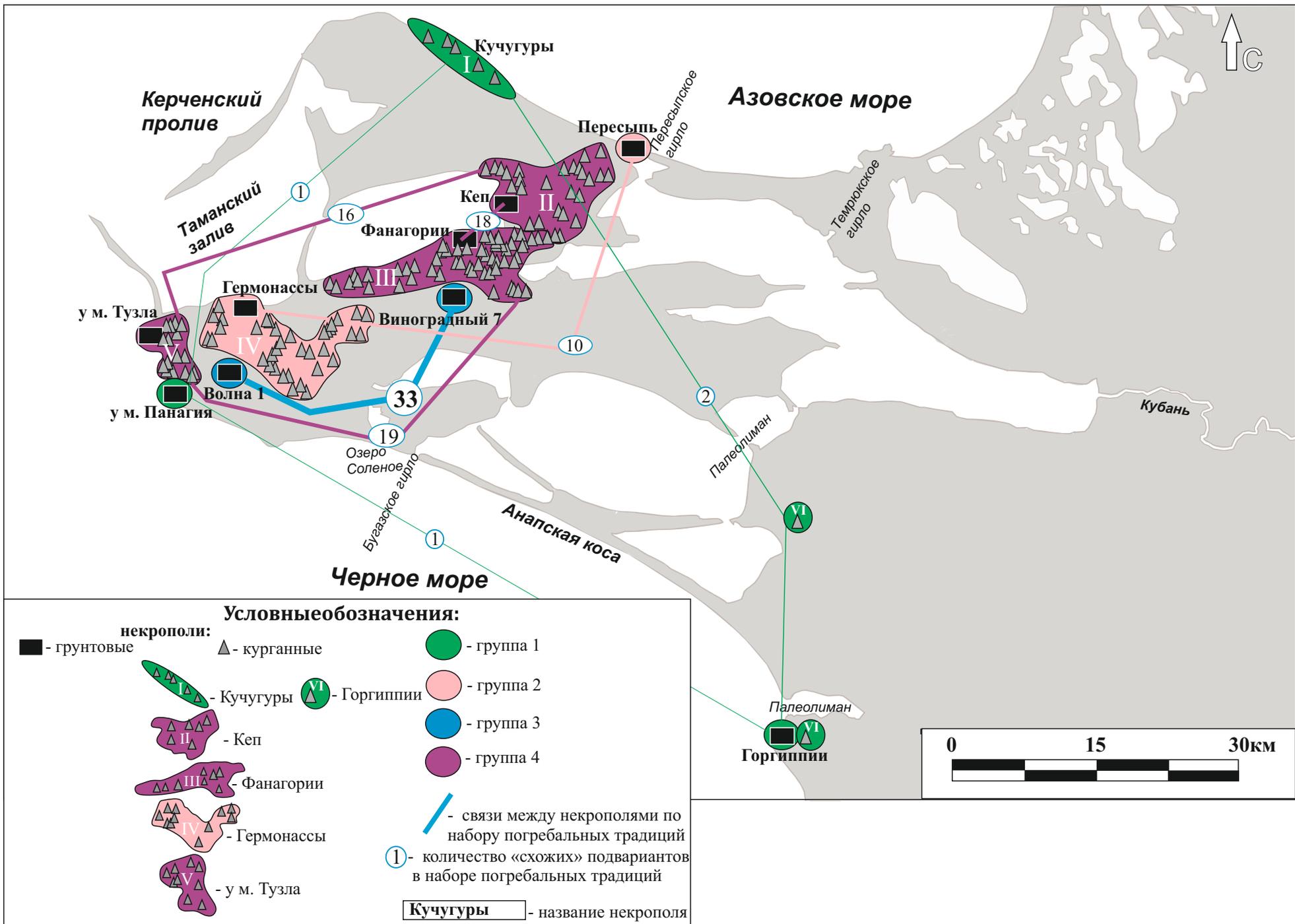
Содержание.....	2
4.Карты (1-9).....	3
5.Таблицы (1-8)	18
6.Иллюстрации (1-17)	183

Карта 1 . Распределение некрополей второй половины VI в. до н.э. - первой половины V в. до н.э. по группам. Связи между группами по наборам представленных в них погребальных традиций

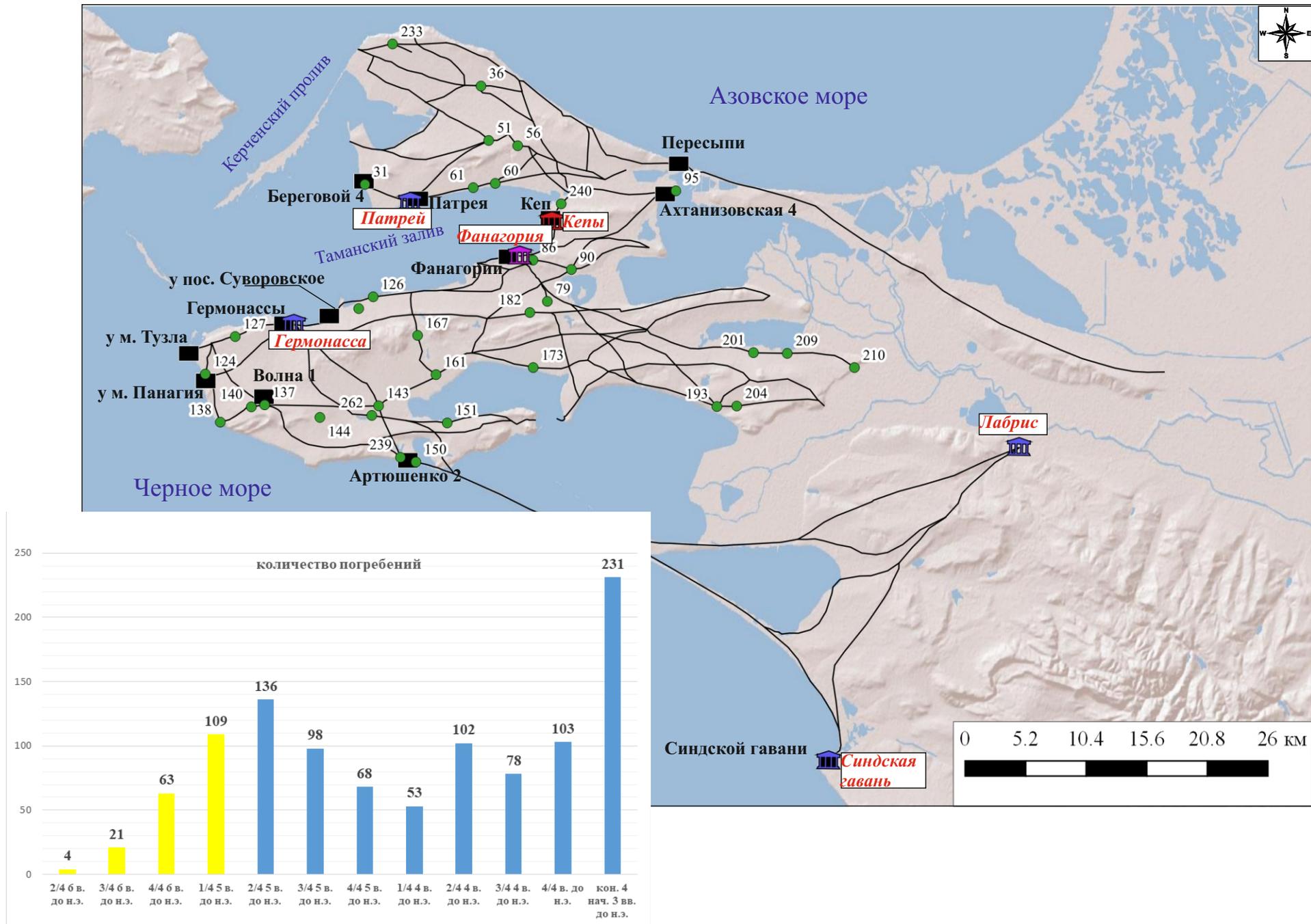

Карта 2. Распределение некрополей второй половины V в. до н.э. - первой половины IV в. до н.э. по группам. Связи между группами по наборам представленных в них погребальных традиций

Карта 3. Распределение некрополей второй половины IV в. до н.э. по группам. Связи между группами по наборам представленных в них погребальных традиций

Карта 4. Демографическая ситуация на Азиатском Боспоре не позднее 480 г. до н.э.

Волна 1 - некрополи функционировавшие к 480 г. до н.э.**Колонии основанные:**

- милетянами

- теосцами

- другими ионийцами

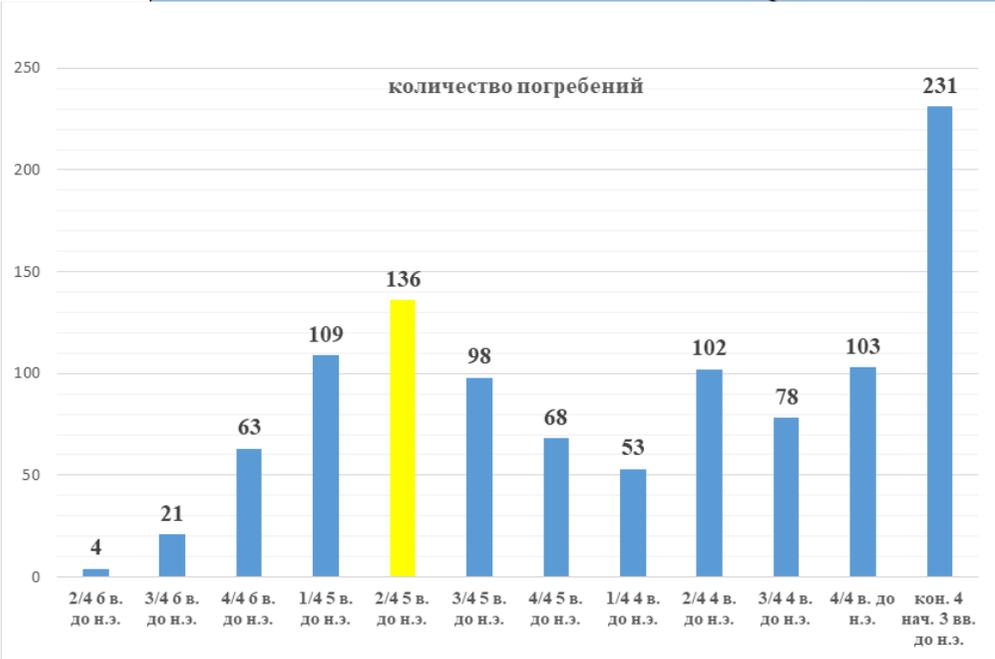
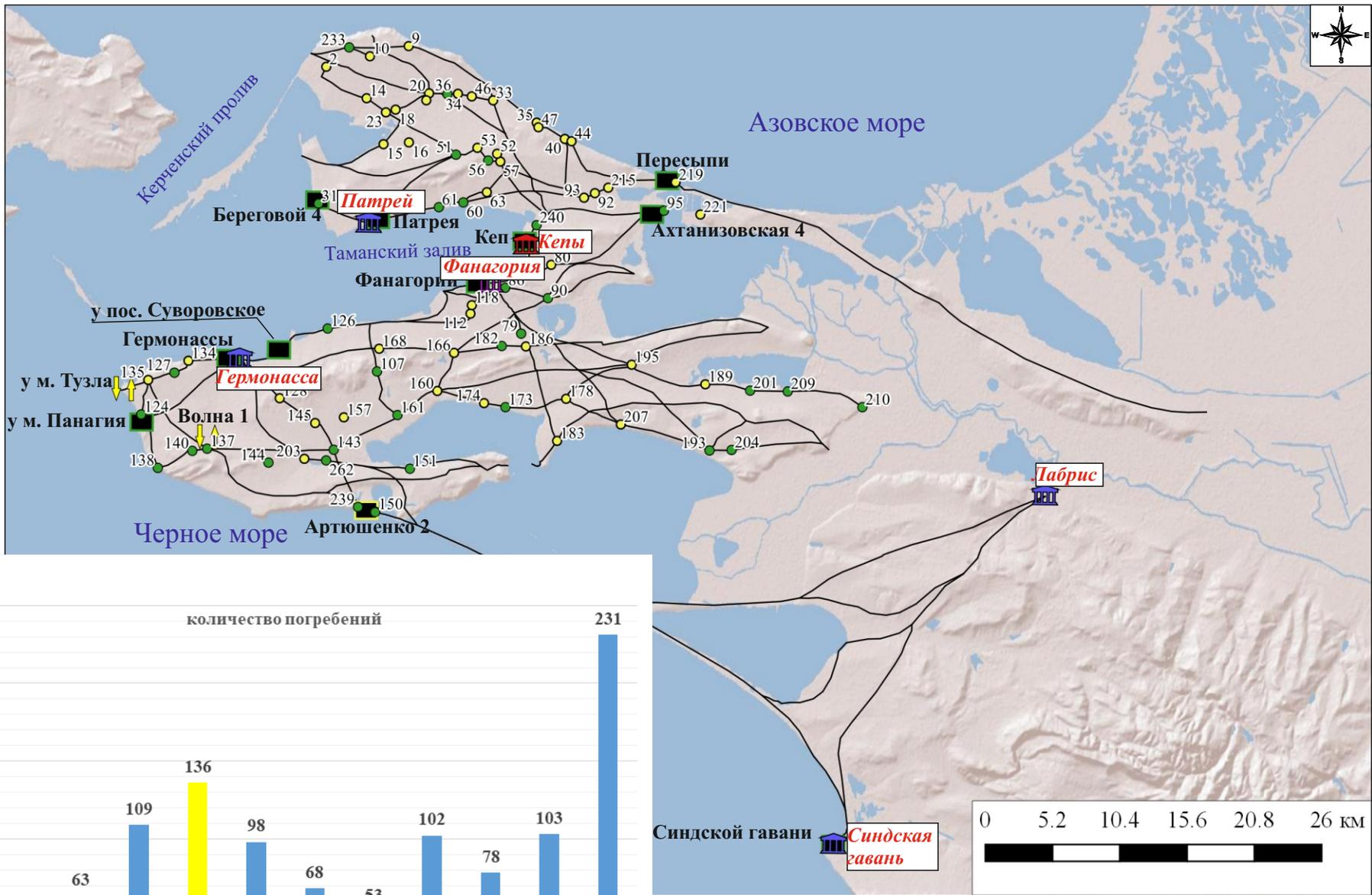
31**Греческие поселения на хоре городов Азиатского Боспора:** - основанные не позднее 480г. до н.э. (Гарбузов, Завойкин 2012 С.131-138, табл. 1))**31**

- номер поселения (Паромов, 1992.)

- древние дороги, функционировавшие в регионе в VI-IV вв. до н.э. (Паромов, 1998 С. 225; Sudarev at all. 2021)

Карта 5. Демографическая ситуация на Азиатском Боспоре во второй четверти V в. до н.э.

Некрополи, в которых во второй четверти Vв. до н.э.:**Гермонассы**

 - сохранялся набор погребальных традиций, характерный для первого периода их функционирования

Волна 1

- происходило изменение набора погребальных традиций

Аргющенко 2

- сформировался новый набор погребальных традиций

Колонии основанные:

- милетянами

- теосцами

- другими ионийцами

Греческие поселения на хоре городов Азиатского Боспора (по Гарбузов, Завойкин 2012 С. 131-138, табл.1)**31**

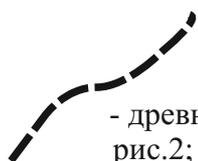
 - основанные не позднее 480г. до н.э.

168

 - основанные в 480-450 гг. до н.э.

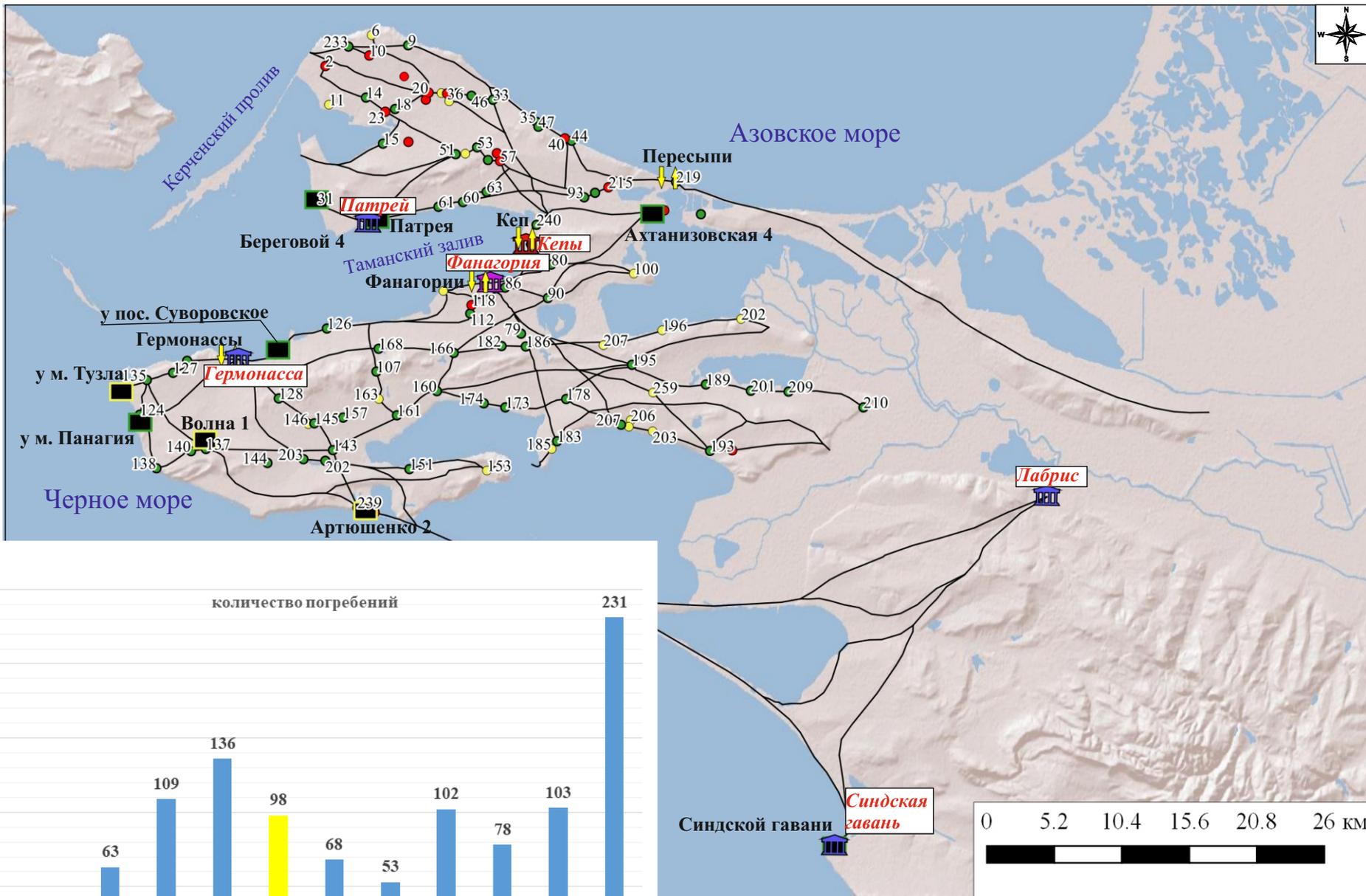
31

- номер поселения (Паромов, 1992.)

- древние дороги, функционировавшие в регионе в VI-IVвв. до н.э. (Паромов, 1998 С. 225, рис.2; Sudarev at all. 2021 P. 45, fig.2)

Карта 6. Демографическая ситуация на Азиатском Боспоре во третьей четверти V в. до н.э.

Некрополи, в которых в третьей четверти Vв. до н.э.:**У м. Панагия**

 - сохранялся набор погребальных традиций, характерный для первого периода их функционирования

Фанагории

- происходило изменение набора погребальных традиций

Волна 1

- сформировался новый набор погребальных традиций

Колонии основанные:

- милетянами

- теосцами

- другими ионийцами

Греческие поселения на хоре городов Азиатского Боспора (по Гарбузов, Завойкин 2012 С. 131-138, табл.1)**168**

 - основанные не позднее 450 г. до н.э.

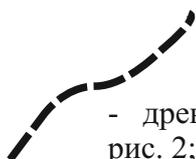
163

 - основанные в 450-425 гг. до н.э.

57

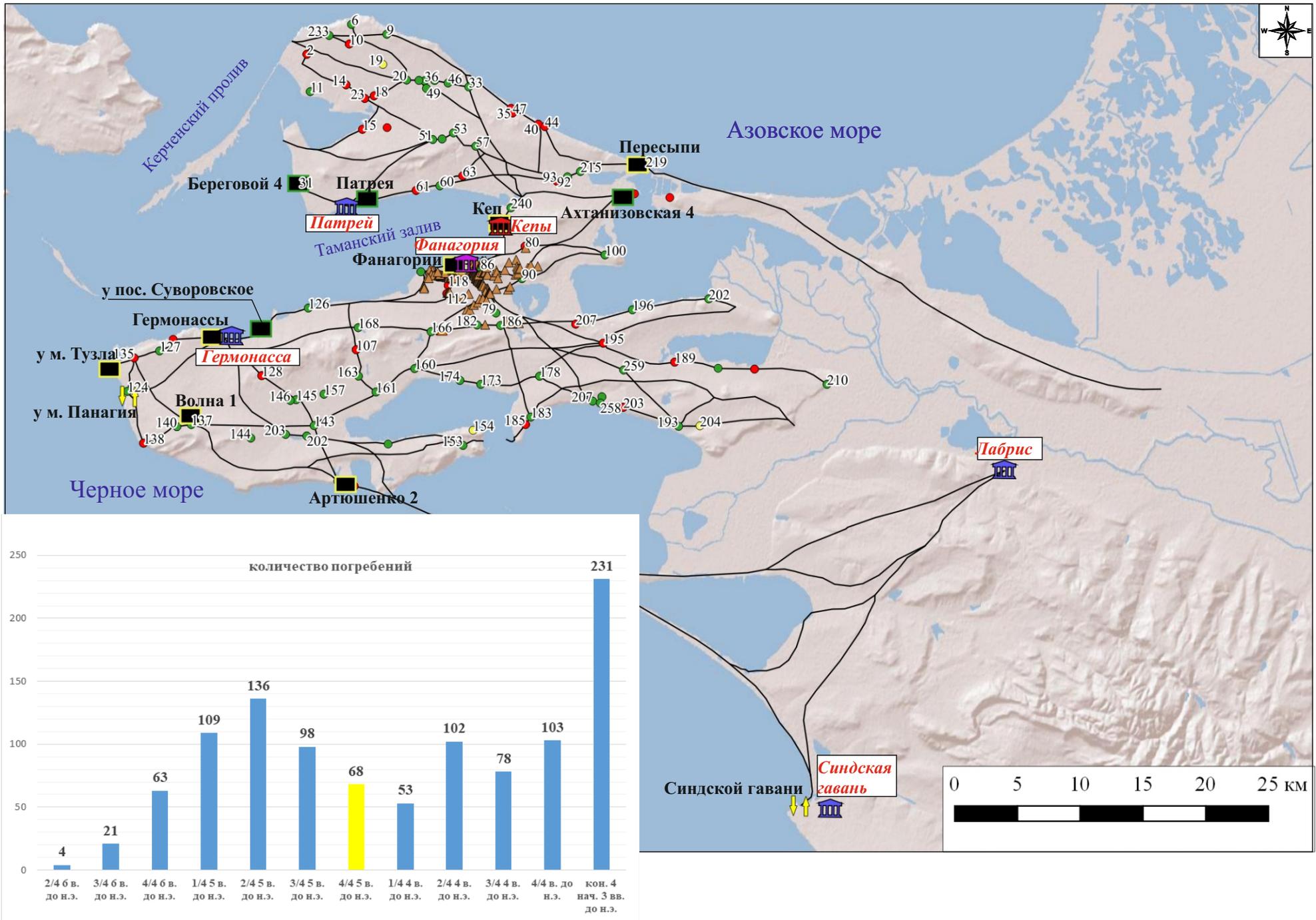
 - прекратившие свое существование в 450-425 гг. до н.э.

163 - номер поселения (Паромов, 1992)

- древние дороги, функционировавшие в регионе в VI-IVвв. до н.э. (Паромов, 1998 С. 225 рис. 2; Sudarev at all. 2021 P. 45, fig.2)

Карта 7. Демографическая ситуация на Азиатском Боспоре в последней четверти V в. до н.э.

Грунтовые некрополи, в которых в четвертой четверти Vв. до н.э.:

 - сохранялся набор погребальных традиций, характерный для первого периода их функционирования

 у м. Панагия

- происходило изменение набора погребальных традиций

Фанагория

 - сформировался новый набор погребальных традиций

 - Курганный некрополь Фанагории

Колонии основанные:

- милетянами

- теосцами

- другими ионийцами

33

 - основанные не позднее 425г. до н.э.

19

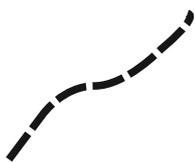
 - основанные в 425-400 гг. до н.э.

127

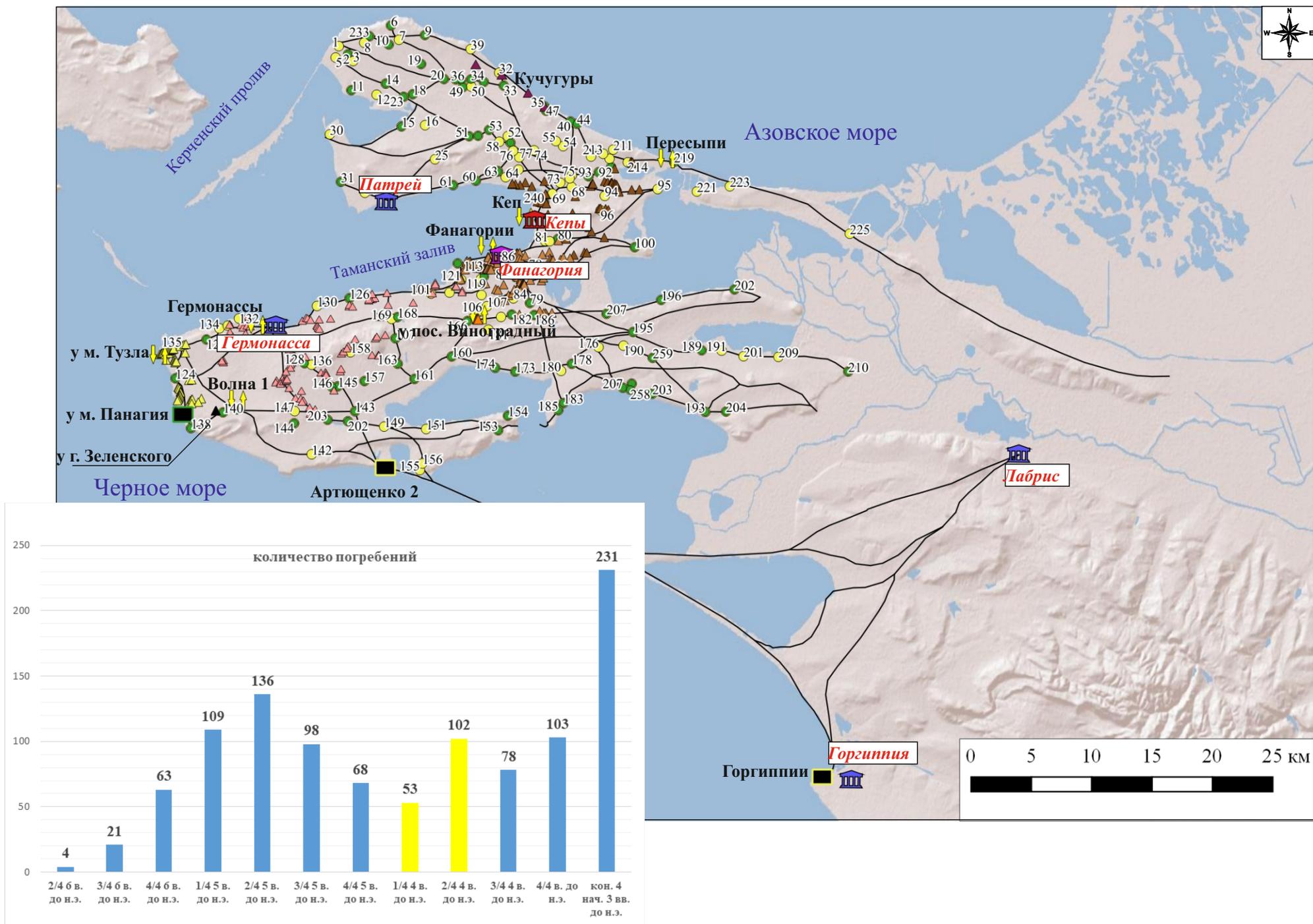
 - прекратившие свое существование в 425-400 гг. до н.э.

33

- номер поселения (Паромов, 1992)

Карта 8. Демографическая ситуация на Азиатском Боспоре в первой половине IV в. до н.э.

грунтовые некрополи, в которых к концу первой половины IV в. до н.э.:**Аргющенко 2**

 - сохранялся набор погребальных традиций, характерный для второго периода их функционирования

Фанагории

 - происходило изменение набора погребальных традиций

у м. Панагия

 - сформировался новый набор погребальных традиций

Курганные некрополи:

 - Фанагории

 - Кеп

 - у пос. Виноградный

 - Гермонассы

 - Кучугуры

 - у г. Зеленского

 - у м. Тузла

Колонии основанные:

- милетянами

- теосцами

- другими ионийцами

Греческие поселения на хоре городов Азиатского Боспора (по Гарбузов, Завойкин 2012 С. 131-138, табл.1)**33**

 - основанные не позднее 425 г. до н.э.

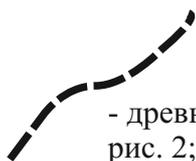
154

 - основанные в 425-400 гг. до н.э.

127

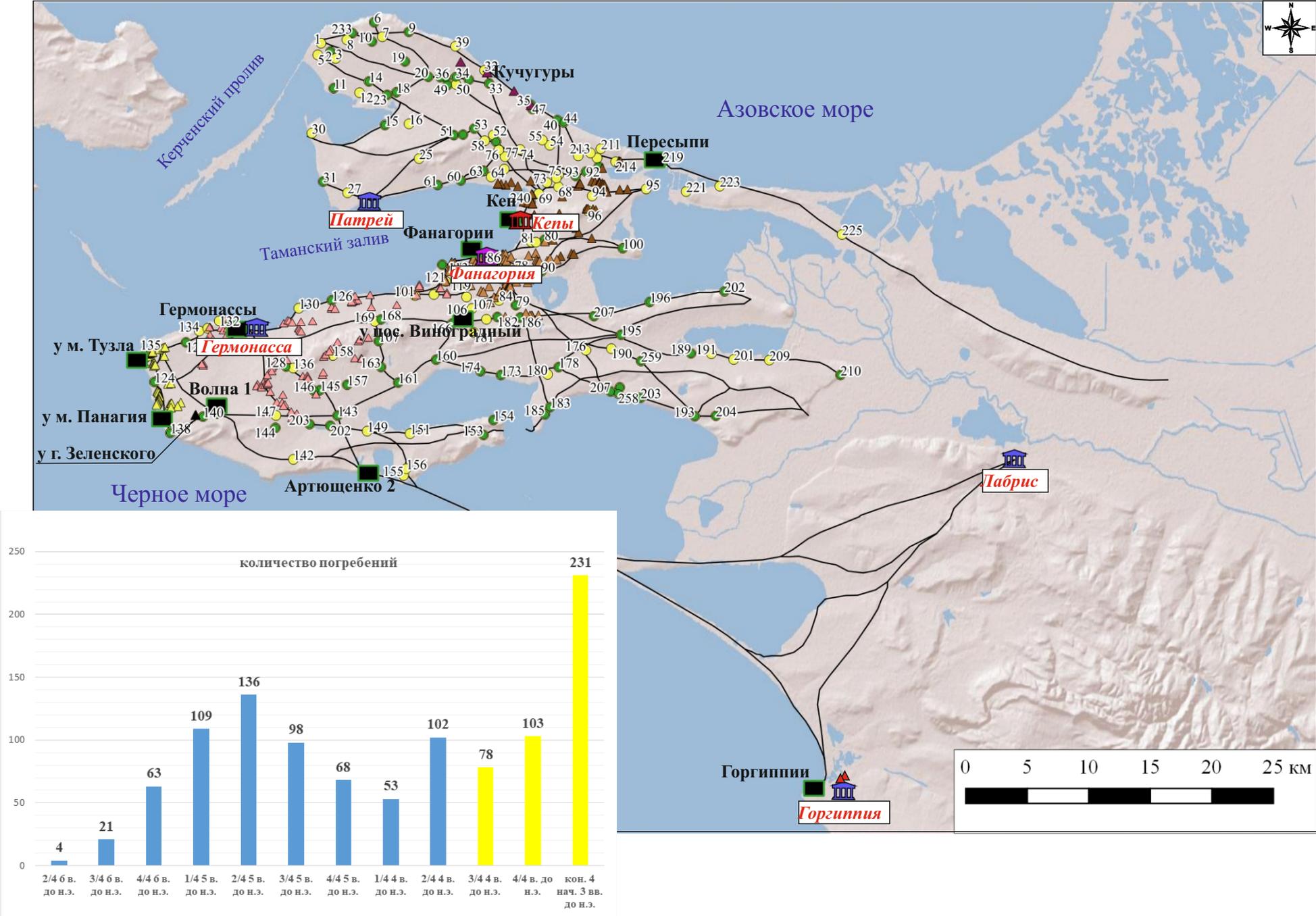
 - прекратившие свое существование в 425-400 гг. до н.э.

33 - номер поселения (Паромов, 1992.)

- древние дороги, функционировавшие в регионе в VI-IV вв. до н.э. (Паромов, 1998 С. 225 рис. 2; Sudarev et al. 2021 P. 45, fig.2)

Карта 9. Демографическая ситуация на Азиатском Боспоре во второй половине IV в. до н.э.

Волна 1

- грунтовые некрополи, функционировавшие во второй половине IV в. до н.э.:

Курганные некрополи:

- Фанагории	- Кеп	- у пос. Виноградный
- Гермонассы	- Горгииппии	- у г. Зеленского
- у м. Тузла	- Кучугуры	

Колонии основанные:

- милетянами

- теосцами

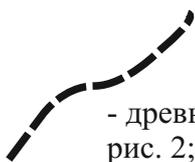
- другими ионийцами

Греческие поселения на хоре городов Азиатского Боспора (по Гарбузов, Завойкин 2012 С. 131-138, табл.1)**174**

- основанные не позднее 400 г. до н.э.

188

- основанные в 400-300 гг. до н.э.

174 - номер поселения (Паромов, 1992)

- древние дороги, функционировавшие в регионе в VI-IV вв. до н.э. (Паромов, 1998 С. 225 рис. 2; Sudarev at all. 2021 P. 45, fig.2)

Таблица №1

Варианты погребальных обрядов, представленные в некрополях Азиатского Боспора второй половины VI – первой половины V в. до н.э. . («1» – вариант представлен в некрополе «0» – отсутствует)¹

№№ варианта и подварианта	Группа 1				
	Панагия	Гаркуша	Береговой 4	Суворовское	Ахтанизовская
I. А. 1. а.	0	1	1	0	0
I. В. 1. в	1	0	0	0	0
I. Г. 1. а.	0	0	0	0	1
I. Г. 1. б.	0	0	1	0	0
I. Г. 1. в.	0	0	1	1	1
I. Г. 4. в.	1	0	0	0	0
I. Д. 2.	1	0	0	0	0
№№ варианта и подварианта	Группа 2				
	Кепы	Горгипшия	Пересыпь		
I. А. 1. а.	1	1	1		
I. А. 1. б.	1	0	0		
I. Б. 1. б.	1	0	0		
I. Б. 2. а	1	1	0		
I. Б. 2. б	1	0	0		
I. Б. 3. б	0	0	0		
I. В. 1. а	0	0	0		
I. В. 1. б	0	1	1		
I. В. 1. в	1	1	1		
I. В. 3.б.	0	0	1		
I. В. 3.г.	0	1	0		
I. Г. 1. б.	1	1	1		
I. Г. 1. в.	1	1	0		
I. Г. 1. г.	1	0	0		
I. Г. 2. а.	1	0	0		
I. Г. 2. в.	1	1	1		
I. Г. 3. б.	0	1	0		
I. Г. 3. г.	1	0	0		
I. Г. 4. а.	0	1	0		
I. Г. 4. б.	0	1	0		
I. Г. 4. в.	0	1	0		
I. Г. 4. г.	0	1	0		
I. Г. 5.	1	0	0		

¹ Подробное описание каждого варианта см. Прил. 3.

І. Г. 6.б	0	0	1
№№ варианта и подварианта	Группа 3		
	Фанагория	Гермонасса	Тузла
І. А. 1. а.	1	1	1
І. А. 1. б.	1	0	0
І. А. 2. а.	0	0	1
І. А. 2. б.	1	1	1
І. Б. 1. а.	1	0	1
І. Б. 1. б.	1	0	0
І. Б. 2. б.	1	0	1
І. Б. 3. а	0	0	1
І. Б. 3. б.	1	0	0
І. В. 1. б.	1	1	1
І. В. 1. в	1	1	1
І. В. 2.	0	0	1
І. В. 3.а.	1	0	1
І. В. 3.б.	1	1	1
І. В. 3.г.	1	1	1
І. В. 4.а.	1	1	1
І. В. 4. г.	1	1	1
І. Г. 1. а.	1	1	0
І. Г. 1. б.	1	1	1
І. Г. 1. в.	1	1	1
І. Г. 1. г.	1	1	1
І. Г. 2. а.	1	1	1
І. Г. 2. в.	1	0	0
І. Г. 3. б.	1	0	0
І. Г. 4. а.	1	0	0
І. Г. 4. б.	1	0	0
І. Г. 4. в.	1	0	0
І. Д. 1.а.	1	0	0
І. Д. 1.б.	1	0	0
І. Д. 1.в	1	0	0
І. Д. 2.	0	1	0
№№ варианта и подварианта	Группа 4		
	Артющенко 2	Волна 1	
12 вариантов и 46 подвариантов, выделенные для этого периода(за исключением подварианта І.Г.6.б.)			

Таблица №2
 Варианты погребальных обрядов в некрополях Азиатского Боспора
 второй половины V – первой половины IV в. до н.э. («1» – вариант
 представлен в некрополе «0» – отсутствует)².

Группа 1					
№ варианта и подварианта	Панагия	Ахтанизовская	Волна 4	Западно-Зеленское	Гаркуша
П. Б. 1.а	0	1	0	0	0
П. Б. 4.а	1	0	0	0	0
П. Г. 1. б	1	1	1	1	1
П. Г. 3. а	0	0	1	0	0
П. Г. 3. б	0	0	0	0	1
П. Г. 3. в	0	0	0	0	1
П. Г. 3. г	0	0	0	1	0
Группа 2					
№ варианта и подварианта	Береговой 4		Кучугуры	Горгиппия	
П. Б. 1.б	0		0	1	
П. В. 1. б.	1		0	1	
П. В. 1. в.	0		0	1	
П. В. 3. а	0		1	0	
П. Г. 1. в	1		0	0	
П. Г. 1. г	1		0	0	
П. Г. 2. в	0		0	1	
П. Г. 3. в	1		1	1	
П. Г. 4. б	0		0	1	
П. Г. 7.а	0		1	0	
Группа 3					
№ варианта и подварианта	Артющенко 2		Волна 1		
П. А. 1. а.	1		0		
П. А. 1. б.	1		1		
П. А. 2. а.	1		1		
П. А. 2. б.	1		1		
П. А. 3.	0		1		
П. А. 4.а	0		1		
П. А. 4.б	0		1		
П. Б. 1.а	1		0		
П. Б. 2.а	1		1		
П. Б. 2.б	1		1		

² Подробное описание каждого варианта см. Прил. 3.

П. Б. 3.б	1	0	
П. Б. 4.а	0	0	
П. Б. 4.б	1	1	
П. В. 1. а.	1	1	
П. В. 1. б.	1	1	
П. В. 1. в.	1	1	
П. В. 2.	1	1	
П. В. 3. а	1	1	
П. В. 3. б	1	1	
П. В. 3. в	1	1	
П. В. 3. г	1	1	
П. В. 4. а	1	1	
П. В. 4. б	0	1	
П. В. 4. в	1	1	
П. В. 4. г	1	1	
П. В. 5. а	1	1	
П. В. 5. б	1	1	
П. Г. 1. а	1	1	
П. Г. 1. б	1	1	
П. Г. 1. в	1	1	
П. Г. 1. г	1	1	
П. Г. 2. а	1	1	
П. Г. 2. б	1	1	
П. Г. 3. в	1	1	
П. Г. 3. г	1	1	
П. Г. 4. а	1	1	
П. Г. 4. б	1	1	
П. Г. 4. в	0	1	
П. Г. 4. г	1	1	
П. Г. 5	1	1	
П. Г. 7.а	1	1	
П. Г. 7.б	1	1	
П. Д. 1. а.	1	1	
П. Д. 1. б.	1	1	
П. Д. 1. в.	0	1	
П. Д. 2.	0	1	
П. Д. 3.а	0	1	
П. Д. 3.б	1	1	
П. Д. 3.в	0	1	
Группа 4			
№ варианта и под- варианта	Гермонасса	Кепы	Пересыпь
П. А. 1. а.	1	1	1
П. Б. 1.а	0	0	1
П. Б. 1.б	0	0	1

П. Б. 2.а	1	0	0
П. Б. 3.а	0	0	1
П. В. 1. а.	1	1	0
П. В. 1. б.	0	1	0
П. В. 1. в.	0	1	1
П. В. 3. а.	1	1	1
П. В. 3. г.	1	1	0
П. Г. 1. а	0	1	0
П. Г. 1. б	1	1	1
П. Г. 1. в	0	1	0
П. Г. 1. г	1	1	1
П. Г. 2. а	1	0	1
П. Г. 2. б	1	0	1
П. Г. 2. в	1	1	1
П. Г. 3. а	1	1	0
П. Г. 3. б	1	1	0
П. Г. 3. в	1	1	0
П. Г. 3. г	1	1	0
П. Г. 4. б	1	1	1
П. Г. 5	1	1	0
П. Г. 7.а	1	0	0
Группа 5			
№ варианта и под- варианта	Фанагория	Виноградный	Тузла
П. А. 1. а.	1	1	1
П. А. 1. б.	0	1	0
П. А. 2. а.	0	1	0
П. А. 2. б.	0	0	1
П. А. 4.а	1	0	0
П. А. 4.б	1	0	0
П. Б. 1.а	1	1	0
П. Б. 1.б	1	0	0
П. Б. 2.б	1	0	0
П. Б. 3.б	0	1	1
П. Б. 4.а	1	0	0
П. В. 1. а.	0	1	1
П. В. 1. б.	0	1	1
П. В. 1. в.	1	1	1
П. В. 3. а	1	1	0
П. В. 3. г	1	1	0
П. В. 4. а	1	0	1
П. В. 4. г	1	1	0
П. В. 5. а	1	1	1
П. В. 5. б	1	1	0
П. Г. 1. а	1	1	1

П. Г. 1. б	1	1	1
П. Г. 1. в	1	1	1
П. Г. 1. г	1	1	1
П. Г. 2. а	0	1	1
П. Г. 2. б	0	1	1
П. Г. 2. в	1	1	1
П. Г. 3. а	1	0	1
П. Г. 3. б	1	1	1
П. Г. 3. в	1	1	1
П. Г. 3. г	1	1	1
П. Г. 4. а	0	1	1
П. Г. 4. б	1	1	1
П. Г. 4. г.	1	1	0
П. Г. 5	1	1	1
П. Г. 6	1	0	1
П. Г. 7.а	1	1	1
П. Г. 7.б	0	1	1
П. Д. 3.а	0	1	0
П. Д. 3.в	0	1	0

Таблица №3
 Варианты погребальных обрядов, представленные в некрополях
 Азиатского Боспора второй половины IV – рубежа IV–III вв. до н.э. («1» –
 вариант представлен в некрополе «0» – отсутствует)³.

Группа 1			
№ варианта и подварианта	Панагия	Горгиппия	Кучугуры
III. А. 2. а.	1	0	0
III. Б. 1. а.	0	0	1
III. Б. 1. б.	0	0	1
III. В.1.а.	0	1	0
III. В. 6.б	0	0	1
III. В. 8. а.	0	0	1
III. Г. 1. а.	0	1	1
III. Г. 6.а.	0	1	0
III. Г. 9.а.	0	0	1
III. Д. 3.б.	1	1	0
III. Д. 3.в.	1	0	0
III. Д. 5.б.	0	1	0
Группа 2			
№ варианта и подварианта	Гермонасса	Пересыпь	
III. А. 1. а.	1	1	
III. А. 1. б.	0	1	
III. А. 2. а.	0	1	
III. Б. 1. а.	0	1	
III. Б. 1. б.	0	1	
III. Б. 2. б.	0	1	
III. В. 2.	1	0	
III. В. 3.б	1	1	
III. В. 3.в	1	1	
III. В. 5.б	1	0	
III. В. 9. а	1	0	

³ Подробное описание каждого варианта см. Прил. 3.

III. Г. 1. а.	1	1
III. Г. 1. б.	1	0
III. Г. 2.	1	1
III. Г. 3.а.	1	1
III. Г. 3.б.	1	1
III. Г. 3.в.	0	1
III. Г. 6.а.	1	0
III. Г. 11.а.	1	0
III. Г. 11.б.	1	0
III. Г. 12.б.	1	0
III. Д. 1.а.	1	0
III. Д. 1.б.	1	0
III. Д. 3.б.	1	1
III. Д. 3.в.	1	1
III. Д. 5.а.	1	0
III. Д. 5.б.	1	1
III. Д. 8.б.	1	0
III. Д. 9.а	1	0
Группа 3		
№ варианта и подварианта	Волна 1	Виноградный
III. А. 1. а.	1	1
III. А. 1. б.	1	1
III. А. 2. а.	1	1
III. А. 2. б.	1	0
III. Б. 2. а.	0	1
III. Б. 2. б.	1	1
III. Б. 3. а.	1	1
III. Б. 3. б.	1	1
III. Б. 4. а.	0	1
III. Б. 4. б.	1	0
III. В.1.а.	1	0
III. В.1.б.	1	0
III. В.1.в.	1	1
III. В. 2.	1	0

III. В. 3.а	1	0
III. В. 3.б	1	1
III. В. 3.в	1	1
III. В. 4.а	1	1
III. В. 4.б	1	0
III. В. 4.в	1	0
III. В. 4.г	1	1
III. В. 5.а	1	0
III. В. 5.б	1	1
III. В. 6.а	1	0
III. В. 7.	1	0
III. В. 8. а.	0	1
III. В. 8. б.	0	1
III. В. 9. а	0	1
III. Г. 1. а.	1	1
III. Г. 1. б.	1	1
III. Г. 1. в.	1	1
III. Г. 2.	1	1
III. Г. 3.а.	1	1
III. Г. 3.б.	1	1
III. Г. 3.в.	1	1
III. Г. 4.а.	1	1
III. Г. 4.б.	1	1
III. Г. 4.в.	1	1
III. Г. 4.г.	1	1
III. Г. 5.а.	0	1
III. Г. 5.б.	1	1
III. Г. 6.а.	1	1
III. Г. 7.	1	0
III. Г. 8.	0	1
III. Г. 9.а.	1	1
III. Г. 9.б.	0	1
III. Г. 10.а.	0	1
III. Г. 10.б.	0	1

III. Г. 11.а.	0	1	
III. Д. 1.а.	1	0	
III. Д. 1.б.	1	0	
III. Д. 1.в.	1	1	
III. Д. 2.	1	0	
III. Д. 3.а.	1	0	
III. Д. 3.б.	1	1	
III. Д. 3.в.	1	1	
III. Д. 4.а.	1	0	
III. Д. 4.б.	1	1	
III. Д. 4.в.	1	1	
III. Д. 5.а.	1	0	
III. Д. 5.б.	1	1	
III. Д. 6.	1	1	
III. Д. 7.	1	0	
III. Д. 8.а.	1	0	
III. Д. 8.б.	1	1	
III. Д. 9.а	1	1	
Группа 4			
№ варианта и подварианта	Фанагория	Кепы	Тузла
III. А. 1. а.	1	1	1
III. А. 1. б.	0	1	1
III. А. 2. а.	0	0	1
III. А. 2. б.	0	0	1
III. Б. 1. а.	1	1	1
III. Б. 1. б.	1	1	1
III. Б. 2. а.	0	0	0
III. Б. 2. б.	1	1	1
III. Б. 3. а.	1	1	1
III. Б. 3. б.	1	1	1
III. Б. 4. а.	1	1	0
III. Б. 4. б.	1	0	1
III. В.1.а.	0	0	1
III. В.1.б.	1	0	0

III. В. 3.б	0	0	1
III. В. 3.в	0	0	1
III. В. 4.а	0	0	1
III. В. 4.г	0	0	1
III. В. 5.а	0	0	1
III. В. 5.б	0	0	1
III. В. 6.а	1	0	0
III. В. 6.б	0	0	1
III. В. 8. а.	1	0	1
III. В. 8. б.	1	0	1
III. В. 9. а	1	0	1
III. В. 9. б	0	0	1
III. В. 10	1	1	0
III. В. 11	1	1	1
III. Г. 1. а.	1	0	1
III. Г. 2.	0	1	1
III. Г. 3.а.	0	1	1
III. Г. 3.б.	0	1	1
III. Г. 6.а.	1	1	1
III. Г. 6.б.	1	0	0
III. Г. 7.	1	0	0
III. Г. 9.а.	1	0	1
III. Г. 9.б.	1	0	0
III. Г. 10.а.	1	0	1
III. Г. 10.б.	0	0	1
III. Г. 11.а.	1	1	0
III. Г. 11.б.	1	0	1
III. Г. 12.а.	1	1	1
III. Г. 12.б.	1	1	1
III. Д. 3.б.	0	0	1
III. Д. 3.в.	0	0	1
III. Д. 4.а.	0	0	0
III. Д. 4.б.	0	0	1
III. Д. 4.в.	0	0	1

III. Д. 5.а.	0	0	1
III. Д. 5.б.	0	1	1
III. Д. 8.б.	1	1	0
III. Д. 9.а	1	1	0
III. Д. 9.б	1	1	0
III. Д. 10.а	1	1	1
III. Д. 10.б	1	1	1

Таблица №4

Колонии Милета в Причерноморье второй половины VII – второй половины VI в. до н.э. и их некрополи

Наименование колонии	Метрополия (по данным нарративной традиции)	Источники о «милетском» происхождении	Дата основания	Датировка наиболее ранних погребений
СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ				
<i>Азиатский Босфор</i>				
Гермонасса	Иония, Эолия (Митилены)	Dion. Per. 541–553 Eust. Comm. ad Dion. Per. 549	600–575 гг. до н.э. / 580–570 гг. до н.э. (Hansen, Nielsen, 2004 P. 945)	Третья четверть VI в. до н.э. (Гайдукевич, 1959. С. 159.)
Кепы	Милет	Ps.-Scymn. 899; Ps.-Arr. PPE. 74	580-570 гг. до н.э. 575-550 гг. до н.э. (Hammond, 1986)	Рубеж VI-Vвв. до н.э.
<i>Европейский Босфор</i>				
Пантикапей	Милет	Strabo. VII. 4, 4; Plin. NH. IV. 87	Начало VI в. до н.э. (Boardman 1980. P.252) Рубеж VII-VI вв. до н.э. (Толстиков, 2015. С. 263-264)	Конец VII в. до н.э. (?) (Цветаева, 1951. С. 66)
Феодосия	Милет	Arr. PPE. 30; Ps.-Arr. 77	575 г. до н.э. 570 г. до н.э. (Hansen, Nielsen, 2004. P. 952)	Некрополь не исследовался
<i>Нижнее Побужье</i>				
Борисфен	Милет	Hdt. IV.78; Euseb.Chron. can./ Helm. В., 1984. P. 95b)	646 г. до н.э. (Boardman, J & Hammond, N, G, L (eds.) 1982) 647/646 г. до н.э. (Буйских 2013. С. 27–28)	Вторая половина VI в. до н.э. (Доманский, Виноградов, Соловьев, 1982. С. 35)
Ольвия	Милет	Hdt. IV.18	644 г. до н.э. (Hammond, 1986)	30 -е годы VI в. до н.э. (Папанова,

			620/610–590 гг. до н.э. (Буйских 2013. С. 28)	2002. С. 65)
ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ				
Диоскуриада	Милет	Arr. PPE. 14	VI в. до н.э. (Соловьев, Шервашидзе, 1960)	Некрополь не исследовался
Фасис	Милет	Hdt., I.2; I.104, II.103; IV.37; IV.38; IV.86; IV. 45; VI.82; Ps.- Scymn. 928–931; Strabo.2.1.39 Heracl. Lemb. 46; Pompon. 1.108; Steph. Byz. 661.1	VI в. до н.э. (Hansen, Nielsen, 2004. P. 953)	Некрополь не исследовался
ЗАПАДНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ				
Аполлония Понтийская	Милет	Strabo. VII. 6.1	Конец VII в. до н.э. (Hansen, Nielsen, 2004. P. 931)	Третья четверть VI в. до н.э. (Baralis, Panayotova et al. 2016. P.161)
Истрия	Милет	Hdt. 2.33; Ps.- Skymnos fr. 6, Marcotte	657/656 г. до н.э. (Alexandrescu 1990, С. 50–52; 600-575 гг. до н.э. / 580-570 гг. до н.э. Hansen, Nielsen, 2004 P. 933; Иванчик 2005, С. 155–160).	Около 500 г. До н.э. (Lungu, 2007. P. 338)
Одессос	Милет	Ps.-Skymn. fr. 1, Marcotte.; Strabo VII.6.1 (Plin. HN 4.11.45)	Не позднее 560 г. до н.э. (Boardman 1980, P. 247) / вторая четверть VI в. до н.э. (Hansen, Nielsen, 2004. P. 936)	Архаический некрополь не исследовался
Томы	Милет	Strabo. VII. 6.2; Anon. Peripl. M. Eux. 71; Steph. Byz. 628.6	VI в. до н.э. (Hansen, Nielsen, 2004. P. 941)	Архаический некрополь не исследовался
Тира	Милет	Ps.-Skymn 799–800; cf. Anon. Peripl. M. Eux. 62; Strabo. VII. 6.2	600-575 г. до н.э.	Архаический некрополь не исследовался

ЮЖНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ				
Синопа	Милет	Hdt., IV. 12.2; Ps.-Scymn 945- 952	Не позднее 731 г. до н.э. - Ранняя колонизация; не позднее 631 г. до н.э. – повторная колонизация. (Graham, 1980. P. 34)	Начало VI в. до н.э. (Budde, 1956. S. 34)

Таблица №5

Некрополи Азиатского Боспора и греческих городов VI – первой половины V в. до н.э.
Сравнительные характеристики наиболее значимых особенностей погребальных обрядов

Погребальные сооружения										
Название памятника	Всего захоронений	Грунтовые ямы различных форм	Грунтовые ямы с запле- чиками/ровиками	Захороне- ния в тар- ных сосу- дах	Сооружения из сырца	Каменные ящики	Глиня- ные/камен- ные сарко- фаги	Склепы грунтовые/ каменные	Подбойные могилы	Черепичные гробницы
Группа 3										
Фанагория	29	9	12	7	1	–	–	–	–	–
		31,1%	41,3%	24,1%	3,4%	–	–	–	–	–
Гермонасса	25	23	–	–	2	–	–	–	–	–
		92%	–	–	8%	–	–	–	–	–
у м. Тузла	90	41	40	9	–	–	–	–	–	–
		45,5%	44,5%	10%	–	–	–	–	–	–
Группа 2										
Кепы	32	22	3	9	1	–	–	–	–	–
		59,4%	9,3%	28,125%	3,125%	–	–	–	–	–
Пересыпь	14	11	–	3	–	–	–	–	–	–
		78,6%	–	21,4%	–	–	–	–	–	–
Синдская Гавань	16	6	3	2	–	5	–	–	–	–
		37,5%	18,75%	12,5%	–	31,25%	–	–	–	–
Группа 4										
Волна 1	156	67	11	10	25	–	–	–	–	–
		41%	7%	6,4%	16%	–	–	–	–	–
Артющенко 2	79	51	13	4	10	–	–	–	–	–
		64,65%	16,5%	5,1%	12,75%	–	–	–	–	–

Милет	8	–	–	3	–	–	4	1	–	–
				37,5%	–	–	50%	12,5%	–	–
Борисфен	132	114	–	17	1	–	–	–	–	–
		86,3%	–	12,9%	0,75%	–	–	–	–	–
Ольвия	159	127	17	7	–	1	–	–	6	1
		79,8%	10,7%	4,5%	–	0,6%	–	–	3,8%	0,6%
Пантикапей	132	21	82	6	5	5	7	–	12	–
		15,9%	62,1%	4,5%	3,7%	3,7%	5,3%	–	9,1%	–
Истрия	30	20	–	8	–	–	2	–	–	–
		66,7%	–	26,6%	–	–	6,7%	–	–	–
Теос	22	2	–	2	–	–	18	–	–	–
		9,1%	–	9,1%	–	–	81,9%	–	–	–
Абдера	72	9	3	22	1	–	37	–	–	3
		8,4%	4,1%	30,6%	1,4%	–	51,4%	–	–	4,1%

Способ обращения с телом				
Название памятника	Всего захоронений	Ингумация	Кремация на месте (в яме)	Кремация на стороне (в урне)
		Кол-во / %		
Группа 3				
Фанагория	29	29	–	–
		100%	–	–
Гермонасса	25	25	–	–
		100%	–	–
у м. Тузла	90	90	1	–
		100%	–	–
Группа 2				
Кепы	32	32	–	–
		100%	–	–
Пересыпь	14	14	–	–
		93,75%	–	6,25%
Синдская Гавань	16	15	–	1

		100%	–	–
Группа 4				
Волна 1	156	155	1	–
		99,4%	0,6%	–
Артющенко 2	79	78	1	–
		98,7%	1,3%	–
Милет	8	6	–	2
		75%	–	25%
Борисфен	132	127	1	4
		96,2%	0,75%	3%
Ольвия	159	154	4	1
		96,9%	2,5%	0,6%
Пантикапей	134	123	1	10
		91,8%	0,8%	7,4%
Истрия	30	30	–	–
		100%	–	–
Теос	22	20	2	–
		90,9%	9,1%	–
Абдера	72	62	2(+)	8
		86,2%	2,7%	11,1%

Поза погребенных										
Название памятника	Всего захоронений	Вытянуто на спине	Скорченно на левом боку	Скорченно на правом боку	Сильно скорчено(на спине)	Вытянуто на левом боку	Вытянуто на правом боку	Ничком	Положение нарушено в древности	Не определено
		Кол-во / %								
Группа 3										
Фанагория	29	18	3	2	–	–	–	–	–	6
		62,1%	10,4%	6,8%	–	–	–	–	–	20,6%
Гермонасса	25	24	1	–	–	–	–	–	–	–
		96%	4%	–	–	–	–	–	–	–
у м. Тузла	90	87	–	2	1	–	–	–	–	–
		96,53%	–	2,25%	1,22%	–	–	–	–	–
Группа 2										
Кепы	32	24	–	1	4	–	–	–	–	3
		75%	–	3,1%	12,5%	–	–	–	–	9,4%
Пересыпь	14	14	–	–	–	–	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–	–	–	–	–
Синдская Гавань	16	11	2	2	–	–	–	–	–	1
		68,75%	12,5%	12,5%	–	–	–	–	–	6,25%
Группа 4										

Наличие и сочетание кувшинов и сосудов для питья в инвентаре				
Название памятника	Всего захоронений	Кувшины	Сосуды для питья	Сочетание: кувшины + сосуды для питья
		Кол-во / %		
Группа 3				
Фанагория	29	3	11	2
		10,3%	37,9%	6,9%
Гермонасса	25	8	12	8
		32%	48%	32%
у м. Тузла	90	52	33	18
		57,7 %	36,7%	20%
Группа 2				
Кепы	32	11	9	2
		34,3%	28,15%	6,25%
Пересыпь	14	2	–	–
		14,2%	–	–
Синдская Гавань	16	6	4	2
		37,5%	25%	12,5%
Группа 4				
Волна 1	156	99	85	63

		63,5%	54,6 %	40,2%
Артющенко 2	79	52	22	8
		65,65%	27,85%	10,1%
Милет	8	1	1	–
		12,5%	12,5%	–
Борисфен	132	–	–	–
		–	–	–
Ольвия	159	73	102	32
		45,9%	64,1%	40,25%
Пантикапей	134	9	5	4
		6,7%	3,7%	3%
Истрия	30	8	5	2
		26,7%	16,7%	6,7%
Теос	22	1	4	–
		4,5%	18,2%	–
Абдера	72	3	8	2
		4,2%	11,5%	2,8%

Таблица № 6

Отличительные черты обряда некрополей Азиатского Боспора второй половины VI – первой V в. до н.э., в которых прослежены «негреческие» особенности погребальных традиций, и могильников племен на периферии региона в конце VIII – V в. до н.э.¹

ХАРАКТЕР ПЕРЕКРЫТИЯ ПОГРЕБАЛЬНОГО СООРУЖЕНИЯ							
Название памятника	Всего захоронений в выборке	Деревянное	Деревянное + кам-ка	Обкладка / наброска из камней	Сырцовые блоки	Каменные плиты	Не прослежено/грунтовое
Греческие некрополи в зоне контактов с автохтонным населением							
Группа 1							
у м. Тузла	90	25	15	3	-	-	47
		27,8%	16,7%	3,3%	-	-	52,2%
Группа 2							
Синдская Гавань	16	-	-	4	-	2	10
		-	-	25%	-	12,5%	62,5%
Группа 3							
Волна 1	156	2	-	6	10	-	138
		1,2%	-	3,85%	6,4%	-	88,5%
Артющенко 2	79	5	-	1	2	-	71
		6,3%	-	1,3%	2,5%	-	89,9%
Автохтонное население							
Полуостров Абрау							
Красный курган	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%

¹ По материалам непо потревоженных погребений.

ОПХ Анапа	30	-	-	-	-	-	-
Красная скала	4	-	-	2	2	-	-
		-	-	50%	50%	-	-
Вестник	9	-	-	7	-	-	2
		-	-	77,8%	-	-	22,2%
У хут. Воскресенский	12	-	-	5	-	4	3
		-	-	41,7%	-	33,3%	25%
Рассвет	160	-	-	71	-	56	33
		-	-	44,3%	-	35%	20,7%
Владимировский могильник	193	-	-	92	-	88	13
		-	-	47,65%	-	45,6%	6,75
Ивушка	14			4		9	1
				28,5%		64,3%	7,1%
Лобанова щель	10	-	-	10	-	-	-
		-	-	100%	-	-	-
Родники 2	6	-	-	6	-	-	-
				100%			-
РОС, курган 3	4	-	-	3	-	-	1
		-	-	75%	-	-	25%
Цемдолина	11	-	-	8	-	-	3
		-	-	72,7%	-	-	22,3%
Большие хутора	11						
		-	-	-	-	-	-
Шесхарис	23	-	-	11	-	2	10
		-	-	47,8%	-	8,7%	43,5%
Левобережье Кубани							
Абинский мог-к	32	-	-	-	-	-	32
		-	-	-	-	-	100%
Псекупский мог-к	38	-	-	-	-	-	38
		-	-	-	-	-	100%
Уляп	169	-	-	-	-	-	169

		-	-	-	-	-	100%
Келермесский мог-к	34	-	-	-	-	-	34
		-	-	-	-	-	100%
Ахтырский мог-к	14	-	-	-	-	-	14
		-	-	-	-	-	100%
Правобережье Кубани							
Пашковский мог-к	8	-	-	-	-	-	5
		-	-	-	-	-	100%
Мог-к Старокорсунского городища 2	46	-	-	-	-	-	46
		-	-	-	-	-	100%
Мог-к Старокорсунского городища 3	5	-	-	-	-	-	8
		-	-	-	-	-	100%
Хутор Ленина 2	8	-	-	-	-	-	8
		-	-	-	-	-	100%
Хутор Ленина 3	29	-	-	-	-	-	29
		-	-	-	-	-	100%
Усть-Лабинский могильник 2	11	-	-	-	-	-	11
		-	-	-	-	-	100%
Кочевники							
Мог-к Кочипе	5	2	-	-	-	-	3
		40%	-	-	-	-	60%
Мог-к у с Зеленки	4	-	-	-	-	-	4
		-	-	-	-	-	100%
Погребение у с. Емчиха	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Кагарлык	3	1	-	-	-	-	2
		33,4%	-	-	-	-	66,6%
Колдыри	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%

Курган у с. Петровское	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Курган у с. Кремневка	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Курган у с. Приморское	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Высочино	10	-	-	-	-	-	10
		-	-	-	-	-	100%
Курган у г. Николаполя	2	1	-	-	-	-	1
		50%	-	-	-	-	50%
Погребение на окраине г. Константиновска	1	1	-	--	-	-	-
		100%	-	-	-	-	-
Погребение на окраине г. Ростова-на-Дону	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Погребение у с.Подгородное	1	1	-	-	-	-	-
		100%	-	-	-	-	-
Литой Мельгуновский курган	1						1
							100%
Курган №9 у с. Огородного	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Курган у станицы Новокорсунской	2	-	-	-	-	-	2
		-	-	-	-	-	100%
Курганный могильник у х. Гавердовского	3	2	-	1	-	-	-
		66,7%	-	33,3%	-	-	-

ОРИЕНТИРОВКА ПОГРЕБЕННЫХ										
Название памятника	Всего погребений	Север	Восток	Юг	Запад	Юго-Восток	Юго-Запад	Северо-Запад	Северо-Восток	Н.о.
		Кол-во / %								
Греческие некрополи в зоне контактов с автохтонным населением										
Группа 3										
у м. Тузла	90	1 1,22%	54 60%	1 1,22%	2 2,25%	13 13,75%	2 2,25%	2 2,25%	14 15%	1 1,22%
Группа 2										
Синдская Гавань	16	1 6,25%	9 56,25%	-	-	-	-	-	5 31,25%	1 6,25%
Группа 4										
Волна 1	156	4 2,6%	83 53,2%	3 1,9%	2 1,3%	17 10,8%	2 1,3%	6 3,8%	36 23,6%	3 1,9%
Артющенко 2	79	1 1,25%	35 44,5%	-	1 1,25%	21 26,5%	-	-	15 19%	6 7,5%
Автохтонное население										
Северная Синдика и полуостров Абрау										
Красный курган	1	-	-	-	-	-	-	1 100%	-	-
ОПХ Анапа	30	-	1	3	-	3	-	2	-	-
Красная скала	4	-	1 25%	-	-	-	-	-	-	3 75%
Вестник	9	-	2 22,2%	-	-	2 22,2%	-	-	3 33,4%	2 22,2%
У хут. Воскресенский	12	-	5 41,7%	-	-	2 16,7%	-	1 8,3%	1 8,3%	1 8,3%
Рассвет	160	4	58	1	1	5	2	2	44	43

Мог-к Старокорсунского городища 2	46	3	2	6	1	14	9	4	5	2
		6,6%	4,3%	13,1%	2,2%	30,5%	19,5%	8,7%	10,8	4,3%
Мог-к Старокорсунского городища 3	5	-	-	-	-	-	-	-	-	5
										100%
Хутор Ленина 2	8	-	-	1	-	-	2	-	-	5
		-	-	12,5%	-	-	25%	-	-	62,5%
Хутор Ленина 3	29	-	-	9	-	6	-	-	-	14
		-	-	31%	-	20,7%	-	-	-	48,3%
Усть-Лабинский могильник 2	11	-	-	3	-	6	2	-	-	-
		-	-	27,3%	-	54,5%	18,2%	-	-	-
Кочевники										
Мог-к Кочипе	5	1	1	1	-	1	-	-	1	-
		20%	20%	20%	-	20%	-	-	20%	-
Мог-к у с Зеленки	4	-	-	-	-	-	1	3	-	-
		-	-	-	-	-	25%	75%	-	-
Погребение у с. Емчиха	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-
		-	-	-	100%	-	-	-	-	-
Кагарлык	3				1			1	1	
					33,33%			33,33%	33,33%	
Колдыри	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-
		-	-	-	100%	-	-	-	-	-
Курган у с. Петровское	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-
		-	-	-	100%	-	-	-	-	-
Курган у с. Кремневка	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-
									100%	
Курган у с. Приморское	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-
		-	-	-	100%	-	-	-	-	-

Высочино	10	-	-	-	10	-	-	-	-	-
					100%					
Курган у г. Никополя	2	-	-	-	-	-	1	1	-	-
		-	-	-	-	-	50%	50%	-	-
Погребение на окраине г. Константиновска	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-
		-	-	-	100%	-	-	-	-	-
Погребение на окраине г. Ростов-на-Дону	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-
		-	-	-	100%	-	-	-	-	-
Погребение у с.Подгородное	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-
		-	-	-	-	-	100%	-	-	-
Литой Мельгуновский курган	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-
		-	-	-	-	-	100%	-	-	-
Курган №9 у с. Огородного	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-
		-	-	-	100%	-	-	-	-	-
Курган у станицы Новокорсунской	2		1		1					
			50%		50%					
Курганный могильник у х. Гавердовского	3	-	-	-	-	-	-	1	-	2
		-	-	-	-	-	-	33,3%	-	66,7%

Вестник	9	3	1	-	-	-	-	-	-	5
		33,3%	11,1%	-	-	-	-	-	-	55,6%
У хут. Воскресенский	12	5	2	-	-	-	-	-	-	5
		41,6%	16,8%	-	-	-	-	-	-	41,6%
Рассвет	160	57	1	4	4	-	-	-	-	94
		35,6%	0,6%	2,5%	2,5%	-	-	-	-	58,8%
Владимировский могильник	193	87	-	1	2	-	-	-	-	103
		45,1%	-	0,5%	1%	-	-	-	-	53,3%
Ивушка	14	-	1	-	-	-	-	-	6	7
		-	7,1%	-	-	-	-	-	42,9%	50%
Лобанова щель	10	7	-	1	1	1	-	-	-	-
		80%	-	10%	10%	10%	-	-	-	-
Родники 2	6	2	-	-	-	-	-	-	2	2
		33,3%	-	-	-	-	-	-	33,3%	33,3%
РОС, курган 3	4	4	-	-	-	-	-	-	-	-
		100%	-	-	-	-	-	-	-	-
Цемдолина	11	7	-	-	-	-	-	-	2	2
		63,6	-	-	-	-	-	-	18,2%	18,2%
Большие хутора	11	7	-	-	-	-	-	-	4	-
		63,6%	-	-	-	-	-	-	36,4%	-
Шесхарис	23	10	-	-	1	1	4	-	5	2
		43,5%	-	-	4,3%	4,3%	17,5%	-	21,7%	8,7%
Левобережье Кубани										
Абинский мог-к	32	32	-	-	-	-	-	-	-	-
		100%	-	-	-	-	-	-	-	-
Псекупский мог-к	38	16	-	3	-	-	-	-	15	4
		42,1%	-	7,9%	-	-	-	-	38,5%	11,5%
Уляп	169	66	22	20	17	-	-	1	-	43
		39,1%	13%	11,3%	10%	-	-	0,6%	-	26%
Келермесский мог-к	34	11	7	5	-	-	-	-	3	8
		32,4%	20,6%	14,7%	-	-	-	-	8,8%	23,5%

Курган у станицы Новокорсунской	2	-	1	1	-	-	-	-	-	-
		-	50%	50%	-	-	-	-	-	-
Курганный мо-гильник у х. Гавердовского	3	1	-	-	-	-	-	-	1	1
		33,33%	-	-	-	-	-	-	33,33%	33,33%

ЛЕПНЫЕ СОСУДЫ В ПОГРЕБЕНИИ						
Название памятника	Всего погребений	горшки	Сосуды для питья	миски	черпаки	корчаги
		Кол-во/%				
Греческие некрополи в зоне контактов с автохтонным населением						
Группа 3						
у м. Тузла	90	2 2,2%				
Группа 2						
Синдская Гавань	16	2 12,5%	-	1 6,25%	-	-
Группа 4						
Волна 1	156	8 5,1%	-	3 1,9%	-	-
Артющенко 2	79	8	2	5		
Автохтонное население						
Северная Синдика и полуостров Абрау						
Красный курган	1	1 100%	-	-	-	-
ОПХ Анапа	30	10	-	6	4	2

		33,3%	-	20%	13,3%	6,7%
Красная скала	4	1	-	1	-	-
		25%	-	25%	-	-
Вестник	9	1	-	-	-	-
		11,1%	-	-	-	-
У хут. Воскре- сенский	12	3	-	2	-	-
		25%	-	16,7%	-	-
Рассвет	160	14	7	22	2	-
		8,7%	4,4%	13,8%	1,25%	-
Владимиров- ский могиль- ник	193	100	12	5	5	13
		51,8%	6,2%	2,5%	2,5%	6,7%
Ивушка	14	3	3	-	-	1
		21,4%	21,4%	-	-	7,1%
Лобанова щель	10	2	1	3	-	2
		20%	10%	30%	-	20%
Родники 2	6	1	-	-	-	-
		16,7%	-	-	-	-
РОС, курган 3	4	4	-	-	-	-
		100%	-	-	-	-
Цемдолина	11	1	2	-	-	-
		9,1%	18,2%	-	-	-
Большие хуто- ра	11	5	3	1	-	-
		45,5%	27,2%	9,1%	-	-
Шесхарис	23	8	1	-	-	-
		34,8%	4,3%	-	-	-
Левобережье Кубани						
Абинский мог- к	32	10	2	-	4	-
		31,25%	6,25%	-	12,5%	-
Псекупский мог-к	38	13	3	8	19	4
		34,2%	7,9%	21,1%	50%	10,5%
Уляп	169	128	31	50	-	16

		75,7%	18,3%	29,6%	-	9,5%
Келермесский мог-к	34	7	2	7	7	1
		20,6%	5,9%	20,6%	20,6%	2,9%
Ахтырский мог-к	14	4	1	7	-	-
		28,6%	7,1%	50%	-	-
Правобережье Кубани						
Пашковский могильник	8	1	3	3	-	-
		12,5%	37,5%	37,5%	-	-
Мог-к Старо- корсунского городища 2	46	10	18	26	4	28
		26,3%	47,4%	56,5%	8,7%	60,1%
Мог-к Старо- корсунского городища 3	5	-	4	2	-	-
		-	80%	40%	-	-
Хутор Ленина 2	8	1	3	2	2	4
		12,5%	37,5%	25%	25%	50%
Хутор Ленина 3	29	6	16	24	-	13
		20,7%	55,1%	82,7%	-	44,8%
Усть- Лабинский мо- гильник 2	11	-	5	3	9	2
		-	45,5%	27,3%	81,8%	18,2%
Кочевники						
Мог-к Кочипе	5	2	3	3	1	2
		40%	60%	60%	20%	40%
Мог-к у с Зе- ленки	4	1	3	-	-	-
		25%	75%	-	-	-
Погребение у с. Емчиха	1	-	-	-	-	-
		-	-	-	-	-
Кагарлык	3	2	-	-	-	2
		66,7%	-	-	-	66,7%
Колдыри	1	-	-	-	-	-
		-	-	-	-	-

Курган у с. Петровское	1	-	-	-	-	-
		-	-	-	-	-
Курган у с. Кремневка	1	-	-	-	-	-
		-	-	-	-	-
Курган у с. Приморское	1	1	-	-	-	-
		100%	-	-	-	-
Высочино	10	3	-	-	-	-
		30%	-	-	-	-
Курган у г. Никополя	2	-	-	-	-	-
		-	-	-	-	-
Погребение на окраине г. Константиновска	1	1	-	-	-	-
		100%	-	-	-	-
Погребение на окраине г. Ростов-на-Дону	1	1	-	1	-	-
		100%	-	100%	-	-
Погребение у с.Подгородное	1	-	-	-	-	-
		-	-	-	-	-
Литой Мельгуновский курган	1	-	-	-	-	-
		-	-	-	-	-
Курган №9 у с. Огородного	1	-	-	-	-	-
		-	-	-	-	-
Курган у станции Новокорсунской	2	1	-	-	-	-
		50%	-	-	-	-
Курганный могильник у х. Гавердовского	3	2	-	1	-	-
		66,7%	-	33,3%	-	-

СТРЕЛКОВОЕ ВООРУЖЕНИЕ В ЗАХОРОНЕНИЯХ

Название памятника	Всего захоронений	1-3 накопителей	Более 3х накопителей	Наличие колчана	Стрелы+ колчан (Лук /накладки от лука	<i>Отсутствует</i>
--------------------	-------------------	-----------------	----------------------	-----------------	------------------	-----------------------	--------------------

	ний в вы- борке	стрел	ков стрел	Кол-во/%			
Греческие некрополи, расположенные в зоне контактов с автохтонным населением							
Группа 1							
у м. Тузла	90	6	3	-	-	-	81
		6,7%	3,3%	-	-	-	90%
Группа 2							
Синдская Гавань	16	-	-	-	-	-	16
		-	-	-	-	-	100%
Группа 3							
Волна 1	156	12	5	-	-	-	139
		7,7%	3,2%	-	-	-	89,1%
Артющенко 2	79	4	6	1	-	-	68
		5,1%	7,6%	1,3%	-	-	86,1%
Автохтонное население							
Полуостров Абрау							
Красный курган	1	-	-	-	-	-	-
		-	-	-	-	-	-
ОПХ Анапа	30	3	1	-	-	-	26
		10%	3,3%	-	-	-	86,7%
Красная скала	4	-	-	-	-	-	4
		-	-	-	-	-	100%
Вестник	9	-	-	7	-	-	2
		-	-	77,8%	-	-	22,2%
У хут. Воскресен-ский	12	-	-	5	-	4	3
		-	-	41,7%	-	33,3%	25%
Рассвет	160	-	-	71	-	56	33
		-	-	44,3%	-	35%	20,7%
Владимировский могильник	193	-	-	92	-	88	13
		-	-	47,65%	-	45,6%	6,75
Ивушка	14			4		9	1
				28,5%		64,3%	7,1%

Лобанова щель	10	-	-	10	-	-	-
		-	-	100%	-	-	-
Родники 2	6	-	-	6	-	-	-
		-	-	100%	-	-	-
РОС, курган 3	4	-	-	3	-	-	1
		-	-	75%	-	-	25%
Цемдолина	11	-	-	8	-	-	3
		-	-	72,7%	-	-	22,3%
Большие хутора	11	-	-	-	-	-	-
		-	-	-	-	-	-
Шесхарис	23	-	-	11	-	2	10
		-	-	47,8%	-	8,7%	43,5%
Левобережье Кубани							
Абинский мог-к	32	-	-	-	-	-	32
		-	-	-	-	-	100%
Псекупский мог-к	38	-	-	-	-	-	38
		-	-	-	-	-	100%
Уляп	169	-	-	-	-	-	169
		-	-	-	-	-	100%
Келермесский мог-к	34	-	-	-	-	-	34
		-	-	-	-	-	100%
Ахтырский мог-к	14	-	-	-	-	-	14
		-	-	-	-	-	100%
Правобережье Кубани							
Пашковский мог-к	8	-	-	-	-	-	5
		-	-	-	-	-	100%
Мог-к Старокорсунского городища 2	46	4	-	-	-	-	42
		8,7%	-	-	-	-	91,3%
Мог-к Старокорсунского городища	5	-	-	-	-	-	8
		-	-	-	-	-	100%

3							
Хутор Ленина 2	8	1	1	-	-	-	6
		-	-	-	-	-	75%
Хутор Ленина 3	29	1	-	-	-	-	28
		3,5%	-	-	-	-	96,5%
Усть-Лабинский могильник 2	11	-	-	-	-	-	11
		-	-	-	-	-	100%
Кочевники							
Мог-к Кочипе	5	2	-	-	-	-	3
		40%	-	-	-	-	60%
Мог-к у с Зеленки	4						4
		-	-	-	-	-	100%
Погребение у с. Емчиха	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Кагарлык	3	1	-	-	-	-	2
		33,4%	-	-	-	-	66,6%
Колдыри	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Курган у с. Пет- ровское	1						1
							100%
Курган у с. Крем- невка	1						1
							100%
Курган у с. При- морское	1						1
		-	-	-	-	-	100%
Высочино	10	-	-	-	-	-	10
		-	-	-	-	-	100%
Курган у г. Нико- поля	2	1	-	-	-	-	1
		50%	-	-	-	-	50%
Погребение на окраине г. Кон- стантиновска	1	1	-	-	-	-	-
		100%	-	-	-	-	-

Погребение на окраине г. Ростова-на-Дону	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Погребение у с.Подгородное	1	1	-	-	-	-	
		100%	-	-	-	-	-
Литой Мельгуновский курган	1						1
							100%
Курган №9 у с. Огородного	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Курган у станицы Новокорсунской	2	-	-	-	-	-	2
		-	-	-	-	-	100%
Курганный могильник у х. Гавердовского	3	2	-	1	-	-	-
		66,7%	-	33,3%	-	-	-

ДРЕВКОВОЕ ВООРУЖЕНИЕ В ЗАХОРОНЕНИЯХ						
Название памятника	Всего захоронений в выборке	Копье	Несколько копий	Дротик	Копье и дротик	Отсутствует
		Кол-во/%				
Греческие некрополи в зоне контактов с автохтонным населением						
Группа 1						
у м. Тузла	90	4	1	-	-	85
		4,4%	1,1%	-	-	94,5%
Группа 2						
Синдская Гавань	16	2	-	-	-	14
		12,5%				87,5%
Группа 3						
Волна 1	156	15	4	-	1	136
		9,6%	2,6%	-	0,6%	87,2%
Артющенко 2	79	11	-	1	3	65
		13,9%	-	1,3%	3,8%	81%

Автохтонное население						
Полуостров Абрау						
Красный курган	1	-	1	-	-	1
		-	100%	-	-	100%
ОПХ Анапа	30	4	4	-	-	22
		13,3%	13,3%	-	-	73,4%
Красная скала	4	-	1	-	-	3
		-	25%	-	-	75%
Вестник	9	1	1	-	-	7
		11,1%	11,1%	-	-	77,8%
У хут. Воскресенский	12	-	-	-	-	12
		-	-	-	-	100%
Рассвет	160	10	4	-	-	146
		6,25%	2,5%	-	-	91,25%
Владимировский могильник	193	19	8	-	-	166
		9,8%	4,2%	-	-	86%
Ивушка	14	1	-	-	-	13
		7,1%	-	-	-	92,9%
Лобанова щель	10	2	4	-	-	4
		20%	40%	-	-	40%
Родники 2	6	2	1	-	-	3
		33,3	16,7%	-	-	50%
РОС, курган 3	4	1	-	-	-	1
		25%	-	-	-	75%
Цемдолина	11	-	-	-	-	11
		-	-	-	-	100%
Большие хутора	11	3	2		1	5
		27,3%	18,1%		9,1%	45,5%
Шесхарис	23	3	6	-	-	14
		13%	26,1%	-	-	60,9%
Левобережье Кубани						
Абинский мог-к	32	-	2	-	-	30

		-	6,25%	-	-	93,75%
Псекупский мог-к	38	8	2	1	-	29
		21,1%	5,3%	2,6%	-	71%
Уляп	169	8	2	-	-	159
		4,7%	1,2%	-	-	94,1%
Келермесский мог-к	34	4	-	-	-	30
		11,7%	-	-	-	88,3%
Ахтырский мог-к	14	1	-	1	-	12
		7,1%	-	7,1%	-	85,8%
Правобережье Кубани						
Пашковский мог-к	8	-	-	-	-	8
		-	-	-	-	100%
Мог-к Старокорсунского городища 2	46	3	5			38
		6,5%	10,9%			82,6%
Мог-к Старокорсунского городища 3	5	-	-	-	-	5
		-	-	-	-	100%
Хутор Ленина 2	8	-	1	-	-	7
		-	12,5%	-	-	87,5%
Хутор Ленина 3	29	3	-	-	-	26
		10,4%	-	-	-	89,6%
Усть-Лабинский могильник 2	11	-	-	-	-	11
		-	-	-	-	100%
Кочевники						
Мог-к Кочипе	5	2	1	-	-	2
		40%	20%	-	-	40%
Мог-к у с Зеленки	4	-	-	-	-	4
		-	-	-	-	100%
Погребение у с. Емчиха	1	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	100%
Кагарлык	3	-	-	-	-	3
		-	-	-	-	100%

Колдыри	1	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	100%
Курган у с. Петровское	1	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	100%
Курган у с. Кремневка	1	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	100%
Курган у с. Приморское	1	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	100%
Высочино	10	-	-	-	-	10
		-	-	-	-	100%
Курган у г. Никополья	2	-	-	-	-	2
		-	-	-	-	100%
Погребение на окраине г. Константиновска	1	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	100%
Погребение на окраине г. Ростова-Дону	1	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	100%
Погребение у с.Подгородное	1	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	100%
Литой Мельгуновский курган	1	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	100%
Курган №9 у с. Огородного	1	1	-	-	-	-
		100%	-	-	-	-
Курган у станции Новокорсунской	2	-	-	-	-	2
		-	-	-	-	100%
Курганный могильник у х. Гавердовского	3	-	-	-	-	3
		-	-	-	-	100%

КЛИНКОВОЕ ВООРУЖЕНИЕ В ЗАХОРОНЕНИЯХ							
Название памятника	Всего захоронений в выборке	Короткий меч	Длинный меч	Меч и кинжал (Топор	Меч и топор	Отсутствует
		Кол-во /%					
Греческие некрополи в зоне контактов с автохтонным населением							
Группа 1							
у м. Тузла	90	4	-	1	-	-	85
		4,4%	-	1,1%	-	-	94,5%
Группа 2							
Синдская Гавань	16	1	-	2	-		13
		6,25		12,5%			81,25%
Группа 3							
Волна 1	156	16	13	-	-	1	136
		10,3%	8,3%	-	-	0,6%	80,8%
Артющенко 2	79	9	-	4	-		66
		11,4%	-	5,1%	-		83,5%
Автохтонное население							
Полуостров Абрау							
Красный курган	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
ОПХ Анапа	30	1	-	-	3	-	26
		3,3%	-	-	10%	-	86,7%
Красная скала	4	1	-	-	-	-	3
		25%	-	-	-	-	75%

Вестник	9	3	-	-	-	6	
		33,3%	-	-	-	66,7%	
У хут. Воскресенский	12	1	-	1	-	10	
		8,3	-	8,3	-	83,4%	
Рассвет	160	9	2	-	-	151	
		5,6%	1,25%	-	-	93,25%	
Владимировский могильник	193	2	-	-	-	191	
		1%	-	-	-	99%	
Ивушка	14	1	-	-	-	12	
		7,1%	-	-	-	85,8%	
Лобанова щель	10	-	-	1	-	9	
		-	-	10%	-	90%	
Родники 2	6	-	-	-	-	6	
		-	-	-	-	100%	
РОС, курган 3	4	1	-	-	-	3	
		25%	-	-	-	75%	
Цемдолина	11	2	-	-	-	9	
		18,1%	-	-	-	81,9%	
Большие хутора	11	-	-	-	2	9	
		-	-	-	18,1%	81,9%	
Шесхарис	23	1	-	-	2	20	
		4,3%	-	-	8,7%	87%	
Левобережье Кубани							
Абинский мог-к	32	-	-	-	-	32	
		-	-	-	-	100%	
Псекупский мог-к	38	3	1	-	1	33	
		7,9%	2,6%	-	2,6%	86,9%	
Уляп	169	31	-	-	-	138	
		18,4%	-	-	-	86,4%	
Келермесский мог-к	34	-	-	-	5	29	
		-	-	-	14,7%	85,3%	
Ахтырский мог-	14	-	-	-	-	14	

к		-	-	-	-	-	100%
Правобережье Кубани							
Пашковский мог-к	8	-	-	-	-	-	8
		-	-	-	-	-	100%
Мог-к Старо- курсунского го- родища 2	46	4	1	2	-	-	39
		8,7%	2,2%	4,3%	-	-	84,8%
Мог-к Старо- курсунского го- родища 3	5	-	-	-	-	-	5
		-	-	-	-	-	100%
Хутор Ленина 2	8	3	-	1	-	-	4
		37,5%	-	12,5%	-	-	50%
Хутор Ленина 3	29	2	1	1			25
		6,9%	3,4%	3,4%			86,3%
Усть-Лабинский могильник 2	11	-	-	-	-	-	11
		-	-	-	-	-	100%
Кочевники							
Мог-к Кочипе	5	2	-	-	-	-	3
		40%	-	-	-	-	60%
Мог-к у с Зе- ленки	4	-	-	-	-	-	4
		-	-	-	-	-	100%
Погребение у с. Емчиха	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Кагарлык	3	-	-	-	-	-	3
		-	-	-	-	-	100%
Колдыри	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Курган у с. Пет- ровское	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Курган у с. Кремневка	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%

Курган у с. Приморское	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Высочино	10	-	-	-	-	-	10
		-	-	-	-	-	100%
Курган у г. Никополя	2	-	-	-	-	-	2
		-	-	-	-	-	100%
Погребение на окраине г. Константиновска	1	1	-	-	-	-	-
		100%	-	-	-	-	-
Погребение на окраине г. Ростов-на-Дону	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Погребение у с. Подгородное	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Литой Мельгуновский курган	1	1	-	-	-	-	-
		100%	-	-	-	-	-
Курган №9 у с. Огородного	1	-	-	-	-	-	1
		-	-	-	-	-	100%
Курган у станицы Новокорсунской	2	-	-	-	-	-	2
		-	-	-	-	-	100%
Курганный могильник у х. Гавердовского	3	-	-	-	-	-	3
		-	-	-	-	-	100%

Таблица №7

Особенности погребальных обрядов Азиатского Боспора VI - первой половины Vв. до н.э., связанные с полом и возрастом погребенных.

Захоронения младенцев						
Погребальные сооружения						
Название памятника	Всего захоронений	Грунтовые ямы различных форм (кол-во/ %)	Грунтовые ямы с заплечиками/ровиками (кол-во/ %)	Захоронения в тарных сосудах (кол-во/ %)	Сооружения из сырца (кол-во/ %)	Не установлено (кол-во/ %)
Фанагория	11	3 27,3%	–	6 54,5%	–	2 18,2%
Гермонасса	0	–	–	–	–	–
у м. Тузла	10	–	–	3 30%	–	7 70%
Кепы	10	–	–	9 90%	–	1 10%
Пересыпь	2	–	–	1 50%	–	1 50%
Синдская Гавань	4	1 25%	–	1 25%	–	2 50%
Волна 1	10	–	–	10 100%	–	–
Артющенко 2	9	3 33,35%	–	2 22,22%	2 22,22%	2 22,22%
Всего:	56	7 12,5%	–	32 57,1%	2 3,6%	15 26,8%

Количество погребенных в могиле					
Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Один</i>	<i>Два</i>	<i>Три</i>	<i>Более трех</i>
Фанагория	11	11 100%	–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–	–
у м. Тузла	10	10 100%	–	–	–
Кепы	10	10 93,75%	2	–	–
Пересыпь	2	2 100%	–	–	–
Синдская Гавань	4	3 75%	1	–	–
Волна 1	10	10 100%	–	–	–
Артющенко 2	9	7 77,8%	–	–	–
Всего:	56	55 98,2%	1 1,8%	–	–

Способ обращения с телом

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Ингумация</i>	<i>Кремация на месте (в яме)</i>	<i>Кремация на стороне (в урне)</i>
Фанагория	11	11	–	–
		100%	–	–
Гермонасса	0	–	–	–
		–	–	–
у м. Тузла	10	10	–	–
		100%	–	–
Кепы	10	10	–	–
		100%	–	–
Пересыпь	2	2	–	–
		100%	–	–
Синдская Гавань	4	4	–	–
		100%	–	–
Волна 1	10	10	–	–
		100%	–	–
Артющенко 2	9	9	–	–
		100%	–	–
Всего:	56	56	–	–
		100%	–	–

Количество сосудов в захоронении

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Один</i>	<i>Два</i>	<i>Три</i>	<i>Более трех</i>	<i>Отсутствуют</i>
Фанагория	11	3	–	–	–	8
		27,3%	–	–	–	72,7%
Гермонасса	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–

у м. Тузла	10	1	–	–	–	9
		10%	–	–	–	90%
Кепы	10	–	–	1	–	9
		–	–	10%	–	90%
Пересыпь	2	1	–	–	–	1
		50%	–	–	–	50%
Синдская Гавань	4	2	–	–	–	2
		50% ⁰	–	–	–	50%
Волна 1	10	–	–	–	–	10
		–	–	–	–	100%
Артющенко 2	9	6	1	–	–	2
		66,7%	11,1%	–	–	22,2%
Всего:	56				–	
		81,6%	15%		–	

Типы сосудов в захоронениях

Название памятника	Всего захоронений	горшки (кол-во/ %)	кувшины (кол-во/ %)	миски (кол-во/ %)	Сосуды для питья (кол-во/ %)	Мелкие глиняные/стеклянные сосуды (кол-во/ %)
Фанагория	11	–	–	–	–	3
		–	–	–	–	18,2%
Гермонасса	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	10	–	–	–	1	–
		–	–	–	10%	–
Кепы	10	–	1	1	1	–
		–	10%	10%	10%	–
Пересыпь	2	–	–	–	1	–

		–	–	–	50%	–
Синдская Гавань	4	-	1	–	1	1
		–	25%	–	25%	25%
Волна 1	10	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Артющенко 2	9	1	–	–	1	4
		11,1%	–	–	22,22%	44,4%
Всего:	56	1	2	1	5	8
		1,8%	3,6%	1,8%	9%	14,3%

«Орудия труда» в захоронении

Название памятника	Всего захоронен- ный	ножи (кол-во/ %)	пряслица (кол-во/ %)	иглы (кол-во/ %)	оселки (кол-во/ %)	Гвозди (кол-во/ %)
Фанагория	11	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	10	-	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кепы	10	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Пересыпь	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань	4	-	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	10	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Артющенко 2	9	–	–	1	–	–
		–	–	11,1%	–	–

Всего:	56	–		1	–	–
		–		1,8%	–	–

Набор украшений в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	бусы (кол-во/ %)	серьги (кол-во/ %)	Перстни/кольца (кол-во/ %)	браслеты (кол-во/ %)	«Особые» детали одежды (кол-во/ %)
Фанагория	11	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	10	1	–	–	–	–
		10%	–	–	–	–
Кепы	10	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Пересыпь	2	1	–	–	–	–
		50%	–	–	–	–
Синдская Гавань	4	1	–	–	–	–
		25%	–	–	–	–
Волна 1	10	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Артющенко 2	9	1	1	1	–	–
		11,1%	11,1%	11,1%	–	–
Всего:	56	4	1	1	–	–
		7,1%	1,8%	1,8%	–	–

Предметы ритуального назначения в погребении

Название памятника	Всего захоронений	Каури/створчатая раковина	Астрагалы	Одиночный наконечник стрелы
Фанагория	11	–	–	–
		–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–
		–	–	–
у м. Тузла	10	–	–	–
		–	–	–
Кепы	10	–	–	–
		–	–	–
Пересыпь	2	1	–	1
		50%	–	50%
Синдская Гавань	4	1	1	–
		25%	25%	–
Волна 1	10	–	–	–
		–	–	–
Артющенко 2	9	–	–	–
		–	–	–
Всего:	56	2	1	1
		3,6%	1,8%	1,8%

Захоронения детей

Погребальные сооружения

Название памятника	Всего захоронений	Грунтовые ямы различных форм (кол-во/ %)	Грунтовые ямы с заплечиками/ровиками	Захоронения в тарных сосудах (кол-во/ %)	Сооружения из сырца (кол-во/ %)	Не установлено (кол-во/ %)
--------------------	-------------------	--	--------------------------------------	--	---------------------------------	----------------------------

			(КОЛ-ВО/ %)			
Фанагория	2	1	1	–	–	–
		50%	50%	–	–	–
Гермонасса	2	–	–	–	–	2
		–	–	–	–	100%
у м. Тузла	5	2	–	–	–	3
		40%	–	–	–	60%
Кепы	3	2	–	–	–	1
		66,7%	–	–	–	33,3%
Пересыпь	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань	1	1	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–
Волна 1	10	3	1	–	–	6
		30%	10%	–	–	60%
Артющенко 2	5	3	–	–	1	1
		60%	–	–	20%	20%
Всего:	28	12	2	–	1	13
		42,9%	7,1%	–	3,6%	46,4%

Количество погребенных в могиле

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Один</i>	<i>Два</i>	<i>Три</i>	<i>Более трех</i>
Фанагория	2	2	–	–	–
		100%	–	–	–
Гермонасса	2	2	–	–	–
		100%	–	–	–
у м. Тузла	5	4	–	–	–
		80%	–	–	–

Кепы	3	3	–	–	–
		100%	–	–	–
Пересыпь	0	–	–	–	–
		–	–	–	–
Синдская Гавань	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
Волна 1	10	8	1	1	–
		80%	10%	10%	–
Артющенко 2	5	4	1	–	–
		80%	20%	–	–
Всего:	28	25	2	1	–
		89,3%	7,1%	3,6%	–

Способ обращения с телом

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Ингумация</i>	<i>Кремация на месте (в яме)</i>	<i>Кремация на стороне (в урне)</i>
Фанагория	2	2	–	–
		100%	–	–
Гермонасса	2	2	–	–
		100%	–	–
у м. Тузла	5	5	–	–
		100%	–	–
Кепы	3	3	–	–
		100%	–	–
Пересыпь	0	–	–	–
		–	–	–
Синдская Гавань	1	1	–	–

		100%	–	–
Волна 1	10	10	–	–
		100%	–	–
Артющенко 2	5	5	–	–
		100%	–	–
Всего:	28	28	–	–
		100%	–	–

Количество сосудов в захоронении

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Один</i>	<i>Два</i>	<i>Три</i>	<i>Более трех</i>	<i>Отсутствуют</i>
Фанагория	2	–	1	–	–	–
		–	50%	–	–	–
Гермонасса	2	1	1	–	–	–
		50%	50%	–	–	–
у м. Тузла	5	2	2	1	–	–
		40%	40%	20%	–	–
Кепы	3	–	2	1	–	–
		–	66,7%	33,3%	–	–
Пересыпь	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань	1	–	1	–	–	–
		–	100%	–	–	–
Волна 1	10	1	1	–	6	2
		10%	10%	–	60%	20%
Артющенко 2	5	2	2	1	–	–
		40%	40%	20%	–	–
Всего:	28	6	10	3	6	2
		21,4%	35,8%	10,7%	21,4%	7,1%

Типы сосудов в захоронениях

Название памятника	Всего захоронений	горшки (кол-во/ %)	кувшины (кол-во/ %)	миски (кол-во/ %)	Сосуды для питья (кол-во/ %)	Мелкие глиняные/стеклянные сосуды (кол-во/ %)
Фанагория	2	–	–	–	1	1
		–	–	–	50%	50%
Гермонасса	2	–	–	–	1	1
		–	–	–	50%	50%
у м. Тузла	5	–	1	–	2	3
		–	20%	–	40%	60%
Кепы	3	1	–	–	2	2
		33,3%	–	–	66,7%	66,7%
Пересыпь	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань	1	–	–	1	–	–
		–	–	100%	–	–
Волна 1	10	–	2	2	4	7
		–	20%	20%	40%	70%
Артющенко 2	5	–	2	2	1	2
		–	40%	40%	20%	40%
Всего:	28	1	7	5	11	16
		1,8%	25%	17,8%	39,3%	57,2%

«Орудия труда» в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	ножи (кол-во/ %)	пряслица (кол-во/ %)	иглы (кол-во/ %)	оселки (кол-во/ %)	Гвозди (кол-во/ %)
--------------------	-------------------	---------------------	-------------------------	---------------------	-----------------------	-----------------------

Фанагория	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	2	1	–	–	–	–
		50%	–	–	–	–
у м. Тузла	5	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кепы	3	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Пересыпь	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	10	1	1	2	–	–
		10%	10%	20%	–	–
Артющенко 2	5	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Всего:	28	2	1	2	–	–
		3,6%	1,8%	3,6%	–	–

Набор украшений в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	бусы (кол-во/ %)	серьги (кол-во/ %)	Перстни/кольца (кол-во/ %)	браслеты (кол-во/ %)	«Особые» детали одежды (кол-во/ %)
Фанагория	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	5	2	–	–	–	1
		40%	–	–	–	20%
Кепы	3	–	–	–	–	–

		–	–	–	–	–
Пересыпь	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	10	2	2	–	–	–
		20%	20%	–	–	–
Артющенко 2	5	1	–	1	–	–
		20%	–	20%	–	–
Всего:	28	5	2	1	–	1
		17,8%	3,6%	1,8%	–	1,8%

Предметы ритуального назначения в погребении

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Каури/створчатая раковина</i>	<i>Астрагалы</i>	<i>Одиночный наконечник стрелы</i>	<i>Зооморфные подвески</i>	<i>Курильницы</i>
Фанагория	2	–	–	–		
		–	–	–		
Гермонасса	2	–	–	–		
		–	–	–		
у м. Тузла	5	–	–	1		
		–	–	50%		
Кепы	3	–	–	–	1	
		–	–	–	33,3%	
Пересыпь	0	–	–	–		
		–	–	–		
Синдская Гавань	1	–	–	–		
		–	–	–		
Волна 1	10	1	1	–		
		10%	10%	–		

Артющенко 2	5	–	–	–		1
		–	–	–		20%
Всего:	28	1	1	1	1	1
		1,8%	1,8%	1,8%	1,8%	1,8%

Захоронения молодых людей (мужчины и женщины)

Погребальные сооружения

Название памятника	Всего захоронений	Грунтовые ямы различных форм (кол-во/ %)	Грунтовые ямы с заплечиками/ровиками (кол-во/ %)	Захоронения в тарных сосудах (кол-во/ %)	Сооружения из сырца (кол-во/ %)	Не установлено (кол-во/ %)
Фанагория	2	–	–	–	–	2
		–	–	–	–	100%
Гермонасса	1	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	100%
у м. Тузла	4	2	–	–	–	2
		50%	–	–	–	50%
Кепы	3	1	–	–	–	2
		33,3%	–	–	–	66,7%
Пересыпь	1	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	100%
Синдская Гавань	2	2	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–
Волна 1	36	16	1	–	–	19
		44,5%	2,8%	–	–	52,7%
Артющенко 2	17	8	–	–	6	3
		47%	–	–	35,3%	17,6%
Всего:	66	29	1	–	6	30

		43,8%	1,8%	–	9,1%	45,3%
--	--	-------	------	---	------	-------

Количество погребенных в могиле

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Один</i>	<i>Два</i>	<i>Три</i>	<i>Более трех</i>
Фанагория	2	2 100%	–	–	–
Гермонасса	1	1 100%	–	–	–
у м. Тузла	4	4 100%	–	–	–
Кепы	3	2 66,7%	1 33,3%	–	–
Пересыпь	1	1 100%	–	–	–
Синдская Гавань	2	2 100%	–	–	–
Волна 1	36	22 61,7%	14 38,3%	–	–
Артющенко 2	17	13 76,5%	4 23,5%	–	–
Всего:	66	50 75,8%	16 24,2%	–	–

Способ обращения с телом

Название памятника	<i>Всего</i>	<i>Ингумация</i>	<i>Кремация на месте (в яме)</i>	<i>Кремация на стороне (в урне)</i>
--------------------	--------------	------------------	----------------------------------	-------------------------------------

	<i>захоронений</i>			
Фанагория	2	2	–	–
		100%	–	–
Гермонасса	1	1	–	–
		100%	–	–
у м. Тузла	4	4	–	–
		100%	–	–
Кепы	3	3	–	–
		100%	–	–
Пересыпь	1	1	–	–
		100%	–	–
Синдская Гавань	2	2	–	–
		100%	–	–
Волна 1	36	36	–	–
		100%	–	–
Артющенко 2	17	16	1	–
		94,1%	5,9%	–
Всего:	66	65	1	–
		98,5%	1,5%	–

Количество сосудов в захоронении

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Один</i>	<i>Два</i>	<i>Три</i>	<i>Более трех</i>	<i>Отсутствуют</i>
Фанагория	2	–	–	1	1	–
		–	–	50%	50%	–
Гермонасса	1	–	1	–	–	–
		–	100%	–	–	–
у м. Тузла	4	1	1	–	1	1
		25%	25%	–	25%	25%
Кепы	3	1	2	–	–	–

		33,3%	66,7%	–	–	–
Пересыпь	1	–	1	–	–	–
		–	100%	–	–	–
Синдская Гавань	2	–	1	1	–	–
		–	50%	50%	–	–
Волна 1	36	4	5	8	13	6
		11,1%	13,9%	22,3%	36,1%	16,7%
Артющенко 2	17	3	7	1	5	1
		17,6%	41,2%	5,9%	29,4%	5,9%
Всего:	66	9	18	11	20	8
		13,6%	27,3%	16,7%	30,3%	12,1%

Типы сосудов в захоронениях

Название памятника	Всего захоронений	горшки (кол-во/ %)	кувшины (кол-во/ %)	миски (кол-во/ %)	Сосуды для питья (кол-во/ %)	Мелкие глиняные/стеклянные сосуды (кол-во/ %)
Фанагория	2	–	–	–	1	1
		–	–	–	50%	50%
Гермонасса	1	–	–	–	1	1
		–	–	–	100%	100%
у м. Тузла	4	–	1	–	3	3
		–	25%	–	75%	60%
Кепы	3	–	2	–	2	2
		–	66,7%	–	66,7%	66,7%
Пересыпь	1	–	1	–	–	1
		–	100%	–	–	100%
Синдская Гавань	2	–	–	–	1	1
		–	–	–	50%	50%

Волна 1	36	–	20	9	15	10
		–	55,6%	25%	41,7%	27,8%
Артющенко 2	17	–	14	10	7	10
		–	82,35%	58,8%	%	58,8%
Всего:	66	–	38	19	30	16
		–	57,6%	28,8%	45,5%	24,2%

«Орудия труда» в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	ножи (кол-во/ %)	пряслица (кол-во/ %)	иглы (кол-во/ %)	оселки (кол-во/ %)	Гвозди (кол-во/ %)
Фанагория	2	–	1	–	–	–
		–	50%	–	–	–
Гермонасса	1	1	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–
у м. Тузла	4	–	1	–	–	–
		–	25%	–	–	–
Кепы	3	1	1	–	–	–
		33,3%	33,3%	–	–	–
Пересыпь	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань	2	1	–	–	–	–
		50%	–	–	–	–
Волна 1	36	5	3	5	–	–
		13,9%	8,4%	13,9%	–	–
Артющенко о 2	17	3	7	5	3	1
		17,6%	41,2%	29,4%	17,6%	5,9%
Всего:	66	11	13	10	3	1
		3,6%	19,7%	15,5%	4,5%	1,5%

Набор украшений в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	бусы (кол-во/ %)	серьги (кол-во/ %)	Перстни/кольца (кол-во/ %)	браслеты (кол-во/ %)	«Особые» детали одежды (кол-во/ %)
Фанагория	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	1	–	1	–	–	–
		–	100%	–	–	–
у м. Тузла	4	1	–	1	–	–
		25%	–	25%	–	–
Кепы	3	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Пересыпь	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань	2	1	–	–	–	–
		50%	–	–	–	–
Волна 1	36	6	4	3	1	–
		16,7%	11,1%	8,3%	2,8%	–
Артющенко 2	17	6	3	3	–	–
		35,3%	17,6%	17,6%	–	–
Всего:	66	14	8	7	1	
		21,2%	12,1%	10,6%	1,5%	

Предметы ритуального назначения в погребении						
Название памятника	Всего захоронений	Каури/створчатая раковина	Астрагалы	Одиночный наконечник стрелы	Зооморфные подвески	Курильницы

Фанагория	2	–	–	–		
		–	–	–		
Гермонасса	1	–	–	–		
		–	–	–		
у м. Тузла	4	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кепы	3	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Пересыпь	1	1	–	–		
		100%	–	–		
Синдская Гавань	2	1	–	–		
		50%	–	–		
Волна 1	36	1	–	–	–	–
		2,8%	–	–	–	–
Артющенко 2	17	1	–	–		–
		5,9%	–	–		–
Всего:	66	4	–	–	–	–
		6%	–	–	–	–

Захоронения молодых людей (мужчины)

Погребальные сооружения

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Грунтовые ямы различных форм (кол-во/ %)</i>	<i>Грунтовые ямы с заплечиками/ровиками (кол-во/ %)</i>	<i>Захоронения в тарных сосудах (кол-во/ %)</i>	<i>Сооружения из сырца (кол-во/ %)</i>	<i>Не установлено (кол-во/ %)</i>
Фанагория	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–

Гермонасса	0	–	–	–	–	–
у м. Тузла	0	–	–	–	–	–
Кепы	1	1	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–
Пересыпь	0	–	–	–	–	–
Синдская Гавань	1	1	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–
Волна 1	7	2	–	–	3	2
		28,6%	–	–	42,8%	28,6%
Артющенк о 2	7	1	–	–	4	2
		14,3%	–	–	%	28,6%
Всего:	16	5	–	–	7	4
		31,25%	–	–	43,75%	%

Количество погребенных в могиле

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Один</i>	<i>Два</i>	<i>Три</i>	<i>Более трех</i>
Фанагория	0	–	–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–	–
у м. Тузла	0	–	–	–	–
Кепы	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
Пересыпь	0	–	–	–	–

		–	–	–	–
Синдская Гавань	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
Волна 1	7	4	3	–	–
		57,1%	42,9%	–	–
Артющенко 2	7	5	2	–	–
		71,4%	28,6%	–	–
Всего:	16	11	5	–	–
		68,75	31,25	–	–

Способ обращения с телом				
Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Ингумация</i>	<i>Кремация на месте (в яме)</i>	<i>Кремация на стороне (в урне)</i>
Фанагория	0	–	–	–
		–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–
		–	–	–
у м. Тузла	0	–	–	–
		–	–	–
Кепы	1	1	–	–
		100%	–	–
Пересыпь	0	–	–	–
		–	–	–
Синдская Гавань	1	1	–	–
		100%	–	–
Волна 1	7	7	–	–
		100%	–	–

Артющенко 2	7	7	–	–
		100%	–	–
Всего:	16	16	–	–
		100%	–	–

Количество сосудов в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	Один	Два	Три	Более трех	Отсутствуют
Фанагория	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кепы	1	–	1	–	–	–
		–	100%	–	–	–
Пересыпь	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань	1	–	–	1	–	–
		–	–	100%	–	–
Волна 1	7	–	–	1	4	2
		–	–	14,3%	57,1%	28,6%
Артющенко 2	7	1	3	2	1	–
		14,3%	42,9%	28,6%	29,4%	–
Всего:	16	1	4	4	5	2
		6,25%	25%	25%	31,25%	12,5%

Типы сосудов в захоронениях

Название памятника	Всего захоронений	горшки (кол-во/ %)	кувшины (кол-во/ %)	миски (кол-во/ %)	Сосуды для питья (кол-во/ %)	Мелкие глиняные/стеклянные сосуды (кол-во/ %)
Фанагория	0	–	–	–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–	–	–
у м. Тузла	0	–	–	–	–	–
Кепы	1	–	1	–	–	1
		–	100%	–	–	100%
Пересыпь	0	–	–	–	–	–
Синдская Гавань	1	–	1	–	1	1
		–	100%	–	100%	100%
Волна 1	7	–	6	4	4	3
		–	85,7%	57,1%	57,1%	42,9%
Артющенк о 2	7	–	7	2	3	4
		–	100%	28,6%	42,9%	57,1%
Всего:	16	–	15	6	8	9
		–	93,75%	37,5%	50%	56,25%

Наступательное вооружение в погребении

Название памятника	Всего захоронений	1-3 наконечников стрел	Более 3х наконечников стрел	копье (кол-во/ %)	Несколько копий	Дротик	Короткий меч/кинжал (кол-во/ %)	Длинный меч (кол-во/ %)
--------------------	-------------------	------------------------	-----------------------------	----------------------	-----------------	--------	------------------------------------	----------------------------

		(КОЛ-ВО/ %)	(КОЛ-ВО/ %)					
Фанагория	0	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
у м. Тузла	0	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Кепы	1	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Пересыпь	0	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Синдская Гавань	1	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Волна 1	7	2	–	1	–	–	3	1
		28,6%	–	14,3%	–	–	42,9%	14,3%
Артющенк о 2	7	–	4	3	1	1	4	1
		–	57,1%	42,9%	14,3%	14,3%	57,1%	14,3%
Всего:	16	2	4	4	1	1	7	2
		12,5%	25%	25%	6,25	6,25	43,75	12,5%

«Орудия труда» в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	ножи (кол-во/ %)	пряслица (кол-во/ %)	иглы (кол-во/ %)	оселки (кол-во/ %)	Гвозди (кол-во/ %)
Фанагория	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	0	–	–	–	–	–

		–	–	–	–	–
Кепы	1	–	1	–	–	–
		–	100%	–	–	–
Пересыпь	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань	1	1	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–
Волна 1	7	1	3	1	–	–
		14,3%	42,9%	14,3%	–	–
Артющен ко 2	7	3	–	1	1	1
		28,6%	–	14,3%	14,3%	14,3%
Всего:	16	5	4	1	1	1
		31,25%	25%	6,5%	6,5%	6,5%

Набор украшений в захоронении

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>бусы</i> (кол-во/ %)	<i>серьги</i> (кол-во/ %)	<i>Перстни/кольца</i> (кол-во/ %)	<i>браслеты</i> (кол-во/ %)	<i>«Особые» детали одежды</i> (кол-во/ %)
Фанагория	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кепы	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Пересыпь	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–

Волна 1	7	1	–	2	–	–
		14,3%	–	28,6%	–	–
Артющенко 2	7	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Всего:	16	1	–	2	–	–
		6,5%	–	12,5%	–	–

Предметы ритуального назначения в погребении						
Название памятника	Всего захоронений	Каури/творчатая раковина	Астрагалы	Одиночный наконечник стрелы	Зооморфные подвески	Курильницы
Фанагория	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кепы	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Пересыпь	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань	1	1	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–
Волна 1	7	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Артющенко 2	7	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Всего:	16	1	–	–	–	–
		6,5%	–	–	–	–

Захоронения молодых людей (женщины)

Погребальные сооружения

Название памятника	Всего захоронений	Грунтовые ямы различных форм (кол-во/ %)	Грунтовые ямы с заплечиками/ровиками (кол-во/ %)	Захоронения в тарных сосудах (кол-во/ %)	Сооружения из сырца (кол-во/ %)	Не установлено (кол-во/ %)
Фанагория	1	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	100%
Гермонасса	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	2	1	–	–	–	1
		50%	–	–	–	50%
Кепы	2	2	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–
Пересыпь	1	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	100%
Синдская Гавань	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	10	1	–	–	2	7
		10%	–	–	20%	70%
Артющенко 2	10	7	–	–	2	1
		70%	–	–	20%	10%
Всего:	26	11	–	–	4	11
		42,3%	–	–	15,4%	42,3%

Количество погребенных в могиле

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Один</i>	<i>Два</i>	<i>Три</i>	<i>Более трех</i>
Фанагория	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–	–
		–	–	–	–
у м. Тузла	2	2	–	–	–
		100%	–	–	–
Кепы	2	1	1	–	–
		100%	100%	–	–
Пересыпь	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
Синдская Гавань	0	–	–	–	–
		–	–	–	–
Волна 1	10	7	3	–	–
		70%	30%	–	–
Артющенко 2	10	8	2	–	–
		80%	20%	–	–
Всего:	26	20	6	–	–
		76,9%	23,1%	–	–

Способ обращения с телом				
Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Ингумация</i>	<i>Кремация на месте (в яме)</i>	<i>Кремация на стороне (в урне)</i>
Фанагория	1	1	–	–
		100%	–	–
Гермонасса	0	–	–	–
		–	–	–
у м. Тузла	2	2	–	–
		100%	–	–

Кепы	2	2	–	–
		100%	–	–
Пересыпь	1	1	–	–
		100%	–	–
Синдская Гавань	0	–	–	–
		–	–	–
Волна 1	10	10	–	–
		100%	–	–
Артющенко 2	10	9	1	–
		90%	10%	–
Всего:	26	25	1	–
		96,1%	3,9%	–

Количество сосудов в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	Один	Два	Три	Более трех	Отсутствуют
Фанагория	1	–	–	–	1	–
		–	–	–	100%	–
Гермонасса	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	2	–	–	–	1	1
		–	–	–	50%	50%
Кепы	2	–	2	–	–	–
		–	100%	–	–	–
Пересыпь	1	–	1	–	–	–
		–	100%	–	–	–
Синдская Гавань	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	10	2	–	1	7	–

		20%	–	10%	70%	–
Артющенко 2	10	2	2	1	4	1
		20%	20%	10%	40%	10%
Всего:	26	4	5	2	13	2
		15,4%	19,2%	7,7%	50%	7,7%

Типы сосудов в захоронениях

Название памятника	Всего захоронений	горшки (кол-во/ %)	кувшины (кол-во/ %)	миски (кол-во/ %)	Сосуды для питья (кол-во/ %)	Мелкие глиняные/стеклянные сосуды (кол-во/ %)
Фанагория	1	–	–	–	1	1
		–	–	–	100%	100%
Гермонасса	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	2	–	–	–	2	1
		–	–	–	100%	50%
Кепы	2	–	1	–	2	–
		–	50%	–	100%	–
Пересыпь	1	–	1	1	1	–
		–	100%	100%	100%	–
Синдская Гавань	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	10	–	5	4	7	5
		–	50%	40%	70%	50%
Артющенко 2	10	–	7	5	2	3
		–	70%	50%	20%	30%
Всего:	26	–	14	10	15	10
		–	53,8%	38,5%	57,7%	38,5%

«Орудия труда» в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	ножи (кол-во/ %)	пряслица (кол-во/ %)	иглы (кол-во/ %)	оселки (кол-во/ %)	Гвозди (кол-во/ %)
Фанагория	1	–	1	–	–	–
		–	100%	–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	2	–	1	–	–	–
		–	50%	–	–	–
Кепы	2	1	–	–	–	–
		50%	–	–	–	–
Пересыпь	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	10	–	1	1	1	–
		–	10%	10%	10%	–
Артющенко 2	10	1	4	4	–	–
		10%	40%	40%	–	–
Всего:	26	2	7	5	1	–
		7,7%	27%	19,2%	3,9%	–

Набор украшений в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	бусы (кол-во/ %)	серьги (кол-во/ %)	Перстни/кольца (кол-во/ %)	браслеты (кол-во/ %)	«Особые» детали одежды (кол-во/ %)
Фанагория	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–

Гермонасса	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	2	1	–	1	–	–
		50%	–	100%	–	–
Кепы	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Пересыпь	1	–	1	1	–	–
		–	100%	100%	–	–
Синдская Гавань	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	10	4	3	–	1	–
		40%	30%	–	10%	–
Артющенко 2	10	6	4	4	4	–
		60%	40%	40%	40%	–
Всего:	26	11	8	6	5	–
		42,3%	30,8%	23,1%	19,2%	–

Предметы ритуального назначения в погребении

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Каури/творчатая раковина</i>	<i>Астрагалы</i>	<i>Одиночный наконечник стрелы</i>	<i>Зооморфные подвески</i>	<i>Курильницы</i>
Фанагория	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кепы	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Пересыпь	1	1	–	–	–	–

		100%	–	–		
Синдская Гавань	0	–	–	–		
		–	–	–		
Волна 1	10	1	–	–	–	–
		10%	–	–	–	–
Артющенко 2	10	1	–	–		–
		10%	–			–
Всего:	26	3	–	–	–	–
		11,5%	–	–	–	–

Захоронения зрелых людей (мужчины и женщины)

Погребальные сооружения

Название памятника	Всего захоронений	Грунтовые ямы различных форм (кол-во/ %)	Грунтовые ямы с заплечиками/ровиками (кол-во/ %)	Захоронения в тарных сосудах (кол-во/ %)	Каменные ящики	Сооружения из сырца (кол-во/ %)	Не установлено (кол-во/ %)
Фанагория	14	12	2	–		–	–
		85,7%	14,3%	–		–	–
Гермонасса	3	1	–	–		2	–
		33,3%	–	–		66,7%	–
у м. Тузла	34	16	1	–		–	17
		47%	3%	–		–	50%
Кепы	8	5	–	–		–	3
		62,5%	–	–		–	37,5%
Пересыпь	3	–	–	–	–	–	3
		–	–	–	–	–	100%
	8	3	–	1	4	–	–

Синдская Гавань		42,9%	–	–	57,1%	–	–
Волна 1	134	42	6	–		18	68
		31,4%	4,5%	–		13,4%	52,7%
Артющенко 2	13	4	–	–		3	6
		30,7%	–	–		23,1%	46,2%
Всего:	225	92	9	–	4	23	96
		40,9%	4%	0,5%	1,8%	10,2%	42,6%

Количество погребенных в могиле					
Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Один</i>	<i>Два</i>	<i>Три</i>	<i>Более трех</i>
Фанагория	14	12	2	–	–
		85,7%	9,9%	–	–
Гермонасса	3	3	–	–	–
		100%	–	–	–
у м. Тузла	34	31	–	–	3
		91,2%	–	–	8,8%
Кепы	8	7	1	–	–
		87,5%	12,5%	–	–
Пересыпь	3	2	1	–	–
		66,7%	33,3%	–	–
Синдская Гавань	8	5	3	–	–
		62,5%	37,5%	–	–
Волна 1	134	115	16	2	1
		85,9%	11,9%	1,5%	0,7%
Артющенко 2	13	9	4	–	–
		69,2%	30,8%	–	–
Всего:	225	192	27	2	4
		85,3%	12%	0,9%	1,8%

Способ обращения с телом				
Название памятника	Всего захоронений	Ингумация	Кремация на месте (в яме)	Кремация на стороне (в урне)
Фанагория	14	22	–	–
		100%	–	–
Гермонасса	3	3	–	–
		100%	–	–
у м. Тузла	34	33	1	–
		100%	–	–
Кепы	8	2	–	–
		100%	–	–
Пересыпь	3	1	–	–
		100%	–	–
Синдская Гавань	8	7	1	–
		87,5%	12,5%	–
Волна 1	134	134	–	–
		100%	–	–
Артющенко 2	13	13	–	–
		90%	–	–
Всего:	225	223	2	–
		99,1%	0,9%	–

Количество сосудов в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	Один	Два	Три	Более трех	Отсутствуют
Фанагория	14	3	9	9	–	1
		13,3%	40,1%	40,1%	–	4,5%

Гермонасса	3	–	2	1	–	–
		–	66,7%	33,3%	–	–
у м. Тузла	34	4	3	12	7	8
		11,8%	8,8%	35,3%	20,6%	23,5%
Кепы	8	–	2	2	3	1
		–	25%	25%	37,5%	12,5%
Пересыпь	3	–	1	1	–	1
		–	33,3%	33,3%	–	33,3%
Синдская Гавань	8	–	4	2	–	2
		–	50%	25%	–	25%
Волна 1	134	12	13	14	32	63
		9%	9,7%	10,4%	23,9%	47%
Артющенко 2	13	–	1	3	6	3
		–	7,6%	23,1%	46,2%	23,1%
Всего:	225	19	35	44	48	79
		8,4%	15,5%	19,5%	21,3%	35,1%

Типы сосудов в захоронениях

Название памятника	Всего захоронений	горшки (кол-во/ %)	кувшины (кол-во/ %)	миски (кол-во/ %)	Сосуды для питья (кол-во/ %)	Крупные тарные сосуды (кол-во/ %)	Мелкие глиняные/стеклянные сосуды (кол-во/ %)
Фанагория	14	–	2	5	8	5	13
		–	9,9%	22,7%	36,3%	22,7%	59,1%
Гермонасса	3	–	2	1	2	–	3
		–	66,7%	33,3%	66,7%	–	100%
у м. Тузла	34	1	10	2	19	9	14
		2,9%	29,4%	5,8%	55,9%	26,5%	4,1%
Кепы	8	–	1	–	2	–	1

		–	50%	–	100%	–	33,3%
Пересыпь	3	–	–	1	1	–	2
		–	–	33,3%	33,3%	–	66,7%
Синдская Гавань	8	2	3	3	3	1	1
		25%	37,5%	37,5%	37,5%	12,5%	12,5%
Волна 1	134	1	51	41	40	15	66
		0,7%	38%	30,6%	29,9%	11,2%	49,25%
Артющенко 2	13	–	8	6	4	2	8
		–	61,5%	46,2%	30,8%	15,4%	61,5%
Всего:	225	4	77	59	79	32	108
		1,8%	34,2%	26,2%	35,1%	14,2%	48%

Наступательное вооружение в погребении

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>1-3 наконечников стрел (кол-во/ %)</i>	<i>Более 3х наконечников стрел (кол-во/ %)</i>	<i>копье (кол-во/ %)</i>	<i>Несколько копий</i>	<i>Дротик</i>	<i>Короткий меч/кинжал (кол-во/ %)</i>	<i>Длинный меч (кол-во/ %)</i>
Фанагория	0	–	–	–	–	–	–	–
Гермонасса	0	–	–	–	–	–	–	–
у м. Тузла	0	–	–	–	–	–	–	–
Кепы	1	–	–	–	–	–	–	–
Пересыпь	0	–	–	–	–	–	–	–
Синдская Гавань	1	–	–	–	–	–	–	–

		–	–	–	–	–	–	–
Волна 1	7	2	–	1	–	–	3	1
		28,6%	–	14,3%	–	–	42,9%	14,3%
Артющенко 2	7	–	4	3	1	1	4	1
		–	57,1%	42,9%	14,3%	14,3%	57,1%	14,3%
Всего:	16	2	4	4	1	1	7	2
		12,5%	25%	25%	6,25	6,25	43,75	12,5%

Орудия труда» в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	ножи (кол-во/ %)	пряслица (кол-во/ %)	иглы (кол-во/ %)	оселки (кол-во/ %)	Гвозди (кол-во/ %)
Фанагория	14	4	2	4	2	–
		18,2%	9,9%	18,2%	9,9%	–
Гермонасса	3	1	–	–	–	–
		33,3%	–	–	–	–
у м. Тузла	34	2	2	1	–	–
		5,9%	5,9%	2,9%	–	–
Кепы	8	1	–	–	–	–
		50%	–	–	–	–
Пересыпь	3	–	1	1	–	–
		–	33,3%	33,3%	–	–
Синдская Гавань	8	–	–	1	–	–
		–	–	12,5%	–	–
Волна 1	134	10	6	5	1	1
		7,4%	4,5%	3,7%	0,7%	0,7%
Артющенко 2	13	3	6	3	–	–
		23,1%	46,2%	23,1%	–	–
Всего:	225	21	17	15	3	1
		9,3%	7,5%	6,7%	1,3%	0,45%

Набор украшений в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	бусы (кол-во/ %)	серьги (кол-во/ %)	Перстни/кольца (кол-во/ %)	браслеты (кол-во/ %)	«Особые» детали одежды (кол-во/ %)
Фанагория	14	1	1	1	–	–
		7,1%	7,1%	7,1%	–	–
Гермонасса	3	–	–	1	–	–
		–	–	33,3%	–	–
у м. Тузла	34	1	–	2	–	2
		2,9%	–	5,9%	–	5,9%
Кепы	8	1	–	–	1	1
		12,5%	–	–	12,5%	12,5%
Пересыпь	3	–	–	3	1	1
		–	–	100%	33,3%	33,3%
Синдская Гавань	8	–	–	2	1	–
		–	–	25%	12,5%	–
Волна 1	134	4	8	5	3	1
		3%	6%	3,7%	2,2%	0,7%
Артющенко 2	13	3	1	3	–	1
		23,1%	7,7%	23,1%	–	7,7%
Всего:	225	10	10	17	6	6
		4,4%	4,4%	7,6%	2,7%	2,7%

Предметы ритуального назначения в погребении

Название памятника	Всего захоронений	Каури/творчатая раковина	Астрагалы	Одиночный наконечник стрелы	Зооморфные подвески	Курильницы
--------------------	-------------------	--------------------------	-----------	-----------------------------	---------------------	------------

Фанагория	14	–	1	–	–	–
		–	7,1%	–	–	–
Гермонасса	3	–	–	1	–	–
		–	–	33,3%	–	–
у м. Тузла	34	2	–	–	1	–
		5,9%	–	–	2,9%	–
Кепы	8	–	–	1	–	–
		–	–	12,5%	–	–
Пересыпь	3	1	–	–	–	–
		33,3%	–	–	–	–
Синдская Гавань	8	1	2	–	–	–
		12,5%	25%	–	–	–
Волна 1	134	4	3	7	–	1
		3%	2,2%	5,2%	–	0,7%
Артющенко 2	13	3	–	4	–	–
		23,1%	–	30,7%	–	–
Всего:	225	11	6	13	1	1
		4,9%	2,7%	5,8%	0,4%	0,4%

Захоронения зрелых людей (мужчины)

Погребальные сооружения

Название памятника	Всего захоронений	Грунтовые ямы различных форм (кол-во/ %)	Грунтовые ямы с заплечиками/ровиками (кол-во/ %)	Захоронения в тарных сосудах (кол-во/ %)	Каменные ящики	Сооружения из сырца (кол-во/ %)	Не установлено (кол-во/ %)
Фанагория	6	2	2	–	–	–	2
		33,33%	33,33%	–	–	–	33,33%

Гермонасса	2	1	–	–	–	1	–
		50%	–	–	–	50%	–
у м. Тузла	11	9	1	–	–	–	1
		81,8%	9,1%	–	–	–	9,1%
Кепы	5	3	–	–	–	–	2
		60%	–	–	–	–	40%
Пересыпь	2	–	–	–	–	–	2
		–	–	–	–	–	100%
Синдская Гавань	3	2	–	–	1	–	–
		66,7%	–	–	33,3%	–	–
Волна 1	66	29	3	–	–	9	25
		43,9%	4,5%	–	–	13,6%	38%
Артющенко 2	10	7	–	–	–	2	1
		70%	–	–	–	20%	10%
Всего:	105	53	6	–	1	12	33
		50,5%	5,7%	–	0,9%	11,4%	31,5%

Количество погребенных в могиле

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Один</i>	<i>Два</i>	<i>Три</i>	<i>Более трех</i>
Фанагория	6	6	–	–	–
		100%	–	–	–
Гермонасса	2	2	–	–	–
		100%	–	–	–
у м. Тузла	11	11	–	–	–
		100%	–	–	–
Кепы	5	4	1	–	–
		80%	20%	–	–
Пересыпь	2	1	1	–	–
		50%	50%	–	–

Синдская Гавань	3	2	1	–	–
		66,7%	33,3%	–	–
Волна 1	66	54	12	–	–
		81,8%	18,2%	–	–
Артющенко 2	10	5	4	1	–
		50%	40%	10%	–
Всего:	105	85	19	1	
		80,95%	18,1%	0,95%	

Способ обращения с телом				
Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Ингумация</i>	<i>Кремация на месте (в яме)</i>	<i>Кремация на стороне (в урне)</i>
Фанагория	6	6	–	–
		100%	–	–
Гермонасса	2	2	–	–
		100%	–	–
у м. Тузла	11	11	–	–
			–	–
Кепы	5	5	–	–
		100%	–	–
Пересыпь	2	2	–	–
		100%	–	–
Синдская Гавань	3	3	–	–
		100%	–	–
Волна 1	66	66	–	–
		100%	–	–
Артющенко 2	10	10	–	–
		100%	–	–
Всего:	105	105	–	–

		100%	–	–
--	--	------	---	---

Количество сосудов в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	Один	Два	Три	Более трех	Отсутствуют
Фанагория	6	1	1	1	3	–
		16,7%	16,7%	16,7%	50%	–
Гермонасса	2	–	1	–	1	–
		–	50%	–	50%	–
у м. Тузла	11	1	1	6	3	–
		9,1%	9,1%	54,5%	27,3%	–
Кепы	5	2	1	–	2	–
		40%	20%	–	40%	–
Пересыпь	2	–	–	–	–	2
		–	–	–	–	100%
Синдская Гавань	3	–	1	1	–	1
		–	33,33%	33,33%	–	33,33%
Волна 1	66	6	9	6	19	26
		9,1%	13,6%	9,1%	28,8%	39,4%
Артющенко 2	10	–	1	2	5	2
		–	10%	20%	50%	20%
Всего:	105	10	15	16	33	31
		9,5%	14,3%	15,2%	31,4%	29,5%

Типы сосудов в захоронениях							
Название памятника	Всего захоронений	горшки (кол-во/ %)	кувшины (кол-во/ %)	миски (кол-во/ %)	Сосуды для питья (кол-во/ %)	Крупные тарные	Мелкие глиняные/стеклянные сосуды (кол-во/ %)

						<i>сосуды (кол-во/ %)</i>	
Фанагория	6	–	–	3	4	2	4
		–	–	50%	66,7%	33,4%	66,7%
Гермонасса	2	–	–	1	2	–	2
		–	–	50%	100%	–	100%
у м. Тузла	11	–	3	1	10	2	5
		–	27,3%	9,1%	90,1%	18,2%	45,5%
Кепы	5		3	2	4	1	1
			60%	40%	80%	20%	20%
Пересыпь	2	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–
Синдская Гавань	3	1	1	1	1	–	–
		33,3%	33,3%	33,3%	33,3%	–	–
Волна 1	66	1	30	25	26	9	17
		1,5%	45,5%	37,9%	39,4%	13,6%	25,75
Артющенко 2	10	1	7	6	4	2	9
		10%	70%	60%	40%	20%	90%
Всего:	105	3	44	39	51	16	38
		2,85%	41,9%	37,1%	48,5%	15,2%	36,2%

Наступательное вооружение в погребении

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>1-3 наконечников стрел (кол-во/ %)</i>	<i>Более 3х наконечников стрел (кол-во/ %)</i>	<i>копье (кол-во/ %)</i>	<i>Несколько копий</i>	<i>Дротик</i>	<i>Короткий меч/кинжал (кол-во/ %)</i>	<i>Длинный меч (кол-во/ %)</i>
Фанагория	6	–	1	4	–	–	6	–
		–	16,7%	66,7%	–	–	100%	–
Гермонасса	2	1	–	–	–	–	–	1
		50%	–	–	–	–	–	50%

у м. Тузла	11	4	1	3	1	–	6	1
		36,4%	9,1%	27,3%	9,1%	–	54,5%	9,1%
Кепы	5	1	1	3	–	–	–	1
		20%	20%	60%	–	–	–	20%
Пересыпь	2	–	–	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	–	–	50%
Синдская Гавань	3	–	–	1	–	–	1	1
		–	–	33,3%	–	–	33,3%	33,3%
Волна 1	66	5	3	5	2	1	13	10
		7,6%	4,5%	7,6%	3%	1,5%	19,7%	15,2%
Артющенко 2	10	5	3	10	–	1	5	5
		50%	30%	100%	–	10%	50%	50%
Всего:	105	16	9	26	3	2	31	20
		15,2%	8,6%	24,7%	4,5%	3%	47%	30,3%

«Орудия труда» в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	ножи (кол-во/ %)	пряслица (кол-во/ %)	иглы (кол-во/ %)	оселки (кол-во/ %)	Гвозди (кол-во/ %)
Фанагория	6	2	–	3	1	–
		33,3%	–	50%	16,7%	–
Гермонасса	2	1	–	–	–	–
		50%	–	–	–	–
у м. Тузла	11	2	–	–	1	–
		18,2%	–	–	9,1%	–
Кепы	5	1	–	1	–	–
		20%	–	20%	–	–
Пересыпь	2	1	–	–	–	1
		50%	–	–	–	50%
Синдская Гавань	3	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–

Волна 1	66	12	8	1	3	1
		18,2%	12,1%	1,5%	4,5%	1,5%
Артющенко 2	10	7	7	2	–	–
		70%	70%	20%	–	–
Всего:	105	26	15	7	5	2
		24,7%	14,3%	6,7%	4,8%	3%

Набор украшений в захоронении

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>бусы</i> (кол-во/ %)	<i>серьги</i> (кол-во/ %)	<i>Перстни/кольца</i> (кол-во/ %)	<i>браслеты</i> (кол-во/ %)	<i>«Особые» детали одежды</i> (кол-во/ %)
Фанагория	6	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	2	–	–	1	–	–
		–	–	50%	–	–
у м. Тузла	11	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	9,1%
Кепы	5	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	20%
Пересыпь	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань	3	–	–	2	1	–
		–	–	66,7%	33,3%	–
Волна 1	66	1	1	3	2	1
		1,5%	1,5%	4,5%	3%	1,5%
Артющенко 2	10	–	–	3	–	4
		–	–	30%	–	40%
Всего:	105	1	1	9	3	7
		0,9%	0,9%	8,6%	2,9%	6,7%

Предметы ритуального назначения в погребении						
Название памятника	Всего захоронений	Каури/створчатая раковина	Астрагалы	Одиночный наконечник стрелы	Антропоморфные статуэтки	Курильницы
Фанагория	6	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	2	–	–	1	–	–
		–	–	50%	–	–
у м. Тузла	11	–	–	4	1	–
		–	–	36,4%	9,1%	–
Кепы	5	–	–	1	–	–
		–	–	20%	–	–
Пересыпь	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань	3	–	1	–	–	–
		–	33,3%	–	–	–
Волна 1	66	2		5		–
		3%		7,6%		–
Артющенко 2	10	1	1	5	–	–
		10%	10%	50%	–	–
Всего:	105	3	2	15	1	–
		2,9%	1,9%	14,3%	0,9%	–

Захоронения зрелых людей (женщины)

Погребальные сооружения

Название памятника	Всего захоронений	Грунтовые ямы различных форм (кол-во/ %)	Грунтовые ямы с заплечиками/ровниками (кол-во/ %)	Захоронения в тарных сосудах (кол-во/ %)	Каменные ящики	Сооружения из сырца (кол-во/ %)	Не установлено (кол-во/ %)
Гермонасса	1	–	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	–	100%
у м. Тузла	1	1	–	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–	–
Пересыпь	3	–	–	–	–	–	3
		–	–	–	–	–	100%
Синдская Гавань	2	1	–	–	1	–	–
		50%	–	–	50%	–	–
Волна 1	28	6	1	–	–	6	15
		21,4%	3,6%	–	–	21,4%	53,6%
Артющенко 2	14	5	–	–	–	3	6
		35,7%	–	–	–	21,4%	42,9%
Всего:	49	13	1	–	1	9	25
		26,5%	2%	–	2%	18,4%	51%

Количество погребенных в могиле

Название памятника	Всего захоронений	Один	Два	Три	Более трех
Гермонасса	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
у м. Тузла	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
Пересыпь	3	2	1	–	–
		66,7%	33,3%	–	–
Синдская Гавань	2	–	2	–	–
		–	100%	–	–

Волна 1	28	18	8	2	–
		64,3%	28,6%	7,1%	–
Артющенко 2	14	7	6	1	–
		50%	42,9%	7,1%	–
Всего:	49	29	17	3	–
		59,2%	34,7%	6,1%	–

Способ обращения с телом				
Название памятника	Всего захоронений	Ингумация	Кремация на месте (в яме)	Кремация на стороне (в урне)
Гермонасса	1	1	–	–
		100%	–	–
у м. Тузла	1	1	–	–
		100%	–	–
Пересыпь	3	3	–	–
		100%	–	–
Синдская Гавань	2	2	–	–
		100%	–	–
Волна 1	28	28	–	–
		100%	–	–
Артющенко 2	14	14	–	–
		100%	–	–
Всего:	49	49	–	–
		100%	–	–

Количество сосудов в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	Один	Два	Три	Более трех	Отсутствуют

Гермонасса	1	–	–	–	1	–
		–	–	–	100%	–
у м. Тузла	1	–	–	–	1	–
		–	–	–	100%	–
Пересыпь	3	–	1	–	1	1
		–	33,33%	–	33,33%	33,33%
Синдская Гавань	2	–	1	1	–	–
		–	50%	50%	–	–
Волна 1	28	2	3	3	16	4
		7,1%	10,7%	10,7%	57,2%	14,3%
Артющенко 2	14	–	2	2	7	3
		–	14,3%	14,3%	50%	21,4%
Всего:	49	2	7	6	26	8
		4,1%	14,3%	12,2%	53,1%	16,3%

Типы сосудов в захоронениях

Название памятника	Всего захоронений	горшки (кол-во/ %)	кувшины (кол-во/ %)	миски (кол-во/ %)	Сосуды для питья (кол-во/ %)	Крупные тарные сосуды (кол-во/ %)	Мелкие глиняные/стеклянные сосуды (кол-во/ %)
Гермонасса	1	–	1	1	–	–	1
		–	100%	100%	–	–	100%
у м. Тузла	1	–	–	–	1	1	1
		–	–	–	100%	100%	100%
Пересыпь	3	–	–	1	1	–	2
		–	–	33,3%	33,3%	–	66,7%
Синдская Гавань	2	1	–	2	1	1	–
		50%	–	100%	50%	50%	–
Волна 1	28		14	15	15	5	15
			50%	53,6%	53,6%	17,9%	53,6%

Артющенко 2	14	–	9	6	4	–	9
		–	64,3%	42,9%	28,6%	–	64,3%
Всего:	49	1	24	25	22	7	28
		2%	49%	51%	44,9%	14,3%	57,1%

«Орудия труда» в захоронении

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>ножи</i> (кол-во/ %)	<i>пряслица</i> (кол-во/ %)	<i>иглы</i> (кол-во/ %)	<i>оселки</i> (кол-во/ %)	<i>Гвозди</i> (кол-во/ %)
Гермонасса	1	–	–	–	–	–
у м. Тузла	1	–	–	–	–	–
Пересыпь	3	–	1	1	–	–
		–	33,3%	33,3%	–	–
Синдская Гавань	2			1		
				50%		
Волна 1	28		1	2		
			3,6%	7,1%		
Артющенко 2	14	1	2	2	–	–
		7,1%	14,3%	14,3%	–	–
Всего:	49	1	4	8	–	–
		2%	8,2%	16,3%	–	–

Набор украшений в захоронении

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>бусы</i> (кол-во/ %)	<i>серьги</i> (кол-во/ %)	<i>Перстни/кольца</i> (кол-во/ %)	<i>браслеты</i> (кол-во/ %)	<i>«Особые» детали одежды</i> (кол-во/ %)
--------------------	--------------------------	----------------------------	------------------------------	--------------------------------------	--------------------------------	--

Гермонасса	1	–	–	–	–	–
у м. Тузла	1	1	1	1	–	1
		100%	100%	100%	–	100%
Пересыпь	3	1	3	1	1	1
		33,3%	100%	33,3%	33,3%	33,3%
Синдская Гавань	2	–	–	–	–	–
Волна 1	28	1	5	1	1	–
		3,6%	17,9%	3,6%	3,6%	–
Артющенко 2	14	3	2	2	–	1
		21,4%	14,3%	14,3%	–	7,1%
Всего:	49	6	11	5	2	3
		12,2%	22,4%	10,2%	4,1%	6,1%

Предметы ритуального назначения в погребении

Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Каури/створчатая раковина</i>	<i>Астрагалы</i>	<i>Одиночный наконечник стрелы</i>	<i>Зооморфные подвески</i>	<i>Курильницы</i>
Гермонасса	1	–	–	–	–	–
у м. Тузла	1	–	–	–	–	–
Пересыпь	3	–	–	–	–	–
Синдская Гавань	2	–	–	–	–	–
Волна 1	28	1	1	2		
		3,6%	3,6%	7,1%		
Артющенко 2	14	2	1	–	–	–

		14,3%	7,1%	–	–	–
Всего:	49	3	2	2	–	–
		6,1%	4%	4%	–	–

Захоронения пожилых людей (мужчины и женщины)

Погребальные сооружения

Название памятника	Всего захоронений	Грунтовые ямы различных форм (кол-во/ %)	Грунтовые ямы с заплечиками/ровиками (кол-во/ %)	Захоронения в тарных сосудах (кол-во/ %)	Каменные ящики	Сооружения из сырца (кол-во/ %)	Не установлено (кол-во/ %)
Фанагория	1	–	1	–	–	–	–
		–	100%	–	–	–	–
Волна 1	35	5	2	–	–	4	24
		14,3%	5,7%	–	–	11,4%	68,6%
Артющенко 2	23	14	–	–	–	1	8
		60,9%	–	–	–	2,8%	34,8%
Всего:	59	19	3	–	–	5	32
		32,2%	5,1%	–	–	8,3%	54,2%

Количество погребенных в могиле

Название памятника	Всего захоронений	Один	Два	Три	Более трех
Фанагория	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
Волна 1	35	25	8	2	–
		71,4%	22,9%	5,7%	–

Артющенко 2	23	16	7	–	–
		69,5%	30,5%	–	–
Всего:	59	42	15	2	–
		71,2%	25,4%	3,4%	–

Способ обращения с телом				
Название памятника	Всего захоронений	Ингумация	Кремация на месте (в яме)	Кремация на стороне (в урне)
Фанагория	1	1	–	–
		100%	–	–
Волна 1	35	35	–	–
		100%	–	–
Артющенко 2	23	23	–	–
		100%	–	–
Всего:	59	59	–	–
		100%	–	–

Количество сосудов в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	Один	Два	Три	Более трех	Отсутствуют
Фанагория	1				1	
					100%	
Волна 1	35	1	4	4	15	11
		2,9%	11,5%	11,5%	42,6%	31,5%
Артющенко 2	23	3	1	5	6	8
		13%	4,3%	21,7%	26,1%	34,8%
Всего:	59	4	5	9	22	19
		6,8%	8,5%	15,2%	37,3%	32,2%

Типы сосудов в захоронениях							
Название памятника	Всего захоронений	горшки (кол-во/ %)	кувшины (кол-во/ %)	миски (кол-во/ %)	Сосуды для питья (кол-во/ %)	Крупные тарные сосуды (кол-во/ %)	Мелкие глиняные/стекля нные сосуды (кол- во/ %)
Фанагория	1	–	–	–	1	1	1
		–	–	–	100%	100%	100%
Волна 1	35	–	22	18	18	6	12
		–	62,8%	51,4%	51,4%	17,1%	34,3%
Артющенко 2	23	1	14	6	5	2	9
		4,3%	60,9%	26,1%	21,7%	8,7%	39,1%
Всего:	59	1	36	24	24	9	22
		1,7%	61%	40,7%	40,7%	15,2%	37,3%

Наступательное вооружение в погребении								
Название памятника	Всего захоронений	1-3 наконечников стрел (кол-во/ %)	Более 3х наконечни- ков стрел (кол-во/ %)	копье (кол-во/ %)	Несколько копий	Дротик	Короткий меч/кинжал (кол-во/ %)	Длинный меч (кол- во/ %)
Фанагория	1	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Волна 1	35	3	2	4	1	2	5	7
		8,6%	5,7%	11,5%	2,9%	5,7%	14,3%	20%

Артющенко 2	23	–	–	2	–	2	–	–
		–	–	8,7%	–	8,7%	–	–
Всего:	59	3	2	6	1	4	5	7
		5%	3,4%	10,2%	1,7%	6,8%	8,5%	11,9%

«Орудия труда» в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	ножи (кол-во/ %)	пряслица (кол-во/ %)	иглы (кол-во/ %)	оселки (кол-во/ %)	Гвозди (кол-во/ %)
Фанагория	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	35	6	4	4	2	–
		17,1%	11,5%	11,5%	5,7%	–
Артющенко 2	23	2	6	3	1	1
		8,7%	26,1%	13%	4,3%	4,3%
Всего:	59	8	10	7	3	1
		13,6%	16,9%	11,9%	5%	1,7%

Набор украшений в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	бусы (кол-во/ %)	серьги (кол-во/ %)	Перстни/кольца (кол-во/ %)	браслеты (кол-во/ %)	«Особые» детали одежды (кол-во/ %)
Фанагория	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	35	1	–	–	–	–
		2,9%	–	–	–	–
Артющенко 2	23	1	1	2	1	1
		4,3%	4,3%	8,7%	4,3%	4,3%

Всего:	59	2	1	2	1	1
		3,4%	1,7%	3,4%	1,7%	1,7%

Предметы ритуального назначения в погребении						
Название памятника	<i>Всего захоронений</i>	<i>Каури/створчатая раковина</i>	<i>Астрагалы</i>	<i>Одиночный наконечник стрелы</i>	<i>Зооморфные подвески</i>	<i>Курильницы</i>
Фанагория	1	–	–	–	–	–
Волна 1	35	–	1 2,9%	3 8,6%	–	–
Артющенко 2	23	–	–	–	–	–
Всего:	59	–	1 1,7%	3 5,1%	–	–

Таблица №8

**Особенности погребальных обрядов Азиатского Боспора второй половины V- первой половины IVв. до н.э.,
связанные с полом и возрастом погребенных**

Захоронения младенцев								
Погребальные сооружения								
Название памятника	Всего захоронений	грунтовые ямы различных форм	грунтовые ямы с заплечиками/ровиками	захоронения в тарных сосудах	сооружения из сырца	курган	грунтовые склепы	не установлено
Фанагория	4	–	–	2	1	1	–	–
		–	–	50%	25%	25%	–	–
Гермонасса	2	–	–	2	–	–	–	–
		–	–	100%	–	–	–	–
у м. Тузла	8	4	–	3	–	–	–	1
		50%	–	37,5%	–	–	–	12,5%
Кепы	10	–	–	10	–	–	–	–
		–	–	100%	–	–	–	–
Пересыпь	2	–	–	2	–	–	–	–
		–	–	100%	–	–	–	–
Синдская Гавань /Горгишпия	3	–	–	1	–	–	–	2
		–	–	33,3%	–	–	–	66,7%
Волна 1	4	–	–	1	–	–	1	2
		–	–	25%	–	–	25%	50%

Артющенко 2	8	–	3	–	4	–	–	1
		–	37,5%	–	50%	–	–	12,5%
Береговой 4	1	–	–	1	–	–	–	
		–	–	100%	–	–	–	
У м. Панагия	2	1	–	–	–	–	–	1
		50%	–	–	–	–	–	50%
У пос. Виноградный	6	1	–	5	–	–	–	–
		16,7%	–	83,3%	–	–	–	–
Всего:	50	6	3	27	5	1	1	7
		12%	6%	54%	10%	2%	2%	14%

Количество погребенных в могиле					
Название памятника	Всего захоронений	один	два	три	более трех
		Кол-во/%			
Фанагория	4	4	–	–	–
		100%	–	–	–
Гермонасса	2	2	–	–	–
		100%	–	–	–
у м. Тузла	8	7	1	–	–
		87,5%	12,5%	–	–
Кепы	10	10	–	–	–
		100%	–	–	–
Пересыпь	2	2	–	–	–
		100%	–	–	–
Синдская Гавань /Горгиппия	3	3	–	–	–
		100%	–	–	–
Волна 1	4	2	2	–	–
		50%	50%	–	–

Артющенко 2	8	5	2	1	–
		62,5%	25%	12,5%	
Береговой 4	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
У м. Панагия	2	2	–	–	–
		100%	–	–	–
У пос. Виноградный	6	6			
		100%			
Всего:	50	44	5	1	–
		88%	10%	2%	–

Способ обращения с телом				
Название памятника	Всего захоронений	ингумация	кремация на месте (в яме)	кремация на стороне (в урне)
		Кол-во/%		
Фанагория	4	4	–	–
		100%	–	–
Гермонасса	2	2	–	–
		100%	–	–
у м. Тузла	8	8	–	–
		100%	–	–
Кепы	10	10	–	–
		100%	–	–
Пересыпь	2	2	–	–
		100%	–	–
Синдская Гавань / Горгиппия	3	3	–	–
		100%	–	–
Волна 1	4	4	–	–
		100%	–	–
Артющенко 2	8	8	–	–

		100%	–	
Береговой 4	1	1	–	–
		100%	–	–
У м. Панагия	2	2	–	–
		100%	–	–
У пос. Виноградный	6	6	–	–
		100%	–	–
Всего:	50	50	–	–
		100%	–	–

Количество сосудов в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	один	два	три	более трех	отсутствуют
		Кол-во/%				
Фанагория	4	1	–	–	–	3
		25%	–	–	–	75%
Гермонасса	2	–	–	–	–	2
		–	–	–	–	100%
у м. Тузла	8	1	–	–	–	7
		12,5%	–	–	–	87,5%
Кепы	10	1	–	–	–	9
		10%	–	–	–	90%
Пересыпь	2	1	1	–	–	–
		50%	50%	–	–	–
Синдская Гавань /Горгиппия	3	–	–	2	–	1
		–	–	66,7%	–	33,3%
Волна 1	4	2	1	1	–	–
		50%	25%	25%	–	–
Артющенко 2	8	6	2	–	–	–
		75%	25%	–	–	–

Береговой 4	1	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	100%
У м. Панагия	2	–	–	1	–	1
		–	–	50%	–	50%
У пос. Виноградный	6	2	1	–	–	3
		33,3%	16,7%	–	–	50%
Всего:	50	14	5	4	–	27
		28%	10%	8%	–	54%

Типы сосудов в захоронениях

Название памятника	Всего захоронений	горшки	кувшины	миски	сосуды для питья	мелкие глиняные/стеклянные сосуды
Фанагория	4	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	25%
Гермонасса	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	8	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	12,5%
Кепы	10	–	–	1	–	1
		–	–	10%	–	10%
Пересыпь	2	–	–	1	1	1
		–	–	50%	50%	50%
Синдская Гавань	3	–	1	–	1	1
		–	25%	–	25%	25%
Волна 1	4	–	–	1	1	3
		–	–	25%	25%	75%
Артющенко 2	8	1	2	4	3	3
		12,5%	25%	50%	37,5%	37,5%

Береговой 4	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
У м. Панагия	2	–	–	–	2	2
		–	–	–	100%	100%
У пос. Виноградный	6	–	3	–	–	–
		–	50%	–	–	–
Всего:	50	1	6	8	8	13
		2%	12%	16%	16%	26%

«Орудия труда» в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	ножи	пряслица	иглы	оселки	Гвозди
		Кол-во/%				
Фанагория	4	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	8	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кепы	10	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Пересыпь	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань/Горгиппия	3	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	4	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Артющенко 2	8	1	1	1	–	–
		12,5%	12,5%	12,5%	–	–
Береговой 4	1	–	–	–	–	–

		–	–	–	–	–
У м. Панагия	2	–	1	–	–	–
		–	50%	–	–	–
У пос. Виноградный	6	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Всего:	50	1	2	1	–	–
		2%	4%	2%	–	–

Набор украшений в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	бусы	серьги	перстни/кольца	браслеты	«особые» детали одежды
Фанагория	4	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	8	1	–	–	–	–
		12,5%	–	–	–	–
Кепы	10	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Пересыпь	2	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	50%
Синдская Гавань/Горгиппия	3	1	–	–	–	–
		33,3%	–	–	–	–
Волна 1	4	2	1	–	–	–
		50%	25%	–	–	–
Артющенко 2	8	2	1	1	–	1
		25%	12,5%	12,5%	–	12,5%

Береговой 4	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
У м. Панагия	2	1	–	–	–	1
		50%	–	–	–	50%
У пос. Виноградный	6	1	–	–	–	–
		16,7%	–	–	–	–
Всего:	50	8	2	1	–	3
		16%	4%	2%	–	6%

Предметы ритуального назначения в погребении					
Название памятника	Всего захоронений	<i>каури/створчатая раковина</i>	<i>астрагалы</i>		<i>одиночный наконечник стрелы</i>
			Кол-во/%		
Фанагория	4	–	–	–	–
		–	–	–	–
Гермонасса	2	–	–	–	–
		–	–	–	–
у м. Тузла	8	–	–	–	–
		–	–	–	–
Кепы	10	–	–	–	–
		–	–	–	–
Пересыпь	2	1	–	–	1
		50%	–	–	50%
Синдская Гавань	3	–	1	–	–
		–	25%	–	–
Волна 1	4	–	1	–	–
		–	25%	–	–
Артющенко 2	8	–	–	–	–
		–	–	–	–
Береговой 4	1	–	–	–	–
		–	–	–	–

У м. Панагия	2		–	–
			–	–
У пос. Виноградный	6		–	–
			–	–
Всего:	50	1	2	1
		2%	4%	2%

Захоронения детей

Погребальные сооружения

Название памятника	Всего захоронений	грунтовые ямы различных форм	грунтовые ямы с заплечиками/ровиками	захоронения в тарных сосудах	сооружения из сырца	курган	грунтовые склепы	не установлено
Фанагория	3	3	–	–	–	2	–	–
		100%	–	–	–	66,7%	–	–
Гермонасса	4	–	–	–	–	–	–	4
		–	–	–	–	–	–	100%
у м. Тузла	1	1	–	–	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–	–	–
Кепы	2	–	–	–	–	–	–	2
		–	–	–	–	–	–	100%
Пересыпь	4	–	–	–	–	–	–	4
		–	–	–	–	–	–	100%
Синдская Гавань /Горгиппия	2	1	–	–	–	–	–	1
		50%	–	–	–	–	–	50%
Волна 1	7	3	–	–	1	–	–	3

		42,9%	–	–	14,2%	–	–	42,9%
Артющенко 2	6	1	–	–	2	–	–	3
		16,7%	–	–	33,3%	–	–	50%
У м. Панагия	1	1	–	–	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–	–	–
У пос. Виноградный	2	1	–	–	–	–	–	1
		50%	–	–	–	–	–	50%
Всего:	32	11	–	–	3	2	–	18
		34,4%	–	–	9,4%	6,25%	–	56,2%

Количество погребенных в могиле					
Название памятника	Всего захоронений	один	два	три	более трех
		Кол-во/%			
Фанагория	3	1	2	–	–
		33,3%	66,7%	–	–
Гермонасса	4	4	–	–	–
		100%	–	–	–
у м. Тузла	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
Кепы	2	1	–	–	–
		100%	–	–	–
Пересыпь	4	4	–	–	–
		100	–	–	–
Синдская Гавань /Горгиппия	2	1	1	–	–
		50%	50%	–	–
Волна 1	7	7	–	–	–
		100%	–	–	–
Артющенко 2	6	4	2		–

		66,7%	33,3%		
У м. Панагия	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
У пос. Виноградный	2	2	–	–	–
		100%	–	–	–
Всего:	32	27	5	–	–
		84,4%	15,6%	–	–

Способ обращения с телом				
Название памятника	Всего захоронений	ингумация	кремация на месте (в яме)	кремация на стороне (в урне)
		Кол-во/%		
Фанагория	3	3	–	–
		100%	–	–
Гермонасса	4	4	–	–
		100%	–	–
у м. Тузла	1	1	–	–
		100%	–	–
Кепы	2	2	–	–
		100%	–	–
Пересыпь	4	4	–	–
		100%	–	–
Синдская Гавань / Горгиппия	2	2	–	–
		100%	–	–
Волна 1	7	7	–	–
		100%	–	–
Артющенко 2	6	6	–	–
		100%	–	–
У м. Панагия	1	1	–	–
		100%	–	–

У пос. Виноградный	2	2	–	–
		100%	–	–
Всего:	32	32	–	–
		100%	–	–

Количество сосудов в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	один	два	три	более трех	отсутствуют
		Кол-во/%				
Фанагория	3	1	–	–	2	–
		33,3%	–	–	66,7%	–
Гермонасса	4	1	–	2	–	1
		25%	–	50%	–	25%
у м. Тузла	1	–	1	–	–	–
		–	100%	–	–	–
Кепы	2	–	1	–	1	–
		–	50%	–	50%	–
Пересыпь	4	1	1	–	–	2
		25%	25%	–	–	50%
Синдская Гавань /Горгиппия	2	–	1	–	–	1
		–	50%	–	–	50%
Волна 1	7	2	–	–	2	3
		28,6%	–	–	28,6%	42,8%
Артющенко 2	6	1	1	1	3	–
		16,66%	16,66%	16,66%	50%	–
У м. Панагия	1	–	–	–	1	–
		–	–	–	100%	–
У пос. Виноградный	2	1	1	–	–	–
		50%	50%	–	–	–
Всего:	32	7	6	3	9	7

		21,9%	18,7%	9,4%	28,1%	21,9%
--	--	-------	-------	------	-------	-------

Типы сосудов в захоронениях							
Название памятника	Всего захоронений	горшки	кувшины	миски	сосуды для питья	крупные тарные сосуды	мелкие глиняные/стекляные сосуды
		Кол-во/%					
Фанагория	3	–	1	2	–	–	3
		–	33,3%	66,7%	–	–	100%
Гермонасса	4	–	1	–	3	–	1
		–	25%	–	75%	–	25%
у м. Тузла	1	–	–	–	1	–	1
		–	–	–	100%	–	100%
Кепы	2	–	1	–	2	1	1
		–	50%	–	100%	50%	50%
Пересыпь	4	–	–	–	–	1	1
		–	–	–	–	25%	25%
Синдская Гавань /Горгиппия	2	–	–	1	–	1	–
		–	–	50%	–	50%	–
Волна 1	7	–	3	2	2	–	1
		–	42,9%	28,6%	28,6%	–	14,3%
Артющенко 2	6	–	3	2	1	–	2
		–	50%	33,3%	16,7%	–	33,3%
У м. Панагия	1	–	1	–	1	–	1
		–	100%	–	100%	–	100%
У пос. Виноградный	2	1	1	–	1	–	–
		50%	50%	–	50%	–	–
Всего:	32	1	11	6	11	3	11
		3,1%	34,4%	18,8%	34,4%	9,4%	34,4%

«Орудия труда» в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	ножи	пряслица	иглы	оселки	гвозди
		Кол-во/%				
Фанагория	3	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	4	1	–	–	–	–
		25%	–	–	–	–
у м. Тузла	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кепы	2	–	–	1	–	–
		–	–	50%	–	–
Пересыпь	4	–	1	–	–	–
		–	25%	–	–	–
Синдская Гавань	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	7	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Артющенко 2	6	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
У м. Панагия	1	–	1	1	–	–
		–	100%	100%	–	–
У пос. Виноградный	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Всего:	32	1	2	2	–	–
		3,1%	6,25%	6,25%	–	–

Набор украшений в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	бусы	серьги	перстни/кольца	браслеты	«особые» детали одежды	Кол-во/%	
							Кол-во	%
Фанагория	3	1	–	1	–	–	1	33,3%
		–	–	–	–	–	–	–
Гермонасса	4	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
у м. Тузла	1	1	–	–	–	–	1	10%
		–	–	–	–	–	–	–
Кепы	2	–	1	1	–	–	2	50%
		–	–	–	–	–	–	–
Пересыпь	4	1	–	–	–	–	1	50%
		–	–	–	–	–	–	–
Синдская Гавань	2	1	–	–	–	–	1	25%
		–	–	–	–	–	–	–
Волна 1	7	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Артющенко 2	6	1	–	–	–	–	1	16,7%
		–	–	–	–	–	–	–
У м. Панагия	1	–	1	–	–	–	1	100%
		–	–	–	–	–	–	–
У пос. Виноградный	2	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Всего:	32	5	2	2	–	–	7	15,6%
		–	–	–	–	–	–	–

Предметы ритуального назначения в погребении

Название памятника	Всего захоронений	каури/створчатая раковина	астрагалы	монета	одиночный наконечник стрелы
		Кол-во/%			
Фанагория	3	–	1	–	–
		–	33,3%	–	–
Гермонасса	4	–	–	–	–
		–	–	–	–
у м. Тузла	1	–	–	–	–
		–	–	–	–
Кепы	2	1	–	–	–
		50%	–	–	–
Пересыпь	4	–	–	2	–
		–	–	50%	–
Синдская Гавань	2	1	1	–	–
		25%	25%	–	–
Волна 1	7	–	–	–	–
		–	–	–	–
Артющенко 2	6	1	1	–	–
		16,7%	16,7%	–	–
У м. Панагия	1	–	–	–	1
		–	–	–	100%
У пос. Виноградный	2	–	–	–	–
		–	–	–	–
Всего:	32	3	3	2	1
		9,4%	9,4%	6,25%	3,1%

Захоронения молодых людей (мужчины и женщины)

Погребальные сооружения

Название памятника	Всего захоронений	грунтовые ямы различных форм	грунтовые ямы с заплечиками/ровиками	захоронения в тарных сосудах	сооружения из сырца	курган	грунтовые склепы	не установлено
Фанагория	2	–	–	–	2	2	–	–
		–	–	–	100%	100%	–	–
Гермонасса	1	–	–	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	–	–	100%
у м. Тузла	3	2	–	–	–	–	–	1
		66,7%	–	–	–	–	–	33,3%
Кепы	3	1	–	–	1	–	–	1
		33,33%	–	–	33,33%	–	–	33,33%
Пересыпь	1	–	–	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	–	–	100%
Синдская Гавань /Горгиппия	1	1	–	–	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–	–	–
Волна 1	22	5	–	–	8	–	1	8
		22,7%	–	–	36,4%	–	4,5%	36,4%
Артющенко 2	16	6	–	–	4	–	–	6
		37,5%	–	–	25%	–	–	37,5%
Береговой 4	1	1	–	–	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–	–	–
Кучугуры	1	–	–	–	–	1	–	–
		–	–	–	–	100%	–	–

У пос. Виноградный	2	–	–	–	1	–	–	1
		–	–	–	50%	–	–	50%
Всего:	53	16	–	–	16	3	1	19
		30,2%	–	–	30,2%	5,7%	1,9%	35,8%

Количество погребенных в могиле					
Название памятника	Всего захоронений	один	два	три	более трех
		Кол-во/%			
Фанагория	2	1	1	–	–
		50%	50%	–	–
Гермонасса	1	–	1	–	–
		–	100%	–	–
у м. Тузла	3	3	–	–	–
		100%	–	–	–
Кепы	3	3	–	–	–
		100%	–	–	–
Пересыпь	1	–	–	1	–
		–	–	100%	–
Синдская Гавань /Горгиппия	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
Волна 1	22	11	9	2	–
		50%	40,9%	9,1%	–
Артющенко 2	16	10	6	–	–
		62,5%	37,5%	–	–
Береговой 4	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
Кучугуры	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
У пос. Виноградный	2	2	–	–	–

		100%	–	–	–
Всего:	53	33	17	3	–
		62,3%	32,1%	5,6%	–

Способ обращения с телом				
Название памятника	Всего захоронений	ингумация	кремация на месте (в яме)	кремация на стороне (в урне)
		Кол-во/%		
Фанагория	2	2	–	–
		100%	–	–
Гермонасса	1	1	–	–
		100%	–	–
у м. Тузла	3	3	–	–
		100%	–	–
Кепы	3	3	–	–
		100%	–	–
Пересыпь	1	1	–	–
		100%	–	–
Синдская Гавань/Горгиппия	1	1	–	–
		100%	–	–
Волна 1	22	22	–	–
		100%	–	–
Артющенко 2	16	16	–	–
		100%	–	–
Береговой 4	1	1	–	–
		100%	–	–
Кучугуры	1	1	–	–
		100%	–	–
У пос. Виноградный	2	2	–	–
		100%	–	–

Всего:	53	53	–	–
		100%	–	–

Количество сосудов в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	<i>один</i>	<i>два</i>	<i>три</i>	<i>более трех</i>	<i>отсутствуют</i>
		Кол-во/%				
Фанагория	2	–	–	1	1	–
		–	–	50%	50%	–
Гермонасса	1	–	1	–	–	–
		–	100%	–	–	–
у м. Тузла	3	–	–	–	3	–
		–	–	–	100%	–
Кепы	3	–	–	–	2	1
		–	–	–	66,7%	33,3%
Пересыпь	1	–	–	–	1	–
		–	–	–	100%	–
Синдская Гавань/Горгиппия	1	–	–	–	1	–
		–	–	–	100%	–
Волна 1	22	2	2	2	13	3
		9,1%	9,1%	9,1%	59,1%	13,6%
Артющенко 2	16	2	3	1	9	1
		12,5%	18,75%	6,25%	56,25%	6,25%
Береговой 4	1	1	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–
Кучугуры	1				1	
					100%	
У пос. Виноградный	2	1	–	–	1	–
		50%	–	–	50%	–
Всего:	53	6	6	4	32	5
		11,3%	11,3%	7,5%	60,4%	9,4%

Типы сосудов в захоронениях							
Название памятника	Всего захоронений	<i>горшки</i>	<i>кувшины</i>	<i>миски</i>	<i>Крупные тарные сосуды</i>	<i>сосуды для питья</i>	<i>мелкие глиняные/стеклянные сосуды</i>
		КОЛ-ВО/%					
Фанагория	2	–	1	–	1	–	2
		–	50%	–	50%	–	100%
Гермонасса	1	–	1	–	–	–	1
		–	100%	–	–	–	100%
у м. Тузла	3	–	1	–	1	3	3
		–	33,3%	–	33,3%	100%	100%
Кепы	3	–	2	1	1	2	2
		–	66,7%	33,3%	33,3%	66,7%	66,7%
Пересыпь	1	–	–	1	–	–	1
		–	–	100%	–	–	100%
Синдская Гавань/Горги ппия	1	–	1	–	–	1	1
		–	100%	–	–	100%	100%
Волна 1	22	–	13	12	1	10	11
		–	59,1%	54,5%	4,5%	45,5%	50%
Артющенко 2	16	–	12	6	2	5	7
		–	75%	37,5%	12,5%	31,25%	43,75%
Береговой 4	1	–	1	–	–	–	–
		–	100%	–	–	–	–
Кучугуры	1	–	1	–	–	–	1
		–	100%	–	–	–	100%
	2	–	1	–	–	1	2

У пос. Виноградный		–	50%	–	–	50%	100%
Всего:	53	–	33	20	6	22	31
		–	64,2%	37,7%	11,3%	41,5%	58,5%

Наступательное вооружение в погребении

Название памятника	Всего захоронений	1-3 наконечников стрел	более 3х наконечников стрел	копье	несколько копий	дротик	короткий меч/кинжал	длинный меч
Фанагория	2	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Гермонасса	1	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
у м. Тузла	3	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Кепы	3	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Пересыпь	1	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Синдская Гавань/Горгиппия	1	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Волна 1	22			1				2
				4,5%				9,1%
Артющенко 2	16	1	2	4	–	–	2	2
		6,25%	12,5%	25%	–	–	12,5%	12,5%

Береговой 4	1	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Кучугуры	1	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
У пос. Виноградный	2	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Всего:	53	1	2	5	–	–	2	4
		1,9%	3,8%	9,4%	–	–	3,8%	7,5%

«Орудия труда» в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	ножи	пряслица	иглы	оселки	Гвозди
		Кол-во/%				
Фанагория	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
у м. Тузла	3	–	2	–	–	–
		–	66,7%	–	–	–
Кепы	3	1	1	1	–	–
		33,3%	33,3%	33,3%	–	–
Пересыпь	1	–	1	–	–	–
		–	100%	–	–	–
Синдская Гавань/Горгиппия	1	1	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–
Волна 1	22	4	5	2	3	–
		18,2%	22,7%	9,1%	13,6%	–
Артющенко 2	16	2	7	2	1	2
		12,5%	43,5%	12,5%	6,25%	12,5%

Береговой 4	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кучугуры	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
У пос. Виноградный	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Всего:	53	8	16	5	4	2
		15,1%	30,2%	9,4%	7,5%	3,8%

Набор украшений в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	бусы	серьги	перстни/кольца	браслеты	«особые» детали одежды
Фанагория	2	–	2	–	–	1
		–	100%	–	–	50%
Гермонасса	1	–	1	–	–	–
		–	100%	–	–	–
у м. Тузла	3	2	–	1	–	–
		66,7%	–	33,3%	–	–
Кепы	3	1	1	–	–	–
		33,3%	33,3%	–	–	–
Пересыпь	1	1	–	1	–	–
		100%	–	100%	–	–
Синдская Гавань/Горгиппия	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	22	4	4	–	–	1
		18,2%	18,2%	–	–	4,5%

Артющенко 2	16	3	5	4	–	1
		18,75%	33,1%	25%	–	6,25
Береговой 4	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кучугуры	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
У пос. Виноградный	2	–	–	1	–	–
		–	–	50%	–	–
Всего:	53	11	13	7	–	3
		20,75%	24,5%	13,2%	–	5,7%

Предметы ритуального назначения в погребении						
Название памятника	Всего захоронений	каури/створчатая раковина	астрагалы	одиночный наконечник стрелы	зооморфные подвески	монеты
		Кол-во/%				
Фанагория	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Гермонасса	1	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	50%
у м. Тузла	3	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кепы	3	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Пересыпь	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–

Синдская Гавань/Горгиппия	1	1	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–
Волна 1	22	1	–	–	–	–
		4,5%	–	–	–	–
Артющенко 2	16	3	–	1	–	–
		18,75%	–	6,25%	–	–
Береговой 4	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кучугуры	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
У пос. Виноградный	2	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	50%
Всего:	53	6	–	1	–	2
		11,3%	–	1,9%	–	3,8

Захоронения зрелых людей (мужчины и женщины)

Погребальные сооружения

Название памятника	Всего захоронений	грунтовые ямы различных форм	грунтовые ямы с запечками и/ровиками	каменные склепы	сооружения из сырца	курган	грунтовые склепы	не установле но
Фанагория	20	5	2	1	7	19	–	–
		25%	10%	5%	35%	95%	–	–

Гермонасса	6	1	–	1	1	1	–	2
		16,7%	–	16,7%	16,7%	16,7%	–	33,2%
у м. Тузла	15	9	1	–	2	–	–	3
		60%	6,7%	–	13,3%	–	–	20%
Кепы	12	4	–	–	4	4	–	–
		33,33%	–	–	33,33%	33,33%	–	–
Пересыпь	5	1	–	–	–	–	–	4
		20%	–	–	–	–	–	80%
Синдская Гавань/ Горгиппия	3	2	–	1	–	–	–	–
		66,7%	–	33,3%	–	–	–	–
Волна 1	65	22	2		20	6		15
		33,8%	3,1%		30,8%	9,2%		23,1%
Артющенко 2	24	8	–	–	8	–	–	8
		33,33%	–	–	33,33%	–	–	33,33%
У м. Панагия	1	1	–	–	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–	–	–
У пос. Суворовское	1	–	–	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	–	–	100%
У пос. Виноградный	11	2	–	–	6	1	–	2
		18,2%	–	–	54,5%	9,1%	–	18,2%
Береговой 4	3	2	–	–	–	–	–	1
		66,7%	–	–	–	–	–	33,3%
Кучугуры	2	–	–	–	1	2	–	–
		–	–	–	50%	100%	–	–
Ахтанизовской 4	2	–	–	–	2	–	–	–
		–	–	–	100%	–	–	–
Всего:	170	57	5	3	51	33	–	36
		33,5%	2,9%	1,7%	30%	19,4%	–	21,2%

Количество погребенных в могиле					
Название памятника	Всего захоронений	один	два	три	более трех
		Кол-во/%			
Фанагория	20	16	1	3	
		80%	5%	15%	
Гермонасса	6	4	1	–	1
		66,6%	16,7%	–	16,7%
у м. Тузла	15	15	–	–	–
		100%	–	–	–
Кепы	12	11	1	–	–
		91,7%	8,3%	–	–
Пересыпь	5	2	–	2	1
		40%	–	40%	20%
Синдская Гавань/ Горгиппия	3	2	1	–	–
		66,7%	33,3%	–	–
Волна 1	65	41	18	4	2
		61,3%	27,7%	6,2%	3,1%
Артющенко 2	24	11	11	–	2
		45,8%	45,8%	–	8,3%
У м. Панагия	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
У пос. Суворовское	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
У пос. Виноградный	11	4	7	–	–
		36,4%	63,6%	–	–
Береговой 4	3	3	–	–	–
		100%	–	–	–
Кучугуры	2	1	1	–	–
		50%	50%	–	–

Ахтанизовской 4	2	2	–	–	–
		100%	–	–	–
Всего:	170	114	41	9	6
		67,1%	24,1%	5,3%	3,5%

Способ обращения с телом				
Название памятника	Всего захоронений	ингумация	кремация на месте (в яме)	кремация на стороне (в урне)
		Кол-во/%		
Фанагория	20	18	–	2
		100%	–	10%
Гермонасса	6	6	–	–
		100%	–	–
у м. Тузла	15	15	–	–
		100%	–	–
Кепы	12	10	1	1
		83,3%	8,3%	8,3%
Пересыпь	5	5	–	–
		100%	–	–
Синдская Гавань/Горгиппия	3	3	–	–
		100%	–	–
Волна 1	65	65	–	–
		100%	–	–
Артющенко 2	24	24	–	–
		100%	–	–
У м. Панагия	1	1	–	–
		100%	–	–
У пос. Суворовское	1	1	–	–
		100%	–	–
У пос. Виноградный	11	10	–	1
		90,9%	–	9,1%

Береговой 4	3	3	–	–
		100%	–	–
Кучугуры	2	2	–	–
		100%	–	–
Ахтанизовской 4	2	2	–	–
		100%	–	–
Всего:	170	165	1	4
		97%	0,6%	2,4%

Количество сосудов в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	один	два	три	более трех	отсутствуют
		Кол-во/%				
Фанагория	20	6	3	4	7	–
		30%	15%	20%	35%	–
Гермонасса	6	1	1	–	4	–
		16,7%	16,7%	–	66,6%	–
у м. Тузла	15	3	4	3	5	–
		20%	26,7%	20%	33,3%	–
Кепы	12	–	3	2	7	–
		–	25%	16,7%	58,3%	–
Пересыпь	5	–	1	1	2	1
		–	20%	20%	40%	20%
Синдская Гавань/Горгиппия	3	–	–	3	–	–
		–	–	100%	–	–
Волна 1	65	4	9	10	37	5
		6,2%	13,8%	15,4%	56,9%	7,7%
Артющенко 2	24	1	1	4	15	3
		4,2%	4,2%	16,6%	62,5%	12,5%
У м. Панагия	1	–	–	1	–	–
		–	–	100%	–	–

У пос. Суворовское	1	–	–	–	1	–
		–	–	–	100%	–
У пос. Виноградный	11	1	1	2	7	–
		9,1%	9,1%	18,2%	63,6%	–
Береговой 4	3	1	–	1	1	–
		33,33%	–	33,33%	33,33%	–
Кучугуры	2	–	–	–	2	–
		–	–	–	100%	–
Ахтанизовской 4	2	1	–	–	1	–
		50%	–	–	50%	–
Всего:	170	18	23	31	89	9
		10,6%	13,5%	18,2%	52,4%	5,3%

Типы сосудов в захоронениях							
Название памятника	Всего захоронений	горшки	кувшины	миски	сосуды для питья	крупные тарные сосуды	мелкие глиняные/стеклянные сосуды
Фанагория	20	–	6	4	13	4	12
		–	30%	20%	65%	20%	60%
Гермонасса	6	–	5	1	2	–	5
		–	83,3%	16,7%	33,3%	–	83,3%
у м. Тузла	15	1	6	–	8	7	10
		6,7%	40%	–	53,3%	46,7%	66,7%
Кепы	12	–	4	4	6	7	12
		–	33,3%	33,3%	50%	58,3%	100%
Пересыпь	5	–	–	4	–	1	4
		–	–	80%	–	20%	80%

Синдская Гавань/Горгиппия	3	–	2	1	1	1	1
		–	66,7%	33,3%	33,3%	33,3%	33,3%
Волна 1	65	–	52	36	39	11	57
		–	80%	55,4%	60%	16,9%	87,7%
Артющенко 2	24	1	16	14	12	1	21
		4,2%	66,7%	58,3%	50%	4,2%	87,5%
У м. Панагия	1	–	–	–	1	–	1
		–	–	–	100%	–	100%
У пос. Суворовское	1	–	–	–	1	–	1
		–	–	–	100%	–	100%
У пос. Виноградный	11		9	3	1	3	11
			81,8%	27,3%	9,1%	27,3%	100%
Береговой 4	3	–	–	–	2	2	2
		–	–	–	66,7%	66,7%	66,7%
Кучугуры	2	–	2	1	1	1	1
		–	100%	50%	50%	50%	50%
Ахтанизовской 4	2	1	1	–	1	1	2
		50%	50%	–	50%	50%	100%
Всего:	170	3	103	68	88	39	140
		1,8%	60,6%	40%	51,8%	22,9%	82,4%

Наступательное вооружение в погребении								
Название памятника	Всего захоронений	1-3 наконечников стрел	более 3х наконечников стрел	копье	несколько копий	дротик	короткий меч/кинжал	длинный меч
Фанагория	20	2	6	1	4		4	2
		10%	30%	5%	20%		20%	10%
Гермонасса	6	1	–	–	–	–	–	1
		16,7%	–	–	–	–	–	16,7%
у м. Тузла	15	2	–	2	–	–	2	2
		13,3%	–	13,3%	–	–	13,3%	13,3%
Кепы	12	2	2	2	1	–	1	3
		16,7%	16,7%	16,7%	8,3%	–	8,3%	25%
Пересыпь	5	–	2	2	–	–	1	–
		–	40%	40%	–	–	20%	–
Синдская Гавань/Горгиппия	3	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Волна 1	65	5	2	9	–	–	9	6
		7,7%	3,1%	13,8%	–	–	13,8%	9,2%
Артющенко 2	24	2	4	8	–	1	4	3
		8,3%	16,7%	33,3%	–	4,2%	16,7%	12,5%
У м. Панагия	1							
У пос. Суворовское	1	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
У пос. Виноградный	11	–	1	–	–	–	–	–
		–	9,1%	–	–	–	–	–
Береговой 4	3	–	1	–	1	–	–	1
		–	33,3%	–	33,3%	–	–	33,3%
Кучугуры	2	–	1	1	–	–	–	–

		–	50%	50%	–	–	–	–
Ахтанизовской 4	2	1	1	–	–	–	–	1
		50%	50%	–	–	–	–	50%
Всего:	170	15	20	25	6	1	21	19
		8,8%	11,8%	14,7%	3,5%	0,6%	12,4%	11,2%

Орудия труда» в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	ножи	пряслица	иглы	оселки	гвозди
		Кол-во/%				
Фанагория	20	6 30%	1 5%	6 30%	1 5%	– –
Гермонасса	6	– –	– –	– –	– –	1 16,7%
у м. Тузла	15	– –	– –	– –	– –	– –
Кепы	12	3 25%	1 8,3%	4 33,3%	1 8,3%	– –
Пересыпь	5	– –	2 40%	1 20%	– –	– –
Синдская Гавань/Горгиппия	3	– –	– –	– –	– –	– –
Волна 1	65	17 26,2%	14 21,5%	9 13,8%	2 3,1%	– –
Артющенко 2	24	6 25%	7 29,2%	4 16,7%	– –	– –
У м. Панагия	1	– –	– –	– –	– –	– –

У пос. Суворовское	1	–	–	–	–	–
У пос. Виноградный	11	2 18,2%	1 9,1%	2 18,2%	–	–
Береговой 4	3	2 66,7%	–	1 33,3%	–	–
Кучугуры	2	–	–	–	–	–
Ахтанизовской 4	2	–	–	–	–	–
Всего:	170	36 21,2%	26 15,3%	27 15,9%	4 2,4%	1 0,6%

Набор украшений в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	бусы	серьги	перстни/кольца	браслеты	«особые» детали одежды
Фанагория	20	–	1 5%	2 10%	–	2 10%
Гермонасса	6	–	2 33,3%	1 16,7%	–	3 50%
у м. Тузла	15	1 6,7%	–	–	1 6,7%	–
Кепы	12	–	–	1 8,3%	–	1 8,3%
Пересыпь	5	–	–	2 40%	–	–
Синдская Гавань/Горгиппия	3	–	–	1 33,3%	–	1 33,3%

Волна 1	65	5	6	8	1	4
		7,7%	9,2%	12,3%	1,5%	6,2%
Артющенко 2	24	3	2	3	–	3
		12,5%	8,3%	12,5%	–	12,5%
У м. Панагия	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
У пос. Суворовское	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
У пос. Виноградный	11	–	1	3	1	–
		–	9,1%	27,3%	9,1%	–
Береговой 4	3	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кучугуры	2	1	–	–	–	–
		50%	–	–	–	–
Ахтанизовской 4	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Всего:	170	10	12	21	3	14
		5,9%	7,1%	12,4%	1,8%	8,2%

Предметы ритуального назначения в погребении

Название памятника	Всего захоронений	каури/створчатая раковина	астрагалы	одиночный наконечник стрелы	краски	монеты
Фанагория	20	–	–	2	–	3
		–	–	10%	–	15%
Гермонасса	6	–	–	1	–	–
		–	–	16,7%	–	–
у м. Тузла	15	–	–	2	1	2
		–	–	13,3%	6,7%	13,3%

Кепы	12	–	–	2	–	2
		–	–	16,7%	–	16,7%
Пересыпь	5	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань/Горгиппия	3	–	1	–	–	–
		–	33,3%	–	–	–
Волна 1	65	3	1	5	2	1
		4,6%	1,5%	7,7%	3,1%	1,5%
Артющенко 2	24	2	–	2	–	–
		8,3%	–	8,3%	–	–
У м. Панагия	1					1
						100%
У пос. Суворовское	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
У пос. Виноградный	11	–	–	–	–	4
		–	–	–	–	36,4%
Береговой 4	3	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кучугуры	2	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	50%
Ахтанизовской 4	2	–	–	1	–	–
		–	–	50%	–	–
Всего:	170	5	2	15	3	14
		2,9%	1,2%	8,8%	1,8%	8,2%

Захоронения зрелых людей (женщины)

Погребальные сооружения

Название памятника	Всего захоронений	грунтовые ямы различных форм	грунтовые ямы с заплечикам и/ровиками	каменные склепы	сооружения из сырца	курган	грунтовые склепы	не установлено
Гермонасса	2	–	–	1	–	1	–	–
		–	–	50%	–	50%	–	–
Пересыпь	1	–	–	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	–	–	100%
Синдская Гавань/ Горгиппия	1	1	–	–	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–	–	–
Волна 1	12	3	–	–	3	–	–	1
		25%	–	–	25%	–	–	8,3%
Артющенко 2	7	3	–	–	3	–	–	1
		42,9	–	–	42,9	–	–	14,2%
У пос. Виноградный	3	–	–	–	2	–	–	1
		–	–	–	66,7%	–	–	33,3%
Всего:	26	7	–	1	8	1	–	4
		26,9%	–	3,8%	30,8%	3,8%	–	15,4%

Способ обращения с телом				
Название памятника	Всего захоронений	ингумация	кремация на месте (в яме)	кремация на стороне (в урне)
		Кол-во/%		
Гермонасса	2	2	–	–
		100%	–	–
Пересыпь	1	1	–	–
		100%	–	–
Синдская Гавань/Горгиппия	1	1	–	–
		100%	–	–
Волна 1	12	12	–	–
		100%	–	–
Артющенко 2	7	7	–	–
		100%	–	–
У пос. Виноградный	3	3	–	–
		100%	–	–
Всего:	26	26	–	–
		100%	–	–

Количество сосудов в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	один	два	три	более трех	отсутствуют
		Кол-во/%				
Гермонасса	2	–	–	–	2	–
		–	–	–	100%	–
Пересыпь	1	–	–	–	1	–
		–	–	–	100%	–
Синдская Гавань/Горгиппия	1	–	1	–	–	–
		–	100%	–	–	–
Волна 1	12	1	1	3	7	–

		8,3%	8,3%	25%	58,3%	–
Артющенко 2	7	–	1	1	5	–
		–	14,3%	14,3%	71,4%	–
У пос. Виноградный	3	–	1	–	2	–
		–	33,3%	–	66,7%	–
Всего:	26	1	4	4	17	–
		3,8%	15,4%	15,4%	65,4%	–

Типы сосудов в захоронениях							
Название памятника	Всего захоронений	горшки	кувшины	миски	сосуды для питья	крупные тарные сосуды	мелкие глиняные/стеклянные сосуды
Гермонасса	2	–	2	1	–	–	2
		–	100%	50%	–	–	100%
Пересыпь	1	–	–	1	–	–	1
		–	–	100%	–	–	100%
Синдская Гавань/Горгиппия	1	–	–	1	–	1	–
		–	–	100%	–	100%	–
Волна 1	12	–	10	7	6	2	12
		–	83,3%	58,3%	50%	16,7%	100%
Артющенко 2	7	–	4	3	3	–	6
		–	57,1%	42,9%	42,9%	–	85,7%
У пос. Виноградный	3	–	2	1	–	–	3
		–	66,7%	33,3%	–	–	100%
Всего:	26	–	18	14	9	3	24
		–	69,2%	53,8%	34,6%	12,5%	92,3%

Орудия труда» в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	ножи	пряслица	иглы	оселки	гвозди
		Кол-во/%				
Гермонасса	2	–	–	–	–	–
Пересыпь	1	–	1	–	–	–
		–	100%	–	–	–
Синдская Гавань/Горгиппия	1	–	–	–	–	–
Волна 1	12	1	2	2	–	–
		8,3%	16,7%	16,7%	–	–
Артющенко 2	7	1	1	1	–	–
		14,3%	14,3%	14,3%	–	–
У пос. Виноградный	3	–	1	1	–	–
		–	33,3%	33,3%	–	–
Всего:	26	2	5	4	–	–
		7,7%	19,2%	15,4%	–	–

Набор украшений в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	бусы	серьги	перстни/кольца	браслеты	«особые» детали одежды
		Кол-во/%				
Гермонасса	2	–	1	–	–	2
		–	50%	–	–	100%

Пересыпь	1	–	–	1	–	–
		–	–	100%	–	–
Синдская Гавань/Горгиппия	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	12	–	3	1	–	1
		–	25%	8,3%	–	8,3%
Артющенко 2	7	2	2	1	–	1
		28,6%	28,6%	14,3%	–	14,3%
У пос. Виноградный	3	–	1	2	1	1
		–	33,3%	66,7%	33,3%	33,3%
Всего:	26	2	7	5	1	5
		7,7%	26,9%	19,2%	3,8%	19,2%

Предметы ритуального назначения в погребении

Название памятника	Всего захоронений	каури/створчатая раковина	астрагалы	одиночный наконечник стрелы	краски	монеты
		Кол-во/%				
Гермонасса	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Пересыпь	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань/Горгиппия	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	12	–	–	1	–	–
		–	–	8,3%	–	–
Артющенко 2	7	1	–	–	–	–
		14,3%	–	–	–	–
У пос. Виноградный	3	–	–	–	–	2
		–	–	–	–	66,7%

Всего:	26	1	–	1	–	2
		3,8%	–	3,8%	–	7,7%

Захоронения зрелых людей (мужчины)

Погребальные сооружения

Название памятника	Всего захоронений	грунтовые ямы различных форм	грунтовые ямы с заплечиками и/ровиками	каменные склепы	сооружения из сырца	курган	грунтовые склепы	не установлено
Фанагория	11	5	–	–	5	11	–	–
		45,4%	–	–	45,4%	100%	–	–
Гермонасса	2	1	–	–	–	–	–	1
		50%	–	–	–	–	–	50%
у м. Тузла	3	2	1	–	–	–	–	–
		66,%	33,3%	–	–	–	–	–
Кепы	5	2	–	1	2	–	–	–
		40%	–	20%	40%	–	–	–
Пересыпь	3	1	–	–	–	–	–	2
		33,3%	–	–	–	–	–	66,%
Синдская Гавань/ Горгиппия	1	1	–	–	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–	–	–
Волна 1	33	15	2	–	11	–	–	5
		45,4%	6,1%	–	33,3%	–	–	15,2%

Артющенко 2	17	5	–	–	5	–	–	7
		29,4%	–	–	29,4%	–	–	41,2%
У пос. Виноградный Береговой 4	3	–	–	–	2			1
		–	–	–	66,7%			33,7%
Ахтанизовской 4	2	1	–	–	–	–	–	1
		50%	–	–	–	–	–	50%
Ахтанизовской 4	1	–	–	–	1	–	–	–
		–	–	–	100%	–	–	–
Всего:	81	33	3	1	26	11	–	17
		40,7%	3,7%	1,2%	32,1%	13,6%	–	21%

Количество погребенных в могиле					
Название памятника	Всего захоронений	один	два	три	более трех
		Кол-во/%			
Фанагория	11	7	1	3	–
		63,6%	7,1%	27,3%	–
Гермонасса	2	1	1	–	–
		50%	50%	–	–
у м. Тузла	3	3	–	–	–
		100%	–	–	–
Кепы	5	5	–	–	–
		100%	–	–	–
Пересыпь	3	1	1	–	1
		33,33%	33,33%	–	33,33%
Синдская Гавань/ Горгиппия	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
Волна 1	33	21	8	3	1

		63,6%	24,2%	9,1%	3,1%
Артющенко 2	17	9	7	1	–
		52,9%	41,2%	5,9%	–
У пос. Виноградный	3	–	3	–	–
		–	100%	–	–
Береговой 4	2	2	–	–	–
		100%	–	–	–
Ахтанизовской 4	1	1	–	–	–
		100%	–	–	–
Всего:	81	51	21	7	2
		63%	25,9%	8,6%	2,5%

Способ обращения с телом				
Название памятника	Всего захоронений	ингумация	кремация на месте (в яме)	
			кремация на стороне (в урне)	Кол-во/%
Фанагория	11	10	–	1
		90,9%	–	9,1%
Гермонасса	2	2	–	–
		100%	–	–
у м. Тузла	3	3	–	–
		100%	–	–
Кепы	5	4	1	–
		80%	20%	–
Пересыпь	3	3	–	–
		100%	–	–
Синдская Гавань/Горгиппия	1	1	–	–
		100%	–	–
Волна 1	33	33	–	–

		100%	–	–
Артющенко 2	17	17	–	–
		100%	–	–
У пос. Виноградный	3	3	–	–
		100%	–	–
Береговой 4	2	2	–	–
		100%	–	–
Ахтанизовской 4	1	1	–	–
		100%	–	–
Всего:	81	79	1	1
		97,6%	1,2%	1,2%

Количество сосудов в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	<i>один</i>	<i>два</i>	<i>три</i>	<i>более трех</i>	<i>отсутствуют</i>
		Кол-во/%				
Фанагория	11	3 27,3%	1 9,1%	3 27,3%	4 36,4%	–
Гермонасса	2	–	1 50%	–	1 50%	–
у м. Тузла	3	–	1 33,33%	1 33,33%	1 33,33%	–
Кепы	5	–	1 20%	1 20%	3 60%	–
Пересыпь	3	–	1 33,33%	1 33,33%	1 33,33%	–
Синдская Гавань/Горгиппия	1	–	1 100%	–	–	–
Волна 1	33	2	4	2	21	4

		6,1%	12,1%	6,1%	63,6%	12,1%
Артющенко 2	17	1	–	3	10	3
		5,9%	–	17,6%	58,8%	17,6%
У пос. Виноградный	3	1	–	–	2	–
		33,3%	–	–	66,7%	–
Береговой 4	2	–	1	–	1	–
		–	50%	–	50%	–
Ахтанизовской 4	1	1	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–
Всего:	81	8	11	11	44	7
		9,9%	13,6%	13,6%	54,3%	8,6%

Типы сосудов в захоронениях							
Название памятника	Всего захоронений	горшки	кувшины	миски	сосуды для питья	крупные тарные сосуды	мелкие глиняные/стеклянные сосуды
		Кол-во/%					
Фанагория	11	–	2	3	7	3	8
		–	18,2%	27,3%	63,6%	27,3%	72,7%
Гермонасса	2	–	2	–	1	–	2
		–	100%	–	100%	–	100%
у м. Тузла	3	–	1	–	3	1	1
		–	33,3%	–	100%	33,3%	33,3%
Кепы	5	–	2	2	2	4	4
		–	40%	40%	40%	80%	80%
Пересыпь	3	–	–	2	–	1	3

		–	–	66,7%	–	33,3%	100%
Синдская Гавань/Горгиппия	1	–	1	–	–	–	1
		–	100%	–	–	–	100%
Волна 1	33	–	24	16	19	–	–
		–	72,7%	48,5%	57,6%	–	–
Артющенко 2	17	1	11	11	9	1	17
		5,9%	64,7%	64,7%	52,9%	5,9%	100%
У пос. Виноградный	3	–	2	1	1	–	3
		–	66,7%	33,3%	33,3%	–	100%
Береговой 4	2	–	–	–	–	2	1
		–	–	–	–	100%	50%
Ахтанизовской 4	1	–	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	–	100%
Всего:	81	1	45	35	42	12	41
		1,2%	55,6%	43,2%	51,9%	14,8%	50,6%

Наступательное вооружение в погребении

Название памятника	Всего захоронен- ный	1-3 наконечников стрел	более 3х наконечни- ков стрел	копье	несколько копий	дротик	короткий меч/кинжал	длинный меч
Фанагория	11	1	6	3	2	–	4	2
		9,1%	54,5%	27,3%	18,2%	–	36,4%	18,2%
Гермонасса	2	1	–	–	–	–	–	1
		50%	–	–	–	–	–	50%
у м. Тузла	3	1	–	2	–	–	2	1
		33,3%	–	66,7%	–	–	66,7%	33,3%
Кепы	5	1	3	2	1	–	–	3

		20%	60%	40%	20%	–	–	60%
Пересыпь	3	1	–	2	–	–	1	–
		33,3%	–	66,7%	–	–	33,3%	–
Синдская Гавань/Горгишпия	1	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Волна 1	33	5	2	7	–	–	8	6
		15,2%	6,1%	21,2%	–	–	24,2%	18,2%
Артющенко 2	17	2	4	8	–	1	4	3
		11,8%	23,5%	47,1%	–	5,9%	23,5%	17,6%
У пос. Виноградный	3	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Береговой 4	2	1	–	–	1	–	–	1
		50%	–	–	50%	–	–	50%
Ахтанизовской 4	1	–	1	–	–	–	–	1
		–	100%	–	–	–	–	100%
Всего:	81	13	16	24	4	1	19	18
		16%	19,8%	29,6%	4,9%	1,2%	23,5%	22,2%

Орудия труда» в захоронении

Название памятника	Всего захороне ний	ножи	пряслица	иглы	оселки	гвозди
		Кол-во/%				
Фанагория	11	4	–	–	1	–
		36,4%	–	–	9,1%	–
Гермонасса	2	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	50%

у м. Тузла	3	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Кепы	5	1	–	1	–	–
		20%	–	20%	–	–
Пересыпь	3	–	1	–	–	–
		–	33,3%	–	–	–
Синдская Гавань/Горгиппия	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Волна 1	33	14	8	4	2	–
		42,4%	24,2%	12,1%	6,1%	–
Артющенко 2	17	5	6	3	–	–
		29,4%	35,3%	17,6%	–	–
У пос. Виноградный	3	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Береговой 4	2	2	–	1	–	–
		100%	–	50%	–	–
Ахтанизовской 4	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Всего:	81	26	15	9	3	1
		32,1%	18,5%	11,1%	3,7%	1,2%

Набор украшений в захоронении

Название памятника	Всего захоронений	бусы	серьги	перстни/кольца	браслеты	«особые» детали одежды
Фанагория	11	–	–	–	–	2
		–	–	–	–	18,2%
Гермонасса	2	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	50%
у м. Тузла	3	–	–	–	–	–

		–	–	–	–	–
Кепы	5	–	–	1	–	–
		–	–	20%	–	–
Пересыпь	3					1
						33,3%
Синдская Гавань/Горгиппия	1	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	100%
Волна 1	33	2	1	3	–	1
		6,1%	3,3%	9,1%	–	3,3%
Артющенко 2	17	1	–	2	–	2
		5,9%	–	11,8%	–	11,8%
У пос. Виноградный	3	–	–	3	–	–
		–	–	100%	–	–
Береговой 4	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Ахтанизовской 4	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Всего:	81	3	1	10	–	9
		3,7%	1,2%	12,3%	–	11,1%

Предметы ритуального назначения в погребении

Название памятника	Всего захоронений	каури/створчатая раковина	астрагалы	одиночный наконечник стрелы	краски	монеты
Фанагория	11	–	–	1	–	–
		–	–	9,1%	–	–
Гермонасса	2	–	–	1	–	–

		–	–	50%	–	–
у м. Тузла	3	–	–	1	–	–
		–	–	33,3%	–	–
Кепы	5	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	20%
Пересыпь	3	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Синдская Гавань/Горгиппия	1	–	1	–	–	–
		–	100%	–	–	–
Волна 1	33	2	1	–	–	1
		6,1%	3,3%	–	–	3,3%
Артющенко 2	17	1	–	2	–	–
		5,9%	–	11,8%	–	–
У пос. Виноградный	3	–	–	–	–	2
		–	–	–	–	66,7%
Береговой 4	2	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Ахтанизовской 4	1	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
Всего:	81	3	2	5	–	4
		3,7%	2,5%	6,2%	–	4,9%

Захоронения пожилых людей (мужчины и женщины)

Погребальные сооружения

Название памятника	Всего захоронений	грунтовые ямы различных форм	грунтовые ямы с заплечиками и/ровиками	каменные склепы	сооружения из сырца	курган	грунтовые склепы	не установлено
Гермонасса	1	–	–	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	–	–	100%
Волна 1	24	8	–	–	5	–	1	10
		33,3%	–	–	20,8%	–	4,2%	41,7%
Артющенко 2	14	9	–	–	2	–	–	3
		64,3%	–	–	14,2%	–	–	21,4%
У пос. Виноградный	1	–	–	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	–	–	100%
Всего:	40	17			7		1	15
		42,5%			17,5%		2,5%	37,5%

Способ обращения с телом				
Название памятника	Всего захоронений	ингумация	кремация на месте (в яме)	кремация на стороне (в урне)
		Кол-во/%		
Гермонасса	1	1	–	–
		100%	–	–
Волна 1	24	24	–	–
		100%	–	–
Артющенко 2	14	14	–	–
		100%	–	–
У пос. Виноградный	1	1	–	–
		100%	–	–
Всего:	40	40	–	–
		100%	–	–

Количество погребенных в могиле					
Название памятника	Всего захоронений	один	два	три	более трех
		Кол-во/%			
Гермонасса	1	–	1	–	–
		–	100%	–	–
Волна 1	24	13	8	1	2
		54,2%	33,3%	4,2%	8,3%
Артющенко 2	14	9	5	–	–
		64,3%	35,7%	–	–
У пос. Виноградный	1	–	1	–	–
		–	100%	–	–
Всего:	40	22	15	1	2
		55%	37,5%	2,5%	5%

Количество сосудов в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	<i>один</i>	<i>два</i>	<i>три</i>	<i>более трех</i>	<i>отсутствуют</i>
		Кол-во/%				
Гермонасса	1	1	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–
Волна 1	24			5	13	6
				20,8%	54,2%	25%
Артющенко 2	14	3	–	4	4	3
		21,4%	–	28,6%	28,6%	21,4%
У пос. Виноградный	1	–	–	–	1	
		–	–	–	100%	
Всего:	40	4	–	9	18	9
		10%	–	22,5%	45%	22,5%

Типы сосудов в захоронениях							
Название памятника	Всего захоронений	<i>горшки</i>	<i>кувшины</i>	<i>миски</i>	<i>сосуды для питья</i>	<i>крупные тарные сосуды</i>	<i>мелкие глиняные/стеклянные сосуды</i>
		Кол-во/%					
Гермонасса	1	–	1	–	–	–	–
		–	100%	–	–	–	–

Волна 1	24	1	14	13	11	4	10
		4,2%	58,3%	54,1%	45,8%	16,7%	41,7%
Артющенко 2	14	–	11	4	5	2	7
		–	78,6%	28,6%	35,7%	14,2%	50%
У пос. Виноградный	1	–	1	–	–	1	1
		–	100%	–	–	100%	100%
Всего:	40	1	26	17	16	7	18
		2,5%	65%	42,5%	40%	17,5%	45%

Наступательное оружие в погребении

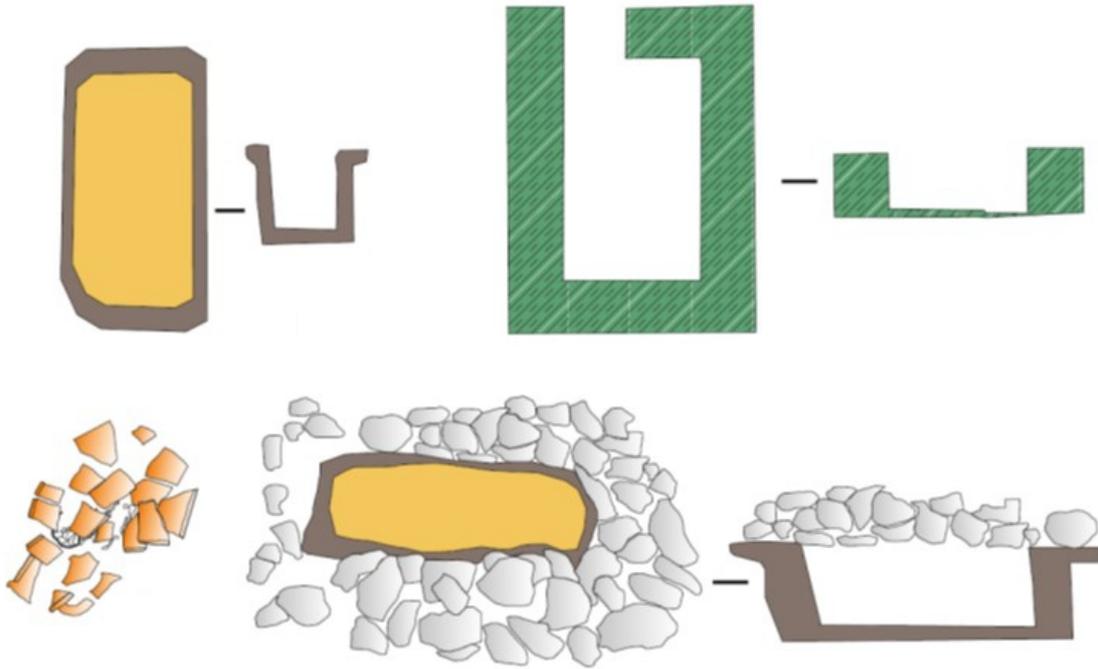
Название памятника	Всего захоронений	1-3 наконечников стрел	более 3х наконечников стрел	копье	несколько копий	дротик	короткий меч/кинжал	длинный меч
Гермонасса	1	–	–	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–	–	–
Волна 1	24	1	1	2	–	1	1	2
		4,2%	4,2%	8,3%	–	4,2%	4,2%	8,3%
Артющенко 2	14	–	–	1	–	–	–	–
		–	–	7,1%	–	–	–	–
У пос. Виноградный	1	1	–	–	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–	–	–
Всего:	40	2	1	3	–	1	1	1
		5%	2,5%	7,5%	–	2,5%	2,5%	2,5%

Орудия труда» в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	ножи	пряслица	иглы	оселки	гвозди
		Кол-во/%				
Гермонасса	1	1	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–
Волна 1	24	9	4	6	–	–
		37,5%	16,7%	25%	–	–
Артющенко 2	14	2	3	3	–	–
		14,3%	21,4%	21,4%	–	–
У пос. Виноградный	1	1	–	–	–	–
		100%	–	–	–	–
Всего:	40	13	7	9	–	–
		32,5%	17,5%	22,5%	–	–

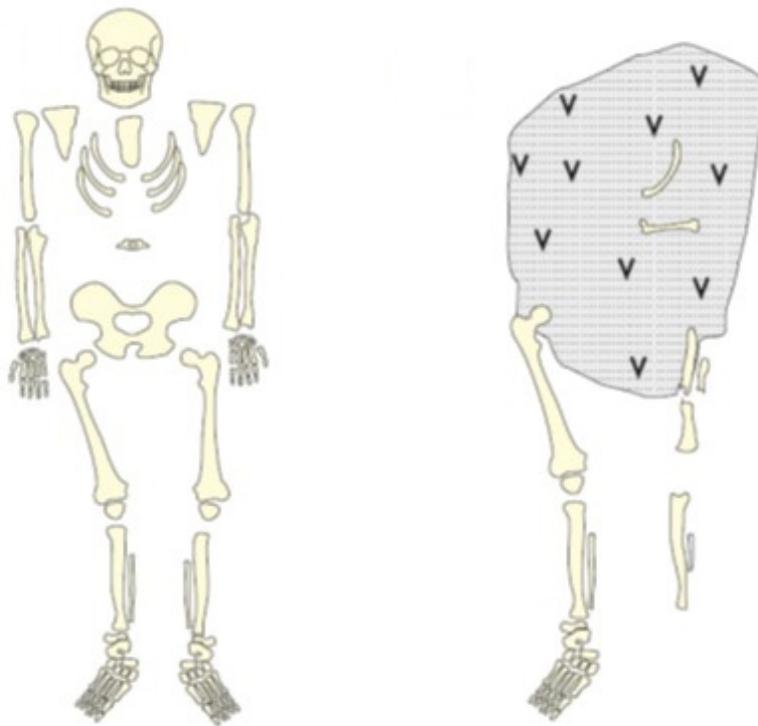
Набор украшений в захоронении						
Название памятника	Всего захоронений	бусы	серьги	перстни/кольца	браслеты	«особые» детали одежды
		Кол-во/%				
Гермонасса	1	–	–	1	1	1
		–	–	100%	100%	100%
Волна 1	24	1	2	–	–	–
		4,2%	8,3%	–	–	–
Артющенко 2	14	–	–	1	–	1
		–	–	7,1%	–	7,1%

У пос. Виноградный	1	–	–	–	–	–
Всего:	40	1	2	2	1	2
		2,5%	5%	5%	2,5%	5%

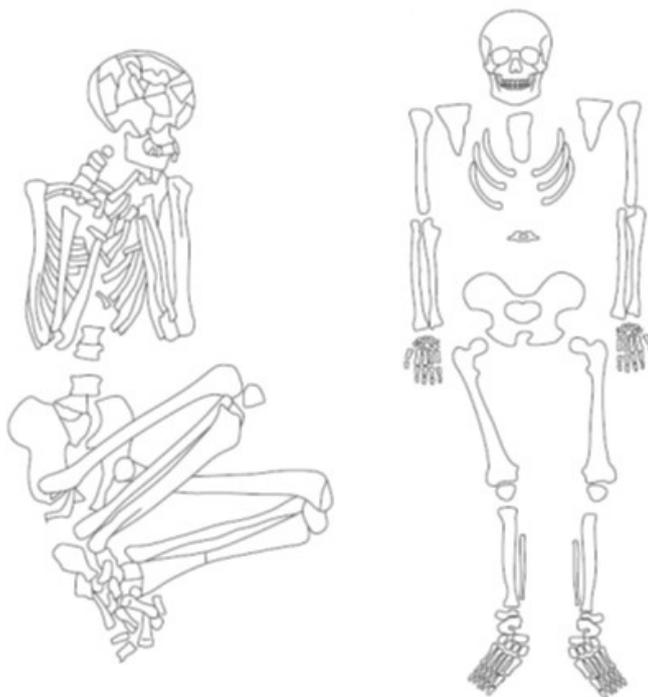
Предметы ритуального назначения в погребении						
Название памятника	Всего захоронений	каури/створчатая раковина	астрагалы	одиночный наконечник стрелы	краски	монеты
		Кол-во/%				
Гермонасса	1	–	–	–	–	1
		–	–	–	–	100%
Волна 1	24	2	–	1	–	–
		8,3%	–	4,2%	–	–
Артющенко 2	14	–	–	–	–	–
		–	–	–	–	–
У пос. Виноградный	1	–	–	1	–	–
		–	–	100%	–	–
Всего:	40	2	–	2	–	1
		5%	–	5%	–	2,5%

Илл. 1. Особенности обрядов, в которых наиболее четко проявились различия в погребальных практиках некрополей Азиатского Боспора.
Характер погребального сооружения.

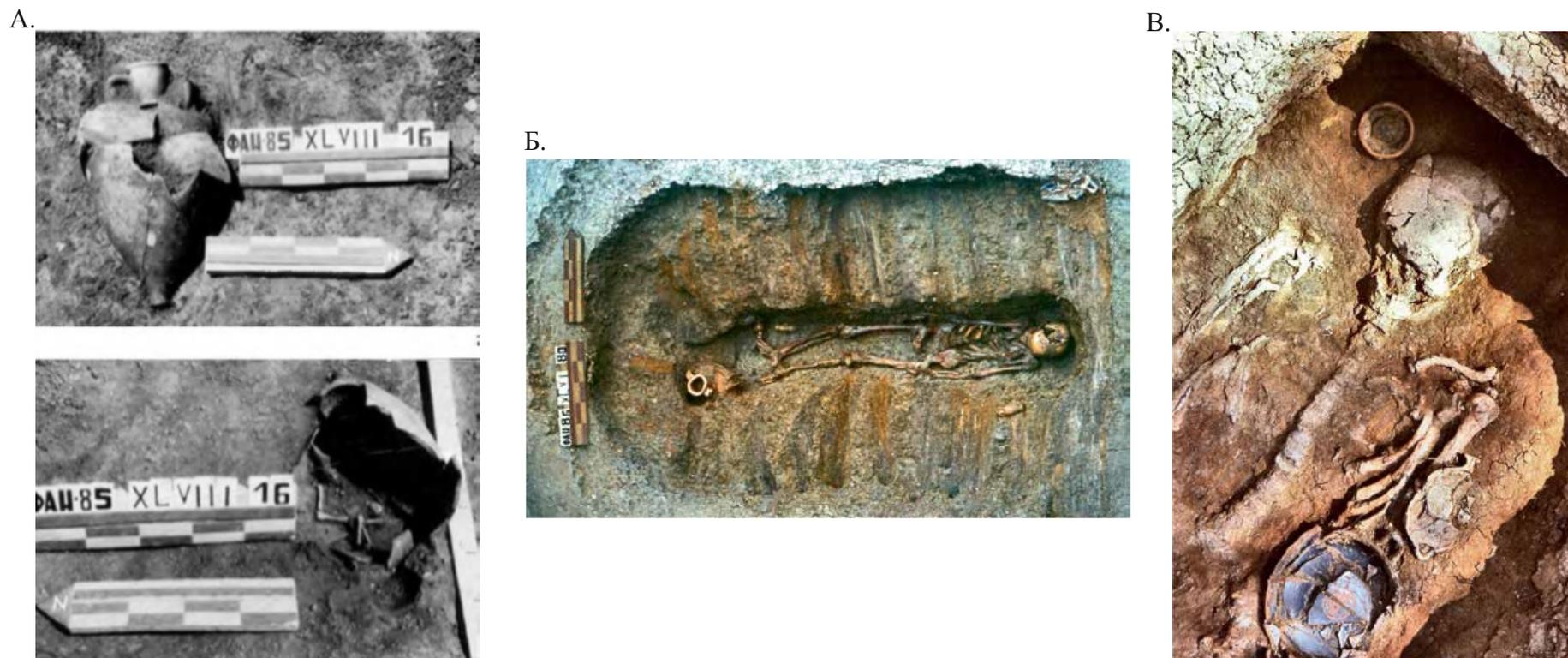
Илл. 2. Особенности обрядов, в которых наиболее четко проявились различия в погребальных практиках некрополей Азиатского Боспора.
Способ обращения с телом погребенного.

Илл. 3. Особенности обрядов, в которых наиболее четко проявились различия в погребальных практиках некрополей Азиатского Боспора.
Положение умершего в могиле.

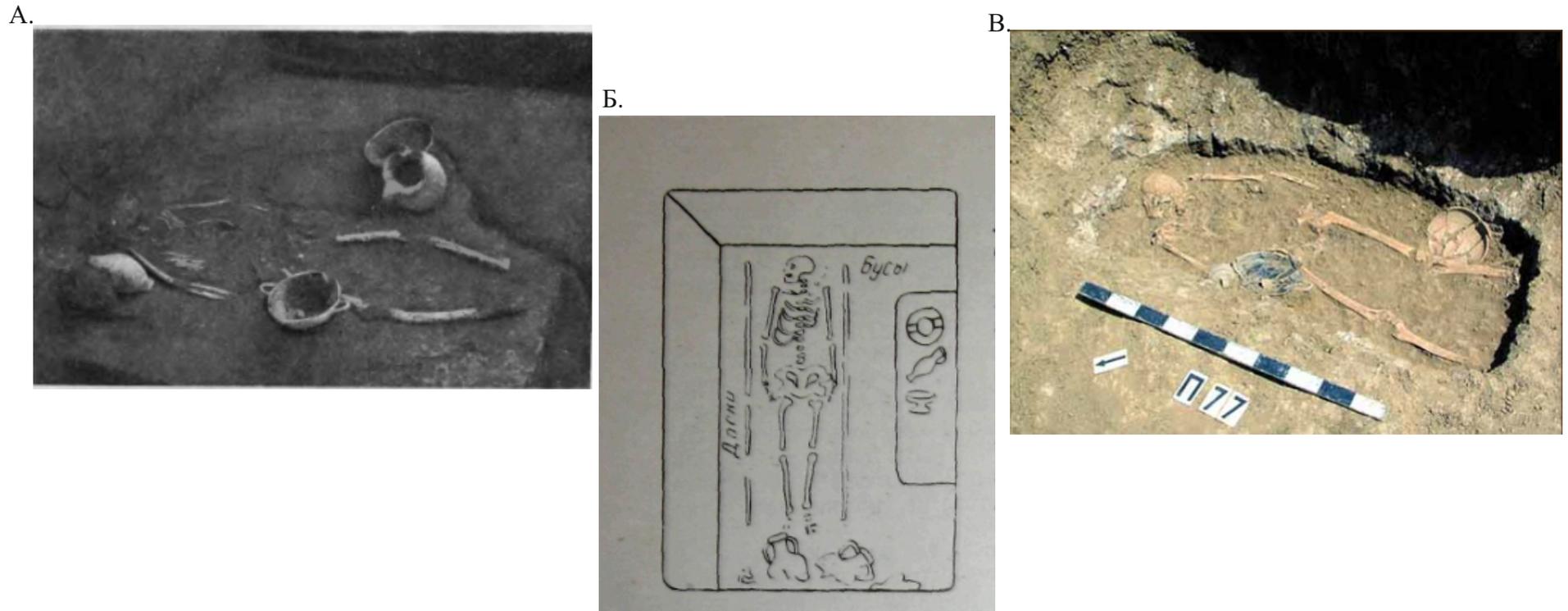

Илл. 4. Особенности обрядов, в которых наиболее четко проявились различия в погребальных практиках некрополей Азиатского Боспора.
Набор сосудов в захоронении.

Илл. 5. Отличительные особенности погребальных обрядов некрополей группы 1. Некрополь Фанагории.

- А. Использование крупных тарных сосудов для погребения младенцев. Погребение № 46.18/1985
(по: Завойкин А.А., Колесников А.Б., Сударев Н.И., 2016. С. 170. Рис. 69);
- Б. Преобладание обряда ингумации и вытянутого положения индивидов в захоронениях. Погребение № 46.80
(по: Завойкин А.А., Колесников А.Б., Сударев Н.И., 2016. С. 176. Рис. 78);
- В. Преобладание сосудов для питья над кувшинами в наборе инвентаря. Погребение № 56.1
(по: Завойкин А.А., Колесников А.Б., Сударев Н.И., 2016. С. 164. Рис. 63).

Илл. 6. Отличительные особенности погребальных обрядов некрополей группы 1. Некрополи Гермонассы и у м. Тузла.

А. Преобладание обряда ингумации и вытянутого положения индивидов в захоронениях. Некрополь Гермонассы.
Погребение № 4 /1938 (по: Гайдукевич В.Ф., 1959. С. 175. Рис. 34);

Б. Преобладание обряда ингумации и вытянутого положения индивидов в захоронениях. Некрополь у м. Тузла.
План погребения №8 из раскопок 1913 г. (по: Сорокина Н.П., 1957. С. 16. Рис. 6);

В. Преобладание сосудов для питья над кувшинами в наборе инвентаря. Некрополь у м. Тузла. Погребение № 77/2009
(по: Кондрашев А.В., 2010. С. 121-122. Рис. 4, 5).

А.

Б.

В.

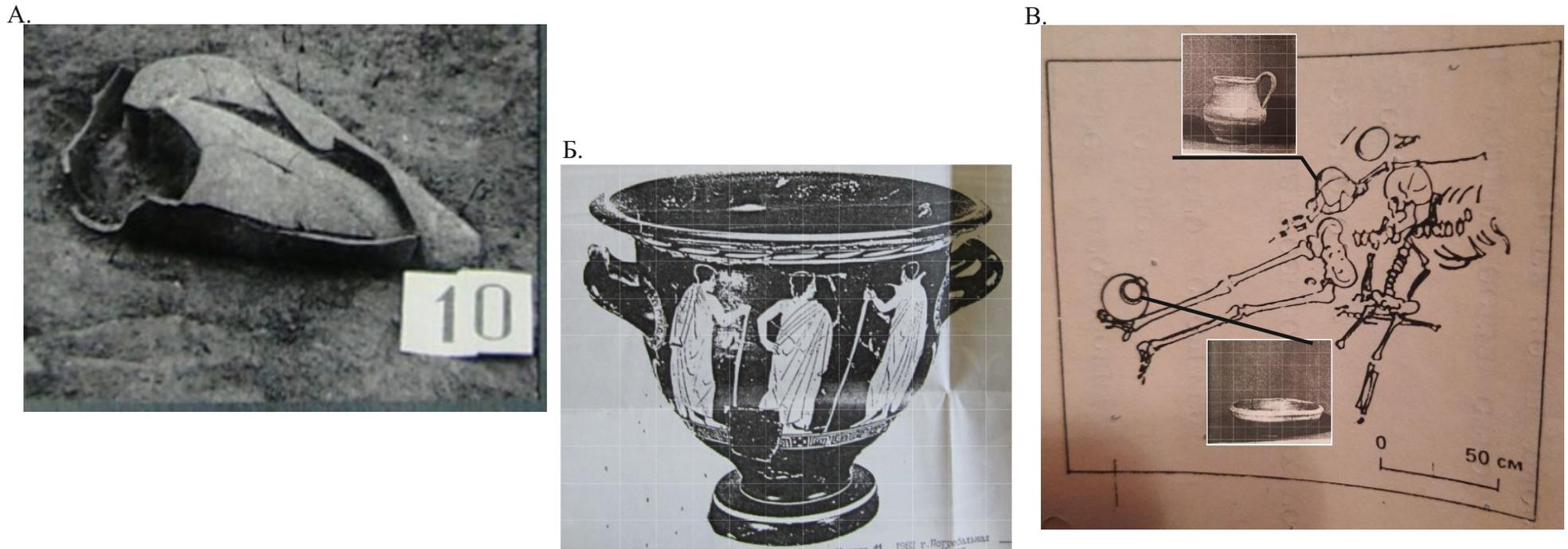

Илл. 7. Аналогии погребальной традиции в некрополях северной Ионии и восточной Фракии.

А. Использование крупных тарных сосудов для погребения младенцев. Клазоменский участок архаического некрополя Абдеры, Тафи К266 (по: Σκαρλατιδου Ε. Κ, 2010. Σ. Εικ. 69);

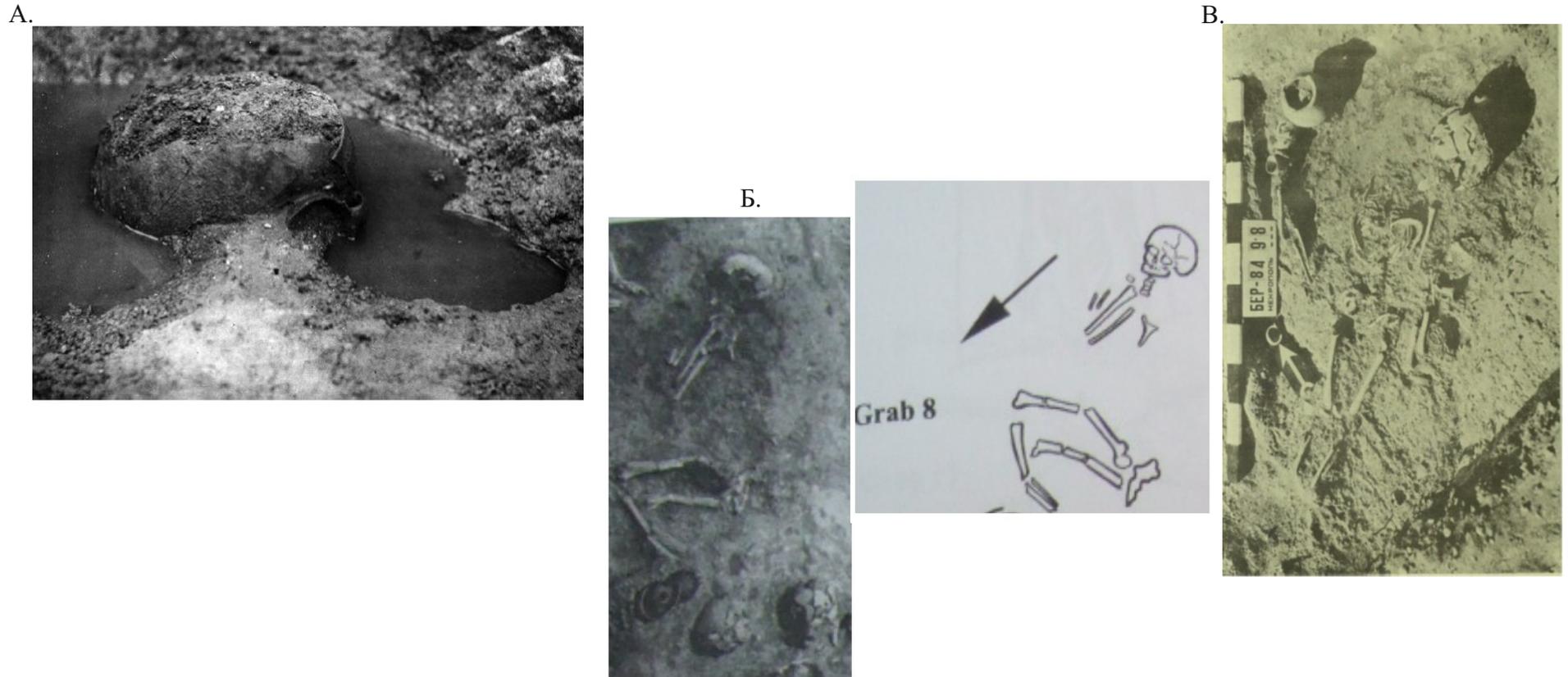
Б. Преобладание обряда ингумации и вытянутого положения индивидов в захоронениях. Некрополь Хортоливадо (Абдера): архаический участок некрополя, использовавшийся теосцами и клазоменцами совместно (по: Κ.Καλινζι, 2011. Σ. 1205. Εικ. 1577);

В. Преобладание сосудов для питья над кувшинами в наборе инвентаря. Западный некрополь Теоса (северная Иония): М-10 (по: S. Foça, 2019. S. 226-227, εκ .1,s.15-16).

Илл. 8. Отличительные особенности погребальных обрядов некрополей группы 2. Некрополи Кеп, Синдской Гавани и Пересыпи.

- А. Использование крупных тарных сосудов для погребения младенцев, характерно только для некрополя Кеп (в других некрополях практически не встречается). Некрополь Кеп. Погребение № 72/10/1961 (по: Сорокина Н.П., арх. ИА № 2291а. С. 4. Рис. 26);
- Б. Зафиксирован уникальный случай кремации в урне. Некрополь Синдской Гавани. Погребение № 11/1982 (по: Алексеева Е.М., 1991. С. 801, табл. 10);
- В. Сосуды для питья сочетаются в инвентаре с кувшинами (последние преобладают). Некрополь у пос. Пересыпь. Погребение № 106 (По Коровина А.К., 1987. С. 7, 10. Рис.5, 8).

Илл. 9. Аналогии погребальной традиции в Милете и его колониях в Причерноморье.

А. Встречается обряд кремации на стороне (в урне). Архаический некрополь Милета, Urne (1909)
(по: E. Forbeck, 2016. Taf. 60.4);

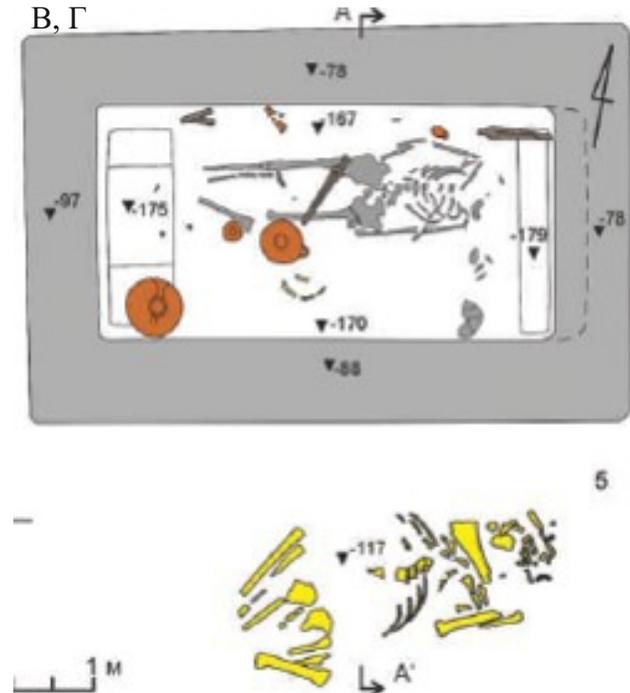
Б. Положение тела в захоронениях вариативно. Архаический некрополь Истрии, Grab 8 /1961
(по: N. Teleaga, V. Zirta, 2003. S.208, 228. Taf. 8, 28);

В. Сосуды для питья сочетаются в инвентаре с кувшинами (последние преобладают). Архаический некрополь Борисфена,
П. 98 /1984 (по: Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Соловьев С.Л., 1984. С.43. Рис. 5).

А, Б

В, Г

Илл. 10. Отличительные особенности погребальных обрядов некрополей группы 3 (Негреческие особенности).
Некрополи Волна 1, Артющенко 2.

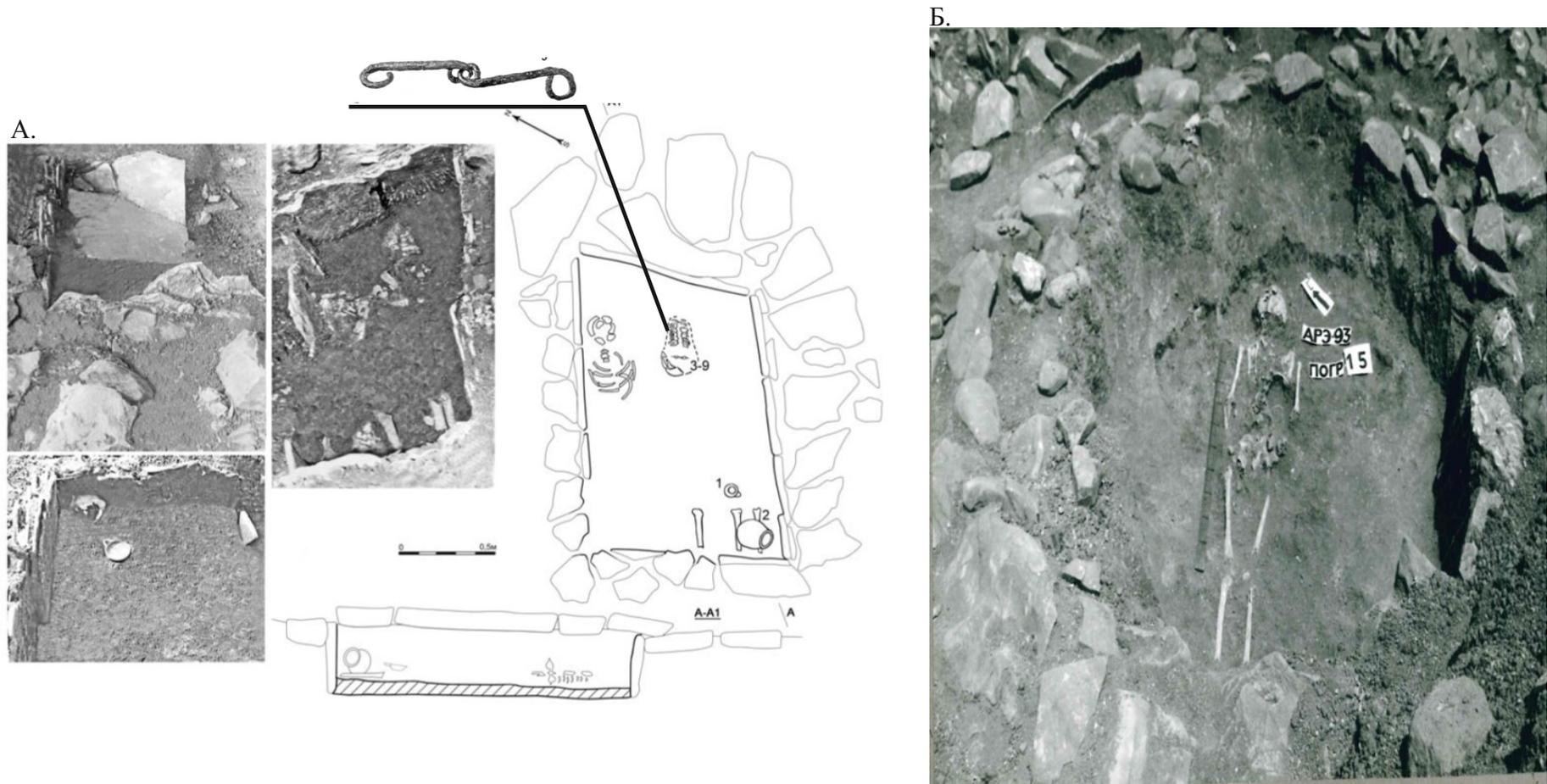
А. Использование в качестве погребальной конструкции ям с наброской из небольших необработанных камней;

Б. Наличие лепных сосудов в наборе керамики. Некрополь Волна 1. Погребение № 348 /2017

(по: Мимоход Р.А., Сударев Н.И., Успенский П.С., 2017. С. 222. С. 4. Рис. 26);

В. Вариативное положение погребенных в могиле;

Г. Захоронения лошадей, состоящих из черепов, передних конечностей и шкур (традиция погребения «чучела» коня).
Некрополь Артющенко 2. План и разрез погребения № 64/2009 (по: Кашаев С. В., Сударев Н.И., 2020. С. 90. Рис. 10).

Илл. 11. Аналогии погребальной традиции в могильниках аборигенного окружения Азиатского Боспора.

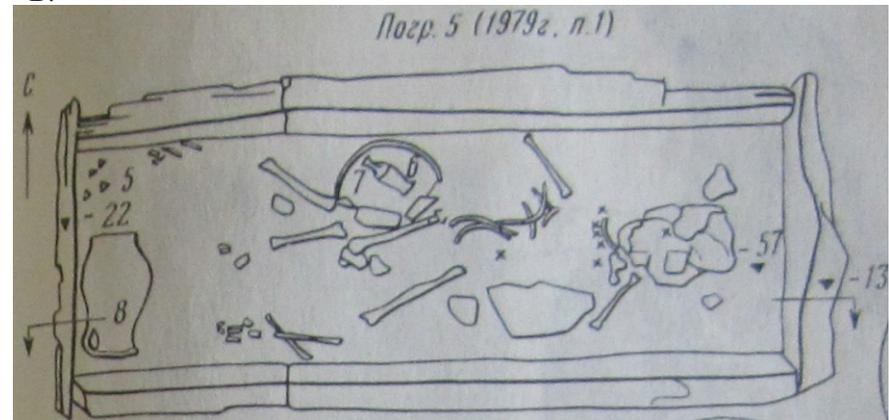
А. Практика захоронения чучел лошадей. Некрополь у хутора Рассвет. Погребение № 6
(по: Новичихин А.М., Малышев А.А., 2010. С. 26. Рис. 13,14);

Б. Использование каменных набросов / обкладок. Могильник ОПХ Анапа. Погребение № 15
(по: Зуйков В.А., 1992. Арх. Иа Р-1, № 17622. С. 11. Рис. 42).

А.

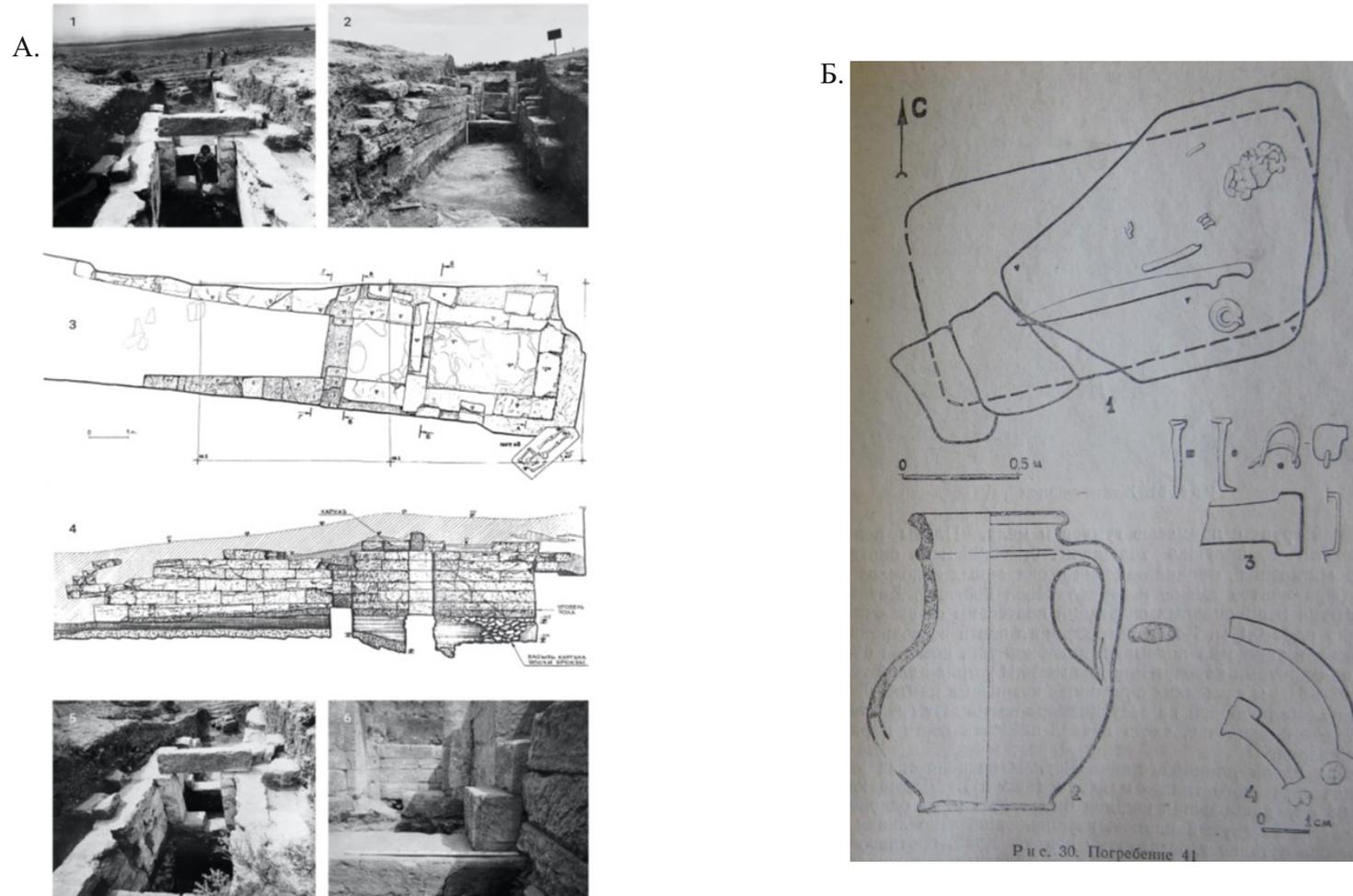
Б.

Илл. 12. Различия в погребальных практиках в некрополях Синдской Гавани и Горгиппии.

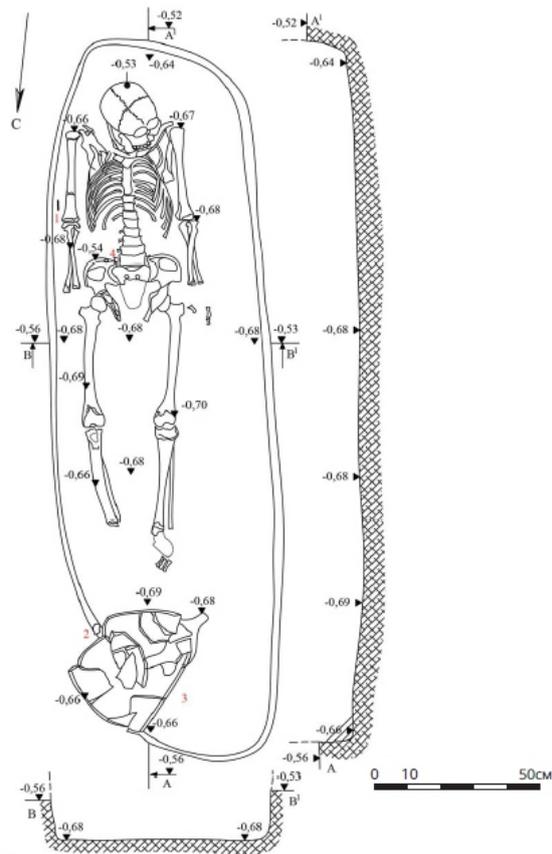
А. Некрополь Синдской Гавани. Погребальное сооружение в «каменном некрополе» в окрестностях современного г. Анапа
(по: Алексеева Е.М., 2023 С. 28. Рис. 3.1);

Б. Чертеж захоронения №5 обнаруженного 1979 г. на ул. Кубанской на территории современного г. Анапа
(по: Алексеева Е.М., 1991 С. 83. Табл.7).

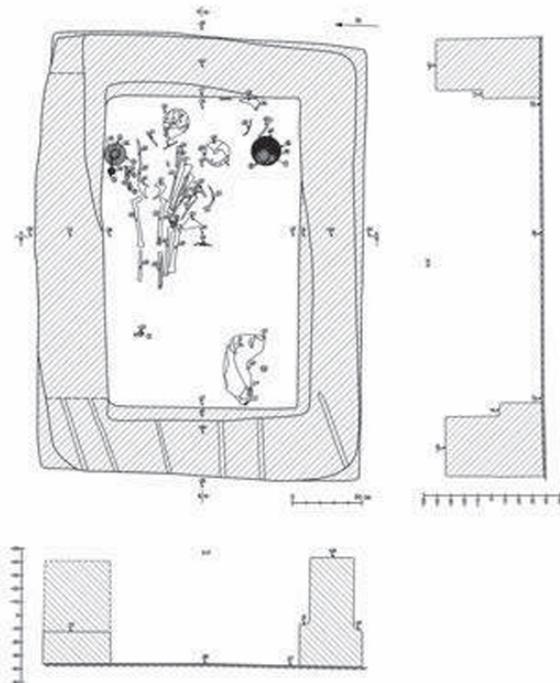

Илл. 13. Различия в погребальных практиках в некрополях Синдской Гавани и Горгиппии.

- А. Некрополь Горгиппии. Склеп Султановского кургана исследованного Анапской археологической экспедицией ИА АН СССР в 1981-1982 гг. (по: Евсюков С.В., 2022. С. 151. Табл. VI);
- Б. План погребения №41 (вторая половина IV в . до н.э.) обнаруженного 1979 г. на ул. Астраханской на территории современного г. Анапа (по: Алексеева Е.М., 1982. С.51. Рис. 30).

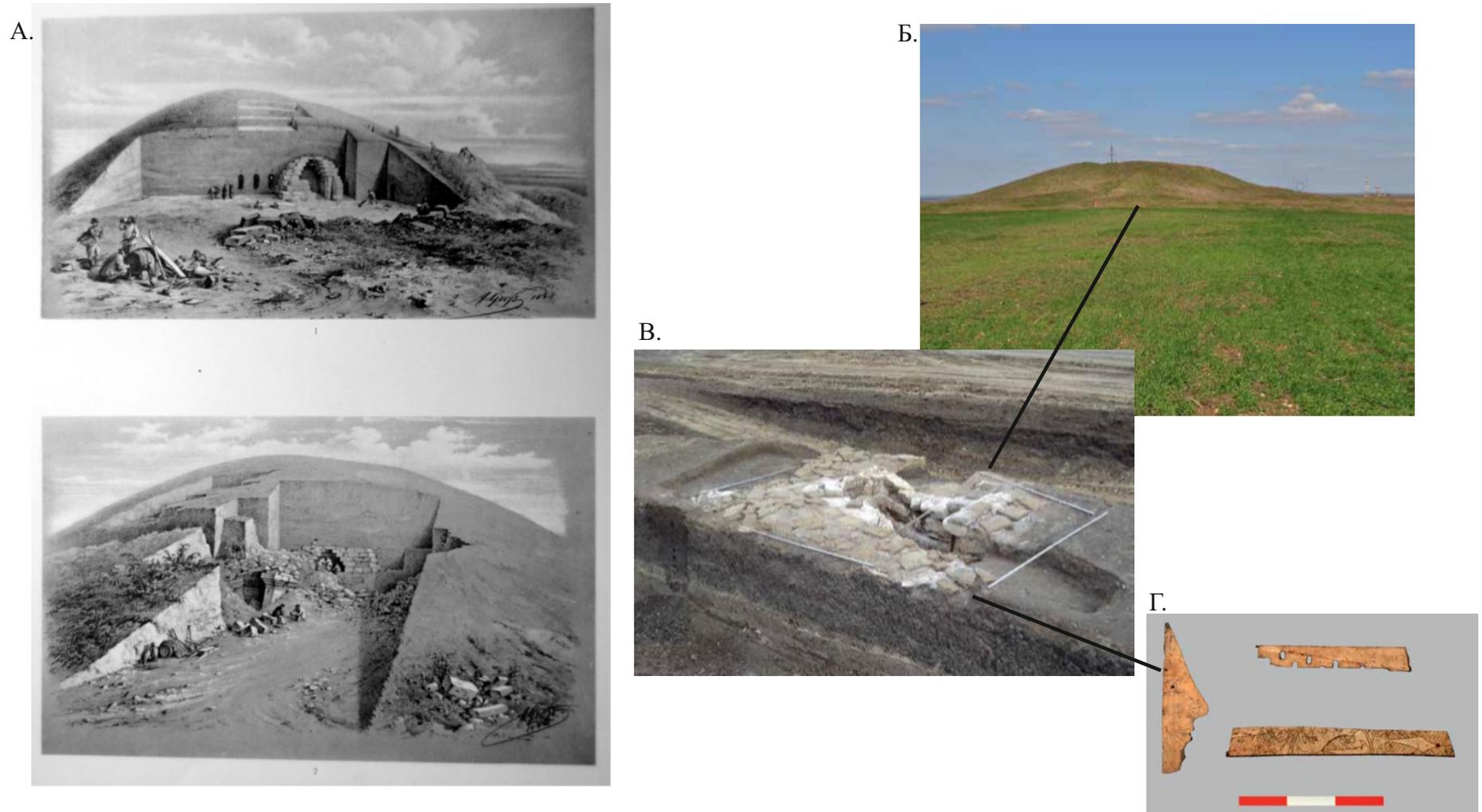
Илл. 14. Проявление социальных различий в погребальных практиках Азиатского Боспора во второй половине IV в. до н.э. Погребальные традиции рядового населения региона. Некрополь Волна 1. (по: Сударев Н.И., Цокур И.В., Шаров О.В., 2022. С.350. Илл. 426).

Илл. 15. Проявление социальных различий в погребальных практиках Азиатского Боспора во второй половине IV в. до н.э. Погребальные практики зажиточного населения. Некрополь Виноградный 7. Погребение в сырцовой гробнице №20 (2015) (по: Кашаев С.В., Сударев Н.И. 2020. С. 388).

Илл. 16. Проявление социальных различий в погребальных практиках Азиатского Боспора во второй половине IV в. до н.э. Погребальные традиции региональной элиты. Некрополь у м. Тузла. Рисунок Ф.Ф. Гроса 1886 г. (по: Кашаев С.В., 2013. С. 388. Рис 13).

Илл. 17. Проявление социальных различий в погребальных практиках Азиатского Боспора во второй половине IV в. до н.э.
Погребальные традиции государственной элиты. Некрополь Фанагории.

- А. Курган Большая Близница и расписной склеп открытый в 1864 г. Акварель Ф.И. Гросса (по: Ростовцев М.И., 1914. Табл.V);
 Б. Курган Боюр-гора 2011 г. (по: Кузнецов В.Д. и др., 2016. С. 285. Рис. 8);
 В. Погребение №1 из кургана Боюр-гора 2011 г. (по: Кузнецов В.Д. и др., 2016. С. 310. Рис. 34);
 Г. Элементы декора саркофага из погребения №1 из кургана Боюр-гора 2011 г. (по: Кузнецов В.Д. и др., 2016. С. 310. Рис. 34).